

ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ В КОНТЕКСТЕ КОНТАКТОВ КУЛЬТУР, НАРОДОВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ
В КОНТЕКСТЕ КОНТАКТОВ
КУЛЬТУР, НАРОДОВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

XI
АНФИМОВСКИЕ
ЧТЕНИЯ

XI

**АНФИМОВСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

2023

Краснодарский государственный
историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына
Научно-просветительский Центр палеоэтнологических исследований
Непубличное акционерное общество «Наследие Кубани»

XI АНФИМОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ В КОНТЕКСТЕ КОНТАКТОВ КУЛЬТУР, НАРОДОВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Анапа, 25–28 сент бр 2023 г.

УДК 902/904:903:94(470):572
ББК 63.3(237); 63.4
З30

Ответственный редактор
Б. А. Раев

Редколлеги
*А. Н. Абрамова, А. В. Жадаева, М. П. Курбанова,
Е. В. Осипова, Д. В. Пежемский*

Рецензенты

Д. Э. Василенко, главный специалист отдела археологии НАО «Наследие Кубани»;
Э. Р. Устаева, зав. отделом фондов Таманского музейного комплекса – филиала
Краснодарского государственного историко-археологического музе-заповедника
им. Е. Д. Фелицына

Западный Кавказ в контексте контактов культур, народов и цивилизаций:

З30 Материалы научно-практической конференции XI Анфимовские чтения, Анапа, 25–28 сент бр 2023 г. Сборник статей / Отв. ред. Б. А. Раев. – Краснодар – М.: Традиции ; Центр палеоэтнологических исследований, 2023. – 290 с. : илл.

ISBN 978-5-91883-526-5

Сборник статей содержит материалы конференции по археологии Западного Кавказа и сопредельных регионов, представленные на «XI Анфимовских чтениях», прошедших в Анапе 25–28 сент бр 2023 г. Структура издания полностью отражает состав секций форума, охватившего периоды от эпохи бронзы и раннего железного века до позднего средневековья и Нового времени. Опубликованы результаты прошедшего впервые Круглого стола «Translatio Imperii: христианские древности», а также данные по палеоантропологии и биоархеологии.

Издание адресовано археологам, историкам, музейным работникам, преподавателям и студентам вузов, краеведам и всем, кто интересуется археологией и древней историей Восточного и Северного Причерноморья, Прикубанья и Нижнего Дона.

УДК 902/904:903:94(470):572
ББК 63.3(237); 63.4

ISBN 978-5-91883-526-5

© ГБУК КК «КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына», 2023
© ЦПИ, 2023
© АНО «Наследие Кубани», 2023
© Авторы статей, 2023
© Издательство «Традиции», оформление, 2023

Александр Юрьевич Скаков
(28.11.1971 – 28.06.2023)

Последние три года стали нелегким испытанием для отечественной археологии. Друг за другом ушли из жизни выдающиеся ученые-кавказоведы, основатели целых направлений в науке – Р. М. Мунчаев, В. И. Козенкова, А. П. Мошинский. Нелегкая задача – быть достойными научными последователями светил археологии Кавказа – выпала на плечи следующего поколения археологов. Однако судьба диктует свои законы...

И вот 28 июня 2023 года на самом зените научной и полевой работы не стало Александра Юрьевича Скакова – нашего дорогого Саши, Шарла ...

Без всякого сомнения, благодаря своей феноменальной памяти и библиомании Саша был самым достойным наследником трудов ушедших ученых – живой историографией Кавказа. Он был самым достойным и замечательным из нас. Наша утрата невосполнима!

Сашина мама, Людмила Ивановна, вспоминает, что в школьные годы все деньги «на обеды» Саша тратил на книги. Все мы помним, что эту привычку он сохранил до конца жизни.

С самого начала своего научного археологического пути Александр посвятил себя древностям Кавказа. После блестящего окончания Московского университета он поступил в аспирантуру Института археологии РАН, где его научным руководителем стал легендарный археолог Владимир Иванович Марковин. Под его руководством в 1998 году Александр Юрьевич защитил кандидатскую диссертацию, посвященную типологии орнаментированных топоров кобано-колхидской культурно-исторической общности, и сразу же после этого был принят на работу в отдел бронзового века ИА РАН.

С этого времени ни один сборник, ни одно археологическое открытие, ни одна конференция, ни одно научное совещание – будь то на Северном или на Южном Кавказе: Крупновские или Анфимовские чтения, Кубанская или Абхазская конференции и многие другие – не обходились без участия Александра Юрьевича Скакова. Его уникальная мобильность, научная эрудиция и работоспособность вызывали пиетет и восхищение у всех друзей и коллег. Александр Юрьевич мог одновременно с успехом заниматься археологической, исторической, этнографической и политической проблематикой разных регионов Кавказа.

Но более всего внимание его привлекала Абхазия – Аpsны – Страна Души. Познакомившись с ней еще в юности, в 2002 году Александр Юрьевич полностью переместил сферу своих научных интересов в этот богатый археологическими памятниками регион, организовав здесь российско-абхазскую археологическую экспедицию, работа которой – по накатанному Александром Юрьевичем рельсам – продолжается и сейчас, после его ухода.

Уникальный научно-организаторский талант Александра Юрьевича позволил ему в разные годы возглавлять отдел в Институте стратегических исследований и состоять в директорате Института востоковедения РАН.

Страсть к систематизации гуманитарных знаний была главным увлечением Шарла. Александр Юрьевич оставил после себя огромное научное наследие – книги, статьи, интервью, неизданные рукописи... Всего более 300 работ. Осознать его вклад в науку *postquam* нам еще только предстоит...

Наконец, благодаря своему неисчерпаемому книголюбию Александр Юрьевич собрал огромную библиотеку, посвященную не только археологии и истории, но и искусству, литературе, архитектуре, этнографии, философии. Она еще послужит не одному своему пытливному исследователю!

За три дня до ухода был у Саши. Последними его словами для меня были: «Вероятно, в этом году в экспедицию не смогу поехать...». Дай Бог нам всем – друзьям, коллегам и ученикам Шарла – такого же оптимизма, жизнелюбия и самообладания, которые мог себе позволить выдающийся ученый и человек – Александр Юрьевич Скаков!

А. Клещенко

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1 Бронзовый век

<i>Глазов Константин Анатольевич, Кудин Михаил Иванович</i> Петроглифы на дольмене группы Капибге-1 дольменного макроансамбл Мизегух (предварительное сообщение).....	9
<i>Дмитриев Александр Васильевич</i> Дольмены, палеодольмены и «постдольменные памятники»	15
<i>Ильюков Леонид Сергеевич, Мячин Сергей Владимирович, Салистая Яна Алексеевна</i> Повозка бронзового века из могильника Горный I	22
<i>Пелих Алексей Леонидович, Кудин Михаил Иванович</i> Новые находки топоров-кельтов из района Большого Сочи	27
<i>Требелева Галина Викторовна, Кизилев Андрей Сергеевич,</i> <i>Цвинария Игорь Иванович, Хондзия Зураб Георгиевич,</i> <i>Глазов Константин Анатольевич, Юрков Владлен Глебович, Юрков Давид Глебович</i> Мегалитические памятники в Восточной Абхазии (данные разведок).....	33

Раздел 2. Ранний железный век

<i>Агаларзаде Анар Мирсамид оглы, Керимов Самир Керим оглы,</i> <i>Кириченко Дмитрий Александрович</i> Сармато-аланские следы в Атропатене (на основе материалов кувшинного погребения в Аминли).....	38
<i>Бабиец Андрей Ильич, Джигунова Фатима Кадырбечевна</i> Монета Максимиана II в собрании Национального музея республики Адыге	45
<i>Баранюк Андрей Владимирович, Голубев Лазарь Эрвандович,</i> <i>Дубовенко Светлана Владимировна, Новичихин Андрей Михайлович</i> Разведки на Фонталовском полуострове в 2022 году	49
<i>Берлизов Николай Евгеньевич</i> О статусе «всаднических» погребений из сарматских могильников Западного Кавказа	56
<i>Бодрова Мария Геннадьевна</i> О странном «канделе» из Усть-Лабинского кургана № 29	60
<i>Воронина Екатерина Дмитриевна</i> Кульст великой богини-матери в Горгиипии, как пример взаимного влияния варварской и древнегреческой культур.....	65
<i>Гараев Илья Александрович</i> К вопросу о типе луков у населения Таманского полуострова (по материалам «грунтового могильника «Волна-1»).....	71
<i>Дударев Сергей Леонидович, Гурова Евгения Александровна</i> Заготовки скифских наконечников стрел из музея АГПУ и района г. Армавира	79
<i>Евсюков Сергей Владимирович</i> К истории исследования некрополя Горгиипии: раскопки Ф.С. Байерна 1875 г.	84
<i>Иванов Алексей Владимирович, Ломовский Константин Николаевич</i> Грунтовой могильник «Чернолесский»	89
<i>Клемешова Марина Евгеньевна</i> О проблеме культурной атрибуции лепной керамики II–III вв. н.э. района Анапы – Новороссийска	98
<i>Коваленко Александр Николаевич</i> Ростовское городище на Нижнем Дону в свете новых археологических данных	103

<i>Котина Алла Викторовна, Топоривская Марина Анатольевна, Супренков Александр Анатольевич</i> Хтонический аспект бытования античного св тилища (по материалам усадьбы Хутор Воскресенский на ближней хоре Горгииппии).....	108
<i>Кропотов Виктор Валерьевич</i> Новые раннесарматские памятники в Степном Крыму	115
<i>Прокопенко Юрий Анатольевич, Рудницкий Роман Романович</i> Два топора без выделенного обуха из комплексов IV – первой половины V в. района Кавминвод	123
<i>Прохорова Татьяна Алексеевна</i> Культ великого женского божества и амазонки (по материалам Кобковского курганного могильника и некропол Кобкова городища).....	128
<i>Сударев Николай Игоревич, Иванов Алексей Владимирович</i> Некоторые итоги исследования юго-восточного некропол Фанагории.....	134
<i>Ткачев Алексей Николаевич</i> Палеоэтнологические исследования на Кубани в 20-е годы XX в.....	161
<i>Требелева Галина Викторовна, Кизилев Андрей Сергеевич, Юрков Владлен Глебович, Юрков Альберт Глебович</i> Римская гемма из раскопок Маркульского городища: методы исследования и вопросы интерпретации	168
<i>Эрлих Владимир Роальдович, Абрамова Александра Николаевна</i> Меотский могильник Дукмасов-2. Начало исследования	173
Раздел 3. Историческая археология	
<i>Абрамова Александра Николаевна, Дружинина Инга Александровна</i> Могильник Казазово 1 (материалы раскопок 1972 г.) первые результаты комплексного исследования	178
<i>Голубев Лазарь Эрвандович</i> Новые находки средневековых боевых ножей и кистен из Северо-Восточного Причерноморья	188
<i>Ларенок Вера Алексеевна</i> Курительные трубки из раскопок Нахичевани на Дону	191
<i>Туаллагов Алан Ахсарович</i> Зооморфная символика алан	201
<i>Шевченко Николай Фёдорович</i> Меотские древности и старый Екатеринодар. Материалы археологического исследования исторической территории.....	207
<i>Шишлов Александр Владимирович, Колпакова Алиса Вадимовна, Федоренко Наталья Валентиновна</i> Новые памятники с кремационными погребениями VIII–IX вв. в районе г. Новороссийска (Цемдолина – ул. Спортивная и Верхнебаканский – ул. Титан).....	213
<i>Шляхова Полина Михайловна</i> Программа реставрационных мероприятий для предметов, найденных в ходе проведения охранно-спасательных работ на археологическом комплексе «Каштаны 1»	224
Раздел 4. Биоархеология и палеоантропология	
<i>Березина Наталия Яковлевна, Абрамова Александра Николаевна</i> Манипуляция с головой человека в эпоху раннего железного века по материалам могильников Центрального Кавказа и Предкавказья	229

<i>Харламова Наталья Владимировна, Шведчикова Татьяна Юрьевна</i> Зубные патологии средневекового населения окраины Абхазского царства и тафономические наблюдения	234
<i>Шведчикова Татьяна Юрьевна, Абрамова Александра Николаевна, Свиркина Наталья Геннадиевна</i> Сравнительное палеодемографическое исследование античных сельских и городских некрополей Таманского полуострова	239
<i>Яворская Лилия Вячеславовна, Требелева Галина Викторовна</i> «Продовольственный склад» на Маркульском городище в Абхазии: первые результаты археозоологического исследования материалов из раскопок 2021–2022 гг.	245
Раздел 5. «Translatio imperii»: христианские древности	
<i>Василиненко Дмитрий Эдуардович, Греков Артем Алексеевич</i> Базилика средневизантийского времени на горе Большой Ахун (г-к. Сочи). Предварительное сообщение по результатам разведочных работ 2014, 2020 гг.	253
<i>Василиненко Дмитрий Эдуардович, Верещагин Владислав Викторович</i> Детали бронзовых церковных осветительных приборов средневизантийского времени из восточного Причерноморья	259
<i>Глазов Константин Анатольевич, Юрков Владлен Глебович, Аборнев Иван Владимирович</i> 3D реконструкции внешнего вида позднеантичных и средневековых храмов Северо-Западной Колхиды	265
<i>Кизилев Андрей Сергеевич</i> Купол храма у родника Крион Нерон – геометрические размеры по результатам математических расчётов	272
<i>Клемешова Марина Евгеньевна, Требелева Галина Викторовна, Кизилев Андрей Сергеевич, Глазов Константин Анатольевич, Юрков Глеб Юрьевич</i> Исследования формовочных масс глины средневековых памятников Восточной Абхазии	276
<i>Пьянков Алексей Васильевич</i> Бронзовые кресты из собрания Краснодарского музея-заповедника: первые поступления	284
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	288

Раздел 1 БРОНЗОВЫЙ ВЕК

УДК 903.6

ПЕТРОГЛИФЫ НА ДОЛЬМЕНЕ ГРУППЫ КАПИБГЕ-1 ДОЛЬМЕННОГО МАКРОАНСАМБЛЯ МИЗЕГУХ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)¹

© Глазов Константин Анатольевич

Федеральный исследовательский центр «Субтропический научный центр
Российской академии наук», г. Сочи, paradoxsochi@yandex.ru

© Кудин Михаил Иванович

Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований
им. Т. М. Керашева, г. Майкоп-Сочи, mixail-sochi@mail.ru

Аннотация. В статье публикуются обмеры и описание корытообразного ложнопортального дольмена группы Капибге-1 и приводятся предварительные результаты исследования уникального комплекса петроглифов, обнаруженных на его фасаде. Петроглифы выполнены низким рельефом с выборкой фона техникой пикетажа и представляют собой два сюжета, объединённых в одну композицию: сверху расположена сцена загонной охоты, включающая олениху с детёнышем и двух охотников с луками. Нижняя композиция состоит из сидящей в позе эмбриона антропоморфной фигуры и ещё одного персонажа, возможно, собаки. При этом обе фигуры помещены в некое низкое сооружение, вероятно, пещеру или дольмен. Исследование композиции было проведено с применением фотограмметрии, созданием 3D модели поверхности и её последующим изучением в искусственных источниках света.

Ключевые слова: дольмен, петроглифы, дольменный макроансамбль, хребет Мизегух, эпоха бронзы, антропоморфные изображения, фотограмметрия, 3D-модель.

Abstract. The article publishes measurements and a description of the trough-like false portal dolmen of the Kapibge-1 group and provides preliminary results of a study of a unique complex of petroglyphs found on its facade. The petroglyphs are made in low relief with background sampling by picketing technique and represent two plots combined into one composition: a hunting scene is located on top, including a doe with a cub and two hunters with bows. The lower composition consists of an anthropomorphic figure sitting in the fetal position and another character, possibly a dog. At the same time, both figures are placed in some low structure, perhaps a cave or a dolmen. The study of the composition was carried out using photogrammetry, the creation of a 3D model of the surface and its subsequent study in artificial light sources.

Keywords: dolmen, petroglyphs, dolmen macro-ensemble, Mizeguh ridge, Bronze Age, anthropomorphic images, photogrammetry, 3D model.

¹ Работа выполнена в рамках реализации государственного задания ФИЦ ШИЦ РАН № FGRW-2021-0014

Группа Капибге-1 входит в один из самых интересных дольменных макроянсамблей на территории Большого Сочи, расположенных вокруг хребта Мизегух в междуречье рек Макопсе и Аше. Макроянсамбль Мизегух включает в себя 8 дольменных групп и два одиночных дольмена – всего 34 памятника, что составляет 8,5% от общего числа дольменов, зафиксированных на территории Большого Сочи.

Работа по каталогизации памятников дольменного макроянсамбля Мизегух проводится нашим коллективом на протяжении последних трёх лет. В 2021–2022 гг. были опубликованы данные о дольменных группах «Волчьи ворота», «Джималта», «Мизегух-1», «Мизегух-2» и «Нежигутам», расположенных на южной и северо-западной части макроянсамбля [Глазов и др., 2021, с. 82–100, Глазов и др., 2022, с. 93–116], в этом году мы завершаем описание мегалитических памятников, попадающих в долину р. Аше. Памятники северо-восточной и восточной части макроянсамбля хребта Мизегух включают три дольменные группы «Капибге-1», «Капибге-2», «Халпо» и одиночный дольмен «Мизегух» на восточном плече хребта.

Из всех этих памятников на государственном учёте стоит лишь одна группа под номером № 3007 АР-Ф: «Дольменная группа (3 дольмена), Лазаревский район, аул Хаджико, 4 км юго-восточнее горы Капибге» [Козырев, 1986, с. 431; Каталог ИКН Сочи, 1997, с. 69], описанная В.И. Марковиным [Марковин, 1974, с. 10; 1978, с. 39; 1997, с. 342–345]. Данному памятнику 24 августа 2017 г. приказом Министерства Культуры РФ № 103222-р был присвоен новый регистрационный номер 231741054130006 [Сведения из ЕГР ОКН, 2017].

Дольменная группа Капибге-1 в реестр не вошла. В работе Н.В. Кондрова она числится под № 10 под названием «Капибге», объединяя памятники DS154, DK155 и DS250 групп Капибге-1 и Капибге-2 нашего каталога [Кондров, 2010, с. 23].

На внутреннем учёте в ФГБУ «Сочинский Национальный парк» группа числится под названием «Мизегух», и объединяет два дольмена из групп Капибге-1 и Капибге-2, но в другой вариации она включает дольмены DK155 и DK272 нашей нумерации. Группа включена в Перечень объектов историко-культурного наследия (далее – ИКН), не состоящих на государственном учёте, но расположенных в границах Сочинского Национального парка (далее – СНП) [Перечень № 2 объектов ИКН, 2018, с. 1].

Таким образом, дольмены рассматриваемой группы Капибге-1 до настоящего времени не были подробно описаны, не состоят на государственном учёте и имеют только охранный статус объектов ИКН, расположенных на территории СНП.

В июле 2023 г. при исследовании дольменной группы Капибге-1, включающей два памятника составного и корытообразного типа, при проведении фотограмметрической съёмки на фасаде ложнопортального корытообразного дольмена DK155 при боковом освещении в косых лучах фонарь были обнаружены хорошо сохранившиеся петроглифы, выполненные в технике низкого рельефа. Они заметны лишь при определённом угле падения лучей. Описанию этого памятника и нанесённых на него петроглифов посвящена данная статья.

Описываемый дольмен DK155 относится к полумонолитному корытообразному типу с ложным фасадом. Он находится на оползневом краю русла сухого ручья, вследствие чего покосился и частично сместился вниз по склону (прил., рис. 1; проекция фасада на чертеже выровнена согласно изначальному положению).

Дольмен практически целый, по применённой нами оценочной шкале он имеет сохранность 4,5 балла. Памятник стоит с большим креном, современная ориентация ложного фасада 101°; истинного входа 276° поперек основного уклона. Его прежняя ориентация сейчас не восстанавливается, но, вероятно, дольмен был направлен ложным фасадом

в восточную сторону горизонта, а истинным входом на запад. Крен дольмена сейчас составляет около 35° . Памтник длиной 270 см и шириной 340 см выполнен в скале.

Плоскость главного фасада имеет ширину сверху – 153 см, снизу – 180 см и высоту – 126 см. Глубина предпортальной площадки – 15 см, глубина северного бокового порталного выступа 16–18 см; южного порталного выступа 14–16 см. Портальные выступы закруглены сверху и снизу, края их хорошо обработаны. Ширина обоих порталных выступов – 10 см по всей высоте.

На расстоянии 68 см от верхнего края стены главного фасада находится фиктивная втулка диаметром 25 см, выступающая вперед на 5 см. В настоящее время она частично сбита, в первоначальном виде она могла выступать перед фасадной плоскостью до 8 см.

Наружная поверхность стены с входным отверстием находится под землей. Толщина её в верхней части составляет 28 см.

Камера дольмена заполнена землей практически полностью, вплоть до входного отверстия, юго-западный угол дна камеры обнажен. Камера имеет в плане скругленную к задней (входной) стене форму, а в передней части углы её более выражены, но также сильно скруглены. Ширина камеры снизу со стороны ложного фасада – 180 см, со стороны входа – 120 см, высота её в передней части составляет 140 см, в задней – 126 см. Длина камеры 200 см.

На расстоянии 50 см от верхнего обреза западной стены выбито входное отверстие, выступающее над землей до 7 см. Для полного измерения оно не доступно. Всю внутреннюю поверхность камеры обработаны точечными пунктирными ударами.

На дольмене покоится плита перекрытия. Осколок его скатился вниз по склону. Длина перекрытия по оси – 200 см, ширина – 220 см, толщина – 60 см. Несмотря на отсутствие на нижней поверх-

ности плиты фиксирующих пазов, она каким-то образом держится на дольмене при таком значительном крене.

В июле 2023 г. памтник доследовался с целью получения качественной фотограмметрической 3D модели как снаружи, так и изнутри камеры для изготовления чертежей, проекций и разрезов. На этом памтнике было впервые опробовано экспериментальное устройство, предназначенное для автоматической фотограмметрической съёмки камер дольменов и прочих полостей небольшого размера, снабжённое мощным фонарем. После проведения съёмки, с помощью этого фонаря в косых лучах при боковом освещении была осмотрена фасадная плоскость памтника с целью выявления особенностей обработки поверхности, которая выявила фрагмент композиции петроглифов в виде рельефных фигур оленя с детёнышем. В ходе дальнейшей расчистки поверхности фасада от мха открылась оставшаяся часть композиции (прил., рис. 2).

Петроглифы выполнены техникой низкого рельефа, когда на отшлифованной поверхности ложного фасада методом пикетажа снят общий фон на глубину 2–5 мм, а фигуры оставлены на первоначальной высоте. Из-за небольшой высоты рельефа и малой контрастности петроглифы практически не различимы при обычном освещении и читаются только при рисующем свете в косых лучах. С целью подробного исследования особенностей этого изображения нами была выполнена детальная фотограмметрическая съёмка поверхности в косых лучах, после чего получена 3D модель была импортирована в редактор 3DsMax, где эту поверхность удалось подсветить искусственными источниками света с разных сторон под очень малыми углами, что позволило получить теневую картину, выделившую исследуемый рельеф.

Композиция расположена на правой (если смотреть на дольмен) верхней части фасадной плоскости и занимает

площадь около 0,6 м². Она разделена на два сюжета: верхний представляет собой сцену загонной охоты, включающую оленюху с детёнышем (длина фигур – 26 см и 13 см, высота – 10 см и 7,5 см соответственно), развёрнутые к двум антропоморфным фигурам с луками высотой 26 см каждая. За фигурами оленей видна голова преследующей их собаки. Ниже ног оленей находится голова ещё одного антропоморфного персонажа. К сожалению, остальная часть фигуры уничтожена эрозией. Фигуры – как животных, так и людей, хорошо проработаны анатомически, – тела оленей имеют плавные характерные изгибы, на ногах выделены суставы, показаны мелкие детали в виде коротких хвостов и ушей. Фигуры людей также изображены реалистично, показана выпуклая грудь, прогиб поспины, читаются плечи и шея. Обе фигуры имеют утолщение на бедрах с выступом спереди, возможно, изображающие набедренную повязку, напоминающую подобные повязки на фигурках борцов с крюка из дольмена у ст. Царской, исследованного Н. И. Веселовским в 1898 г. [Трифонов и др., 2018, с. 28, рис. 2–3].

В. А. Трифонов определяет их как посылку для борьбы, однако на приводимых им фото, прорисовках и приводимых аналогах видно, что это не просто посылка, а именно набедренные повязки, прикрывающие половые органы и зону промежности [Трифонов и др., 2018, с. 35–36, рис. 5]. В руках охотники держат луки, тетивы их натянуты, но стрелы уложены на луки, люди готовы к стрельбе. Ноги фигур сохранились хуже, но также читаются. Композиция далека от схематичности и отличается реализмом.

Вторая часть композиции, расположенная ниже, сохранилась хуже, высота рельефа меньше, а первичная поверхность подверглась большей эрозии. Тем не менее, на ней читается сидящая в позе эмбриона антропоморфная фигура высотой 14,5 см. Человек подогнул ноги к себе, плечи лежат на коленях, спина

согнута, голова наклонена вперед. Изображение выполнено очень реалистично, с соблюдением анатомических пропорций. Перед человеком читается ещё одна фигура такого же размера, повернута к нему спиной, возможно, сидящей собаки. Фон вокруг фигур выбран пикетажем, но, примечательно, что, по крайней мере, с трёх сторон читаются границы пространства, обозначающие пол, стену и потолок некоего низкого сооружения высотой 21 см, возможно, пещеры или дольмена.

Предварительный осмотр остальной части фасада не выявил других изображений, но следует отметить, что эта часть сильно заросла мхом, поэтому, чтобы не повредить возможный рисунок, было решено перенести дальнейшее исследование поверхностей этого памятника на осенне-весенний период, вооружившись необходимым специальным инструментом для аккуратной очистки поверхности от мха.

Петроглифы выполнены в технике барельефа, характерного для памятников дольменной культуры [Кизилов, 2015, с. 59–65]. Это позволяет предположить, что они были нанесены на дольмен непосредственно его строителями.

Впервые фигуративные зоо- и антропоморфные петроглифы на дольменах Западного Кавказа были обнаружены в 2006 г. Западно-Кавказской экспедицией ИИМК РАН на блоках ограждения двора дольмена Джубга. На нижнем блоке, расположенном напротив входного отверстия, находится фриз с изображением шести расположенных в ряд фигур, иллюстрирующих некий древний мифологический сюжет. В центре фриза изображена антропоморфная фигура с согнутой в локте правой рукой, упирающейся в пол. Справа и слева вырезаны фигуры животных, развёрнутые головой от человека. Животные идентифицируются как олень, козлы (горные кавказские туры?) и собака. Вторая группа петроглифов, на другом блоке двора, изображает две зеркально-симметрич-

ные антропоморфные фигуры «близнецов». Ещё одна антропоморфна фигура изображена на другой стороне блока [Трифонов, 2014, с. 115–118, рис. 4].

Петроглифы выполнены в технике пикетажа. Интересно, что наиболее крупной, тщательно проработанной и, возможно, центральной фигурой фриза дольмена в Джубге является олень [Трифонов, 2014, с. 116]. В.И. Трифонов отмечал, что фигуры этих петроглифов, вероятно, являются астральными символами, отражающими древний космогонический сюжет [Трифонов, 2014, с. 124].

Изображение оленихи с оленёнком на дольмене группы Капибге-1 также расположено на центральной оси плоскости фасада и выше всех остальных фигур (прил., рис. 1). Расположение петроглифов в лиминальной зоне памятника говорит об их космогоническом характере. Можно предположить, что на дольмене изображена сцена космической охоты на копытных, мифологического мотива, который в той или иной форме был широко распространён с глубокой древности на всей территории Евразии [Березкин, Дувакин, мотивы: В42В, А19, В42].

В 2007 г. Северо-Кавказской экспедицией Института археологии РАН на одной из плит дольмена А группы Шизе-IV обнаружено изображение в виде «плывущих человечков», выполненных пикетажем [Гей, 2008, с. 296, рис. 2]. В передней части дольмена Грузинка XI

найден обломок плиты, покрытой выбитыми пикетажем лунками, между которыми проходит сделанная в той же технике извилистая (змеевидная) линия с утолщением, изображающим голову [Черкасов, 2009, с. 411].

В 2019 г. М.И. Кудин обнаружил на боковой поверхности валуна, напоминающего морду собаки (волка), рядом с корытообразным дольменом с ложным входом, орнаментированным парными полусферами, на р. Цусквадже, вырезанное схематичное изображение бегущего животного (собаки/волка?), с чашевидным солнечным знаком перед мордой [Кудин, 2022, с. 143, рис. 21, 1].

Обнаруженные нами петроглифы дополняют этот ряд изображений. Методика выявления особенностей обнаруженных петроглифов с применением фотограмметрии и последующей обработки в 3D пространстве с виртуальными источниками света показала, что применённые в последнее десятилетие новые методики бесконтактной фиксации, обусловленные развитием технической базы, техники фотографирования, а также расширением возможностей камеральной обработки отснятого материала, приобретают особую значимость при работе с плохо сохранившимися изображениями [Советова и др., 2017, с. 35] и открывают большие перспективы для выявления новых памятников дольменного изобразительного искусства.

Список литературы

Березкин Ю. Е. Дувакин Е. Н. Мотив В42В. Охота на копытное животное. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/114_22.htm.

Березкин Ю. Е. Дувакин Е. Н. Мотив А19. Гелиофоры. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/111-43.htm>.

Березкин Ю. Е. Дувакин Е. Н. Мотив В42. Космическая охота. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/114-52.htm>.

Гей А. Н. Исследования дольменных памятников Западного Кавказа в 2005–2007 гг. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Том I. М., 2008. С. 294–298.

Глазов К. А., Кудин М. И., Марков Д. Н. Дольменная группа «Волчьих ворот» в бассейне р. Неожиданна (р. Мыжъщгухъ) // ВАА. Майкоп, 2021. С. 82–99.

Глазов К. А., Кудин М. И., Марков Д. Н. Северо-западная часть дольменного макрокансамбля хребта Мизегух // ВАА. Майкоп, 2022. С. 93–116.

Каталог историко-культурного наследия Сочи. Краснодар: Управление культуры Администрации г. Сочи, 1997. 98 с.

Кизилов А. С. Барельефная орнаментация плит дольменов – древнейшее монументальное искусство Кавказа. Анализ локализации и технологий изготовления // Северный Кавказ: искусство в контексте времени. Материалы международной научной конференции. Майкоп, 9–11 окт бр 2015 г. Майкоп, 2015. С. 59–65.

Козырев Н. В. Каталог памятников истории и культуры Краснодарского края. Краснодар: Управление культуры Краснодарского крайисполкома; ККО ВООПИК, 1986. 688 с.

Кондряков Н. В. Тайны сочинских дольменов. (2-е изд.). Майкоп, 2010. 132 с.

Кудин М. И. Орнаментация дольменов. Основные мотивы и новые находки // ДК. Вып. 25. Краснодар, 2022. С. 129–171.

Марковин В. И. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1974. 54 с.

Лавров Л. И. Дольмены Северо-Западного Кавказа // Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулия. Т. XXXI. Сухуми, 1960. С. 101–178.

Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978. 328 с.

Марковин В. И. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М., 1997. 404 с.

Перечень №2 объектов культурного наследия, не состоящих на государственном учете №2. 05.03.2018. // Архив ФГБУ «Сочинский национальный парк». 4 с.

Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. 2017 // Официальный сайт Минкультуры России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/#%7B%22version%22:%225af388ab6504d5d86b1f2261%22,%22tab%22:%22build_table%22%7D. Дата доступа 11.07.2023 г.

Советова О. С., Аболонкова И. В., Солодейников А. К. Документирование наскальных изображений Тепсе: история и современность // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (1) // Труды САИПИ. Вып. XI. М., Кемерово, 2017. С. 35–48.

Трифонов В. А. Дольмен Джубга на Черноморском побережье Кавказа // Записки ИИМК РАН. №10. СПб., 2014. С. 104–131.

Трифонов В. А., Шишлина Н. И., Лобода А. Ю., Хвостиков В. А. Крюк с изображением кулачного поединка из дольмена майкопской культуры. Станица Царская, Северо-Западный Кавказ // КСИА. 2018. Вып. 251. С. 25–42.

Черкасов А. Н. Исследование мегалитических памятников Грузинка-ХІ и Шизе-VІ в долине р. Абин // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. Краснодар, 2009. С. 7–13

ДОЛЬМЕНЫ, ПАЛЕОДОЛЬМЕНЫ И «ПОСТДОЛЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ»

© *Дмитриев Александр Васильевич*
свободный исследователь, г. Новороссийск, al.misxako@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена выяснению первоначального вида дольменов Северо-Западного Кавказа при окончании их строительства, предназначению, времени строительства и начала использования в качестве погребальных сооружений. Традиционно дольмены считаются погребальными сооружениями. В древности они представляли собой башнеобразные сооружения, в которых находилась камера с отверстием. Учитывая малые размеры отверстий для помещения умершего в камеру, автор считает, что эти сооружения были не погребальными, а культовыми, и предназначались для хранения душ умерших и служили храмами богов или духов. Они строились в энеолите и были разрушены в результате землетрясений. Впоследствии их руины начали использовать для погребений. Выводы ставят под вопрос правомерность самого термина «дольменная культура».

Ключевые слова: Дольмен, палеодольмен, постдольменные памятники, погребальная функция.

Abstract. The article is devoted to clarifying the original appearance of the dolmens of the North-Western Caucasus at the end of their construction, purpose, time of construction and the beginning of use as burial structures. Traditionally, dolmens are considered funerary structures. In ancient times, it was a tower-like structure in which there was a chamber with an opening. Considering the small size of the holes for placing the deceased in the cell, the author believes that these were not funerary, but religious buildings intended to store the souls of the deceased and as temples of gods or spirits. They were built in the Eneolithic and were destroyed by earthquakes. Subsequently, their ruins were used for burials. The conclusions call into question the validity of the term “dolmen culture”.

Keywords: Dolmen, paleodolmen, post-dolmen monuments, funerary function.

Дольмены.

Хотя о дольменах издана масса работ, чёткого определения, что такое Кавказский дольмен найти невозможно. «Простейшим и первым вариантом дольменных памятников среди плиточных сооружений надо считать дольменовидные щики...» [Марковин, 1997, с. 8, 64].

Следует отметить, что в изучении дольменов Северо-Западного Кавказа исследователям «не повезло» с самого начала. Первые массовые раскопки предпринял Е. Д. Фелицын в 1893 г. Уп. Каменноостровского было раскопано 37 объектов, которые Е. Д. Фелицын счи-

тал дольменами [Фелицын, 1904, с. 39].

В целом виде не сохранилось ни одной камеры. Практически во всех камерах, засыпанных булыжниками и землёй, обнаружены разрозненные человеческие кости и предметы разных эпох.

Из 311 дольменов на г. Кислой, отмеченных В. И. Марковиным на плане, раскопками охвачена только 21 камера. Остальные 290 объектов представляли собой отдельные плиты и их обломки.

До последнего времени в России существовала практика расчистки только камеры и небольшого участка перед ней. Это не давало возможности представить

не только как выгл дел дольмен в период его первоначального строительства, но и дл чего он предназначалс .

Палеодольмены.

Чтобы говорить о назначении дольменов, нужно конкретно представить, что представл ли собой дольмены в древности. Более определённо об этом пишет В. А. Трифонов: «дольмен (погребальна камера), какого бы типа он не был, вл - етс только частью погребально-культурного пам тника, состо щего, как правило, из насыпи, полностью или частично покрывающей камеру, и двора перед её фасадом» [Трифонов, 2001, с. 31].

В. И. Марковин отмечал многочисленные насыпи и «кромлехи» вокруг камер, но полностью не раскопал ни одного объекта. Уже после «раскопок» В. И. Марковина на р. Жане В. А. Трифонов и Д. Э. Василенко на г. Нексис обнаружили остатки башнеобразных сооружений, которые окружали дольмены (рис. 1, 1–6).

На р. Озерейке у г. Новороссийска А. П. Кононенко и А. В. Дмитриев вывели 8 дольменов в башнеобразных конструкци х. Причём у некоторых верх башни сохранилс выше плиты перекрыти . Раскопки кургана Псынако М. К. Тешевым и В. И. Марковиным показали, что камеру дольмена окружало башнеобразное сооружение, сложенное из валунов (рис. 1, 7–10), которое В. И. Марковин ошибочно назвал «толом» [Марковин, 2011, с. 35].

Подобные конструкции называть насып м неправильно, так как насыпь – это «сооружение из насыпного и уплотнённого грунта», а здесь мы имеем специально уложенные в виде закруглённой стены валуны и плиты песчаника. Пространство между стеной и камерой обычно заполн лось камн ми. Эта конструкци автором данной статьи названа «башней» [Дмитриев, 2020, с. 41], а камера в башне – «палеодольменом».

Два хорошо сохранившихс палеодольмена обнаружил Б. В. Мелешко в Назаровой щели у с. Архипо-Осиповка

в 1996 г. Эти сооруже ни были разобраны с целью исследовани камер (рис. 1, 11–12). У с. Тешебс в 2002 г. Д. Э. Василенко также вы вил 4 подобных конструкции.

Можно считать установленным, что в древности, после окончани строительства, камеры всех дольменов не сто ли открытыми, а были заключены в башнеобразные конструкции параболической в плане формы с параболическим фасадом.

Выступами передних плит камер, специальными плитами, примыкающими к торцам передних плит, или каменной кладкой образовывалс портал перед плитой с отверстием. Остатки портала исследователи часто называют «двориком» или «дромосом».

«Постдольменные памятники».

Наличие каменной конструкции, покрывавшей кровельную плиту палеодольмена, полностью исключает захоронение в камере путём подн ти крышки, что допускали некоторые исследователи.

Учитыва конструкцию палеодольмена, можно допустить, что захоронение могло производиться только через отверстие в передней плите. Дл этого необходимо вы снить, возможность проникновени в камеру и «протаскивани » покойника через него.

Назначение дольменов не вызывало сомнени у исследователей. «В насто - щее врем археологи располагает достаточным количеством данных, чтобы не сомневаться в погребальном назначении дольменов Западного Кавказа» [Трифонов и др., 2012, с. 100].

В. А. Трифонов считал, что размер отверстия в передней плите равный 35–45 см, вполне достаточный, чтобы через него мог пролезть человек средней комплекции [Трифонов, 2001, с. 31]. Но у Г. Н. Сорохтина из 32 замеренных отверстий, 13 имели размеры от 29 до 33 см. Значит, 40% замеренных им отверстий имели недостаточный размер дл «проникновени ». В двух дольменных комплексах на р. Озерейке количе-

ство отверстий меньше 35 см составл ет 83%. В Сочи из 56 отверстий дольменов 43% имели размеры от 23 до 34 см [Дмитриев. 2022, с. 22].

В. И. Марковин также отмечает большое количество малых отверстий [Марковин, 1978, с. 81, 123–125, 126, 128]. На фотографии плиты из могильника Шушук видно, что у нее очень маленькое отверстие (рис. 1, 13). Большое количество отверстий малого диаметра доказывает, что далеко не во все дольмены можно было проникнуть через отверстие.

Именно ошибочное представление, что все отверстия в плитах имели размеры от 35 до 45 см, привело к заблуждению об истинных размерах отверстий [Трифонов. 2001, с. 31].

Л. И. Лавров писал, что «Покойники просовывались через отверстие в стенах, и другого назначени отверстия не имели». [Лавров. 1960, с. 104]. Антропометрические данные показывают, что у человеческого тела ширина бёдер у 50% мужчин и женщин в возрасте 45–54 года равна от 35,6–37,3 до 42,9–48,3 см. Ширина бёдер не позволит «протащить» умершего через основную группу отверстий.

Из учтённых Л. И. Лавровым 1139 дольменов только 29 имеют размер достаточный дл «протаскивани » тела умершего [Лавров, 1960, с. 166–171]. У В. И. Марковина эта цифра равна 50 [Марковин, с. 123–125].

Малые отверстия в передних плитах большинства дольменов (рис. 1. 13, 14), через которые невозможно произвести захоронение, и невозможность захоронени путём подъёма крышки камеры определённ говор т против погребальной функции дольменов.

Ранний материал из дольменов может только характеризовать врем перехода от культового назначени сооружений к вторичному использованию в качестве гробниц дл захоронений. К этому времени верхние части башен уже были утрачены, крепида частично разрушены, а в стенках и кровл х камер делались проломы дл использования их дл захоронений.

Исследу Шушукские дольмены у ст. Каменноостской, авторы статьи сделали вывод: «Таким образом, под термином «постдольменные пам тники» мы понимаем теперь всё разнообразие погребальных конструкций СБВ и ПБВ в предгорь х Северо-Западного Кавказа с начала вторичного использовани дольменов и их фрагментов, т. е. пам тники, которые оставили не строители дольменов» [Эрлих и др., 2022, с. 8.]. Авторами доказано, что с XXVIII–XXIV вв. до н. э. до 2-й пол. II тыс. до н. э. дольмены уже не строились, а использовались только плиты разрушенных палеодольменов или остатки их камер.

В дольменном могильнике Шушук камеры из плит разрушенных палеодольменов (рис. 2, 1) погружались в карстовые воронки, откосы и засыпались булыжником. Захоронени производились выше отверстия путём подъёма крышки. Этот «постдольменный горизонт» датируетс XIX–XVII вв. до н. э. [Резепкин, 2019, с. 125].

«Постдольменность» на раннем этапе сооружени каменных гробниц подтверждают и исследовани «дольмена» Шепси, датируемого XXXIV–XXXI вв. до н. э. В. А. Трифонов приводит фотографию передней стенки гробницы, сделанной из обломка обычной трапецевидной плиты разрушенного дольмена (рис. 2, 1, 2.) [Trifonov, 2022, p. 848, fig. 10 d].

Самыми древними считаюте мегалитические камеры могильника Клады, которые В. И. Марковин считал дольменами [Марковин, 1997, с. 231]. А. Д. Резепкин, исследовавший большую часть захоронений могильника Клады, считал часть погребальных камер гробницами, а другую часть дольменами [Резепкин, 2012, с. 29, 47–49].

Несмотр на различные конструкции и размеры все погребальные каменные сооружени могильника Клады вл ютс впускными погребени ми в уже существовавшие курганы. Следовательно, мегалитические сооружени не были

первичными в этом могильнике. Для их строительства в поле кургана на уровне дневной поверхности делалась «глухая» траншея.

Уже готовые плиты стен камеры от разрушенных дольменов доставлялись на место установки. На первом этапе собирались только стены камер. В двух курганах стены устанавливались на плиты пола из деталей разрушенных дольменов. К камерам пристраивались плиты разрушенных дольменов с пазами, в которые ничего не вставлялось (рис. 2, 4, 5). Такие пристройки А. Д. Резепкин описывал как вторые камеры, а В. А. Трифонов называл «прихожей» или «внутренним двориком».

В других случаях выкапывались ямы, куда узкой стороной (повёрнуто на 90°) устанавливались передние и задние плиты разрушенных дольменов. К ним прислонялись боковые плиты камер (рис. 2, 6–8). После монтажа для укрепления стен камер они с боков и сзади засыпались камнями и булыжником иногда до самого верха.

Плиты пристроек снаружи также засыпались камнем. В камерах и пристройках отсыпался толстый слой гравия. В камере без кровли размещали труп (или несколько) и раскладывались вещи покойного. Пристройка полностью до верха передней плиты камеры засыпалась камнями и булыжником. [Резепкин, 2012, с. 221, рис. 92]. После установки крыши траншея засыпалась ранее вынутым грунтом.

Применение при строительстве мегалитических сооружений могильника Клады деталей разрушенных камер «палеодольменов», их некачественная сборка без фундаментных плит (за редким исключением), применение плит от разных исходных типов камер, установка стен пристроек с неиспользуемыми пазами, мощение полов обломками дольменных плит с пазами говорят не о первых неумелых попытках мегалитостроения, а о массовом «постдольменном» применении для строительства гробниц деталей разрушенных «палеодольменов».

Ещё до начала миграции нового населения в начале IV тыс. до н.э. множество дольменных сооружений («палеодольменов») уже стоило в руинах [Дмитриев, 2020, с. 51, 62]. Об этом говорят многочисленные руины, зафиксированные В. И. Марковиным на р. Кизинке (рис. 2, 9–12).

Гробница 5 кургана 31 датируется XXXVII–XXXIV вв. до н.э. Это самый ранний постдольменный памятник. Данных о более раннем применении конструкций палеодольменов мы не имеем.

Говорить о «дольменном» обряде погребения от середины IV тыс. до н.э. до средневековья нет оснований. Культура, использовавшая дольмены, построенные другим народом в других целях в более древние времена, называть «дольменной» неправильно. Так что «дольменная культура» в современном понятии не существовала. Это заставляет снова ставить вопросы о культурной принадлежности этих памятников и хронологических рамках «дольменостроительства» [Эрлих и др., 2022, с. 18].

В дольменах не хоронили, но для чего их строили, к тому же в таком количестве?

Во времена строительства мегалитов уже формируются представления о душе, существующей отдельно от тела. Вполне возможно, что именно обычные «массовые» палеодольмены являлись семейными хранилищами душ. «Элитарные» «палеодольмены» могли служить храмами. В них могли обитать духи или души богов, светил, стихий и т.д. Следует признаться, что это предположение не новое. Ещё на рубеже XIX–XX вв. в науке не было твёрдого убеждения, что дольмены однозначно являются гробницами: «Многие дольмены имеют в одной из стен круглое отверстие; Лёббок думает, что оно служило для подавания пищи умершим, другие же, ближе к истине, объясняют это отверстие как проход, через который души умерших могли входить и выходить» [Большая энциклопедия, 1902, с. 630].

Серьёзным является вопрос о времени строительства палеодольменов. Если «постдольменное» использование камер из деталей палеодольменов началось в середине IV тыс. до н. э., то строительство самих «палеодольменов» должно было начаться в энеолите.

Хот ни одна из имеющихся абсолютных дат не может уточнить время строительства дольменов в башнях, попробуем использовать косвенные материалы.

Следует отметить, что в районе Анапы – Новороссийска – Геленджика в местах обнаружения дольменов отмечены неоднократные находки тессел из зеленовато-серого змеевика, который встречается в районах Северо-Западного Кавказа. Эти тесселы называют с энеолитом.

Угасание строительства палеодольменов и возможна смена культур связаны с глобальной тектонической катастрофой в регионе. Деформации камеры дольмена Гузерибль по заключению доктора геолого-минералогических наук, зав. лабораторией № 304 Палеосейсмо-

логии и палеогеодинамики ИФЗ РАН А.М. Корженкова вполне могут быть вызваны очень сильным землетрясением [Дмитриев, 2020, с. 61, 62].

Цивилизация, связанная с культом дольменов, пришла в упадок. Новое население стало приспосабливать руины некогда культовых дольменов для захоронений. Начался тот этап, который сейчас изучают археологи, связывающий строительство дольменов и называя это «дольменной культурой». Привести хотя бы единственный более ранний, чем в Кладах пример захоронения в палеодольмене пока невозможно.

Из этого следуют основные выводы: изначально дольмены строились не в эпоху бронзы, а в энеолите, и не для захоронений умерших, а как культовые сооружения (места ухода душ умерших, духов), и были заключены в каменные башнеобразные конструкции – палеодольмены. Погребальная функция дольменов является заблуждением, а «дольменная культура» в её современном понятии вообще не существовала.

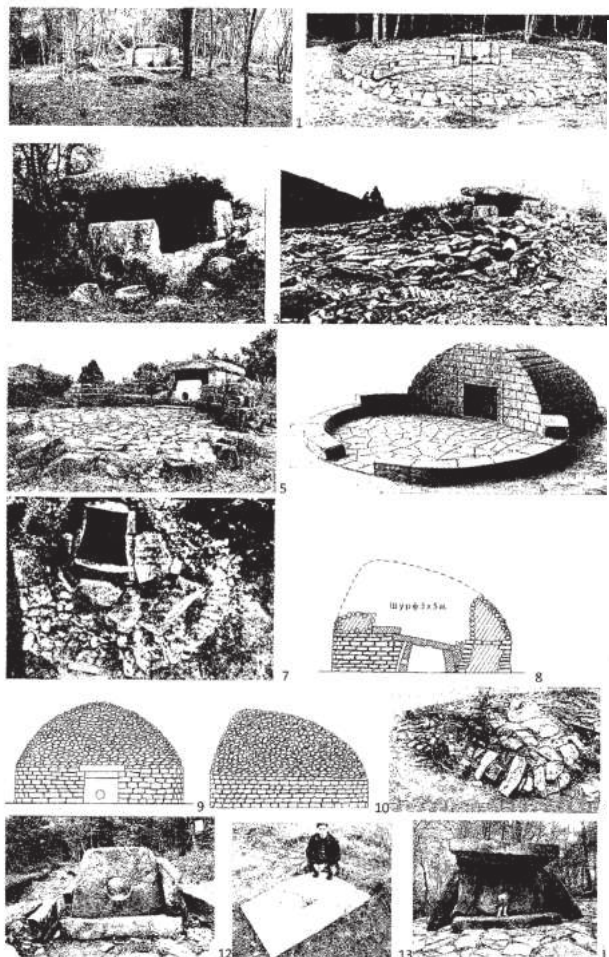

Рис. 1.

Дольмен 2 на р. Жане. 1 – вид после раскопок В.И. Марковина; 2 – реконструкции В.А. Трифонова. Раскопки Д.Э. Василенко. Дольмен на г. Нексис; 3 – вид после раскопок В.И. Марковина; 4 – развал фасада палеодольмена (после раскопок Д.Э. Василенко); 5 – частичная реконструкция; 6 – макет реконструкции по А.В. Дмитриеву. Дольмен Псынак; 7 – фото раскопок М.К. Тешева и В.И. Марковина; 8–10 план, разрез и фасады «палеодольмена», Реконструкция А.В. Дмитриева; 11 – Палеодольмен в Назаровой щели; 12 – Всё, что от него осталось после раскопок Б.В. Мелешко. Отверсти в плитах малого диаметра; 13 – дольмен в Сафари Парке Геленджика, диам. 33 см; 14 – плита из Шушукского дольменного могильника (фото Б.В. Селедцова)

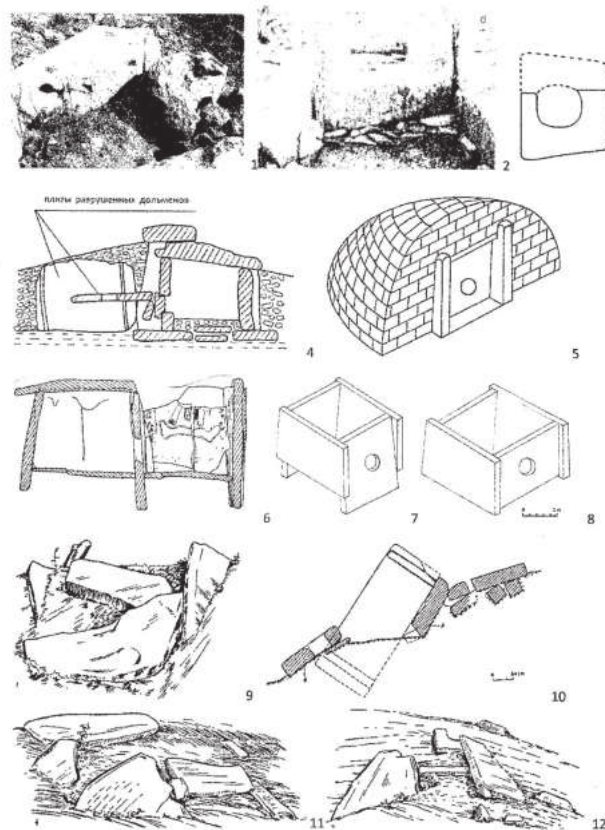

Рис. 2.

1 – гробница (дольмен) Шепси, вид спереди (фото В. Трифонова); 2 – реконструкции передней плиты разрушенного дольмена; 3 – установленной справа от отверстия (фото В. Селедцова); 4 – курган 39. Продольный разрез (по: Резепкин, 2012. Рис. 92,5 и 93,6); 5 – реконструкции «палеодольмена» (по А. Дмитриеву); 6 – курган 40. Разрез камеры (по: Резепкин, 2012 рис. 52, 1, 2); 7, 8 – схемы сборки камеры из плит «палеодольмена» и исходного «палеодольмена»; Тектонические разрушены «палеодольменов» на р. Кизинка (по В.И. Марковину); 9 – дольмен 63; 10 – дольмен 226; 11 – дольмен 492; 12 – дольмен 495

Список литературы

- Больша энциклопеди . Под редакцией С. Н. Южакова. Т. 8. СПб., 1902.
- Дмитриев А. В.* Архитектура дольменов Западного Кавказа. (Размышлени на тему) // МИАСК. Вып. 18. Армавир; Краснодар, 2020. С. 30–83.
- Дмитриев А. В.* Дольмены. Заблуждени исследователей и выход из тупика. (Логический анализ выводов). МИАСК. Вып. 20. Армавир; Карачаевск, 2022. С. 6–35.
- Корневский С. Н., Резепкин А. Д.* Радиокарбонна хронологи пам тников круга Майкопского кургана и Новосвободненских гробниц // ПИФК. 2008. Вып. XXII. С. 109–127.
- Лавров Л. И.* Дольмены Северо-Западного Кавказа // Труды Абхазского института языка, литературы и истории. Вып. XXXI. Сухуми, 1960. С. 101–177.
- Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа. М., 1978. 328 с.
- Марковин В. И.* Дольменные пам тники Прикубань и Причерноморь . М., 1997. 402 с.
- Марковин В. И.* Курган Псынако пам тник дольменной культуры Кавказа. Нальчик. 2011. 84 с.
- Резепкин А. Д.* Новосвободненска культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб., 2012. 343 с.
- Трифонов В. А.* Что мы знаем о дольменах Западного Кавказа и чему учит истори их изучени ? // Дольмены свидетели древних цивилизаций. Краснодар, 2001 С. 20–55.
- Фелицын Е. Д.* Западно-Кавказские дольмены // МАК. Вып. IX. М., 1904. С. 1–86.
- Эрлих В. Р., Клещенко А. А., Гак Е. И., Годизов Г. Л.* Археологический комплекс Шушук – эталонный постдольменный пам тник предгорий Северо-Западного Кавказа эпохи средней – поздней бронзы. // РА. 2022. №1. С. 7–23.
- Trifonov V.* The Bronze Age megaliths in the Caucasus: development trajectory of the architecture and the funeral practice // Megaliths of the World. Vol. I. Oxford, 2022 Pp. 837–852.

ПОВОЗКА БРОНЗОВОГО ВЕКА ИЗ МОГИЛЬНИКА ГОРНЫЙ I

Ильюков Леонид Сергеевич

Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, ilyukov@mail.ru

Мячин Сергей Владимирович

Салистая Яна Алексеевна

ООО НИА «Севкавказархеология», г. Ставрополь

Аннотация. В могильнике Горный I в бассейне р. Егорлык в Петровском р-не Ставропольского кра открыто погребение в ме с вогнутыми стенками. На дне вы влен пр моугольный кузов повозки, в котором был погребен взрослый человек в скорченном положении на правом боку, головой ориентированный на ЮЗ. Его сопровождал небогатый инвентарь. Погребение относится к манычской археологической культуре второй половины III тыс. до н.э. Могильна ма с «приталенными» стенками и скругленными углами вл лась символической повозкой, предназначенной дл погребального обр да. Их часто сооружали на позднем этапе катакомбной культуры. В эти могилы иногда помещали насто щую повозку на колесах, в раме кузова которой находились останки возничего с погребальным инвентарем. Иногда дерев нное транспортное средство упрощалось до настила или рамы повозки. Погребени в рамках по вл ютс в посткатакомбное врем .

Ключевые слова: бронзовый век, погребение манычского типа, ма с вогнутыми стенками, повозка.

Abstract. In the burial ground Gorny I in the basin of the river. Egorlyk in the Petrovsky district of the Stavropol Territory, a burial in a pit with fitted walls was discovered. At the bottom of a rectangular body, an adult was buried in a crouched form on the right side, with the head oriented to the SW. He was accompanied by a poor inventory. The burial belongs to the Manych culture of the second half of the 3rd millennium BC. The grave pit with fitted walls and rounded corners was a symbolic wagon intended for the funeral rite. They were often built at a late stage of the Catacomb culture. In these graves, a real cart on wheels was sometimes placed, in the body frame of which were the remains of a charioteer with grave goods. Sometimes a wooden vehicle was simplified to a deck or wagon frame. Framed burials appear in postcatacomb times.

Keywords: Bronze Age, burial of the Manych type, pit with concave walls, wagon.

В степ х Предкавказь колесный транспорт бронзового века был широко распространен. В эпоху средней бронзы наряду с символическими ритуальными повозками, которые сооружались в виде широких могильных м с вогнутыми стенками, известны насто щие дерев нные повозки, которые в частично разобранном виде помещали на дно входной мы.

Курганный могильник Горный I расположен на возвышенности близ пос. Горный в Петровском р-не Ставрополь-

ского кра . Высота кургана около 2,8 м, диаметр около 52 м. В восточную полу кургана, возведенного в раннем бронзовом веке и перекрытого двумя насып - ми в северокавказское и катакомбное врем , было впущено погребение эпохи средней бронзы, получившее № 9.

Широка подпр моугольна ма длинной осью ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Ее продольные стенки слегка вогнутые, углы скруглены. Стенки прослежены на глубину 1,17 м. Они сужались

ко дну. Размер мы по верху 2,7×2,51 м, по дну 2,55×2,08 м. В ее заполнении оказались плашки перекрыти шириной 10 см. В му был опущен пр моугольный каркас повозки, установленный на колеса, надетые на концы двух осей. Кибитка повозки была сн та и отсутствовала в могиле. Дно каркаса на 0,25 м было выше дна могилы. Он был сделан из двух пар толстых досок, соединенных «в лапу». Концы продольных досок выступали наружу на 5–13 см, а поперечные доски на концах имели выступы – оси, круглые в сечении, диаметром 4,5 см. На одной из осей, в 4 см от ее конца, прослежена выемка дл фиксации колеса на оси. Рама с невысокими бортами была перекрыта настилом из поперечных досок шириной 10 см. На оси надевались массивные колеса с двухсторонними ступицами. Все колеса сделаны одинаково. Они выполнены из трех досок, соединенных между собой двум парами штифтов диаметром 2 см, вставленных в глухие отверстия. Средн доска в центральной части с двух сторон слегка утолщена. Край этого утолщени очерчен уступом. К нему прикреплены или вырезаны в доске две массивные ступицы усеченно-конической формы. Внутренн ступица меньше внешней, высота внешней ступицы 11 см, диаметр 20 см, высота внутренней ступицы 8 см. Диаметр колеса около 67 см.

В повозке, вдоль ее северо-западного борта, лежал скелет взрослого человека, похороненного скорченно на правом боку, головой на ЮЗ. По-видимому, руки его лежали вдоль туловища. Ноги поджаты, п тки у таза. Угол скорченности, образованный линией туловища и бедрами, – 40° (рис. 1). Около костей грудной клетки и берцовых костей отмечен светло-коричневый тлен. Около коленей – п тно красной краски диаметром около 3 см.

Около коленей также находилась курильница на четырехлепестковой ножке с полусферической чашей, котора име-

ла внутреннее полуовальное отделение. Торец усть чаши и ее отделени украшены р дами угольковых вдавлений штампа. Чаша снаружи покрыта асимметричным узором из оттисков сдвоенной веревочки и угольковых вдавлений штампа. От усть на стенки ниспадали четыре крупные веревочные фигуры в виде углов, вписанных друг в друга. Вершинами эти фигуры ориентированы к основанию ножки. Между ними расположены широкие ленты вытнутых полуovalов, а в одном месте между двум крупными веревочными углами помещена пр моугольна вставка, разделенна вертикальной веревочной линией, к которой с двух сторон примыкают два веревочных зигзага с перемычками из угольковых вдавлений, нанесенных лопаточкой. Основание подошвы курильницы оконтурено по скому угольковых вдавлений, а в центре ножки и каждого лепестка расположена глубока округла вм тина, нанесенна спиралевидным штампом. Высота курильницы 7,7 см, диаметр усть 16,3 см. Курильница сто ла на ребре с разворотом к колен м. Она прикрывала древесные угли, отмеченные возле коленей, и бронзовый нож, лезвие которого находилось между коленей. В верхней части клинок имеет боковые выемки с не заточенными кра ми, черенок не сохранилс. Аналогичный целый бронзовый нож найден в погребении возничего в могильнике Улан IV [Шишлина и др., 2014, рис. 2, 3].

В изголовье, около погребенного из могильника Горный I, лежал каменный пест-молот из темно-серого песчаника. Один конец орудия имеет подквадратную форму, его рабоча поверхность сработана, грани сколоты, противоположный конец скруглен. По-видимому, к вогнутой стороне этого орудия примыкала коленчатая руко ть. Его высота 15,7 см. Около коленей была поставлена больша кружка с цилиндрическим горлом, на котором расположена квадратна в сечении петлевидна ручка, обрамленна

с боков двумя р-дами вдавлений. Полуокруглый выступ, украшенный по скому насечек, отдел ет горло от нижней части тулова. Высота кружки 13,3 см, диаметр усть – 11,9 см.

Погребальный инвентарь этого комплекса находит многочисленные аналогии в древности маньчжурской археологической культуры. Широкая могильница имеет нестандартную форму. У нее «приталенные» стенки, углы полукруглые. Такая форма погребальной конструкции вл ась символической повозкой. Аргументацию реконструкций подобных сооружений приводит М. В. Андреева, по мнению которой, роль повозки была больше, чем это нашло отражение в погребальном обр де [Андреева, 2014]. Стенки кузова реальной повозки были пр-мыми, а не вогнутыми как в могильных сооружениях. В степях Азово-Каспийского междуморья открыто более полусотни позднекатакомбных могил с приталенными стенками и фигурными выемками в углах и на дне м [Перцева, 2018, рис. 1–3]. Эта традиция св-зывается с племенами маньчжурской культуры. Ее следы известны в Восточном Казахстане (чемурчекские курганы Коба 1, 2) и в Восточном Тянь-Шане (культура Сэньсай) [Ковалев, 2018, с. 26, рис. 1, с. 31].

В погребениях восточноманьчжурской и западноманьчжурской катакомбных культур открыто более 50-ти деревянных повозок и их частей [Шишлина и др., 2014, с. 163].

В позднекатакомбное время в степях Предкавказья по-прежнему погребения, в которых вместо настоящих повозок на дне широкой могилы возводили на небольшом возвышении пр-моугольный помост дл умершего и его погребального инвентаря [Ильюков и др., 2019, с. 289]. В Луковском I могильнике, в кургане 4, в широкой яме с подтесанными и скругленными углами на помосте на высоте 1,7 м от дна могилы находилс скорченный скелет человека. Ниже его на 0,3 м обнаружены кости овцы и гненка, а на дне ямы под этими находками сто-ла

орнаментированная курильница на четырехлепестковой ножке с кармашком. Курильница была с золой. По-видимому, помост имитировал платформу погребальной повозки. Фигурное оформление углов широкой ямы подквадратной формы и расположение погребенного выше уровня дна свидетельствует о «присутствии» в могиле погребальной символической повозки, предназначенной дл путешествия в иной мир [Калмыков, 2016, с. 28, 29]. В могильнике Цаган Усн VIII, в кургане 1, в квадратной могиле, стенки которой были задрапированы циновкой, укрепленной прутьями вдоль стен, ниже заплечиков, перекрытых накатником, в дне могилы было вырублено пр-моугольное возвышение высотой 0,3 м, опосанное тростником, прижатым к стенкам возвышения деревянными стойками. На самом возвышении лежал слой из досок и находилс скелет человека с погребальным инвентарем. По-видимому, на глиняном возвышении находились остатки рамы повозки и человека, похороненного в ней [Шишлина, 1991, с. 121–127].

В могильнике Горный I в широкой могильной яме с «приталенными» стенками на дне сто-ла четырехколесная повозка, в которой находились останки погребенного. Кузов повозки был выполнен из четырех досок, соединенных «в лапу». Сто-вший на колесах кузов, возвышалс над дном могилы. На уровне возвышения находилс настил из досок от дна повозки. Дно было ограничено невысокими бортами, которые после расчистки выгл-дели как невысокая рама, покрыта досками.

Очевидно, погребения, совершенные в невысоких деревянных рамах, вл-лись захоронениями в символических погребальных повозках. Они по-прежнему св-зались с эпохой ранней бронзы. Одно из них недавно было обнаружено в Новосредненском I могильнике на Северном Кавказе. Человеческий скелет находилс в невысоком щике, а на его перекры-

тии лежала пара черепов крупного рога- того скота с бронзовыми носовыми коль- цами. В этом погребении наблюдаетс символическое использование колесного транспорта – упр жки из пары быков [Ден ева и др., 2021, с. 406]. В между- речье Дона и Сала в могильнике Дон- ском в одном из позднекатакомбных погребений на дне входной мы сто ла дерев нна рама от повозки, а в самой

катакомбе находилс скелет умерше- го [Ильюков, 2019]. На стыке средней и поздней бронзы, в период распростра- нени бабинской культуры в степ х Восточной Европы также использовали символический колесный транспорт дл совершени погребального обр да. Р - дом с погребенным иногда лежат уздеч- ные принадлежности, а умерший помеще- н в щик.

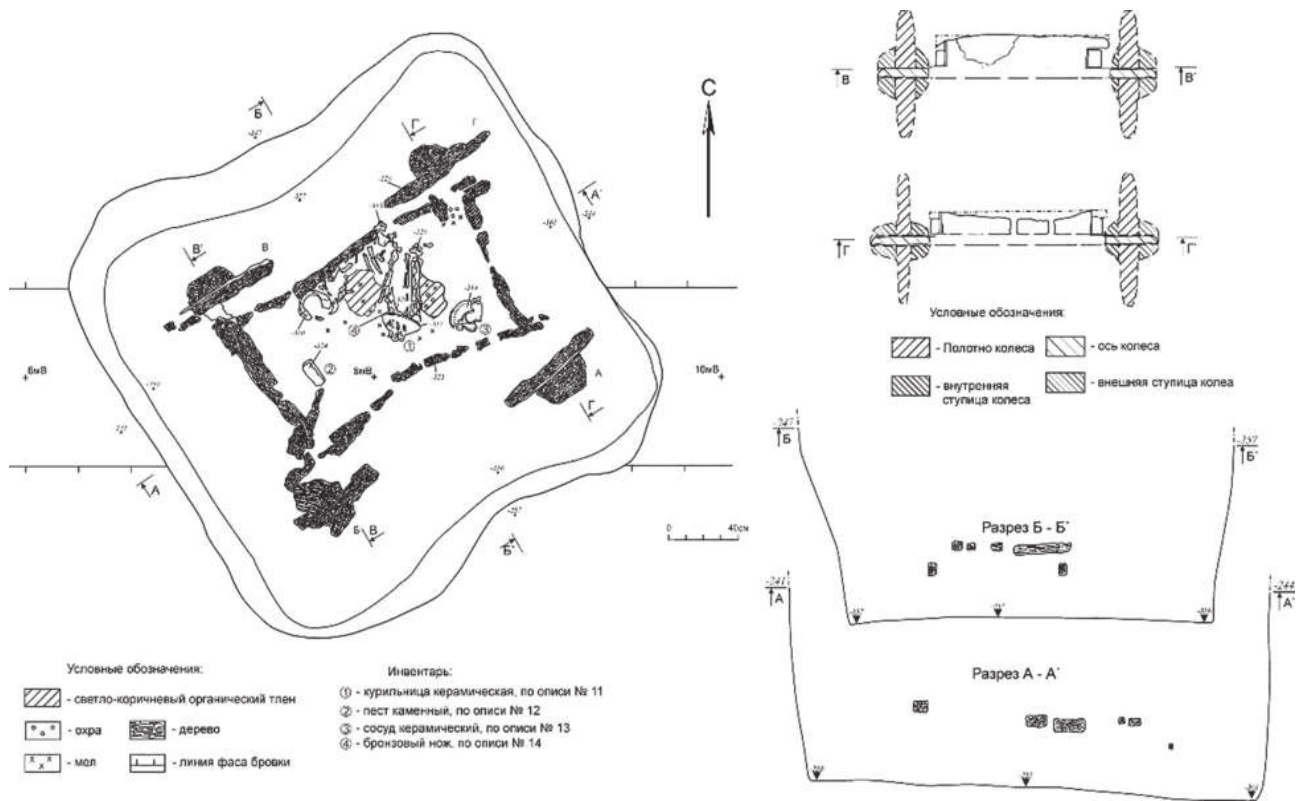

Рис. 1. Горный I курган 1 погребение 9

Список литературы

Андреева М. В. Восточноманьчска катакомбна култура: анализ материалов погребальных источников. М., 2014. 272 с.

Деняева А. С., Зайцев И. А., Ильюков Л. С. Бронзовые носовые кольца из погребений раннего бронзового века на Северном Кавказе // *История, археология и этнография Кавказа*. 2021. Т. 17, № 2. С. 403–427.

Ильюков Л. С., Мельников А. Ю., Киселева О. А. Курганы окрестностей станицы Луковской Моздокского района // *АО* 2017 г. М., 2019. С. 288–290.

Ильюков Л. С. Повозки катакомбной культуры из Донского могильника // *Записки ИИМК РАН*. Т. 21. 2019. С. 49–62.

Калмыков А. А. Об использовании повозок в погребальном ритуале восточноманьчской катакомбной культуры // *Изучение и сохранение наследия народов Кавказа*. XXIX Крупновские чтения. Грозный, 2016. С. 27–29.

Ковалев А. А. Могильные ямы, моделированные по форме повозки, в Синьцзяне и Восточном Казахстане: их датировка и происхождение // *Древние некрополи – погребально-поминальная обрядность. Погребальная архитектура и планировка некрополей*. Труды ИИМК РАН. Т. 47. 2018. С. 25–33.

Перцева М. А. Ямы с фигурными выемками – основной вид погребений среднего бронзового века // *Древние некрополи – погребально-поминальная обрядность. Погребальная архитектура и планировка некрополей*. Труды ИИМК РАН. Т. 47. 2018. С. 63–70.

Шишлина Н. И. О социальной дифференциации населения Калмыцкой степи в эпоху средней бронзы // *Материалы по археологии Калмыкии*. Элиста, 1991. С. 121–130

Шишлина Н. И., Ковалев Д. С., Ибрагимова Э. Р., Шведченко Н. Н. Повозка из катакомбного погребения кургана 4 могильника Улан IV: реконструкция и культурный контекст // *Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии*. Сборник к 90-летию со дня рождения и памяти Н. Я. Мерперта. М., 2014. С. 155–170.

НОВЫЕ НАХОДКИ ТОПОРОВ-КЕЛЬТОВ ИЗ РАЙОНА БОЛЬШОГО СОЧИ

© *Пелих Алексей Леонидович*

Армавирский государственный педагогический университет,

г. Армавир, pelich1976@mail.ru

© *Кудин Михаил Иванович*

Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований

им. Т. М. Керашева, г. Майкоп, mixail-sochi@mail.ru

Аннотация. В работе вводятся в научный оборот новые и характеризуются некоторые уже известные бронзовые кельты с территории Большого Сочи. Рассматриваются случайные находки из поселков Чемитоквадже, Совет-Квадже, а также хранящиеся в музее гор. Сочи предметы, найденные в бассейне р. Сочи. Один из найденных топоров-кельтов представляет собой внекомплексную находку литейного брака, что является свидетельством местного, западно-кавказского, производства подобных топоров-кельтов, форма которых заимствована из Северного Причерноморья. Этот предмет относится к типу С-4 и датируется белозерским, конкретно – позднебелозерским временем. Другие рассматриваемые кельты можно объединить в особую группу изделий. Датирование группы данных кельтов с территории Большого Сочи возможно определить в пределах финала бронзового – позднейшего предскифского времени, ориентировочно X–VIII (?) вв. до н.э. Выяснение их культурной принадлежности осложняется сомнительностью данных об их обнаружении. При этом можно говорить об их местном изготовлении, что не исключает влияния волго-уральских традиций.

Ключевые слова: бронзовые кельты, финал эпохи бронзы, позднейшее предскифское время.

Abstract. In this work, new ones are introduced into scientific circulation and some already known bronze celts from the territory of Greater Sochi are characterized. Random finds from the settlements of Chemitokvaje, Sovet-Kvaje, as well as objects found in the Sochi River basin stored in the museum of the city of Sochi are considered. One of the Celtic axes found is an extra-complex find of a foundry marriage, which is evidence of the local, West Caucasian, production of similar Celtic axes, the shape of which is borrowed from the Northern Black Sea region. This item belongs to type C-4 and dates from the Belozersk (primarily Late Belozersk) time. Other considered Celts can be combined into a special group of products. It is possible to determine the date of functioning of the group of these Celts from the territory of Greater Sochi within the final of the Bronze – later pre-Scythian time, approximately X–VIII (?) centuries BC. The clarification of their cultural affiliation is complicated by the dubious data on their detection. At the same time, we can talk about their local manufacture, which does not exclude the influence of Volga-Ural traditions.

Keywords: bronze Celts, the finale of the Bronze Age, the later pre-Scythian time.

Цель насто щей работы – ввод в научный оборот новых и характеристика некоторых уже известных бронзовых кельтов с территории Большого Сочи.

Первый из топоров-кельтов (рис¹. 1, 1) был найден в оползне склона у русла ручья Станционной щели, близ пос. Чемитоквадже, Лазаревский район г.-к. Сочи, и передан М. И. Кудину Мадином Хушт. Предмет представл ет собой литейный брак – недоливок кельта: сильно не долиты одна сторона и одно ушко. Кельт с трапециевидной фаской и двум ушками, отход щими от кра втулки. Размеры: длина 8,1 см; ширина лезви 4,3 см; диаметр втулки внешний 5,2×≈2,6 см; диаметр втулки внутренний 2,8×≈2,3 см. Вес 130 гр. Поверхность изделия покрыта тёмной патиной. Кельт орнаментирован трем тонкими вертикальными валиками, свисающими от верхнего кра втулки. Ещё одной особенностью являются крупные ушки с большими отверстиями. Лезвие закруглено и немного расшир етс к низу в обе стороны от режущей кромки.

Рассматриваемый топор-кельт принадлежит к хорошо известному в науке типу этой категории изделий. Е. Н. Черных такие кельты отнёс к особому КТР (конечному типологическому р ду), обозначенному К-48, и констатировал, что подобные кельты и их литейные формы были распространены преимущественно в Поднепровье, выход на восток до Северского Донца, а на юг – до Крыма [Черных, 1976, с. 81–83]. По классификационной схеме В. С. Бочкарёва и А. Л. Пелиха, разработанной дл топоров-кельтов эпохи поздней бронзы Восточной Европы, топор из Станционной щели относится к предметам типа С-4 [Бочкарёв, Пелих, 2021, с. 118–119].

К этому же типу относится ещё один кельт с Западного Кавказа – происходящий из г. Анапа, обсто тельства находки которого не известны [Клочко, Козыменко, 2011, илл. 186, с. 174]. Как

и сочинский, анапский кельт также имеет крупные ушки с большими отверстиями. Схож и орнамент – у анапского от нижнего кра горизонтального валика, проход щего по краю втулки, свисают четыре тонких вертикальных валика. По орнаменту, массивному валику по краю втулки, и по крупным ушкам с большими отверстиями последний кельт сближаетс с кельтом с подпр моугольной аркой типа J-4 (по классификации В. С. Бочкарёва и А. Л. Пелиха) с Владыкиной горы близ г. Абинска [Пьнков, Пономарев, 2002, с. 17–18, рис. 1, 1].

Примечательно, что оба зафиксированные на Западном Кавказе кельта типа С-4, сочинский и анапский, имеют одинаковую особенность – широкий налив металла по верху ушек. Этот налив, с одной стороны, служит соединением ушек с краем втулки, а с другой – как бы опускает ушки ниже самого этого кра, тем самым сближа эти кельты с изделиями типа С-5 по схеме В. С. Бочкарёва и А. Л. Пелиха. Кельты же типа С-5 – с трапециевидной фаской, двуушковые, ушки опущены ниже кра втулки – относятся к самому распространённому на Кавказе типу. Они бесспорно были произведены на месте, но их прототипы явно восходят к северо-причерноморским образцам [Бочкарёв, Пелих, 2021, с. 119–123]. Местной, северокавказской, особенностью топоров-кельтов являются, в частности, их крупные ушки, что мы и видим на кельте из Станционной щели.

Примечательно, что находка в оползне склона у русла ручья Станционной щели – достаточно хорошо документированна единична, внекомплексна находка литейного брака топора-кельта. Такая находка брака, в отличие от находок в кладах, которые могут состоять из накопленных в них предметов разного происхождения, – достаточно твёрдое свидетельство именно местного, западно-кавказского, производства подобных топоров-кельтов.

¹ Рисунки выполнены студенткой Сочинского государственного университета А. А. Кизиловой

Обратим внимание на пропорции сочинского кельта – индекс отношения длины орудия к ширине его лезвия составляет 1,88. Кельты укороченных (низких) пропорций, с индексом отношения длины топора к ширине лезвия до 2, и с трапециевидной или арочной с прымым сводом фаской, В.С. Бочкарёв считает характерными для заводской группы памятников, трактуемой как позднебелозерская [Бочкарёв, 2017, с. 176–177, 198].

Именно позднебелозерским временем и должен датироваться топор-кельт из Станционной щели. Для прикубанского очага металлургии и металлообработки эпохи поздней бронзы это соответствует бекашевской (с ольгенфельдской включительно) хронологической группе XII–X вв. до н.э., с возможным уточнением до 2-й пол. XI–X вв. до н.э. [Бочкарёв, Пелих, 2008, с. 64–66].

Второй из вводимых в научный оборот кельтов (рис. 1, 2) происходит из коллекции Г.Х. Шхалахова, проживавшего в п. Совет-Квадже, входившем в состав Лазаревского района г. Сочи. Этот предмет, о находке которого стало известно М.И. Кудину в 2015 г., был передан ему после смерти Г.Х. Шхалахова родственниками последнего. По их словам, этот кельт был найден на распашке участка при закладке фундучного сада, напротив аула Хаджико, Лазаревский район г.к. Сочи, на правом берегу р. Аше, примерно в 600 м от берега. Кельт безушковый, верх втулки неровный, возможно из-за недолива металла в форму. Сохранившиеся размеры: длина 8,1 см; ширина лезвия 7,2 см, внешний диаметр втулки 4,6×3,2 см; внутренний диаметр втулки 3,2×2,6 см. Вес 207 гр. Поверхность изделия покрыта зелёной патиной. Лезвие закруглено и расширяется к низу в обе стороны от режущей кромки. На втулке есть четыре тонких горизонтальных валика, которые на середине широких сторон пересекает тонкий вертикальный валик, начинающийся от верха втулки и спускающийся к лезвию.

Этот предмет целесообразно рассматривать в комплексе с уже опубликованными кельтами, происходящими с местонахождения Фундучный сад [Кудин, Кизилов, 2016, с. 140–141, рис. 2, 10–11]. Два кельта, опубликованные в 2016 г., были сфотографированы в 2015 г. также у Г.Х. Шхалахова и, по его словам, были найдены на распашке того же участка под фундучный сад. Из них один кельт [Там же, рис. 2, 11] впоследствии пропал. Другой кельт [Там же, рис. 2, 10] – передан М.И. Кудину после смерти Г.Х. Шхалахова его родственниками. Этот безушковый кельт (рис. 1, 3) имеет следующие размеры: длина 8,2 см; ширина лезвия 5,5 см; внешний диаметр втулки 4×3,4 см; внутренний диаметр втулки 2,6×2,4 см. Вес 183 гр. Поверхность изделия покрыта зелёной патиной. Кельт имеет слабо выраженную трапециевидную фаску. Лезвие незначительно закруглено и немного расширяется к низу в обе стороны от режущей кромки. Орнаментирован двумя тонкими горизонтальными валиками, находящимися выше средней части; по центру линии горизонтальных валиков пересекает вертикальный валик, начинающийся от верха втулки и спускающийся к лезвию.

Второй, не сохранившийся кельт из публикации 2016 г., судя по обмерам рисунка, сделанного по фотографии, имеет следующие размеры: длина 7,9 см; ширина лезвия (нижний край, возможно, с одного угла обломан?) 4,7 см; внешний диаметр втулки 4,7×3,9 см, внутренний диаметр втулки 3×2,6 см. Судя по рисунку, можно предположить у кельта слабо выраженную трапециевидную фаску. Лезвие незначительно закруглено и немного расширяется к низу в обе стороны от режущей кромки.

Рассматривая кельты из Фундучного сада, обратим внимание на предметы из фондов музея истории г.к. Сочи, опубликованные А.А. Иессеном [Иессен, 1951, с. 99–100, рис. 30]. Все три обозначены в учётной книге музея как предметы

из довоенных поступлений (не позднее 1938 г.), найденные в бассейне р. Сочи.

Один из этих кельтов [Иессен, 1951, с. 99–100, рис. 30, 2] – сохранился не полностью: утрачена верхняя часть втулки. Размеры сохранившейся части: длина 8,2 см, ширина лезвия 5,7 см; внешний диаметр втулки в сохранившейся ее части 4,4×1,6 см; внутренний диаметр втулки в сохранившейся ее части 4×1,4 см, глубина сохранившейся части втулки 5,4 см. Втулка тонка – металл максимум до 3–2 мм толщиной, в среднем на втулке 1 мм. Вес 108,7 гр. Лезвие немного закруглено и незначительно расширяется к низу в обе стороны от режущей кромки. Кельт без орнамента, сильно патинирован, в сечении – овал, сжимающийся к низу в линзу, лезвийная часть к низу плавно расширяется.

Второй сочинский кельт [Иессен, 1951, с. 99–100, рис. 30, 1] также обломан в верхней части, патинирован. Размеры: длина 8,1 см; ширина лезвия 7,4 см; внешний диаметр втулки в сохранившейся ее части 4,6×≈1,6 см; внутренний диаметр втулки в сохранившейся ее части 4,1×≈1,2 см; глубина втулки не менее 6 см. Вес 123,6 гр. Кельт имеет слабо выраженную трапецевидную фаску. На втулке есть горизонтальные валики – один по краю и четыре (на противоположной стороне – три) параллельные до середины высоты лезвия. В сечении предмет шестигранно-овальный, переходящий к низу в линзу. Лезвийная часть закруглена, резко расширяется к низу в обе стороны от режущей кромки.

Наиболее интересен для нас третий сочинский кельт из Фундучного сада [Там же, рис. 30, 3]. Он сохранился полностью, но концы лезвия загнуты, патинирован. Безушковый. Размеры: длина 9 см, ширина лезвия (при распрямлении загнутых концов) 8 см; внешний диаметр втулки 5,4×2,3 см; внутренний диаметр втулки 3,6×1,6 см; глубина втулки 6 см. Вес 230,1 гр. Фаска кельта плохо читается – либо очень слабо выражена трапецевидна, либо вообще

отсутствует. На краю втулки отсутствует укрепляющий валик, но зато верхняя половина украшена пятью тонкими горизонтальными валиками, опирающимися на кельт. На одной из сторон эти валики пересекаются почти под прямым углом двумя подобными валиками – один соединяет горизонтальные первый сверху валик с пятым, другой спускается от верхнего горизонтального валика до почти середины пространства между нижним горизонтальным валиком и краем лезвия. Сечение – остроовальное, ближе к линзовидному. Лезвийная часть к низу резко расширяется в обе стороны от режущей кромки.

Очень примечательно остроовальное сечение втулки данного предмета. Такой разрез характерен для ряда кельтов предананьинского (маклашеевского) и раннеананьинского времени Волго-Уралья. С другой стороны – сочинский кельт отличается от волго-камских кельтов тем, что у него, как и у большинства других кавказских кельтов, лезвийная часть к низу расширяется. У абсолютного же большинства безушковых ананьинских кельтов с линзовидным и остроовальным сечением втулки лезвие либо одинаковой ширины с верхней частью тулова, либо сужается к низу [Халиков, 1977, с. 110; Кузьминых, 1983, табл. II–XXIII, 3]. Ананьинские кельты могут иметь две линии развития – от сейминско-турбинских и от позднебронзовых кельтов с лобным ушком [Кузьминых, 1983, с. 76–77]. При этом безушковые сейминско-турбинские кельты – с иными, нежели сочинский кельт, сечением втулок и иных, обычно более вытянутых, пропорций [Черных, Кузьминых, 1989, с. 38–55]. Орнаментами сочинского кельта также не находят аналогий в Волго-Уралье.

Нет близких аналогий, ни по пропорциям, ни по орнаментации, сочинским кельтам и среди безушковых кельтов эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья [Черных, 1976, табл. II, 9–17].

Третий сочинский кельт схож по своим пропорциям и по орнаментации с первым

из описанных нами кельтов из Фундучного сада (рис. 1, 2), разница в основном только в большей приплюсности сечени втулки сочинского экземпляра. Меньше по пропорции этот экземпляр схож со вторым описанным нами кельтом из Фундучного сада (рис. 1, 3), но и здесь мы можем наблюдать сходство орнамента.

Таким образом, описанные кельты с местонахождением Фундучный сад и из собрания музея истории г.к. Сочи можно объединить в особую группу изделий, что для сочинских кельтов было замечено ещё А.А. Иессеном [Иессен, 1951, с. 100]. Их культурная и хронологическая принадлежность осложнена ещё сомнительностью данных об их обнаружении. Очевидно, что цельнолитые безушковые кельты должны датироваться в западно-кавказском регионе в пределах позднебронзового – начальных этапов раннежелезного времени. Кельты из Фундучного сада А.Ю. Скаков склонен относить к концу II тыс. до н.э. [Скаков и др., 2021, с. 118]. Исход из датировки предметов, которые также, как и кельты, поступили с территории Фундучного сада [Жудин, Кизилев, 2016, с. 140–141, рис. 1, 11; 2, 6, 17–19, 23–24; 3, 1–2, 4–5, 9–12], дату функционирования группы кельтов с территории Большого Сочи возможно, на наш взгляд, определить финалом бронзового времени – позднейшим предскифским периодом, ориентировочно X–VIII(?) вв. до н.э.

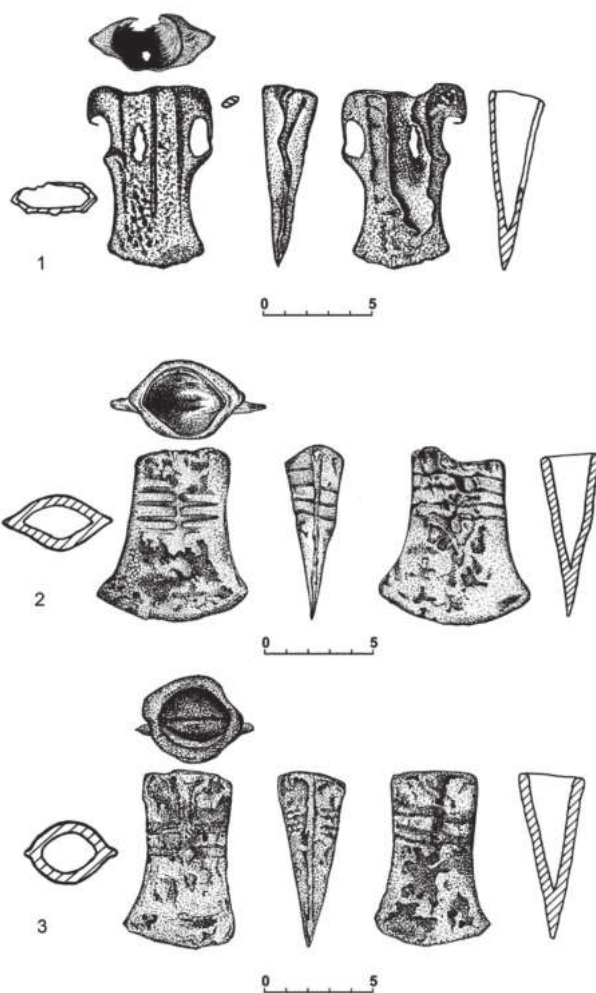

Рис. 1. Топоры-кельты:
1 – Станционна щель;
2, 3 – Фундучный сад

Список литературы

Бочкарёв В. С. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // *Stratum plus. Археологи и культурна антропологи*. 2017. № 2. С. 159–204.

Бочкарёв В. С., Пелих А. Л. К хронологии памятников прикубанского очага металлургии и металлообработки // *Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Владикавказ. 21–25 апрел 2008 года. Тезисы докладов Международной научной конференции. Владикавказ, 2008. С. 64–66.*

Бочкарёв В. С., Пелих А. Л. Металлические топоры-кельты и кельты-тесла на Кавказе: каталог, географии и хронологи // *АВЕС. Вып. 17. Саратов, 2021. С. 114–152.*

Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // *МИА 23. М.; Л., 1951. С. 75–124.*

Клочко В. И., Козыменко А. В. Наш недавний бронзовый век. Киев, 2011. 193 с.

Кудин М. И., Кизилов А. С. Случайные находки колхидо-кобанских древностей на территории г. Сочи и прилегающей части Туапсинского района // VI «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы изучения погребального обряда народов Западного Кавказа в древности и средневековье: Материалы Международной археологической конференции (г. Краснодар, 31 мая – 2 июня 2016 г.). Краснодар, 2016. С. 139–147.

Кузьминых С. В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М., 1983. 257 с.

Пьянков А. В., Пономарёв В. П. Несколько археологических находок из окрестностей г. Абинска (Западное Закубанье) // ИАА. Вып. 8. Армавир; М., 2002. С. 17–20.

Скаков А. Ю., Кудин М. И., Кизилов А. С. Новые находки кобано-колхидских металлических изделий на северо-восточном побережье Чёрного моря (Краснодарский край). Ранее неизвестный ареал кобано-колхидской бронзы // КСИА. 2021. Вып. 264. С. 105–126.

Халиков А. Х. Волго-Камье в начале раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). М., 1977. 262 с.

Черных Е. Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М., 1976. 303 с.

Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989. 320 с.

МЕГАЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В ВОСТОЧНОЙ АБХАЗИИ (ДАННЫЕ РАЗВЕДОК)¹

© Требелева Галина Викторовна

Институт археологии РАН, г. Москва, trgv@mail.ru

© Кизилов Андрей Сергеевич

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Федеральный исследовательский центр «Субтропический научный центр
Российской академии наук», г. Сочи, kiziloff2014@mail.ru

© Цвинария Игорь Иванович

Абхазский институт гуманитарных исследований, г. Сухум

© Хондзия Зураб Георгиевич

Абхазский институт гуманитарных исследований, г. Сухум

© Глазов Константин Анатольевич

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Федеральный исследовательский центр «Субтропический научный центр
Российской академии наук», г. Сочи, paradoxsochi@yandex.ru

© Юрков Владлен Глебович

Институт археологии РАН, г. Москва, vladlen.yurkov.v@mail.ru

© Юрков Давид Глебович

Институт археологии РАН, г. Москва, david_rabot@bk.ru

Аннотация. В ходе изучения памятников античного периода и средневековья, совместно российско-абхазская Маркульская археологическая экспедиция ИА РАН и АБИГИ АНА столкнулась с выявлением в ходе разведок мегалитических памятников. Первым таким памятником стал дольмен в поселке Ацхыд г. Ткварчала. Еще в августе 2021 г. Алиас Георгиевич Аршба во время планировочных работ на своём участке обнаружил ряд плит из среднегалечного конгломерата. Одна из плит оказалась с отверстием, похожим на отверстия в дольменах. Археологи (авторы данной статьи) произвели осмотр плиты, уже в положении не *in situ*, а там, куда её сдвинул трактор. На основании типологического анализа и сходства с другими дольменными памятниками, а также ряда иных факторов, плиты на участке семьи Аршба можно считать остатками дольмена. Второй памятник, который можно отнести к типу мегалитических, является менгир на территории Маркульского городища. Выявлен в феврале 2023 г. на участке заброшенного, поросшего акацией орешника, после вырубki насаждений. Менгиры являются одним из первых проявлений человеческих интеллектуальных способностей, они предшествовали возникновению культуры строителей дольменов. При этом несмотря на то, что культ строительства дольменов исчезает во многих местах планеты, культ менгиров сохраняется вплоть до средних веков, как отголосок древних верований. Резюмируя, можно сказать, что сотрудниками Маркульской экспедиции были обнаружены два уникальнейших памятника мегалитической культуры в Восточной Абхазии: на сегодняшний день единственный восточнее реки Кодор дольмен, и менгир. Подобных менгиров на территории республики Абхазии до сих пор не выявлено.

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 22-18-00466 «Северо-Восточное Причерноморье в античное и средневековое время: историческое моделирование на основе ГИС-технологий, геоархеологии и археометрии».

Ключевые слова: Абхазы, дольмен, менгир, мегалиты, Маркульское городище, культ железа.

Abstract. During the study of monuments of the ancient period and the Middle Ages, the joint Russian-Abkhazian Markul archaeological expedition of IA RAS and AbIGI ANA encountered the identification of megalithic monuments during exploration. The first such monument was a dolmen in the village of Atshyd, Tkvarchala. Back in August 2021, Arshba Alias Georgievich, during planning work on his site, discovered a number of slabs from a medium-sized conglomerate. One of the slabs turned out to have a hole similar to the holes in dolmens. Archaeologists (the authors of this article) examined the plate, already in the position not *in situ*, but where the tractor moved it. Based on the typological analysis and similarity with other dolmen monuments, as well as a number of other factors, the slabs on the private plot of the Arshba family can be considered the remains of a dolmen. The second monument, which can be attributed to the megalithic type, is the Menhir on the territory of the Markul settlement. It was identified in February 2023 on the site of an abandoned hazel grove overgrown with acacia, after cutting down plantings. Menhirs are a manifestation of one of the first manifestations of human intellectual abilities, and preceded the emergence of the culture of dolmen builders. At the same time, despite the fact that the cult of dolmen construction disappears in many places of the planet, the cult of menhirs persisted until the Middle Ages, as an echo of ancient beliefs. Summarizing, we can say that the staff of the Markul expedition discovered two unique monuments of megalithic culture in Eastern Abkhazia: to date, the only dolmen and menhir east of the Kodor River. Such menhirs have not yet been identified on the territory of the Republic of Abkhazia.

Keywords: Abkhazia, dolmen, menhir, megalith, Markul settlement, iron cult.

В ходе изучения памятников античного периода и средневековья, совместная российско-абхазская Маркульская археологическая экспедиция ИА РАН и АБИГИ АНА столкнулась с выявлением в ходе разведок мегалитических памятников.

Первым таким памятником [Требелева и др., 2021, с. 76–84] стал дольмен (прил., рис. 3) в посёлке Ацхыд г. Ткварчала. Ещё в августе 2021 г. Алиас Георгиевич Аршба во время планировочных работ на своём участке обнаружил ряд плит из среднегалечного конгломерата. Одна из плит оказалась с отверстием, похожим на отверстие в дольменах: эту плиту трактор сдвинули со своего места, где она была *in situ*, первой. Но после обнаружения вышеуказанного отверстия, А.Г. Аршба работы остановил и позвонил археологам. Так в экспедицию попала информация о предполагаемом дольмене. Авторы статьи произвели осмотр плиты там, куда её сдвинул

трактор, поэтому определены стороны света у плиты условны, и дают просто для удобства при описании и указании размеров. На момент осмотра плита имела форму близкую к трапеции, но по её состоянию видно, что она подверглась эрозии. У западной грани углы сколоты, из-за чего она приобрела закруглённую форму, остальные грани ровные. Плита была отснята с использованием технологической фотограмметрии, что позволило получить не только точную модель плиты и произвести все необходимые замеры, фактически без погрешностей, но и получить необходимый чертёж и разрезы. На момент осмотра плиты, её размеры следующие: восточная грань 96 см, южная 107 см, западная 109 см, северная 91 см. Толщина плиты с южной стороны 20 см, с северной – 15 см. На расстоянии 22 см от северной грани плиты и 24 см от восточной располагается отверстие овальной формы, сужающееся к нижней плоскости плиты. Размеры отверстия на

уровне верхней плоскости – 53×52 см, на уровне нижней плоскости – 37×44 см. Форма отверстия искажена в результате эрозии из-за плохого качества материала. Из-за перемещения её от места первоначального расположения, плита раскололась на три части. Обломок ещё одной плиты, возможно, был сдвинут трактором, ибо имеют признаки того, что это часть большой плиты, частично ещё скрытой землёй: скол на обеих плитах выглядит свежим. Размеры этого обломка: 66×73 см, при толщине 20 см. Большая плита, от которой возможно был отколот и перемещён этот обломок, частично скрыта землёй. Видима её длина 1,5 м, высота 63 см. Толщина целого, и частичное выступающего из земли края около 30 см. Ещё две плиты находятся почти полностью в земле и видны лишь частично.

На данный момент, пока не произведены раскопки на месте обнаружения плит, не вынуты и не осмотрены все плиты, мы можем говорить лишь о предварительных выводах, основываясь на типологическом анализе и сходстве с другими дольменными памятниками.

Основанием считать, что вывезенные в посёлке Ацхыд гор. Ткварчала, на участке семьи А.Г. Аршба плиты являются остатками дольмена, служат следующие факты:

1. Плиты высечены из среднегалечного конгломерата, скреплённого известковым цементом. Их толщина около 20–30 см является стандартной для плит кавказских дольменов. Рядом на берегу ручья есть естественные выходы этой породы в виде монолитных глыб без признаков слоистости. Поэтому сложно предположить, что плиты образовались в результате естественных эрозийных процессов. Рядом с плитами находится выкопанная хоз. инв. из земли большая груда известковых камней; возможно, что это остатки каменного ядра, окружавшего дольмен.

2. В центре обломка плиты находится отверстие овальной формы диаметром 37×44 см. Такой размер входных отвер-

стий является характерным для дольменов. Теоретически, подобное отверстие могло бы образоваться естественным путем, в случае включения в пласт обломочной породы объекта, имеющего отличный геологический состав от вмещающей гальки/гравия. Но обломка подобной формы и другой геологической породы найдено пока не было и в других осмотренных плитах и расположенных рядом с природными глыбами никаких посторонних включений нет. Вся галька конгломерата и скрепляющий её цемент выглядят однородно.

3. Использование конгломерата для создания дольменных плит не является уникальным явлением. Для строительства дольменов древнее население использовало те местные горные породы, которые были им доступны. По Е. Д. Фелицыну плиты дольмена №13 Кожжохской группы сделаны из конгломерата и крупнозернистого песчаника [Фелицын, 1904, с. 9, 44]. Материалом плит обследованного В.Ю. Кононовым в 2018 г. дольмена «Криница-1» также является конгломерат с другим видом цемента [Кононов, 2020, с. 237].

Второй памятник, который можно отнести к типу мегалитических, является менгир на территории Маркульского городища (прил., рис. 4). Выявлен в феврале 2023 г. на участке заброшенного, поросшего акацией орешника, после вырубки насаждений.

Обнаруженный менгир, представляет собой камень, близкий к форме параллелепипеда, размеры: с запада 160 см, с востока 131 см, с севера 116 см, с юга 113 см. Максимальная высота на западной стороне 172 см, на востоке 81 см, скос начинается примерно в 45 см от западного края. С лицевой стороны, выход щели на западную сторону, в сторону заката солнца, камень строго вертикальный и гладко обработан, здесь же расположена на всю ширину, камень ровный «полочка» высотой 45 см, шириной 37 см и длиной 116 см. Со всех сторон менгир обсыпан камнями. Здесь следует оговорить, что значительная часть камней,

а, возможно и все, имеют позднее происхождение: их стаскивали во время вспашки поля. Интересно, что на полочке нами были обнаружены фрагменты крицы и средневековой черепицы от храма. С одной стороны, конечно, нельзя исключать, что они могли быть положены туда в наше время при вспашке поля. Однако, анализируя параллели, известные в науке, можно предположить, что они лежали *in situ* и являются свидетельствами древнего культа.

Тут необходимо отметить, что, собственно, менгиры являются одним из первых проявлений человеческих интеллектуальных способностей, и предшествовали возникновению культуры строителей дольменов. Каменные столбы – менгиры – высотой до 20 м (например, Карнакские камни в Бретани (Франция), Зорац-Карер (Армения)) несут в себе черты архитектуры и скульптуры [Набиев, Турсунов, 2020, с. 207]. При этом, несмотря на то что культ строительства дольменов исчезает во многих местах планеты, культ менгиров сохраняется вплоть до средних веков, как отголосок древних верований. Чаще всего под менгиром подразумевают высокий, вертикально стоящий камень. Тем не менее, это не всегда так. Зачастую рукотворные камни не всегда имели идеальные пропорции. И яркими примерами подобного рода можно считать сейды – широко распространённые и хорошо известные камни, объект поклонения в скандинавских странах, а также на русском севере – в Карелии, Мурманской области. Сейды в буквальном смысле этого слова дошли до наших времён. И кажущаяся отдаленность сейдов от Кавказа на самом деле объясняется лишь тем, что на Кавказе их найдено крайне мало. Тем не менее, на Черноморском побережье Кавказа в Большом Сочи выявлено несколько видов сейдов, аналогичных сейдам Лапландии [Кизилев, 2018]. Но необходимо отметить, что при кажущемся визуальном сходстве сейдов Кавказа и Лапландии, сейды Кавказа являются

переходной формой к жертвенным камням. К примеру, таким является сейд, найденный краеведом В.В. Снытко [Кизилев, 2018]. Он характерен наличием на большой каменной плите специально выбитой жертвенной полочки, куда в период поклонения этому культовому камню приносились дары. Подобную же полочку мы встречаем и на Маркульском менгире. И здесь необходимо обратиться к анализу найденных нами на полочке предметов. В первую очередь, привлекает к себе внимание крица. Какова может быть связь железной крицы с мегалитом? Отметим, что крицы и железные шлаки обнаружены в дольмене полумонолите у с. Хамышки [Мегалитические памятники, 2001, с. 73], в ряде дольменов Туапсинского района [Тешев, 2004, с. 36] и Лазаревского района г. Сочи [Кондратов, 1998]. Н.В. Кондратов на основании пространственной связи дольменов и памятников железнорудного производства в Лазаревском районе г. Сочи, предполагает, что по влиянию металлургии железа в Восточном Причерноморье относится к периоду поздней дольменной культуры. [Кондратов, 1998]. Хотя не исключено, что эта связь возникла позднее, в протомеотский период [Черкасов, 2009, с. 413]. Таким образом мы видим немало свидетельств наличия связи мегалитических памятников с культом железа, с тем этапом развития металлургии, когда железнорудное производство подвергалось максимальной сакрализации: письменные источники II тыс. до н.э. свидетельствуют о хаттской и хеттской традиции сакрализации железа и его производства [Кудин, 2015, с. 140]. Эта традиция была впоследствии воспринята народами абхазо-адыгской группы [Ардзинба, 1988]. Возможно, смутные воспоминания о связи дольменов с культом железа сохранились в представлении отдельных шапсугов из долины реки Аше о назначении этих памятников. По их словам, дольмены — это не могилы и не жилища карликов-испов, а древние арсеналы, в которых великолепно хра-

нилось, никогда не ржаве и не тупь, железное оружие. [Кудин, 2015, с. 141].

Поэтому нахождение крицы на полочке Маркульского менгира может быть отражением культа железа.

Что касается найденной черепицы, то ею была покрыта крыша находившаяся на вершине плато храма. Нельзя исключать, что эти фрагменты могли быть перемещены местными жителями, которые перенесли их от храма и поместили непосредственно на полочку. Данное действие может свидетельствовать о сохранении представлений о сакральности места, как минимум в ранний период начала христианской традиции. Следует отметить также, что в 20 м к югу от менгира, нами было обнаружено захоронение женщины, датированное примерно III–IV вв. н.э. [Требелева и др.,

2018, с. 265–270]. Большое количество предметов, характерных для погребений обнаруживается также хозяйственным участком при вспашке, в том числе, здесь найден и великолепной сохранности бронзовый топор колхидской культуры. Резюмируя, можно сказать, что сотрудниками Маркульской экспедиции в Восточной Абхазии были обнаружены два уникальнейших памятника мегалитической культуры: на сегодняшний день единственный восточнее реки Кодор дольмен, и менгир. Подобных менгиров на территории республики Абхазии до сих пор не выявлено.

Таким образом, оба памятника являются уникальными для этого региона Абхазии, и их дальнейшие исследования смогут открыть много нового.

Список литературы

- Ардзинба В. Г. К истории культа железа и кузнечного ремесла (почитание кузницы у абхазов) // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988. С. 263–306
- Кизилов А. С. Экономические возможности расширения индустрии туризма на Кавказе в аспекте межкультурных связей эпохи мегалитов // Вестник Университета Российской академии образования. № 5. М., 2018. С. 82–88.
- Кондраков Н. В. Памятники железодельного производства на территории Лазаревского района г. Сочи // ДК. Вып. № 7, Краснодар, 1998. С. 18–21.
- Кононов В. Ю. Предварительные итоги исследования мегалитической гробницы «Криница-1» // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала, 2020. С. 236–238.
- Кудин М. И. Отражение культа железа и кузнечного ремесла на археологических памятниках северо-западного Кавказа // V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Краснодар, 2015. С. 140–147.
- Мегалитические памятники Республики Адыгея; Сост. М. В. Гаврилов, Р. К. Ципинов, Л. Х. Цикапидзева, В. М. Михалевич, Л. В. Петренко, С. М. Шартан; Ред. Н. Г. Ловпаче. Майкоп, 2001. 104 с.
- Набиев М., Турсунов К. Из истории архитектуры // Science and Education. Vol.1, iss. 1. Nov. 2020. Pp. 205–208, <https://openscience.uz/index.php/sciedu/article/view/613>.
- Тешев М. К. Из истории Туапсинского региона. Период древности и средневековья. Туапсе, 2004.
- Требелева Г. В., Саканиа С. М., Кизилов А. С., Глазов К. А., Кудин М. И., Марков Д. Н. О географическом распространении культуры строительства дольменов на Кавказе: к вопросу южной границы // Проблемы региональной экологии. 2021. № 5. С. 76–84.
- Фелицын Е. Д. Западно-Кавказские дольмены // МАК. Вып. IX. М., 1904. С. 1–86.
- Черкасов Е. Н. Исследование мегалитических памятников Грузинка-XI и Шизе-VI в долине р. Абин // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. Краснодар, 2009. С. 409–413.

Раздел 2

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

УДК 902.2/903.5

САРМАТО-АЛАНСКИЕ СЛЕДЫ В АТРОПАТЕНЕ (НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ КУВШИННОГО ПОГРЕБЕНИЯ В АМИНЛИ)

© *Агаларзаде Анар Мирсамид оглы*

Институт Археологии, Этнографии и Антропологии Национальной Академии наук
Азербайджана, Баку, *anararxeoloq@mail.ru*

© *Керимов Самир Керим оглы*

Ленкоранский Региональный Научный Центр Национальной Академии наук
Азербайджана, Ленкорань, *samir-sayrud@mail.ru*

© *Кириченко Дмитрий Александрович*

Институт Археологии, Этнографии и Антропологии Национальной Академии наук
Азербайджана, Баку, *dmakirichenko@mail.ru*

Аннотация. В статье рассмотрено кувшинное погребение, случайно обнаруженное на Муганской равнине, в юго-восточном регионе Азербайджана. Найденные в этом захоронении материалы проясняют многие вопросы истории Атропатены.

В эпоху эллинизма Атропатена вошла в сферу интересов крупных империй того времени. Государство играло важную роль в истории Южного Кавказа, связывая племена Кавказа с оседлым населением Ближнего Востока. В своём стремлении господства над Атропатеной наряду с такими мощными империями, как Рим и Парфия, за неё боролись и кочевые сармато-аланские племена Причерноморья и Северного Кавказа.

Самые выгодные пути с севера на юг из прикаспийских степей проходили через Атропатену, в стратегическом плане она была важным звеном, как в защите Парфии от кочевников, так и в торговых отношениях. Торговые пути одновременно являлись одним из основных направлений военных вторжений иноземцев. Между парфянами и народами Южного Кавказа, кочевниками северокавказских степей существовали военные и мирные взаимоотношения. Именно эти особенности со временем превратили Атропатену в важного союзника Парфии, где она играла главную роль в политической жизни этой ближневосточной монархии. Политическая и культурная экспансия Парфии на Южном Кавказе была бы невозможна без Атропатены. Всё это нашло свое подтверждение именно в археологических находках.

Территория Северного Азербайджана находилась на периферии древних цивилизаций Ближнего Востока, она оказалась под влиянием социокультурных и политических процессов в данном регионе. Социально-экономические и культурные процессы на Южном Кавказе, в том числе, и в Азербайджане развивались в тесной связи с общественно-политической ситуацией в Передней Азии.

Ключевые слова: Атропатена, Южной Кавказ, кувшинные погребения, археологические находки, культурные отношения, античная история Азербайджана.

Abstract. The article tells about an interesting jug grave accidentally discovered on the Mugan Plain in the southeastern region of Azerbaijan. The materials found in this tomb clarify many questions about the history of Atropatena.

In the Hellenistic era, the state of Atropatena was an arena for a clash of interests of large empires of that time. This monarchy played an important role in the history of the South Caucasus due to the fact that it connected the tribes of the Caucasus with the settled population of the Middle East. In their desire to dominate this state, along with such powerful empires as Rome and Parthia, the nomadic Sarmatian-Alanian tribes of the Black Sea and the North Caucasus also fought for it.

The most profitable of the Caspian steppes in the north-south directions passed through Atropatena, and this state of the South Caucasus was strategically important, both in protecting Parthia from nomads and in trade relations. Trade routes were at the same time one of the main directions of foreign military invasions. Military and peaceful relations existed between the Parthians and the peoples of the South Caucasus, the nomads of the North Caucasian steppes. It was these features that eventually turned Atropatene into an important ally of Parthia, where she played a major role in the political life of this Middle Eastern monarchy. The political and cultural expansion of Parthia in the South Caucasus was impossible without Atropatene. All this has found its good confirmation in archaeological finds.

Since the territory of Northern Azerbaijan was on the periphery of the ancient civilizations of the Middle East, it was influenced by socio-cultural and political processes in this region. Socio-economic and cultural processes in the South Caucasus, including in Azerbaijan, developed in close connection with the socio-political situation in Western Asia.

Keywords: Atropatena, South Caucasus, jar burials, archaeological artefacts, cultural relations, ancient history of Azerbaijan.

Описание некрополя. В изучении античной истории Азербайджана исследование кувшинных погребений имеет особое значение. Неслучайно, что на территории Азербайджана исследованы сотни кувшинных погребений [Асадов, 2018, с. 6]. Следует отметить, что в эпоху античности в распространении развитых культур стран Древнего Востока в западном и северном направлении важнейшую роль играли торговые пути. Одним из них, несомненно, была Мильско-Муганская степь. Как известно из сообщений античных авторов, южные регионы Азербайджана в этот период были выгодными путями для мировой торговли, а помимо этого, они были также основным направлением военных походов иноземцев, а также фактором распространения обряда захоронения в кувшинах в широком ареале. В этом контексте кувшинные погребения Мильско-Муганской степи существовали значительно раньше, чем кувшинные погребения Южного Кавказа и северных регионов Азербайджана, и преобладали в религиозных традициях мест-

ных народов [Османов, 1987, с. 69–70]. Погребальный инвентарь кувшинных погребений Азербайджана более богат и разнообразен, чем соответствующие погребальные комплексы всего Южного Кавказа [Нонешвили, 1992, с. 117].

В ходе археологических исследований отмечено существование многих типов могил и различных погребальных обычаев в исторической области Атропатены. Разнотипные захоронения, обнаруженные на территории, входивших в историческую область Атропатены, помогают выявить многие черты погребального обряда, некогда обитавших здесь племен. Эти погребальные памятники принадлежат местным и пришлым племенам, отражают их религиозные верования и традиции. В то же время данные типы погребений важны при изучении политических, культурных и социально-экономических отношений Атропатены с государством Ахеменидов, Парфией и Римом [Кәримов, 2023, с. 105-106].

В сентябре 2022 г. на юго-востоке Азербайджана, в Муганской степи, на

территории села Аминли Масаллинского района, во время сельскохозяйственных работ на территории, предположительно, большого некрополя было случайно выявлено кувшинное погребение. Размеры памятника определены условно, в соответствии с местами находок кувшинов (рис. 1). Согласно рассказам местных жителей, в 80–90-х гг. XX в. при строительстве жилых зданий было выявлено множество кувшинов погребального типа в разрушенном состоянии. Ввиду отсутствия наземных признаков у кувшинных погребений сложной задачей оказалось определение точных границ некрополя. На основе находок удалось определить в двух местах участка приблизительные GPS координаты: N – 39°06'2.62»; E – 048°46'12.2»; N – 39°06'2.52»; E – 048°46'11.8».

Погребальный кувшин, находки. Погребальный кувшин (кюп) был найден на глубине 70 см от дневной поверхности. Вместе с кюпом выявлены два керамических сосуда. Один кувшин средней величины находился у венчика погребального кувшина. Второй узкогорлый сосуд стоял у корпуса кюпа. Средний кувшин полностью разрушился от большой сырости, тем не менее, удалось взять фрагменты для исследования. Узкогорлый сосуд сохранился относительно. Аналогичные ему кувшины часто встречались в погребальных памятниках Азербайджана эпохи раннего средневековья [Оруджев, 1989, с. 30–31, табл. VII, рис. 1–4].

Погребальный кувшин находился на боку по направлению северо-восток – юго-запад, часть его венчика располагалась на юго-западе. Длина погребального кюпа 1,8 м, диаметр тулова 1 м. Диаметр венчика 50 см, высота горловины 14 см, толщина стенок составляет 2,5 см. На верхней части тулова фиксировалось отверстие диаметром 10 см, (вероятно, символически связанное с «выходом души» усопшего при захоронении). Анатомическое состояние костяка с трудом удалось определить ввиду заполнения

погребального кувшина грунтовыми водами. Так, голова (череп) находилась у венчика сосуда, лицевая часть была направлена на северо-восток, кость покоилась на левом боку, в полускорченном положении, руки сильно согнуты и подняты над головой, а ноги согнуты в коленях. У ног кость, ближе к основанию кюпа, стояла большой узкогорлый кувшин (прил., рис. 5). В керамическом сосуде кувшинного погребения Аминли прослеживаются некоторые особенности алаано-сарматской керамики Южного Дагестана [Магомедов, 2013, с. 10–109]. Следует отметить, что в погребальном инвентаре выявлены алаано-сарматские и парфенские изделия (прил., рис. 6). Это: железный кинжал, железный нож с костяной рукояткой, серьги и бронзовая пряжка по са. Железный кинжал сарматского типа под действием высокой сырости подвергся коррозии (прил., рис. 6. 1). Аналогии ему широко встречались в Центральной Азии, на северных берегах Чёрного моря, в Крыму, в сарматских памятниках Дона и Днепра, на Северном Кавказе, Дагестане, а также в археологических памятниках Азербайджана сармато-аланского периода [Яценко, 2016, с. 31–43; Деревенко, 2018, с. 126–152, рис. 54; Бакушев, 2008, с. 130–140; Храпунов, Мульд, 2016, с. 242–257; Храпунов, Иштеванов и др. 2020, с. 6–12, рис. 1–4; Халилов, 1975; Гошгарлы, 2012, с. 22–25].

Интересной находкой является обнаруженный рядом с кинжалом сильно корродированный нож с горбатой спинкой и костяной рукояткой (прил., рис. 7). Длина уцелевшей части 6,8 см, ширина 1,5 см. Рукоятка изготовлена из трубчатой кости представителя мелкого рогатого скота. Её полость внутренняя часть легко нанизана на лезвие. Кость на рукоятке имеет интересные геометрические и растительные узоры. Идентичная ей техника орнаментации и ромбовидные рисунки известны из позднеантичного городища Фанагори на Тамани, в Крыму и на пиксидах па-

м тника Карпат-Маданчи сарматского периода [Ворошилова, 2012, с. 128–130; Gabriella, 2022, р 170–202]. Орнамента-ци указанных руко ток ножей обычно производилась на специальных плотницких верстаках. Идентична кост - на руко тка ножа была найдена в кургане Горелый I в Саратовском Заволжье [Трейстер, 2018, с. 132–133, рис. 15: 5].

Из украшений найдены две бронзовые серьги со следами сильной коррозии (прил., рис. 6, 3). Диаметр их 2 см. Следующий предмет – лита пр жка ремн трапециевидной формы (прил., рис. 6, 2). Веро тно, кожана часть ремн истлела на теле кост ка и сохранилась только пр жка, длина и ширина которой симметричны и составл ют 3,5 см. Исследователи дел т пр жки ремней эпохи античности в зависимости от формы на две группы:

1. Круглые пр жки;
2. Пр моугольные пр жки.

Пр жка из кувшинного погребени Аминли относитс ко второй группе и указывает на св зь одежды сарматов с другими народами [Ахундова, 2020, с. 111]. Аналогичные пр жки ремней известны из античного некропол Чермедиль [Джалилов, 2013], Торпаггалы и Мингечаура [Ахундова, 2020]. Бронзовый предмет из кувшинного погребени №5 некропол Чермедиль имел хорошую сохранность [Джалилов, Гулиев, Гусейнов, 2013, с. 15, 65]. Идентичные пр жки ремней найдены в Крыму, Моздоке и Дагестане [Дашевска , 1991, с. 119, таб. 63 рис. 9–10; Тишкин и др., 2015, с. 121–129; Малашев, Магомедов и др. 2020, с. 442–445; Гаджиев, 1986, с. 71–78], в некрополе Таркина, в Чечено-Ингушетии и на пам тниках I – III вв. н.э. в Средней Азии [Ахундова, 2020, с. 112].

Нумизматика. В кувшинном погребени Аминли р дом с челюстью скелета обнаружена монета (прил., рис. 6, 4), под воздействием сырости подвергша с сильной коррозии. Монета исследована нумизматом к. и. н. А. Гулиевым, опре-

делившим её как серебр ную монету экбатанского чекана Парфии низкой пробы. Данна монета была изготовле-на, как подражание драхамм Готарса I и введена в оборот. Как правило, на монетах данного типа на аверсе внутри точечного обрамлени правостороннее профильное изображение правител с длинной бородой и усами. На голове диадема, закрывающа лоб. На реверсе изображение правител , сид щего в центре на троне с луком и стрелой в руке лицом влево. Перед ним внизу особой монограммой «А» указывает монетный двор Атропатены. Кругова эпитафи на греческом зыке; «Царь царей Аршак (Ἄρσακ); дающий изобилие справедливый, друг греков». Монета серебр на , степень её сохранности – удовлетворительна . Драхмы «готарзовского типа» определены, как монеты Артабана III (10–40 гг. н.э.) и некоторых его преемников [Голенко, Раджабли, 1975, с. 72; Раджабли, 1997, с. 25].

Антропология. Череп принадлежал мужчине возраста 50+ лет, его сохранность удовлетворительна , череп долихокранный, предположительно относилс к южной ветви европеоидной расы, к каспийскому антропологическому типу.

Антропологический материал из села Аминли вл етс в насто щее врем пока единственным, происход щим из Масаллинского района Азербайджана. Следует отметить, что юго-восточные регионы республики, практически, не исследованы с точки зрени палеоантропологии.

В нашем распор жении имеет лишь мужской череп из кувшинного погребени Нефтечалинского района, который принадлежал представителю балкано-кавказской малой расы [Кириченко, 2020, с. 47–48] и исследованный антропологом Р.М. Касимовой женский череп из кувшинного погребени в Сальнском районе, который относилс к памиро-ферганскому антропологическому типу. Женщина, по всей видимости, была сарматкой, вышедшей замуж

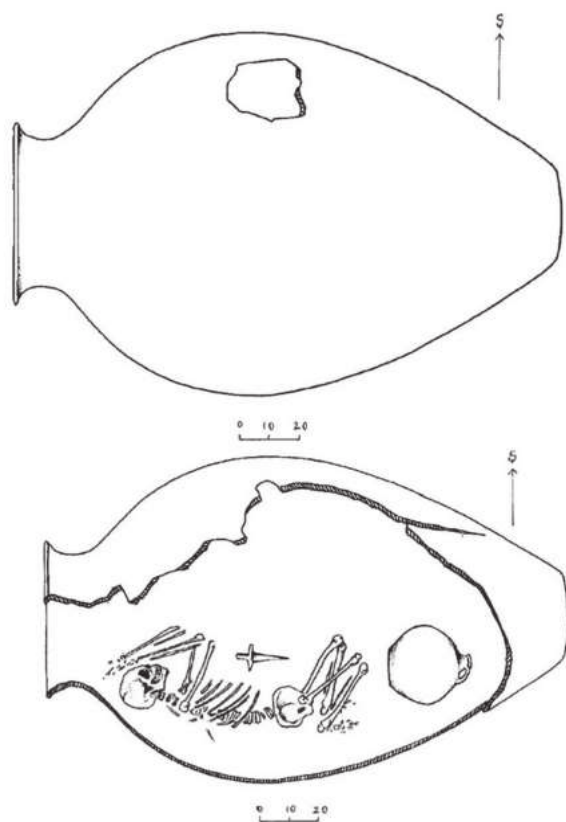

Рис 1. Графические рисунки погребени

за местного жител и похороненной уже по местному погребальному обр ду в кувшине [Qasimova, 1997, s. 34].

Мужские черепа из кувшинных погребений Мингечаура относились к каспийскому антропологическому типу [Кириченко, 2020, с. 46], как и череп из Аминли. Веро тно, мужчина из Аминли вл лс автохтоном юго-восточной части Азербайджана периода античности. На правой височной кости имеет травматическое повреждение (*perimortem trauma*), которое привело к смерти человека. На верхней и нижней челюсти черепа отмечен р д патологий. На черепе отмечены *external occipital protuberance*, *sutura supranasale*. Рост мужчины: 169–171 см. На кост х скелета отмечен комплекс признаков, св заных с верховой ездой, а также сильна разработанность суставов. Мужчина из кувшинного погребени при жизни переносил большие

физические нагрузки. Из патологий посткраниального скелета следует отметить остеоартроз позвоночника.

Заключение. Сармато-аланские элементы наиболее рко про вл ютс в катакомбах Мингечгаур более позднего периода, IV–VII вв. [Мусебли, Наджафов, 2021, с. 54]. Находки сарматского происхождения, вы вленные среди погребального инвентар кувшинного погребени Аминли, показывают, что в I–III вв. н.э. сармато-аланские племена, проход из Дагестана вдоль побережь Каспи, через Аланию двигались в Атропатену с целью совершени грабительских военных набегов. Грунтовые погребени у села Амиртюрба в Масаллинском районе ещё более укрепл ют предположение об их сарматской принадлежности. Считаем верным предположение археолога к.и.н. Г. Гошгарлы о том, что некрополь Амиртюрба отразил военный поход сармато-аланских племен в I–III вв. н.э. из Южного Кавказа в Переднюю Азию [Гошгарлы, 2007, с. 73–75; Гошгарлы, 2012, с. 142].

По мнению Г.О. Гошгарлы, среди погребальных материалов этого некропол большинство составл ют образцы сарматского оружи. Также следует отметить, что сармато-аланские племена, проход через Муганскую степь, вдоль каспийского побережь углубили свои военные походы в Атропатену, перешли через Гилан, Дайламан и далее на юг.

Таким образом, археологические материалы из кувшинного погребени Аминли дают определённую информацию о политических и культурных св з х Атропатены. Они вл ютс нагл дным свидетельством ранних военных походов сармато-аланских племён в Атропатену в I в. н.э. Археологические исследовани некропол в будущем предостав т возможность получени новых выводов о материальной культуре государства Атропатена.

Список литературы

- Ахундова Г. К.* Украшени Азербайджана античного периода. Баку, 2020. 280 с.
- Бакушев М. А.* Погребальный обряд населения Дагестана Албано-Сарматского времени (III в. до н.э.–IV в. н.э.). Ростов-на-Дону, 2008, 208 с.
- Ворошилова О. М.* Пиксиды позднеантичной Фанагории // ПИФК., 2018, №4 (62), С. 122–134.
- Гаджиев М. Г.* Погребальные обряды раннеземледельческих племен Дагестана // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала, 1986, С. 22–42.
- Гошгарлы Г.* Из истории изучения кувшинных погребений Азербайджана // Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası. 2005. №2. S. 19–33.
- Гошгарлы Г. О.* Об одной группе грунтовых погребений первых веков нашей эры на территории Азербайджана // 2006–2007-ci illərdə Azərbaycanda aparılmış arxeoloji və etnoqrafik tədqiqatların yekunları. Bakı, 2007, S. 73–74.
- Гошгарлы Г. О.* Типологии погребальных памятников античного периода на территории Азербайджана. Баку, 2012. 248 с.
- Голенко К. В., Раджабли А. М.* Али-Байрамлинский клад и некоторые вопросы обращения парфенских монет в Закавказье // ВДИ, 1975. №2 (132), С. 71–93.
- Дашевская О. Д.* Поздние скифы в Крыму. САИ. Вып. Д 1–7. М., 1991. 141 с.
- Дервянко А. В.* Роксоланская проблема в российской и украинской археологии. Дисс. канд. ист. наук. Воронеж, 2018. 346 с.
- Кириченко Д. А.* Палеоантропологи Азербайджана (VII в. до н.э. – V в. н.э.). Баку, 2020. 208 с.
- Магомедов Ю. А.* Керамика Южного Дагестана эпохи Великого переселения народов (источниковедческий и историографический аспекты) // Вестник Института ИЭА. 2013. №2. С. 98–118.
- Малашев В. Ю., Магомедов Р. Г., Дзуцев Ф. С., Мамаев Х. М., Кадзаева З. П.* Охранно-спасательные исследования могильников раннего этапа аланской культуры на среднем Тереке Октбрьский I и Киевский I в Моздокском районе республики Северная Осетия – Алания в 2019 г. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 16. №2. 2020. С. 439–460.
- Мусебли Н., Наджафов Ш.* Памятники античного периода Акстафы // Этнокультурное наследие Кавказской Албании. 2021. №2. С. 46–56.
- Мусебли Н., Ахундова Г.* К вопросу о предыстории Албанского государства // Этнокультурное наследие Кавказской Албании. 2022. №3. С. 22–29.
- Нонешвили А. И.* Погребальные обряды народов Закавказья (кувшинные погребения VIII в. до н.э. – VIII в. н.э.). Тбилиси, 1992. 173 с.
- Раджабли А. М.* Нумизматика Азербайджана (очерки истории монетного дела и денежного обращения Азербайджана). Баку, 1997. 232 с.
- Тишкин А. А., Матренин С. С., Кунгуров А. Л.* Наборные посылки кочевников Алтая эпохи великого переселения народов из памятника Степушка I // РА. 2015. №1. С. 121–135.
- Трейстер М. Ю.* Парфенские и раннесасанидские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы (II в. до н.э. – III н.э.) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2018. №10. С. 118–210.
- Халилов Дж. А.* Могильник у с. Рустов Кубинского района и его место в культурных связях Азербайджана и Дагестана // V Крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала, 1975. С. 58–60.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А.* Катакомбы из могильников Фонтаны и Левадки в связи с происхождением позднескифской культуры // Северное Причерноморье в античную эпоху. 2016. С. 239–269.

Храпунов И. Н., Иштванович Э., Кульчар В., Стоянова А. А. Оружие сарматского времени в Крыму и в Альфельде // МАИЭТ. 2020. Вып. XXV. С. 5–24.

Яценко С. А. Некоторые проблемы археологического изучения погребальной обр дности // Новое прошлое. 2016. №4. С. 31–48.

Bőr Gabriella: Pixisek a Kárpát-medencei szarmata Barbaricumban [Pyxides in the sarmatian Barbaricum of the Carpathian basin]. In: Hadak útján. A népvándorlások kutatóinak XXIX. konferenciája. Budapest, 2019. november 15–16. [29th Conference of scholars on the Migration Period. November 15–16, 2019]. Budapest, 2022. [MŰK Kiadványok 4.1]. P. 169–224.

Cəlilov B., Quliyev A., Hüseyinov M. Çərmədil nekropolu. Bakı, 2013. 96 s.

Əsədov V. A. Azərbaycanın küp qəbirləri. Bakı, 2018. 236 s.

Qasımova R. M. Azərbaycan xalqının etnogenezi paleoantropoloji və antropoloji (somatoloji) materiallar əsasında. Bakı, 1997. 55 s.

Kərimov S. K. Atropatenanın qəbir tipləri və dəfn adətlərinin bəzi nəzəri məsələlərinə dair // “Dövlət və din”, ictimai-fikir toplusu, №01 (75). 2023. S. 105–113.

Nərimanov İ. H. Dağlarda yeni kəşflər. Elm qəzeti, dekabr. 1999.

Osmanov F. L. Azərbaycanda küp qəbirlərinin meydana gəlməsi və yayılması məsələsinə dair (Mil düzündə son arxeoloji tədqiqatlar əsasında) // Azərbaycan Maddi Mədəniyyəti. X cild. Bakı, 1987. S. 69–96.

Orucov A. Ş. İlk orta əsrlərdə Azərbaycanda dulusçuluq. Bakı, 1989. 72 s.

МОНЕТА МАКСИМИНА II В СОБРАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ

© *Бабиец Андрей Ильич*

Новороссийская археологическая экспедиция ИА РАН, г. Новороссийск, ncrp333@yandex.ru

© *Джигунова Фатима Кадырбечевна*

ГБУК РА «Национальный музей Республики Адыгея», г. Майкоп, adygmuseum@yandex.ru

Аннотация. Медные монеты Римской империи – редкие находки на территории Краснодарского края и Республики Адыгея. До настоящего времени монеты римской чеканки встречались на Боспоре преимущественно в границах городских центров и их некрополей, прочие находки рассеяны на территории боспорской хоры. В нумизматическом собрании ГБУК РА «Национальный музей Республики Адыгея» (г. Майкоп) представлен фоллис 311 г. – императора Максимиана II Даза (305–313 гг. н.э.), чекан г. Кизика, из единичных находок на р. Псекупс в 1983 г.

Фоллисы данного периода очень редко встречаются в регионе, как и римские монеты в целом (единичные и в кладах). Подобные артефакты, обнаруженные на территории Боспорского государства, заслуживают обязательной фиксации, а введение в научный оборот этих находок представлено важным для пополнения нумизматической базы данных.

Ключевые слова: Боспорское царство, Рим, фоллис, император, римские монеты.

Abstract. Copper coins of the Roman Empire are rare finds on the territory of Краснодар Krai and the Republic of Adygea. To date, coins of Roman coinage were found on the Bosporus mainly within the boundaries of urban centres and their necropolises, other finds are scattered in the territory of the Bosporan chora. In the numismatic collection of the National Museum of the Republic of Adygea (Maikop) there is a follis of 311, Emperor Maximian II Daza (305–313 AD), minted in Kizik, from single finds on the river Psekups in 1983.

Follis of this period are very rare in the region, as are Roman coins in general (single and in hoards). Such artefacts found on the territory of the Bosporan state deserve obligatory recording, and the introduction of these finds into the scientific turnover is important for the replenishment of the numismatic database.

Keywords: Bosporan Kingdom, Rome, follis, emperor, Roman coins.

Нумизматические данные в комплексе с археологическими находками и письменными источниками по истории региона образуют богатую источниковую базу для изучения истории римско-боспорских отношений, характера денежного обращения на Боспоре и у окрестных варваров в эпоху Империи, позволяющую значительно расширить наши представления о развитии политико-экономических связей населения Прикубанья и Северо-Западного Кавказа в античный период.

Актуальным представляется введение в научный оборот монет, хранящихся в музейных собраниях Республики Адыгея. В настоящей статье публикуется римская медная монета Максимиана II из собрания Национального музея Республики Адыгея (г. Майкоп).

Со времени подчинения Боспора Риму в Прикубанье и на Северо-Западном Кавказе хождение имели и римские монеты, которые, хотя и в небольшом количестве, встречаются регулярно. В основном, это монеты первых веков

нашей эры, времен Империи [Крушкол, 1951, с. 266, 272].

В 1926 г. Е. А. Пахомов начинает издание «Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа». За 40 лет вышли девять выпусков, в которых были обобщены все известные ему находки монет на Кавказе и находки кавказских монет за пределами Кавказа [Пахомов, 1938–1966]. Публикации находок и скрупулезное изучение материала позволили автору наметить основные этапы денежного обращения на Кавказе в античную эпоху, в свод также были учтены и римские монеты [Пахомов, 1938, с. 14. № 347, с. 15. № 353; 1940, с. 30. № 784; 1957, с. 7. № 1713].

В свод В. В. Кропоткина в пределах Республики Адыге и Краснодарского края упоминаются находки 11 медных римских монет: это медная монета Клавдия II, 268–270 гг., позднеимперская монета III–IV вв., римская медная монета Веспасиана 71 г. из раскопок в Фанагории, бронзовая монета Грациана, 378–383 гг., 2-оффина, чеканенная в Константинополе, из случайных находок в Фанагории, три бронзовые монеты из Темрюкского района (Констанций II, Валентиниан I, Феодосий I), и обнаруженные в Туапсе четыре медные монеты, две из них – Антонина Пия и Диоклетиана 288 г., чеканенные в Александрии Египетской [Кропоткин, 1961, с. 39, 40. № 15–17, 19, 24–26].

на, найдена в Адлере не позже 1964 г.; бронзовая монета Каракаллы, провинциальной чеканки, найдена близ г. Кропоткин в 1965 г. В ходе раскопок городища Кепы в могиле IV в. н.э., впущенной в культурный слой, найдены три медные монеты: 1) фоллис Константина I, чеканенный в Кизике, 1-оффина; 2) фоллис Константина II, чеканенный в Кизике; 3) неопределённая римская монета плохой сохранности. При раскопках юго-западного некрополя Фанагории в 1978 г. в погребении № 72 найдена бронзовая монета Лициния Старшего, чеканенная в Сиссии, 3-оффина. В центральной части городища Фанагории не позже 1980 г. в песке у обрыва берега найдены три римские бронзовые монеты: 1) Константина I, чеканенная в Фессалониках, 1-оффина, 2) Констанция Галла, 3) Аркадия, чеканенная в Антиохии [Кропоткин, 2000, с. 21, 22, 54. № 1688, 1698, 1713, 2321, 2322].

На территории СССР зарегистрировано 172 клада римских монет (табл. 1), из них кладов медных монет 16, смешанных кладов пять (серебро и медь) [Кропоткин, 1961, с. 14]. В 2000 г. собраны материалы о новых находках римских монет и уточнены ранее опубликованные данные; количество кладов составило 213 (из них клады медных монет 25, смешанные клады 11) [Кропоткин, 2000, с. 74, 76].

Таблица 1. Клады римских монет

	1961 г.	2000 г.
Клады римских монет	172	213
из них:		
клады медных монет	16	25
смешанные клады	5	11

Впоследствии исследователь добавил к своду находки ещё 9 римских медных монет. Бронзовая монета Валентиниана I, чеканенная в Сиссии, 3-оффина-

В нумизматическом собрании музея Республики Адыге представлен фоллис 311 г. императора Максимиана II Даза (305–313 гг. н.э.), чеканенный в Кизике, из

единичных находок А. А. Това на меотском поселении на левом берегу р. Псекупс в 1983 г.

Аверс: Бюст Максимиана, вправо; на голове лавровый венок; GAL VAL MAXIMINVS P F AVG.

Реверс: Юпитер стоит влево, плащ свисает через левое плечо, в правой вытянутой руке глобус, левой рукой опирается на скипетр; у ног слева орёл с венком в клюве, смотрит вверх; IOVI CONSERVATORI AVGG. Под обрезом надпись сильно потёрта, надпись не определена (от MKVA до MKV Epsilon).

Вес 4,89 г, диаметр: 23 мм. RIC VI, 591, no. 79. (прил., рис. 8).

Инвентарный номер музейного хранения НМРА 13381/5.

Фоллисы данного периода очень редко встречаются в регионе, как и римские монеты в целом (единичные и в кладах).

В 2018 г. у поселения Ильич 1 был найден клад медных римских монет III–IV вв. н.э., представленный фоллисами Галери, Максимиана II, Лицини I, Константина I, Константина II. Основу клада составляют фоллисы Лицини I и Константина I при небольшом преобладании последнего (вместе с выпуском Константина II); чеканки других тетрархов представлены единичными экземплярами, в том числе, аналогичного типа фоллис Максимиана II, 312 г. н.э., чекан г. Антиохии [Абрамзон, Бабиец, 2022, с. 185–188].

Таракташский клад 1908 г. (с. Дачное, Крым), включает группу из 66 фоллисов Максимиана Геркули, Максимиана Дазы, Максенци, Лицини I и Константина I – выпуски того же времени, дворов и типов (SOLI INVICTO COMITI, CONSERVATORI AVGG, IOVI CONSERVATORI AVGG NN) [Стивен, 1909, с. 99–101; Харко, 1968, с. 284–295].

В другом кладе римских монет IV в. из этого сектора Северного Причерноморья (с Краснозерненского городища, Крым) к меди Грациана, Валентиниана II, Феодоси I, Аркадии, Гонория подмешались варварское подражание известному римскому типу меди 2-й пол.

IV в. «император на галере», антониниан Проба (276–282), фоллис Максимиана Дазы с типом Гени, провинциальная медная монета III в. и херсонесский тетрассарий 160–180-х гг. [Коршенко, 2011, с. 112–113].

Монеты римских императоров Веспасиана, Антонина Пия, Клавдия II, Диоклетиана, Галери, Максимиана II, Лицини I, Константина I, Константина II, Констанци II, Валентиниана I, Грациана, Феодоси I могли появиться как в результате вторжения готских племён на Боспор [Зубарь, 1998, с. 146] и морских экспедиций варваров (герулов) и их союзников (сарматов и алан) в Малую Азию и на Балканский полуостров [Хайрединова, 1994, с. 523], так и распространены из городов Таврики, в которых были расквартированы римские войска и через которые осуществлялось римское влияние. П. О. Карышковский обратил внимание, что римские монеты встречаются либо на территории святилищ, либо в местах расположения римских легионов и в пунктах вдоль дорог, по которым перемещались римские войска [Карышковский, 1988, с. 127].

До настоящего времени монеты римской чеканки встречались на Боспоре преимущественно в границах городских центров и их некрополей, прочие находки рассеяны на территории боспорской хоры [Розов, 2015, с. 286–287]. В последнее время значительно увеличился объём информации о таких нумизматических памятниках. Это в основном единичные находки, они по части информативности уступаюткладам, но приобретают важное значение для понимания времени их обращения на территории Боспора и прилегающих территорий [Кодацкий, Мызгин, 2017, с. 72].

Известно, что медные монеты мелких номиналов были платёжным средством, главным образом, на внутреннем рынке. Соответственно, картографирование монетных находок, их привозка и преобладание на конкретных памятниках и определённом пространстве, соответствие синхронным группам археологи-

ческих материалов может свидетельствовать о территориальных владениях и зонах экономического влияния конкретного полиса и государства [Гаврилов, 2001, с. 194–195].

Таким образом, введение в научный оборот римских монет из музейных кол-

лекций, с последующим анализом находок, позволит решить вопрос об особенностях обращения римской монеты на территории Боспорского царства и Северо-Западного Кавказа, путей поступления и значимости римских монет в денежном обращении Боспорского царства.

Список литературы

Абрамзон М. Г., Бабиец А. И. Клад римских монет III–IV вв. н. э. с Ильичевского городища // ПИФК. 2022. № 4. С. 184–200.

Бабиец А. И., Иванова О. Н., Демидов С. В. Римские медные монеты I–II вв. из находок в Закубанье // ПриРОНТийский ментала: деньги местного рынка. IX Международный Нумизматический Симпозиум (Черноморское, 4–8 сент бр 2022 г.). Материалы научной конференции. Симферополь, 2022. С. 37–42.

Гаврилов А. В. Новые находки античных монет в Крыму // Боспорские исследования, Вып. 1. Симферополь; Керчь, 2001. С. 185–206.

Зубарь В. М. Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н. э. – первая половина VI в. н. э.). Киев, 1998. 200 с.

Карышковский П. О. Монеты Ольвии (очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху). Киев, 1988. 168 с.

Кодацкий С. В., Мызгин К. В. Клад денариев и антонинианов III в. из Винницкой области // Записки отдела нумизматики и торевтики Одесского археологического музея. Одесса, 2017. С. 72–83.

Коршенко А. Н. Крымские клады позднеимперских медных монет // Нумизматика и эпиграфика. Вып. XVIII. 2011. 264 с.

Кропоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР. САИ. Вып. Г 4-04. М., 1961. 135 с.

Кропоткин В. В. Дополнение к списку находок римских монет // Stratum plus. 2000. № 6. С. 20–117.

Крушкол Ю. С. Монеты Фанагорийского городища раскопок 1937 и 1939 гг. Государственного исторического музея // СА. № 15. Л., 1951. С. 256–273.

Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краёв и областей Кавказа. Выпуск I–IX. Баку, 1938–1966.

Розов В. Н. О некоторых находках римских монет на Таманском полуострове // Древности Боспора. Т. 19. М., 2015. С. 282–283.

Стивен А. Х. Таракташский клад // ИТУАК. Том 43. 1909. С. 99–101.

Хайрединова Э. А. Боспор и морские походы варваров второй половины III в. н. э. // МАИЭТ. Симферополь, 1994. Вып. IV. с. 517–528.

Харко Л. П. Монеты из Таракташского клада 1908 г. // Антична истори и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 284–295.

RIC – Sutherland, C.H.V., Carson R.A.G. The Roman Imperial Coinage. Vol. VI, Diocletian's reform (A.D. 294) to the death of Maximinus (A.D. 313). London, 1967. 726 p.

РАЗВЕДКИ НА ФОНТАЛОВСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В 2022 ГОДУ¹

© Баранюк Андрей Владимирович

Краснодарское краевое отделения ВОО «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры», г. Краснодар, dropp@ya.ru

© Голубев Лазарь Эрвандович

Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева, г. Майкоп, lasar68@mail.ru

© Дубовенко Светлана Владимировна

Краснодарское краевое отделения ВОО «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры», г. Краснодар, svetija@mail.ru

© Новичихин Андрей Михайлович

Анапский археологический музей, г. Анапа, yazamat10@yandex.ru

Аннотация. В публикации вводятся в научный оборот итоги археологических разведок на северо-западной окраине Фонталовского полуострова, в ходе которых были уточнены данные о 33 памятниках археологии и выявлено 19 новых, в том числе четыре грунтовых могильника эпохи античности и средневековья.

Ключевые слова: Фонталовский полуостров, археологические разведки, шурфовки, поселение, могильник.

Abstract. The publication introduces into scientific circulation the results of archaeological surveys on the north-western outskirts of the Fontalovsky Peninsula, during which data on 33 archaeological monuments were clarified and 19 new ones were identified, including 4 underground burial grounds of the antiquity and the Middle Ages.

Keywords: Fontalovsky Peninsula, archaeological exploration, prospecting hole, settlement, burial ground.

Летом и осенью 2022 г. археологическим отрядом ООО «КУБАНЬПРО-ЕКТРЕСУРС» проводились разведки в Темрюкском районе Краснодарского края. Исследования велись на основании Открытого листа №1549–2022 от 06.07.2022 г. на им. Голубева Лазаря Эрвандовича.

Разведки проводились на земельных участках, отводимых под хозяйственное освоение. В связи с этим основной целью работ было уточнение границ известных памятников археологии и установление границ новых. Определение культурно-хронологической атрибуции являлось вспомогательной задачей, которая

решалась путём анализа подъёмного материала и находок в шурфах. При выявлении археологических объектов они не доисследовались, производилась их консервация. Исключение составили шурфы с погребениями. В этих случаях по необходимости делалась прирезка и выявленное погребение исследовалось полностью.

Работы проводились в два этапа:

1 этап. Земельные участки общей площадью 696,72 га, расположенные в окрестностях пос. Батарейка. В ходе проведения археологических разведок в границах землеотводов исследованы 699 шурфов.

¹ Авторы выражают благодарность А. Н. Абрамовой за антропологическую экспертизу.

2 этап. Земельные участки общей площадью 716,4 га, расположенные от восточной окраины пос. Ильич до западной и южной окраины пос. Приазовский. В ходе проведения археологических разведок в границах землеотводов исследованы 712 шурфов. Размеры всех шурфов были 2×1 м.

Полевым работам предшествовало изучение архивных материалов. Основным архивным источником являются работы разведочного отряда Таманско-Фанагорийской экспедиции Института археологии АН СССР под руководством Я. М. Паромова, когда было предпринято сплошное обследование территории Таманского полуострова (Темрюкского района). Итогом работ исследователей стало составление археологической карты Таманского полуострова [Паромов, 1992]. Именно экспедицией Паромова выявлена значительная часть объектов археологического наследия (далее ОАН) в районе исследования 2022 г. Археологическая карта Я. М. Паромова с детальным описанием памятников и их топопланами, а также подготовленные им паспорта на памятники явились основным архивным источником для уточнения границ в зоне нашего исследования. Работы Я. М. Паромова проводились без шурфовок, на основе визуального осмотра, сбора подъёмного материала и дешифровки аэрофотосъёмки.

В 2010–2014 гг. на территории Темрюкского района по государственным контрактам с Управлением государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края проводились работы по подготовке учётной документации на памятники археологии. В частности, эти работы охватывали территории настоящего исследования. Специалистами ООО «ЮРЦАИ» совместно с сотрудниками Института археологии РАН были составлены учётные карточки на ряд поселений и курганов в районе п. Ильич – п. Батарейка. Эти работы проводились также без шурфовок. По их результатам были почти без корректировки повторены границы памятников, определенные

Я. М. Паромовым. Таким образом следует отметить, что на исследованной территории ранее сплошные разведки с шурфовками не проводились.

Немаловажным инструментом при проведении настоящих работ является анализ космоснимков поверхности земли разных лет, на которых хорошо просматриваются и древние дороги, и следы античного землепользования (межевания). Сеть этих дорог и межевых линий уже хорошо проработана в научной литературе [Паромов, 1998; Гарбузов, 2007]. На некоторых участках этих дорог нами были заложены шурфы, но стратиграфически они никак не выражены. Лишь в одном шурфе был выявлен развал стенок амфоры вне культурного слоя. Особое внимание было уделено светлым пятнам на космоснимках. Они помогали устанавливать границы памятников дополнить шурфовки, а также выявить новые. Например, так был выявлен ОАН Усадьба «Приазовский 11»: шурф был заложен по координатам точки на юго-западном краю светлого пятна в месте соединений линий древних дорог и следов межевания, попадающего частично на территорию землеотвода. В шурфе были выявлены фрагменты античной керамики и предметной хозяйственной утвари.

Однако в ходе полевых работ выяснилось, что светлые пятна на космоснимках не всегда означают памятники археологии: иногда это современные техногенные следы, иногда территории ныне не существующих хуторов конца XIX – 1-й пол. XX вв. В этой связи отметим поиск границ ОАН Поселение, гос. № 4828/Поселение «Батарейка 3» (прил., рис. 9, № 4). На территории памятника с пятнами – «5 зон сравнительно плотной древней застройки» [Паромов, 1992 с. 132–133], которая хорошо привязывалась к современному картографическому материалу, было заложено множество шурфов. Однако никакого археологического материала, за исключением пары фрагментов керамики на все шурфы,

не выявлено. Возможно, маломощный культурный слой этого поселения был уничтожен постоянной плантажной распашкой и остались лишь хозяйственные ямы, которые не попали в шурфы, либо этот ОАН является могильником, прилегающим к древней дороге.

Такая же ситуация возникла с шурфовками территории ОАН Поселение гос. № 4895/Поселение «Приазовский 3» (прил., рис. 9, № 31), где Я. М. Паромовым «при изучении аэрофотосъемочного материала в районе памятника были выявлены слабо выраженные признаки древней застройки» [Паромов, 1992. с. 116]. Многочисленные шурфы на этом участке не дали никакого материала, лишь в одном шурфе рядом с «курганнообразным возвышением» было выявлено погребение. Также, как и в случае с «Батарейкой 3» рядом с памятником проходит древняя дорога.

Все выявленные в 2022 г. памятники поселенческого типа в юго-западной близлежащих крупных поселений/городищ: «Батарейка 1», «Приазовский 1», «Приазовский 2» и предварительно датируются эпохой античности (IV в. до н. э. – III в. н. э.). Исключение составляет поселение «Приазовский 8», которое по подъёмному материалу и находкам в шурфах предварительно датируется поздним средневековьем. Также среди находок на территории поселений «Приазовский 6» и «Приазовский 9» выявлен материал эпохи бронзы (2- пол. II – начало I тыс. до н. э.).

Учитывая тот факт, что на археологической карте Я. М. Паромова ни один могильник на северо-западной окраине Фонталовского полуострова не отмечен, особо отметим выявление нами новых грунтовых могильников. Ниже приводятся их описания.

1. *Поселение гос. 4895/Пос. «Приазовский 3».* По итогам шурфовки признаков поселенческого культурного слоя на территории, отмеченной Я. М. Паромовым, не выявлено. По сути является могильником, в который также входит четко выраженная курганная насыпь.

ОАН расположен в 2,1 км к западу-юго-западу от пос. Приазовский на территории виноградников. Имеется общее понижение к югу до древней дороги, идущей по низине от городища «Ильичёвка» и далее на восток-юго-восток к поселению «Приазовский 1» и «Приазовский 2». Территория памятника определена по курганообразной насыпи. Насыпь расположена на ровной площадке, но южная часть её плавно переходит в заметный уклон рельефа, по основанию которого проходила древняя дорога. Размеры насыпи: 50 м по линии С-Ю и 42 м по линии З-В; высота около 0,8 м.

В 10–15 м к востоку от насыпи в северном борту шурфа 450 при стратиграфической зачистке был выявлен железный предмет и кости, в связи с чем с севера к шурфу была выполнена прирезка размерами 1×2 м, длинной осью по линии ЗЮЗ-ВСВ (вдоль линии костяка).

В прирезке было зачищено погребение (прил., рис. 10). Погребальная камера не прослеживалась. Погребение парное. Кости одного скелета были сложены не в анатомическом порядке (?) головой на запад, без инвентаря. Пол не определен, возраст 45–55 лет. Второй примыкал к первому с севера: погребённый мужчина 35–45 лет лежал вытянуто на спине головой также на запад. Инвентарь:

- Фрагменты акинака с брусковидным, сегментовидным навершием и бабочковидным перекрестием (прил., рис. 10, 4). Длина сохранившейся части 20 см, навершие 6×2,3–2,6 см, сечение рукояти 3×2 см, ширина перекрестия 6,4 см. Лежал в районе таза.

- Чернолаковая чаша (Stemmed dish) с туловом в форме сегмента шара с мягко загнутым внутрь краем, невысоким валикообразным венчиком с горизонтальным желобком под ним, на массивной цилиндрической ножке с широким усечённо-коническим основанием, с воронкообразным углублением снизу (прил., рис. 10, 3). Чаша имеет шесть парно расположенных отверстий – следы ремонта. На внутренней поверхности

поддона граффити в виде букв N и A, расположенных с противоположных сторон. Глина бежевая, лак чёрный, с сургучными подпалинами. Дата 570–500 гг. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 303, cat. 958–961, fig. 9, pl. 35]. Высота 6,7 см, дм. 16,5 см, дм. венчика внутренний 15 см, дм. поддона 7,4 см. Вывлена между берцовыми костями.

- Амфора с туловом округло-конической формы, невысоким цилиндрическим горлом с широким валикообразным венчиком и невысокой ножкой в форме сложнопрофилированного кольцевого поддона (прил., рис. 10, 1). Горло овальное в плане. Ручки уплощённо-овальные в сечении, крепятся к горлу под венчиком и к плечикам сосуда. Глина красная, с блестками, чешуйками слюды, мелкими красными и известковыми включениями. Северная Эгеида. I пол. V в. до н.э. [Монахов, 2003, с. 37–42, табл. 26.]. Вывлена за костями стоп. Амфора была прикрыта плоским камнем неправильных очертаний размером 18×13×3,5 см (прил., рис. 10, 2).

2. *Грунтовый могильник «Ильич 6».* ОАН расположен: Темрюкский район, п. Приазовский, 2,5 км к западу-юго-западу от посёлка на пахотном поле. В шурфе 530 вывлена погребение, маркирующее территорию ОАН (прил., рис. 12 а). На глубине 53 см от R0 у восточного борта шурфа обнаружены фрагменты лепного сосуда и произведена зачистка погребения взрослого человека. Костки очень плохой сохранности. Сохранились два фрагмента зубов со следами сильной стёртости и фрагменты костей ног. По всей видимости, погребённый лежал головой на запад.

Инвентарь: Горшок бочонковидной формы, плоскодонный, со слабовыраженным выступом-закраиной по периметру дна, и наlepным уплощенным манжетовидным венчиком с фестончатым нижним краем (прил., рис. 12 а, 1). Глина коричневая, с тёмно-коричневыми и чёрными подпалинами, с обильными включениями известковой, мергеливой и кальцитовой дресвы. Размеры: высота 17,5 см, диаметр тулова 20 см, диаметр дна 13 см. Сосуд располагался в ногах погребённого. Погребённая ма не читалась.

Погребение предварительно датируется I пол. I тыс. до н.э. Так как инвентарь состоит из одного лепного горшка, сложно дать более точную датировку в связи с широким периодом бытования подобных сосудов. Не исключена вероятность, что данное погребение является периферией могильника близлежащего ОАН «Поселение, гос. № 4895»/«Приазовский 3».

3. *Грунтовый могильник «Ильич 7».* ОАН расположен в 3 км к западу от пос. Приазовский и в 1,6 км к северо-востоку от пос. Ильич на пахотном поле у обрывистого берега Азовского моря. В шурфе 571 (2 этап) вывлена погребение, маркирующее территорию памятника (прил., рис. 11). Территория памятника определена предварительно по микрорельефу.

В центре шурфа (со смещением к СЗ) на уровне зачистки дна на глубине 135 см был вывлен фрагмент плоской античной черепицы. Также в западном борту шурфа при стратиграфической зачистке зафиксирован фрагмент человеческой кости в полости заполнения, в связи с чем к северо-западному углу шурфа была выполнена прирезка размерами 1×2 м, длиной осью по линии запад-восток.

В прирезке при зачистке дна вывилось платно могильной ямы. После фиксации горизонта ямы было исследовано погребение. Погребённая женщина 35–45 лет лежала вытянуто на спине головой на запад. Сохранность костей плохая: сохранились фрагменты черепа и зубы, фрагменты ключиц, фрагменты костей рук и бедренные кости. Кости ног смещены к югу от оси костника.

Инвентарь:

- Бусина глобoidalной формы из голубого стекла со сквозным горизонтальным каналом отверстия (II–I вв.

до н.э.) [Алексеева, 1978, с. 68, тип. 83, табл. 33, 23] (прил., рис. 11, 1). Размеры: высота 0,5 см, дм. 0,4 см, дм. отв. 0,1 см. Вы влена в районе правой ключицы.

- Каннелированная бусина веретенообразной формы из коричневого фанса с жёлтой глазурью, с продольным каналом отверстия (фрагмент) (прил., рис. 11, 2). Размеры: высота сохр. 1,7 см, дм. 0,9 см, дм. отв. 0,15 см. Вы влена у правой руки.

- Бусина округлая, поперечно сжата из глухого синего стекла со сквозным горизонтальным каналом отверстия (IV–I вв. до н.э.) [Алексеева, 1978, с. 65, тип. 15, табл. 33, 1] (прил., рис. 11, 3). Размеры: высота 0,4 см, дм. 0,55 см, дм. отв. 0,2 см. Вы влена у правой руки.

- Створка раковины сердцевидки в заполнении мы у южного борта. Размеры: 2×1,7×0,7 см (прил., рис. 11, 4).

- Фрагмент железного перстня с линзовидной в сечении шинкой и плоским овальным щитком у верха левого бедра (прил., рис. 11, 5). Размеры: 2,4×1,1×1,2 см.

- Фрагмент плоской черепицы с прямоугольным в сечении бортиком по краю (прил., рис. 11, 6). Глина красновато-розовая с чёрными блестящими, железистыми, известковыми и красными включениями. Синопа (IV–II вв. до н.э.). Размеры: 39×34×5,3 см, высота бортика 2 см. Лежала в 54 см к востоку от низа левой бедренной кости вне погребальной мы.

- Чашечка с туловом в форме сегмента шара с горизонтально срезанным краем на низком кольцевом поддоне (прил., рис. 11, 7). Глина розовато-красная, с блестящими, красными, известковыми и железистыми включениями. На внешней поверхности и по краю венчика – следы плотного грязно-белого ангоба. III–I вв. до н.э. Размеры: высота 3,9 см, дм. макс. 11 см, дм. поддона 7 см. Располагалась непосредственно под центром фрагмента черепицы.

- Унгентарий веретенообразной формы с вытнутым яйцевидным туловом, высоким, расширяющимся кверху гор-

лом с грибовидным венчиком, узкой цилиндрической ножкой (прил., рис. 11, 8). Основание ножки утрачено. Глина серая, с блестящими, редкими мелкими известковыми включениями. III–I вв. до н.э. [Парович-Пешикан, 1974, с. 110, тип. IV]. Примыкал непосредственно к чашечке с востока, также под черепицей.

После фиксации костяк и инвентар погребальной мы была вычищена. В плане мы имела подпрямоугольную форму с закруглёнными краями. Стенки вертикальные, небольшой уклон внутрь.

К исследованной могильной мы с юга примыкало частично ещё одной мы, уходившее в южный борт прирезки (прил., рис. 11).

4. *Грунтовый могильник «Батарейка 5»*. ОАН расположен в 500 м от берега Динского залива в 2,45 км к западу от п. Батарейка. Юго-восточная граница могильника «Батарейка 5» совпадает с юго-западной границей городища Динского залива/Батарейка 1. Могильник расположен на пологом склоне горы, идущей в меридианальном направлении через центральную часть поля. Границы памятника определены по микрорельефу, и шурфам 610, 612, в которых выявлены планта от могильных мы.

При зачистке дна шурфа 610 в юго-восточном углу был выявлен сегмент округлого планта шириной 26 см по восточному борту и 25 см – по южному (прил., рис. 12 б).

Также у южного борта в материке было выявлено сегмент ещё одного округлого планта. Была сделана прирезка и объект полностью исследован. В округлой мы диаметром 83×86 см и макс. глубиной от уровня зачистки 50 см в юго-восточном сегменте на уровне 124 см от R0 выявлена средневековая амфора, лежавшая на боку, горлом у борта. Следует отметить, что уровень расположения амфоры выше на 3 см, чем уровень планта мы, выявленного на уровне материка и на 30 см выше дна мы. При зачистке дна мы были выявлены следы белёсого тлена, которые практически сразу выгорали на солнце.

Инвентарь: Амфора с йцевидным туловом, круглодонна, с перехватом в нижней части. Тулово плавно переходит в невысокое цилиндрическое горло с отогнутым наружу, слегка утолщённым венчиком (прил., рис. 12 б, 1). Ручки уплощённо-овальные в сечении, с двум неглубокими продольными желобками с внешней стороны, крепятся к верхней части тулова и к горлу под венчиком. Верхняя и нижняя части тулова покрыты широкими горизонтальными рёбрами. Глина светло-коричневая, с блёстками, известковыми и железистыми включениями. Причерноморье, X–XI вв. [Якобсон, 1979, с. 71, 73, рис. 43, 2,5].

Каких-либо иных артефактов, костей и т. п. в заполнении шурфа мы не выявлено. Предположительно данный объект является погребальным либо ребёнка, либо кенотафом. Однако отсутствие признаков чётких признаков могильника оставляет возможность определить функцию памятника как сельскохозяйственные угоды в окрестностях городища Динского залива/Батарейка 1 с местами для временного хранения и переработки продукции земледелия. Насколько верен первый или второй вариант покажут только предстоящие раскопки.

Плотно мы в юго-восточном углу шурфа 610 не исследовалось, после завершения работ в шурфе законсервировано.

При зачистке дна шурфа 612 у северного борта в материке также был выявлен сегмент округлого памятника. Размеры зачищенной части памятника: 45×105 см. Плотно не исследовалось, было законсервировано.

Выявлена средневековая амфора в шурфе 610 синхронна периоду бытования примыкающего к могильнику с востока городища Динского залива/Батарейка 1. На его территории в 2019 г. сотрудниками Института археологии РАН под руководством А. Н. Свиридова был выявлен клад из 28 византийских монет X в., чеканенных в правление императоров Никифора II Фоки (963–969)

и Иоанна I Цимисхи (969–976) [Язиков, 2019, с. 129, 136].

5. *Грунтовый могильник городища и поселения «Ильичевка».*

Согласно учётной документации 2016 г. могильник занимал огромную территорию, опоясывая городище «Ильичевка» с юга и востока, и в качестве первооткрывател упоминал А. В. Иванов. По факту А. В. Иванов в 2009 г. выявил северо-западный грунтовый могильник городища на коренном берегу Керченского пролива. Данная ошибка не отменяет факта существования у южных границ городища «Ильичевка» грунтового могильника, так как согласно устной информации, полученной от жителей пос. Ильич, при строительстве домов на северной окраине поселка (южной окраине городища) находили человеческие кости и погребальный инвентарь.

Специалистами ИИМК РАН под руководством С. Л. Соловьёва в 2015 г. проводились раскопки территории могильника, попадающей в зону строительства Крымского энергомоста.

На исследованной территории, преимущественно в её северной части, обнаружены 15 хозяйственных мест. Изученные археологические объекты, в том числе и два развала керамики, исследователь относит к позднеархаическому периоду – концу VI – 1-й четв. V вв. до н. э. «Полученные в ходе раскопок данные при первом приближении позволяют определить функцию памятника как сельскохозяйственные угоды в окрестностях городища с местами для временного хранения и переработки продукции земледелия ..., что в свою очередь ставит под сомнение ранее предложенную интерпретацию этой части археологического памятника как грунтового могильника» [Соловьёв, 2016, с. 46–47].

По итогам наших работ 2022 г. были уточнены границы могильника и составлена новая учётная документация. В результате шурфовки был исключен северо-восточный массив с раскопами

С. Л. Соловьёва. В границы памятника включены территории вокруг двух небольших раскопов (общая площадь 40 м²), заложенных в 1983 г. группой Ильичёвского отряда Института археологии АН СССР под руководством Т. Г. Шавыриной к востоку от пос. Ильич. Тогда было исследовано семь погребений грунтового некрополя, который исследованельница свзывает с городищем «Ильичёвка» и датирует III в. до н. э. – II в. н. э. Также в границы памятника включены участки около раскопов Т. Г. Шавыриной, на которых были отмечены распаханные «курганчики», ныне не прослеживаемые, и курган № 4 (высота 3,14 м), включенный в список ориентиров для закладки её раскопов [Шавырина, 1984].

Список литературы

- Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г1-12. М., 1978. 104 с.
- Гарбузов Г. П.* Краткий обзор древнего землеустройства Таманского полуострова // Древности Боспора. Т. 11. М. 2007. С. 59–85.
- Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров – экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.; Саратов, 2003. 352 с.
- Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974. 218 с.
- Паромов Я. М.* Археологическая карта Таманского полуострова. М., 1992. С. 14.
- Паромов Я. М.* Главные дороги Таманского полуострова в античное время // Древности Боспора. Т. 1. М, 1998. С. 216–225.
- Соловьёв С. Л.* Отчёт о научно-исследовательской работе. Охранные археологические раскопки на объектах археологического наследия Городище и поселение «Ильичёвка» и Грунтовый могильник городища и поселения «Ильичёвка» на северо-восточной окраине поселка Ильич в Темрюкском районе Краснодарского края. СПб, 2016 // Архив ИА РАН. Р-1, д. № 48421.
- Шавырина Т. Г.* Отчёт о результатах работ некропольской группы Ильичёвского отряда Института археологии АН СССР в 1983 году. М., 1984 // Архив ИА РАН, Р-1, д. № 11210.
- Шаров О. В.* Отчёт о спасательных археологических раскопках на территории посёлка Ильич Темрюкского района Краснодарского края Российской Федерации в 2015 году. М., 2015 // Архив ИА РАН. Р. 1, д. № 52362–52368.
- Язиков С. В.* Технический отчёт о проведении мониторинга состояния объектов археологического наследия муниципального образования Темрюкский район (6 объектов: Городище «Кёпы» VI–II вв. до н. э., Голубицкое городище, V в. до н. э. – IV в. н. э., Городище I–VIII вв. н. э. п. Красноармейский, Античный город Патрей VI в. до н. э. – III в. н. э., VIII–IX и XII–XIII вв. н. э., Крепость, I–VI вв. н. э. посёлок Батарейка, Городище Динского залива с остатками крепостных сооружений, I в. до н. э. – IV в. н. э.). М. 2019. // Архив УГО ОКН АКК.
- Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. 164 с.
- Sparkes B. A., Talcott L.* Black and Plain Pottery of the 6-th, 5-th and 4-th centuries B.C. Part. 1, 2. [The Athenian Agora. Vol. 12]. Princeton, N. J. American School of Classical Studies at Athens, 1970. 472 p.

О СТАТУСЕ «ВСАДНИЧЕСКИХ» ПОГРЕБЕНИЙ ИЗ САРМАТСКИХ МОГИЛЬНИКОВ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

© Берлизов Николай Евгеньевич

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Краснодарский государственный институт культуры», г. Краснодар, berlizov@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется группа совместных погребений людей с лошадьми, представленных в сарматских памятниках Западного Кавказа. Показаны черты сходства и различия этой группы с одной стороны – с сарматскими памятниками других регионов, а с другой – с «всадническими» погребениями оседлых племен Кубани. Рассмотрена также роль конских захоронений в погребальном обряде кубанских сарматов.

Ключевые слова: Западный Кавказ, сарматы, погребальный обряд, погребения «всадников».

Abstract. The article considers a group of joint burials of people with horses represented in the Sarmatian monuments of the Western Caucasus. The similarities and differences of this group are shown, on the one hand, with the Sarmatian monuments of other regions, and on the other – with the “horseman” burials of the settled tribes of the Kuban region. The role of horse burials in the burial rite of the Kuban Sarmatians is also considered.

Keywords: Western Caucasus, Sarmatians, funeral rite, burial of “horsemen”.

В массиве савромато-сарматских памятников Западного Предкавказья обращают на себя внимание погребения людей, похороненных с конями (часто взнузданными). Анализ подобных погребений меотов и синдвов Западного Кавказа показал, что у оседлых племен региона данный обряд практиковался на протяжении всего раннего железного века – с кон. IX в. до н. э. по IV в. н. э. – и был характерен, в первую очередь, для представителей воинской элиты. При этом совместные захоронения людей и коней либо конских чучел у носителей протомеотской и меотской культур составляют в среднем 10,2% (103 погребения из 1011) [Берлизов А. Н., Берлизов Н. Е., в печати].

Подобные захоронения в савромато-сарматском мире известны, но встречаются они нечасто. Так в группе из 463 неразграбленных савроматских погребений, проанализированных автора-

ми, совместно с лошадьми были похоронены только 5 индивидов (1,1%). Учёт ограбленных погребений, приведённых в сводке М. А. Очир-Горевой [Очир-Горева, 2012, с. 230, 274–281], позволяет увеличить долю таких погребений в «савроматской» среде до 3%. Все они происходят из курганов Южного Урала. При этом в савромато-сарматской среде захоронения людей с лошадьми появляются гораздо позже, чем у меотов Прикубанья – не ранее V в. до н. э. [Очир-Горева, 2012, с. 237].

В массиве из 1716 раннесарматских (прохоровских) погребений Приуралья, Заволжья, Дона, Центрального и Восточного Предкавказья и Украины подобные комплексы составили только 0,2% (4 погребённых).

Близка ситуация наблюдается при анализе среднесарматских погребений (590 комплексов): только 2 (0,3%) из них содержат останки человека и костки

кон . Наконец, из 528 позднесарматских погребений Урала, Заволжья, Дона ни одно не содержало подзахоронения коня.

При этом у носителей савроматской культуры Южного Урала совместные погребения людей с конями, как правило, принадлежали представителям кочевой элиты, либо воинам. Это же можно сказать о раннепрохоровском периоде (кон. V–IV вв. до н.э.), когда конские подзахоронения встречаются в богатых коллективных погребениях в дромосных могилах Приуралья (Филипповка I к. 4 п. 5 [Яблонский, 2008, с. 260–261; Он же, 2013, с. 22–24]) и донского правобережья – Сладковка к. 4 [Смирнов, 1982]. В этом ряду «всаднические» погребения из Марьинской, Воронежской, х. Лебеди и Курджипса выглядят вполне органично.

Единичные прохоровские «всаднические» погребения III–I вв. до н.э. из Башкирии и Ставрополья – Старые Кишишки к. XI п. 2, Китаевка к. 6 п. 1, к. 7 п. 5 и 6 [Садыкова, 1962, с. 89–91; Коренко, Найдено, 1977, с. 237–239] отличает крайне скромный инвентарь, а то и полное его отсутствие.

В среднесарматское время совместные погребения людей и лошадей помимо Кубани фиксируются на Украине, причем статус их явно выше, чем на предыдущем этапе: одно из них содержит воинский инвентарь (Верхняя Маевка XIV к. 2 п. 11 [Костенко, 1986, с. 29]), а второе – Соколова Могила – относится к числу «княжеских» [Ковпаненко, 1986]. К этой же группе можно отнести и богатейшее погребение в Ногайчинском кургане, содержавшее черепа двух лошадей с упряжью [Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 62].

В Прикубанье подобная деталь обряда встречается в савромато-сарматских погребениях чаще, чем в целом по Сарматии. В IV–III вв. до н.э., когда в регионе фиксируется сравнительно немногочисленная группа савромато-сарматских захоронений, доля «всаднических» погребений составляет 8,3% (4 из 48). При этом совместные погребения людей с ко-

нями в к. 16 и 19 у ст. Воронежской, Дымной могиле у ст. Марьинской и к. 1 могильника Лебеди III, содержали в составе инвентаря золотые и серебряные украшения, наборы вооружения и импортную керамику [Веселовский, 1906, с. 71–75; Он же, 1917, с. 50–57; Каменецкий, 1980, с. 109–110]. Ограбленный курган 19 у ст. Воронежской содержал захоронение 30 (!) взнузданных лошадей, а под курганом 16 три погребения людей сопровождали захоронения коня и более десятка взнузданных конских черепов [Веселовский, 1906, с. 72, 75]. Вероятно, конское захоронение содержало и основное погребение в Курджипском кургане «Раскопана гора», суд по находке в 1896 г. лошадиной челюсти с удилами в восточной поле и бронзового наносника – в западной [Сысоев, 1898, с. 153]. Конские погребения находились, как правило, в погребальных камерах с останками людей, и только в курганах у ст. Воронежской для них сооружались отдельные могилы.

Во II–I-й пол. I вв. до н.э. доля таких погребений падает до 1,6% (8 случаев из 502 – Батуринская к. 2 п. 5, Михайловская к. 7 п. 7, Курганинск к. 1 п. 63, 66, 74, 75, 84 и 87). С учетом шестнадцати конских подзахоронений в Курганинском кургане-кладбище она вырастает до 4,6%. Для этого периода помимо захоронений коней с упряжью известны захоронения чучел – захоронения шкуры коня с костями черепа и ног. Останки коней помещались либо во входные камеры катакомб и подбоев, либо в отдельные могилы. Как правило, «всаднические» захоронения содержали предметы вооружения и ни разу не содержали изделий из драгоценных металлов, металлических и стеклянных сосудов.

Из 128 учтенных неограбленных среднесарматских погребений региона конские подзахоронения содержали только два (1,6%) (Майкоп, курган 1 на Лысой горе, Свободный Мир II к. 25 п. 1). К этому можно добавить также ограбленное погребение в к. 1 у ст. Тбилисской, во входной камере которого встречено

погребение лошади [Ждановский, 1984, с. 72–75]. Но и с учётом этого процент «всаднических» погребений оказывается невелик – 2,3%. Погребения из Майкопа и Тбилисской содержали оружие и золотые украшения, а вот в погребении из группы Свободный Мир II зафиксированы только удила. Во всех трёх случаях кони были похоронены в одной могиле с хозяином.

В небольшой выборке из восьми неогрбленных позднесарматских погребений Прикубань и Закубань ни в одном не обнаружены останки боевого коня. С учётом 46 ограбленных захоронений «Золотого кладбища» II–III вв. н.э., погребения с лошадьми (к. 14 и 18 у ст. Казанской, к. 11–13 у ст. Тифлисской, к. 30 у ст. Усть-Лабинской; к. 6, 8, 9 у ст. Тбилисской [Веселовский, 1903, с. 75, 78; Он же, 1904, с. 68, 79; Ждановский, 1984, с. 79, 83, 85]) составляют порядка 16,7%. Все они происходят из разграбленных дружинных курганов, содержащих в составе инвентаря золотые изделия, элементы наступательного и оборонительного вооружения, культовые треножники, амфоры и всегда обнаруживались во входных проемах катакомб.

Итак, в массиве сарматских погребений Западного Предкавказья, т.н. «всаднических» погребения представлены репрезентативнее, чем в соответствующие периоды в сарматской культуре в целом. Обращает на себя внимание характер сопутствующего инвентаря интересующих нас комплексов: в момент появления сарматов на Кубани – в финале савроматского, начале прохоровского периодов – он включает, как отмечалось, вновь престижные элементы, которые отсутствуют во «всаднических» погребениях региона позднепрохоровской эпохи. В средне- и позднесарматский периоды в этих погребениях вновь появляются социально-престижные изделия. Симптоматично, что большая часть «всаднических погребений Кубани IV в. до н.э. ограблена, ограблены и все подобные погребения I–III вв., в то время

как во II–I вв. до н.э. они ограблению практически не подвергались.

Эта картина отличается от той, которую демонстрируют синхронные памятники меотской культуры, в которых «всаднические» погребения на протяжении всего раннего железного века стабильно содержали более престижный инвентарь, чем все остальные. Вместе с тем, она вполне согласуется с наблюдениями за изменениями в инвентаре подобных погребений у сарматов Урала, Поволжья, Дона, Украины и Центрального и Восточного Предкавказья. Можно предполагать, что изначально подзахоронения лошадей сопровождали часть представителей савромато-сарматской воинской элиты, которая в III–I вв. до н.э. утратила своё влияние и восстановила его к началу римского времени. Более широкое распространение обычая хоронить человека с конём у кубанских сарматов, по сравнению с остальным сарматским миром, можно объяснить влиянием местной более древней традиции.

Можно обратиться к роли, которую играли останки лошадей и конские чучела в обряде кубанских сарматов. М.А. Очир-Горева, опираясь на исследования скифологов, предложила пять вариантов их предназначения [Очир-Горева, 2012, с. 12]:

1) Кони-перевозчики, которые были захоронены в повозку с телом погребённого и его инвентарём.

2) Кони-подношения (подобные захоронены в кургане Аржан и Ульских курганах).

3) Кони «главного седла», то есть верховые.

4) Кони в тризне.

5) Кони-«стражники».

Применительно к анализируемой группе мы можем констатировать три из предложенных выше вариантов. В роли перевозчиков могли выступать кони, помещённые в гробницу кургана Дымна могила в ст. Марьинской, где вместе с ними были обнаружены железные ступицы колёс от колесницы-катафалка.

Подношением, веро тнее всего, вл - томеотского периода (Берлизов А.Н., Берлизов Н.Е., в печати). Семантика захоронени чучел, на наш взгл д, раскрывается в сюжете «Нартиады» о путешествии геро Созырко в мир мёртвых за волшебным Азан-листом. Созырко отправл етс в потусторонний мир на живом коне, а возвращаетс уже на его чучеле (Нарты. XVIII. 50). Это позвол - ет предполагать, что взнузданный конь в погребальном обр де рассматривалс как транспорт дл души умершего в царство мёртвых, а вот чучело – как средство её возвращени в мир живых в поминальные дни.

Список литературы

- Берлизов А. Н., Берлизов Н. Е.* О статусе «всаднических погребений» из синдских и меотских могильников Западного Кавказа. В печати.
- Веселовский Н. И.* Кубанска область // ОАК за 1901 г., СПб., 1903. С. 66–89
- Веселовский Н. И.* Кубанска область // ОАК за 1902 г., СПб., 1904. С. 65–91.
- Веселовский Н. И.* Кубанска область // ОАК за 1903 г., СПб., 1906. С. 61–90.
- Веселовский Н. И.* Кубанска область // ОАК за 1912 г., СПб., 1917. С. 50–59.
- Ждановский А. М.* Подкурганые катакомбы Среднего Прикубань первых веков нашей эры // Археолого-этнографические исследовани Северного Кавказа. Краснодар, 1984. С. 72–99.
- Зайцев Ю. П., Мордвинова В. И.* «Ногайчинский» курган в степном Крыму // ВДИ. 2003. №3. С. 61–99.
- Каменецкий И. С.* Работы в Краснодарском крае // АО за 1979 год. М., 1980. С. 108–110.
- Ковпаненко Г. Т.* Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. Киев, 1986. 151 с.
- Кореняко В. А., Найдено А. В.* Погребени раннего железного века на р. Томузловке: (Ставр. край) // СА. 1977. №3. С. 230–248.
- Костенко В. И.* Сарматы Самарско-Орельского междуречь III в. до н.э. – IV в. н.э. Учебное пособие. Днепропетровск, 1986. 104 с.
- Нарты.* Героический эпос осетинского народа. Книга 2. М., 1989. 492 с.
- Очир-Горяева М. А.* Древние всадники степей Евразии. М., 2012. 472 с.
- Садыкова М. Х.* Сарматский курганный могильник у дер. Старые Кишки // АЭБ. Т. 1. Уфа, 1962. С. 88–122.
- Смирнов К. Ф.* «Амазонка» IV в. до н.э. на Дону // СА. 1982. №1. С. 120–131
- Сысоев В. М.* Извлечение из отчёта В. М. Сысоева о раскопках, произведённых им в 1896 году в кургане близ Курджипской станицы, в Майкопском отделе Кубанской области // ОАК за 1896 г. СПб., 1898. С. 149–156.
- Яблонский Л. Т.* Новые раскопки Филипповского I могильника // АВЕС. Вып. 6. 2008. С. 253–268.
- Яблонский Л. Т.* Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004 – 2009 гг.). Каталог коллекции. Книга 1. М., 2013. 232 с.

О СТРАННОМ «КАНДЕЛЯБРЕ» ИЗ УСТЬ-ЛАБИНСКОГО КУРГАНА № 29

© Бодрова Мария Геннадьевна
НИУ ВШЭ, г. Москва
maborydrova@gmail.com

Аннотация. В коллекции отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа хранится один уникальный предмет, традиционно называемый «кандел бром». Он происходит из Усть-Лабинского кургана № 29, раскопанного Н. И. Веселовским в 1902 г. Уникальность его в том, что как цельный предмет он не имеет аналогий, хотя отдельные его части находят параллели с разными античными металлическими изделиями. Изучение историографии показало, что первоначально он не являлся единым предметом, а стал таким, очевидно, в результате довольно смелой реставрации. Однако, существует вероятность, что он был собран в местной мастерской из деталей различных предметов античного производства. В статье рассматривается современная история бытования этого предмета, анализируются взгляды исследователей и намечаются пути решения существующих вопросов.

Ключевые слова: Прикубанье, кочевники Сарматии, кандел бр, торевтика, перделка античных предметов.

Abstract. The collection of the Department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia of the State Hermitage Museum contains one unique object, usually called a candelabrum. It was recovered from kurgan No. 29 near Ust-Labinsk, excavated by N.I. Veselovsky in 1902. Its uniqueness lies in the fact that although whole object it has no analogies, its parts find parallels in different antique metal things. Study of the history of this “candelabrum” shows that originally it was not a single object, but obviously became so after the restoration. However, there is a remaining possibility that it was assembled already in antiquity in some local workshop from the parts of various objects. The article examines the modern history of this object, analyzes of researchers’ opinions and outlines the ways to solve existing issues.

Keywords: Kuban region, nomads of Sarmatia, candelabrum, toreutics, transformation of antique objects.

В ряду кандел бров, происходящих из варварских погребений Северного Причерноморья, особенно выделяется один своеобразный «античный» экземпляр – из Усть-Лабинского кургана № 29. Впервые этот предмет был опубликован в Отчёте Археологической комиссии за 1902 год [ОАК, 1904, с. 77–78] (рис. 1). Изначально Н. И. Веселовский посчитал его части отдельными независимыми предметами – «медный треножник», «медная лампочка» и «медная подставка с сиреной», «медная тарелка»

[ОАК, 1904, с. 78], хотя на фотографии из публикации видны попытки соединить их. Датировка этого кургана у Н. И. Веселовского отсутствует.

Позже, в 1925 г., об этом предмете написал М. И. Ростовцев в своей работе «Скифы и Боспор» [Ростовцев, 2015, с. 573]. Судя по тексту, частью канделбра он посчитал только фигурку сирены с чашечкой над ней. При этом М. И. Ростовцев предполагал, что техника исполнения свидетельствует об архаичности предмета. Не совсем понят-

ны его комментарии по поводу того, что кандел бр поставлен вверх ногами [Ростовцев, 2015, с. 573]. Он даёт ссылку на изображение из ОАК за 1902 год, но там все имеющиеся у предмета ножки направлены вниз, как видно на рисунке 1.

Спуст многие годы кандел бр описывается вновь в книге В.В. Кропоткина, где автор указывает, со ссылкой на ОАК и работу М.И. Ростовцева, что «в кургане 29 найдены два бронзовых кандел бра и бронзовый светильник; один из кандел бров имеет скульптурное изображение сирены, сидищей на подставке» [Кропоткин, 1970, с. 121]. Фотографии или прорисовки автор не даёт. По описанию видно, что В.В. Кропоткин вслед за Н.И. Веселовским посчитал артефакт за три разных предмета – два кандел бра и один светильник.

В 1984 г. рассматриваемая находка опубликована сразу в двух работах – коллективной монографии «Античные государства Северного Причерноморья» и статье Д.С. Герцигер «Античные кандел бры в собрании Эрмитажа». В монографии помещено только его изображение [Античные государства..., 1984, с. 259], по которому видно, что кандел бр/кандел бры претерпели некоторые метаморфозы – три части были объединены в один цельный предмет (рис. 2). Когда его отреставрировали подобным образом – сказать трудно, так как ни М.И. Ростовцев, ни В.В. Кропоткин, суд по ссылкам и отсутствию изображений в работах, эти части кандел бра живую не видели, поэтому реставрация могла произойти в период между 1902 и 1984 гг. В работе Д.С. Герцигер он также предстаёт уже в трансформированном виде [Герцигер, 1984, с. 98]. При изучении фотографии обращает на себя внимание то, что одна деталь пропала. На изображении из ОАК отчетливо видно, что чаша над сиреной имеет раструб, который в верхней части значительно расширился и загибается наружу, представляя собой ребристый отогнутый «венчик». На изображении из монографии его, вроде бы, тоже вид-

но. А вот в статье Д.С. Герцигер можно заметить, что он отсутствует. Д.С. Герцигер пишет, что эта «медная тарелка» была подставкой под светильник, но потом пропала [Герцигер, 1984, с. 98]. В 1994 г. кандел бр уже в составе остального погребального инвентаря был опубликован И.И. Гущиной и И.П. Засецкой [Гущина, Засецкая, 1994, с. 62–64]. На фотографии из этой работы, как и из публикации 2008 г. [Marcenko, Limberis, 2008, S. 321, Abb. 18] и при визуальном осмотре предмета замечено, что с кандел бром случилась ещё одна метаморфоза – средняя дисковидная часть его, украшенная орнаментами, поменяла своё положение и была перевернута. Другой принципиально новой информации касательно этого кандел бра в работе И.И. Гущиной и И.П. Засецкой нет, поэтому вернёмся к статье Д.С. Герцигер.

Д.С. Герцигер считает, что кандел бр является памятником «архаизирующего стиля раннеимператорского времени» [Герцигер, 1984, с. 88]. Аналогии такому изображению сирены с чашечкой над головой исследовательница находит в помпеевских росписях и кандел бре из Помпей со статуэткой сфинкса. Она предполагает, что сирена ранее была частью более высокого кандел бра [Герцигер, 1984, с. 88].

Изучая книгу с изображениями фресок из Помпей, на которую ссылается Д.С. Герцигер, с трудом можно обнаружить что-то близко схожее с формой усть-лабинского кандел бра. Там встречается лишь тип существ с вырастающим из головы побегом растения [Edoardo, 1888, tav. V, IX, X]. На них можно наблюдать общее сходство композиции, однако детального совпадения с каким-либо элементом кандел бра нет. Другой аналогией, которую приводит автор для датирования кандел бра из Усть-Лабинского кургана, является экземпляр из Помпей [Pernice, Winter, 1925, S. 51, Abb. 63]. Эта аналогия, действительно, близка по орнаменту и расположению тарелки над статуэткой, только вместо

сирены там находите фигурка сфинкса. При этом помпейский кандел бр имеет гораздо большую высоту и иную форму ножек.

В 2008 г. кандел бр из погребени у станицы Усть-Лабинской упоминалс в монографии И.И. Марченко и Н.Ю. Лимберис [Marčenko, Limberis, 2008, S. 321]. В качестве аналогий по форме лап ножек авторы предлагают кандел бры из погребени у станицы Старокорсунской, Пантикапе, Фракии и Боскореале. Однако кроме внешнего вида лап другого сходства с этими кандел брами нет, а по форме ножек они сильно отличаются. Приведённые авторами аналогии по ширине расстановки ножек значительно отличаются от кандел бра из Усть-Лабинской. Такая широка расстановка более характерна дл значительных по высоте кандел бров, а расстановка ножек у кандел бра из Усть-Лабинской узка, что может говорить о небольшом размере изделия. Кроме того, отличается и изгиб ножек – кандел бр из Усть-Лабинской имеет прямые ножки, опора идёт на всю плоскость лапы, кандел бры из Старокорсунской и Пантикапе имеют значительный изгиб ножки и задн часть зооморфной стопы слегка приподн та над землёй, а фракийский кандел бр по форме ножек отличается от Усть-Лабинского ещё больше, хотя детали плохо видны на фото [Николов, Буюклиев, 1967, с. 21]. Поэтому предложенные аналогии не могут быть признаны удовлетворительными дл понимани происхождения и датировки Усть-Лабинского кандел бра.

Поскольку в ранних публикациях этот кандел бр выгл дел несколько иначе, возникли сомнения: действительно ли он собран так, как было задумано, и действительно ли эти части относятся к одному целому. Д.С. Герцигер также предполагает, по аналогии с помпейским кандел бром со статуэткой сфинкса, что сирена вл лась частью другого, более высокого кандел бра, и это кажется вполне обоснованным [Герцигер, 1984, с. 88]. Попытки найти аналогии другим

част м кандел бра (лампе и подставке), к сожалению, не увенчались успехом.

Чтобы определить время и место производства кандел бра, необходимо понять, как и когда он попал в варварскую среду. Датировать его можно по сопутствующему инвентарю в погребении. Датирующим материалом вл ютс серебряный канфар и серебряная чаша.

Канфар. Несмотря на то, что канфар был опубликован в ОАК и в работе В.В. Кропоткина, впервые время его производства было определено лишь в работе И.И. Гущиной и И.П. Засецкой в 1994 г. Они считают, что его можно датировать рубежом I в. до н.э. – I в. н.э., по аналогии с похожим сосудом у D.E. Strong [Гущина, Засецка, 1994, с. 63]. М.Ю. Трейстер и В.И. Мордвинцева датируют этот сосуд 2-й пол. I в. до н.э. При этом они предполагают его провинциальное происхождение, поскольку канфар выполнен довольно грубо [Мордвинцева, Трейстер, 2007, с. 20].

Чаша. Она также никак не продатирована в ОАК и в работе В.В. Кропоткина [Кропоткин, 1970, с. 85]. И.И. Гущина и И.П. Засецка по р ду элементов датируют её 1-й пол. – сер. I в. н.э. [Гущина, Засецка, 1994, с. 63]. М.Ю. Трейстер и В.И. Мордвинцева предполагают, что изначально у чаши отсутствовала ручка. Ручка и ножка, которая не сохранилась, были добавлены позднее. Декор же в виде каннелюров характерен дл торевтики эллинистического времени [Мордвинцева, Трейстер, 2007, с. 24]. Они относят чашу к группе предметов II–I вв. до н.э. [Мордвинцева, Трейстер, 2007, с. 23], однако не совсем понятно, когда ручка и предполагаемая ими ножка были приделаны к чаше. Кроме того, на ручке чаши имеется тамга.

Исход из такого широкого разброса дат чаши и канфара довольно сложно определить время погребени, и как следствие, предположить *terminus ante quem* дл кандел бра. Если следовать датировкам И.И. Гущиной и И.П. Засецкой, то можно считать, что погребение относится к I в. н.э., это и будет *terminus*

ante quem. Однако нельзя утверждать, что чаша и канфар были импортированы одновременно в I в. н.э., поскольку датировка канфара по И.И. Гущиной и И.П. Засецкой широка – целых два века (I в. до н.э. – I в. н.э.). Однако кандел бр или какие-то отдельные его части могли попасть к варварам и раньше.

Ещё одной важной проблемой остаётся проблема монолитности кандел бра. Только в ОАК треножник и статуэтка сирены с чашечкой разделены на две части, а в последующих публикациях они предстают единым предметом. Такое соединение может быть вольностью реставраторов. Нет никаких аргументов в пользу такого решения. Фигура сирены не имела соединительных частей с треножником, они повились в процессе реставрации.

По аналогии с помпейским кандел бром статуэтка могла быть частью высокого кандел бра, шток которого не был найден. Треножник же мог быть невысоким настольным кандел бром, поскольку узкая расстановка ног при значительной высоте была бы слишком узка, что сделало бы напольный кандел бр неустойчивым. Или это могла быть невысокая подставка под светильник, которые встречаются среди римской утвари. Однако расположение ножек в сравнении с другими подставками под светильники нетипично, что оп ть наталкивает на мысль о его переделывании местными мастерами. Возможно, что такая не вполне надёжная конструкция вл ась следствием его исключительно погребального назначения .

Как уже говорилось выше, кандел бр не представл ет собой единый предмет, а состоит из отдельных деталей различных предметов. Эти детали могли попасть в Прикубанье разными путями и в разное время . И если форме статуэтки с тарелкой есть относительно близка аналогия из Помпей, то форма треноги пока что не находит аналогий. Однако если прин ть во внимание точку зрения В.И. Мордвинцевой и М.Ю. Трейстера, что канфар из кургана №29 был изготовлен в провинциальной мастерской, а чаша из того же захоронения была доработана позднее, то есть к предмету торевтики эллинистического времени позже добавлены ручки и ножка, то возможно, что и здесь мы имеем дело с результатом работы местных мастеров. М.Ю. Трейстер даже предполагает, что такая мастерская располагалась на территории Боспорского царства, возможно в Танаисе [Трейстер, 2016, с. 219]. В таком случае нетипичный вид ножки кандел бра может быть результатом очередной модификации какого-то римского предмета утвари боспорским мастером. Детальное изучение стыков ножек с диском и анализ составов сплавов разных частей может подтвердить или опровергнуть это предположение.

Таким образом, кандел бр из Усть-Лабинского кургана №29 представл ет собой уникальный предмет. Его особенность в том, что он, по всей видимости, собран из разных деталей античных предметов и вл етс ещё одним подтверждением наличия местных мастерских, перерабатывавших античные предметы.

Рис. 1. По: ОАК, 1902, с.78–79

Рис. 2. По: Античные государства, 1984, с. 256

Список литературы

Античные государства Северного Причерноморья : монографии / Е. М. Алексеева, А. К. Амброз, Т. М. Арсеньева и др.; Отв. ред. Г. А. Кошеленко и др. М., 1984. 392 с.

Герцигер Д. С. Античные канделябры в собрании Эрмитажа // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 24. Культура и искусство античного мира. 1984. С. 83–99.

Гущина И. И. Засецкая И. П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994. 172 с.

Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе. (II в. до н. э. – V в. н. э.). САИ, Вып. Д1-11. М., 1970. 278 с.

Мордвинцева В. И., Трейстер М. Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье II в. до н. э. – II в. н. э. В 3 т. Симферополь, Бонн, 2007.

Николов Д., Буюклиев Хр. Тракийски могили гробове от Чаталка, Старозагорско // Археологи . Год XVII, кн. 1. Софи , 1967. С. 19–31.

ОАК за 1902 год. СПб, 1904.

Ростовцев М. И. Скифы и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925. 621 с.

Трейстер М. Ю. Боспорская (?) мастерская торевта позднеэллинистического времени (к вопросу о перделке антикварных серебряных сосудов для кочевников Азиатской Сарматии) // Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 70-летию юбилею Б. А. Раева (Кагальник, 20–21 окт бр 2016 г.). Ростов-на-Дону, 2016. С. 215–225.

Edoardo C. Dipinti murali di Pompei: medaglie, Istituto d'Incoraggiamento di Napoli, Esposizioni di Londra e Milano. Napoli, 1888. 77 p.

Marčenko I. I., Limberis N. Ju. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // In: A.V. Simonenko, I. I. Marčenko, N. Ju. Limberis. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban [Archäologie in Eurasien. Bd. 25]. Mainz, 2008. S. 265–400.

Pernice E., Winter, F. Die Hellenistische Kunst in Pompeji. Bd. IV. Gefäße und Geräte aus Bronze. Berlin und Leipzig, 1925. 64 p.

КУЛЬТ ВЕЛИКОЙ БОГИНИ-МАТЕРИ В ГОРГИППИИ КАК ПРИМЕР ВЗАИМНОГО ВЛИЯНИЯ ВАРВАРСКОЙ И ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУР

© Воронина Екатерина Дмитриевна

Анапский археологический музей-филиал ГБУК КК «КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына»,
г. Анапа, voronina18ist@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается существование в Горгииппии культа Великой богини-матери, и на его примере анализируется синкретизм варварской и древнегреческой культур среди населения этого античного города.

На основе опубликованных исследований по культу Великой богини в Северном Причерноморье и на территории Боспорского царства, сделана попытка подтвердить существование культа Великого женского божества в Горгииппии, на основе найденных терракот, граффити, а также других материалов археологических раскопок некрополя.

На территории Боспорского царства культ Великой богини-матери был широко распространён. Среди синдских и меотских племен существовали женские божества, и их представление больше всего напоминало греческих богинь – Афродиту, Артемиду и Деметру.

В результате даже самых ранних контактов на Боспоре сложилась своеобразная культура, где два мира – варварский и эллинский – перенимали черты друг друга.

Ключевые слова: Горгииппия, Великая богинь -мать, культура, Боспорское царство, синкретизм, культы.

Abstract. The article discusses the existence of the cult of the Great Mother Goddess in Gorgippia, and on the example of it, the syncretism of the barbarian and ancient Greek cultures among the population of this ancient city is analyzed.

Based on published studies on the cult of the Great Goddess in the Northern Black Sea region and on the territory of the Bosporan Kingdom, an attempt was made to confirm the existence of the Great female deity in Gorgippia, based on the found terracotta, graffiti, and other materials from the archaeological excavations of the necropolis.

On the territory of the Bosporus kingdom, the cult of the Great Mother Goddess was widespread. Among the Sindian and Meotian tribes there were female deities, and their representation most of all resembled the Greek goddesses – Aphrodite, Artemis and Demeter.

As a result of even the earliest contacts, a peculiar culture developed in the Bosporus, where the two worlds – the barbarian and the Hellenic – adopted features from each other.

Keywords: Gorgippia, Great mother goddess, culture, Bosporan Kingdom, religious syncretism, cults.

Великая богинь -мать олицетворяла высшую силу, которая создаёт, сохраняет и разрушает всё существующее в мире. Это самое древнее и всеобъемлющее божество плодородия, владычица и покровительница всего живого. Она ру-

ководила циклами природы, процессами рождения и смерти, а также временем.

Культ Великой богини-матери получил широкое распространение среди населения Боспорского царства. Это было связано с тем, что у местных племён,

живших на территории Боспора, культ женского божества восходит ещё к догреческим формам религиозной жизни. Здесь, в частности на азиатской территории Боспора, культ Великой богини-матери получил развитие среди синдских и меотских племен, и её образ соответствовал греческим богиням Афродите, Артемиде и Деметре [Галут, 2012, с. 4].

По мнению М.И. Ростовцева, на территории Кубани Великое женское божество почитали ещё с III тыс. лет до н.э., если основываться на находках терракот [Rostovtzeff, 1921, с. 462–463]. Киммерийцы, которые подчинили своей власти меотов в конце железного века, возможно, могли частично перенять культуру и религию побежденного народа [Rostovtzeff, 1921, р. 463].

В греческой мифологии существовало много богинь, которые обладали чертами Великой богини, это – Гея, Рея, Деметра, Артемида и Афродита. Местные божества входили в создание образа Великой богини-матери [Рыбаков, 1981, с. 367].

Благодаря существованию в Северном Причерноморье местного культа Великой богини была подготовлена почва для проникновения культов Северной Ионии. Пантеистическая природа Великой богини варваров Северного Причерноморья обеспечила благоприятную основу для её синкретизма с главными женскими божествами греков [Шауб, 1999, с. 207–208].

На месте Анапы раннее поселение было основано во 2-й пол. VI в. до н.э. выходцами из Ионии. Об этом свидетельствует открытие комплекса полуземлянок и фрагменты керамической посуды [Алексеева, 2021, с. 13]. Далее полис развивался как независимый город-государство не менее полутора столетий. Некоторые исследователи поселение VI–V вв. до н.э. соотносят с Синдской гаванью [Кругликова, 1977; Алексеева, 1997, с. 22–24; Строкин, 2008, с. 437–439]. В IV в. до н.э., когда Синдика вошла в состав Боспорского царства, Горгипп стал наместником

этой территории, и прежний независимый полис получил название Горгиппи [Алексеева, 1997, с. 41].

Основываясь на редких эпиграфических памятниках и материалах некрополя, можно говорить о том, что состав населения Синдской гавани был разнообразным и состоял из переселенцев боспорских колоний и городов Восточного Средиземноморья, а также представителей местного синдского населения [Новичихин, 2017, с. 85].

Проследить какие религиозные культы существовали у синдов проблематично из-за отсутствия источников, в основном информация могут дать археологические исследования их некрополей.

Близость культуры синдов и соседних меотских племён позволяет сделать предположение об их общих религиозно-культурных представлениях. Так, у меотов ведущее место занимали женские божества, но они были слабо дифференцированы, поэтому часто использовались чужие изображения, например, Медуза Горгона [Лимберис, Марченко, 2010, с. 204]. О местном представлении образа богини матери-земли свидетельствуют грубые глиняные статуэтки с меотских городищ [Лимберис, Марченко, 2010, с. 204].

В Горгиппии культ Великой богини-матери прослеживается только по археологическим источникам и немногочисленным граффити. В городе с культом Великой богини св. заны глиняные фаллические гротески с подвесными конечностями [Кругликова, 1974, табл. 56: 1, 3]. Эти предметы были св. заны с тайными мистериальными богами плодородия, и имели ритуальный характер. Также в первые века нашей эры терракотовые фигурки быка, голубя, петуха и лошадей могут быть св. заны не только с почитанием Деметры, но и с Великой богиней-матерью [Кругликова, 1974, табл. 56: 2, 5, 7].

В Горгиппии, на посуде встречаются граффити «М» – скорее всего они посвящены Великой богине – *μεγάλη θεά* или Матери – *ματρί* [Толстой, 1953, № 246].

В 1965 году на пересечении улиц Протопова и Ленина, при строительных работах была найдена граффити «М» на оборотной стороне ножки канфара. Часть сброса различных предметов культового характера, к сожалению, была исследована на участке площадью не более 3 м², так как в условиях города его расширить не удалось [Цветаева, 1969, с. 105].

В этой части обнаружены протомы Деметры и Коре-Персефоны, обломки чернолаковых фрагментированных сосудов (преимущественно канфары), на некоторых из них процарапаны граффити (ΔΙ, Μ), фрагменты краснолаковой керамики местного производства и монеты. Сброс датируется 2-й пол. IV – кон. III вв. до н.э. [Цветаева, 1969, с. 105].

Г.А. Цветаева сравнивает специфический материал из сброса с Мирмекийскими зольниками-эсхарами [Цветаева, 1969, с. 108], но здесь не было золы, которая чаще всего и присутствует на зольниках. Вероятно, ненужные и негодные предметы сбрасывали неподалёку от какого-то святилища, посвящённого Деметре и Коре-Персефоне. Находка граффити «М», на святилище Деметры, может означать, что в древнегреческой богине могли видеть и Великую богиню-мать.

Рассмотрим предположение о том, что местное население Боспора могло воспринимать Медузу Горгону как одну из ипостасей своей Великой богини [Шауб, 1999, с. 211]. Археологические находки позволяют сделать предположение, что в окрестностях Горгиппии подобное тоже существовало.

Например, в посёлке Уташ Анапского района, была раскопана гробница V–IV вв. до н.э., принадлежавшая, скорее всего, представителю эллинизированной синдо-меотской знати. Среди различных предметов, были найдены пластины из слоновой кости, изображающие двух горгон. Одна из них – повержена и обезглавлена – скорее всего, Медуза Горгона [Алексеева, 1997, с. 28]. И на примере этой гробницы можно проследить, что к IV в. до н.э. в районе Горгиппии сформировалась синкретическая культу-

ра. Так, в склепе объединены разные традиции: сырцовая погребальная архитектура, захоронение кон, присутствие на полу морской травы, угли, известняк, наличие среди погребального инвентаря как предметов в зверином стиле, так и эллинистических изделий [Алексеева, 1997, с. 31].

В известных царских синдских Семибратних курганах также обнаружены предметы, изображающие Медузу Горгону. Так в 6 кургане найдено 28 золотых бляшек с её изображением [Горончаровский, 2016, с. 90]. В.А. Горончаровский считает, что в этом кургане был «похоронен мужской представитель «царского» рода, один из правителей Синдики, который за несколько лет до смерти перешёл в статус энаре – верховного жреца Великой богини-матери» [Горончаровский, 2016, с. 90–101].

Таким образом, можно проследить, что местное синдское население могло в греческой Медузе Горгоне видеть свою Великую богиню, и на этой территории происходила адаптация греческого образа к местным верованиям.

Вероятно, некоторые ритуальные захоронения собак на Боспоре могут быть связаны с Великим женским божеством [Шауб, 1999, с. 213]. В древнегреческой религии считалось, что собака сторожила вход в загробный мир. Это животное было связано с идеей смерти и сопутствовало хтоническому божеству [Завойкин, 2006, с. 161]. Обряд жертвоприношения собак в культах Зевса, Ареса, Геракла, Гефеста, Асклепия прослеживается, но довольно слабо. Главным образом он был связан с женскими божествами, в первую очередь, именно с Гекатой – богиней Луны, колдовства и всего таинственного [Ярцев, Шушунова, 2016, с. 41–42].

Н.В. Молева считает: «вполне вероятно, что в религиозном мировоззрении греков, собака как символ нижнего мира, связанного со смертью, была заимствована с Ближнего Востока ещё в микенский период» [Молева, 2002, с. 115]. У киммерийцев прослеживается культовое отношение к собаке.

Генетическое родство этих культур со скифской, несомненно [Молева, 1998, с. 61]. Связанные с собаками обряды, существовали и в варварской среде рядом с греками, так, у скифов, савроматов и сарматов встречаются жертвенные захоронения собак в погребениях [Журавлёв, 2020, с. 105–106].

Такие захоронения есть и в городах, и на некрополе. Чаще всего они встречаются на европейской части Боспора – Мирмекий, Китей, Нимфей, Илурад, Пантикапей. На Азиатском Боспоре они тоже были: Фанагори, Патрей, Артющенко 1, Береговой 4 – в основном, на территории Таманского полуострова [Журавлёв, 2020, с. 103–105]. Они представлены двумя видами: целые скелеты лежащих на боку собак и отдельно их черепа [Молева, 1998, с. 61].

В самой Горгии подобный захоронений собак обнаружено не было. Но в окрестностях в хуторе Рассвет в 1959 г. был открыт могильник. Всего там зафиксировано 160 погребальных комплексов, но в рамках этого исследования нам важно одно захоронение. Это каменный склеп 2×1,3 м и глубиной 1,2 м, датированный концом V – началом IV вв. до н.э. [Новичихин, 2012, с. 394]. Склеп на могильнике – вероятно, влияние античной погребальной архитектуры, но присутствуют и местные традиции: подсыпка из песка и известняковой крошки на дне гробницы [Новичихин, 2012, с. 396].

В склепе было найдено захоронение собаки и человеческого черепа. Оно было совершено уже после разрушения перекрытия, в заполнении склепа. Кость собаки лежала по направлению запад–восток, головой на запад, около её черепа располагался череп человека. Погребальный инвентарь отсутствовал [Крушккол, Новичихин 2010, с. 160–161, рис. 180].

Однозначной интерпретации этого комплекса нет. По мнению А.М. Новичихина: «В равной степени захоронение собаки и человеческого черепа можно считать следами погребально-поминального ритуала, осквернения могилы или

иных, случайных, событий. Однако нельзя не отметить, что собака была связана с погребально-поминальным культом у многих народов древности, и то, что её захоронение совершено в погребальном пространстве, заставляет рассматривать его, прежде всего, в данном контексте» [Новичихин, 2012, с. 397–398].

Присутствие в захоронении собаки могло означать, что она должна была сопровождать умершего в подземный мир, но утверждать существует ли здесь связь с культом Великой богини или с другим божеством на основании имеющихся данных не представляется возможным.

Одной из ипостасей Великого женского божества можно считать фригийскую богиню – Кибелу – Мать богов, как её называли. Примерно в VI в. до н.э. Кибела отождествлялась с греческой богиней Реей и заняла позицию Матери богов в эллинском пантеоне [Быковская, 2020, с. 250]. В литературных источниках применяются несколько теонимов: Кибела (Κυβέλη), Мать (Μήτηρ) или Мать богов (Μήτηρ θεῶν) [Быковская, 2020, с. 248].

Фигурки из терракоты с иконографией, характерной для Кибелы по восточному Боспору с концом V–IV вв. до н.э. Богиня изображается сидящей на троне, в правой руке она держит фиалу, в левой – тимпан, на голове у неё калаф. Чаще всего Кибела представляется с львёнком, сидящим на коленях или рядом с тронном [Быковская, 2020, с. 254].

В Горгии культ Кибелы по восточному Боспору с IV в. до н.э. К этому периоду можно отнести терракотовую статуэтку, изображающую богиню, которая сидит в кресле со львёнком на коленях [Алексеева, 1997, с. 231.]. Её большой живот представляется производящим начало Великой матери.

В погребении горгийского некрополя II в. до н.э. найден перстень с крупным овальным щитком, на котором изображена Кибела, сидящая между двумя львами [Трейстер, 1982, с. 69, 76]. То, что перстень найден в могиле, может означать хтонический характер культа.

В. И. Денисова обращает внимание на то, что в боспорской корошастике широко распространено изображение Кибелы в стереотипном варианте сидищей на троне богини, обь сн это тем, что такой образ мог св зываться с верховным женским божеством местного населени [Денисова, 1981, с. 100–110].

Таким образом, в рамках исследований, касающихся культа Великой богини-матери, существовавшего в Горгиипии, вы влены следующие важные факты. Синдские племена с греческой Медузой Горгоной, веро тно, отождествили свою Великую богиню, и на территории вокруг античного города происходила адаптаци греческого образа к местной религии.

Актуальной остаётся проблема ритуального захоронени собак, св занного с культом Великой богини в Горгиипии.

Из-за недостаточного количества материала тема нуждается в дальнейших исследованиях.

С IV в. до н.э. в Горгиипии по вляется культ Матери богов – Кибелы. И её образ как сидищей на троне богини может св зываться с верховным женским божеством местного населени .

На основании культов великих богинь осуществилось отождествление представлений автохтонных племён с образами греческих богинь Деметры, Артемиды, Афродиты, что привело к по влению синкретического культа Великой богини-матери.

Таким образом, в Горгиипии и в её окрестностях, как местное население, так и греки влияли друг на друга, усваивали культурные черты, происходила синкретизаци варварской и греческой религий.

Список литературы

- Алексеева Е. М.* Античный город Горгиипии . М., 1997. 560 с.
- Алексеева Е. М.* Некрополь античного города Горгиипии: комплекс гробниц рубежа II–III вв. н.э. М.; Вологда, 2021. 351 с.
- Быковская А. В.* Изучение культа Кибелы на Боспоре в контексте мировой историографии // ПИФК. 2020. №3 (69). С. 247–268.
- Галут О. В.* Горгиипии как культурный центр Северного Причерноморья // Аналитика культурологии. 2012. №22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gorgippiya-kak-kulturnyy-tsentr-severnogo-prichernomor'ya> (дата обращения : 31.05.2023).
- Горончаровский В. А.* Элитное погребение в 6-м Семибратнем кургане: к интерпретации комплекса // Записки ИИМК. 2016. №13. С. 90–101.
- Денисова В. И.* Корошастика Боспора (По материалам Тиритаки, Мирмеки , Илурата и сельской усадьбы). Л., 1981. 172 с.
- Журавлёв Д. В., Саблин М. В., Строков А. А.* О захоронени собак на поселении Голубицка 2 // Древности Боспора. Т. 25. 2020. С. 98–122.
- Завойкин А. А.* Два сюжета в комплексе терракоты на св тилище элевсинских богинь (Береговой 4) // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья . М., 2006. С. 158–167.
- Кругликова И. Т.* Терракотовые статуэтки. Ч. 4. Придонье и Таманский полуостров. Терракоты из Горгиипии. М., 1974. С. 43–50.
- Кругликова И. Т.* Синдска гавань. Горгиипии . Анапа. М., 1977. 88 с.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Меоты // Античное наследие Кубани. Т. 1. М., 2010. С. 187–217.
- Молева Н. В.* Очерки сакральной жизни Боспора (избранные статьи). Нижний Новгород, 2002. 132 с.
- Молева Н. В.* Собака в религиозных представлениях боспор н // Боспорское царство как историко-культурный феномен: Материалы научной конференции, Санкт-Петербург, 10–15 декабр 1998 г. СПб., 1998. С. 60–62.

Крушкол Ю. С., Новичихин А. М. Описание погребальных комплексов. Каталог // А. А. Малышев (Ред.) Население архаической Синдики: по материалам некропол у хутора Рассвет. [Некрополи Черноморья . Т. III. Глава 1]. М., 2010. С. 20–190.

Новичихин А. М. Каменный склеп синдского некропол у хутора Рассвет // Судгейский сборник. Вып. V. Материалы V Судацкой международной научной конференции «Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре» (г. Судак, 23–24 сентября 2010 г.). Киев; Судак, 2012. С. 394–400.

Новичихин А. М. Греческая колонизация Синдики // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья . №9. 2017. С. 67–96.

Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981. 607 с.

Строкин В. Л. «...Синдская Гавань и [одноименный] город» (Strabo. Xi. 2. 14) // ПИФК. 2008. №21. С. 437–458.

Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья . М.; Л., 1953. 155 с.

Трейстер М. Ю. Бронзовые перстни с изображениями на щитках из Горгиипии и окрестностей // ВДИ. 1982. №3. С. 67–76.

Цветаева Г. А. Охранные раскопки в Анапе в 1965 г. // КСИА. Вып. 116. 1969. С. 105–110.

Шауб И. Ю. Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // Stratum plus. 1999. №3. С. 207–223.

Ярцев С. В., Шушунова Е. В. Жертвоприношение собак в контексте почитания предков на Боспоре (на примере материала городища «Белинское» в Восточном Крыму) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. №09. С. 41–44.

Rostovtzeff M. Le culte de la Grande Déesse dans la Russie méridionale // Revue des études grecques. 1919. Vol. 32, No. 146/150. P. 462–481.

К ВОПРОСУ О ТИПЕ ЛУКОВ У НАСЕЛЕНИЯ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА (ПО МАТЕРИАЛАМ «ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА «ВОЛНА-1»)

© Гараев Илья Александрович
ООО «Ирида», п. Волна, gia1987@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению и классификации железных черешковых наконечников стрел из погребальных комплексов «Грунтового могильника «Волна 1» (V–III вв. до н. э.), который расположен в юго-западной части Таманского полуострова. Для данной территории стрелы такого типа впервые стали предметом изучения. Автор предлагает собственную типологию наконечников и соотносит их использование с определённым типом лука. Как наконечники, так и тип лука не были характерны для Северного Причерноморья в V–III в. до н. э. Наибольшее их число найдено на памятниках материковой Греции и островах Эгейского моря, правда, в ином контексте. Сравнение черешковых стрел со стрелами из других комплексов, может указывать на существование отдельных групп населения, практиковавших особые погребальные обряды.

Ключевые слова: типология, погребение, наконечник стрелы, аналогии, колчаный набор, лук.

Abstract. The article describes the iron tanged arrowheads from the burial assemblage of the “...cemetery Volna 1 dated to the 5th – 3rd centuries BC” (V–III centuries BC), located in the southwestern part of the Taman Peninsula. For this territory, arrows of this type have become the subject of study for the first time. The author offers his own typology of arrowheads and correlates their use with a certain type of bow. Both the arrowheads and the type of bow were not characteristic of the Northern Black Sea region in the V–III century BC. The largest number of them are found on the monuments of mainland Greece and the islands of the Aegean Sea, however, in a different context. Comparison of petiole arrows with arrows from other complexes may indicate the existence of separate groups of the population who practiced special funeral rites.

Keywords: typology, burial, arrowhead, analogy, quiver set, bow.

Среди погребений с оружием грунтового могильника «Волна-1», которые были раскопаны экспедицией ООО «Ирида» под руководством И. В. Цоккур в 2015–2018 гг.¹, выделена группа, имеющая в составе инвентаря довольно необычные предметы, напоминающие наконечники стрел. Это изделия из железа, имеющие пирамидальное или конусообразное острие, переходящее в стержень различной длины и диаметра. Всего удалось выделить 24 таких

наконечника из 22 погребений. Погребения, в которых они найдены, датируются столовой, кухонной и тарной керамикой, а также нумизматическим материалом: 1-й пол. V в. до н. э. (1); 4-й четв. V – 1-й четв. IV вв. до н. э. (5); 1-й пол. IV в. до н. э. (2); 2-й пол. IV в. до н. э. (10); концом IV–1-й пол. III вв. до н. э. (4).

В восьми погребениях по одному экземпляру стрел сопровождали одного индивида, причём в шести случаях это были мужчины, в одном случае –

¹ Выражаю огромную благодарность Ирине Васильевне за возможность работать с материалом.

ребёнок, и в одном – не определённый кост к. Восемь погребений были парными. В пяти из них находились мужской и женский кост ки, в одном – женский и кост к ребёнка (возможно, тоже мужского пола), в одном – мужской и не определённый кост к, в одном – два мужских. В этой группе в семи погребениях было по одному наконечнику, в погребении с двум мужскими костками – два. Наконец, шесть погребений представляли собой коллективные захоронения более чем двух индивидов, в которых присутствовало разное соотношение мужских и женских костков. Только в одном коллективном погребении, с девятью костками, было найдено два наконечника, в остальных – по одному. Принимаю внимание тот факт, что одиночные погребения с наконечниками стрел принадлежат в большинстве случаев мужским косткам, а парные и коллективные погребения всегда включают мужские костки, можно предположить, что наконечники стрел клались мужчинам.

Все наконечники объединены наличием черешка для крепления к древку. Черешок – наименее хорошо сохраняющаяся часть наконечника стрелы, иногда имеет следы древесного тлена. Форма ударной части наконечника – головки, стала основой для выделения отделов: I – с треугольной головкой; II – с веретенообразной головкой; III – с ланцетовидной головкой. Для наконечников I отдела характерен более резкий переход от головки к черешку, в результате чего головка приобретает пирамидальную или конусовидную форму с наибольшей шириной у основания. У стрел II отдела этот переход более плавный и головка напоминает веретено с намотанной пружей и с наибольшей шириной по центру. Стрелы III отдела имеют длинную и узкую головку, иногда немного расширяющуюся к острию или основанию, без выраженного перехода к черешку.

Отделы делаются на типы по поперечному сечению головки: 1 – четырёхгран-

ные; 2 – круглые и 3 – плоские. Варианты могут выделяться по длине головки и её отношению к длине черешка, хотя это деление будет довольно условным, поскольку черешок редко остаётся целым и точных его размеров мы не можем знать, поэтому в данной работе ограничимся выделением отделов и типов. Стоит сразу оговориться, что выделение наконечников с круглым сечением также может быть неточным, поскольку они могли приобрести такую форму в результате коррозии, будучи изначально четырёхгранными. Однако данный тип всё же был выделен, так как такие наконечники отличает не только сечение, но и форма – практически все они относятся к отделу веретенообразных.

Таким образом, получается следующая типология железных черешковых наконечников стрел (рис. 1, а):

Отдел I

Тип 1 – 5 наконечников, погребения № 62, 413, 624, 632;

Тип 2 – 2 наконечника, погребения № 453, 941;

Тип 3 – 3 наконечника, погребения № 514, 531, 768.

Отдел II

Тип 1 – 1 наконечник, погребение № 526;

Тип 2 – 6 наконечников, погребения № 140–24, 140–48, 556, 611, 786.

Отдел III

Тип 1 – 7 наконечников, погребения № 74, 132, 409, 473, 474, 656, 825;

Рассматривая предложенную типологию на протяжении всех хронологических периодов, можно отметить несколько закономерностей. Во-первых, рост числа погребений с железными черешковыми наконечниками стрел с середины IV в. до н.э. Во-вторых, уменьшение размера наконечника в это же время. И, в-третьих, пусть и не ярко выраженную, но всё же имеющую место быть в середине IV в. до н.э. смену господствующих типов.

Устойчивого положения наконечников относительно костков в зависимо-

сти от типа или хронологического периода не выделено. Однако, отмечают определённые закономерности. Например, в погребениях V – 1-й пол. IV вв. до н.э. наконечники больше связаны с керамическим инвентарём и располагаются слева от костяка (4 случая из 8). В одном случае наконечник тоже лежит под лепным горшком, но справа, и в одном – под миской, но между ног. В двух случаях наконечники располагаются слева, у черепа и ножа соответственно.

Со 2-й пол. IV в. до н.э. и до 1-й пол. III в. до н.э. тенденции меняются. Связь с керамическим инвентарём, расположенным слева от костяка, фиксируется только в одном случае. Правда, в четырёх случаях наконечники найдены в коллективных погребениях среди сдвинутых костяков, поэтому для них нельзя исключить связь с керамическим инвентарём. Зато увеличивается до трёх количество погребений, где стрела лежит на режущем предмете (в двух случаях это нож, в одном – меч). Появились неизвестные ранее положения стрел: в одном случае у правой руки; в двух случаях между рёбрами и в двух случаях под/в черепе. Возможно, в последних четырёх случаях мы имеем дело с погребениями убитых. И наконец, в трёх случаях наконечники найдены в заполнении могилы. Смена типов стрел, а также места их расположения в погребениях со 2-й пол. IV в. до н.э. не может быть случайной. Вероятно, связано это с приходом в регион новой группы населения. Резкий прирост населения и инновации в погребальном обряде некрополя Волна-1 подтверждаются данными исследований других сторон погребального обряда, а также анализом антропологического материала [Абрамова, Берлизов, 2019, с. 339–355; Берлизов, Кашаев, Мимоход, 2019, с. 235, 240].

В связи с этим следует отметить, что железные черешковые наконечники стрел не характерны для данного региона в отмеченный хронологический период. Железные стрелы присутству-

ют в колчаных наборах, правда они имеют трёхлопастную головку и втулку для насада. Считается, что такие наконечники появились в Прикубанье, и уже с VI в. до н.э. преобладали в колчанах меотских племён [Мелюкова, 1964, с. 23; Шевченко, 1993, с. 40]. Для стрел с круглым и четырёхгранным сечением, распространённых в Северном Причерноморье и Прикубанье в IV–III вв. до н.э., также был характерен втульчатый насад [Смирнов, 1961, с. 56–61; Мелюкова, 1964, с. 10, 22; Марченко, 1996, с. 59–67;]. Черешковые стрелы появились на территории Прикубанья в погребениях III в. до н.э., но наибольшее распространение получают во II в. до н.э. Кроме того, отличаются они трёхгранной или трёхлопастной головкой [Марченко, 1996, с. 65, 66; Шевченко, 1993, с. 44, 45]

Что касается черешковых стрел с четырёхгранным и круглым сечением, то поиск их аналогий вызывает определённые трудности. Возможно, причиной этого является то, что такие наконечники редко атрибутируются как стрелы, а чаще как «стрежень», «шило» или «железный предмет». Действительно, сильная коррозия может изменить до неузнаваемости форму железных предметов, а учитывая то, что такие стрелы встречаются не столь часто как, например, втульчатые, могут появиться ассоциации с бытовым предметом, а не с оружием.

В результате, для территории Боспора и ближайших памятников удалось найти единственную аналогию в погребении №10 (рис. 1, б-1) некрополя Артющенко-2 [Кашаев, 2009, с. 238, рис. 13]. Кроме того, в некоторых сарматских погребениях найдены черешковые четырёхгранные стрелы, но у них слишком поздняя датировка, чтобы считаться примером аналогией [Каминская, 1988, с. 248–249, рис. 3, 12, 14]. Более многочисленные аналогии встречаются в материковой Греции, городах Малой Азии и Кипра (рис. 1, б). Так, одной из последних работ посвящённых наконечникам стрел, распространённым

в греческом мире, стала докторская диссертация Ιωάννης Ν. Μπέλλας. В ней проанализированы типологи, датировка и места обнаружены множества различных типов наконечников, в том числе, аналогичных стрелам из Волны-1 [Μπέλλας, 2018, πίν. 43–51]. Черешковые четырёхгранные наконечники стрел автор относит к самому распространённому типу АЗ (порядка 600 экз.) [Μπέλλας, 2018, с. 116]. Большинство из них были найдены на территории материковой Греции и на Кипре, значительно меньше – в городах Малой Азии, а на западе греческой Ойкумены этот тип наконечников не обнаружен [Μπέλλας, 2018, с. 100–101]. Подавляющее число находок наконечников как данного типа, так и других, приходится на святилища, жилые комплексы, поля сражений [Μπέλλας, 2018, с. 62, 69, 100–101, 115, πίν. 43γ, αρ.5; 44δ, αρ.1,3; 44ε; 46; 47β, αρ.15; 49; 51α, αρ.3,4,6; 52β, αρ.9]. Лишь единичные погребальные комплексы содержат наконечники стрел. Исключением являются памятники Кипра, где, наоборот, большинство наконечников стрел найдены в погребениях [Μπέλλας, 2018, с. 100–101]. По мнению четырёхгранных стрел автор относит к микенской эпохе, но классические формы они обрели с VIII в. до н.э. Продолжали они существовать вплоть до римского времени [Μπέλλας, 2018, с. 103].

Но если четырёхгранные наконечники широко представлены, то аналогии стрелам с круглым сечением удалось обнаружить только для Отдела I [Μπέλλας, 2018, πίν. 54α, β]. Возможно, веретенообразные стрелы являются местным развитием четырёхгранных или втульчатых с круглым сечением, возможно, в некоторых случаях эффект круглого сечения всё же давала коррозии металла. Во всех случаях, эта категория наконечников требует дальнейшего изучения.

Наконечники с плоской головкой тоже являются довольно редким типом. Такие наконечники известны в греческом мире, но время их бытования огра-

ничено протогеометрическим и архаическими периодами [Davis, 2013, p. 83; Μπέλλας, 2018, с. 115, πίν. 57, 58]. На территории Северного Причерноморья их появление относится к III в. до н.э. и связывают с приходом сарматов [Шевченко, 1993, с. 45]. При этом происхождение этого типа наконечников одни авторы связывают с памятниками Сибири и Средней Азии [Смирнов, 1961, с. 62], другие – с кобанскими древностями [Шевченко, 1993, с. 45]. Представляется более вероятным восточное происхождение этого типа, поскольку в регионе он встречается довольно редко и, в целом, не характерен для скифских или сарматских памятников. К тому же, если бы традиции их применения сохранились на протяжении столетий, это непременно фиксировалось бы археологически.

Как отмечалось выше, находки железных черешковых наконечников стрел малочисленны, в V–III вв. до н.э. в колчаных наборах господствуют втульчатые бронзовые, иногда железные стрелы. Но, обращает на себя внимание даже не их количество, а размеры. Эти наконечники в два и более раза крупнее синхронных бронзовых. Известно, что размер и масса наконечника определяют общую длину стрелы [Коробейников, Митюков, 2007, с. 55, 56]. И для более тяжёлых наконечников требуется более длинное древко, чтобы центр тяжести стрелы оставался примерно в конце первой трети длины от наконечника, и стрела была стабильна в полёте [Коробейников, Митюков, 2007, с. 55, 56; Μπέλλας, 2018, с. 52]. Соответственно, такие стрелы пускались из лука, имеющего длинные плечи. Для втульчатых наконечников данного периода характерны короткие и довольно тонкие древки порядка 45–60 см. Такие стрелы пускались при помощи небольшого сложносоставного лука, так называемого, «скифского типа», которым были вооружены кочевники (и не только) всего по саевразийских степей [Смирнов, 1961, с. 32; Милюкова, 1964, с. 15;

Davis, 2013, p. 69]. Конечно, можно возразить, что для того, чтобы сохранить центр тяжести у стрелы с более массивным наконечником можно использовать и короткое древко, но с большим диаметром [Коробейников, Митюков, 2007, с. 50]. Некоторые из рассматриваемых наконечников имеют подковообразное сечение. Однако, тогда мы встречали бы в составе одного колчанного набора и лёгкие втульчатые, и тяжёлые черешковые стрелы. Но ни в одном колчанном наборе (компактное расположение в погребении больше 3 экз. наконечников) могильника Волна-1 это не фиксируется. Лишь в трёх случаях черешковый наконечник сопровождается втульчатым. Но эти наконечники имеют практически одинаковое значение поперечного сечения, а значит и примерно одинаковый диаметр древка, да и располагаются в погребениях в совершенно разных местах.

Оба типа лука были известны не только в Северном Причерноморье, но и по всей греческой Ойкумене. Об этом говорят не только находки наконечников стрел, но и изображения античной вазописи [Davis, 2013, p. 72, 77; Μπέλλας, 2018, с. 31–32, 34, рис. 24–31]. Большие, простые луки, изготавливались из цельного куска дерева. Длинные плечи формировались путем нагрева и сгибания древесины [Davis, 2013, p. 72–73]. Именно благодаря таким плечам длинной стреле придавался необходимый импульс (рис. 2, 2). В отличие от простого, сложносоставного лука не требовались длинные плечи, короткая стрела задавала амплитуду хода тетивы на величину длины древка (рис. 2, 1). А необходима энергия накапливалась за счёт усиления деревянной основы сложными пластинами и сухожилиями [Милюкова, 1964, с. 15; Davis, 2013, p. 73]. Отличался и способ стрельбы. Короткими стрелами, при использовании лука небольшого размера, стрельба велась «от груди», за счёт силы рук. Стрельба из большого лука длинной стрелой можно

только отвед правое плечо назад, используя мышцы спины и плеч [Коробейников, Митюков, 2007, с. 57, 58]. Размер наконечника стрелы определяет не только параметры самой стрелы и лука, но указывает на функцию наконечника и дистанцию эффективного применения этого вида оружия. Так небольшие лёгкие втульчатые стрелы «скифского» типа, которыми стреляют из мощного лука, летят на большое расстояние и с большой скоростью [Davis, 2013, p. 10; Snodgrass, 1967, p. 108]. Но небольшая масса и высокая скорость полёта придаёт лёгкой стреле меньшую пробивную способность на предельном расстоянии. Такие стрелы применялись на дальних, безопасных дистанциях и были более эффективны против незащищённого противника.

Тяжёлая, медленно летящая стрела, терпит в скорости на протяжении определённого расстояния, но за счёт своей массы сохраняет достаточную кинетическую энергию [Коробейников, Митюков, 2007, с. 82–84]. Этот запас энергии в сочетании с плотной структурой гранёного наконечника, придаёт стреле большую пробивную силу [Davis, 2013, p. 83; Μπέλλας, 2018, с. 100]. Такая стрела пролетит меньшее расстояние, чем лёгкая, но, видимо, этого и не требовалось, главной целью был бронебойный эффект.

Итак, какие выводы можно сделать в результате анализа погребений с железными черешковыми наконечниками стрел? Во-первых, факт их наличия говорит о верооятности использования местным населением не только популярного лука «скифского типа», но и лука другой конструкции, возможно простого. Во-вторых, большинство образцов не имеют местных аналогов, но широко представлены на памятниках материковой Греции, Малой Азии и островов. В-третьих, такие наконечники практически всегда помещаются в погребение в единственном экземпляре, даже в периоды, когда синхронные погребения с бронзовыми втульчатыми наконечниками

содержали наборы до 16 стрел. В-четвёртых, черешковые стрелы никогда не находились в одном погребении с колчаным набором втульчатых. Только в трёх случаях черешковые стрелы сопровождалась втульчатые, но в одном наконечник находился у черепа, что, возможно, указывает на причину смерти, а во втором – оба наконечника находились в заполнении могилы и отнесение их к одному комплексу небесспорно. Таким образом, для стрельбы использовались все же, как минимум, два типа лука, но для группы людей, имевшей на вооружении простой лук, было не характерно помещать в погребении наборы черешковых стрел. И наоборот, группа людей, помещавших в погребении колчаные наборы, не использовала простой лук и черешковые стрелы. Имеем ли мы дело с разными погребальными традициями или отсутствие колчаных наборов черешковых стрел объясняется тем, что они никогда не использовались по прямому назначению?

Скорее всего, здесь именно разные погребальные обряды. Действительно, было бы странно, чтобы люди, использующие на постоянной основе только лёгкие бронзовые стрелы, изготавливали специально, или везли издалека, стрелы необычного типа только для совершения ритуала, когда под рукой имелась масса привычных стрел. Тем более, что черешковые стрелы никогда не исчезали, их, как и втульчатые, продолжали класть по одному-два в погребение и тогда, когда колчаные наборы с втульчатые наконечниками почему-то перестали использоваться. То есть, эта традиция не прерывалась, и очевидно, что стрельба из лука не исчезла с исчезновением из погребений колчаных наборов. А значит, такие стрелы и соответствующие луки, могли использоваться частью населения Волны-1, не практиковавшей обряд размещения в погребении колчаных наборов. Вопрос о том, кем велись эти люди и откуда они, возможно, происходили, выходит за рамки данной работы и должен рассматриваться отдельно.

Таблица 1.

Размерные характеристики железных черешковых наконечников стрел

Типологи		Длина головки	Ширина головки	Диаметр черешка	Общая длина
Отдел III	Тип 1	32-64 мм	6,5-10 мм	3-5 мм	52-104 мм
	Тип 2	32-88 мм	7,5-16 мм	3-6 мм	36-116 мм
Отдел I	Тип 1	30,5 мм	5,6 мм	3 мм	38 мм
	Тип 3	23-62 мм	10,5-17 мм	4-5,6 мм	45-75,6 мм
	Тип 2	28-40 мм	14,5-16 мм	4-6 мм	48-64 мм
	Тип 1	28-40 мм	9-10,5 мм	4-4,8 мм	46-76 мм

Список литературы

Абрамова А. Н., Берлизов А. Н. Антрополого-тафологическая характеристика мужских погребений некрополя Волна 1 // КСИА. 2019. Вып. 257. С. 339–355.

Берлизов А. Н., Кашаев С. В., Мимоход Р. А. Эволюция погребальных традиций в некрополях Волна 1 и Артющенко 2 в VI–IV вв. до н.э. // ПИФК. 2019. №3. С. 229–245.

Каминская И. В. Сарматские погребения на Урупе // СА. 1988. №1. С. 245–251.

Кашаев С. В. Некрополь Артющенко-2 // Боспорские исследования, вып. XXII – Степи Евразии и истории Боспора Киммерийского. Симферополь; Керчь, 2009. С. 188–267.

Коробейников А. В., Митюков Н. В. Баллистика стрел по данным археологии: введение в проблемную область. Ижевск, 2007. 140 с.

Марченко И. И. Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996. 336 с.

Мелюкова А. И. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д 1-4. М., 1964. 113 с.

Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов // МИА. №101. М., 1961. 163 с.

Шевченко Н. Ф. Стрелы у сарматских племен Прикубань // Понтийско-Кавказские исследования I. Краснодар, 1993. С. 38–56.

Davis T. A. Archery in Archaic Greece. New York, 2013. 340 p.

Snodgrass A. M. Arms and Armor of the Greeks. London, 1967. 151 p.

Μπέλλας Ιωάννης. Τόξα, βέλη και φαρέτρες στον αρχαίο ελληνικό κόσμο. ΔΙΔΑΚΤΟΡΙΚΗ ΔΙΑΤΡΙΒΗ. Θεσσαλονίκη, 2018. 480 σελ.

ЗАГОТОВКИ СКИФСКИХ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ ИЗ МУЗЕЯ АГПУ И РАЙОНА Г. АРМАВИРА

© Дударев Сергей Леонидович

Русское географическое общество, г. Армавир, dudarev51@mail.ru

© Гурова Евгения Александровна

Армавирский государственный педагогический университет, г. Армавир,
gurova.evgenija@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются находка заготовки двухлопастного скифского наконечника стрелы, экспонируемого в музее АГПУ, а также заготовки трёхлопастных скифских наконечников, обнаруженные в районе г. Армавира. Они датируются 1-й пол. VI в. до н.э. (заготовка из экспозиции музея), либо 2-й пол. VII в. до н.э. – 1-й пол. VI в. (заготовки из района г. Армавира). В качестве места производства анализируемых находок могли послужить поселения раннемеотского периода, расположенные по берегам р. Кубани в округе г. Армавира и в Поурупье (Кавказское, Прочноокопское, Армавирское, Заурупское и др.). Рассматриваемые в статье находки заготовок скифских наконечников стрел являются пока редким возможным свидетельством местного производства данного вида вооружения в эпоху скифской архаики. В то же время, слабая изученность указанных поселений не позволяет категорически настаивать на этом предположении. Более точный ответ на данный вопрос могут дать новые полевые исследования бытовых памятников раннего железного века Кубани.

Ключевые слова: заготовки двух- и трёхлопастных наконечников стрел раннескифских типов, раннемеотский период, музей АГПУ, район г. Армавира.

Abstract. The article discusses the discovery of a two-bladed Scythian arrowhead blank exhibited in the ASPU Museum, as well as a blank of three-bladed Scythian arrowheads found in the area of the city of Armavir. They date from the first half of the 6th century BC (blank from the museum exposition), or the second half of the 7th century BC – the first half of the VI century (blanks from the region of the city of Armavir). The settlements of the early Meotian period, located along the banks of the river, could serve as the place of production of the analyzed finds Kuban in the district of the city of Armavir and in Pourupye (Caucasus, Prochnookopskoe, Armavirskoe, Zaurupskoe, etc.). The finds of blanks of Scythian arrowheads considered in the article are still a rare possible evidence of the local production of this type of weapon in the era of the Scythian archaic. At the same time, the poor knowledge of these settlements does not allow us to categorically insist on this assumption. A more accurate answer to this question can be given by new field studies of household monuments of the early Iron Age of the Kuban.

Keywords: blanks of two and three bladed arrowheads of early Scythian types, early Meotian period, ASPU museum, Armavir area.

В экспозиции музе Армавирского государственного педагогического университета находится заготовка бронзового двухлопастного наконечника стрелы скифского типа, происходившего с территории Средней Кубани. Предмет имеет следующие размеры: длина 4,3 см, ширина пера 0,9 см, сечение втулки 0,6 см. Головка наконечника овальной формы, втулка у предмета короткая, вдоль пера проходит её литая имитация. На конце предмета – неудалённый литник, который оказался не сточенным, поскольку наконечник последующей обработке не подвергся. Точно так же не были заточены и боковые грани пера. На одной из них видны следы литейного брака (рис. 1, 1).

Образец относится к отделу I, типу 2 скифских наконечников стрел по классификации А. И. Мелюковой [Мелюкова, 1964, с. 19]. Аналогичные изучаемому предмету экземпляры входят в I хронологическую группу данного вида оружия, то есть, VII–VI вв. до н.э. [Мелюкова, 1964, с. 18. Табл. 6, 3, 6–8]. Они известны в небольшом количестве и в комплексах II хронологической группы и датируются 2-й пол. VI – нач. V в. до н.э. [Мелюкова, 1964, с. 21. Табл. 7, А, 4].

Разумеется, с момента выхода «классической» работы А. И. Мелюковой прошло уже много лет, и последующая историография даёт уточнения этих датировок и определённый разброс во мнениях по поводу их конкретного определения. У В. А. Ильинской двухлопастные бронзовые наконечники с овальной головкой и без шипа в комплексе из кургана 38 у Гуль-Города по аналогии из Ольвии, выявленной в сопровождении амфор середины VI в. до н.э. отнесены к тому же времени [Ильинская, 1975, с. 58, табл. II, 2, 3]. С указанной датировкой хорошо коррелирует дата колчанного набора из погребения 7 кургана 26 могильника Высочино VII на Нижнем Дону, содержащего наконечник интересующего нас типа – сер. VI в. до н.э. [Беспалый, Парусимов, 1991, с. 185, рис. 4, 10; с. 194]. Таковую же датиров-

ку бронзовых коротковтульчатых наконечников стрел с овальной головкой с Трахтемировского городища в Черкасской области Украины, по сути, дают А. Е. Фиалко и Ю. В. Болтрик [Фиалко, Болтрик, 2003, с. 89, 133, табл. 25, 3–4]. По данным С. В. Махортых, бронзовые двухлопастные наконечники без шипа с головкой овальной формы, но с более длинной втулкой, из Днепровского Правобережья и Словакии, датируются 1-й пол. – сер. VI в. до н.э. [Махортых, 2022, с. 97–98, рис. 1, 1–11].

Существуют версии и более ранней датировки бронзовых двухлопастных наконечников стрел с овальной головкой. Они, в частности, найдены в колчанном наборе из погребения 1, кургана 4 у с. Гладковщина в Левобережной Приднепровской Лесостепи [Григорьев, Скорый, 2012, с. 455, рис. 14, 2–6]. Его время определено 3-й четв. VII – рубежом VII–VI вв. до н.э. Эту датировку разделяет и М. Н. Дараган [Дараган, 2016, с. 65, рис. 2, 1–79]. Впрочем, и она не является самой ранней. На Люботинском городище на Харьковщине из самой нижней части культурного слоя усадьбы №1 происходит бронзовый двухлопастный наконечник без шипа с овальной головкой, датируемый Б. А. Шрамко VIII–VII вв. до н.э. [Шрамко, 1988, с. 29, 32, рис. 14, 23].

В то же время, до сих пор мы касались параллелей нашему образцу из погребальных памятников. Однако материалы, содержащие конкретно заготовки стрел рассматриваемого типа, выявлены и на Ягорлыцком поселении в Херсонской области. Как отмечал Е. В. Черненко, на территории данного памятника количество архаических скифских стрел, извлечённых из формы, но не законченных (с неотрубленными литниками и не заточенных, как и в нашем случае), исчисляется сотнями (см. рис. 1, 3) [Черненко, 1981, с. 100, 102, рис. 76].

Важно, что в связи с материалами указанного поселения М. Н. Дараган отмечает следующее: наконечники стрел

раннескифского типа на этом и некоторых других поселениях побережья Березанского лимана и Ольвии, возникших в начале VI в., выходом из употребления в 1-й четв. VI в. до н.э. [Дараган, 2016, с. 72, прим. 19.12]. Полагаем, что заготовка наконечника из музея АГПУ, с учётом вышесказанного (если отбросить крайние даты), могла быть сделана приблизительно в 1-й пол. VI в. до н.э.

Из района г. Армавира происходит 18 других заготовок скифских трёхлопастных наконечников стрел, не заточенных и с не удалёнными литниками (частная коллекция; рис. 2). В отличие от рассмотренного выше, они имеют удлинённые овальные или овально-ромбические головки и длинные боковые шипы. Длина образцов от 3,6 до 5,2 см. Вместе с ними был и экземпляр полностью готового трёхлопастного наконечника с остролистной головкой и боковым шипом (длина 4,8 см) (рис. 2, на переднем плане). Наконечники относятся к отделу II, типам 1 и 2 скифских наконечников стрел по классификации А.И. Мелюковой [Мелюкова, 1964, рис. 21]. Близкие этим образцам экземпляры относятся к I хронологической группе скифских наконечников стрел [Мелюкова, 1964, табл. 6. Л, 2–4].

По поводу данных заготовок, как и в рассмотренном выше случае, свидетельства специалистов не дают возможность предложить совершенно однозначный ответ по поводу их датировки. Наиболее ранние из предложенных для таких образцов даты: VIII–VII вв. до н.э. [Полін, 1987, с. 19, рис. 1, 18]. По мнению других специалистов, наборы с подобными наконечниками (кург. 4 у Гладковщины) относятся либо к 3-й четв. VII – рубежу VII–VI вв. (см. выше), либо к VII в. до н.э., скорее всего, его второй половине [Дараган, 2015, рис. 3, 22; рис. 4, 1–3]. В.А. Ильинская в своё время датировала курган № 406 у с. Журовка в Среднем Поднепровье, где в наборе наконечников стрел есть экземпляры, аналогичные находкам из окрестностей г. Армави-

ра, 1-й пол. VI в. до н.э. [Ильинская, 1975, с. 59, табл. VIII, 9]. Ныне такого же мнения придерживаются и С.В. Махорты, относя к этому времени, например, наконечники из Репховатой Могилы и Новоалександровского кургана 7, близкие некоторым образцам из района Армавира, как представленным заготовками, так и готовым экземпляром [Махорты, 2022, с. 100, рис. 2, 1–19]. Полагаем, что наконечники стрел из района г. Армавира можно датировать 1-й пол. VI в. до н.э., с возможным смещением этой даты во 2-ю пол. VII в. до н.э.

Теперь коснёмся вопроса о месте производства находок как из музея АГПУ, так и района г. Армавира. В качестве такового вполне могло послужить одно из поселений раннемеотского периода, расположенных по берегам р. Кубани в округе г. Армавира и в Поурупье (Кавказское, Прочноокопское, Армавирское, Заурупское и др.) [Каменецкий, 1989, с. 230–231, карта 20]. Слабая изученность в целом перечисленных памятников не позволяет настаивать на этом предположении категорически: даже самые представительные слои раннемеотского времени, порой, не содержат ничего, кроме различных типов глиняной посуды [Каменецкий, 1989, с. 230]. В то же время, портативность литейных форм для изготовления скифских наконечников, вроде найденной в Мосуле [Черненко, 1981, с. 95–96, рис. 71–72] (рис. 1, 2, а-г), или более простых форм (рис. 2, 2), а не композитных, как мосульская, свидетельствует о сложности в выделении следов производства данного вида оружия на бытовых памятниках.

Обилие находок-заготовок из Ягорлыцкого поселения – отнюдь не правило для данной категории археологического материала на бытовых объектах скифской эпохи. Даже на Большом Бельском городище этого времени, которое В.А. Шрамко отождествил с геродотовым городом Гелоном [Геродот, История, IV, 108–109], или в Ольвии – крупном древнегреческом центре Северного

Причерноморье [Полін, 1987, с. 28, рис. 7, 22–26], – заготовки дл наконечников стрел скифского типа вл ютс находкой нечастой [Шрамко, 1987, с. 116–121, рис. 56, 26–27], несмотря на наличие раскопанных мастерских бронзолитейщиков с бронзоплавильными печами. Дополним эту картину данными М. Н. Дараган по находкам литейных форм дл изготовлени раннекочевнических (преимущественно, скифского типа) наконечников стрел из пам тников Северного Причерноморья, Средиземноморья, и Приуралья. Этот автор приводит всего 21 находку соот-

ветствующих артефактов в диапазоне VIII–IV вв. до н.э. на такую обширную территорию [Дараган, 2015, с. 100–112].

Таким образом, находки заготовок скифских наконечников стрел из музе Армавирского государственного педагогического университета и района г. Армавира предположительно вл ютс пока редким возможным свидетельством местного производства данного вида стрелкового вооружени в эпоху скифской архаики. Более точный ответ на данный вопрос могут дать новые полевые исследовани бытовых пам тников раннего железного века Кубани.

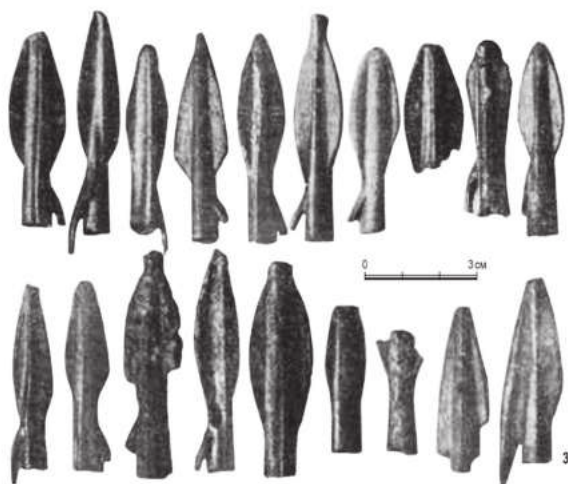
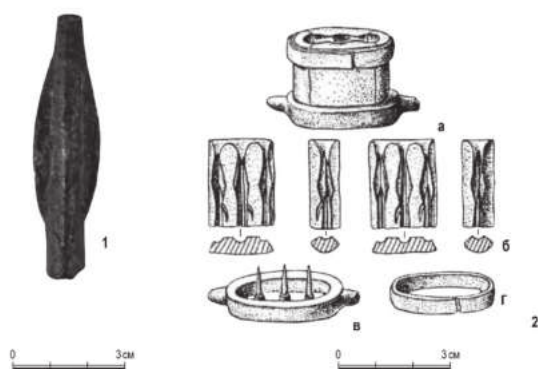

Рис. 1. 1 – заготовка бронзового скифского наконечника стрелы из экспозиции музе Армавирского государственного педагогического университета; 2 – композитна литейна форма дл отливки скифских наконечников стрел из Мосула (Северный Ирак): а – общий вид; б – створки; в – дно; г – обойма; 3 – бронзовые наконечники стрел из Ягорлыцкого поселени Херсонской области [2–3 – по Черненко, 1981, с. 95, рис. 71]

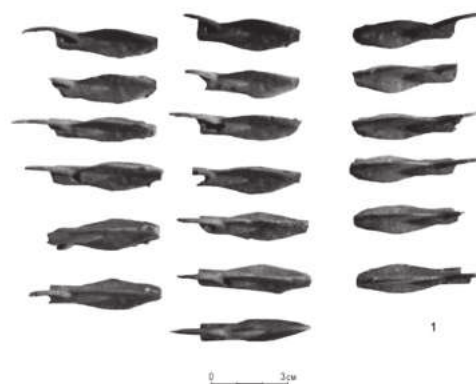

Рис. 2. 1 – заготовки бронзовых скифских наконечников стрел из р-на г. Армавира; 2 – формы дл отливки скифских наконечников стрел: а – Западное укрепление Бельского городища (фото М. Н. Дараган); б – Смела (фото Р. С. Лугового). 2а, б

Список литературы

Беспалый Е. А. Парусимов И. Н. Комплексы переходного и раннескифского периодов на Нижнем Дону // СА. 1991. № 3. С. 179–195.

Григорьев В. П., Скорый С. А. Курганы у села Гладковщина – памятники эпохи скифской архаики в Левобережной Приднепровской террасовой Лесостепи // Peregrinationes archaeologicae in Asiae et Europa Ioanni Chochorowski dedicatae / Redakcja Woiciech Blajer. Krakow, 2012. P. 441–459.

Дараган М. Н. Бронзовые литейные формы для изготовления наконечников стрел VIII–IV вв. до н. э. // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный памяти археолога К. А. Акишева. Алматы, 2015. С. 100–112.

Дараган М. Н. О колчанном наборе раннескифского времени из погребения кургана 4 у с. Гладковщина // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: материалы международной научной конференции, посвященной памяти Марии Николаевны Погребовой (Москва, 35–27 апрель 2016 г.). М., 2016. С. 62–75.

Ильинская В. А. Раннескифские курганы бассейна р. Тьмин (VII–VI вв. до н. э.). Киев, 1975. 223 с.

Мелюкова А. И. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д 1–4. М., 1964. 90 с.

Махортых С. В. Раннескифские колчаные наборы первой половины VI в. до н. э. на Юге Восточной Европы // Северный Кавказ в историческом и археологическом измерении. Доклады и сообщения 24 Международного семинара Кавказоведческой Школы В. Б. Виноградова. Вып. 14. Армавир; Ставрополь, 2022. С. 96–104.

Каменецкий И. С. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н. э. – III в. н. э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время [Археологи СССР. Т. 10]. М., 1989. С. 224–251. Карта 20.

Полін С. В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. 1987. № 59. С. 17–36.

Черненко Е. В. Скифские лучники. Киев, 1981. 167 с.

Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987. 183 с.

Шрамко Б. А. Люботинское городище // Люботинское городище. Сборник научных трудов. Харьков, 1998. С. 9–131.

Фіалко О. Е., Болтрик Ю. В. Напад скіфів на Трахтемирівське городище. Киев, 2003. 150 с.

К ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕКРОПОЛЯ ГОРГИППИИ: РАСКОПКИ Ф. С. БАЙЕРНА 1875 Г

© *Евсюков Сергей Владимирович*,
Анапский археологический музей-филиал ГБУК КК
«КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына», г. Анапа, evsyukov.se@yandex.ru

Аннотация. История археологического изучения Анапы насчитывает около 200 лет. Начальный этап этой истории – раскопки XIX в. – во многом остаётся для нас неизвестным. В то время археология как наука только начинала обретать свою форму, а в качестве археологов часто выступали военные, чиновники и коллекционеры-любители, которыми составлялись краткие описания открытых объектов, порой ценные для науки данные и вовсе никак не фиксировались. Первым профессиональным учёным-археологом на анапской земле был Ф. С. Байерн. О его раскопках курганов «Три сестры» в 1875 г. вблизи Анапы известны только общие сведения, упомянутые в Отчёте Императорской Археологической комиссии за 1881 год. В статье рассмотрены новые архивные данные, проясняющие некоторые подробности и уточняющие уже известные факты этих исследований.

Ключевые слова: Анапа, Горгиппия, некрополь, курган, склеп, археологи, раскопки.

Abstract. The history of archeology in Anapa dates back about 200 years. The initial stage of this story – the excavations of the XIX century – remains largely unknown to us. At that time, archaeology as a science was just beginning to take shape, and military, officials and amateur collectors often acted as archaeologists, who compiled brief descriptions of open objects, sometimes valuable data for science and were not recorded at all. The first professional scientist-archaeologist on the Anapa land was F. S. Bayern. About his excavations of the “Three Sisters” mounds in 1875. Only general information mentioned in the Report of the Imperial Archaeological Commission for 1881 is known near Anapa. The article discusses new archival data clarifying some details and clarifying the already known facts of these studies.

Keywords: Anapa, Gorgippia, necropolis, burial mound, crypt, archeology, excavations.

Целью первого этапа изучения некрополя Горгиппии было спасение курганных ценностей от рук черных копателей. Начало археологическим раскопкам в Анапе положил жандармский полковник Богуслав Францевич Гринфельд (1796–1875?). Назначенный в Анапу для управления вопросами переселенцев и выбора мест для основания новых станиц полковник озаботился проблемой массовых грабительских разрытий курганов вблизи города. Получив разрешение на раскопки от командира Отдельного Кавказского корпуса графа

Г. В. Розена, в 1837 г. он исследовал несколько десятков погребений. Все найденные ценные вещи были отправлены в Тифлис для демонстрации императору Николаю I [Тункина, 2002, с. 584–585; Архив Г. В. Розена, с. 425–536.].

В 1952 г. большой курган вблизи Анапы раскопал известный коллекционер боспорских монет князь Александр Александрович Сибирский (1824–1879). Он, находясь на службе министерства внутренних дел, прибыл в Северное Причерноморье с целью упорядочить производство археологических поисков.

Обнаруженный под землей насыпью каменный склеп оказался ограбленным. Немногочисленные найденные предметы поступили в Императорский Эрмитаж [Жиль, 1854, табл. XV, 7, табл. XXIV, 1; Ростовцев, 1925, с. 296; Тункина, 2002, с. 586].

Летом 1875 г. раскопками курганов вблизи Анапы занимался знаменитый русский естествовед, лучший знаток археологии Кавказа своего времени Фридрих Самойлович Байерн (1817–1886). Французский археолог Эрнест Шантр писал о нём: «Никто, кто хотел бы проводить какие-либо исследования на этих землях, не мог обойтись без его совета, особенно в области археологии» [Heltmann] (рис. 1).

Ф. С. Байерн родился в 1817 г. в трансильванском Кронштадте (совр. г. Брашов, Румыния), в молодости перебрался в Одессу, где преподавал языки, занимался естественными науками и изучением древностей Черноморского побережья под руководством знаменитого зоолога Александра фон Нордмана. Благодарю своей деятельности он познакомился с графом Мнишеком, который в 1849 г. отправил его в энтомологическую экспедицию на Кавказ. Заинтересованный природой и древностями этого региона, в 1850 г. Ф. С. Байерн переехал в Тифлис. Первое десятилетие своей деятельности на Кавказе учёный посвятил сбору минералов, растений и насекомых, его богатые коллекции послужили основой создания Кавказского музея. В 1864 г. он решил заниматься только археологией. В 1873 г. из круга друзей Ф. С. Байерна в Тифлисе возникает Общество любителей Кавказской археологии. На средства общества до конца своей жизни он проводил многочисленные раскопки в Кавказском регионе и Арабатской области. Умер Фридрих Самойлович на 68-м году жизни, 20 февраля (4 марта) 1886 г. в результате болезни [«Кавказ», 1886, с. 2].

Исследователи, занимающиеся историей изучения Горгиппии, сообщают

только краткую информацию о раскопках Ф. С. Байерна [Кругликова, 1980, с. 6; Новичихин, 2000, с. 285], изложенную в Отчёте Императорской Археологической комиссии за 1881 год. В издании сообщает, что в 1876 г. по поручению Кавказского общества любителей археологии Фридрих Байерн исследовал курганную группу «Три сестры» близ Анапы. В каждом из курганов найдено по сложенному из тщательно обтёсанных каменных плит склепу, все были ограблены в древности [ОАК за 1881 год. С. X–XI].

В Государственном архиве Краснодарского края хранится дело 1875 г. «Переписка с Анапской городской полицией о гробницах, найденных в городе», в котором описаны события, предшествующие изысканиям Ф. С. Байерна в Анапе. Подробно эти документы опубликованы в статье З. Е. Харалдиной [Харалдина, 2018, с. 132].

Всё началось со случайной находки. В начале марта 1875 г. за городом местные жители при добыче глины и камня раскопали три кургана с каменными гробницами, в одной из которых нашли «глиняные урны» и три золотые пластинки. Незамедлительно Начальник Черноморского округа Д. В. Пиленко направил в Анапу своего титулярного советника А. А. Иваницкого с поручением осмотреть курганы, разузнать об обстоятельствах их открытия и о находках.

Посланник прибыл в Анапу 13 марта 1875 г. Согласно его докладам, из трёх курганов один был известен старожилам ещё с 1837 г. (возможно, один из курганов, исследованный Б. Ф. Гринфельдом), склеп в нём служил помещением для караула, на вершине насыпи стояла пушка. При расчистке двух других склепов каких-либо значительных находок сделано не было. Советник А. А. Иваницкий пришёл к выводу, что курганы греческого происхождения и ограблены в древности.

20 марта полицмейстер Анапы К. Яновский докладывал Д. В. Пиленко, что в кургане «по направлению к Серебряному источнику» (у села Супсех)

найлены золотые пластинки и «урны». Сообщает о трёх нетронутых курганах (курганы «Три сестры») и сетует, что из-за отдалённости от города их трудно будет охранять, просит ввиду хорошей погоды разрешить начать раскопки. В ответном письме от 22 марта, ссылаясь на отзыв А. А. Иваницкого, Начальник Черноморского округа приказывает отложить раскопки до особого его распоряжения.

22 апреля 1875 г. Д. В. Пиленко отправляет 7 найденных предметов из Анапы в Тифлис и сопровождает их письмом к Председателю Общества любителей Кавказской археологии Степану Александровичу Талызину, в котором сообщает, что в начале марта на земле Анапы найдены склепы, которых в окрестностях города много, и просит продолжить раскопки курганов под наблюдением Общества, командировав специалиста по археологии, «что, несомненно, полезнее для науки, позволит определить принадлежность склепов не только по находкам, но и по конструкции их».

28 мая 1875 г. С. А. Талызин в ответном письме благодарит за отправленные вещи, которые были переданы в музей, и сообщает, что несмотря на то, что Комитетом общества уже решено направить Ф. С. Байерна на раскопки в Гурии, учитывая изложенные в сообщении интересные факты, он уделит вторую половину лета археологическим работам вблизи Анапы.

27 июня 1875 г. Д. В. Пиленко в телеграмме Анапскому полицмейстеру сообщает, что Ф. С. Байерн прибыл в Новороссийск и на днях отправится в Анапу, просит оказать ему полное содействие.

5 сентября 1875 г. в телеграмме К. Яновскому Начальник Черноморского округа предлагает разобрать открытые при раскопках склепы на строительный камень, так как, по отзыву Ф. С. Байерна, в их сохранении нет надобности.

Из переписки мы узнаём, что раскопки курганов «Три сестры» проходили не в 1876 г., как считалось ранее, а в июне – августе 1875 г. Этот факт так-

же подтверждает статья в 15 номере газеты «Кавказ» за 4 (16) февраля 1876 г., в которой сообщается о результатах заседания Общества любителей Кавказской археологии: «...комитет Общества в прошлом году обращал своё внимание на следующие вопросы: избрав местом для исследований и раскопок в летний период... г. Анапу в Черноморском округе, производство этих работ комитет поручил г. Байерну, для чего и были выданы ему 600 р. из средств, ежегодно отпускаемых в распоряжение Общества для этих целей... Близ Анапы г. Байерну удалось раскопать два кургана, в которых обнаружались каменные склепы древней греческой постройки, весьма похожие на керченские гробницы; но гробницы эти оказались разграбленными, по всей вероятности, в отдалённое время. Тем не менее, были и на этот раз отысканы некоторые золотые вещицы» [«Кавказ», 4 февраля 1876, с. 2]. Из газетной статьи мы также узнаем, что Ф. С. Байерн исследовал два кургана из трёх.

Вещи, обнаруженные при раскопках, поступили в распоряжение Кавказского общества любителей археологии и далее попали в коллекцию Кавказского музея в г. Тифлис (сейчас Национальный музей Грузии им. Симона Джанаши).

В V томе издания «Коллекции Кавказского музея» 1902 г. опубликован список предметов, поступивших в фонды музея из Анапы [Коллекции Кавказского музея, 1902, с. 165–166]. В разделе под заголовком «Синда»: 4 золотых круглых штампованных бляшки с изображением женской головы (№ 3279–3482); бусы из оникса, сердолика, стекла, опала, гипера и разноцветной смальты со вставными глазками, по сками и разводами (№ 3483–3484); железный треугольный наконечник стрелы (№ 3485); бронзовые пуговица и кольцо (№ 3486–3487). Вероятно, именно этот набор вещей был передан Д. В. Пиленко в Тифлис с письмом к Председателю Общества любителей Кавказской археологии. В разделе под заголовком «Анапа» содержатся: железные гвозди с круглой шляпкой и остат-

ками дерева (№ 3489–3491); бронзовые гвозди с круглыми шляпками и остатками дерева (№ 3492–3495); железные перстень и фрагмент перстня, «сильно испорченные ржавчиной» (№ 3496–3495); рукоять ножа из костяных пластинок с остатками железного лезвия и бронзовым гвоздиком (№ 3498); бронзовые колечки и их обломки (№ 3498а); железные ножи и скобы (№ 3499–3501); остатки ожерелья, состоящего из двух золотых пронизей, перевитых тонкой проволокой (№ 3502); бусы из сердолика, стекла и смальты со вставными глазками (№ 3503); костяные обломки и пронизь (№ 3504–3505); терракотовая статуэтка «фигура женщины» из тонко отмученной глины со следами краски (№ 3506); мраморная женская головка (№ 3507); глиняный сосуд алабастром (№ 3508); сосуд в виде кубышки с отломанной ручкой (№ 3509); чаша из светлой глины, плоская и широкая (№ 3510). Эта коллекция представляет собой типичный набор находок из ограбленного античного захоронения, и нет сомнений, что это вещи, обнаруженные Ф.С. Байерном при раскопках курганов «Три сестры».

Мраморная женская голова из этого набора была опубликована Н.Л. Грач в 1970 г. Она сообщает, что, согласно архивным данным, скульптура поступила в Кавказский музей вместе с коллекциями, принадлежавшими Ф.С. Байерну, и предполагает, что предмет происходит из курганов «Три сестры» [Грач, 1970, с. 245]. На Боспоре существовал обычай помещать небольшие скульптуры божеств в склепы. Встречаются находки фрагментов таких скульптур в ограбленных богатых гробницах, например, мраморная рука с канфаром, найденная в расписном склепе 1975 г. [Алексеева,

2021, с. 83, рис. 35.1]. Нельзя исключать и варианта, что это – случайная находка, подаренная археологу во время его пребывания в Анапе.

К настоящему времени курганы «Три сестры» не сохранились, их точное месторасположение неизвестно. Согласно Отчёту Императорской Археологической комиссии за 1881 год, они находились в 7 верстах (около 7,5 км) к югу от города, в районе с. Супсех, у подножия предгорий, окаймляющих равнину, которая неточно по направлению к станции Раевской [ОАК за 1881 год. С. III]. В этой местности три кургана, расположенные рядом друг с другом, отмечены на карте Анапского рейда 1886 г. [Карта Анапского рейда, 1886]. Сопоставив эту карту с современной, можно увидеть, что курганы локализованы в с. Супсех, в квартале между улицами Чапаева, Садовая, Садовый пер., Новосёлов. По рассказам местных жителей, в пер. Садовом, между домовладениями 1а и 5, ещё в 1980-е гг. находилась земля насыпь высотой около 3 м, позже нивелированная при строительстве.

Новые сведения о раскопках Ф.С. Байерна значительно дополняют историю исследования некрополя Горгииппии. В результате поисков удалось выяснить события, предшествовавшие этим раскопкам, уточнить время, когда они проходили, узнать, какие вещи были обнаружены, определить предположительное место расположения курганов «Три сестры». На этом изучение архивов, связанных с исследованиями Ф.С. Байерна, не закончено, так как остаются неизвестными археологический контекст находок и конструктивные особенности обнаруженных склепов.

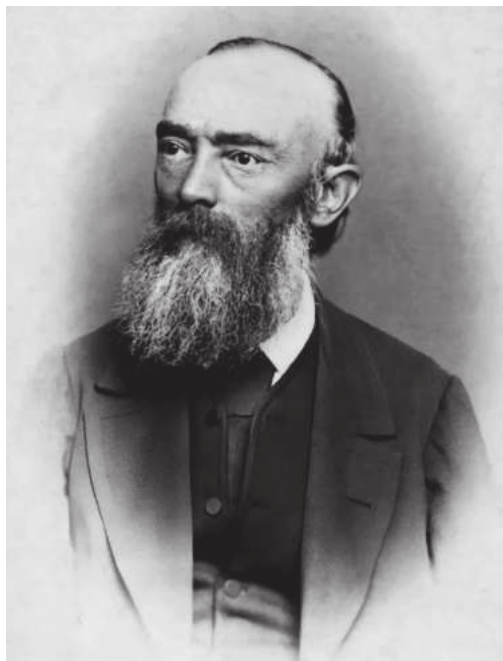

Рис. 1. Ф. С. Байерн (1817–1886). Фотографи из фондов Венского музе (Wien Museums), инв. № 104840/2

Список литературы

Алексеева Е. М. Некрополь античного города Горгиипии: комплекс гробниц рубежа II–III вв. н. э. М.; Вологда, 2021. 351 с.

Архив Г. В. Розена // ОПИ ГИМ. Ф. 6. Ед. 62. Раздел 6. С. 425–536.

Годичное заседание Общества любителей археологии: (Окончание) // Кавказ. 1876. № 15, 4 (16) феврал .

Грач Н. Л. Мраморна скульптура из Горгиипии // СА. 1970. № 1. С. 245–247.

Жиль Ф. А. Древности Босфора Киммерийского, хран щиеся в Императорском музее Эрмитажа: атлас. СПб., 1854. 86 с.

Карта Анапского рейда: Описи Черноморской Гидрографической Экспедиции 1873–84 гг. [Б. м.]: Главное Гидрографическое Управление Морского Министерства, 1886. 1 с.

Коллекции Кавказского музе . Том V, Археологи . Сост. графин П. С. Уварова. Тифлис, 1902. 231 с.

Кругликова И. Т. Истори исследовани Горгиипии и её некропол // Горгиипии : (Материалы Анапской археологической экспедиции). Т. 1. Краснодар, 1980. С. 5–17.

Новичихин А. М. Раскопки Горгиипии: истори поисков и открытий // Очерки по истории Анапы. Анапа, 2000. С. 285–295.

Отчёт Императорской Археологической комиссии за 1881 год. СПб., 1883. 151 с.

Ростовцев М. И. Скифи и Боспор: Критическое обозрение пам тников литературных и археологических. Л., 1925. 621 с.

Тифлисска жизнь // Кавказ. 1886. № 52, 25 феврал . С. 2.

Тункина И. В. Русска наука о классических древност х юга России (XVIII–середина XIX в.). СПб., 2002. 676 с.

Харалдина З. Е. Разрешите немедленно произвести раскопку // Санаторно-курортное лечение и отдых в Анапе. 2018. № 20. С. 132–138.

Heltmann H. Friedrich Bayern // Kulturstiftung der deutschen Vertriebenen für Wissenschaft und Forschung. URL: <https://kulturstiftung.org/biographien/bayern-friedrich-2> (дата обращения 25.06.2023).

ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК «ЧЕРНОЛЕССКИЙ»

© *Иванов Алексей Владимирович,*

© *Ломовский Константин Николаевич*

ООО «Южный региональный центр археологических исследований»,

г. Краснодар, ivanov_arx@mail.ru, lomovskiy@mail.ru

Аннотация. Основная цель работы – публикации материалов охранных раскопок могильника IV в. до н.э. «Чернолесский», расположенного в Нижнем Прикубанье в Чёрном лесу. Приводится история обнаружения и другие сведения о памятнике, известные на настоящий момент, причины, побудившие к проведению исследований. В основной части публикации даются описания двух дополнительно исследованных погребений, проводится разбор погребального инвентаря, его аналогии и хронология, предлагается датировка захоронений. На основании элементов погребального обряда устанавливается соответствие комплексов могильника «Чернолесский» памятникам меотской культуры расположенным рядом с ним – с Прикубанским и Марьинским могильниками IV в. до н.э. Общая хронология и культурная идентичность могильников дают возможность выдвинуть дополнительные аргументы в пользу культурной общности обитавшего здесь населения.

Ключевые слова: могильник, погребения, погребальный инвентарь, IV в. до н.э., меотская культура.

Abstract. The main purpose of the work is to publish the materials of the security excavations of Chernolesky cemetery dated to the 4th century BC. Located in the forest area “Cherny les” (Lower Kuban region). The history of discovery and other information about the monument, known at the moment, the reasons that prompted the research are given. In the main part of the publication, descriptions of two additionally investigated burials are given, an analysis of the grave goods, its analogies and chronology is carried out, and the dating of the burials is proposed. On the basis of the elements of the funeral rite, the correspondence of the assemblages of the Chernolesky burial ground with the nearby monuments of the Meotian culture is established – e.g. with the Prikubansky and Maryansky burial grounds of the 4th century BC. The general chronology and cultural identity of the burial grounds make it possible to put forward additional arguments in favor of the cultural community of the population living here.

Key words: burial ground, burials, grave goods, 4th c. BC, Meotian culture.

Грунтовый могильник Чернолесский расположен у хут. Прикубанский в Красноармейском районе Краснодарского края, на правом берегу р. Кубани¹ в пойменном Чёрном лесу (рис. 1, 1). Он был обнаружен в конце 60-х гг. XX в. директором школы ст-цы Марьинской,

учителем истории И. И. Левченко. Вещи из разрушенных погребений могильника стали основой для создания школьного музея, при котором со временем образовался историко-археологический кружок. Его ещё в юные годы посещал уроженец станицы Марьинской,

¹ Чтобы не вводить исследователей в заблуждение о местонахождении памятника, следует уточнить, что Чёрный лес, как и могильник, находится не на левом, как об этом писалось раньше [Марченко, Лимберис, 2001, с. 91], а на правом берегу реки Кубань.

краснодарский археолог В. В. Бочковой, который также неоднократно выезжал с кружком на осмотр могильника. Значительно позже, уже в 1990-е – 2000-е гг., когда в составе экспедиции КубГУ В. В. Бочковой работал на кургане у станции Марьинской и на Прикубанском могильнике, он неоднократно посещал и осматривал могильник. Им же были оформлены документы на постановку памятника на государственную охрану.

Хот до настоящего времени никаких серьёзных работ на памятнике не проводилось, следует сказать о том, что могильник известен в литературе. Так, впервые он упомянут в статье посвящённой локализации племени фатеев [Марченко, Лимберис, 2001, с. 91]. Некоторые сведения о могильнике можно найти и в работе Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко о пластинчатых налобниках из Прикубанья. Исследователи пишут о бронзовом налобнике на черепе лошади из разрушенного погребения могильника Чёрный лес, найденном с миской IV в. до н. э. и удилами со строгими крестовидными псаломниками [Лимберис, Марченко, 2005а, с. 162, 166].

В 2020 г. одним из авторов совместно с В. В. Бочковым была осмотрена территория могильника. Особое внимание уделено береговой линии Кубани ввиду того, что река, постоянно подмывая коренной берег, обнажает погребения могильника. Обнаружение погребений послужило поводом для проведения срочных охранно-спасательных работ², результатам которых и посвящено настоящее сообщение.

Погребение 1 (рис. 1, 2–11) обнаружено по костям человека и сероглинному кувшину в диагональном смыве под обрывом берега реки. Могильник имеет трапецевидную в плане форму прослежена в придонной части. Погребённая (взрослая женщина, старше

20 лет³) лежала вдоль северо-восточной стенки мы вытнуто на спине головой на ЮВ. Юго-восточная часть мы оказалась в обрыве, череп и правая рука утрачены. У правого крыла таза лежали стеклянные бусы № 1 и № 2; между крыльями таза лежал железный нож № 3; справа от погребённой у таза находилась сероглиняная кувшин № 4; между колен располагалась стеклянная бусина № 5; в ногах погребённой находились перевернутая вверх дном придонная часть сероглиняного сосуда на кольцевом поддоне № 6 и сероглиняная кувшин № 7. При разборке погребения под тазом обнаружены стеклянные бусы № 8 и № 9.

Погребение 2 выявлено в результате осмотра обрывов берега. При осмотре обнаружены две сероглиняные миски, рядом с которыми лежал череп человека, а к западу от него – череп коня, покрытый высохшими водорослями и мелкими ракушками молодых перловиц, успевших прикрепиться к поверхности, когда череп ещё находился под водой.

Погребение (рис. 2) было совершено на материке, тем не менее, погребальную му на горизонте, в отличие от первого погребения, выявить не удалось. Погребённый (мужчина, *maturus* I, 35–45 лет) лежал вытнуто на спине головой на ЮВ. Череп погребённого покоился на затылке, руки вдоль тела, ноги ровно. В изголовье лежали перевернутые вверх дном две сероглиняные миски № 1 и № 2. Вдоль правого плеча, вплотную к нему, лежали три железных наконечника копья № 3–№ 5. У правого крыла таза находилась железная браслет № 6. Между коленей погребённого лежали железный нож № 7, а чуть ниже компактно располагались железные и бронзовые наконечники стрел № 8 (23 экз.). В ногах погребённого находились: развал сероглиняного кувшина № 9, рядом с которым лежала миниатюрная лепна

² Работы проводились отрядом Южного регионального центра археологических исследований под руководством К. Н. Ломовского.

³ Авторы благодарят н. с. Краснодарского историко-археологического музе-заповедника им. Е. Д. Фелицына к. и. н. А. Н. Абрамову за антропологическое определение материалов могильника.

вазочка №10, лепна миска №11, в которой находилс сероглин ный кувшин №12 и две амфоры №13 и №14. Справа от кост ка человека, на правом боку с разворотом в сторону погребённого, лежал кост к взрослой лошади. Череп лошади практически полностью съехал в обрыв, сохранилась нижн челюсть, р дом с которой находилось навершие железного псали №15.

Погребение 1 можно датировать в пределах IV в. до н.э. Кувшины из данного комплекса, имеют на горле борозды и рифление (рис. 1, 6, 9). В хронологической таблице меотских комплексов, датированных античными импортами, кувшины с рифлёным горлом получили широкое распространение со 2-й половины IV в. до н.э., однако рифление на меотских кувшинах прослеживается ещё с сер. V в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2005б, с. 232]. Нож, найденный в погребении 1 (рис. 1, 5), относится к пр мым ножам с треугольным, обоюдоострым лезвием и с пр моугольной руко тью. Как показывают материалы кубанских пам тников, ножи присутствуют в материальной культуре уже с протомеотского времени [Эрлих, 2007, с. 153–154, рис. 213], причём только в форме ножей с изогнутой спинкой. Ножи этой морфологии получили дальнейшее развитие и в раннескифское и скифское врем и зафиксированы практически во всех пам тниках меотов этого времени. Пр мые ножи стали по вл тьс лишь в скифскую эпоху, однако количественно они значительно уступают ножам, упом нутым выше, и особого распространени не получили. Наиболее близкими нашему экзempl ру можно считать ножи из могильника Фурожан, найденные в погребени х сер. – 3-й четв. IV в. до н.э. [Иванов, 2020, с. 25, 32, рис. 14, 12; 19, 8; 50, 4, 5]. Также следует обратить внимание на перевёрнутую вверх дном придонную часть

сероглин ного сосуда №6 (рис. 1, 8). С одной стороны, в меотской культуре донца различных небольших сосудов, в том числе и чернолаковых, использовались вторично. В таком виде они могли выступать в качестве маленьких чашечек [Лимберис, Марченко, 2009, с. 269], либо солонок [Иванов, 2010, с. 182]. С другой стороны – помещение в захоронение сосуда либо его донца вверх дном. Попытки объ снить этот феномен уже предпринимались. Начать, веро тно, следует с того, что привлекли внимание исследователей сначала не донца как таковые, а пробитые отверстия в донцах сосудов, которые, видимо, символизируют переход из мира живых в мир мёртвых [Марченко и др., 2001, с. 92; Лимберис, Марченко, 2010, с. 201]. Более пристально сосредоточить внимание на этом элементе погребального обр да позволили материалы могильника Фурожан. Помимо перевёрнутых вверх дном мисок, донца некоторых из них украшались символами, и отдельных донцев сосудов, в некоторых погребени х эти предметы занимали довольно необычное положение, ранее не фиксированное на погребальных пам тниках меотов. Так, в одном из погребений, единственный предмет, который сопровождал покойного, было донце миски, лежавшее на груди, в районе сердца; ещё в одном – перевёрнута вверх дном красноглин на мисочка лежала у погребенной на тазу [Иванов, 2010, с. 9, рис. 26, I, III, 30, I]. Отмечалось также, что донца и поддоны на площади погребений могильника Фурожан, как правило, находились среди предметов, группа которых трактовалась как сосредоточение вещей особого, возможно сакрального характера⁴. Оп ть же в группе таких вещей находилась и перевёрнута вверх дном миска, которая накрывала собой рыбное блюдо, с пробитым отверстием в донце соусника [Иванов, 2010, с. 9, рис. 20, I, II, 7]. Очевидно, что данные факты говор т уже

⁴ Традици «культового набора», восходит еще к эпохе сложени меотской культуры, и зафиксирована на пам тниках Прикубань в комплексах VI в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2001, с. 71].

не только об особой, сакральной роли донца как такового, а скорее об устойчивом ритуале, возможно земледельческого, хтонического характера [Иванов, 2010, с. 9]. Впрочем, допустимы и другие версии.

Погребение 2 имеет более весомые хроноиндикаторы – амфоры. Совсем недавно вышла монография исследовательского коллектива во главе с С. Ю. Монаховым [Монахов и др. 2022], где амфорам Чернолесского могильника была дана атрибуция, снимает с нас необходимость их анализа. Так первая из них (рис. 2, 13) относится к раннебиконической серии продукции Фасоса, и датируется 390-ми – 380-ми гг. до н. э. [Монахов и др. 2022, с. 83, Th. 5]. Центром производства второй амфоры является Менда (рис. 2, 14). Сам же сосуд определяется как вариант портичелло II–V 1-й пол. IV до н. э. [Монахов, 2003, с. 95, табл. 63]. Наиболее близка по профилировке амфора происходит из колодца на Продольной улице у базилики Крузе в Херсонесе, так же имеющая английское клеймо в виде колечка, и датируется с 370-ми гг. до н. э. [Монахов и др., 2017, с. 89, Md.4]. Современным исследованием дата амфоры из погребения 2 определена 380-ми – 370-ми гг. до н. э. [Монахов и др. 2022, с. 100, Md.10]. Таким образом, на основании и по совокупности дат амфор погребение 2 было совершено в кон. 1-й – нач. 2-й четверти IV в. до н. э. В целом, этому выводу не противоречит и набор местной сероглиняной посуды из комплекса. Здесь лишь отметим, что, по нашему мнению, по приземистому округлому тулову кувшин №9 (рис. 2, 12) близок сосуду из погребения 297з могильника второго Старокорсунского городища второй четверти IV в. до н. э., дату которого определены две амфоры и аттический скифос [Лимберис, Марченко, 2005б, с. 222, 221, рис. 28, 6].

Из остального материала погребения, следует, наверное, обратить внимание на навершие кованного железного псали, стилизованного под головку грифона либо грифоподобного существа (рис. 2, 15). Образ грифоподобного существа и бараноптицы известен ещё с эпохи скифской архаики VII–VI вв. до н. э., в том числе и на элементах конского снаряжения, на псалиях, насадках на деревянные псалии, на столбиках-распределителях уздечных ремней, на налучьях и навершиях [Канторович, 2010, с. 210–212, рис. 16, 17; Махортых, 2013, с. 274, 275, рис. 2]. В VI–V вв. до н. э. этот образ переходит на металлические бронзовые и железные псалии и другие детали узды⁵. Впрочем, и в IV в. до н. э. образ грифоподобного существа продолжает широко использоваться, причём также в основном на конском снаряжении. Особенно ярко эта иконографическая традиция выражена на предметах «елизаветинского стиля». Образ грифоподобного существа представлен на уздечном наборе лошадей из Гиэнос в Абхазии [Эрлих, 2010а, с. 467–471, рис. 3, 9], на псалиях из ритуального комплекса кургана 5 аула Улп, на псалиях и налобнике из кургана 1 станции Кужорской [Эрлих, 2010б, рис. 13б; 2010в, рис. 15], на наноснике из погребения №159 Прикубанского могильника [Лимберис, Марченко, 2018, рис. 3, 3], на наносниках и навершии из кургана 2 Тенгинского II городища [Канторович, 2010, рис. 64, 13; Эрлих, 2011, рис. 24, 9, 50, 195, 2–4, 6–7; 110] и т. д. Но эти изделия выполнены из бронзы. Однако не должно смущать то обстоятельство, что навершие псалия из описываемого нами погребения было изготовлено из железа. Например, псалии с ажурными лопастями выполненные ковкой из железа встречены в элитной гробнице нач. IV в. до н. э. в кургане у с. Кеслерово [Иванов, 2019, с. 65, рис. 3]. После ра-

⁵ См. напр.: Ульские курганы, 2015, таб. 7, 99, 100, 10, 127, 11, 123, 124, 16, 219, 215, 17, 244, 258, 18, 266, 263, 279, 19, 277–279, 281, 20, 282; Лесков и др. 2005, рис. 222, 5а, 5б; Лесков, 2010, рис. 28; Иванов, Ларенок, Подорожный, 2020, рис. 3, 6.

боты над материалами Улпских и Тенгинских курганов-святилищ, В.Р. Эрлихом было высказано мнение, согласно которому такая стилистика лопастей, вероятно, является попыткой воспроизвести в железе бронзовые аналоги «елизаветинского стиля» [Эрлих, 2011, с. 55]. Во всех случаях, примером из с. Кеслерово это мнение иллюстрируется. Что же до навершия псаля из погребения 2, то оно вряд ли сопоставимо с «елизаветинским стилем». По всей вероятности, оно принадлежит простому стержневидному двудырчатому псалию, которые ещё в IV в. до н.э. продолжали декорироваться различными навершиями, в том числе и зооморфными⁶.

Подводя итог, отметим, что по элементам погребального обряда, таким как ориентировка погребённых, помещение в могилу коня, расположение инвентаря на площади погребения, помещение миски под или рядом с головой, а также по набору сопутствующего инвентаря, исследованные комплексы от-

носятся к меотской культуре. Собственно, эти выводы подкрепляются и самим расположением могильника. Так, могильник Чернолесский находится в непосредственной близости и сразу между двумя хорошо изученными и известными в научной литературе могильниками IV в. до н.э. – Прикубанским [Марченко и др., 2001, с. 91–99 и т.д.] и Марьинским [Кононов, 2014, с. 166–167; Иванов и др. 2020, с. 79, 83]. И хотя параллели между Прикубанским и Чернолесским могильниками уже проводились [Марченко, Лимберис, 2001, с. 91], всё же фактического материала для выводов о соответствии памятников было явно недостаточно. Сведения, полученные исследователями погребений на Чернолесском могильнике, в целом позволяют уже обоснованно продолжить этот дискурс. Общая хронология трёх могильников и их очевидная культурная идентичность дают возможность выдвинуть дополнительные аргументы в пользу культурной общности обитавшего здесь населения.

⁶ См. напр.: Эрлих, 2011, рис. 28, 3, 4; Вольна, 2013, рис. 1, 3, 4, 5, 12.

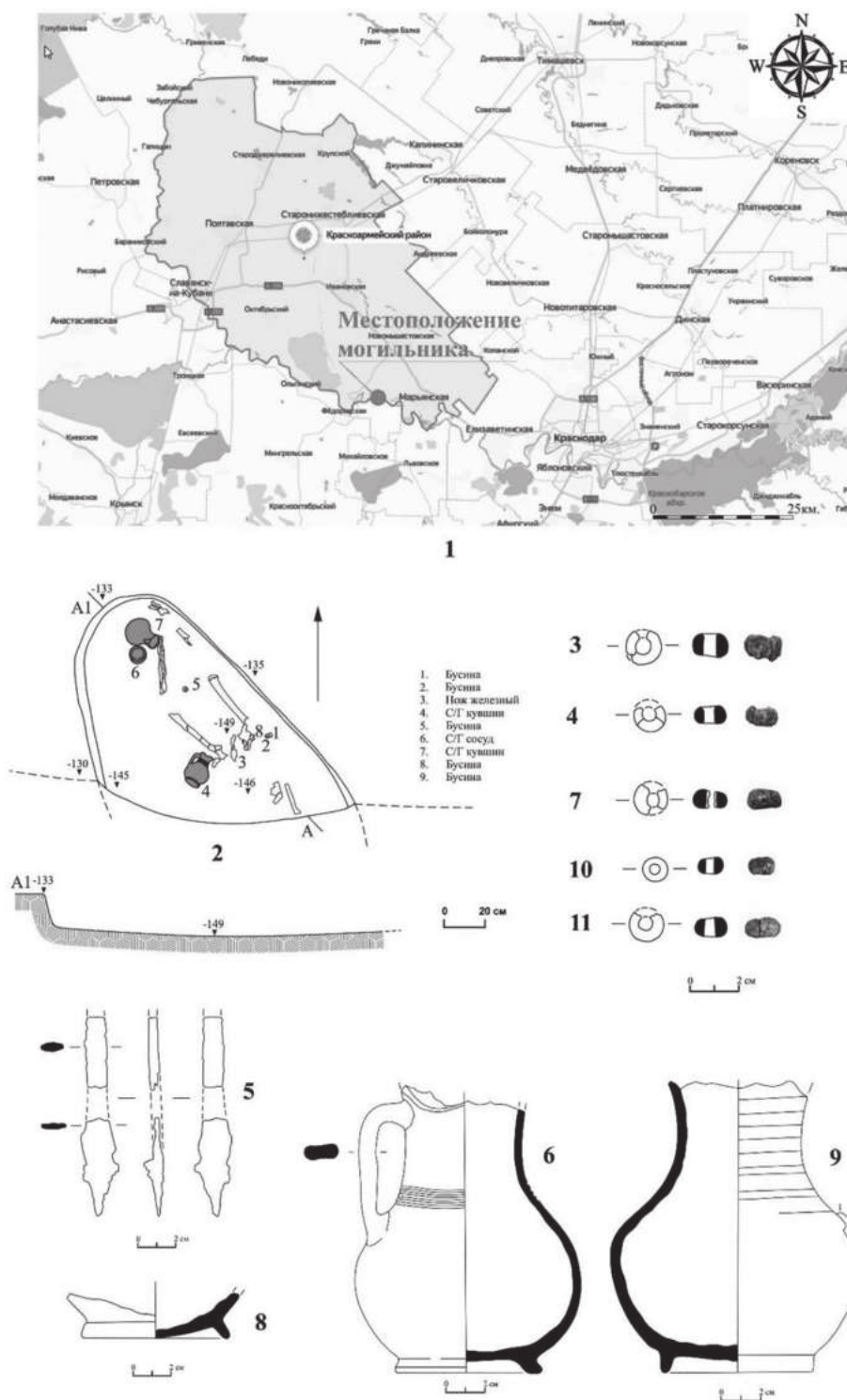

Рис. 1. 1 – местоположение могильника Чернолесский. 2–9 – погребение 1 и его погребальный инвентарь. 2 – план погребени; 3 – стекл нна бусина № 1; 4 – стекл нна бусина № 2; 5 – железный нож № 3; 6 – сероглин ный кувшин № 4; 7 – стекл нна бусина № 5; 8 – донце сероглин ного сосуда № 6; 9 – сероглин ный кувшин № 7; 10 – стекл нна бусина № 8; 11 – стекл нна бусина № 9

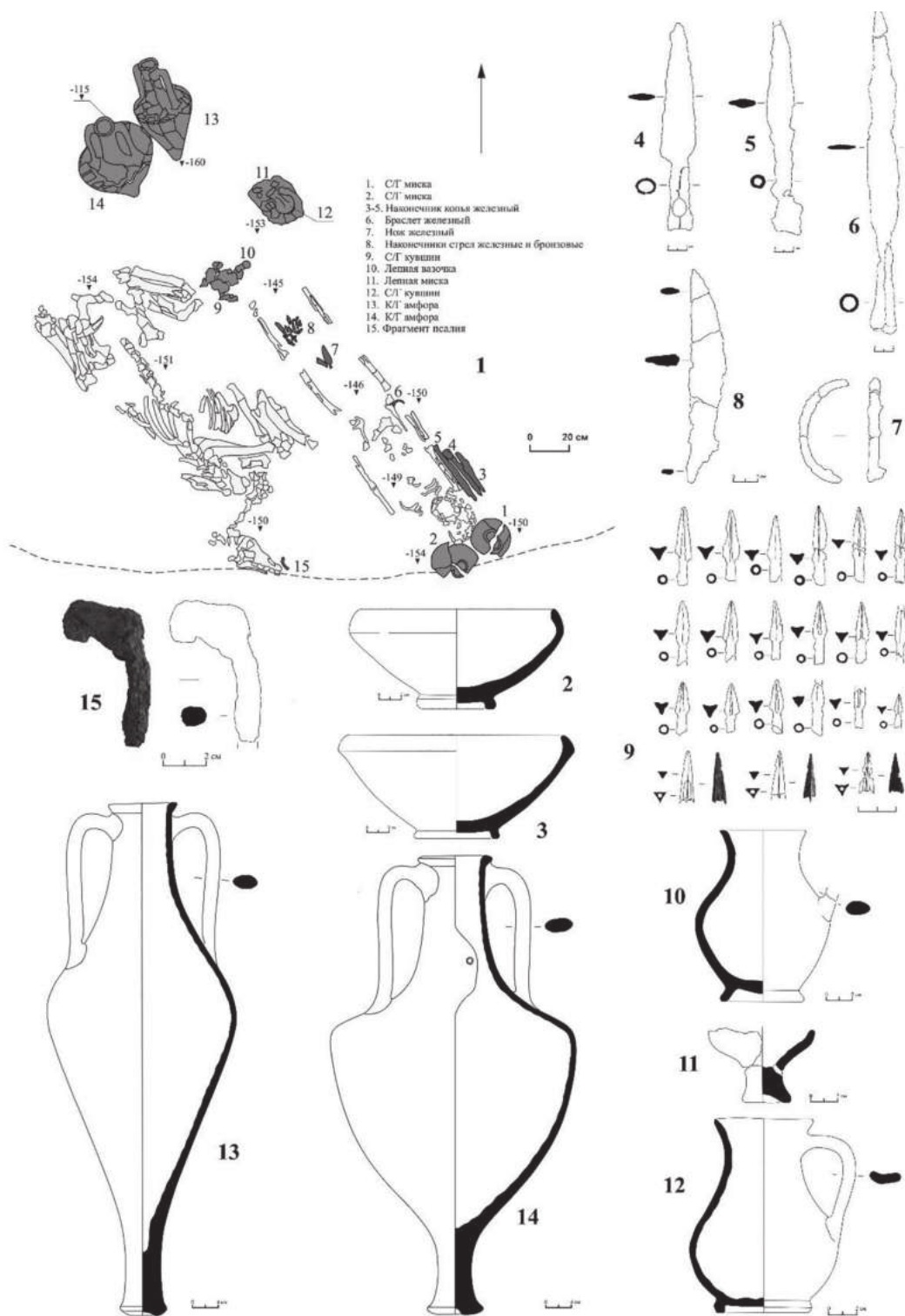

Рис. 2. Погребение 2. 1 – план погребени ; 2 – сероглин на миска №1;
 3 – сероглин на миска №2; 4 – железный наконечник копь №3;
 5 – железный наконечник копь №4; 6 – железный наконечник копь №5;
 7 – железный браслет №6; 8 – железный нож №7; 9 – наконечники стрел №8;
 10 – сероглин ный кувшин №9; 11 – лепна вазочка №10; 12 – сероглин ный кувшин №12;
 13 – амфоры №13; 14 – амфоры №14; 15 – навершие железного псаля №15

Список литературы

Вольная Г. Н. Об атрибуции находок из курганов Понуро-Калининской оросительной системы Краснодарского кра в собрании Музе института истории и археологии СОГУ // Шеста Кубанска археологическа конференци . Краснодар, 2013. С. 69–72.

Иванов А. В. Античный керамический импорт конца VII–V вв. до н. э. на Кубани. Первый этап греко-меотской торговли // Боспорские чтени . Вып. X. Керчь, 2010. С. 178–185.

Иванов А. В. Элитный комплекс начала IV в. до н. э. на западных границах меотской культуры // SCYTHIA et SARMATIA. Сборник статей. М., 2019. С. 61–70.

Иванов А. В. Меотский могильник «Фурожан» в Западном Закубанье. Краснодар, 2020. 148 с.

Иванов А. В., Кононов В. Ю., Ларенок П. А., Подорожный А. А. Поселение «Марь нское I» в Нижнем Прикубанье. Обзор // Боспорский феномен. Боспорское царство М. И. Ростовцева. Взгл д из XXI века. Материалы международной научной конференции. Часть 2. СПб., 2020. С. 78–83.

Иванов А. В., Ларенок П. А., Подорожный А. А. О горизонте второй-третьей четверти VI в. до н. э. поселени Марь нское 1 в Нижнем Прикубанье // Археологические вести. Вып. 30. СПб., 2020. С. 97–115.

Канторович А. Р. Истоки и вариации образов грифона и грифоподобных существ в раннескифском зверином стиле VII–VI вв. до н. э. // Археологический альманах. № 21. Изобразительное искусство в археологическом наследии. Донецк, 2010. С. 189–224.

Кононов В. Ю. «Марь нское-1» – новый пам тник меотской археологической культуры в Прикубанье [предварительное сообщение] // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтени . Материалы научной конференции. М., 2014. С. 166–167.

Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р. Меоты Закубань в середине VI – начале III в. до н. э. Некрополи у аула Ул п: погребальные комплексы. М., 2005. 194 с.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Погребени VI–V вв. до н. э. из грунтовых могильников меотских городищ правобережной Кубани // Материалы и исследовани по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар, 2001. С. 32–123.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Пластинчатые налобники из Прикубань // Четверта Кубанска археологическа конференци . Тезисы докладов. Краснодар, 2005а. С. 162–167.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Хронологи керамических комплексов с античными импортами из раскопок могильников правобережь Кубани // Материалы и исследовани по археологии Кубани. Вып. 5. Краснодар, 2005б. С. 219–324.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Чернолаковые сосуды из Прикубанского могильника // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб., 2009. С. 262–270.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Древние культуры Кубани. Меоты // Античное наследие Кубани. Т.1. М., 2010. С. 186–117.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Хронологи погребений с конской упр жью в зверином стиле из Прикубанского могильника // Вестник ВолГУ. Сери 4: Истори . Регионоведение. Международные отношени . 2018. Т. 23. №3. С. 99–113.

Марченко И. И., Лимберис Н. Ю. О локализации меотского племени фатеев // Треть Кубанска археологическа конференци . Краснодар; Анапа, 2001. С. 87–91.

Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Бочковой В. В. Новый меотский могильник у хут. Прикубанский // Треть Кубанска археологическа конференци . Краснодар; Анапа. 2001. С. 91–99.

Махортых С. В. Раннескифские псалии Северного Кавказа // Шеста Кубанска археологическа конференци . Краснодар, 2013. С. 274–277.

Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типологи амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. Москва; Саратов, 2003. 352 с.

Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Амфоры V–II вв. до н.э. из собрани государственного историко-археологического музе -заповедника «Херсонес Таврический». Каталог. Саратов, 2017. 208 с.

Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Амфоры VII–I вв. до н.э. из собрани Краснодарского государственного историко-археологического музе -заповедника имени Е. Д. Фелицына. Саратов, 2022. 304 с.

Ульские курганы. Культово-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. М.; Берлин; Бордо, 2015. 222 с.

Эрлих В. Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотска группа пам тников. М., 2007. 430 с.

Эрлих В. Р. Абхазский Государственный музей // Античное наследие Кубани. М., 2010а. Т. 3. С. 464–475.

Эрлих В. Р. Коллекци предскифского и скифского времени // Античное наследие Кубани. М., 2010б. Т. 3. С. 394–409.

Эрлих В. Р. Национальный музей Республики Адыге // Античное наследие Кубани. М., 2010в. Т. 3. С. 448–463.

Эрлих В. Р. Св тилища некропол Тенгинского городища II, IV в. до н.э. М., 2011. 240 с.

О ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНОЙ АТРИБУЦИИ ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ II–III ВВ. Н.Э. РАЙОНА АНАПЫ – НОВОРОССИЙСКА

© Клемешова Марина Евгеньевна

Институт археологии РАН, г. Москва, marinaklem@mail.ru

Аннотация. На некоторых памятниках района Анапа-Новороссийска, содержащих материалы II–III вв. н. э., присутствует значительная группа лепной керамики, отличающейся от посуды предшествующего периода этой территории по формам и гончарным традициям изготовления (составление формовочных масс, обработка поверхности, орнаментации, режим обжига). Формовочные массы изготовлены из глины с крупным шамотом. Ее находкам всегда (возможно, за исключением Горгиппии) сопутствуют меотские керамические плитки. Она обнаружена в Горгиппии, на поселениях Чекупс-2, Джигинка, Белое Восточное, у поселка Мысхако. Культурная принадлежность этой посуды не ясна. Она не имеет отношения к местному населению этого региона. Автор соотносит ее с большой пришлой группой населения, предположительно, появившейся из Прикубанья.

Ключевые слова: лепная керамика, II–III вв. н. э., меотские плитки, район Анапы – Новороссийска.

Abstract. In some sites included materials dated back to II–III C. AD Anapa – Novorossiysk area a new sizeable group of handmade ceramic presents. It differs from the earlier ceramic with forms and pottery technological traditions (paste composing, surface treatment, ornamentation, firing regime). Its paste is blended with clay and large grog. Its findings are always (possibly, except Gorgippia) associated with so called maeotish slabs. It is found in Gorgippia, Chekups-2, Djighinka, Beloe Vostochnoe, near Myskhako village settlements. The affiliation of this ceramic is not clear. This ceramic is not related with an indigenous population of this region The author associates it with a large non-native population group, supposedly from Kuban region.

Keywords: handmade ceramic, II–III C. AD, maeotish slabs, Anapa – Novorossiysk area.

При исследовании лепной посуды поселений юго-востока Азиатского Боспора в последние годы была выделена представительная группа специфической керамики II–III вв. н. э. [Клемешова, 2021a] (прил., рис. 13). К ней относятся следующие формы сосудов:

– горшки без выделенного горла или с небольшим, слегка отогнутым венчиком, как правило, с несколькими соседними или узкими вертикальными налетами (рис. 1, 1–7);

– миски с четко выраженным ребром в верхней части тулова, сильно вогнутыми стенками ниже него и простым или

слегка наклоненным внутрь венчиком, иногда имеющим Т-образную в разрезе форму края (рис. 1, 15–21);

– сосуды с округлым туловом, небольшим отогнутым венчиком, длинным, выгнутым носиком-сливом и вертикально поставленной ручкой с противоположной стороны тулова. Иногда дополнительно имеет горизонтально поставленную ручку с боковой стороны (рис. 1, 8–10);

– чаши на ножке на массивном основании (курильницы?) (рис. 1, 22–25);

– подобные им по форме крышки (рис. 1, 26–29);

– небольшие (высотой 3,5–7 см) «вазочки» (курильницы?) (рис. 1, 31–34).

На чашах иногда встречаются две вертикально поставленные петлевидные ручки с внешней стороны вместилища (рис. 1, 25). Некоторые из них сильно закопчены изнутри. Возможно, к этому комплексу следует отнести однорожковые «сапожковые» светильники (это единственная форма лепных светильников, обнаруженных на одном из поселений с подобной посудой – Белом Восточном) [Клемешова, Данильченко рис. 3, 4, в печати]. На горшках обычно имеются налпные элементы различной формы – сосцевидные, дуговидные, простые вертикальные (рис. 1, 1–4, 7), налпные валики, часто с насечками (рис. 1, 11, 13). В некоторых случаях подобные налпы есть и на мисках (рис. 1, 14, 40). Косые насечки иногда встречаются на венчиках горшков (рис. 1, 12). У некоторых из них имеется орнамент в виде прочерченной под венчиком волнообразной линии или косых крестов (рис. 1, 5–7). Вся керамика толстостенная, толщина стенок обычно не менее 1 см.

Для культурной гончарной традиции изготовления таких сосудов характерно использование рецепта составления формовочных масс «глина + шамот + органический раствор» с крупным (от не менее 2–4 до 7–12 мм) шамотом, отсутствие лощения и обжиг в окислительной атмосфере (светло-рыжий цвет поверхностей, стенки часто прокалены на всю толщину).

Находкам этой керамики всегда, за исключением, возможно, Горгиппии, сопутствуют глиняные керамические т.н. «меотские плитки», часто встречающиеся на меотских городищах Кубани III в. до н.э. – III в. н.э. [Соломоник, 1979], но совершенно не свойственные материальной культуре памятников Таманского полуострова и прилегающей к нему с юго-востока территории. Плит-

ки имеют подпрмоугольную форму, часто снабжены сквозными отверстиями в верхней части. На верхней торцевой плоскости иногда присутствуют округлые пальцевые вдавления или врезные параллельные линии (рис. 1, 35–37, 39), на фронтальной и верхней торцевой плоскости встречаются и иные знаки (рис. 1, 38) [Дмитриев и др., 1994, с. 144, рис. 6, 5–7]. Состав формовочных масс плиток разных поселений специально не исследовался, но во многих из них, происходящих с поселения Чекупс-2, видна значительная примесь крупного шамота.

Данная керамика обнаружена на ряде памятников Анапского, Крымского, Темрюкского и Новороссийского районов: в Горгиппии [Алексеева, 1997, с. 180, 268, 269, 277, табл. 112, 2, 4, 5; 129, 16, 18; 226, 1–6, 8, 13, 14–15, 19], поселениях Чекупс-2, Джигинка [Каргин, Кононова, 2017, с. 240–243, рис. 6–7], Белое Восточное [Клемешова, Данильченко, рис. 1–3, в печати], поселении у посёлка Мысхако [Дмитриев и др., 1994, с. 143–144, рис. 5]. В отношении хронологии бытования об этой посуде можно сказать следующее. В Горгиппии она встречается в комплексах II – середины III вв. н.э., в материалах I в. н.э. отсутствует. Поселение у посёлка Мысхако в целом относится к I–IV вв. н.э., основной материал – ко II–III вв. н.э. На поселении Чекупс-2 эта керамика найдена в комплексах II–III вв. н.э., предметов, относимых непосредственно к I и IV вв. н.э., на памятнике нет¹. Поселение Джигинка датируется II–III вв. н.э. И поселение Белое Восточное в целом продатировано I–III вв. н.э., но непосредственно к I в. н.э. могут быть отнесены буквально единичные фрагменты амфор. Таким образом, сейчас есть основания полагать, что рассматриваемая лепная посуда встречается не ранее II и не позднее III вв. н.э.

Наиболее сложный вопрос связан с её культурной принадлежностью. Эта

¹ Благодарю Д.Г. Барина за возможность упомянуть неопубликованные материалы поселения Чекупс-2.

керамика не относится к глиняным изделиям местного населения региона Анапы – Новороссийска и территории Таманского полуострова VI в. до н.э. – III в. н.э. Для них характерны иной набор форм сосудов, другая орнаментация и полностью отличные гончарные традиции составлены формовочных масс, обработки поверхности и режима обжига [Клемешова, 2021б, с. 102–103]. Варварскому населению Тамани было присуще также иное представление об исходном пластичном сырье: там это лиманная илистая глина или ил, в отличие от обычной глины, используемой при изготовлении рассматриваемой посуды II–III вв. [Клемешова, 2019а, с. 31; Клемешова, 2021б, с. 102]. Имеется сходство в основной форме сосудов – горшков без выделенного горла [Клемешова, 2019б, с. 310–314, рис. 2, 8–27; 3, 1], но надо учитывать, что она была распространена в античное время от Северо-Западного Причерноморья до Танаиса и Кубани и даже шире. Кроме того, можно допустить, что имеющая иногда место близость морфологии сосудов связана с наличием контактов между этими группами населения или общим происхождением в далеком прошлом.

Ряд соответствий нужно отметить в общей морфологии сосудов и наборе форм лепной керамики Ольвии и Березани конца IV/III – 1-й пол. I в. до н.э. (миски с ребром в верхней части и вогнутыми в придонной части стенками, массивные чаши на ножках, в том числе, с ручками с внешней стороны). [Марченко, 1988, рис. 2, 3, 7, 29–30]. Следует упомянуть также широкое распространение в этом регионе, начиная с эпохи бронзы, аналогичных налепов [Взымитина, 1969; Черников, 1985, с. 150–151; Никулицэ, 1987, с. 42–50, рис. 2].

Изучение материалов Горгииппии показало, что во II–III вв. н.э. там продолжает встречаться лепная керамика, распространённая в этом районе с VI в. до н.э. Отдельные сосуды, судя по всему, демонстрируют черты смешен-

ни морфологии традиционных изделий и по вившейся в это время посуды (присутствие налепного валика на тулове биконического горшка). [Алексеева, 1997, с. 269, табл. 129, 20]. Рассмотрение лепного комплекса наиболее близкого географически к Таманскому полуострову поселению Белоего Восточного позволило сделать ряд наблюдений. Одновременно с преобладающим числом «новой» керамики с шамотом здесь присутствует менее значительное количество местной, предположительно, синдской, посуды, изготовленной из илистой глины с примесью раковины, известной на этой территории с VI в. до н.э. Кроме того, встречены ряд сосудов с признаками заимствования форм, орнаментальных элементов и смешения традиций составлены формовочных масс [Клемешова, Данильченко, рис. 1, 3; 2, 5–9, в печати]. Эти данные свидетельствуют о продолжающемся присутствии прежнего населения на своих территориях и, по крайней мере периодических, контактах их с изготовителями новой для этих мест керамики.

Определенно констатировать сейчас можно только, что керамика, появившаяся на поселении в районе Анапы – Новороссийска во II–III вв. н.э. принадлежит совершенно иной группе населения, не связанной с местными племенами – предположительно, синдами и керкетами (торетами?). [Клемешова, 2021б, с. 102–103], и что население это, по всей видимости, для данного региона является пришлым, появившимся здесь не ранее II в. Происхождение его и причины появления на этих землях не ясны. Очевидно, что оно не связано с населением того же времени Крыма, Танаиса и Северо-Западного Причерноморья, изготавливавшего сосуды с совершенно иной морфологией [Арсеньева, 1965; 1969; Кастанан, 1981; Гудкова, 1999; 2003–2004]. Судя по набору форм и использованию большого количества налепных элементов, можно предположить далекую генетическую связь рассматриваемой посуды с керамикой Северо-Западного

Причерноморье, но непосредственное её происхождение в рассматриваемое время, исход из постоянного присутствия в комплексах глиняных керамических

плиток, вероятно, нужно соотносить с Кубанью. Дальнейшее решение этого вопроса требует изучения материалов более широкого круга памятников.

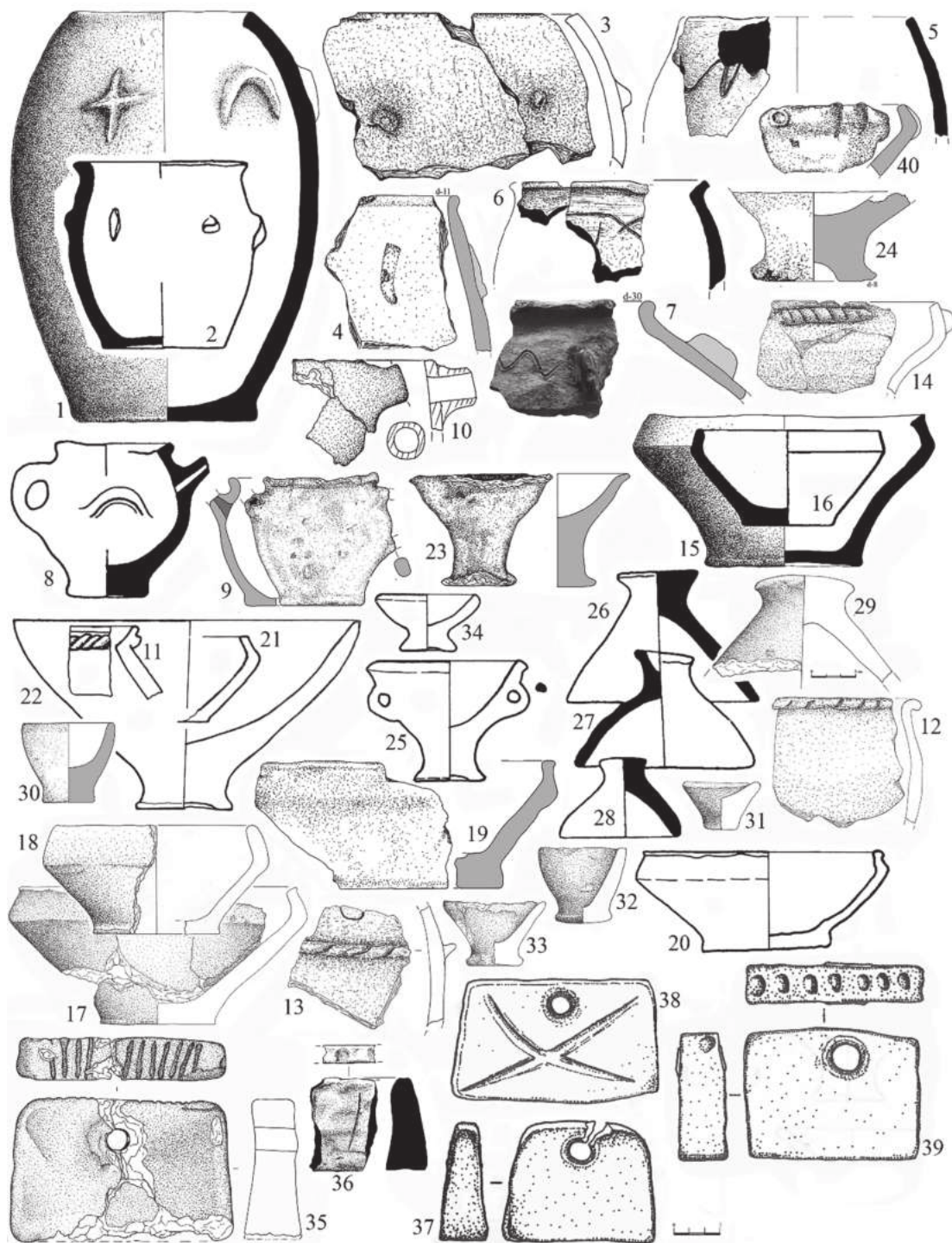

Рис. 1. Образцы лепной посуды II–III вв. н.э. памятников района Анапа – Новороссийска: 1, 5, 6, 15, 36 – пос. Джигинка (по: Каргин, Кононова, 2017, рис. 6, 7), 2, 8, 16, 26–28 – Горгиппи (по: Алексеева, 1997, табл. 112, 129, 226), 3, 4, 10, 12–14, 17, 18, 29, 31–33, 35 – пос. Белое Восточное (по: Клемешова, Данильченко, в печати, рис. 2–4), 4, 7, 9, 19, 23–24, 30, 40 – пос. Чекупс-2 (по: Клемешова, 2021, рис. 1), 11, 20–22, 25, 34, 37–39 – пос. у посёлка Мысхако (по: Дмитриев, Малышев, Шишлов, Федоренко, 1994, рис. 5, 6)

Список литературы

- Алексеева Е. М.* Античный город Горгиппи . М. 1997. 560 с.
- Арсеньева Т. М.* Лепна керамика Танаиса. Вып. I. Открытые сосуды // Древности Нижнего Дона (МИА. 127), М., 1965. С. 169–201.
- Арсеньева Т. М.* Лепна керамика Танаиса. Вып. II. Горшки // Античные древности Подонья – Приазовья (МИА. 154), М., 1969. С. 173–219.
- Вязьмитина М. И.* Фракийские элементы в культуре населения городищ Нижнего Днестра // МИА. №150. М., 1969. С. 119–134.
- Гудкова А. В.* I–IV вв. в Северо-Западном Причерноморье (Культура оседлого населения) // Stratum plus. 1999. №4. С. 235–404.
- Гудкова А. В.* Лепна керамика ранней черн ховской культуры // Stratum plus. 2003–2004. №4. С. 383–396.
- Дмитриев А. В., Малышев А. А., Шишлов А. В., Федоренко Н. В.* Исследование археологических объектов античной эпохи в окрестностях посёлка Мысхако в 1992 году // Боспорский сборник. №4. 1994. С. 141–152.
- Каргин Ю. Ю., Кононова С. А.* Охранные раскопки поселения Джигинка римского времени и раннего средневековья в 2014 г. (г.к. Анапа, Краснодарский край) // Археологические записки. №9. Ростов-на-Дону, 2017. С. 238–256.
- Кастанаян Е. Г.* Лепна керамика боспорских городов. Л., 1981. 178 с.
- Клемешова М. Е.* Смешанные составы формовочных масс лепной керамики как индикатор межкультурных контактов на юго-востоке Азиатского Боспора // Греки и варварский мир Северного Причерноморья : культурные традиции в контактных зонах: Материалы V международной научной конференции «Археологические источники и культурогенез». СПб., 2019а. С. 30–32.
- Клемешова М. Е.* Типы лепной посуды поселения и некрополь Вестник-1 // Древности Боспора. Вып. 24. М., 2019б. С. 303–324.
- Клемешова М. Е.* Лепна керамика поселений юго-востока Азиатского Боспора II–III вв. н.э. (предварительные результаты изучения) // Древности Боспора. Вып. 26. М., 2021а. С. 246–256.
- Клемешова М. Е.* Предварительные итоги изучения лепной керамики Азиатского Боспора 6 в. до н.э. – 3 в. н.э. // Нуралис. Труды отдела классической археологии ИА РАН. Вып. 3. М., 2021б. С. 97–110.
- Клемешова М. Е., Данильченко А. Ю.* Поселение Белое Восточное в дельте р. Кубань по данным изучения лепной керамики // (В печати).
- Марченко К. К.* Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII – первой половине I вв. до н.э. (по материалам лепной керамики) // Л., 1988. С. 143.
- Никулицэ И. Т.* Северные фракийцы в VI–I вв. до н.э. Кишинёв, 1987. 270 с.
- Соломоник Э. И.* Кубанские керамические плитки // СА. 1979. №4. С. 167–179.
- Черняков И. Т.* Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н.э. Киев, 1985. 171 с.

РОСТОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ НА НИЖНЕМ ДОНУ В СВЕТЕ НОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

© Коваленко Александр Николаевич

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, alex_arx1977@mail.ru

Аннотация. В статье приводятся новые данные о Ростовском городище первых веков н.э., полученные в результате археологических исследований последних лет. Основное внимание уделено материалам масштабных охранно-спасательных раскопок 2021 года, в ходе которых был открыт и исследован новый, ранее неизвестный, участок памятника. Важным и ценным источником информации о древнем населении Нижнего Дона стало открытие в ходе этих работ более 200 хозяйственных ям, связанных с деятельностью жителей Ростовского городища, и серии погребений его некрополя. Впервые были открыты остатки рва, который обозначал северо-восточную границу городища. На основании анализа огромного количества археологического материала получены новые данные о торговых связях городища и основных занятиях его жителей, о ремеслах и промыслах, а также достаточно надежно установлено, что исследованный в ходе археологических работ, периферийный участок Ростовского городища, функционировал в течение узкого хронологического отрезка времени с конца II по середину III в. н.э.

Ключевые слова: Нижний Дон, Ростовское городище, хронологи, первые века н.э., хозяйственные ямы, ров, грунтовый некрополь, ремесла и промыслы.

Abstract. The paper deals with the new data on Rostovskoe settlement that dates back to the first centuries A.D. During large-scale protective excavations in 2021 a new area of the settlement was discovered. More than 200 household pits used by the people of the settlement, as well as a series of burials belonging to its necropolis became a valuable source of information on ancient population of the Lower Don region. Besides, sections of a moat were discovered on the North-Eastern border of the settlement. Analysis of a large amount of archaeological materials gives new data about trade connections of the settlement, as well as about main local industries. It is now known that the periphery area of the Rostovskoe settlement existed during a relatively short period – since the end of the 2nd century A.D. to the middle of the 3rd century. A.D.

Keywords: Lower Don, Rostovskoe settlement, chronology, first centuries A.D., household pits, moat, ground necropolis, industries.

По влиянию на территории Нижнего Дона меотских городищ связано с переселением сюда с территории Прикубань большой группы меотского населения, которое произошло в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э. В результате этого переселения в приустьевой области Дона, очевидно, в местах переправ, на возвышенных участках береговой линии этой реки было основано несколько крупных поселений, существо-

вавших в целом до середины III в. н.э. [Каменецкий, 1993, с. 6]. Меотские городища первых веков н.э., расположенные на Нижнем Дону, изучены крайне неравномерно. И если какие-то из них, такие как Сухо-Чалтырское, Нижнегниловское, Кобковское, Подазовское городища в XX веке хотя бы эпизодически подвергались археологическому изучению, то на других, таких как Темерницкое, Кизитериновское, Ростовское городища,

вследствие их расположении в черте городской застройки, до конца XX – начала XXI века археологических раскопок не производилось и достоверной информации о них было крайне мало. Зачастую она ограничивалась изучением архивных материалов и картографии, визуальным обследованием, осмотром и зачистками обнажений, а также сбором подъемного материала. Расположенное в самом центре гор. Ростова-на-Дону Ростовское городище до недавнего времени было одним из наименее изученных донских меотских городищ. Находите оно на высокой коренной террасе правого берега р. Дон в зоне плотной исторической застройки г. Ростова-на-Дону, у моста через р. Дон в начале Ворошиловского проспекта. Наиболее ранний сохранившийся план этого памятника представлен на карте города 1768 года, составленной военным инженером А. И. Ригельманом (прил., рис. 14). Судя по этой карте, Ростовское городище имело в плане форму, близкую к квадратной и было окружено ровом. Отмечено оно и на плане крепости Св. Димитри Ростовского в последней четверти XVIII века, а уже на картах XIX века городище полностью поглощено городской застройкой и специально не обозначается.

В качестве археологического объекта Ростовское городище было обнаружено лишь в 1923 году М. Б. Красинским [Каменецкий, 2011, с. 62]. В 1925–1926 гг. место расположении Ростовского городища осмотрел Г. А. Иноземцев, который описал обнажения, собрал подъемный археологический материал и вычертил план в горизонтальном, но не городища, а места, где имелись выходы культурного слоя [Каменецкий, 2011, с. 64]. В 1970-е годы в районе ресторана «Балканы» сборы материала на памятнике были проведены С. А. Яценко и П. А. Ларенком [Короткокая, 2014, с. 100].

В связи с тем, что это городище практически полностью находилось под исторической застройкой и долгое время археологически не изучалось, до начала

1990-х годов оно считалось самым маленьким из меотских городищ Нижнего Дона. В монографии 1993 года, посвященной городищам донских меотов, И. С. Каменецкий на основании карты А. И. Ригельмана оценивал площадь, окруженного ровом холма городища, приблизительно в 5000–5500 кв. м. При этом он указывал, что о существовании поселения вне холма сведений нет, а также отмечал, что нет данных и о мощности культурных напластований этого памятника, и предполагал полное уничтожение городища городской застройкой [Каменецкий, 1993, с. 10]. На государственную охрану Ростовское городище и его некрополь были поставлены лишь в 1994 году. Границы памятников при этом были определены весьма приблизительно (прил., рис. 15). При этом территория городища документально была значительно расширена, относительно тех данных, которыми располагал И. С. Каменецкий при расчетах площади памятника.

Первые археологические раскопки на территории Ростовского городища проведены лишь в 2006 году экспедицией Научно-методического центра археологии Ростовского государственного педагогического университета под руководством В. П. Копылова и А. Н. Коваленко и носили охранно-спасательный характер [Копылов и др., 2008, с. 108–115]. В результате этих работ на площади в 474 кв. м, было исследовано более 30 хозяйственных мест, содержащих материалы первых веков н. э.

В 2011 году отрядом археологической экспедиции ЗАО «ОКН-проект» под руководством Е. В. Короткокой на склоне коренного берега р. Дон в южной части городища, была проведена зачистка, в ходе которой была получена стратиграфическая колонка, выявлены остатки жилища и обнаружено значительное количество археологического материала, в том числе относящегося к I–II вв. н. э. [Короткокая, 2014, с. 98–111].

Наиболее масштабные охранно-спасательные археологические исследования

на памятнике были проведены в 2021 году совместной экспедицией ООО «Археологическое общество «Наследие» и Института истории и международных отношений ЮФУ под руководством А. Н. Коваленко. В ходе этих работ была исследована площадь более 2500 кв. м. Обследованный участок, расположен по адресу: ул. Седова, 21/1, где согласно имевшейся учетной документации, должен был располагаться грунтовый некрополь городища (прил., рис. 15). Однако, в ходе исследований было установлено, что большая часть территории этого участка содержала объекты, связанные с поселенческими структурами Ростовского городища, и таким образом был изучен неизвестный ранее периферийный участок этого памятника. При этом несколько погребений, связанных с некрополем городища, на данной территории также было обнаружено. Все они оказались нарушены хозяйственными ямами III в. н.э. Обращает на себя внимание, что два из исследованных захоронений, имеют надежную датировку. На основании набора инвентаря одно из них датируется II – началом III вв. н.э., а дата второго устанавливается в рамках второй четверти III в. н.э. [Гугуев, Коваленко, 2022, с. 68–87]. Отдельные человеческие кости были найдены при исследовании некоторых хозяйственных ям и в заполнении рва. Очевидно, данный участок был заселен жителями городища и использован для хозяйственной деятельности через какой-то, вероятно, весьма короткий, промежуток времени после того, как там были совершены захоронения.

Было установлено, что Ростовское городище имело большую площадь, чем это считалось ранее. Впервые были открыты остатки рва, обозначившего северо-восточную границу городища (прил., рис. 16) и, судя по материалу из его насыпи, прекратившего функционирование

около середины III в. н.э. Остатки культурного слоя древнего поселения сохранились лишь в самой южной части обследованной территории. Тем не менее, в ходе исследований было изучено более 200 хозяйственных ям, которые являются ценным источником информации о древнем населении Нижнего Дона первых веков н.э. Ямы заключали в себе большое количество археологического материала и различаются по размерам и функциональному назначению. Взаиморасположение ям свидетельствует о том, что данная территория активно и долго использовалась населением городища при осуществлении хозяйственной деятельности. Материалы, обнаруженные в хозяйственных ямах и при изучении древнего культурного слоя, позволяют получить новые данные о торговых связях и занятиях жителей городища. Как можно судить, в первой половине III в. н.э. сюда поступали товары из разных районов Причерноморья, среди которых ведущее место занимает продукция южнопонтийских центров, а также Колхиды, Северного Кавказа и др. Среди находок имеются фрагменты амфор, красно- и сероглиняной посуды, и краснолаковая керамика. Значительный процент приходится и на долю лепной керамики местного производства. Найдены были орудия труда, связанные с прядением и ткачеством. Уникальной находкой, обнаруженной на городище в 2021 году, являются глиняные колодки, предназначенные для изготовления обуви (прил., рис. 17). Свидетельством наличия на территории этого периферийного участка городища скорняжного дела могут служить находки в одной из хозяйственных ям костей волка (минимум от 1 особи), лисицы (минимально от 3 особей), и зайца (минимально от 8 особей), некоторые из которых имеют следы характерных порезов, связанных с снятием шкуры животного¹.

¹ Остеологические определения и анализ костей животных из раскопок 2021 года выполнены А. А. Антоновой.

Особо следует отметить наличие на территории обследованного участка значительного количества костей собак. При этом, помимо особей, размерами тела соотносимых с современными лайками, которые чаще всего встречаются среди материалов других крупных поселений региона этого времени, на городище содержали также крупных псов, с массивными черепами и длинными трубчатыми костями. При этом в заполнении целой серии были обнаружены скелеты взрослых собак, – в массе своей это были крупные половозрелые кобели, с ростом в холке соответствующем росту крупной овчарки. Возможно, собаки крупного размера содержались для совместной охоты, а также защиты от волков. По мнению А. А. Антоновой, находки такого количества собачьих костей, а также довольно частые находки фрагментов костей диких животных (волков, лис, зайцев, барсука), может говорить в пользу предположения о том, что на окраине городища, существовал некий промысловый комплекс кожевенного производства. С этой точки зрения, не случайным представляется и обнаружение в этой части городища колодок для изготовления обуви, для которой также нужна была кожа.

Суд по имеющемуся материалу, основными занятиями жителей Ростовского городища, как и на других меотских городищах Нижнего Дона, были земледелие, скотоводство и рыболовство. Об этом свидетельствуют большое количество костей домашних животных и рыб, а также находки каменных грузил для рыболовных сетей, фрагменты каменных ручных мельниц-зернотерок и палеоботанические остатки древних злаков. Впервые проведенное изучение представительной серии находок ихтиофауны из материалов Ростовского

городища позволяет судить о рыбном промысле населения этого памятника и видовом составе промысловых рыб. Изучение рыбьих костей, обнаруженных в ходе раскопок, позволило установить, что население добывало 13 видов рыб, относящихся к 5 семействам (осетровые, карповые, щуковые, сомовые и окуневые). Наибольшее количество костных остатков принадлежит сому (34%), судаку (20%), сазану (15%), лещу (13%) и стерляди (6%)². Обращает на себя внимание весьма высокий процент костных остатков сома в материалах памятника. По мнению С. В. Куршакова, преобладание сомов на Ростовском городище и других синхронных ему поселений Нижнего Дона, таких, как Кобковское, Нижнегниловское и Крепостное, может свидетельствовать о некой специализации рыбной ловли населения этих городищ на добыче сомов. Однако, масштаб подобной направленности рыбной ловли нужно сопоставлять с такими факторами как хороша, относительно других рыб Нижнего Дона, сохранность костей и их размер, а также возможный экспорт некоторых ценных видов рыб, особенно осетровых. На большой удельный вес и важное значение рыбного промысла в экономике кубанских меотов, которые не только потребляли рыбу в большом количестве, но и вывозили ее, в свое время обращал внимание и Н. В. Анфимов [Анфимов, 1983, с. 117, 123].

Количество полученного археологического материала позволяет уверенно установить, что хронологические рамки периода, в течение которого функционировал, исследованный в ходе археологических работ 2021 года, периферийный участок Ростовского городища, были достаточно узкими, и укладывается во временной отрезок с конца II по середину III вв. н.э. [Коваленко, 2023, с. 52]

² Определение костных остатков рыб, обнаруженных в 2021 году в ходе изучения Ростовского городища, выполнено научным сотрудником Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Институт биологии южных морей имени А. О. Ковалевского» С. В. Куршаковым.

Более ранние материалы на этом участке отсутствуют. В то же время нужно отметить, что в ходе исследований, проведенных ранее в южной части городища, помимо материалов III в. н.э., присутствует и керамика, относящаяся к I–II в. н.э. [Короткокая, 2014, с. 101–111], а в материалах некрополя Ростовского городища, помимо погребений III в. н.э. также присутствуют и захоронения, датированные концом I–II в. н.э. [Нечипорук и др., 2020, с. 230]. При этом на городище материалов I в. н.э., связанных с начальным периодом функционирования памятника, за все время его изучения было обнаружено крайне мало. Вероятно, малое количество материалов, относящихся к начальному периоду существования городища, может объяс-

няться с одной стороны недостаточной археологической изученностью памятника, а с другой тем, что его наиболее ранний участок, расположенный у края высокого обрывистого берега р. Дон, мог быть уничтожен в ходе застройки города еще в XIX веке.

Таким образом, имеющиеся на сегодняшний день данные, позволяют установить, что Ростовское городище имело значительные размеры, обширную, ограниченную в том периферийную часть, где население занималось хозяйственной и ремесленной деятельностью, и которая заселена была лишь на последнем этапе существования городища в первой половине III в. н.э., очевидно, вследствие увеличения численности населения.

Список литературы

Анфимов Н. В. Рыбный промысел у меотов // Историческая этнография: традиции и современность / Проблемы археологии и этнографии. Вып. II. Л., 1983. С. 117–124.

Гугуев В. К., Коваленко А. Н. Погребения с необычным использованием монет в некрополе донских меотов // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). VIII. Севастополь, 2022, с. 68–101.

Каменецкий И. С. Городища донских меотов. Вопросы датировки. М., 1993. 176 с.

Каменецкий И. С. История изучения меотов. М., 2011. 384 с.

Копылов В. П., Коваленко А. Н., Меньшикова В. А. Исследования спасательного отряда экспедиции НМЦА РГПУ на территории Ростовского городища в 2006 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2006 году. Вып. 23. Азов, 2008. С. 108–115.

Коротоякская Е. В. Археологическая зачистка на территории Ростовского городища в г. Ростове-на-Дону в 2011 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2012 году. Вып. 28. Азов, 2014. С. 98–111.

Нечипорук А. А., Гугуев В. К., Яненко А. П. Результаты работ в центральной части г. Ростова-на-Дону в 2017–2018 гг. // АО 2018 года. М., 2020. С. 229–231.

ХТОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ БЫТОВАНИЯ АНТИЧНОГО СВАТИЛИЩА (ПО МАТЕРИАЛАМ УСАДЬБЫ ХУТОР ВОСКРЕСЕНСКИЙ НА БЛИЖНЕЙ ХОРЕ ГОРГИППИИ)

© Котина Алла Викторовна

Центр археологических исследований БФ «Деметра», г. Керчь, allakotina@mail.ru;

© Топоривская Марина Анатольевна

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург,

toporivskayamarina@gmail.com;

© Супренков Александр Анатольевич

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, suprenkov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу результатов работ авторов на усадьбе хоры Горгииппии «Хутор Воскресенский» V–I вв. до н.э. в 2021 г. В их результате, в том числе, был выявлен небольшой многослойный комплекс – предположительно, эллинистическое святилище. Материалы его раскопок в настоящий момент частично находятся в обработке, а предварительное обзорное сообщение о нём в ближайшее время выйдет из печати. В данной работе особое внимание уделено двум захоронениям собак, выявленных в нижнем горизонте святилища, а также археологическому контексту этих захоронений. Приведены аналогии с подобным обрядом, встречающимся на других памятниках, изложены некоторые общие соображения относительно значения данных животных в сакральной практике в эллинистическом мире, в частности, на Боспоре.

Ключевые слова: усадьба хоры Горгииппии, эллинистическое святилище, жертвоприношение собак, хтонические божества.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the results of the authors' work on the farmstead of the Gorgippia chora "Hutor Voskresenskij" of the V–I centuries BC in 2021. As a result a small multi-layered assemblage presumably a Hellenistic sanctuary was detected. The materials from its excavations are partially being processed at the moment, and a preliminary overview report about it will be published in the near future. In this work, special attention is paid to the two dogs burials identified in the lower horizon of the sanctuary, as well as the archaeological context around these burials. Analogies with a similar rite found on other monuments are given, some general considerations regarding the significance of these animals in sacred practice in the Hellenic world, in particular, on the Bosporus, are presented.

Keywords: antique manor of Gorgippia's chora, Hellenistic sanctuary, sacrifice of dogs, chthonic gods.

В результате археологических работ, проведённых авторами в 2021 г. на античной усадьбе «Хутор Воскресенский» в Анапском районе Краснодарского края, было исследовано три группы археологических объектов, среди которых наибольший интерес вызывает многослойный архитектурно-археологический комплекс – предположительно, остатки

древнего святилища. Авторами раскопок уже была сделана предварительная публикация, которая позволит получить представление о характере исследованного объекта, а также различных его деталях [Топоривская, Супренков, 2023]. Стоит отметить, что многочисленные материалы, полученные в ходе работ, всё ещё находятся в стадии обра-

ботки, однако, те данные, которыми мы располагаем на сегодняшний день, всё же позволяют сделать некоторые предположения, касающиеся, прежде всего, особенностей ритуальной практики древних, построивших и использовавших рассматриваемое св тилище.

В верхнем горизонте исследованный комплекс представлял собой каменное сооружение, общими размерами приблизительно 16×5 м (прил., рис. 18), состоящее из трёх помещений. В центре комплекса располагался вымощенный «двор» размерами 6,5×5 м. Напротив предполагаемого с юга входа во двор, у северной стены сооружения, находился пристроенный вплотную каменный постамент, размерами 2×1 м. Он был составлен из прямоугольных блоков, уложенных по периметру, и плотного бута из мелких и средних камней в центре образованного ими пространства. Восточнее так называемого постамента располагался проход в небольшое восточное помещение размерами 3,5×6 м, замощённое в южной части уплотнёнными камнями известняка. Также в северной части помещения частично сохранился глинобитный пол. К югу от прохода был найден монолитный «алтарь» диаметром 0,48 м, на стилобате размерами 0,5×0,5 м. В северо-западном углу этого же помещения была расчищена подпрямоугольная в плане каменная конструкция, пристроенная к углу, размерами 1,5×1 м, возможно, ещё один алтарь. Качество кладок стен, толщина которых для всех трёх помещений составляла от 0,7 до 1 м, мощёный, дополнительных архитектурных объектов изначально свидетельствовало о нерядовом характере данного комплекса. На уровнях ниже его каменного фундамента были выявлены ещё два строительных горизонта, представленные небольшими круглыми в плане

постройками в первом и глинобитными полами с предполагаемыми алтарями во втором (прил., рис. 19).

В целом, по керамическому материалу и стратиграфическим наблюдениям – второй и третий горизонты св тилища датируются IV–III вв. до н.э., при этом в первом, верхнем горизонте есть находки рубежа веков, что, учитывая находки разного типа алтарей в третьем и первом горизонтах, вероятно, может свидетельствовать о достаточно продолжительном использовании данного архитектурного комплекса в его культовых целях, что в целом соответствует античной традиции.

Находки в исследуемом св тилище разного типа алтарей, специальных сооружений, терракотовой гермы с изображением кадуде – являются важными свидетельствами культовой практики жителей Боспора. Однако наибольшее внимание в данной св зи привлекает жертвоприношение двух собак, совершённое на самом нижнем горизонте св тилища. Остановимся подробнее на этом сюжете и попробуем предположить, с чем свзана необычная жертва.

Как известно, важным аспектом существования св тилища является совершение жертвоприношения на его территории, поэтому одним из важнейших составляющих является алтарь [Кузьмина, 2011, с. 34]. Учитывая конструктивные особенности, своего рода жертвенником, как представляется, можно считать объект, сформированный из глины, почти квадратный в плане¹. Длина его стороны составляла около 0,8 м, высота – не более 0,2 м. Верхняя часть была закрыта крупным фрагментом амфорной стенки, уложенным плашмя. В ходе исследования алтаря ниже было выявлено ещё два горизонта из выложенных амфорных стенок, которые, вероятно, маркируют периоды

¹ Ряд исследователей приходит к выводу, что алтари, расположенные прямо под открытым небом – были предназначены богам-олимпийцам, а алтари внутри храмов посвящались божествам в их хтонических ипостасях [Масленников, 2007, с. 157; Молева, 2002, с. 71]

его использовани . Примерно в метре к юго-западу и северо-востоку от алтар обнаружены скелеты двух собак, каждая из которых располагалась на правом боку. Примечательно, что животные были положены прямо на глинобитный пол, без сооруже ни каких-либо м или их подоби . Никаких предметов при костках обнаружено не было. Особь, расположенна к юго-западу от алтар , сохранилась гораздо лучше. Встреченные в слое над полами довольно мощные прослойки пепла и золы, а также слой прокала в восточной части пола, могут свидетельствовать о произошедшем здесь некогда пожаре. Стоит отметить, что в южной части помещени располагалс , вероятно, ещё один алтарь. Он имел схожую с первым объектом конфигурацию и размеры, но при этом по периметру был обложен крупными, установленными вертикально, камнями высотой до 0,5 м. В основании алтар между этими камнями находилась небольшая площадка, сформированна из нескольких камней, уложенных на глинобитный пол. В основании объекта были обнаружены фрагмент железного ножа и железный наконечник. Исследователь древнегреческой религии М. Нильссон, рассужда о типах алтарей в святилищах, приходит к выводу, что в культах хтонических божеств, преимущественно, использовались алтари с каменной или сырцово-кирпичной обкладкой для сжигани (эсхара) и/или ботросы – мы, символизирующие подземный мир, куда сбрасывались вотивные дары или жертвоприношени [Nilsson, 1976, s. 78].

Костные останки собак являются не самым многочисленным, но постоянным компонентом остеологических сборов на памятниках Северного Причерноморья [Каспаров, 2009, с. 291]. Как отмечаетс в ряде исследований, захоронени рассматриваемых животных, при всей их распространённости имеют неоднозначную интерпретацию. В основном, авторы определяют их как объекты

сакрального характера. Так, Д.В. Журавлёв с коллегами, в соответствующей публикации отмечает, что в отношении захоронений собак на памятниках поселенческого типа, в отечественной литературе отмечаетс в основном тенденции связывать их с какой-либо ритуальной деятельностью. Другая тенденция связана с более взвешенной позицией в интерпретации подобного рода находок, и характерна в большей степени для работ западных исследователей, хотя, прослеживается и в современных российских исследованиях [Журавлёв, Саблин, Строков, 2020, с. 98–122; Котина, Каспаров, Симонов, 2022, с. 186–197 и др.]. Что же касается захоронений собак, происходящих с территорий святилищ или храмов, мнение исследователей в основном, едино – эти находки связаны с ритуальными, культовыми действиями. Таким образом, в нашем случае наличие ритуала не вызывает сомнений.

Как известно, собака – древнейшее домашнее животное. Специалисты полагают, что первые домашние собаки в Старом Свете появились ещё в эпоху палеолита [Барабаш-Никифоров, Формозов, 1963]. С тех пор они стали постоянными спутниками людей, играя существенную роль в различных сферах жизни общества, в том числе, и духовной. В античную эпоху отношение к собаке можно определить, как амбивалентное. С одной стороны, она предстаёт как нечистое животное, которое не имеет стыда и может питаться падалью. В эпитафических памятниках слово «собака» подчас используется как оскорбление [Елисеева, Андреева, 2021, с. 149–150]. С другой стороны – собака – это верный спутник, помощник в охоте, надёжный, преданный друг. Достаточно вспомнить эпического пса Аргуса, принадлежавшего Одиссею [Гомер, 17, 292–322]. Эмоциональную привязанность хозяев к своим четвероногим демонстрируют, например, эпитафии, датирующиеся IV в. до н.э. – II в. н.э., тексты ко-

торых дают представление о функциях собак и об их кличках. Исследовательницы, анализирующие надгробные надписи, приходят к выводу, что собака получала эпитафию или надгробие за свои добродетели [Елисева, Андреева, 2021, с. 150]. Кроме того, по свидетельствам некоторых источников, собаки даже могли обладать даром исцеления.

По мнению исследователей, собака в античности была тесно связана с хтоническими представлениями, находится, как бы на границе между двумя мирами [Абрамов, Сударев, 2011, с. 337]. Так, этих животных приносили в жертву Гекате, богине подземного мира и колдовства, а также Аресу, Гераклу, Асклепию. На Боспоре жертвоприношения собак могли быть связаны с культом Великого женского божества [Шауб, 2007, с. 104–106]. Также собаки могли сопровождать души умерших, при переходе в мир иной, выступая спутниками Гермеса-Психопомпа [Завойкин, 2006, с. 161]. Кроме того, Павсаний, описывая статую прорицателя Фрасибула, обращает внимание на собаку, изображённую у его ног. Помещена туда «несомненно, как жертвенное животное, собака, разрезанная пополам так, что видна печень. Известно, что издревле были приняты у людей гадания по внутренностям коз, овец и телётов, а жители Кипра нашли, что (будто) можно гадать и по внутренностям свиней. Но никто не считает, что можно пользоваться внутренностями собак при гаданиях. По-видимому, Фрасибул установил какой-то особенный, ему только свойственный способ гадания по внутренностям собак» [Павсаний, VI, II, 2]. По свидетельствам древних авторов рассматриваемые животные также могли выступать предвестниками беды [Павсаний, IV, XIII, 1; IV, XXI, 1]. Н. В. Молева, анализируя изображения собак в росписи древнегреческих ваз VI–V вв. до н.э., справедливо замечает, что в сценах прощания воинов, битв, ритуальных трапез собака всегда находится рядом с тем человеком, которо-

му суждено погибнуть [Молева, 2002, с. 109]. Собака предстаёт символом смерти также в широко известных сценах загробной охоты, в которых изображён скачущий героизированный всадник с бегущими зайцем и собакой, которые, по мнению исследователей символизируют жизнь и смерть [Завойкин, Добровольская, 2007, с. 121]. В мифологии Древней Греции собаки играли важную роль в трёх важных фазах взаимоотношений человека со смертью: 1) переход от жизни к смерти; 2) время, проведённое в Подземном мире; 3) возвращение к жизни в качестве духа [De Grossi Mazzorin, Minniti, 2002, p. 62]. Вообще, хтоническое значение образа собаки довольно чётко прослеживается с глубокой древности, она «занимает ярко выраженное пограничное положение между жизнью и смертью, предстаёт как бы трансфертом, соединяющим жизнь и смерть, олицетворяет в себе нерушимую связь человеческой культуры и дикой природы, к которым, в равной степени, принадлежит, обитает на границе двух миров» [Молева, 2002, с. 108]. Именно с хтоническими представлениями древних, по мнению исследовательницы, связаны культовые захоронения собак на Боспоре, а также многочисленные находки этих животных в качестве жертв в Китейском зольнике [Молева, 2002, с. 114–115, 117–123]. Пример использования собаки в качестве жертвы мы видим на поселении Береговой-4, на территории, используемой по мнению авторов, во 2-й пол. V–IV вв. до н.э. «в качестве сакральной свалки-зольника» [Абрамов, Сударев, 2011, с. 337]. Исследователи также отмечают хтонический смысл данного жертвоприношения, предполагая, что расположение животного головой к гривозому вулкану, «жерло которого – вход в преисподнюю» может быть связано с культурами подземных божеств [Абрамов, Сударев, 2011, с. 340].

Согласно мнению зарубежных исследователей, ритуалы жертвоприношений

собак можно семантически разделить на две группы: к первой можно отнести жертвоприношение собак хтоническим божествам, с целью продолжения рода и развития; вторая связана с повседневной ролью собаки в жизни человека, в качестве спутника и компаньона. Иногда эти значения могли пересекаться [De Grossi Mazzorin, Minniti, 2002, p. 62]. Вероятно, в этой идее находит отражение та же самая двойная роль собаки в античной традиции, рассматриваемая выше.

Возвращаясь к жертвоприношению собак в святилище усадьбы хоры Горгиппии, отметим, что оно парное. На данный момент нам неизвестны полные аналогии данному действию. Однако, парные захоронения собак, совершённые в Мах, есть на поселении Голубицка 2. Захоронения датируются авторами III–II вв. до н.э., и связываются с некими сакральными действиями. Примечательно, что одно из захоронений не содержит какого-либо специального культового инвентаря. Все четыре погребённые особи имели травмы [Журавлев и др., 2020, с. 110–112].

Сложным и, тем не менее, важным вопросом является смысл и назначение ритуала. В этой связи, обратимся к гипотезе А. А. Масленникова, высказанной в работе, посвящённой сельским святилищам Европейского Боспора. Так, анализируя святилище с Генеральского Восточного, учёный предполагает, что на определённом этапе его бытования, древние жители как бы законсервировали важный для них сакральный комплекс, производя определённый обряд. Подобные действия, по всей вероятности, имели место и в отношении обнаруженных в святилищах ларей-алтарей (возможно, они связаны с посвящением хтоническим божествам). Отмечая практически полное отсутствие сведений о подобном рода ритуалах, исследователь высказывает мысль о наличии, тем не менее, археологических реалий, «в том числе хорошо известных», которые «позволяют утверждать, что таковые... в ряде случа-

ев имели место», приводя в пример мирмекийские зольники-эсхары и другие памятники, которые по виду «как раз на месте заброшенных, а точнее и правильнее: сакральных построек, переосвящённых, «изменивших» свою изначальную культовую «сущность» на противоположную» [Масленников, 2007, с. 163]. Таким образом, идея об «особой сакральной практике», заключающейся в «консервации» святилища, с целью изменения его первоначального состояния, гипотетически связывается с «дуалистическим культом умирающей и воскресающей природы (извечной борьбой земного и небесного миров с миром подземных мрачных и смертоносных сил, противостоянием света и тьмы)» [Масленников, 2007, с. 163]. Заметим, что следы «консервации» святилищ прослеживаются в исследовании храмовых памятников Северного Причерноморья. Например, такие свидетельства имеются в отношении некоторых сакральных построек теменоса Ольвии [Древнейший теменос..., 2006, с. 16].

По мнению некоторых зарубежных исследователей, именно жертвоприношение собак в античных святилищах могут быть связаны с обрядами очищения и перехода, или «запечатывания» каких-то культовых сооружений. Так, в святилище Торре ди Сатриано в Лукании, датируемом IV–III вв. до н.э., в ботросе, расположенном в центре святилища, был найден сочленённый скелет собаки, что позволяет авторам предположить, что, возможно, было совершено ритуальное действие, непосредственно связанное с закрытием святилища, мы незадолго до того, как святилище было заброшено. Подобные примеры принесения собак в жертву перед «закрытием» святилища фиксируются и на других памятниках того же периода. В качестве подобных исследователи приводят святилище Лавелло в Базиликате [De Grossi Mazzorin, Minniti, 2002, p. 64].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что жертвоприношение собак,

так или иначе были связаны с идеями перехода из одного состояния в другое: «жизнь – смерть», «свет – тьма», «нечистое – чистое» и т. п. В этой связи, рискнём предположить, что смысл ритуала жертвоприношения собак в святилище, открытом у х. Воскресенский, заключался в подобном переходе. «Закрытые» жертвенники, жертвы – отметим это ещё раз – не закопанные, и не сожжённые, а просто положенные прямо на глинобитный пол, на одинаковом расстоянии от алтаря, также закрытого амфорной стенкой, и даже отсутствие некоторого количества культовых предметов, характерных для святилищ – все это, на наш взгляд, может свидетельствовать о том, что мы имеем дело с сакральным действием, которое стало финальным актом функционирования святилища на каком-то его этапе. Посвящённые таким образом древние жители данного строе-

ние хтоническим божествам, или же совершили своего рода пиакулум – нам неизвестно. Как и то, какому именно боже-ству был изначально посвящён данный сакральный комплекс, продолживший функционировать ещё на протяжении нескольких веков. Заманчиво предположить в роли такового Гермеса, учитывая находку гермы, наличие официального культа Гермеса в самой Горгии и святилища с Гермесом Психопомпом. Однако, недостаточное количество свидетельств и отсутствие убедительного эпиграфического материала не позволяют нам этого сделать. В любом случае, материалы, полученные в ходе изучения рассматриваемого интереснейшего сакрального архитектурно-археологического комплекса, требуют дальнейшего изучения, обобщения и осмысления, которое, несомненно, позволит нам расширить представления о сакральной жизни древних боспорян.

Список литературы

- Гомер. Одиссея. М., 2009.
- Павсаний. Описание Эллады. М., 1994.
- Абрамов В. В., Сударев Н. И. Жертвоприношение собаки на поселении Береговой 4: ещё один сюжет в сакральной жизни Боспора // Боспорский феномен: население, языки, контакты. СПб., 2011. С. 337–343.
- Барабаш-Никифоров И. И., Формозов А. Н. Териологи. М., 1963.
- Древнейший теменос Ольвии Понтийской // МАИЭТ, Suppl. 2. Симферополь, 2006. 501 с.
- Елисеева Л. Г., Андреева Е. Н. «Здесь теперь отдыхаю под землёй, о, хозин, много потрудившись»: место собаки в жизни древнегреческого ойкоса на материалах надгробных надписей // ПИФК. 2021. № 1. С. 149–163.
- Журавлёв Д. В., Саблин М. В., Строков А. А. О захоронениях собак на поселении Голубицка 2 // Древности Боспора. Т. 25. М., 2020. С. 98–122.
- Завойкин А. А. Два сюжета в комплексе терракоты на святилище элевсинских богинь (Береговой 4) // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. М., 2006. С. 58–168.
- Завойкин А. А., Добровольская Е. В. Боги, люди, животные и птицы в святилище Деметры и Керы на Фонталовском полуострове // Боспорские чтения. Вып. VIII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. Керчь, 2007. С. 117–125.
- Каспаров А. К. Попытка реконструкции собак античного времени из Восточного Крыма по краниометрическим данным и произведениям искусства // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб., 2009. С. 291–305.
- Котина А. В., Каспаров А. К., Симонов В. В. Захоронение собаки из Тиритаки: ритуал? // XXIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период древности и средневековья. Сакральное и материальное. Симферополь; Керчь, 2022. С. 186–197.

Кузьмина Ю. Н. О критериях идентификации античных св тилищ // РА. №3. 2011. С. 33–41.

Масленников А. А. Сельские св тилища Европейского Боспора. Тула, 2007. 564 с.

Молева Н. В. Жертвоприношения собак в Китейском св тилище // Очерки истории сакральной жизни Боспора. Избранные статьи. Н. Новгород, 2002а. С. 117–120.

Молева Н. В. Жертвоприношения собак в фортификационных сооружениях античного Китея // Очерки истории сакральной жизни Боспора. Избранные статьи. Н. Новгород, 2002б. С. 121–123.

Молева Н. В. Собака в религиозных представлениях боспорян // Очерки истории сакральной жизни Боспора. Избранные статьи. Н. Новгород, 2002в. С. 113–116.

Молева Н. В. Собака в сакральном мировоззрении древних греков // Очерки истории сакральной жизни Боспора. Избранные статьи. Н. Новгород, 2002г. С. 107–113.

Топоривская М. А., Супренков А. А. Св тилище Гермеса на античной усадьбе хоры Горгииппии. (В печати)

Шауб И. Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э. СПб., 2007. 484 с.

De Grossi Mazzorin J., Minniti C. Dog Sacrifice in the Ancient World: A Ritual Passage? // Lynn M. Snyder and Elizabeth A. Moore (Eds.) *Dogs and People in Social, Working, Economic or Symbolic Interaction*. Oxford, 2006. P. 62–66.

Nilsson M. P. *Geschichte der griechischen Religion*. München, 1976.

НОВЫЕ РАННЕСАРМАТСКИЕ ПАМЯТНИКИ В СТЕПНОМ КРЫМУ¹

© Кропотов Виктор Валерьевич

Институт общественных наук и международных отношений
Севастопольского государственного университета, v-kropotov@bk.ru

Аннотация. В работе анализируются три открытых в 2016–2021 гг. сарматских погребальных комплексов из Степного Крыма. Все они, как по погребальному обряду, так и по инвентарю, близки уже известным ранее памятникам и по сопутствующим находкам (гончарной посуде, фибуле, зеркалу, бусам и пр.) датируются тем же временем: I в. до н.э. – сер. (?) I в. н.э. Такие признаки погребального обряда как использование для захоронения уже существующей курганный насыпи, преимущественная ориентация покойного в северный сектор, незначительная глубина погребения, немногочисленность инвентаря и т.д., являются типичными отличительными чертами раннесарматских погребений Северного Причерноморья. Рассматриваемые комплексы, бесспорно, следует относить именно к этой культурной группе. Новый материал полностью подтверждает существующие представления о хронологии и распространении сарматских памятников в Степном Крыму и предоставляет дополнительные данные о ранних кочевниках региона.

Ключевые слова: Степной Крым; сарматы; курганы; погребения; поздний эллинизм; раннесарматская культура; древние торговые пути.

Abstract. Here were comprehensively analyzed three Sarmatian funeral monuments of Earsten Crimea which were opened at 2016–2021. All of them, both in terms of funeral rites and inventory, are close to previously known Sarmatian monuments, and according to related finds (pottery, fibulae, mirror, beads, etc.) are dated to the same time: I century BC – the middle (?) of I century AD. Such signs of the burial rite as the use of an already existing barrow for burial, the predominant orientation of the deceased to the northern sector, the insignificant depth of the burial, the scarcity of inventory, etc., are typical distinguishing features of the Early Sarmatian burials of the Northern Pontic region. The complexes under consideration, no doubt, should be correlated with this cultural group. The new material fully confirms the existing ideas about the chronology and distribution of the Sarmatian sites in the Steppe Crimea and provides additional data on the early nomads of the region.

Keywords: the Steppe Crimea; the Sarmatians; barrows; burials; Late Hellenism; Early Sarmatian culture; ancient trade routes.

¹ Работа выполнена при поддержке программы «Приоритет-2030» Севастопольского государственного университета (проект «Археонет»).

В 2016 г. автором подготовлена сводка сарматских погребальных памятников Степного Крыма, включившая в себя 19 комплексов [Кропотов, 2016, с. 22–39]. Все они представляют собой впускные захоронения в насыпях более древних курганов, которые, как правило, совершены в простых подпольных в плане могилах, ориентированных в северный сектор и сопровождаются достаточно скудным инвентарем.

Масштабные полевые работы последних лет, связанные со строительством крупных инфраструктурных объектов в Республике Крым, значительно увеличили доступный для анализа археологический материал, однако практически не изменили общее число сарматских памятников. В дополнение к уже известным удалось выделить всего три комплекса. Это погребение 80 в кургане «Унгут-1», расположенном на юго-западной окраине пгт. Кировское (административный центр одноименного района), погребение 7 в кургане 1 близ с. Луговое (Ленинский район) и погребение 4 у с. Горностаевка (тот же район), впущенное в склон Узунларского вала. Данные памятники частично уже опубликованы, но не включены в обобщающие исследования и не использованы в полноценных исторических реконструкциях.

Цель настоящего сообщения – сопоставить новые комплексы с установленной ранее системой представлений о хронологии и распространении сарматских древностей в Степном Крыму.

Первый объект – погребение 4 у с. Горностаевка – был обнаружен в 2016 г. отрядом Крымской новостроечной археологической экспедиции ИА РАН под руководством А.А. Супренкова в ходе изучения монументального архитектурного сооружения, условно названного «Боспорскими воротами». [Супренков, 2016, с. 328–333; 2018, с. 247–254; Супренков и др., 2020, с. 138–155]. Захоронение находилось непосредственно под этим сооружением, на склоне Узунларского вала, на глубине 6,75 м от условного «0» и было впущено в материк

на 0,15–1,25 м. В качестве погребального сооружения использована простая подпольная в плане могила размером 1,9×0,6 м, ориентированная с северо-запада на юго-восток. Покойница – женщина 50–60 лет – лежала на дне могилы вытянуто на спине головой на северо-запад. При ней находились: справа от черепа – гончарный сероглиняный кувшин (рис. 1, I, 7); близ него, поверх костей предплечья – гончарная сероглиняная миска (рис. 1, I, 2) с лопаткой барана; у юго-западной стенки могилы, под миской – бронзовое зеркало (рис. 1, I, 4) и железный нож (рис. 1, I, 6); около черепа, близ правого виска – две бронзовые серьги (рис. 1, I, 3); у шейных позвонков – гагатовые подвески (рис. 1, I, 5); на запястьях и у голеней – стеклянные бусы (рис. 1, I, 1) [Кропотов, Супренков, 2017, с. 281–283; Кропотов, 2018, с. 115–117].

Второй комплекс – погребение 80 в кургане «Унгут-1» – был изучен в 2019 г. отрядом Крымской новостроечной археологической экспедиции ИА РАН под руководством И.В. Рукавишниковой. Это захоронение мужчины в возрасте 30–40 лет, совершённое вытянуто на спине головой на север, вложенное в слое погребенной почвы на глубине 1,6 м от вершины кургана, в 3 м к юго-востоку от его центра. Погребальное сооружение – простая подпольная в плане могила длиной около 2,3 м, шириной до 0,85 м – практически полностью разрушено перекрывавшими его погребениями Нового времени. При захоронении обнаружены: за головой – лепной горшок (рис. 1, II, 1) и лопатка барана с железным ножом (рис. 1, II, 2), у шейных позвонков – бронзовая фибула (рис. 1, II, 3), близ левого локтя – стеклянная пронизь (рис. 1, II, 4), в нарушенной перекопной части заполнения могилы – каменный оселок (рис. 1, II, 5) [Рукавишникова и др., 2020, с. 347; Кропотов и др., 2022, с. 175–177].

Третий объект – погребение 7 в кургане 1 у с. Луговое, исследованное в 2021 г. экспедицией ООО «Таврическое архео-

логическое общество» совместно с Институтом археологии Крыма РАН под руководством С.Г. Колтухова. Захоронение располагалось в северо-восточной части курганной насыпи, в 16,5 м к востоку-северо-востоку от ее центра, на глубине 1,65 м от вершины, в слое погребённой почвы. Контуры погребального сооружения проследить не удалось. Покойный, ребенок 1–1,5 лет, был уложен вытнуто на спине головой на юго-восток. От скелета сохранил только череп и отдельные кости правой руки. Остальная часть останков смещена при разборе насыпи. При погребении выявлены: за головой – лепной горшок (рис. 1, III, 1) и кость животного, под нижней челюстью – подвеска из египетского фанса в виде фигурки бога Беса (рис. 1, III, 2) [Колтухов и др., 2022, с. 162]².

Сопоставляя эти комплексы с уже известными сарматскими памятниками Степного Крыма, прежде всего, следует отметить их сходство как по погребальному обряду, так и по составу и размещению сопутствующего инвентаря. Все три захоронения вписаны в уже существующие насыпи на относительно небольшую глубину: два – в курганы эпохи бронзы (курган «Унгут-1», погребение 80; Луговое, курган 1, погребение 7), одно – в склон грунтового вала (Горностаевка, погребение 4). В качестве погребальных сооружений использованы простые подпольные могилы, в которых покойные уложены вытнуто на спине головой в северный сектор (курган «Унгут-1», погребение 80; Горностаевка, погребение 4) или, как исключение, южный (Луговое, курган 1, погребение 7). Остатки заупокойной пищи – керамические сосуды, нож и кости животных – располагались у головы усопшего. Личные вещи – серьги, зеркало, фибула, бусы – находились среди костных останков.

В настоящем сообщении остановимся на описании только самых выразительных в хронологическом плане находок.

В погребении 4 у с. Горностаевка это, в первую очередь, гончарные сероглинные сосуды – кувшин и миска. Кувшин имеет грушевидное тулово, плоское дно и прямое, украшенное двумя рельефными валиками/гофрами горло, снабженное коротким носиком-сливом; ручка ложновита вертикальна; плечики орнаментированы двумя параллельными врезными линиями (рис. 1, I, 7). Аналогичные сосуды достаточно часто отмечают на нижнеднепровских памятниках – Золотобалковском, Гавриловском и Любимовском городищах, в сарматских подкурганых захоронениях и т.д. [Взымитина, 1972, с. 193–194; Крапивина, 1980, с. 97; Симоненко, Полин, 2012, с. 158, рис. 1, 5; Никоненко, 2016, с. 227], однако, точные датировки при этом авторами не приводятся. Представление об их хронологии нам дают только редкие находки в крымских комплексах (городище Кульчук, поселение Бондаренково III), датирующихся 2-й пол. I в. до н.э. – нач. I в. н.э. [Бейлин, 2014, с. 38, рис. 3, 9; Ланцов, 2017, с. 295].

Миска из того же погребения характеризуется низким кольцевым поддоном и полусферическим туловом с загнутым внутрь утолщенным венчиком (рис. 1, I, 2). Сходные образцы типичны для памятников Нижнего Поднепровья и более западных областей [Гудкова, Крапивина, 1990, с. 2–3; Гаврилюк, Крапивина, 1999, с. 306; Гудкова, Малюкевич, 1999, с. 9], но их хронология также не разработана. В Крыму широкое хождение имели только красноглиняные аналоги, датировка которых укладывается в рамки I в. до н.э. – нач./1-й пол. I в. н.э., в более позднее время бытовали только краснолаковые изделия [Храпунов, Маскин, Мульд, 1997, с. 90–91; Труфанов, 2005–2009, с. 143 и сл., рис. 10, 8–9; Журавлев, 2010, с. 54–56].

² Автор выражает признательность С.Г. Колтухову за возможность привлечь к обзору данный материал.

Бликие датировки – преимущественно I в. до н. э. – I в. н. э. – имеют и другие находки из погребени 4, в частности бронзовое зеркало (рис. 1, I, 4) и гагатовые стрелковидные подвески (рис. 1, I, 5) [Хазанов, 1963, с. 62, 64, тип VIВ; Алексеева, 1978, с. 18, тип 84].

Сама выразительна находка в погребени 80 кургана «Унгут-1» – проволочна одночленна надв зна фибула среднелатенской схемы (рис. 1, II, 3). Низким приземистым корпусом, угловатыми очертани ми и проволочной зав зкой, намотанной на дужку слева направо, данна застежка близка ранним надв зным фибулам так называемого «неапольского» варианта, датировка которых укладываетс в рамки 2-й пол. / посл. четв. II – 1-й пол. I вв. до н. э. [Кропотов, 2010, с. 50, рис. 21, 1–6]. Однако от них образец отличается короткой 6-витковой пружиной, более типичной дл фибул среднелатенской схемы скреплённой конструкции, бытовавших в то же врем [Кропотов, 2010, с. 44, рис. 19, 1–4]. Коротка пружина известна только у поздних надв зных фибул «бел усского» варианта, но последние характеризуютс более высоко и плавно изогнутой дужкой, и зав зкой, всегда намотанной в обратном направлении – справа налево [Кропотов, 2010, с. 48–50, рис. 21, 7–10]. В этой св зи, фибулу из погребени 80 кургана «Унгут-1», скорее всего, следует рассматривать как гибрид между ранними скрепленными и надв зными «неапольскими» образцами, отнес её ко 2-й пол. / посл. четв. II – 1-й пол. I вв. до н. э. При этом следует отдавать предпочтение поздней части указанного периода, т. е. началу – 1-й пол. I в. до н. э., ввиду наличи в облике изделия поздних элементов – небольших общих размеров, относительно короткого приемника и наклоненной в сторону дужки тетивы, не типичных дл ранних экземплов [Кропотов, 2010, с. 43, 48, рис. 19, 1–4, 21, 1, 5]. Кроме того, на I в. до н. э., как на наиболее веро тную датировку изделия, указывает стекл н-

на пронизь из этого комплекса (рис. 1, II, 4) – она двудольчата из глухого синего стекла, относитс к типу 155 по классификации Е. М. Алексеевой, характерному дл этого и последующего столетий [Алексеева, 1978, с. 72].

Единственна хронологически показательна находка, вы вленная в погребени 7 кургана 1 у с. Луговое, – подвеска из египетского фа нса, выполненна в виде фигурки бога Беса. Последн сохранилась фрагментарно, нижн часть изделия утрачена (рис. 1, III, 2). Е. М. Алексеева отнесла подобные украшения к типу 35 и датировала I–II вв. н. э., отметив начало широкого распространени в Северном Причерноморье фансовых изделий в целом ещё во второй половине предшествующего столети [Алексеева, 1975, с. 28, 38–39]. Другие исследователи против такого определени не возражают.

Проведённый анализ позвол ет предложить дл анализируемых комплексов достаточно узкие датировки. Так, погребени 80 в кургане «Унгут-1» по наличию в нём фибулы среднелатенской схемы и двудольчатой пронизи следует датировать началом – 1-й пол. I в. до н. э. Скорее всего, ко второй половине этого столети или ко времени, близкому к рубежу нашей эры, можно отнести погребени 4 у с. Горностаевка, содержавшее сероглин ный кувшин с гофрированным горлом и носиком-сливом, а также миску с загнутым внутрь краем, круглое зеркало и стрелковидные подвески. Инвентарный комплекс погребени 7 из кургана 1 у с. Лугового включал лишь одну хронологически показательную находку – подвеску из египетского фа нса в виде фигурки бога Беса, на основании которой пам тник уже, чем I–II вв. н. э., датирован быть не может. Вместе с тем, нельз не отметить, что все известные сарматские захоронени Степного Крыма были совершены в относительно короткий промежуток времени, завершившийс не позднее I в. н. э., причём возможность

их бытовани во второй половине этого столетия вл етс дискуссионной (см., например, дискуссию о датировке погребени в Ногайчинском кургане [Кропотов, 2016, с. 29–30 – литература]). В этой св зи, с высокой долей веро тности хронологическое положение погребени 7 в кургане 1 у с. Лугового может быть ограничено I в. н.э. с уклоном в первую половину – середину этого столетия . Обща же датировка рассмотренных комплексов, таким образом, в целом укладывается в рамки I в. до н.э. – сер. (?) I в. н.э., что полностью соответствует общему хронологическому положению всех ныне известных сарматских захоронений Степного Крыма [Кропотов, 2016, с. 30].

Такие признаки погребального обр да рассмотренных захоронений, как использование дл погребени уже существующей курганной насыпи, преимущественна ориентаци покойного в северный сектор, незначительна глубина могилы, малочисленность инвентар и т.д., типичны дл всех раннесарматских погребений Северного Причерноморья [Симоненко, 2012, с. 190–193; Кропотов, 2016, с. 24; 2019, с. 155–158]. В этой св зи, рассмотренные комплексы, безусловно, следует относить именно к этой культурной группе.

Интересно отметить, что, хот масштабные полевые исследовани послед-

них лет охватили значительную часть степного пространства Крымского полуострова, пройд его широкой полосой с востока на запад, сарматские захоронени на большей части этой территории не вы влены. Все три рассмотренных выше комплекса расположены на Керченском полуострове и вблизи него, т.е. в тех районах, в которых погребальные пам тники сарматов были известны и ранее. Это подтверждает ранее сделанный вывод о размещении сарматских погребений на Крымском полуострове только узкой полосой вдоль северной и северо-восточной границ региона по побережью Чёрного мор и Сиваша – от Перекопа до мыса Тарханкут на западе и Керченского полуострова на востоке (рис. 2) [Кропотов, 2016, с. 23–24; 2018, с. 117]. Подобное расположение, по-видимому, маркирует путь древних кочевников из Поднепровья – одного из основных районов их расселени – к городским центрам Крымского полуострова, в первую очередь, к Пантикапею.

Таким образом, результаты интенсивных полевых исследований последних лет, дав новый интересный материал, дополн ющий наши знани о кочевниках региона, тем не менее, не изменили существующих представлений о датировке и распространении сарматских погребальных пам тников в Степном Крыму.

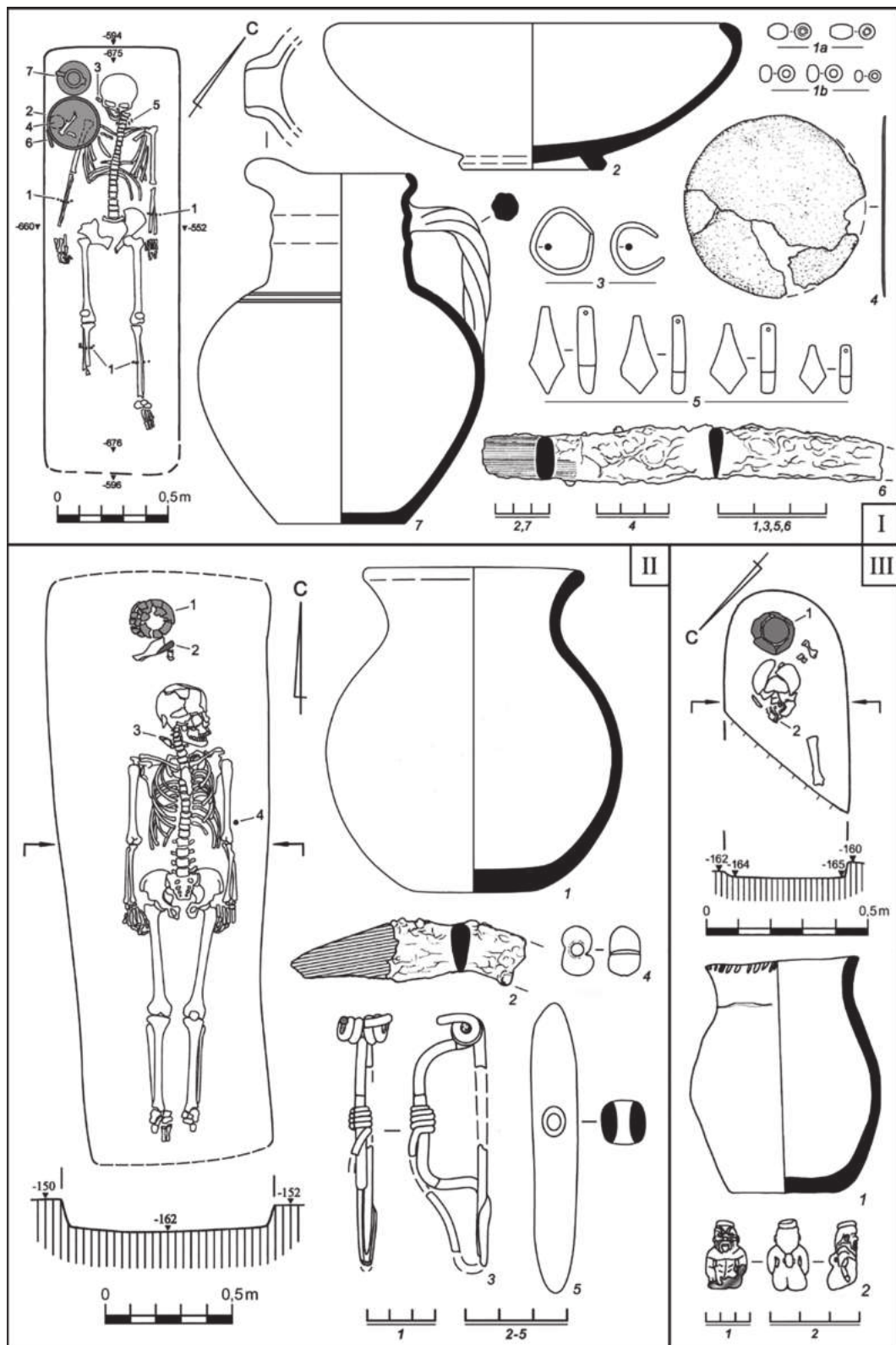

Рис. 1. Сарматские погребальные комплексы, открытые в 2016 – 2021 гг.

I – план и инвентарь погребени 4 у с. Горностаевка (1 – стекл нные бусы, 2 – сероглин на миска, 3 – бронзовые серьги, 4 – бронзовое зеркало, 5 – гагатовые подвески, 6 – железный нож, 7 – сероглин ный кувшин); II – план и инвентарь погребени 80 из кургана «Унгут-1» у пгт. Кировское (1 – лепной горшок, 2 – железный нож, 3 – бронзова фибула, 4 – стекл нна пронизь, 5 – каменный оселок); III – план и инвентарь погребени 7 из кургана 1 у с. Луговое (1 – лепной горшок, 2 – фа нсова подвеска)

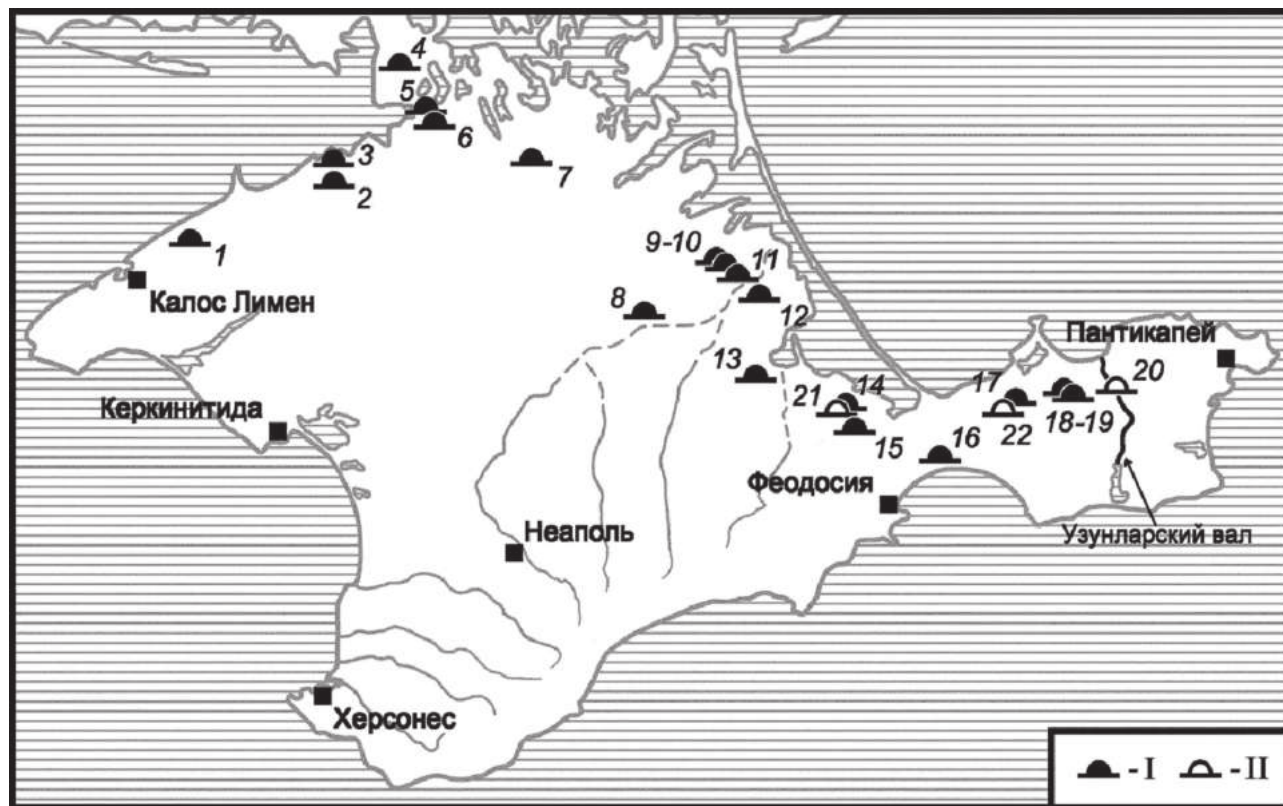

Рис.2. Сарматские погребальные памятники в Степном Крыму:

- 1 – Владимировка, курган 2/1988 г., погребение 21; 2 – Кропоткино, курган 5, погребение 2; 3 – Портовое (ур. Сары-Булат), курган 2, погребение 7; 4 – Рисовое, курган 5, погребение 61; 5 – Красноперекоск, курган 15, погребение 3; 6 – Ишунь, курган 22, погребение 2; 7 – Восточное, курган 1, погребение 2; 8 – Червоное, курган 5 (Ногайчинский), погребение 18; 9, 10 – Чкалово, курган 1, погребения 1 и 2; 11 – Заливное, курган 1931 г., впускное погребение; 12 – Емельновка, курган 1, погребение 15; 13 – Советский, курган 1, погребение 8; 14 – Кировское, курган 1, погребение 1; 15 – Яркое Поле, курган 1, погребение 5; 16 – Дальние Камыши, курган 3, погребение 1; 17 – Ильичево, курган 1, погребение 3; 18, 19 – Астанино, курган 3, погребение 1 и курган 23, погребение 1; 20 – Горностаевка, погребение 4, 21 – Кировское, курган «Унгут-1», погребение 80, 22 – Луговое, курган 1, погребение 7.
I – памятники, известные до 2016 г.; II – памятники, открытые в 2016–2021 гг.

Список литературы

- Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12/1. М., 1975. 94 с.
- Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12/2. М., 1978. 105 с.
- Бейлин Д. В. К изучению хронологии укрепленной усадьбы I века до н. э. на поселении Бондаренково III // XV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы археологии. Керчь, 2014. С. 34–42.
- Вязьмитина М. И. Золота Балка. Київ, 1962. 240 с.
- Гаврилюк Н. А., Крапивина В. В. Кухонная и столовая керамика позднескифских городищ Нижнего Поднепровья // Сто лет черновиховской культуре. Киев, 1999. С. 298–321.
- Гудкова А. В., Крапивина В. В. Сероглинная керамика Тиря, Ольвии и памятников черновиховской культуры. Киев, 1990. 48 с.
- Гудкова А. В., Малюкевич А. Е. Сероглинная кружаловая керамика поселений на Днестровском лимане (первая четверть I тыс. н. э.) // Stratum plus. 1999. № 4. С. 8–18.

Журавлёв Д. В. Краснолакова керамика Юго-Западного Крыма I – III вв. н. э. (По материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) // МАИЭТ. Supplementum. Вып. 9. Симферополь, 2010. 320 с.

Колтухов С. Г., Новиков С. А., Цанко С. А. Раскопки кургана на Парпачском гребне // Истори и археологи Крыма. Вып. XVII. 2022. С. 162–163.

Крапивина В. В. Сероглин на керамика Любимовского городища // Археологические исследования на Украине в 1978–1979 гг. Тезисы докладов XVIII конференции Института археологии АН УССР. Днепропетровск, 1980. С. 97.

Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. 384 с.

Кропотов В. В. Сарматские погребальные памятники Степного Крыма // Нижневолжский археологический вестник. 2016. Вып. 15. С. 22–39.

Кропотов В. В. Раннесарматские захоронение в Восточном Крыму // Вестник ВолГУ. Сери 4. Истори . Регионоведение. Международные отношения . 2018. Т. 23. №3. С. 114–125.

Кропотов В. В. К проблеме выделения раннесарматских памятников Северного Причерноморья // Крым в сарматскую эпоху. Вып.V. Симферополь, 2019. С. 154–160.

Кропотов В. В., Рукавишников И. В., Бейлин Д. В. К вопросу о времени появления сарматов в Степном Крыму // Нижневолжский археологический вестник. 2022. Т. 21. №2. С. 174–183.

Кропотов В. В., Супренков А. А. Погребение I в. до н. э. на Узунларском валу // XVIII Боспорские чтения . Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья . Торговля : пути – товары – отношения . Симферополь; Керчь, 2017. С. 281–286.

Ланцов С. Б. Комплекс находок первой четверти I в. н. э. из поселения Кульчук в Северо-Западном Крыму // XVIII Боспорские чтения . Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья . Торговля : пути-товары-отношения . Материалы международной научной конференции. Симферополь; Керчь, 2017. С. 293–299.

Никоненко Д. Д. Сероглин на керамика пізньоскіфських городищ Нижнього Дніпра // Емінак: науковий щоквартальник. 2016. №4 (16). С. 225–232.

Рукавишников И. В., Бейлин Д. В., Волошинов А. А. Исследование погребальных памятников в Кировском районе в 2019 году // Истори и археологи Крыма. Вып. XIII. 2020. С. 345–354.

Симоненко А. В. Раннесарматский период в Северном Причерноморье // Золото, конь и человек. Киев, 2012. С. 187–206.

Симоненко А. В., Полин С. В. «Раннесарматские» погребения Северного Причерноморья // Золото, конь и человек. Киев, 2012. С. 155–176.

Супренков А. А. Боспорские ворота – новейшее открытие при раскопках на Узунларском валу // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола. СПб., 2016. С. 328–333.

Супренков А. А. Раскопки на Узунларском валу в 2016 г.: хронологи и интерпретации основных построек // Древности Боспора. Т. 23. 2018. С. 230–256.

Супренков А. А., Михайлов А. М., Столяренко П. Г., Топоривская М. А., Требухина Н. Ю. «Боспорские ворота» в Восточном Крыму: обзор археологического материала // РА. 2020. №3. С. 138–158.

Труфанов А. А. Хронологи могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. // Stratum plus. 2005–2009. №4. С. 117–328.

Хазанов А. М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. №4. С. 58–71.

Храпунов И. Н., Масякин В. В., Мульд С. А. Позднескифский могильник у с. Кольчугино // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. 1997. С. 76–155.

ДВА ТОПОРА БЕЗ ВЫДЕЛЕННОГО ОБУХА ИЗ КОМПЛЕКСОВ IV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ V ВВ. РАЙОНА КАВМИНВОД¹

© Прокопенко Юрий Анатольевич
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
г. Ставрополь, z_proko_15@mail.ru
© Рудницкий Роман Романович,
независимый исследователь, г. Железноводск,
rudnizky2010@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена находкам двух топоров IV – 1-й пол. V в. в комплексах района Кавминвод. Первый экземпляр был обнаружен в пещере на горе Развалка (1999). Боевой топорик с узким, слегка изогнутым лезвием, без выделенного обуха и выступающей втулкой (ниже лезвия) по форме напоминает схожие топоры из комплексов IV – 1-й пол. VI в. могильников Цебельды. Вторым экземпляром был обнаружен в комплексе с мечом в погребении IV–V вв. с зафиксированным обломком кремации в начале 2000-х гг. на горе Верблюд. Топор – с невыделенным обухом, с выступающей втулкой и нешироким лезвием с боковым выступом – по форме аналогичен топорам Цебельды. По мнению в комплексе топоров, не характерных для боевой экипировки представителей населения Центрального Предкавказья в исследуемый период, предположительно, должно быть связано с влиянием иностранной военной культуры – либо населения римского времени Абхазии, либо германских (готских) племён.

Ключевые слова: район Кавминвод, топоры без выделенного обуха, воинская культура, «княжеская» культура, кремации, население римского времени Абхазии, германские (готские) племена.

Abstract. The article is devoted to the finds of two axes of the IV – the first half of the V century in the assemblage of the Kavminvod district. The first specimen was discovered in a cave on Mount Razvalka (1999). A combat hatchet with a narrow, slightly curved blade, without a dedicated shell and a protruding socket (below the blade) resembles similar axes from the complexes of the IV – first half of the VI century of the burial grounds of Tsebelda in shape. The second specimen was identified in complex with a sword in the burial of the 4th – 5th centuries (with a recorded cremation ceremony) in the early 2000s on Mount Camel. The ax – with an unselected butt, with a protruding bush of the butt and a non-wide blade with a side protrusion – is similar in shape to the of the burial grounds of Tsebelda axes. The appearance in the complexes of axes that are not characteristic of combat equipment of representatives of the population of the Central Ciscaucasia during the studied period, presumably, should be associated with the influence of foreign military culture – either the population of the Roman time of Abkhazia, or Germanic (Gothic) tribes.

Keywords: Kavminvod district, axes without a dedicated butt, military culture, «princely» culture, cremation, population of the Roman time of Abkhazia, Germanic (Gothic) tribes.

¹ От Оргкомитета. В описании обстоятельств находки вопросы вызывает как отсутствие описания деталей захоронения, которые, судя по тексту были одним из авторов зафиксированы на месте, так и сведений о дальнейшей судьбе найденных предметов.

В пещере, наход щейс в северной части седловины горы Развалки, в 1999 г. было вы влено богатое воинское погребение эпохи Великого переселени народов. В этом же году об открытии узнал один из авторов насто щей публикации. По гор чим следам удалось вы снить некоторые детали захоронени и зарисовать часть находок. По рассказу нашедших, предметы просыпались между камн ми в скальной расщелине. Часть артефактов, предположительно, находитс там и поныне.

Всего было обнаружено около 20 предметов [Прокопенко, Рудницкий, в печати]:

1) серебр на пр жка №1. Рамка овальна – лита . Щиток пластинчатый, кованный, удлинённо-подтреугольной формы. В его центре – округла шл пка от заклёпки;

2) серебр на пр жка №2. Рамка овальна , лита , массивна в передней части и зауженна – кругла в сечении в задней части. Язычок утрачен. Щиток пластинчатый, кованный, округлой формы, без заклёпок;

3) серебр на пр жка №3. Рамка овальной формы и зычок – литье, ковка. Язычок длинный, далеко выступающий за передний конец пр жки, хоботкообразный, утолщающийс к задней части. Основа щитка – раскованна серебр на пластина в форме трилистника. С внешней стороны её украшает накладка из тонкого золотого листа, на которой закреплены гнёзда с кабошонами из граната (альмандина?). Все три округлых каста, расположенные треугольником, и между ними каст треугольной формы из квадратной в сечении проволоки, окружены зернью в один р д;

4) бронзова чаша, форма полусферическа , близка к круглодонной. Венчик слегка расширен, имеет подтреугольную форму;

5) серебр ное блюдо с цилиндрическим поддоном, край которого слегка скошен. На дне и в стенках есть утраты. Внутренн поверхность декорирована

чеканным растительным узором из розеток, бутонов и псевдозерни;

6) медный котёл. Тулово изготовлено из трёх пластин, соединённых медными заклёпками. Две полосы составл ют борта котла. Дно состоит из одной пластины. Котёл намеренно повреждён при совершении погребени . Пластины оторваны друг от друга и см ты. Железна дужка и ушки утрачены;

7–9) несколько железных фрагментов очажной цепи, некоторые с крюками дл подвешивани котла;

10) фрагмент крюка (дл вытаскивани м са из котла?);

11) фрагмент ложки-черпака;

12) два фрагмента клинка и перекрестье меча, намеренно сломанного в древности;

13) Г-образна скоба – серебр на накладка от ножен меча. Зарисована в распр мленном виде, скорее всего, первоначально более длинна её часть имела форму петли;

14) два фрагмента железного обоюдоострого кинжала. Основание клинка расширено за счёт выделени углов в месте его перехода в черенок руко ти;

15) фрагмент железного наконечника копь . Втулка овальной формы, перо уплощённое, форма не определ етс ;

16) железный боевой топор (рис. 1, 1). Имеет узкое, слегка выгнутое лезвие и невыделенный обух. Лезвие топора плавно изогнуто и слабо расшир етс от проушины к руб щей кромке. Проушина имеет неправильную овальную форму. Втулка цилиндрическа , направлена к низу, выступает ниже кра лезви . Размеры: обща длина 11,5 см; ширина режущей кромки 4 см; высота втулки 5,5 см. Длина проушины 3×3,1 см.

Боевой топорик с узким, слегка выгнутым лезвием, без выделенного обуха и выступающей ниже лезви втулкой (рис. 1, 1). По форме напоминает подобные топоры из комплексов IV в., 2-й пол. IV – 1-й пол. V вв., 2-й пол. V – 1-й пол. VI вв. могильников Цебельды [Воронов, Шенкао, 1982, с. 127–128, рис. 10, 11; 11,

5; 12, 4]. Предметы условно относятся к типу 1 [Воронов, Шенкао, 1982, с. 127; Казанский, 2015, с. 38, рис. 5, 1–3] или первой группе, типу 2, варианту 1 – топорам с коротким обухом и не очень широким лезвием, имеющим едва намеченный приострѐнный боковой выступ [Гей, Бажан, 1997, с. 11, 22, 74, 97, табл. 1: 6] (рис. 1, 4, 5).

Некоторое сходство по выгнутому лезвию наблюдается с узколезвийными топорами длиной 9,5–15 см с территории Германии, Бельгии и Франции. По классификации Х. Беме – тип С (Дамери, Фратин, Бремен-Махндорф, Рен (погр. 819; 846), Вейстер (погр. 116) и др.) или группы 3 варианта 7, по Г. Киферлингу [Kieferling, 1994, S. 337, Abb. 2; ср.: Böhme, 1974, S. 105–107, Abb. 42, 1, 2; Bemmann, 2007, S. 257; 262; 266; Abb. 9, 1; 13, 1; 17, 1; 18, 3]. Отмечено, что боевые топоры из германских погребений Западной Европы 1-й пол. V в. н.э., отдаленно напоминающие цебельдинские, сочетаются с высокими коническими умбонами и копьями, также подобными цебельдинским [Böhme, 1974, S. 81, Taf. 63, Text-tabel B; Гей, Бажан, 1997, с. 25; Казанский, 2015, с. 39–50].

Однако, большая часть цебельдинских топоров, подобно развалковскому, не имеет выделенного обуха. Среди германских «францисков» также встречаются подобные, однако, они в большинстве случаев, отличаются отогнутостью и заострением обоих углов лезвия.

Согласно мнению ряда исследователей, происхождение топоров с асимметричным лезвием с территории Абхазии, связано с заимствованием из римской военной экипировки [Воронов, Шенкао, 1982, с. 127; Казанский, 2015, С. 38, рис. 5, 1–3]. Однако, на колонне Траяна в числе изображенных топоров представлен только тип с молоточковидным обухом.

Согласно второй точке зрения, появление в Северном Причерноморье образцов без выделенного обуха связано с влиянием германской воинской куль-

туры. В частности, два экземпляра с невыделенным обухом IV в. обнаружены в могильнике Нейзац (погр. 4) и могильнике Дружное (погр. 85) на территории Крыма [Храпунов, 2010, с. 549; Храпунов и др., 2020, с. 9].

Обращается внимание на их полное сходство с одновременными топорами чернховской культуры и близость к серии подобных экземпляров вельбарской, пшеворской культур, из памятников на Эльбе, в Юго-Западной Германии, и Богемии. По влиянию топоров без выделенного обуха в памятниках юга Восточной Европы обобщаются сармато-германскими контактами [Храпунов, 2010, с. 549; Храпунов и др., 2020, с. 9–10].

В IV–V вв. узколезвийные топоры без выделенного обуха (рис. 1, б) по влиянию с и севернее Северного Причерноморья. В числе проушных топоров римского времени, выявленных на городище Борисово в Среднем Поочье зафиксирован узколезвийный экземпляр без выделенного обуха, с незначительно обозначенной втулкой, отдаленно напоминающий развалкинский, но с короткой втулкой, тип 6Б согласно классификации И. Р. Ахмедова и А. М. Воронцова. Предмет обнаружен в слое 2-й – 3-й четв. IV в. [Ахмедов, Воронцов, 2012, с. 22, рис. 3; с. 29, рис. 10, 2].

По влиянию в комплексе топора, не характерного для боевой экипировки представителей населения Центрально-Предкавказья в исследуемый период, предположительно, следует связывать с влиянием иноземной воинской культуры – либо населения римского времени Абхазии, либо германских готских племен. Интересно, что для тех и других обычны образцы кремации.

Возможно, небольшая группа носителей традиций одной из этих культур находилась в районе Кавминвод в IV–V вв. Свидетельством этому может являться захоронение с кремационным образом, случайно обнаруженное в начале 2000-х гг. на горе Верблюд. Следует отметить, что кремации этого времени не характерны для района Кавминвод.

Здесь был найден меч, видимо, аналогичный развалковскому (рис. 1, 3) и боевой топор (оба со следами пребывания в огне) (рис. 1, 2). Топор с невыделенным обухом, с выступающей втулкой обуха и не широким лезвием с боковым выступом – промежуточная форма вариантов 1 и 2 типа 2, группы 1 цебельдинских топоров по О. А. Гей, И. А. Бажан [Гей, Бажан, 1997, с. 10] близок по форме развалкинскому экземпляру (рис. 1, 1). Экземпляр отдаленно напо-

минает топоры группы 2, варианта 02, согласно классификации Г. Киферлинга [Kieferling, 1994, S. 337, Abb. 2].

По мнению М. М. Казанского, время наибольшего распространения культурных черт германского облика в Абхазии соответствует стадии III 380/400 – 440/450 гг. В этот же период в конце IV – 1-й пол. V в. по волоте и другие элементы иностранного происхождения [Казанский, 2015, с. 54, 56].

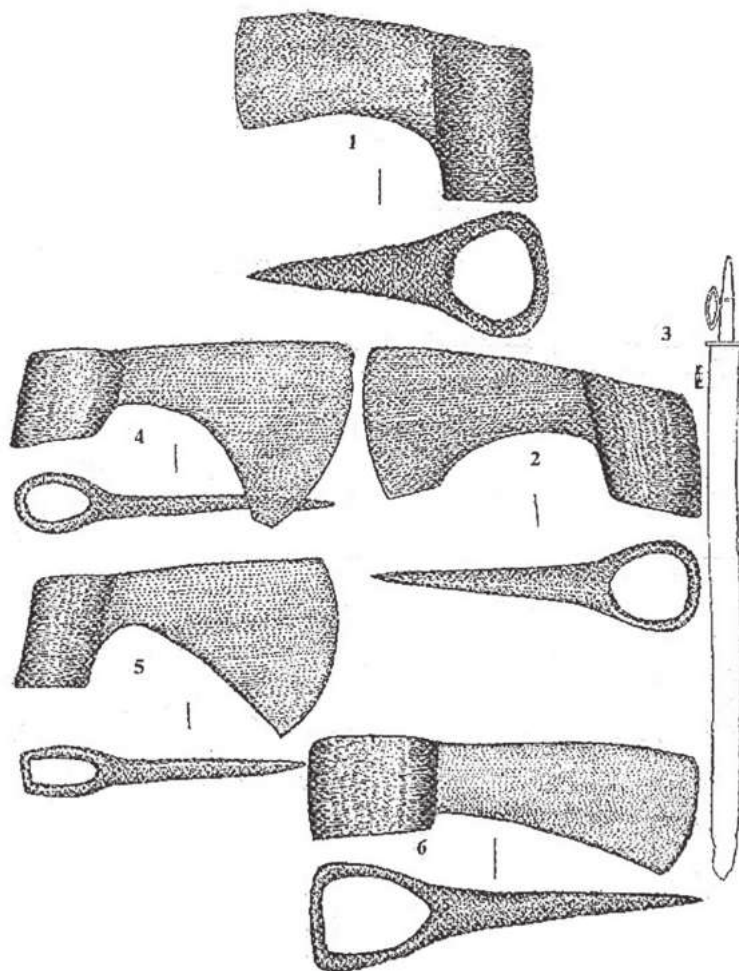

Рис. 1. 1 – топор из комплекса из пещеры на горе Развалка;
2 – топор из захоронения с кремацией на горе Верблюд;
3 – меч из захоронения с кремацией на горе Верблюд;
4; 5 – топоры из могильников Цебельды [по Гей, Бажан, 1997],
6 – топор из городища «Борисово» [по Ахмедов, Воронцов, 2012].
Все – железо

Список литературы

Ахмедов И. Р., Воронцов А. М. Узколезвийные проушные топоры римского времени и эпохи Великого переселения народов с территории Верхнего и Среднего Поочья // Лесна и лесостепна зоны Восточной Европы в эпохи Великого переселения народов. Конференци 3. Тула, 2012. С. 9–54.

Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К. Вооружение воинов Абхазии IV–VII веков. // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. М., 1982. С. 121–165.

Гей О. А., Бажан И. А. Хронологи эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997. 144 с.

Казанский М. М. Германские элементы в материальной культуре Абхазии в позднеримское время и в эпоху переселения народов // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. Том четвертый. М., 2015. 616 с.

Прокопенко Ю. А., Рудницкий Р. Р. Кн жеский комплекс эпохи Великого переселения народов из пещеры в северной части горы Развалка (район Кавминвод), в печати.

Храпунов И. Н. Оружие из могильника Нейзац // Terra Barbarica. Monumenta Archaeologica Barbarica. Series Gemina. Tomus II. Łódź–Warszawa, 2010. Pp. 535–555.

Храпунов И. Н., Иштванович Э., Кульчар В., Стоянова А. Н. Оружие сарматского времени в Крыму и в Альфельде // МАИЭТ. Вып. XXV. 2020. С. 5–24.

Bemmann J. Anmerkungen zu Waffenbeigabensitte und Waffenformen während der jüngeren römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit in Mitteldeutschland // Alt-Thüringen. 2007. № 40. S. 247–290.

Böhme H. W. Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts zwischen unterer Elbe und Loire. München, 1974. 384 s.

Kieferling G. Bemerkungen zu Äxten der römischen Keiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbarikum. V: Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Akten des 2 Internationales Kolloquiums in Marburg a.d. Lahn, 20. bis 24. Februar. Lubln/Marburg. 1994. S. 335–356.

КУЛЬТ ВЕЛИКОГО ЖЕНСКОГО БОЖЕСТВА И АМАЗОНКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОБЯКОВСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА И НЕКРОПОЛЯ КОБЯКОВА ГОРОДИЩА)

© Прохорова Татьяна Алексеевна

г. Краснодар, «НАО Наследие Кубани», tatjanaprohorova@yandex.ru

Аннотация. В первые века нашей эры на Нижнем Дону фиксируется приток новых групп кочевого и оседлого населения. Мигранты из Центральной Азии продолжали использовать для захоронений имеющиеся курганные могильники. Переселение меотов с территории Кубани и юго-восточного Приазовья повлекло возникновение городищ с сопутствующими им некрополями. Расположенные по соседству Кобковский курганный могильник и некрополь Кобкова городища с течением времени сомкнулись территориально. В материалах этих памятников выявлены погребения, содержащие «амазонский комплекс». На некрополе Кобкова городища, кроме того, исследовано погребение «энаре». Захоронения лиц с измененным полом являются свидетельством отправления культа Великого женского божества, служителями которого они выступали. Культ Великой богини тесно переплетался с воинской, брачной и погребальной обрядностью.

Ключевые слова: Кобково, погребение, андрогиния, культ, женщины-воительницы.

Abstract. An inflow of new groups of nomadic and sedentary population was recorded in the Lower Don Region in the first centuries of our era (AD). Migrants from Central Asia continued to use existing burial mounds for burials. Maeotian relocation from the territory of the Kuban and the south-eastern Azov region led to the emergence of settlements with accompanying necropolises. The Kobyakovsky Burial Mound and the necropolis of the settlement of Kobyakovo have merged geographically over time. In the materials from both the monuments, burials containing the “Amazonian complex” were identified. In addition, the burial of an Enaree was investigated at the necropolis of the settlement of Kobyakovo. The fact should be considered as the evidence of the worship of the Great female deity. The servants of the cult were the Amazons and the Enarees. The cult of the Great Goddess was closely intertwined with military, marriage and funeral rites.

Keywords: Kobyakovo, burial ground, androgynus, cult, female warriors.

Исследованные к настоящему времени Кобковский курганный могильник и некрополь Кобкова городища располагались на восточной окраине г. Ростова-на-Дону. Кобковский курганный могильник, находился на высокой коренной террасе правого берега Дона, на водоразделе между балками Кобковска и Кизитериновска. Могильник начал формироваться в эпоху ранней бронзы и в дальнейшем использовался кочевниками вплоть до средневековья.

Кобковское городище находилось на мысу, образованном берегом Дона и правым бортом Кобковской балки. В 20-х гг. прошлого века прослеживалось деление городища на три холма. Восточный холм, возникший на площадке, сложенной напластованиями эпохи бронзы, представлял собой его древнейшую часть. Некрополь городища изначально находился около укреплений второго холма. Постепенно поселение увеличивалось, разрасталось в направле-

нии берега реки и поглоща часть некропол [Каменецкий, 1993, с. 10]. Увеличивался и некрополь. В результате этих процессов курганы кочевников и погребальные комплексы оседлого населения сомкнулись территориально и на некоторых участках смешались. В 1980–90-е гг. в ходе интенсивных строительных работ курганные насыпи были уничтожены. В настоящее время четко разграничить эти памятники трудно.

В первые века нашей эры на Нижнем Дону фиксируется приток новых групп населения. Кочевники двух последних периодов сарматской культуры являлись мигрантами из Центральной Азии, а оседлое население донских городищ было переселенцами с основной меотской территории – Кубани и юго-восточного Приазовья. Установлено, что кочевое и оседлое население активно взаимодействовало и биологически смешивалось. В I–II вв. н.э. серии черепов из ранних погребений некрополя Кобкова городища обнаруживают сходство с черепами ранне- и среднесарматской серий. Параметры серий II–III вв. н.э. уклоняются в сторону характеристик, свойственных черепам из погребений позднесарматской культуры, значительная часть которых носила следы искусственной деформации [Батиева, 2011, с. 93].

В материалах некрополя Кобкова городища В.А. Ларенок выявила 22 погребальных комплекса, инвентарь которых характеризует погребённых как лиц с изменённым полом. 21 комплекс представлен женскими погребениями с оружием, четыре из них всадницы. Во входных колодцах катакомбных погребений всадниц на раскопе II обнаружены лошади, а в инвентаре найдены принадлежности конской упряжи. В девяти погребениях содержалось клинковое оружие – кинжалы, фрагменты мечей, ещё в двух были накладки на луки. В погребении 77 на раскопе II обнаружены останки мужчины 30–40 лет в полускорченной позе на спине с подогнутыми ногами. Наряду с мужским инвентарём,

таким как наконечники стрел, оселок, железная пряжка, при нём обнаружены зеркало, пряслице, характерные для женских погребений [Ларенок, 2018]. Все указанные захоронения отнесены автором раскопок к амазонским. Однако, выявленный в мужском погребении 77 комплекс правильнее считать энарейским.

В 1987 г. в кургане 10 Кобковского могильника было обнаружено захоронение представительницы кочевой аристократии высшего ранга. Погребение относится к среднесарматскому периоду и датируется концом I – 1-й четв. II вв. н.э. В головке левой плечевой кости погребённой был зафиксирован обломок железного наконечника стрелы (?), что является свидетельством прижизненного ранения. Всю восточную часть имитирующего сруб погребального щита занимала церемониальная конская упряжь. (Рис. 1, 1).

Миф о женщинах-воительницах, известных под греческим наименованием амазонки, имел широкое распространение в античном мире. Исследователей не могло не заинтересовать соответствие сообщений античных авторов о воинственных женщинах с исторической реальностью. М.И. Ростовцев считал, что сведения о савроматском женовластии вполне реальны и связаны с территорией меотов и соседствующих с ними савроматов. Б.Н. Граков одним из первых начал использовать археологические материалы для подтверждения этих сведений [Граков, 1947]. Его поддержал К.Ф. Смирнов и другие исследователи. В дальнейшем практически до конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого века в археологической литературе превалировало мнение о наличии гинекократии в савромато-сарматской кочевой среде.

Т.В. Богаченко в монографии, посвящённой женщинам-воительницам южнорусских степей, отметила, что образ амазонок зародился задолго до знакомства греков с Северным Причерноморьем. Вслед за другими исследователями, возникновение представлений

об амазонках она св зала с культами плодороди Малой Азии. Оказалось, что при многочисленности сведений об амазонках, содержащихся в дошедшей до нас письменной традиции, все они воспроизводт сложившееся со времён Геродота, псевдо-Гиппократ и Эфора трафаретное описание. С момента возникновения амазонский миф прошёл несколько стадий в своём формировании и развитии. Главный вывод работы Т. В. Богаченко сформулирован следующим образом: женщины-воительницы южнорусских степей не вл лись исторической реальностью, а сведения о них представляют собой «исторический, этнографический и историографический миф, элемент социокультурной действительности, сформировавшийся ещё в трудах древнегреческих авторов и перешедший оттуда в науку современности» [Богаченко, 2017, с. 188, 217–218, 221, 225].

Гипотезу о женщинах-воительницах Б. Н. Граков в значительной мере базировал на рассказе Геродота о происхождении савроматов от браков скифской молодёжи с амазонками [Граков, 1947, с. 100]. А. И. Иванчик вывил в этом рассказе отражение возрастной мужской обр дности, сопоставимой с осетинским институтом *balc*. Текст Геродота содержит описание классического мужского союза, члены которого – проходящие инициацию неженатые мужчины. Они живут отдельно от соплеменников, не владеют ничем кроме кон и оружи , промышл ют охотой и грабежом. Право жениться на амазонках они получали, прожив определённое время жизнью участников балца [Иванчик, 2005, с. 185].

Осетинский *bal* представлял собой долговременный всаднический отрд, осуществл ющий *balc* – конный поход, набег. *Balc* вл лс важнейшим институтом традиционного осетинского мужского воспитания . Мужчина считалс прошедшим все ступени инициации и достигшим зрелости лишь после того, как последовательно прошёл три балца – годичный, трёхлетний и семилет-

ний. Последний был самым престижным. Балцы проводились с военной целью или как грабительский набег. Также они играли роль брачных экспедиций. Мужчины попадали к проживающим под водой амазонкам случайно, но всегда с брачными намерениями. При этом, как правило, им грозила гибель [Чочиев, 1996, с. 19].

Таким образом, брачные отношения с обитающими в загробном мире или под водой амазонками следует рассматривать как элемент инициации, св занной с переходом в разрд половозрелых мужчин, которая мыслилась происхождением в ином, потустороннем мире.

Вывод М. И. Ростовцева о том, что легенды о женщинах-воительницах совпадают с областями, где существовал культ Великой богини, получил развитие в работах И. Ю. Шауба. Анализ многочисленных археологических материалов, происходящих с территории Северного Причерноморья, подкреплённый данными письменных источников указывает на то, что амазонки вл лись служительницами культа Великой богини в её загробном аспекте. Были известны св ценные предания о военных подвигах малоазийской Великой богини. Воинственность – сама древняя, главная и определяющая черта амазонок античной традиции. Специфической чертой амазонок вл лась их андрогинность, которая проявлялась в занятиях мужскими делами и ношении мужской одежды. Амазонки хтоничны, св заны с загробным миром и смертью. Двойная секира, которая вл лась одним из основных символов малоазийской Великой богини, – наиболее характерное оружие амазонок. «Корона амазонок» естественным образом св заная с конём [Шауб, 2007, с. 108–110, 379].

На изобразительных памятниках вооружение амазонок представлено копьем, луками, иногда мечом или топором, как правило, обоюдоострым. В женских погребениях скифских и раннесарматских могильников с предметами воо-

ружени чаще всего встречаются наконечники стрел, реже – остатки луков, мечи, совсем редко – копья или их вставки. В погребениях сарматских культур среднего и позднего периодов в женских погребениях находят топоры.

Из вышеизложенного следует, что, хотя в погребении из 10-го Кобковско-го кургана нет ни клинкового оружия, ни лука, ни даже наконечников стрел, зафиксированный погребальный образ представляет собой ркий «амазонский» комплекс. Конская упряжка маркирует связь с конём и «амазонской конной ратью». Обнаруженный в инвентаре погребения железный двулезвийный топор, мог использоваться и в качестве ударного оружия, и в качестве орудия жертвоприношения. Двулезвийный топор в данном контексте следует рассматривать как аналог двойной секиры, служившей оружием амазонок и символом Великой богини. Андрогинизм погребённой проявляется в наличии инвентаря, более характерного для мужских, чем для женских погребений, например, инсигний власти, конской упряжки, оселки. Кроме того, зафиксировано ранение в левое предплечье.

В результате истолкования серии древнеиндийских мифологических и ритуальных терминов, образованных от *asva* – «конь», В.В. Иванов обосновал эквивалентность женщины и мирового дерева. Целый ряд мифологических образов следует считать частями единого круга ритуальных и мифологических символов, находящихся в соответствии во многих индоевропейских традициях. Таковыми являются девушка (антропоморфная жертва-пуруша) у мирового дерева, конь (древняя замена пуруши) как мирового жертва у жертвенного столба, птицы-близнецы в кроне дерева или над ним [Иванов, 1974, с. 78, 137].

Погребальные одежды покойницы из Кобковско-го кургана свидетельствуют о связи с мировым деревом, и даже о тождестве с ним. Покойница как бы «наражена золотым деревом». Её одежда

в районе грудной клетки расшита золотыми блещками в виде шестилепестковых розеток. На обшлаге рукавов нашиты блещки в виде розеток с двулистником и блещки полусферической формы. Головной убор украшала золотая аппликация с сюжетной композицией «птицы и копытные (олени) у мирового дерева».

Уборы с подобными композициями, обнаружены исключительно в женских элитных захоронениях среднесарматского периода. Элементы композиции – мировое дерево, птицы, олени, козлы – составляют верхний фриз золотой диадемы из кургана Хохлач (рис. 1, 2). Центральным персонажем диадемы-короны следует считать женское божество. Изображение божества расположено под центральным деревом верхнего фриза короны. Для воплощения образа богини была вторично использована вырезанная античным мастером из двухцветного камня скульптурная женская головка. На изделии она вставлена в золотую оправу в виде хитона. И.П. Засецка установила, что эллинистический образ скульптурной головки был подвергнут изменению. Первоначально причёска скрыта золотым венцом, в виде крупного овального граната, обрамлённого с двух сторон листьями сельдерея, и дополнена двумя длинными локонами или косами [Засецка, 2011, с. 21, 33, 62].

В результате произведённых манипуляций головной убор богини был дополнен изоморфными мировому дереву элементами. Переделки выполнены для того, чтобы подчеркнуть её связь с мировым деревом. И.П. Засецка полагает, что на диадеме из Хохлача представлена Афродита, в пользу чего свидетельствует фигурка Эроса, которая, очевидно, также входила в состав украшений головного убора, или один из её восточных аналогов, связанных с функцией плодородия [Засецка, 2011, с. 78]. Кроме связи с водным началом и загробным миром, для культа Афродиты был характерен андрогинизм [Шауб, 2007, с. 326–327].

В погребении 77 раскопа II некропол Коб кова городища захоронен мужчина, который, очевидно, в силу каких-то обстоятельств не смог пройти возрастную инициацию и в результате не попал в группу половозрелых мужчин. Кроме того, он мог быть выведен из этой группы по возрасту или же его энарейство изначально имело культовый характер. Энаре ми у Геродота названы скифские мужчины, страдающие «женской болезнью». Сообщается, что «женской болезнью» их покарала Афродита, превратив в наделённых даром прорицания энареев.

Выявленные в некрополе Коб кова городища погребения, в ритуале которых фиксируется не только «амазонский», но и «энарейский» комплекс следует рассматривать как свидетельство отправления культа Великой богини-матери, многочисленную свиту которой составили андрогинные персонажи – энареи и амазонки. Из «амазонских» погребений 41 на раскопе I (рис. 1, 3) и 86 на раскопе II происходит геммы с изображением Афины. Великое женское божество меотского населения Коб кова городища, видимо, ассоциировалось с Афиной. Древними чертами Афины являлись воинственность, хтоничность,

и, возможно, покровительство коневодству [Шауб, 2007, с. 360].

Представляется, что амазонки и профессиональные женщины-воительницы, вовсе не одно и то же. «Амазонский комплекс», который фиксируется в погребальном обряде некоторых захоронений, имеет культовый характер и является свидетельством почитания Великого женского божества, связанного с мировым деревом или его аналогом, плодородием и загробным миром, а не признаком участия женщин в каких-либо военизированных формированиях. Выявленные женские погребальные комплексы с оружием следует рассматривать в качестве захоронений служительниц культа Великой богини-матери, свиту которой составили лица с изменённым полом. Сведения, содержащиеся в письменных источниках, указывают на то, что амазонки, как служительницы Великой богини в её загробном аспекте, принимали участие в обрядах инициаций неженатых мужчин-воинов. Такие атрибуты, как лук со стрелами или копье, зачастую связывались с любовной символикой. В результате культ Великой богини оказывался тесно переплетённым с воинскими и брачными ритуалами, что и получило отражение в погребальной обрядности.

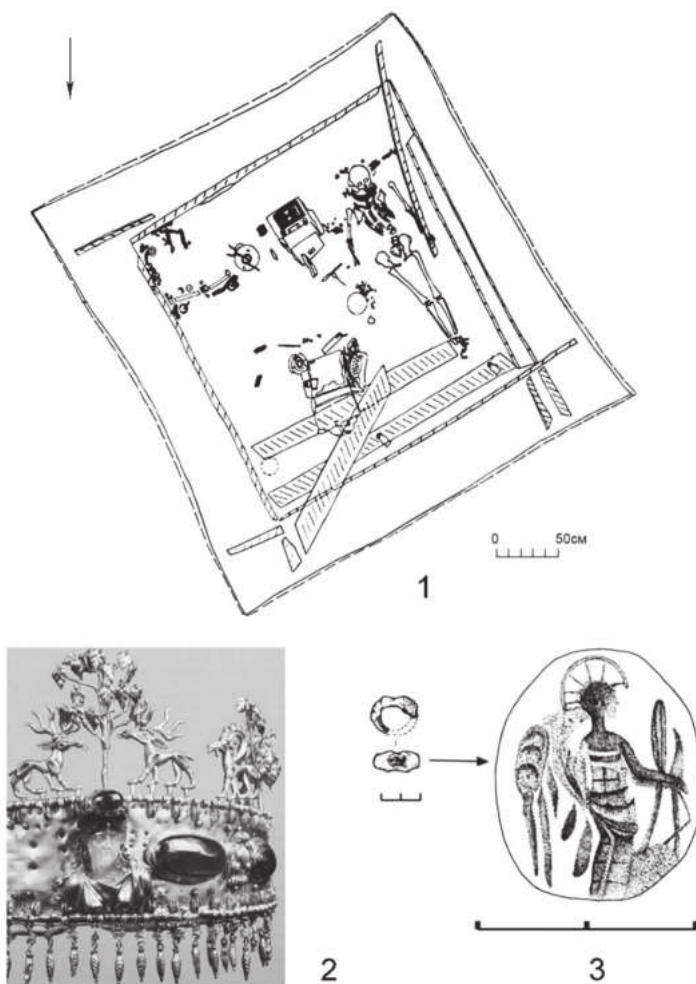

Рис. 1. «Амазонский комплекс» в погребальной обр дности.

1 – план погребени из 10-го Коб ковского кургана. 2 – диадема из кургана Хохлач (фрагмент). 3 – перстень с геммой из погребени 41 некропол Коб кова городища (по В. А. Ларенок, 2021, табл. 24, 12)

Список литературы

Батиева Е. Ф. Население Нижнего Дона в IX в. до н.э. – IV в. н.э. (палеоантропологические исследования). Ростов-на-Дону, 2011. 160 с.

Богаченко Т. В. Исторические основы сказаний о женщинах-воительницах южнорусских степей. Ростов-на-Дону; Таганрог. 2017. 267 с.

Граков Б. Н. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. №3. С. 100–121.

Засецкая И. П. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб., 2011. 328 с.

Иванчик А. И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и истори. Москва, Берлин, 2005. 311 с.

Каменецкий И. С. Городища донских меотов. М., 1993. 176 с.

Ларенок В. А. Оружие в женских погребениях некропол Коб кова городища // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2018. С. 432–449.

Чочиев А. Р. Нарты – арии и арийская идеология. Кн. 1. М., 1996. 504 с.

Шауб И. Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н.э. СПб., 2007. 484 с.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОГО НЕКРОПОЛЯ ФАНАГОРИИ

© Сударев Николай Игоревич

Институт археологии РАН, г. Москва, sudarev@list.ru;

© Иванов Алексей Владимирович

ООО «Южный региональный центр археологических исследований»,
г. Краснодар, ivanov_arch@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена исследованию, проведённым в 2012 г на Юго-Восточном некрополе Фанагории. На основе датированных погребальных комплексов выявлена структура некрополя, уточнены границы в разные периоды его существования. Обзор памятника приводит исследователей к выводам о том, что это не один, а четыре разделённых во времени и территориально участка некрополя, связанные с одной дорогой в Фанагорию. Наиболее ранний некрополь возникает в начале V в. до н.э., второй участок датируется III–II вв. до н.э., следующей группой являются погребения II в. н.э., четвёртую группу составляют погребения конца III – начала V в. н.э. Сравнение различных некрополей Боспора с исследованным участком некрополя Фанагории позволило выделить группу родственных некрополей, относящихся по комплексу признаков к единой «фанагорийской» группе.

Ключевые слова: Фанагория, некрополь, погребения, раскоп, курганы.

Abstract. The work is devoted to research conducted in 2012 at the South-Eastern necropolis of Phanagoria. On the basis of dated burial complexes, the structure of the necropolis is revealed, the boundaries are specified in different periods of its existence. A review of the monument leads the researchers to the conclusion that this is not one, but four sections of the necropolis separated in time and territorially, connected with one road to Phanagoria. The earliest necropolis appears at the beginning of the 5th century. BC, the second site dates back to the III–II centuries. BC, the next group is the burials of the II century. AD, the fourth group is the burials of the end of the 3rd – beginning of the 5th century. AD Comparison of various necropolises of the Bosphorus with the studied area of the Phanagoria necropolis made it possible to identify a group of related necropolises that belong to a single «Phanagorian» group according to a set of features.

Keywords: Phanagoria, necropolis, burials, excavation, burial mounds.

Данная работа посвящена участку некрополя VI в. до н.э. – V в. н.э. на юго-восточной окраине Фанагории¹, значительная часть которого относится к VI–III вв. до н.э. Этот хронологический отрезок, надо сказать, довольно слабо представлен в некрополе Фанагории. В связи с этим стоит вопрос о выявлении

места этого участка в системе других некрополей Боспора и греческой ойкумены.

В последние годы на территории Азиатского Боспора и ближайших варварских территорий было раскопано более десятка поселений и некрополей местного населения IX–IV вв. до н.э. [Иванов, Сударев, 2018, с. 179–184; Сударев, 2020,

¹ Авторы выражают глубокую благодарность В.Д. Кузнецову за возможность опубликовать данные материалы.

с 68–79; Sudarev et al., 2021, p. 43–72; Клемешова и др., 2021, с. 59–73, Иванов, Сударев, Кашаев, 2021, с. 145–153; Кашаев, Сударев, 2021, с. 169–178;]. Это позволяет существенно расширить источниковедческую базу для выявления варварских черт и влияний в погребальных обрядах городов Боспора, и Фанагории, в частности. Одновременно на территории Азиатского Боспора было исследовано значительное количество погребений и некрополей античного времени, что позволяет увеличить базу для сравнения некрополя Фанагории с окружающими некрополями [Мимоход и др., 2019, с. 120–144; Сударев, Кашаев, 2020, с. 173–202; Берлизов, Сударев, 2022, с. 60–72; Сударев, Цокур, 2022 и др.].

Исследованный участок расположен на ЮЗ окраине пос. Сенной, у трассы Сенной-Вышестеблиевска. На заложенных здесь раскопах (рис. 1) было исследовано 164 погребения, из которых к 1-й пол. V в. до н.э. относятся 23 погребения; ко 2-й пол. V в. до н.э. – 4 погребения; к IV в. до н.э. – 31 погребение; к IV–III вв. до н.э. – 3 погребения; к III в. до н.э. – 7 погребений; к III–II вв. до н.э. – 24 погребения; ко II в. до н.э. – 5 погребений; к первым векам н.э. – 4 погребения; ко II в. н.э. – 34 погребения. Поздней античностью и эпохой Великого переселения народов датируются 10 погребений.

На территории участка визуально выделены две параллельные гряды по линии З–В. По всей видимости, между ними в древности проходила дорога, следы которой в виде неглубокой ложбины видны на местности, и в виде полосы более тёмного цвета прослеживаются на аэрофото- и космоснимках. Дорога проходила от балки, отделяющей восточную окраину городища² [Паромов, 1993, с. 125, № 23] от Восточного некрополя [Паромов, 1993, с. 128, № 34], по юго-западной границе пос. Сенной в сторону пос. Солёный и далее, по переиме, отделяющей оз. Яновского от Ахтанизовского Лимана – на юго-восток в сторону

переправы через пойму Кубани в районе х. Белый. Вдоль этой дороги располагался некрополь. Однако, в процессе работ было выявлено, что он не сплошной, а представлял собой три разновременных участка, из которых западный – является юго-восточной окраиной некрополя, начинающегося от южной и юго-восточной окраины города. На этом участке (Раскоп 1) исследовано 64 погребения, две тризны, древние траншеи и 2 комплекса. Погребения располагались по обеим сторонам дороги (рис. 2).

Второй участок располагался с южной стороны древней дороги, и к востоку от прохода через участок древнего рва (Раскоп 2). На этом участке было исследовано 70 погребений (рис. 3).

Третий участок располагался на расстоянии около 250 м к востоку от Раскопа 2, на территории, ранее определённой как поселение «Сенной 11». На этом раскопе были выявлены остатки поселения и 12 погребений.

Остальные погребения выявлены в курганах 2–5.

Практически все младенческие погребения на описанных участках совершены в амфорах. В западной части раскопа 1 таких погребений 13. Они в основном датируются III–II вв. до н.э. Исключением является погребение 55, которое совершено в небольшом сырцовом щичке. Остановимся на нём подробнее.

Погребение расположено с севера от древней дороги. Вначале было выявлено погребение 53, совершённое в родосской амфоре. Рядом располагалась ма подпрмоугольной формы с золой, углем и битой керамикой. В СВ части был расчищен скелет собаки, лежавшей на правом боку головой на север, передние лапы подогнуты и уложены перед черепом. Ниже был выявлен небольшой сырцовый щичек с аккуратным отверстием в перекрытии. При разборе сырцового перекрытия, под ним, найден фрагмент бедренной кости младенца.

² Раскоп «Керамик».

Имеющая с конструкци более всего напоминает алтарь-эсхару над погребением младенца. Наличие р дом площадки с битыми сосудами, золы и погребени собаки [Абрамов, Сударев, 2011, с. 337–343], также говорит в пользу некоего особого ритуального предназначени всего этого участка и данного комплекса в частности³.

В религиозном сознании древних греков собака тесно св занана с идеей смерти, она сопутствует божеству, когда особо выдел лс его хтонический аспект. В ней видели один из образов воплощени души человека в виде хтонических собак, и нередко они выступают как спутники Гермеса-Психопомпа, провожающего души умерших в подземное царство [Завойкин, 2006, с. 161]. Занима пограничное положение между жизнью и смертью, собака, как бы выступает предвестником смерти, но и одновременно вл етс существом, сопутствующим возрождению. Собаки также вл лись жертвенными животными в культах Гекаты, Афродиты Урании и других женских божеств [Подробнее об этом, с библиографией, см. Абрамов, Сударев, 2011, с. 337–343].

Следует также отметить и св зь детей с «тем миром», как существ не до конца оттуда пришедших и наход щихс посередине, а потому идеальных в качестве «медиаторов», посланников [Кудр вцева, 2010, с. 36; 2014, с. 102; Белоусов, 2013, с. 63; Михайленко, 2013, с. 61; Franek, Urbanová, 2019, р. 40]. Более того, дл посланий лучше всего подходили именно кладбища и могилы, а в качестве посланников предпочитались «Άφροί» – безвременно ушедшие. В одной из кипрских табличек автор закл ти перечисл ет подход щие виды покойников, к чьим душам следует взывать в подобного рода случа х: «злодейски убитые,

безвременно почившие, скверно погребённые». Души таких безвременно усопших именуютс в прокл ти х особыми терминами – νεκροδαίμονες, άνώνυμοι, άψυχοι. Веро тно, данное «захоронение» и весь этот участок могут быть св заны с некромантией, распространенной в античном мире [Ogden, 1999, р. 17].

Следует отметить, что одно необычное младенческое погребение, также с большой долей веро тности св занное с магией, было исследовано в некрополе КеР⁴ [Сорокина, Сударев, 2001, с. 135–136].

Возвраща сь к детским погребени м в амфорах, следует отметить, что на западном участке они группируются вокруг двух объектов – описанного выше погребени 55 и расположенного чуть западнее «Комплекса Б». Р дом с данным комплексом, справа от входа, находилс каменный алтарь-эсхара. Вокруг него располагались детские погребени в амфорах. Этот комплекс, вместе с алтарем-эсхарой, веро тно, вл лс местом дл тризн и приношений и функционировал с эллинистического времени до первого века н.э. Следует отметить, что аналогичные участки, св заные с тризнами, алтар ми-эсхарами и группирующимися с вокруг них детскими погребени ми, вы влены и в некрополе Виноградный 7 [Сударев, 2016, с. 336–337].

В целом система распределени погребений на раскопе 1 выгл дит следующим образом: практически все младенческие погребени в амфорах, кроме одного (№ 63) расположены к северу от древней дороги и сосредоточены вокруг двух точек – «Комплекса Б» и погребени 55, которое, как мы постарались показать выше, св зано с культовыми действи ми и, возможно, магией и некромантией; к югу от древней дороги, на параллельной ей невысокой гр де расположено 12 погребений, из них к III–II вв.

³ Естественно, все действи , проводимые на территории некропол , в той или иной мере вл ютс ритуальными. В данном случае мы подчёркиваем некое *особое* положение данного участка на территории некропол .

⁴ Погребение 144/82.

до н.э. относятся девять. Иначе говоря, почти все эллинистические погребения «взрослых» (не младенцев) на территории этой части некрополя совершены к югу от дороги. К северу от дороги, рядом с комплексом Б расположено только погребение 35.

Интересна и типология эллинистических погребений на данном участке. Из 9 «взрослых» погребений эллинистического времени, все совершены в одном типе погребальных сооружений – подбойной могиле с сырцовым или комбинированным, сырцово-черепичным закладом (рис. 4, 5). Подбойные могилы на Боспоре встречаются только в конце IV в. до н.э. В эллинистический период они распределяются довольно неравномерно [Сударев, 2010, с. 436–437]. В частности, такие могилы встречены в некрополе Пантикапе, где в IV–II вв. до н.э. их 18; со II в. до н.э. – в некрополе у пос. Пересыпь; в некрополе Фанагории IV–II в. до н.э. их 20⁵. В некрополе Кеп, – их 17. В некрополе Виноградный 7 их количество довольно заметно – 36, но процент от общего количества погребений составил 5,5% [Сударев, Кашаев, 2020, с. 174–175]. То же можно сказать и о некрополе Волна 1. Подбойных погребений там не более 4% от общего числа погребений [Сударев, Цокур, 2022, Т. 2. с. 195]. Ещё одним некрополем, где встречаются погребения с сырцовыми закладами подбойной могилы, является Артющенко 2 [Кашаев, 2020, с. 116]. Там известно 7 подобных погребений. Таким образом, можно отметить, что даже в тех некрополях, где подбойные могилы встречаются, их соотношение с другими типами погребений не превышает 4–6%.

Архитектура подобных сооружений Боспора довольно однотипна. Заметным

отличием погребений Фанагории, Кеп, у пос. Виноградный 7 и Артющенко 2⁶ является то, что почти все заклады выполнены из сырцового кирпича, реже – из комбинированного материала – сырец/солен. В остальных некрополях такие заклады либо не встречаются, либо крайне редки. Так, в некрополе Пантикапе нам известен только один комбинированный заклад⁷.

Таким образом, мы видим, что на данном участке некрополя Фанагории 100% захоронений «взрослых» представлены редким для остального Боспора типом погребальных сооружений – подбойными могилами с сырцовым или сырцово/керамическим закладом. Следует отметить, что все известные ранее на территории некрополя Фанагории подбойные погребения с аналогичным закладом были сконцентрированы на Восточном некрополе, вблизи от той же древней дороги. На территории некрополя Кеп процент таких захоронений высок, но они распространены на всём некрополе. На территории некрополя Виноградный 7 большинство подобных сооружений (20 из 36) сосредоточено на окраине некрополя, на древней дороге, ведущей к Фанагории [Сударев, Трейстер, 2021, с. 195]. Причём там они составляют 30% от общего числа погребений на данном участке⁸.

Важно отметить, что общее между некрополем Кеп, Виноградного 7 и Фанагории не ограничивается только большим количеством одинаковых погребальных сооружений. Параллели видны и в наборе посуды, расположении предметов на площади погребений, одинаковых вещах, выполненных в одних и тех же мастерских и т.д. [Сударев, Кашаев, 2018, с. 197–224]. Например, заметным

⁵ С учётом обследованных на раскопе 1 и одного погребения на раскопе 2 (см. ниже).

⁶ Однако подбойные погребения с сырцовым закладом некрополя Артющенко 2 довольно заметно отличаются по набору инвентаря.

⁷ Нам известно ещё одно погребение с сырцовым закладом из некрополя Волна 1. Однако, пока это погребение не опубликовано.

⁸ Включая младенческие погребения в амфорах.

отличием некропол Кеп от остальных некрополей Боспора является расположение сосудов для жидкостей в головах, тогда, как в остальных некрополях Боспора расположение обычно иное: в ногах или сбоку от погребённого. И именно в этой группе погребений и в некрополе Фанагории и в некрополе Виноградного 7 мы видим ту же традицию⁹. Это позволяет нам выделить участки, оставленные одной группой населения, возможно, выходцами из одного из этих поселений¹⁰.

Переход к остальным погребениям раскопа 1, следует отметить, что в течение более чем двух веков этот участок не использовался, и лишь во II в. н.э. здесь, к северу от древней дороги, было совершено 25 погребений. Ещё через век на этом участке некропол было произведено ещё два захоронения, которые датируются концом III – началом IV вв. н.э.

Завершая описание этого участка, нельзя не остановиться ещё на одном погребении. Это Т-образная катакомба эпохи средней (?) бронзы, расположена практически в центре участка, к северу от дороги. В заполнении входной мы в центральной части расчищены два черепа оленя. Под черепами, на дне входной мы, находился скелет взрослого человека. Кости скелета хорошей сохранности, но череп и нижняя челюсть отсутствовали. Судя по расположению костей, погребённый полусидел скорчено, плечи опирались на северную стенку входной мы. Погребение интересно тем, что расположено около дороги, что, наряду с другими данными подтверждает существование этого пути в эпоху, предшествующую греческой колонизации. Но более интересно то, что погребение акефальное. Подобные погребения

распространены в эпоху бронзы по всему Средиземноморью, известны они и на данной территории в эпоху позднего бронзового века, и в первые века греческого присутствия [См. Иванов, Сударев, 2020, с. 144–151]. Недалеко от этого погребения на раскопе 2 расположено три захоронения черепов, а чуть восточнее, на раскопе 3, акефальное погребение, где вместо черепа был положен череп козла. Южнее, на продолжении этой дороги в сторону поселения Сенной 2 в некрополе Вышестеблиевска 14 выявлено ещё одно ритуальное захоронение черепа, а на перекрестке трёх древних дорог в районе поселения Вышестеблиевска 3 – ритуальный комплекс с эсхарами, votivными приношениями и т.д., сформировавшийся вокруг ритуально погребённого черепа, заранее очищенного и натёртого охрой. Подобные захоронения костяков без черепа или отдельных черепов известны и в некрополях эпохи позднего бронзового века – раннего железного века Анапского и Крымского районов [Иванов, Сударев, 2020, с. 147–148]

Восточнее раскопа 1, на южной границе располагались пять курганов, которые также были подвергнуты раскопкам. Насыпка кургана 4 производилась в два приёма. Под насыпью находились объекты эпохи раннего железного века. Наиболее близкие по структуре и времени сооружения происходят из кургана «Чекучепс 3», которые мы связываем с проведением ритуальных действий [Иванов, Сударев, 2019, с. 250–255].

В следующем, расположенном к востоку кургане 3 было выявлено пять погребений и один объект. Наиболее раннее погребение эпохи бронзы было ограблено ещё в древности. В южной поле кургана

⁹ Отметим, что число таких параллелей значительно больше [См. об этом: Сударев, 2017, с. 525–535]. В частности, одной из особенностей этих двух участков эллинистических некрополей является выделение отдельного участка для погребений детей рядом с комплексом для ритуальных действий. Именно это мы видим на данном участке некрополя Фанагории и ту же картину наблюдаем в некрополе Виноградного 7.

¹⁰ Кажется, что на роль «метрополии» для этой группы населения более всего подходит Кепы, но это тема отдельного исследования.

вы влено два объекта, вероятно связанные с поминальными практиками. Один представлял собой развал камней, углей и фрагментов лепных горшков эпохи позднего бронзового – раннего железного века. Подобные комплексы, расположенные в полах и вокруг курганов, неоднократно описывались нами [Иванов, Сударев, 2012, с. 178–199; Мимоход, Сударев, Успенский, 2019, с. 120–144] и являются отличительной чертой погребальной практики местного населения накануне греческой колонизации. Наибольший интерес представляет погребение женщины в сырцовом щике (рис. 6, 7). Оно было совершено в конце V в. до н.э., и это единственное из группы погребений V–IV вв. до н.э., расположенное западнее оборонительного рва (рис. 8).

В кургане 2, расположенном здесь же, было исследовано шесть погребений и три объекта. Три погребения представляли собой кремации на месте. В погребении 2 была произведена кремация человека, после чего остатки погребального костра и человеческих костей помещены в кувшин, рядом с которым размещался погребальный инвентарь, позднее, совершено подзахоронение урны с кремацией, произведённой на стороне (рис. 9–13). Ещё две кремации представляли собой т.н. «точки» – сожжены на месте с большим количеством разнообразной посуды и пережжёнными человеческими костями. Дата – II в. до н.э. Вероятно, центральным погребением в кургане являлись остатки разграбленного грунтового склепа II в. до н.э. К югу от погребения расчищены кости лошади с незначительным инвентарём того же времени [Кашаев и др., 2020, с. 82–96]¹¹. Ещё одно синхронное погребение лошади выявлено в восточном секторе кургана.

Несомненный интерес представляет также погребение 4, выявленное в западной части кургана. Оно было соверше-

но в простой могильной яме, перекрытой четырьмя каменными надгробиями т.н. «синдского» типа (рис. 14). В первые века нашей эры на территории Боспора и в Фанагории, в частности, по-прежнему обряд «запечатывания» погребальных сооружений надгробиями, их частями, антропоморфами и т.д. Видимо, это связано с воззрениями, что подобные предметы имеют охранительную силу и способны «не пустить» покойного обратно в мир живых. Особенно часто они коррелируют с детскими погребениями, но встречаются также как заклады в склепах, подбохи и т.д. Вероятно, перед нами именно такой, «опасный» покойник. Он явно был похоронен в первые века н.э., причём на значительном удалении от остальных погребений этого времени и тщательно «запечатан» оказавшимися в близости надгробиями. Вероятно, надгробия связаны с описанными кремациями II в. до н.э.

Восточнее кургана 2 располагался курган 1. В процессе работ удалось выяснить, что на нём и восточнее него расположен некрополь V–III вв. до н.э. который был накрыт раскопом 2 (рис. 3). Курган 1 в восточной части прорезан ровом, что отлично видно в стратиграфическом разрезе. Все погребения V–IV вв. расположены к востоку от рва. Вероятно, уже в IV в. до н.э. ров перестаёт функционировать.

Интересна хронология этого участка и соотношение его с остальными архаическими и раннеклассическими погребениями Фанагории. До этих работ в грунтовой некрополе Фанагории было известно всего четырнадцать погребений VI–V вв. до н.э., а захоронений IV в. до н.э. – только шесть [Завойкин и др., 2016, с. 110–207]. Наиболее ранние погребения на южной окраине города датируются примерно 520-ми гг. до н.э., наиболее поздние – началом V в. до н.э. (ок. 480 г. до н.э.) [Завойкин, Колесников,

¹¹ Такие погребения с лошадьми встречались также в некрополе Волна 1 и Артющенко 2, однако, в более раннее время.

Сударев, 2016, с. 199]. На исследованном участке ина ситуаци .

Здесь наиболее ранние – это детские погребени в амфорах. Два погребени в хиосских пухлогорлых амфорах¹² (Тип III-A по типологии С. Ю. Монахова) [Монахов, 2003, с. 16, табл. 4.6] и одно¹³ – в амфоре на сложнопрофилированной ножке второй серии [Монахов, 2003, с. 39, табл. 23.5]. Оба этих типа амфор датируются довольно широко – от последней четв. VI в. до н.э. до начала V вв. до н.э. Самые ранние погребени взрослых на данном участке датируются с 2-й четв. V в. до н.э. Исход из датировки участка, мы видим, что в то время, когда прекращается использование некропол на Южном городе, начинает действовать юго-восточный участок некропол . Складываетс впечатление, что некрополь переноситс на некоторое отдаление от городской застройки с учётом возможного расширени городских кварталов. Веро тно, это св -зано с экстраординарным увеличением числа жителей Фанагории в самом конце VI – начале V вв. до н.э. [Завойкин, Кузнецов, 2012, с. 132–133; Завойкин и др., 2016, с. 199].

Все младенческие погребени на этом участке совершены в амфорах. Это несколько отличает их от погребений младенцев на некрополе «южный город», где встречаются и младенческие погребени в простых могильных мках [Завойкин и др., 2016, с. 188]. На некрополе зафиксированы погребени , совершённые как по обр ду ингумации, так и кремации. Кремации датируются от рубежа V–IV до II вв. до н.э. [Егорова, Сударев, 2023, с. 81]. В некрополе на территории Южного города кремаций не вы влено. Известные из материалов раскопок Фанагории кремации происход т из подкурганных погребений [Сударев, 2004,

с. 217–218; Паромов, 2004, с. 291], и датируются не ранее IV в. до н.э.¹⁴

Следует отметить, что кремации довольно редки в некропол х Азиатского Боспора, в основном они по вл ютс с IV в. до н.э., преимущественно в курганных некропол х [Сударев, 2004, с. 216–218]. На данном участке встречено семь кремаций, из которых четыре относ тс к IV в. до н.э. и три ко II в. до н.э. Все они совершены на курганах. В некрополе Фанагории процент кремаций на прот жении IV–III вв. до н.э. значителен [Сударев, 2010, с. 441], что объ сн етс сравнительно небольшой выборкой погребений этого времени на грунтовом участке некрополе и частотой кремаций в подкурганных захоронени х. Несмотря на то, что в большей степени кремации не вл лись основными погребени м в курганах, вр д ли следует оспаривать тот факт, что в первую очередь курганы вл лись семейными усыпальницами зажиточных слоёв населени . Представители этих социальных групп не только имели больше финансовых возможностей дл совершени кремаций, но, веро тно, имели тесные св зи с Пантикапеем, в котором кремаци всегда занимала существенное место. Иными словами, по вление кремаций в курганном некрополе Фанагории в IV в. до н.э., веро тно, св зано с вхождением Фанагории в состав Боспорского царства, что может пролить свет на происхождение верхушки фанагорийского общества с IV в. до н.э. В этой св зи следует отметить, что во врем раскопок одного из курганов в районе мыса Ак-Бурун в 2017 г. С. М. Иль шенко была обнаружена кремаци , до мелочей аналогична погребению 33 исследуемого участка. Причём речь идёт не только о детал х обр да, но, что особенно

¹² Погребени 1 и 17

¹³ Объект 1.

¹⁴ Возможно, наиболее ранней вл етс кремаци в кургане 1960 г. в пос. Сенной, однако, суд по описанию, и оно вр д ли датируетс ранее конца V в. до н.э.

интересно, о наборе, типах и формах используемого инвентар [Егорова, Сударев, 2023, с. 81].

Уже с начала 2-й четв. V в. до н.э. на раскопе 2 встречаются погребения в сырцовых циках (рис. 15–16). На данном участке их исследовано четырнадцать [Иванов, Сударев, 2023, с. 187]. До этого подобные захоронения в раннем некрополе Фанагории не фиксировались [Завойкин и др., 2016, с. 188]. Такие погребения довольно широко распространены в некрополях Азиатского Боспора, особенно в группе некрополей юго-западной части полуострова (в Гермонассе, у м. Тузла, у м. Панаги, Артющенко 2, Волна) и некрополя «фанагорийской группы» (Виноградный 7, Виноградный Северо-Восточный и т.д.) [Сударев, 2010, с. 431; Сударев, Кашаев, 2020, с. 26–46; Берлизов, Сударев, 2021, с. 60–72; Иванов Сударев, 2023, с. 200]. Однако, несмотря на то что в обеих группах встречаются погребения в сырцовых циках, по конструктивным элементам они довольно сильно отличаются. Так, в некрополе Фанагории ни разу не встречены равноуровневые сырцовые могилы, характерные для некрополей Артющенко 2 и Волна 1 [Сударев, Кашаев, 2019, с. 26–46], а также парные или многократные погребения в сырцовых циках. С другой стороны, в некрополе Фанагории довольно часто встречаются мки под ножки клине или саркофагов, в то время как в некрополях Волны и Артющенко мы видим преимущественно траншейки¹⁵ [Мимоход и др., 2019, с. 120–144; Сударев, Кашаев, 2019, с. 26–46]. Практически все сырцовые цики в некрополях Волны и Артющенко имеют прямоугольную форму, тогда как в некрополе «фанагорийской» группы встречаются квадратные, овальные конструкции, а также конструкции со стенами только с трёх сторон.

Помимо того, в восточной части раскопа исследован один каменный щик. Подобных конструкций также не было известно на некрополе Южного города. К сожалению, щик ограблен, но по остаткам инвентаря его можно датировать в пределах 2-й четв. V в. до н.э. На территории Европейского Боспора и в некрополе «Анапского полиса», т.е. на территории богатой камнем, подобные сооружения появляются уже в VI–V вв. до н.э., а начиная с IV в. до н.э., т.е. со времени объединения Боспора в единое государство, они распространяются и на территорию Азиатского Боспора. Однако, если в Пантикапее они в IV в. до н.э. являются вторым по популярности типом погребальных сооружений, опережая погребения в простых грунтовых ямах без перекрытия, то на Азиатской стороне, они остаются довольно редкими [Сударев 2010, с. 431]. Чаще подобные сооружения выявлены в курганных некрополях Тамани, в то время как в некоторых грунтовых некрополях (например, в грунтовом некрополе Кеп) они не известны совсем. Такие цики широко известны в греческом мире, в том числе в Ионии, Милете и Абдерах [Сударев, 2010, с. 431]. На данный момент это самое раннее подобное сооружение в некрополе Фанагории и одно из самых ранних на территории Азиатского Боспора.

Кроме прочего, следует остановиться ещё на одном погребении – №42. Это подбойная могила последней трети IV в. до н.э., совершённая в подбой без заклада. Сейчас это самая ранняя могила в некрополе Фанагории. Наиболее близкой аналогией этому погребению является погребение 352/32 некрополя Кеп.¹⁶

Все погребения на данном участке некрополя расположены к югу от древней дороги, на противоположной стороне ни одного погребения не выявлено.

¹⁵ Отметим, что в некрополе Фанагории известны и траншейки под ножки клине.

¹⁶ Отметим, что часть погребений некрополя Волна 1, вероятно, относится к этой же типологической и хронологической группе погребений.

Таким образом, нам удалось подробно проанализировать и датировать погребени и погребальные сооружения участка юго-восточного некропол Фанагории, вывить структуру некропол в разные периоды, вывить, что данный некрополь возник вдоль дороги, которая существовала ещё с эпохи бронзы. Кроме того, уточнены границы некропол в разные периоды его существования. Практически перед нами не один, а четыре разделённых во времени и, отчасти, территориально участка некропол, свзанные с одной дорогой в Фанагорию. Наиболее ранний некрополь возникает на этом месте в начале V в. до н.э., вероятно, в связи с притоком новых поселенцев и расширением территории города. Его западной границей служит ров, пересекающий участок с севера на юг. Однако этот ранний некрополь не монолитен, он, в свою очередь, разбит на участки, между которыми погребени отсутствовали. Не исключено, что они группировались вокруг курганов более раннего времени. Второй участок датируется III–II вв. до н.э. и расположен, главным образом, в западной части исследованной территории, не пересекая границу более раннего некропол. Он также расположен вдоль дороги и представляет собой компактную группу однотипных сооружений, расположенную в юго-западной части исследованной территории к югу от дороги. Детские погребени в амфорах этого времени сгруппированы на противоположной стороне дороги вокруг ритуальных комплексов.

Следующей компактной группой являются погребени II в. н.э. все они расположены только к северу от дороги в северо-западной части раскопанной территории. И четвёртой группой являются погребени конца III – начала V вв. н.э.,

которые также привязаны к дороге, но не образуют какого-то участка.

Сравнение различных некрополей Боспора с некрополем Фанагории, и в первую очередь с исследованным участком, позволило выделить группу родственных некрополей, относящихся по комплексу признаков к единой «фанагорийской» группе. Это в первую очередь некрополи Фанагории, Кеп, Виноградного 7 и Вышестеблиевской 14 (Сенной 2), а также, с оговорками, – некрополи у пос. Пересыпь и Виноградного Северо-Восточного. Их общность проявляется, начиная с V в. до н.э. Это приводит нас к заключению, что уже в раннее время полис Фанагории занимал не только территорию собственно города Фанагории, но и ближайшие стратегические пункты на древних дорогах и контролировал эти пути. Последние исследования в районе переправы у х. Белый позволяют говорить, что уже с IV в. до н.э. Фанагория могла контролировать и древнюю переправу через Палео-Кубань, которая существовала в том месте¹⁷ [Поротов и др., 2021, с. 335–344; Сударев и др., 2020, с. 3–15; Sudarev et al. 2021, p. 60].

Особенно интересно, что удалось проследить не просто взаимосвязи между некрополми, но и связи на уровне отдельных участков на разных некрополях, в том числе, и на уровне культовых практик. Всё это показывает нам особое место некропол Фанагории в системе некрополей Азиатского Боспора, позволяет сделать выводы о территориальных, входивших в фанагорийский полис и следах взаимодействия Фанагории с местным населением на разных этапах существования полиса и взаимодействия с другими поселениями в более поздние периоды.

Исследование выполнено в рамках гранта РФФ №23-18-00196 «Комплексные исследования нового городского некропол архаического и классического времени Волна 1 на территории Азиатского Боспора»

¹⁷ На месте выхода от переправы на Таманский полуостров северо-восточнее х. Белый в последние годы был исследован некрополь Белый 3–4. Он демонстрирует те же наборы погребальных сооружений и погребального инвентаря, что и некрополи группы «фанагорийских». Благодарю А. Магир-Кирсанову за любезные консультации.

Список литературы

Абрамов В. В., Сударев Н. И. Жертвоприношение собаки на поселении Береговой 4: ещё один сюжет в сакральной жизни Боспора // Боспорский феномен: население, языки, контакты. СПб., 2011. С. 337–343.

Белоусов А. В. Нова магическа надпись из некропол Пантикапе (предварительное сообщение) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Т. 17. М., 2013. С. 59–65.

Берлизов А. Н., Сударев Н. И. Погребальные обряды некрополей Виноградный 7 и Виноградный северо-восточный во второй половине V–IV вв. до н. э. // Археологические вести. Вып. 35. СПб., 2022. С. 60–72.

Егорова Т. В., Сударев Н. И. Расписная и чернолаковая керамика из трёх комплексов кургана 1 Юго-Восточного некропол Фанагории (раскопки 2012 года) // Международные отношения в бассейне Чёрного моря. Античное и средневековое время: Материалы XIII научной конференции. Ростов-на-Дону; Таганрог, 2023. С. 78–83.

Завойкин А. А. Два сюжета в комплексе терракоты на святилище элевсинских богинь (Береговой 4) // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Памятники Н. П. Сорокиной. Труды ГИМ. № 159. М., 2006. С. 158–168.

Завойкин А. А., Колесников А. Б., Сударев Н. И. Позднеархаические погребения на «Южном городе» Фанагории // Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 2. (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 4) М., 2016. С. 110–207.

Завойкин А. А., Кузнецов В. Д. Некоторые проблемы археологической топографии Фанагории // XIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанистики. Керчь, 2012. С. 130–146.

Иванов А. В., Сударев Н. И. К вопросу о догреческом населении Таманского полуострова // Древности Боспора. Т. 16. М., 2012. С. 178–199.

Иванов А. В., Сударев Н. И. О двух необычных объектах, исследованных в Синдикее // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. Симферополь; Керчь, 2019. С. 250–255.

Иванов А. В., Сударев Н. И. Акефальное погребение рубежа V–IV вв. до н. э. некропол Фанагории // XXI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте. Симферополь; Керчь, 2020. С. 144–151.

Иванов А. В., Сударев Н. И. Каменный склеп в кургане у хутора Розы Люксембург в Анапском районе // Античные реликвии Херсонеса: Открытия, находки, теории. Материалы научной конференции. Севастополь, 2021. С. 122–127.

Иванов А. В., Сударев Н. И., Кашаев С. В. Поселение и могильник у хут. Вестник // XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты. Симферополь; Керчь, 2021. С. 145–153.

Иванов А. В., Сударев Н. И. Сырцовый кирпич в строительной традиции и погребальной практике древней Греции и на Боспоре // Древности Боспора. Т. 28. М., 2023. С. 178–217.

Кашаев С. В. Некрополь Артющенко-2. Результаты работ 2003–2019 гг. // Боспорские исследования. № 41. Симферополь; Керчь, 2020. С. 112–132.

Кашаев С. В., Мимоход Р. А., Сударев Н. И. Погребения с лошадьми в некрополях Волна 1 и Артющенко 2 // Археологические вести. № 30. СПб., 2020. С. 82–96.

Кашаев С. В., Сударев Н. И. Традиции погребений в сырцовых гробницах в некрополе Таманского полуострова Артющенко-2 и Виноградный-7 // Боспорские исследования . № 40. Симферополь; Керчь, 2020. С. 26–46.

Кашаев С. В., Сударев Н. И. Материалы эпохи бронзы на поселении Артющенко 2 // XXII Боспорские чтения . Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья . Новые открытия , новые проекты. Симферополь; Керчь, 2021. С. 169–178.

Клемешова М. Е., Мимоход Р. А., Сударев Н. И. Горизонт погребений эпохи поздней бронзы в некрополе античного времени Волна-1 на Таманском полуострове // РА. 2021. № 1. С. 59–73.

Кудрявцева Т. В. Судебная магия в классической Греции // Вестник РГГУ. Серия : Литературоведение. Языковедение. Культурологи . 2010. № 10 (53). С. 31–63.

Кудрявцева Т. В. Идеи правосудия и справедливости в античных магических табличках: сравнительно-исторический аспект // Религии . Церковь. Общество. 2014. № 3. С. 98–114.

Мимоход Р. А., Сударев Н. И., Успенский П. С. Исследования грунтового некрополя Волна 1 в 2017 г. // Причерноморье в античное и раннесредневековое время . Вып. 2. Сборник научных трудов, посвященный 70-летию профессора В. П. Копылова. Ростов-на-Дону, 2019. С. 120–144.

Михайленко А. В. Таблички проклятий как источник для изучения социальной жизни в Древней Греции // Вестник СПбГУ. Серия : История . 2013. № 2. С. 60–68.

Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. Москва; Саратов, 2003. 352 с.

Паромов Я. М. Археолого-топографический план Фанагории // Боспорский сборник. Том 2. М., 1993. С. 111–148.

Паромов Я. М. Курганный некрополь Фанагории (общая характеристика) // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004. С. 287–292.

Поротов А. В., Сударев Н. И., Гарбузов Г. П. Некоторые результаты изучения палеогеографического развития дельты Кубани в античное время // XXII Боспорские чтения . Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья . Новые открытия , новые проекты. Симферополь; Керчь, 2021. С. 335–344.

Сорокина Н. П., Сударев Н. И. Предметы, связанные с культами и магией из погребений кепского некрополя VI–II вв. до н. э. // Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб., 2001. С. 133–139.

Сударев Н. И. Часть XI. Религии . Погребальные обряды. Глава 2. Некрополи и погребальные обряды // Античное наследие Кубани. Т. II. М., 2010. С. 418–472.

Сударев Н. И. Погребения некрополя «Виноградный 7» (раскопки 2015–2016 гг.) // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола. СПб., 2016. С. 333–340.

Сударев Н. И. «Торговля : пути-товары-отношения » через призму изучения погребальных памятников Азиатского Боспора // XVIII Боспорские чтения . Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья . Торговля : пути-товары-отношения . Симферополь; Керчь, 2017. С. 525–535.

Сударев Н. И. Историография изучения памятников эпохи поздней бронзы – раннего железного века Таманского полуострова // XV Всероссийская археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы». Материалы конференции. Ростов-на-Дону; Таганрог, 2020. С. 68–79.

Сударев Н. И., Кашаев С. В. Импортные мегарские чаши из некрополя у поселения Виноградный-7. // Боспорские исследования . Вып. 37. Керчь, 2018. С. 197–224.

Сударев Н. И., Кашаев С. В. Результаты исследования поселения Виноградный-7 в 2015–2016 гг. // Боспорские исследования. Вып. 41. Симферополь; Керчь, 2020. С. 173–202.

Сударев Н. И., Поротов А. В., Гарбузов Г. П. Таманский полуостров и Северо-Западное Предкавказье: этнокультурные миграции в контексте динамики палеогеографических условий в эпохи бронзы-раннего Средневековья // Боспорские исследования. Вып. 41. Симферополь; Керчь, 2020. С. 3–15.

Сударев Н. И., Трейстер М. Ю. Медальон с изображением богини и знаков зодиака из некрополя Виноградный 7 // Нурапис. Труды отдела классической археологии ИА РАН. 2021 Т. 3. С. 193–217.

Цокур И. В., Сударев Н. И., Шаров О. В. Волна 1. Некрополь архаического – эллинистического периодов на Таманском полуострове: В двух частях. Ч. 1. Материалы спасательных археологических исследований. Т. 30. Ч. 1. М., 2022. 400 с.

Franek J., Urbanová D. “May Their Limbs Melt, Just as This Lead Shall Melt...”: Sympathetic Magic and Similia Similibus Formulae in Greek and Latin Curse Tablets (Part 1) // *Philologia Classica*. 2019. Vol. 14. №1. P. 27–55.

Ogden D. Binding Spells: Curse Tablets and Voodoo Dolls in the Greek and Roman Worlds // *Witchcraft and Magic in Europe: Ancient Greece and Rome*. Philadelphia. 1999. P. 3–90.

Sudarev N. I., Garbuzov G. P., Ivanov A. V., Kargin Yu. Yu., Mataev V. V., Voronin K. V. The Asian Bosphorus before and during the Greek Colonization // *An den Ufern des Bug. На берегах Бугу. Deutsch-ukrainische Ausgrabungen in Olbia Pontike im Kontext internationaler Forschungen zu antiken Migrationsprozessen*. Bonn 2021. Pp. 43–72.

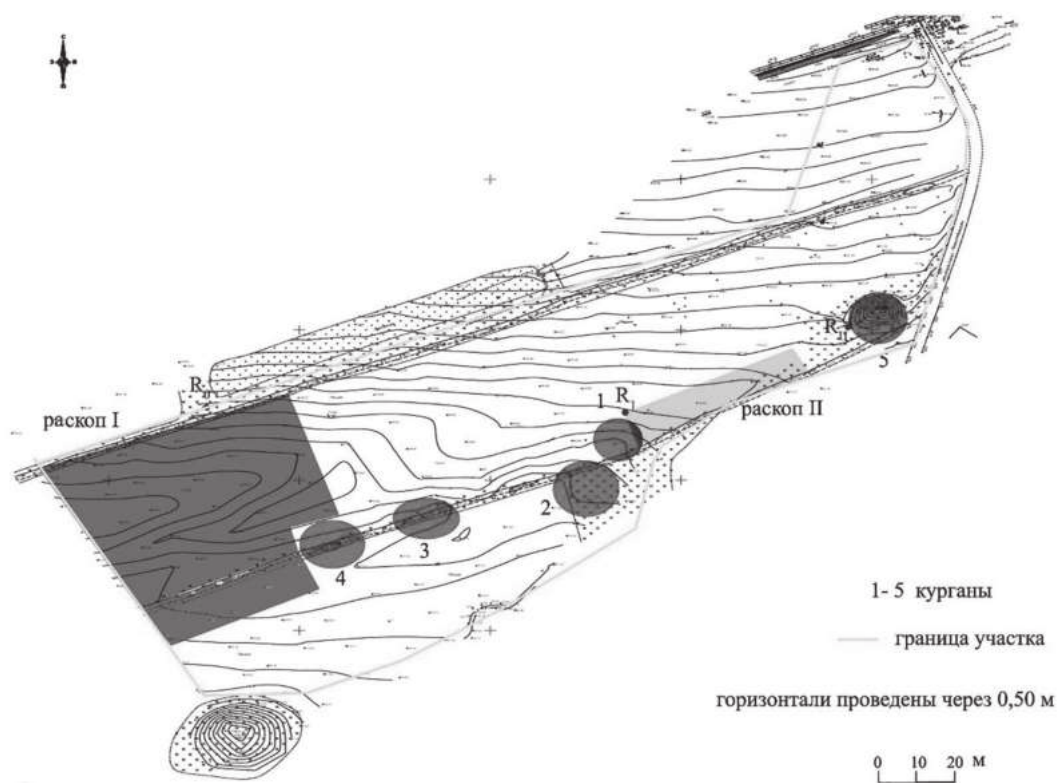

Рис. 1. Топографический план участка с раскопами и курганами, исследованными в 2012 г.

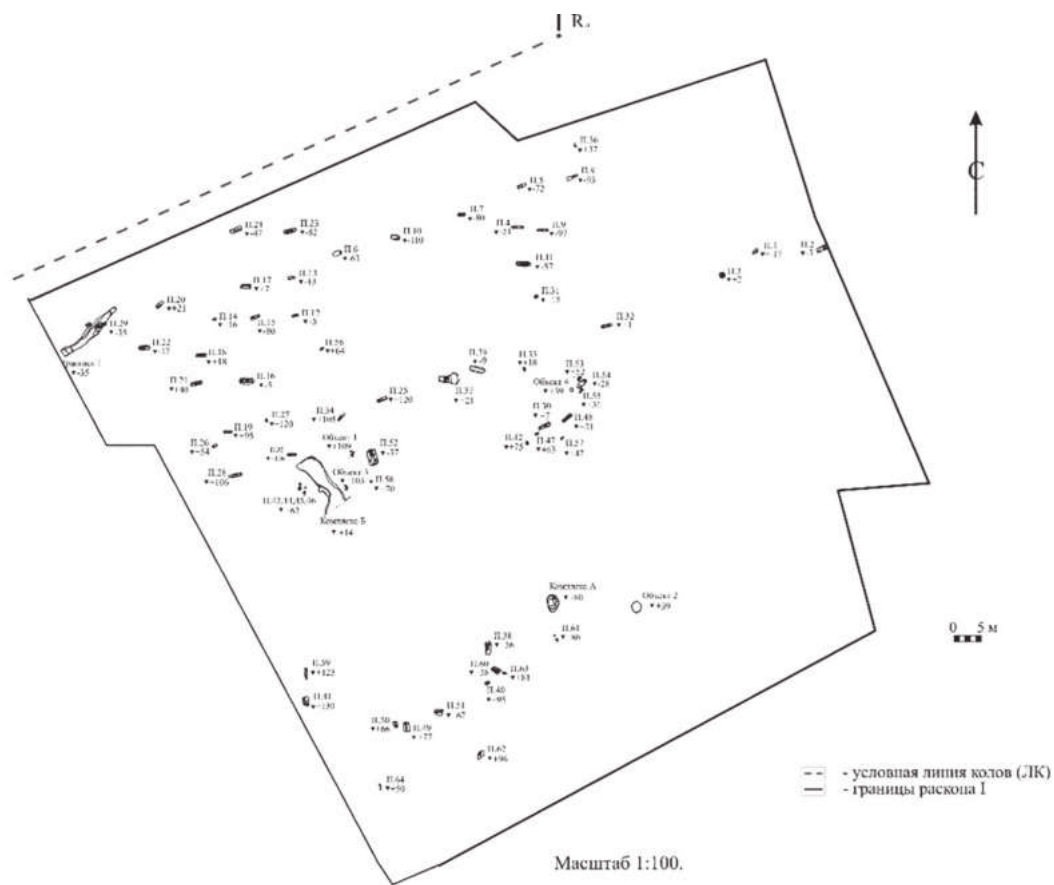

Рис. 2. Раскоп I. Общий план

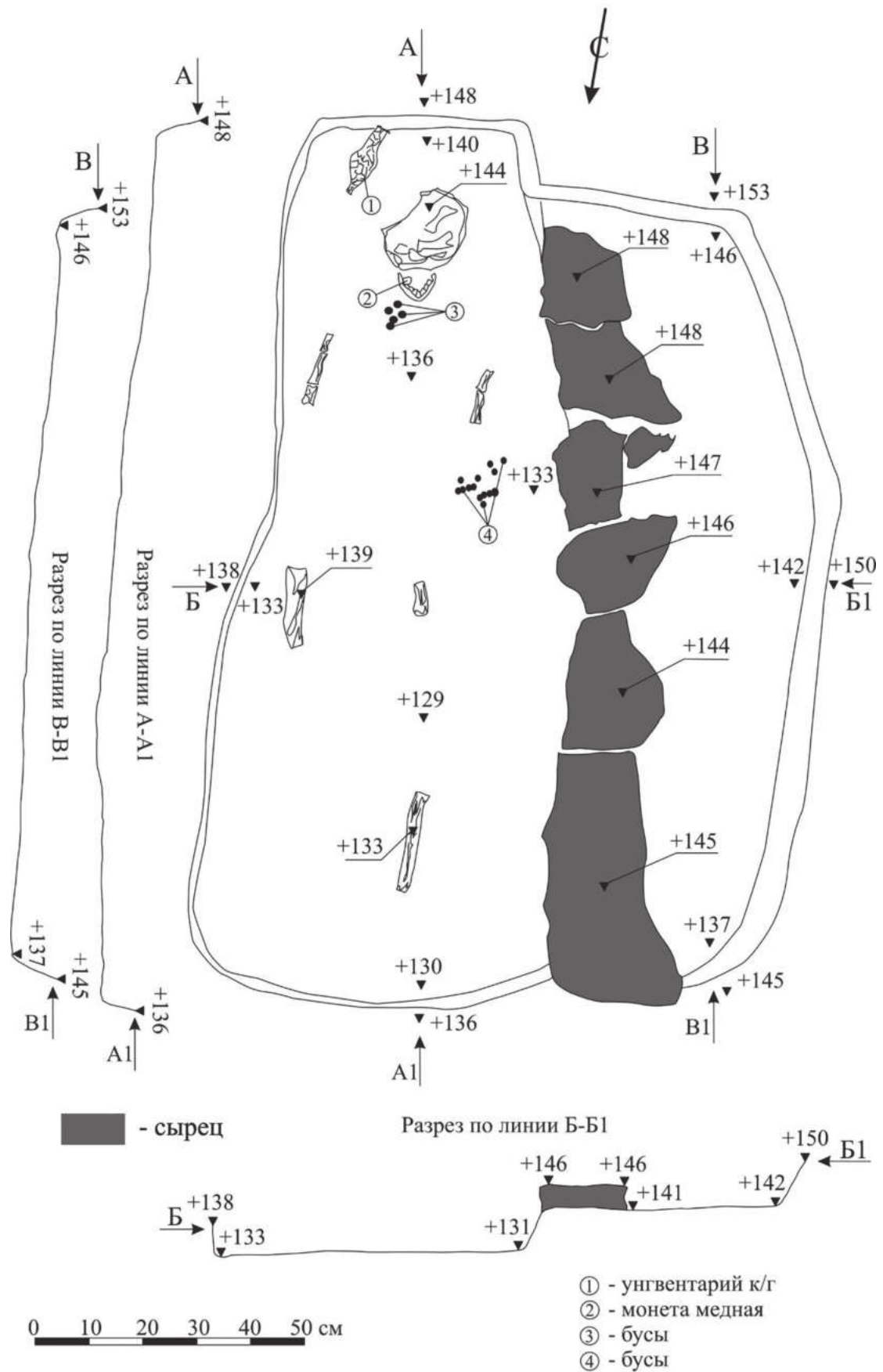

Рис. 4. Раскоп 1. Погребение 41 (подбой). План

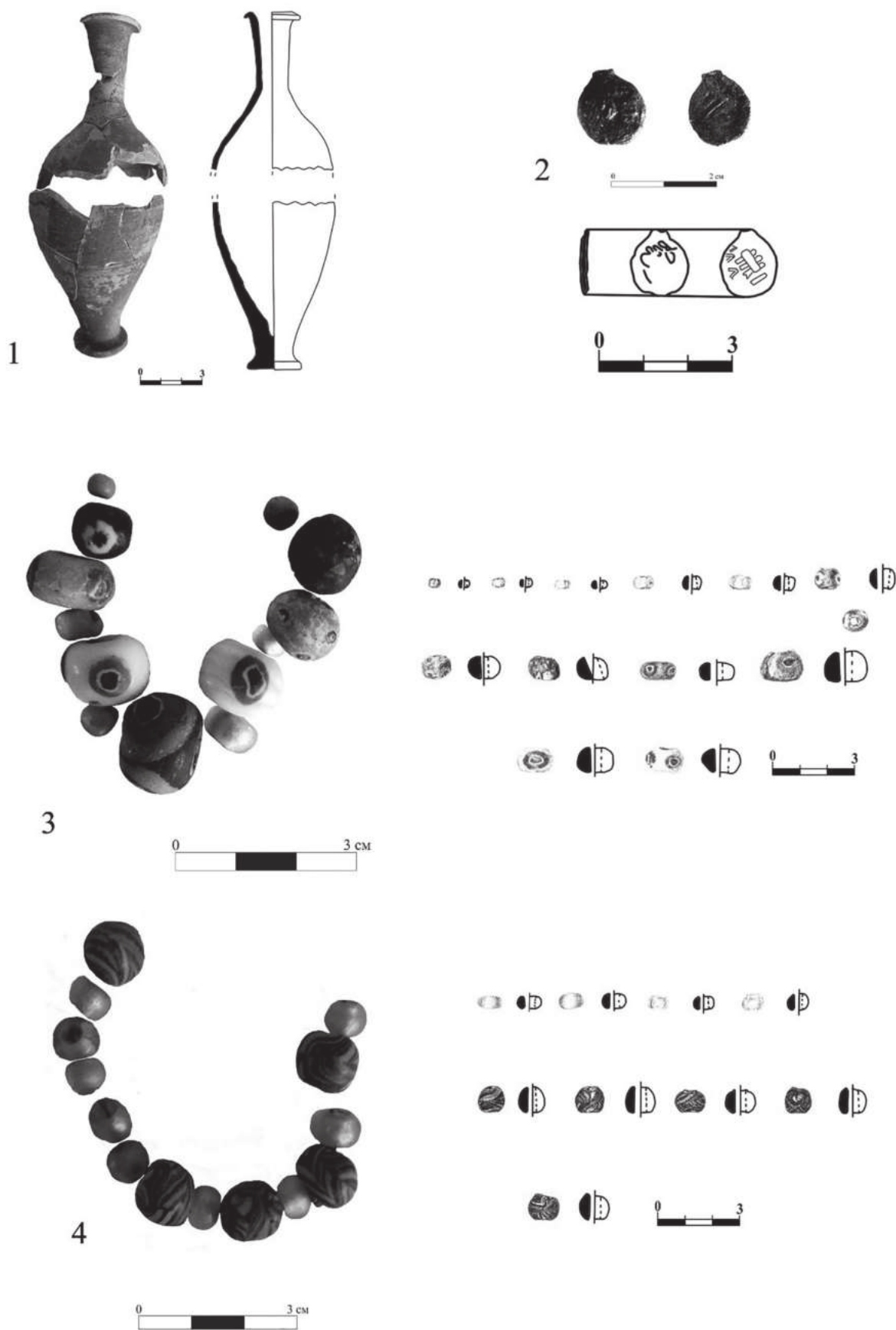

Рис. 5. Раскоп 1. Погребение 41 (подбой). Инвентарь

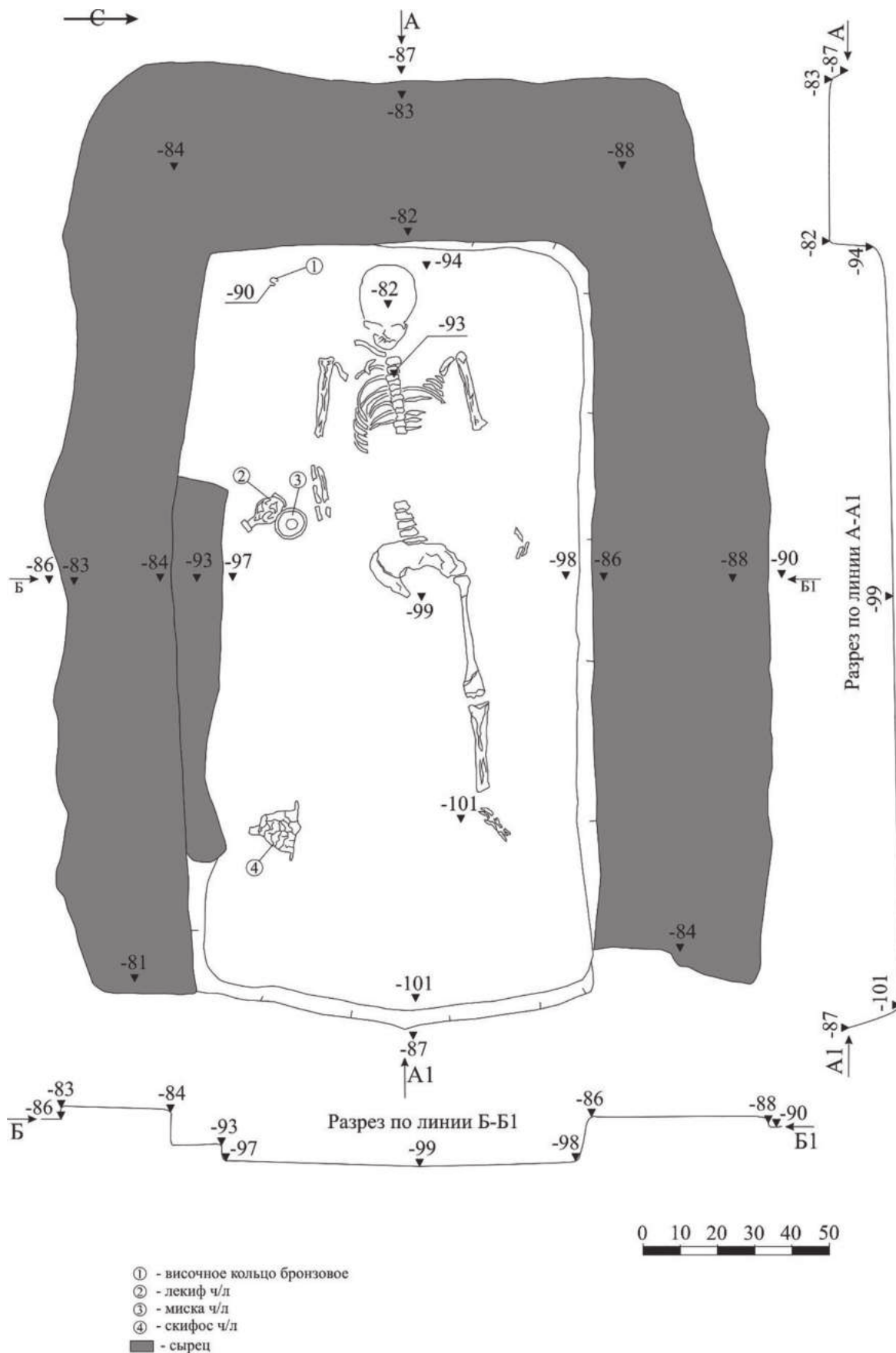

Рис. 6. Курган 3. Погребение 1. План

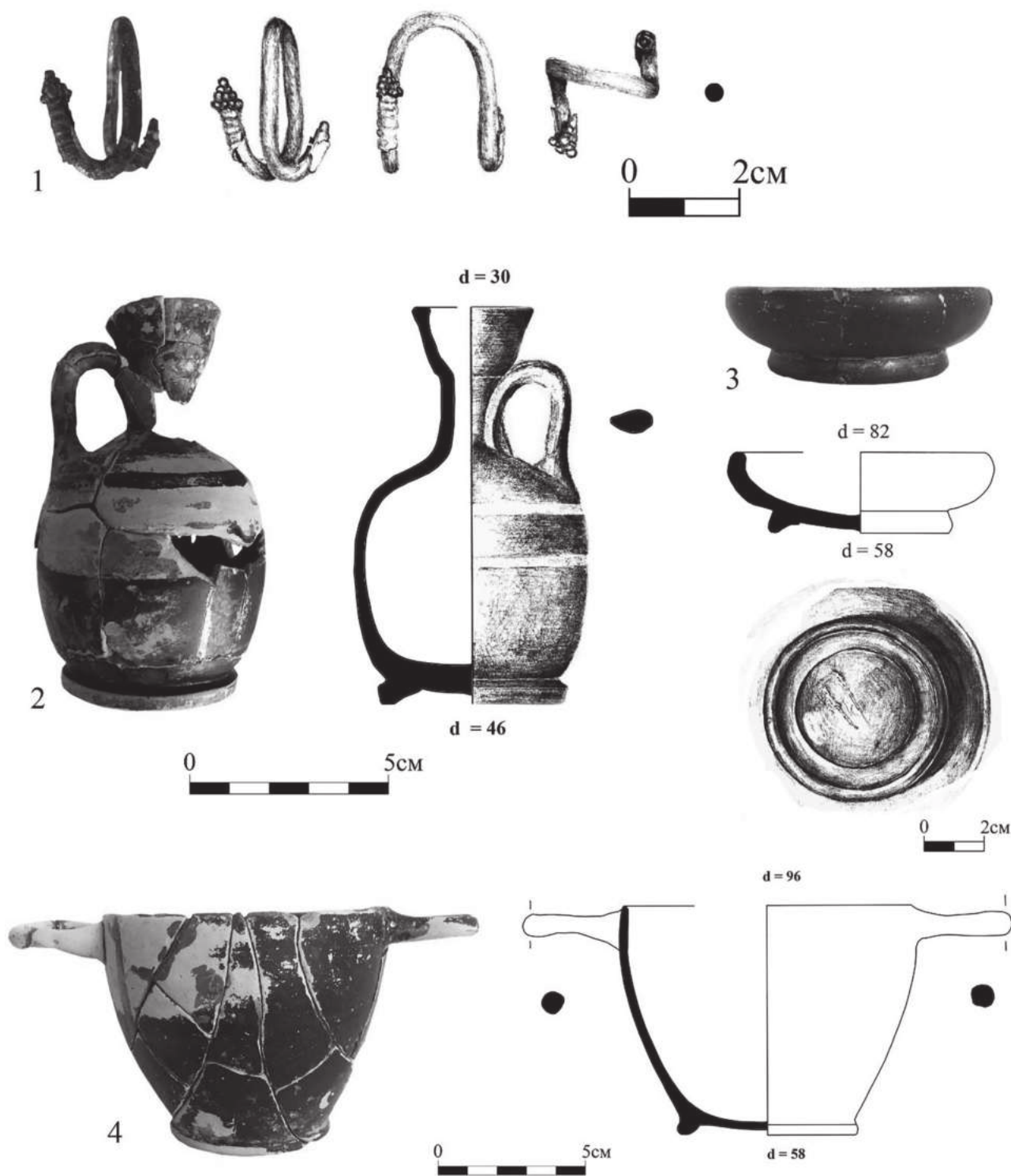

Рис. 7. Курган 3. Погребение 1. Инвентарь

Рис. 8. Раскоп II. Ров после выборки

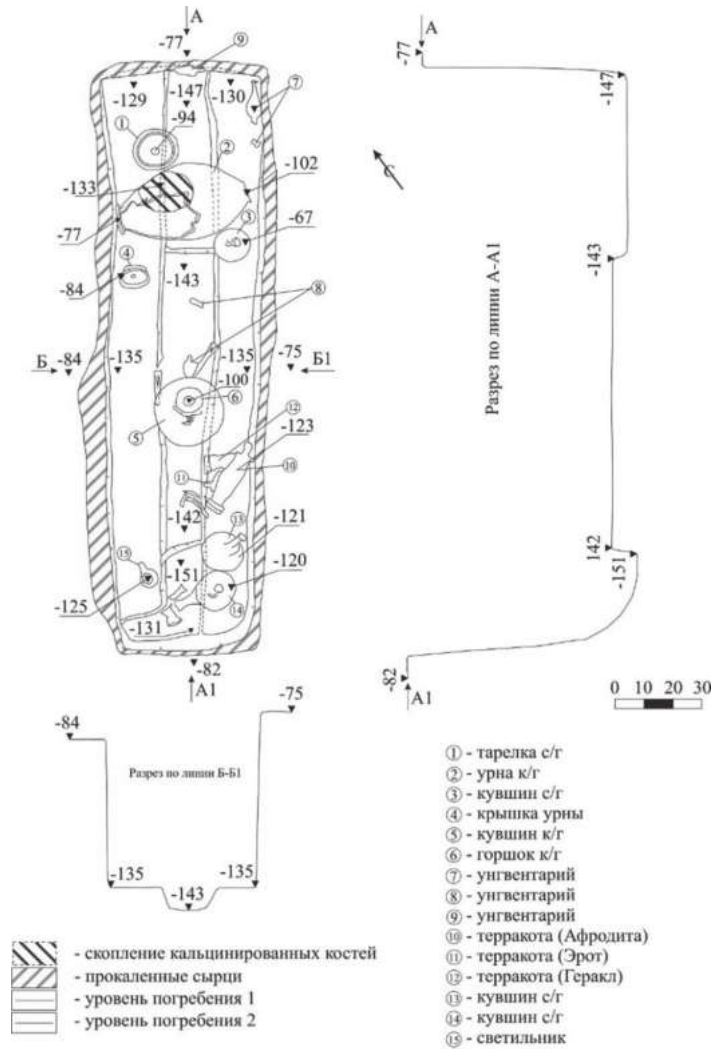

Рис. . Фанагория-2012. Юго-восточный некрополь. Курган 2. Погребение 2. План и разрезы. Масштаб 1:10.

Рис. 9. Курган 2, погребение 2. План

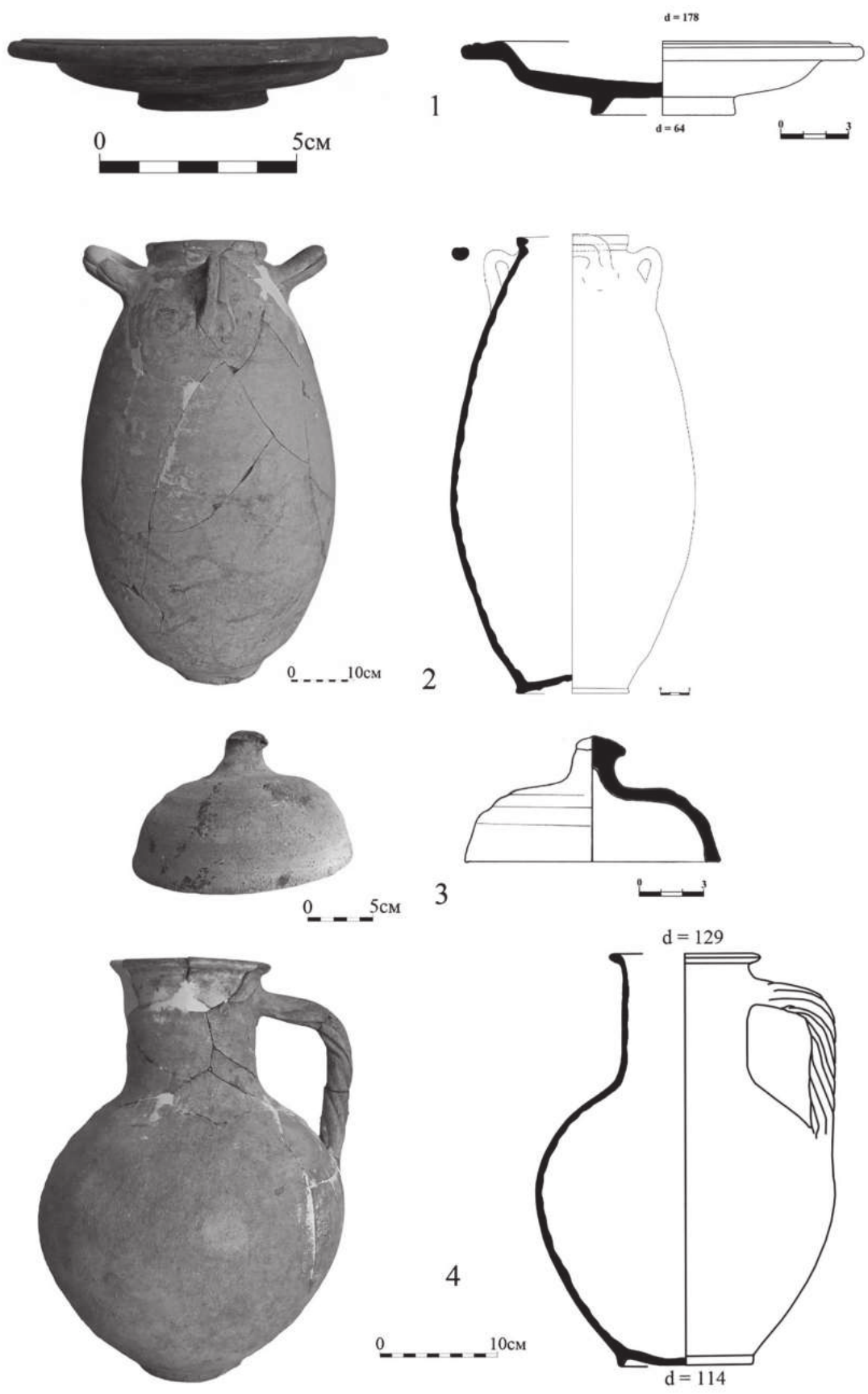

Рис. 10. Курган 2, погребение 2. Инвентарь

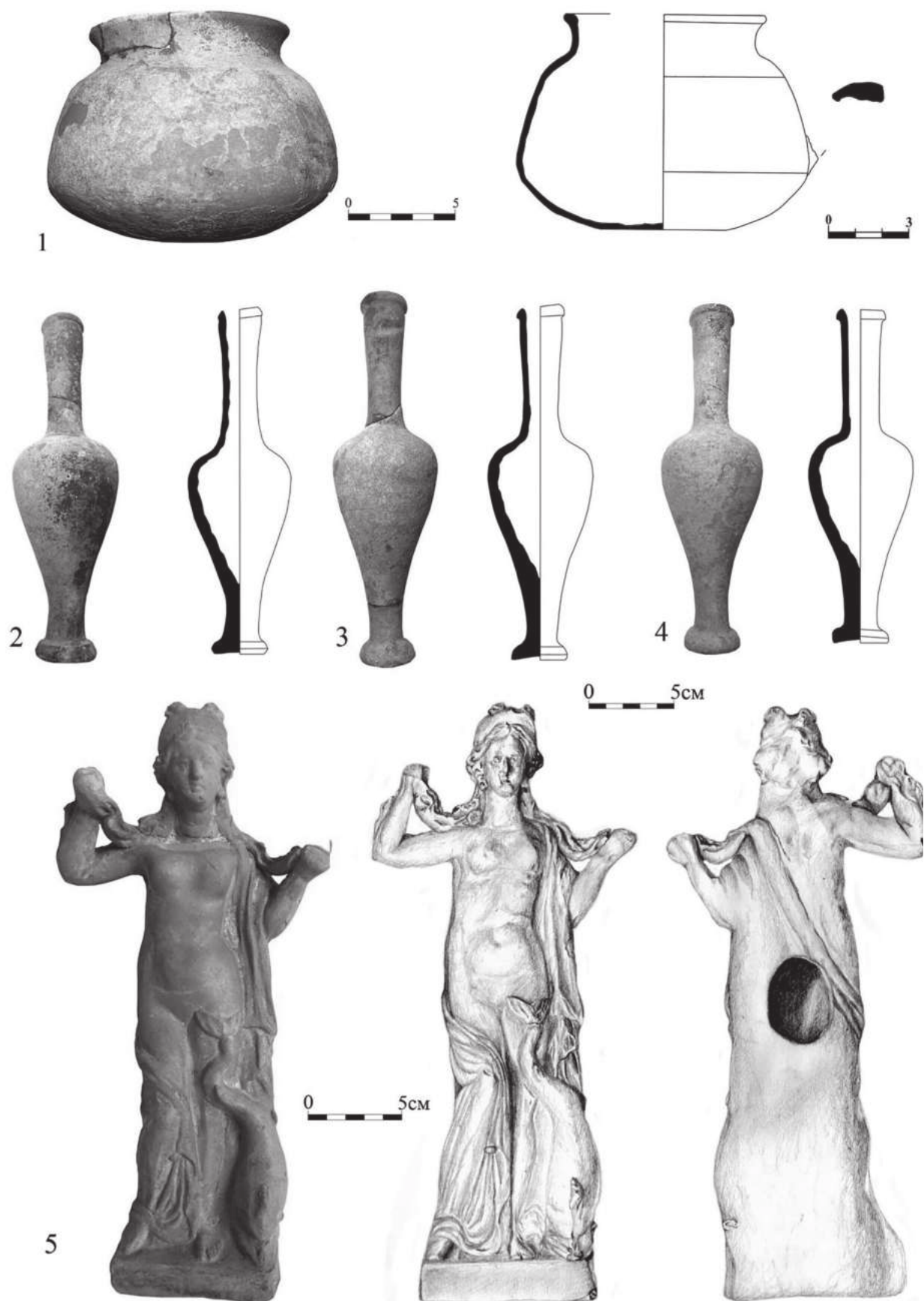

Рис. 11. Курган 2, погребение 2. Инвентарь

Рис. 12. Курган 2, погребение 2. Инвентарь

Рис. 13. Курган 2, погребение 2. Инвентарь

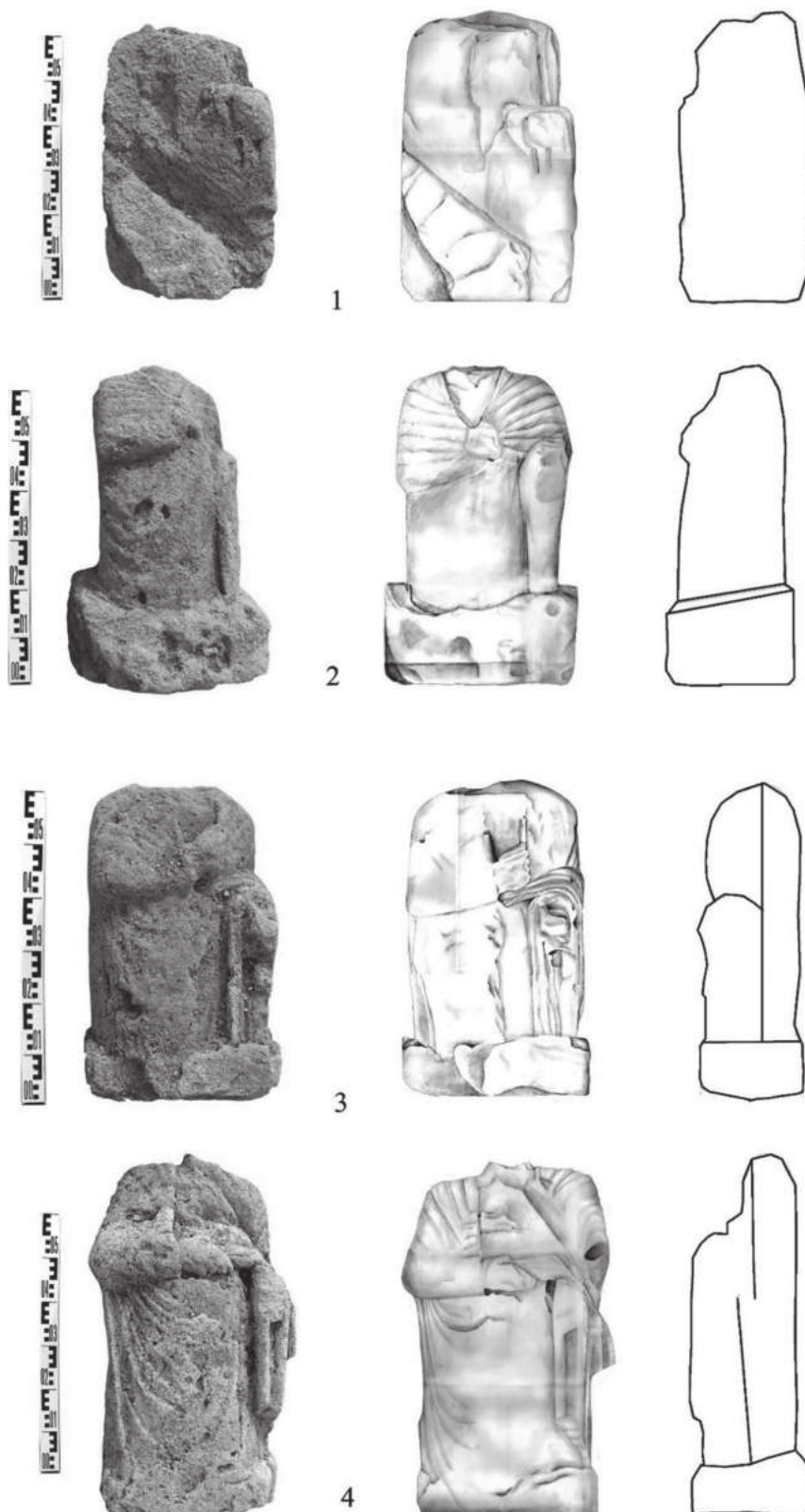

Рис. 14. Курган 2, погребение 4.
Известн ковые надгробн . II в. до н.э.

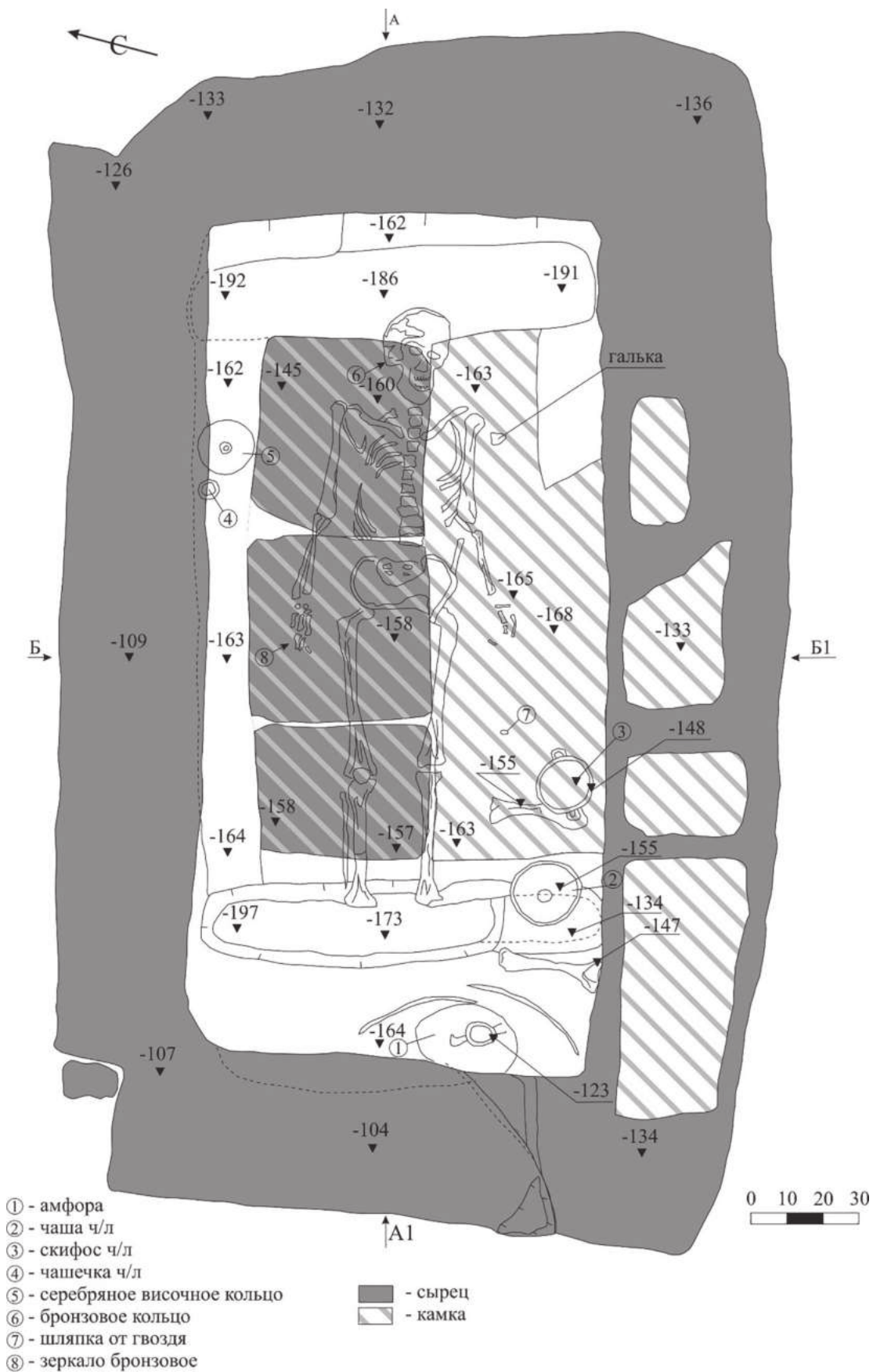

Рис. 15. Раскоп II погребение 12. План

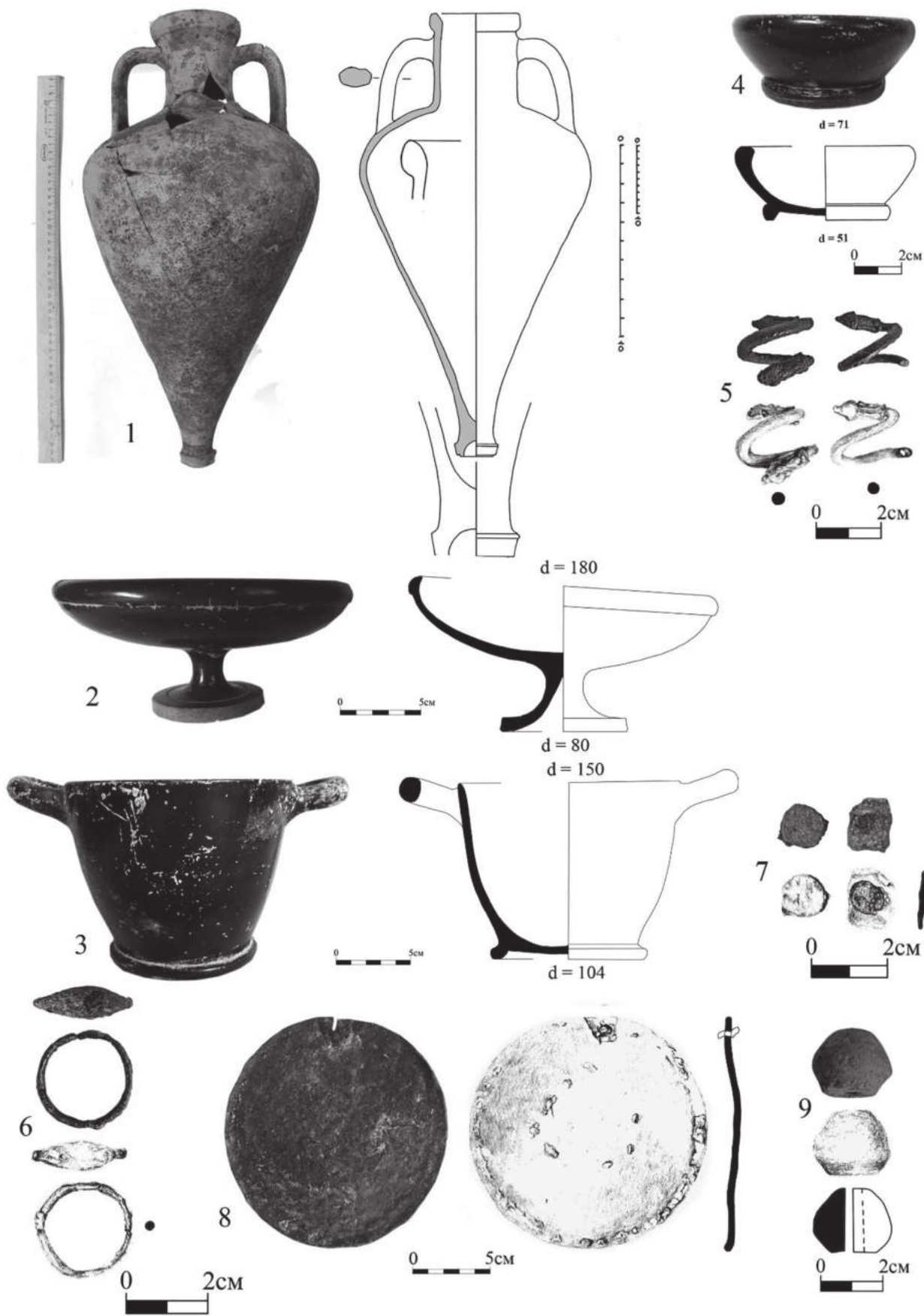

Рис. 16. Раскоп II погребение 12. Инвентарь

ПАЛЕОЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА КУБАНИ В 20-е ГОДЫ XX В.

© Ткачев Алексей Николаевич

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, alexey_tk@mail.ru

Аннотация. 1920-е годы – период расцвета палеоэтнологического направления в отечественной археологии. Ведущие представители этого направления – А. А. Миллер и Б. С. Жуков проводят полевые исследования на Кубани. Принципы и методы, характерные для палеоэтнологической школы, можно проследить и у местных учёных, работавших на Кубани в 1920-е гг., в частности в исследованиях профессора Краснодарского педагогического института Н. А. Захарова и директора Краснодарского музея А. Ф. Лещенко и других. Многие в их работах было созвучно взглядам палеоэтнологов того времени. Это заметно на раскопках прикубанских городищ, где велись не только наблюдения и сбор материала, но и делались обмеры, съёмки, зарисовки, описание стратиграфии разрезов и культурного слоя, фотографирование и систематизация собранного материала. Плодотворным было взаимодействие кубанских археологов с ленинградскими и московскими коллегами в плане научного обмена и изучения методики.

Ключевые слова: палеоэтнологическая школа, Кубань, городища, меотская культура.

Abstract. The 1920s were the heyday of the paleo ethnological trend in Russian archaeology. The leading representatives of this direction – A. A. Miller and B. S. Zhukov conducted field research in the Kuban River region. The principles and methods characteristic of the paleo ethnological school can be traced back to local scientists who worked in the Kuban River region in the 1920s, in particular in the research of Professor N. A. Zakharov of the Krasnodar Pedagogical Institute and Director of the Krasnodar Museum A. F. Leshchenko and others. Much of their work was in tune with the views of paleo ethnologists of that time. This is noticeable at the excavations of the Kuban River region hillforts, where not only observations and collection of material were carried out, but measurements, surveys, sketches, descriptions of the stratigraphy of sections and the cultural layer, photographing and systematization of the collected material.

The interaction of Kuban River region archaeologists with Leningrad and Moscow colleagues in terms of scientific exchange and study of the methodology was fruitful.

Keywords: paleoethnological school, Kuban River region, hillfort, Maeotian culture.

Благодаря возросшему с конца 1980-х гг. интересу к истории археологии, своеобразному «историографическому буму», на сегодняшний день достаточно хорошо освещены некоторые научные направления и школы в русской археологии, забытые или уничтоженные в результате насажений марксизма и репрессий 1930-х гг. Речь пойдёт о палеоэтнологии или палеоэтнологическом направлении, сложившемся в отечественной археологии на рубеже XIX–XX вв. и ставшем ведущим в первой трети XX в. О работах на Кубани в 1920-х – начале 1930-х гг. ведущих палеоэтнологов (Б. С. Жукова, А. А. Миллера) известно достаточно хорошо. Но что можно сказать о местных

учёных тех лет? В русле каких научных направлений они работали?

До 1930 г. первобытна археологи называлась «палеоэтнологией» [Платонова, 2010, с. 125]. Однако дальнейшая критика этого направления и последующий разгром в эпоху «Великого перелома» (вслед за археологией и этнографией) привели к тому, что о палеоэтнологии, как научной школе, прочно забыли.

Между тем, по признанию самих её критиков, палеоэтнологическая школа имела в то время сильнейшее влияние, благодаря точности применяемых ею методов обработки археологического материала и научности её построений [Равдоникас, 1930, с. 76].

По влиянию палеоэтнологической школы в России связано с именами Д. Н. Анучина и Ф. К. Волкова. Оба учёных оставили плеяду учеников, широко развивших свою деятельность в 1920-е гг. Среди учеников Анучина, преподававшего в Московском университете – антропологи и археологи, среди которых Б. С. Жуков и Б. А. Куфтин. Учениками Ф. К. Волкова, преподававшего в Петербургском университете, были А. А. Миллер, П. П. Ефименко, Г. А. Бонч-Осмоловский, внёсшие заметный вклад в развитие отечественной археологии [Платонова, 2010, с. 149].

Д. Н. Анучин и Ф. К. Волков, в свою очередь, были учениками Габриэля де Мортилье, который и ввёл в науку понятие «палеоэтнологи», буквально означавшее этнологию первобытности. Ф. К. Волковым были сформулированы основные принципы в области методов археологического исследования. Его практические рекомендации по раскопкам памятников предусматривали «обязательное вычерчивание вертикальных и горизонтальных разрезов «культурного пласта», горизонтальную расчистку отдельных комплексов, тщательную статистику керамики, необходимость брать при раскопках всё без исключения» [Платонова, 2010, с. 156].

Пик деятельности палеоэтнологов пришёлся на 1920-е гг. Ярким представителем

палеоэтнологической школы в русской археологии был Александр Александрович Миллер (1875–1935). Им разработаны новые методы исследования памятников поселенческого типа, поскольку существовавшие к тому времени методы не отвечали современным научным требованиям. Это видно уже в работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК 1923–1930 гг., проводившей, в частности, работы на кубанских памятниках.

Отработка новой методики проходила при раскопках на Дону в 1924–1925 гг. Кобкова городища, имеющего, в том числе, мощный меотский слой. Главной проблемой, стоявшей перед экспедицией, как отмечает сам А. А. Миллер, оказался вопрос высотных соотношений отдельных точек в раскопе.

Для решения этой задачи была проведена нивелировка всей поверхности городища, намечена для раскопок, с высотными отметками на расстоянии 1 м. Получилась сетка квадратов с высотными отметками, связанная с нивелировкой, произведённой в середине городища и к уровню Дона. Квадраты имели буквенно-цифровое обозначение.

Такой «квадратно-последовательный метод» предполагал снятие грунта слоями по 10 см в каждом квадрате с обязательной фиксацией всех находок. При изучении слоев, помимо их зарисовывания и фотографирования, делались вырезки с соответствующими отметками, стратиграфия воспроизводилась с помощью зарисовки в красках. При производстве раскопок велись журналы, в которые вносились номера и высотные отметки пикетов, глубинные залегания, данные о слое, а также перечислялись находки. Находки классифицировались по типам. Плохо сохранившиеся предметы заливались парафином на месте, а затем подвергались реставрации в лаборатории [Миллер, 1926, с. 110–112].

Экспедиция носила комплексный характер и состояла из двух отделов, соответствующих основным направлениям работы: отдел по изучению материальной культуры и отдел по изучению языка.

Последний, кроме всего прочего, занимался исследованием конструктивных особенностей жилых построек, земледельческих орудий, сбором данных о языческих молебных и почитаемых местах.

Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК проводила работы, в том числе и на Кубани. В первый год работы экспедиции (1923 г.), проводившей основные исследования на южном Дону, А.А. Миллер ограничился только осмотром городища в г. Краснодаре, отметив сходство его культурного слоя с донскими городищами [Миллер, 1925, с. 1–42].

На Кубани первая крупная экспедиция была организована в 1925 г. в составе Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК. Были проведены разведки в Адыгее, по р. Лабе и правому берегу р. Кубани от устья Лабы до Краснодара, отрядом под руководством А.А. Иессена раскопаны 10 погребений могильника в ст. Усть-Лабинской (рис. 1). Отряд С.Н. Заматина обследовал Ильскую палеолитическую стоянку, был заложен пробный шурф, подтвердивший наличие памятника. В пределах Адыгейской АО сотрудниками экспедиции были Д.А. Ашхамаф и И.А. Наврузов. Помимо исследовательской деятельности, сотрудниками экспедиции проводились работы по классификации древностей в местных музеях, в том числе, в Краснодарском, на местах раскопок организовывались экскурсии, А.А. Миллером был сделан ряд сообщений о работах экспедиции в ст. Усть-Лабинской и Краснодаре [Миллер, 1926, с. 72]. Интересен описанный А.А. Миллером случай, с которым сотрудники столкнулись во время раскопок в ст. Усть-Лабинской: «Работы эти привлекали многочисленных зрителей, наблюдавших за раскопками целыми днями. Обратил на себя внимание пожилой черкес, приходивший на раскопки из ближайшего аула ежедневно; потом он попросил, что ожидал находки камня со списком подлинных мусульманских праздников» [Миллер, 1934, с. 162].

Свои идеи об организации археологических исследований и итоги

многолетних методических разработок А.А. Миллер изложил в монографии «Археологические разведки», ставшей практическим руководством для многих поколений археологов [Миллер, 1934]. В целом, об экспедициях А.А. Миллера можно сказать, что их основными задачами было всестороннее комплексное изучение культур в тесной увязке археологических, этнографических и иных источников, выявление и исследование древних поселений, неизвестных до тех пор на территории Северного Кавказа [Материалы..., 1941, с. 5]. Бесспорно, экспедиции Миллера стали «ведущей школой полевой и кабинетной работы в отечественной археологии 1920-х–начала 1930-х годов» [Паромов, 1993, с. 31].

Другой видный палеоэтнолог, представитель «московской ветви» – Борис Сергеевич Жуков (1892–1933). На Кубани под его руководством в 1929–1930 гг. работала Черноморская археологическая экспедиция, организованная Антропологическим институтом МГУ. Экспедиция провела раскопки средневековых могильников «Геленджик I» и «Геленджик II» (всего раскопано три кургана) и стоянки «раковинной культуры» близ цементного завода. Также исследовались могильники в долине реки Жане, где было раскопано 10 курганов и обследовано 30 дольменов [Археологические экспедиции, 1962, с. 62].

Б.С. Жуков, сторонник комплексного подхода к изучению древних культур, главными считал природные, а не социально-экономические факторы. В его экспедициях, помимо собственно археологических исследований, одновременно изучались природная среда регионов, современный антропологический облик населения, его этнографические особенности, языковые диалекты [Бадер, 1968, с. 235]. Много внимания Б.С. Жуков уделял методике археологических полевых и лабораторных исследований. В полевой работе он придавал первостепенное значение привлечению геологических, палеозоологических, палеоботанических данных, фиксации стратиграфических

разрезов, обработке вещественного материала по слою, фиксации бытовых деталей и расположению материала на площади. В этих целях им была разработана целая система карточек разного формата, изготовленных типографским способом по специальному заказу [Бадер, 1968, с. 236].

В основу хронологической классификации археологического материала по эпохам, Б.С. Жуков ставил принципы технологии, формы, орнаментации. Б.С. Жуков создал палеоэтнологическую лабораторию, ставшую вскоре методическим центром. Особое внимание уделялось анализу массового керамического материала. Б.С. Жуков считал керамику самым показательным материалом, в котором наиболее чётко отражаются эволюционные изменения и локальные особенности. Им предпринята попытка выделить основные признаки, характеризующие керамику: состав глины, техника изготовления, характер наружной и внутренней поверхности сосуда, его форма, элементы орнамента, их расположение. Кака-либо выборочность при работе с керамикой в лаборатории исключалась. Во время раскопок керамический материал брался послойно по участкам и притом полностью, без оставления каких-либо объектов на месте. Сосуды по возможности тщательно склеивались и реконструировались [Платонова, 2010, с. 180].

Палеоэтнологическое направление не было единственным в изучении древностей. Одновременно существовала т.н. «школа Городцова», ставившая во главу угла типологический метод. Находилось в постоянной «открытой дискуссии», эти две школы, тем не менее, в какой-то мере взаимно обогащались. В.А. Городцов неоднократно подвергался критике за недостаток комплексного подхода, оторванность от естественно-исторического и этнологического базиса [Платонова, 2010, с. 206].

Однако сам В.А. Городцов вовсе не пренебрегал естественно-историческими дисциплинами при изучении археоло-

логического материала. При раскопках он внимательно анализировал характер почв, хорошо ориентировался в геологии. Более того, известны примеры попыток привлечения им этнографического материала. Во время раскопок Елизаветинского городища на Кубани, организованных в 1934–1936 гг. Институтом антропологии, этнографии и археологии АН СССР и Московским отделением ГАИМК, было проведено подробное исследование конструктивных особенностей и технологии постройки современных жилых домов станицы Елизаветинской и отмечена их схожесть с деталями в развалинах жилых построек на городище. Также тип гончарных печей, открытых на городище, показал их схожесть с существующими в то время на Кубани. Для подтверждения этому были опрошены члены Елизаветинской артели гончаров. В.А. Городцов отмечает, что елизаветинские гончары считаются лучшими на всей Кубани, что объясняется наличием на территории древнего городища самого лучшего сорта гончарной глины, не встречаемого в других местах Прикубанья. С привлечением современных образцов, также им реконструированы древние типы колодцев, мельниц [Городцов, 1936, с. 174–176].

Повышенное внимание к географической среде обитания древнего человека, технике изготовления и функциям археологических предметов, характерное для палеоэтнологической школы, можно проследить и у местных учёных, работавших на Кубани в 1920-е гг.

В эти годы археологией на Кубани занимались единицы: директор Краснодарского музея А.Ф. Лещенко; профессор Кубанского университета, создатель кафедры археологии В.А. Пархоменко; директор Темрюкского краеведческого музея С.Ф. Войцеховский; профессор Краснодарского пединститута Н.А. Захаров; выпускник пединститута, школьный учитель М.В. Покровский; председатель школьного археологического кружка Н.В. Анфимов, начавший самостоятельные исследования только

с 1934 г.; заведующий Новороссийским музеем природы и истории Черноморского побережья Кавказа Г. Ф. Чайковский; директор Таманской археологической станции и музе А. Г. Остроумов. Не погружаясь в подробное перечисление работ этих исследователей, отметим, что они проводили как эпизодические экспедиции (а зачастую это были краеведческие поездки, осмотры или экскурсии), так и систематические исследования.

Из этой когорты пионеров кубанской археологии, следует остановиться подробнее на деятельности профессора Николая Алексеевича Захарова (1883–1938). С 1920 г. он преподавал в Краснодарском педагогическом институте. Археологические работы Н. А. Захаров начал вскоре после образования в 1924 г. при институте литературно-исторического и этнологического общества (ЛИЭТО), где в секции местной археологии также состояли А. Ф. Лещенко и М. В. Покровский [Лунин, 1928, с. 68]. Первыми памятниками, которые исследовали члены ЛИЭТО стали кубанские городища: у переправы через р. Кубань, городище на р. Карасун, городище близ тюрьмы, Панский Кут, близ ст. Пашковской, близ ст. Старокорсунской, в станции Усть-Лабинской, городища близ станций Тбилисской, Некрасовской и Ново-Джерелиевской [Захаров, 1927, с. 58].

Стоит ли утверждать, что Н. А. Захаров являлся представителем палеоэтнологического направления (школы)? Однозначно, что многое в его работах было созвучно взглядам палеоэтнологов того времени:

1) Археологические данные сопоставляются с данными географии, рассматривается соотношение культуры и природной среды. Именно в публикациях Н. А. Захарова делаются первые попытки увязать городища Прикубань раннежелезного века с меотами античных авторов. В статье «Древнее название реки Кубань» им подробно анализируются прежние точки зрения, сведения античных авторов о Кавказе и Кубани и историческая обстановка того времени

[Захаров, 1930, с. 55]. Население Прикубань, по его мнению, составили «земледельцы-меоты» и «сармато-меотские племена». Языковая принадлежность при этом не определена, но поскольку наименование Кубани – «Вардан» Птолемея и сконструированное Захаровым «Уардан» обрываются из иранского языка, по мнению, что эти племена были ирано-язычны [Ждановский, 1994, с. 9].

2) Н. А. Захаров также считал керамику важным источником изучения древнего прошлого Кубани. Указывая на оригинальность местной керамики (серого цвета, «слабого обжига» и т. д.), он призывает к необходимости составления корпуса типов керамики для Северного Кавказа по аналогии с уже изданными по крупнейшим античным центрам [Захаров, 1928б, с. 86].

3) Именно Н. А. Захаров вместе с другими местными археологами – А. Ф. Лещенко и М. В. Покровским – первым в послереволюционной кубанской археологии занялся изучением меотских древностей: стал проводить систематические разведочные работы и раскопки бытовых памятников поселенческого типа – городищ. Во время работ на городище КРЭС в Краснодаре в 1927 г. велись не только наблюдения и сбор материала, но и делались обмеры, съёмки, зарисовки, фотографирование и систематизация собранного материала. По вопросам, связанным с почвоведением, анатомией животных, обращались за консультациями к научным работникам местных вузов. Н. А. Захаровым было сделано подробное описание стратиграфии разрезов и культурного слоя городища, состоявшего из золы с изредка встречающимися кусочками углей и фрагментами керамики. Наибольшая толщина культурного слоя достигала 2,5 м. Стратиграфические зарисовки разрезов дали возможность проследить на городище три основных слоя: чернозём, культурный слой с мами и лессовидный суглинок [Захаров, 1928а, с. 6].

Надо отметить, что кубанские учёные работали в сотрудничестве со

столичными археологами. Центральные экспедиции получали всестороннюю поддержку со стороны местных научно-исследовательских организаций. Сотрудники экспедиций А.А. Миллера (А.А. Иессен, С.Н. Заматин, студенты ЛГУ) проводили работы по классификации находок в местных музеях, в том числе Краснодарском, на местах производства раскопок организовывались экскурсии. А.А. Миллером было сделано ряд сообщений о работах экспедиции в станице Усть-Лабинской и в Краснодаре [Миллер, 1926, с. 84]. Местные археологи (Н.А. Захаров, А.Ф. Лещенко, А.Г. Остроумов, С.Ф. Войцеховский) участвовали в экспедициях профессора А.С. Башкирова по изучению Таманского полуострова в 1926 и 1927 гг. [Лунин, 1928, с. 60]. А.А. Миллер вместе с А.С. Башкировым оказывали помощь Краснодарскому музею в проведении раз-

личных выставок, подбирали экспонаты. Общение кубанских археологов в 1920-е годы с ленинградскими и московскими коллегами в плане научного обмена и изучения методики представляется весьма плодотворным.

Организационный разгром палеоэтнологической школы пришёл на начало 1930-х гг. Перемены в экономической политике диктовали перемены в отношении к науке. Комплексные экспедиции и исследование регионов более не требовались.

Первыми жертвами среди археологов стали именно палеоэтологи. В 1930 г. по «Академическому делу» арестован Б.С. Жуков (умер в 1934 г. в лагере в Кемеровской области). В 1933 г. по «делу славистов» арестован А.А. Миллер (умер в 1935 г. в Карагандинском лагере). К сожалению, в какой-то мере схожая ситуация происходит и на Ку-

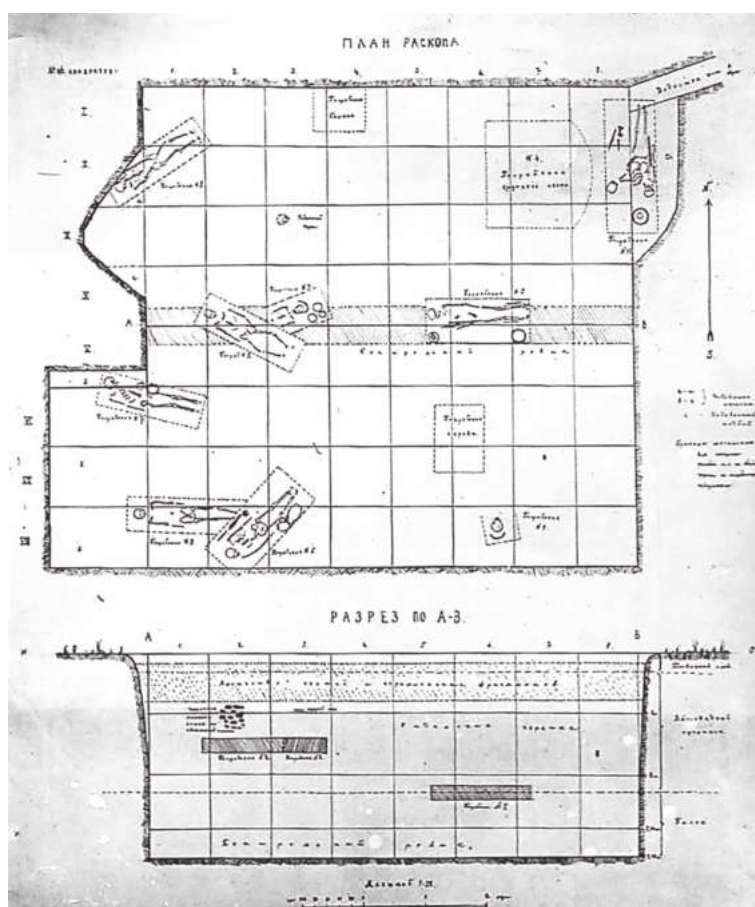

Рис. 1. План могильника у ст-цы Усть-Лабинска Кубанской области. Экспедици А.А. Миллера 1925 г. (Архив ГЭ. Фототека. № 5754. Фото С-8.2)

бани: в 1931 г. репрессирован А.Ф. Лещенко, а в 1937 г. по обвинению к причастности к белогвардейской казачьей организации арестован Н.А. Захаров (расстрел в 1938 г.). После раскопок Усть-Лабинского могильника №2 в 1936 г. происходит смена научных интересов М.В. Покровского – он перестает активно заниматься археологией.

Дальнейшие пути развития отечественной археологии пошли уже в русле новых идеологических установок. Первая половина 1930-х гг. вылась переломным этапом, когда археологи становит-

с марксистской наукой. В кубанской археологии тоже начинается новый период. Но если для общей периодизации российской археологии ключевыми критериями являются «организационные факторы», «идеологи» и «методика», то для кубанской археологии сюда добавляется ещё и роль личности: следующий этап не без оснований можно назвать «эпохой Анфимова» [Каменецкий, 2011, с. 133]. Рассмотренный же нами период в истории науки всё же оставляет некоторые поставленные вопросы открытыми и требует дальнейшего осмысления.

Список литературы

- Археологические экспедиции Государственной академии истории материальной культуры и Института археологии АН СССР 1919–1956 гг. Указатель. М., 1962. 264 с.
- Бадер О. Н.* Пам'яті Б. С. Жукова // СА. №4. 1968. С. 243–238.
- Городцов В. А.* Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 года // СА. Вып. I. Л., 1936. С. 171–186.
- Ждановский А. М.* Основные этапы изучения древней и средневековой истории Северо-Западного Кавказа в советское время // Проблемы историографии и истории Кубани. Краснодар, 1994. С. 4–26.
- Захаров Н. А.* Первые шаги систематического изучения городищ северо-западного Кавказа // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе. Севастополь, 1927. С. 57–58.
- Захаров Н. А.* Краснодарское городище. (Общий обзор обследования и работ на нем). Ростов-на-Дону, 1928а. (Материалы по археологии Юго-Востока России). 10 с.
- Захаров Н. А.* Одна из очередных задач археологии на Северном Кавказе. (К вопросу об изучении древней керамики) // Краеведение на Северном Кавказе, 1928б. №1–2. С. 84–86.
- Захаров Н. А.* Древнее наименование реки Кубани // Известия Государственного Русского географического общества. 1930. Т. LXII. Вып. 1. С. 55–72.
- Каменецкий И. С.* История изучения меотозоев. М., 2011. 384 с.
- Лунин Б. В.* Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1927 г. // Краеведение на Северном Кавказе. 1928. №1–2. С. 58–84.
- Материалы по археологии Кабардино-Балкарии // МИА №3. М.-Л., 1941. 326 с.
- Миллер А. А.* Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Академии в 1923 г. // Известия РАИМК. Т. IV. 1925. С. 1–42.
- Миллер А. А.* Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры в 1924 и 1925 гг. // Сообщения ГАИМК. 1926. Т. I. С. 71–142.
- Миллер А. А.* Таманская экспедиция ГАИМК // Сообщения ГАИМК. 1931. Вып. 1. С. 26–29.
- Миллер А. А.* Археологические разведки // Известия ГАИМК. 1934. Вып. 83. 216 с.
- Паромов Я. М.* К биографии А. А. Миллера // Проблемы истории отечественной археологии. Тезисы докладов конференции. СПб., 1993. С. 30–31.
- Платонова Н. И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб., 2010. 316 с.
- Равдоникас В. И.* За марксистскую историю материальной культуры. (Известия ГАИМК. Т. 7, Вып. 3–4). Л., 1930. 94 с.

РИМСКАЯ ГЕММА ИЗ РАСКОПОК МАРКУЛЬСКОГО ГОРОДИЩА: МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ВОПРОСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ¹

© *Требелева Галина Викторовна*

Институт археологии РАН, г. Москва, trgv@mail.ru

© *Кизилов Андрей Сергеевич*

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Федеральный исследовательский центр «Субтропический научный центр
Российской академии наук», г. Сочи, kiziloff2014@mail.ru

© *Юрков Владлен Глебович*

Институт археологии РАН, г. Москва, vladlen.yurkov.v@mail.ru

© *Юрков Альберт Глебович*

Институт археологии РАН, г. Москва albertyurkov@yandex.ru

Аннотация. В 2022 г при раскопках на Маркульском городище, памятнике местного населения периода античности-средневековья в Очамчирском районе Республики Абхазия, была найдена гемма из прозрачного стекла. Одним из важных вопросов в изучении геммы является интерпретация сделанного изображения. Первые попытки интерпретации были сделаны ещё в поле. Изучение литературы по найденным аналогам изменило версию. Новые результаты получились при исследовании геммы под микроскопом и построении 3D модели. Полученные фотографии позволили разглядеть отдельные детали, не видимые ранее. В статье приводится методика съёмки, а также все версии интерпретации с их обоснованием. Сказать однозначно, какой именно сюжет изображён на гемме, на данном этапе исследований пока невозможно. Не исключаем, что возможно, полностью разрешить вопрос так и не удастся.

Ключевые слова: гемма, античность, фотограмметрия, 3D модель, цифровизация, Колхида, Маркульское городище.

Abstract. In 2022, during excavations at the Merkul settlement, a monument of the local population in the Ochamchira district of the Republic of Abkhazia, a gem made of transparent glass was found. One of the important issues in the study of gem is the interpretation of the image made. The first attempts at interpretation were made in the field. The study of the literature on the found analogues has changed the version. New results were obtained by examining the gem under a microscope and constructing a 3D model. The resulting photos allowed us to see individual details that were not visible before. The article presents the method of shooting, as well as all versions of interpretation with their justification. It is still impossible to say unequivocally which plot is depicted on the gem at this stage of research. We do not exclude that it may not be possible to completely resolve the issue.

Keywords: gemma, antiquity, photogrammetry, 3D model, digitalization, colchis, Markul settlement.

¹ Работа выполнена при поддержке РФФ, проект №22-18-00466 «Северо-Восточное Причерноморье в античное и средневековое время: историческое моделирование на основе ГИС-технологий, геоархеологии и археометрии».

В 2021 г. на юго-западном склоне Маркульского городища, памятник местного населения периода античности-средневековья в Очамчирском районе республики Абхазии, случайно был обнаружен склад пифосов, где под одним из сосудов было зачищено погребение [Юрков и др., 2022, с. 194–197]. В 2022 г. исследования на данном участке показали, что под складом пифосов расположен могильник римского времени, и было вскрыто три погребения этого периода [Юрков и др., 2023]. Необходимо отметить, что слой грунта в верхних слоях над могильником носит перемешанный характер, что объясняется тем, что пифосы устанавливались не на ровную поверхность, а вкапывались в грунт. При установке пифосов и производилось перемешивание грунта с более ранними горизонтальными культурными слоями. Таким образом, в слое с самого верха от венчиков пифосов изначально встречались артефакты, которые можно отнести к римскому периоду: фрагменты бронзовых предметов (цепочки, пластины, крючки), бусины из пасты, фрагменты тонкого (1 мм) стекла, с пузырьками внутри, венчики стеклянных сосудов из тонкого стекла как прозрачного, так и белого матового или синего цвета. В сезоне 2022 г. в перемешанном слое была обнаружена уникальная целая стеклянная гемма (прил., рис. 20, 1–3, 7–12). Изготовлена гемма из прозрачного белого стекла, скорее всего, путем отлива с вырезанного оригинала на камне². Параметры овала: 13,2 мм высота, 11,2 мм ширина; толщина колеблется от 1 мм до 1,3 мм, края имеют небольшой скос, около 0,4–0,5 мм.

Одним из важных вопросов в изучении геммы является интерпретация сделанного изображения.

Сразу же в поле были предприняты первые попытки интерпретации находки и поиска аналогий геммы, в которой остатки земли оказались забиты в углуб-

ления изображены (прил., рис. 20, 1). На этом этапе гемма напомнила изображение Афины-Паллады на перстне, обнаруженном в селе Куланыхуа (прил., рис. 20, 4, 5) [Хондзи, 2023, рис. 19].

Далее работа над геммой, после её чистки и фотографирования в обычном виде (прил., рис. 20, 2) и изучения литературы, привела к новой версии: на гемме изображён Аполлон Простат – «хранитель здоровья». Параллельно этому изображению можно увидеть на найденной в Фанагории в 1980 г. гемме, сделанной из хризопраза (прил., рис. 20, 6). На этой гемме представлен «Аполлон Врач, опирающийся на колонну правым локтем, а в опущенной левой руке держащий лавровую ветвь. Гемма из Фанагории датируется II – нач. III в. н.э. [Шавырина 2002, с. 242–248]. В нашем случае мы видим правую руку, опирающуюся локтем на некую колонну, поднятой вверх, а не опущенной вниз, как на гемме из Фанагории. Левая рука опущена вниз и держит ветвь, имеющую продолжение до низа фигуры, либо изображение кого-то/чего-то под этой ветвью. Дополнительным аргументом тому, что на гемме изображён Аполлон, может служить тот факт, что культ Аполлона пришёл на Боспор с первыми переселенцами из Милета. Маркульское городище является памятником местного населения, но очень близко соседствует с античным городом Гюэнос, который, как и Фанагория, хоть и был основан в основном ионическими греками, но к римскому времени население и культура в нём были, конечно, уже очень смешанными.

Но так как гемма всё же очень миниатюрна, а также сделана из прозрачного стекла, и части изображений не хватает чёткости, не совсем ясно, что находится под ветвью и на голове основной фигуры. Поэтому было решено изучить её подробно под микроскопом, а также сделать 3D фотограмметрическую модель, чтобы пополнить виртуальную коллекцию

² Технико-технологический анализ геммы ещё не завершён, ждём результатов анализов.

артефактов, полученных из раскопок городища [Юрков, Требелева, 2022, с. 169]. Опыт получения подобных моделей изделий очень маленького размера имеется: в качестве примера можно привести великолепную 3D модель костной бусины, найденной на храме (прил., рис. 21). Размер бусины лишь немного превышает размер геммы: 16×15×9 мм. Но существенным отличием является то, что бусина является объёмным предметом, и не прозрачна, тогда как гемма прозрачна и плоска. В связи с этим при оцифровке геммы возникли большие сложности.

Оцифровка геммы проводилась тремя разными способами: цифровым фотоаппаратом Nikon D3300 в режиме макросъёмки, цифровым микроскопом Nayer VX500 и цифровой камерой Levenhuk M1400 plus, установленной на микроскоп Levenhuk 740T с увеличением 40X.

При съёмке цифровым фотоаппаратом центры фотографирования располагались в верхней полусфере над геммой, с углом камеры 90°, 75°, 60°, 30° к центру предмета. При работе цифровым микроскопом съёмка проводилась под углами 90°, 75°. В третьем случае съёмка проводилась под углом 90° к плоскости, плоскость движения камеры была параллельна плоскости геммы. Съёмка на цифровую камеру проводилась при двух различных выдержках: 9 ms и 19 ms. Так как гемма изготовлена из прозрачного стекла, то подсветка проводилась слабым светом снизу. Для этого использовалась лампа от микроскопа МБС-12 или встроенная в микроскоп Levenhuk 740T лампа при наименьшей мощности.

Разрешение при съёмке фотоаппаратом получилось слишком низким для исследования подобного объекта, поэтому описанный метод был признан не подходящим для такого артефакта.

Съёмка на цифровой микроскоп Nayer VX500 позволила сделать 3D модель геммы, а также получить ортофотоплан с отмывкой высот, что обеспечило хорошую визуализацию изображения (прил.,

рис. 20, 3). Это позволило рассмотреть основные объекты композиции, изображённой на гемме. Однако часть важных объектов вывить при этой съёмке оказалось невозможным, к примеру – лицо изображённого. Поэтому при помощи микроскопа Levenhuk 740T при увеличении 40X была заснята вся поверхность геммы, а также отдельно засняты и измерены отдельные объекты композиции (прил., рис. 20, 7–12). Преимуществом съёмки данным способом является то, что при различной фокусировке можно было отделить слои верхнего края от слоёв углубления фигуры, это позволило конкретизировать изображение. Изменения времени фокусировки при выдержке 19 ms дало возможность сконцентрировать внимание на изображении, когда были видны только контуры крупных «склонов», или же заснять при выдержке 9 ms все данные, когда снимались, в том числе, мелкие царапины на поверхности и пузыри в стекле. В то же время область обзора при подобной съёмке слишком узка, как и область фокусировки, что не позволило создать полноразмерную модель геммы, в таком качестве изображении.

Таким образом, получив ряд моделей и подробных артефактов удалось рассмотреть множество деталей. Чётко прорисовалось лицо молодого человека (прил., рис. 20, 7). На голове основной фигуры востановлено виден предмет «рогоподобной формы» (прил., рис. 20, 10), увитый то ли лозей, то ли гроздьями винограда. В правой руке, поднятой вверх, изображённый персонаж держит маленький горшочек округлой формы (прил., рис. 20, 8), и на колонну рука не опирается. Принято изначально за колонну изображение, на самом деле – свисающий плащ, что чётко видно на ортофотоплане (прил., рис. 20, 3).левой рукой мужчина держит трёхпалую ветвь (прил., рис. 20, 9), а под рукой изображена фигура маленького мальчика, у которого подчеркнуты даже анатомические особенности пола (прил., рис. 20, 11). Вызывает вопрос

изображение ступней мужчины: они представлены треугольниками и далеки от естественной формы ноги (прил., рис. 20, 12).

Анализ деталей породил новые версии в интерпретации. Версия 1: Гермес с маленьким Дионисом. В пользу этой версии можно отметить, собственно, сам сюжет: Гермес относит младенца Диониса к нимфам. Правда в данном случае младенец, в отличие от статуи Праксителя не на руках, но над малышом простирается рука бога с некой волшебной ветвью или жезлом, как защита. Далее, «рогоподобные» элементы на головном уборе могут на самом деле быть изображением «крыльев на шлеме», но остаётся непонятным изображение листьев или гроздьев вокруг «крыльев», а также не объяснена форма «треугольных ног», которые скорее напоминают не ступни, а копыта. Также остаётся непонятной функция или значение горшочка в правой руке. Поэтому возникает вторая версия трактовки: Силен с сатиром (Астрей, Леней или Марон, то есть, с кем-то из сыновей Силена). При данной версии находит своё объяснение изображение ног: Силены имели вместо ступней лошадиные копыта. Изображение на голове рогоподобных ответвлений, увитых гроздьями и листьями, могут быть изображением лоз винограда на голове Силена, концы которых могут походить на рога. Недостатками или слабостью данной версии являются: отсутствие аналогов подобного сюжета

в античном искусстве и отсутствие у сатира хвоста. Но самое главное, и Силен, и Сатир – низшие боги, а в античном искусстве, как правило, не встречается изображение низших богов без богатолимпийца. Поэтому возникает третья версия: на гемме изображен Гермес с сатиром (Проном или Фереспондом – его сыновьями). Подобное сочетание более реалистично, хотя прямых аналогов в античном искусстве мы не знаем. При данной трактовке становится понятны «рога», вьющиеся крылья шлема, непонятный плащ, но остаются непонятными ноги-копыта, горшочек в руке и отсутствие хвоста у сатира. Четвёртая версия: Силен и Дионис. По легенде Силен был воспитателем Диониса. На известной статуе «Силен с младенцем Дионисом», хранящейся в Лувре, и голова Силена, и Диониса, и столб, на который Силен опирается, увиты виноградом. На руке Силена плащ. Однако на статуе Силен держит младенца Диониса на руках, и нет никаких горшочков и ветвей или жезлов в руке Силена.

Таким образом, сказать однозначно, какой именно сюжет изображён на гемме, на данном этапе исследований пока невозможно. Маленькая фигура человечка, скорее всего, действительно символизирует маленького ребенка, следовательно, необходимо продолжить изучение сюжетов и поиск аналогов в этом направлении. Не исключаем, что возможно, полностью разрешить вопрос так и не удастся.

Список литературы

Хондзия З. Г. Археологические памятники села Куланыхуа и его окрестностей. Дисс. на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Сухум, 2022. 220 с.

Шавырина Т. Г., Гемма с изображением Аполлона из некрополя Фанагории // ПИФК 2002. Вып. 12, С. 242–248.

Юрков В. Г., Требелева Г. В. Цифровая форма представления данных археологического исследования Маркульского городища в Абхазии: цели, задачи и методы // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». № 49, специальный выпуск, ноябрь 2022 г. Материалы международной научной конференции «Историческая информатика как Historical Data Science» и XVIII Конференции Ассоциации «История и компьютер»: к 30-летию АИК и 10-летию журнала «Историческая информатика». Москва, 11–13 ноября 2022 г. М., 2022. С. 166–170.

Юрков В. Г., Клемешова М. Е., Требелева Г. В. Вопросы хронологии Маркульского городища в свете новых открытий 2021 г. // Актуальная археология 6. Материалы международной научной конференции молодых учёных. Санкт-Петербург, 4–7 апреля 2022 г. СПб., 2022. С. 194–197.

Юрков В. Г., Требелева Г. В., Саканиа С. М., Клемешова М. Е., Шведчикова Т. Ю., Глазов К. А., Сунцова Н. Ю., Юрков Г. Ю. Естественно-научные и цифровые методы в исследовании Маркульского городища // Новые материалы и методы археологического исследования: история VS источниковедение. Материалы VII конференции молодых учёных. М., 2023. С. 92–94.

МЕОТСКИЙ МОГИЛЬНИК ДУКМАСОВ-2. НАЧАЛО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

© Эрлих Владимир Роальдович

Государственный музей Востока, г. Москва, verlikh@bk.ru

© Абрамова Александра Николаевна

Государственный историко-археологический музей-заповедник
им. Е. Д. Фелицына, г. Краснодар, abramovasacha0902@gmail.com

Аннотация. В статье приводятся основные результаты начала исследования грунтового могильника Дукмасов-2, раскопки которого прошли в 2022 г. На площади 300 кв. м. в первый полевой сезон было исследовано 6 погребений и 18 ритуальных комплексов. Встреченные в открытых комплексах античные импорты относятся к первой четверти IV в. до н.э. Также приводятся первичные половозрастные определения погребённых. Так как данное сообщение является предварительным, дальнейшее исследование костей животных, лошадей и бронзовых изделий с применением молекулярных методов позволит более точно ответить на вопрос об особенностях жизни древнего населения, оставившего могильник Дукмасов-2.

Ключевые слова: Северный Кавказ, ранний железный век, меотская археологическая культура, погребения, ритуальные комплексы.

Abstract. The report represents the main results of the beginning of the study of the soil burial ground 'Dukmasov-2', the excavation was carried out in 2022. In the first field season 6 burials and 18 ritual complexes were made on an area of 300 square meters. Antique imports, which were found in open complexes, date back to the first quarter of the 4th century BC. The report also contains primary gender and age definitions of the buried subjects.

The results are preliminary, so we suggest further study of animal bones, horses and bronze items using molecular methods. It provides a more accurate answer to the question about the life features of the ancient population that was found in the Dukmasov-2 entombment.

Keywords: North Caucasus, Early Iron Age, Meotian archaeological culture, burials, ritual complexes.

В августе-сентябре 2022 г. в рамках реализуемого проекта Российского научного фонда № 22-18-00108 «Северный Кавказ в эпоху поздней бронзы и раннего железа: люди, кони, металл» участником проекта В. Р. Эрлихом для полевого исследования был выбран могильник археологического комплекса Дукмасов – могильник Дукмасов-2, раскопки которого прежде не проводились.

Могильник Дукмасов-2 соответствует одному из наиболее крупных поселений

меотской культуры, площадь которого составила 53 га. Само поселение располагается в Шовгенновском районе Республики Адыгея (далее – РА) и частично в Белореченском районе Краснодарского края. Поселение хорошо заметно на аэрофотосъёмке и космических снимках, на которых чётко видны жилые холмы (меотские жилища), составляющие древние улицы. Разведочные работы на этом городище были произведены в 2014 г. отрядом Кавказской археологической

¹ Исследование проводилось при поддержке Российского научного фонда, грант № 22-18-00108.

экспедиции музею Востока под руководством Г. Л. Годизова. Сборы подъёмного материала и шурфовка показали, что поселение относится к V–IV вв. до н.э. [Годизов, 2020, с. 57, 58, рис. 1].

Во время разведок к северу от городища был открыт соответствующий ему могильник, находящийся на границе Шовгеновского и Красногвардейского районов РА. Могильник систематически подвергался разграблению, и при его обследовании в 2014 г. были обнаружены грабительские мы.

В августе–сентябре 2022 г. в рамках реализуемого проекта на части могильника, находящегося в Красногвардейском районе, был заложен раскоп (Раскоп-1) общей площадью 300 м², имевший форму прямоугольника с размерами 30×10 м. Для большего удобства разбивка раскопа производилась параллельно каналу, таким образом, отклонение от реального севера короткой стороны раскопа составило 12,5°. Для фиксации стратиграфии через 15 м была оставлена поперечная бровка толщиной 1 м, разделющая раскоп на две половины. Раскопки могильника велись поквратно, квадратами 5×5 м при помощи полноповоротного экскаватора LiuGong с приваренной планировочной пластиной, позволяющей снимать тонкие пласты грунта толщиной около 5 см. При обнаружении костей либо керамики механизм останавливался и производилась ручная расчистка. Раскоп зачищался по поверхности после снятия каждого полуметра. Планировка могильных мы, как и у всех меотских могильников данного микрорегиона, нигде не прослеживались. Так же по методике, выработанной в процессе исследования меотских грунтовых могильников, где погребения находятся в чернозёмном слое (средняя глубина ок. 1,5 м от современной поверхности) и могильные мы не прослеживаются, активно использовался металлодетектор «Minilab», которым «прозванивали» квадрат после снятия каждого пласта грунта. Благодаря

этому удалось обнаружить несколько индивидуальных находок, которые нанесены на общий план.

Борта раскопа и фасы поперечной бровки зачищались вручную и фиксировались.

Под слоем дерна мощностью 10–15 см находится коричневый гумусированный суглинок – пахотный слой – его мощность от 30 до 50 см. Ниже залегала неровная прослойка тёмно-коричневого гумусированного суглинка – перемешанного чернозёма, мощностью 5–25 см. Её подстилает слой чернозёма – гумусированного суглинка тёмного цвета толщиной 25–35 см, ниже находится также гумусированный суглинок, но с включением жёлтой супеси – его мощность 25–40 см. Этот слой подстилал материк – светло-коричневый суглинок с вкраплением жёлтой супеси – мощностью 40–80 см. Ниже глубины 170–180 см залегает слой материка в верхней части – это суглинок с вкраплением жёлтой супеси, ниже – это влажная глина серо-зелёного цвета, имеющая включения ила. Все обнаруженные в могильнике объекты находились на глубине от -50 до -189 см от репера раскопа, за который был взят северо-западный угол сети квадратов.

В раскопе 1 могильника Дукмасов-2 в 2022 г. было обнаружено всего 24 погребальных и поминальных комплекса: шесть погребений, девять ритуальных скоплений, четыре развала керамики, пять скоплений костей жертвенных животных.

Среди семи погребённых, обнаруженных в шести открытых погребениях, четыре имели ориентировку в южный сектор, два погребённых – северную, один погребённый – западную. Следует отметить, что северную ориентировку имели два детских погребения (№ 2 и 4). У детских погребений 1Б и 4 прослежено скорченное положение на правом боку.

Все скелеты были переданы для палеоантропологического изучения. Сохранность костной ткани соответствует

4–5 баллам [Пежемский, Сеницына, 2009]. По классификации Н. Н. Мамоновой скелетированные останки плохой и очень плохой сохранности [Мамонова и др., 19]. Эти факторы сделали невозможным применение стандартных палеоантропологических методик, используемых для изучения черепа и посткраниального скелета. Поэтому, там, где это было возможно, определили пол и возраст погребённых, а также осуществили забор образцов для последующего изотопного и генетического анализа.

Кости таза в условиях плохой сохранности почти полностью отсутствовали, поэтому при определении пола погребённого основное внимание обращалось на признаки краниального скелета: общая массивность и выраженность рельефа, форма углов и тела нижней челюсти, степень развития надбровья, форма верхнего края орбиты, размер сосцевидных отростков и затылочного бугра. При изучении посткраниального скелета учитывалась общая массивность скелета и развитие макро- и микрорельефа на костях. При определении возраста учитывалась степень облитерации швов черепа и степень стёртости коронок зубов. С учётом сильного разрушения скелетов, для определения возраста у детей использовалась только схема прорезывания зубов [Ubelaker, 1978].

Из шести переданных скелетов два принадлежали детям. Ребёнок из погребения 1 умер в возрасте 4–5 лет. Вторым ребёнком из погребения 4 по зубному возрасту соответствует 5–6 годам. Остальные скелеты принадлежали взрослым индивидам. В погребении 1 вместе с ребёнком был похоронен мужчина 45–55 лет. В погребении 2 женщина, точную границу возраста у которой определить не удалось из-за плохой сохранности костей. В погребении 3 также была похоронена женщина (?), умершая в возрасте 25–35 лет. Сохранность скелета из погребения 5 не позволила определить пол и возраст погребённого. В погребении 6 находился женский ске-

лет, для которого возраст определён в очень широком интервале 25–45 лет.

Большое количество жертвенных комплексов (18), открытых в раскопе 1, скорее всего, можно отнести его близостью (25 м) к кургану Дукмасов-3, на котором, вероятно, находилось святилище.

Большинство ритуальных и погребальных комплексов сопровождалось многочисленными находками.

Из последних следует отметить местную лепную и гончарную керамику, предметы вооружения – меч, наконечники стрел, наконечники дротиков, украшенные – стеклянные бусы, бронзовые браслеты, серебряное височное кольцо, перстень (рис. 1).

Основанием для датировки открытых комплексов являются найденные в «скоплении 6» фрагменты мендеевской амфоры (типа II-B «портичелло» по С. Ю. Монохову) (рис. 2, 1) [Монохов и др. 2021, с. 137–143], датируемой 1-й четв. IV в. до н.э. С этой же датой согласуется и находка нижней части чернолакового скифоса из ритуального комплекса «скопление 7» (рис. 2, 2). По своему профилю он наиболее близок скифосу № 349 каталога чернолаковой керамики агоры Афин, датирующемуся 400–375 гг. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, Part 1, p. 260; Part 2, fig. 4, pl. 16]. В то же время, о возможной более ранней дате могильника может свидетельствовать находка в пахотном слое центральной части железного акинака с бабочковидным перекрестием.

Для дальнейшего лабораторного исследования были отобраны образцы костей лошади для антропологического и палеогенетического исследования. Изделия из цветного металла переданы для анализа в лабораторию кафедры археологии МГУ.

Раскоп 1 был исследован до материка, комплексы в западной части раскопа и прирезках, уходящие в борта были законсервированы до следующего сезона. Исследование этого памятника планируется продолжить.

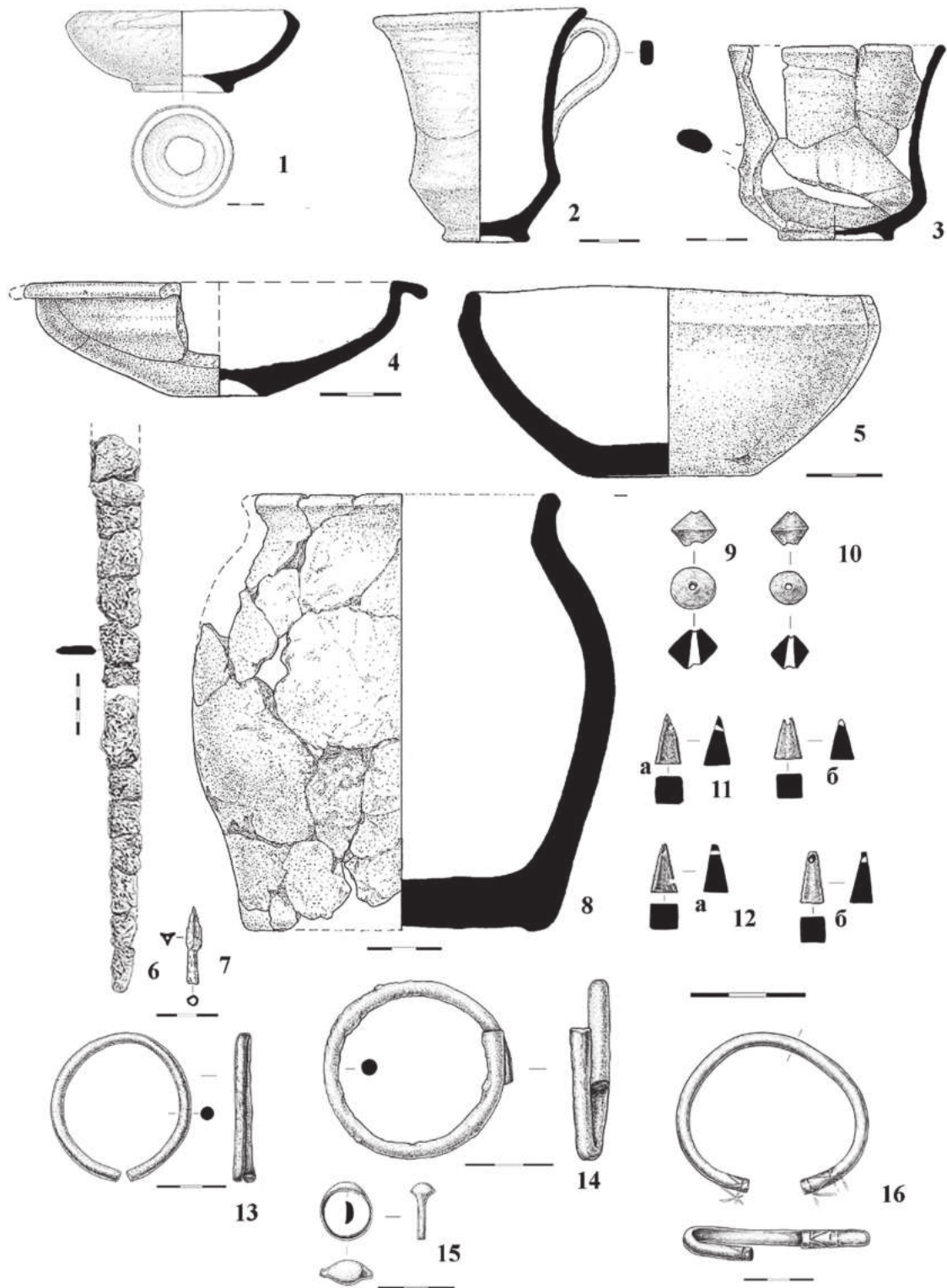

Рис.1. Грунтовый могильник Дукамасов-2.
 1, 6, 11 – погребение 1; 2–4 – погребение 3; 5, 9, 10 – погребение 6;
 7, 13–16 – находки из заполнени могил; 8 – скопление 5.
 1–5, 8 – керамика; 6, 7 – железо; 9–12 – стекло; 13–16 – бронза

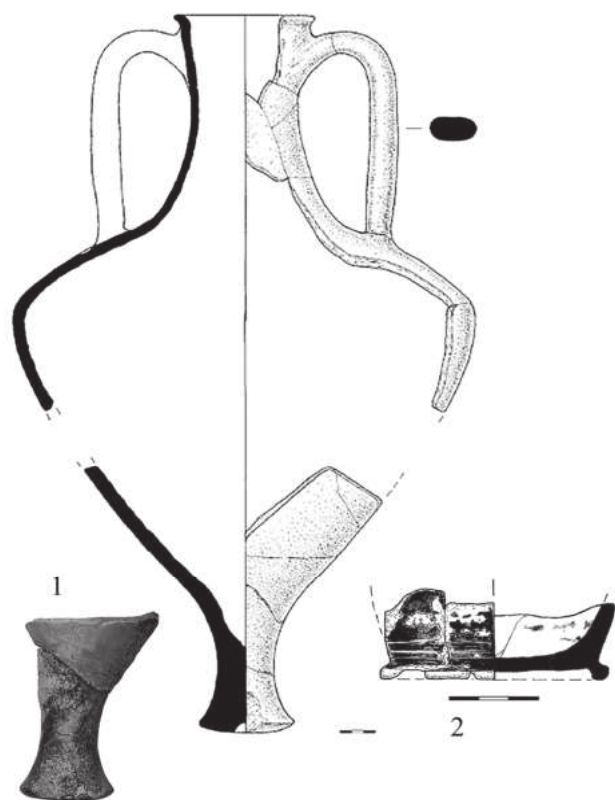

Рис. 2. Грунтовый могильник Дукамасов-2.
1 – скопление 6, развал керамики 4, фрагменты амфоры.
2 – скопление 7, дно чернолакового скифоса

Список литературы

Годизов Г. Л. Новые памятники археологии в Адыгее // ВАА. Майкоп, 2020. С. 57–64.

Мамонова Н. Н., Романова Г. П., Харитонов В. М. Первичная обработка и определение антропологического материала в полевых условиях // Методика полевых археологических исследований. Л., 1989. С. 50–83.

Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Амфоры Прикубанского некрополя IV – начала III в. до н.э. (из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына). Саратов, 2021. 324 с.

Пежемский Д. В., Сеницына Н. П. Методика изъятия из саркофагов погребального инвентаря, органических материалов и скелетных останков // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. История усыпальницы и методика исследования захоронений. Т. 1. М., 2009. С. 55–71.

Sparkes B. A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th, and 4th Centuries B.C. Athenian Agora XII, Part 1 (Text); Part 2 (Indexes and Illustr.). Princeton, N. J., 1970. 597 p.

Ubelaker D. H. Human skeletal remains: excavation, analysis, interpretation. Chicago, 1978. 116 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

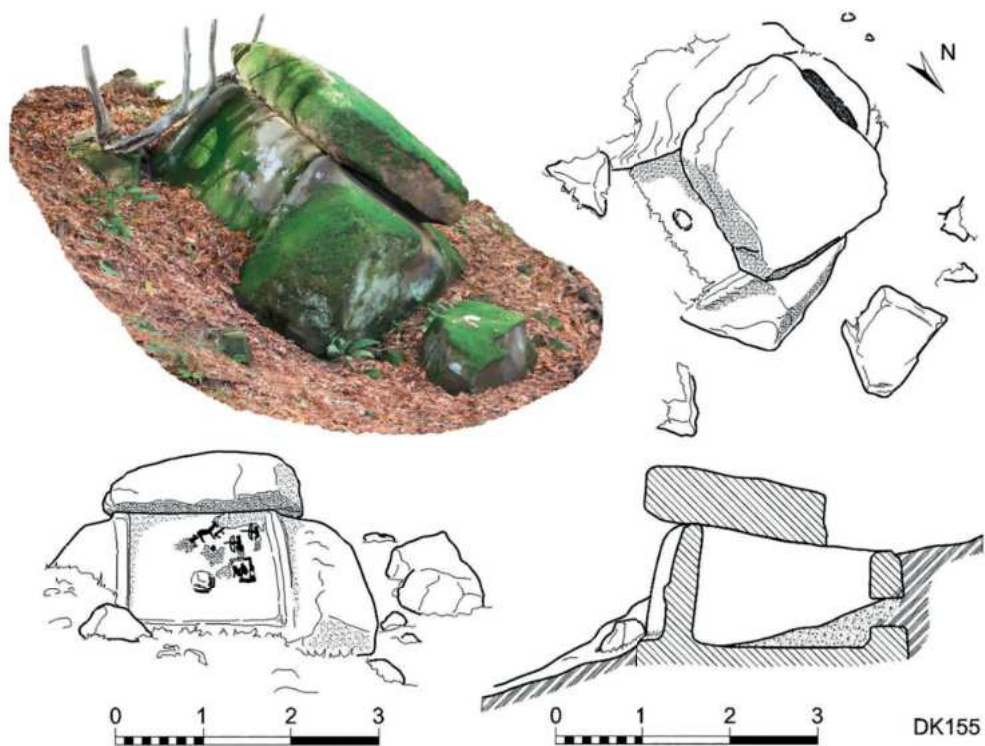

Рис. 1. Общий вид, план, фасад, и разрез дольмена DK 155 группы Капибге-1

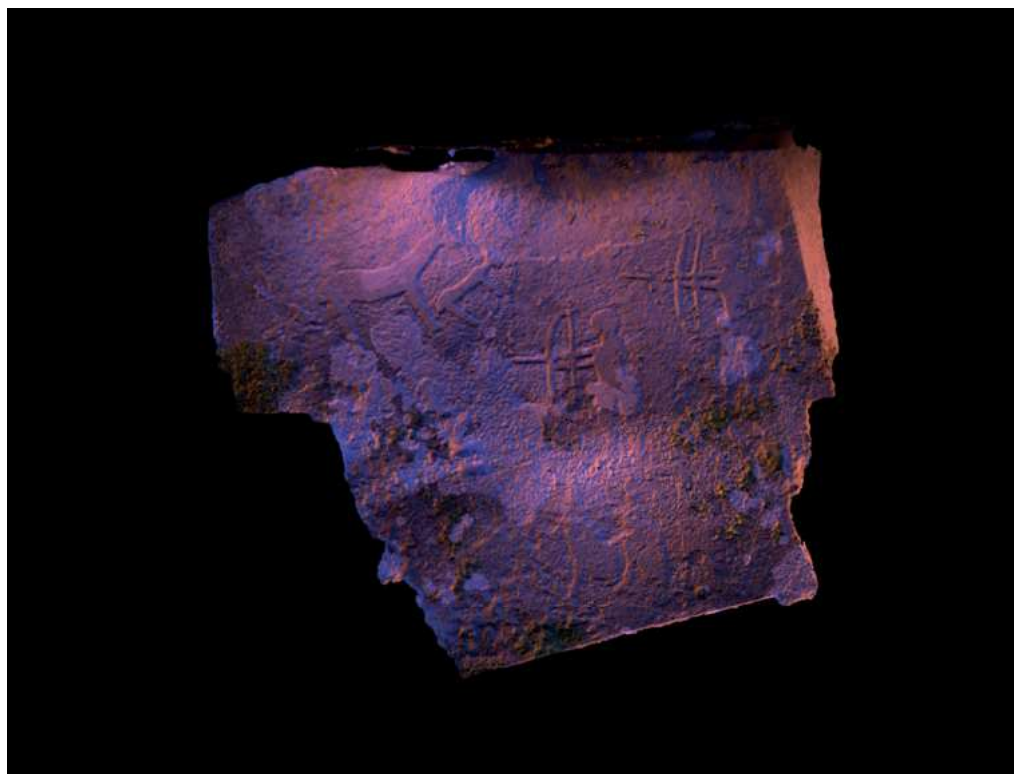

Рис. 2. Петроглифы на поверхности фасада дольмена K155 дольменной группы Капибге-1

1

2

3

Рис. 3. Дольмен в пос. Ацхыд г. Ткварчал респ. Абхазия:
 1 – фронтальная плита in situ во время обнаружения.
 Фото сделано и предоставлено Аршба А. Г., 2 – боковая плита in situ,
 3 – фотограмметрическая модель фронтальной плиты с размерами

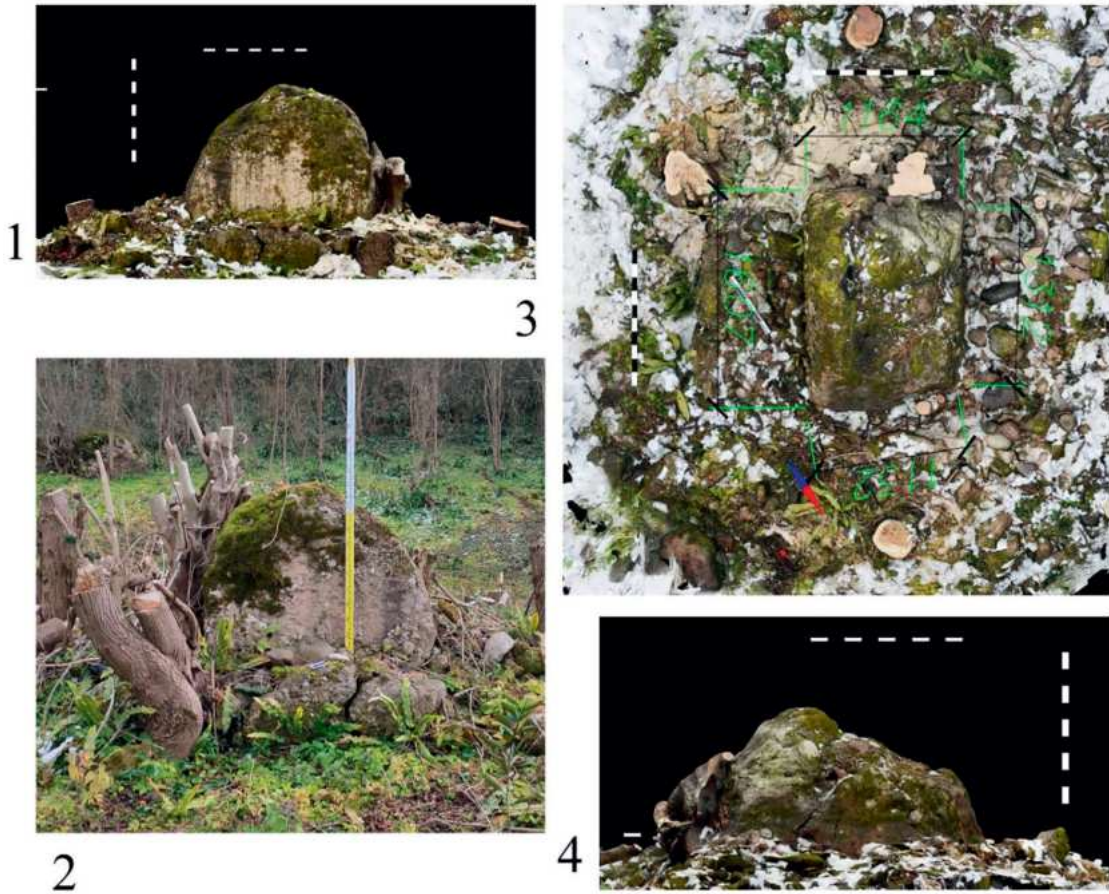

Рис. 4. Менгир на Маркульском городище: 1 – 3-D фотограмметрическая модель, вид на западную сторону, 2 – фото менгира с запада, 3 – 3-D фотограмметрическая модель, вид сверху с размерами, 4 – 3-D фотограмметрическая модель, вид на восточную сторону

Рис. 5. Кувшин с налетом

Рис. 6. 1 – Железный кинжал; 2 – пряжка; 3 – бронзовые серьги; 4 – серебряная монета

Рис. 7. Нож с костяной рукояткой

Рис. 8. Римская монета из Национального музея Республики Адыгея (фото А. И. Бабиец)

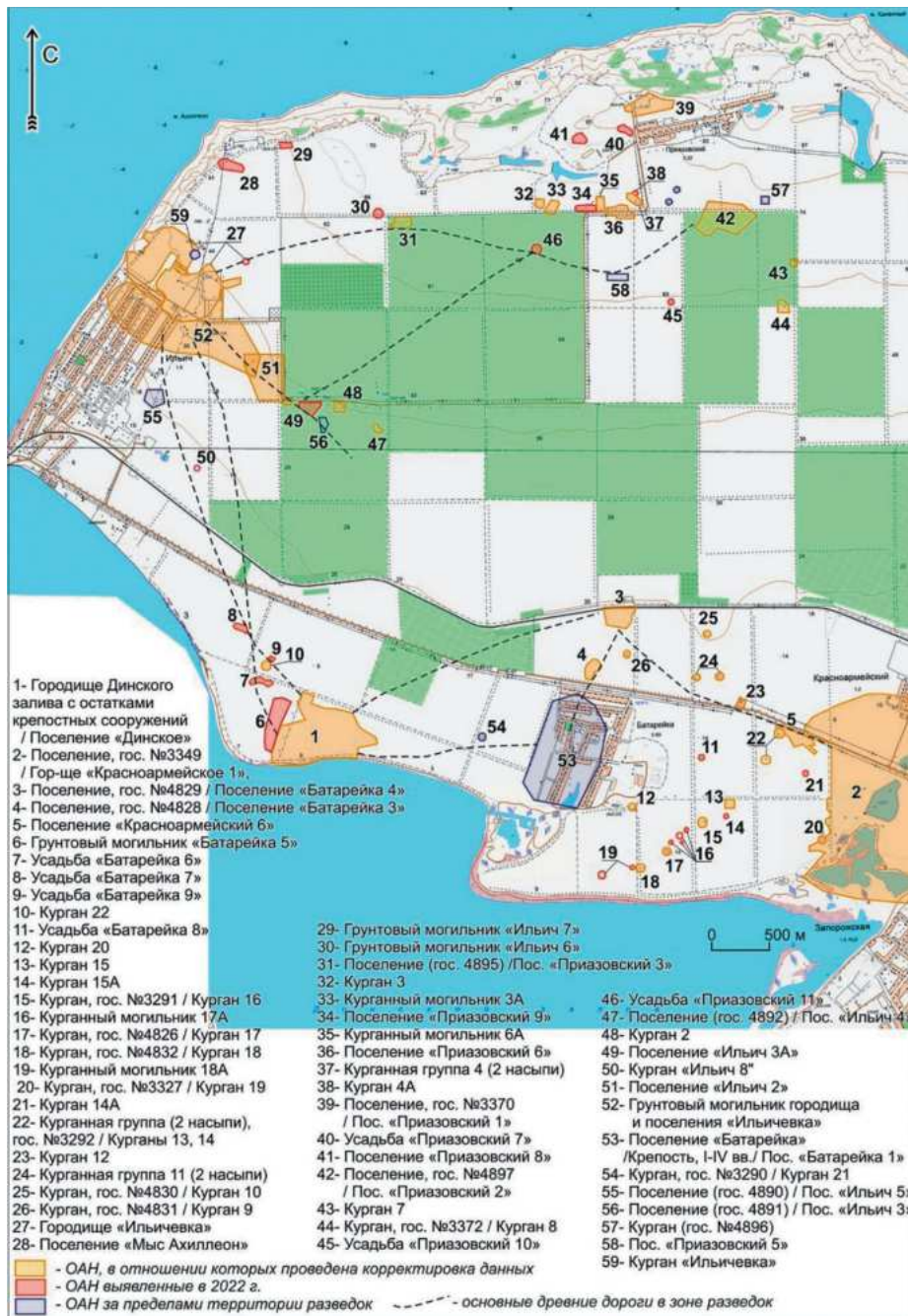

Рис. 9. Памятники археологии, исследованные в 2022 г.

Рис. 10. Поселение (гос. 4895). Шурф 450. Погребение. План и инвентарь

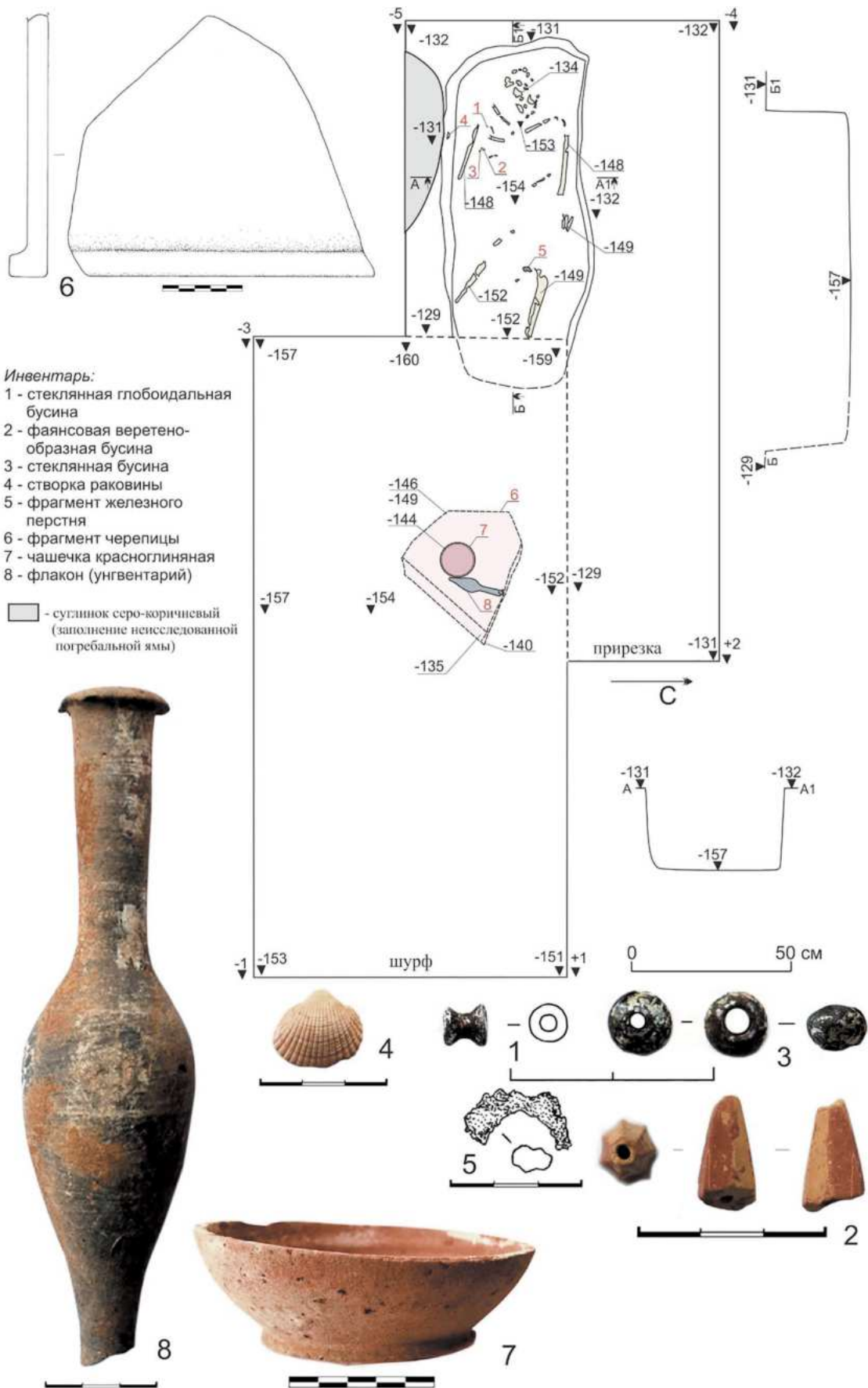

Рис. 11. Грунтовый могильник «Ильич 7». Шурф 571. Погребение. План и инвентарь

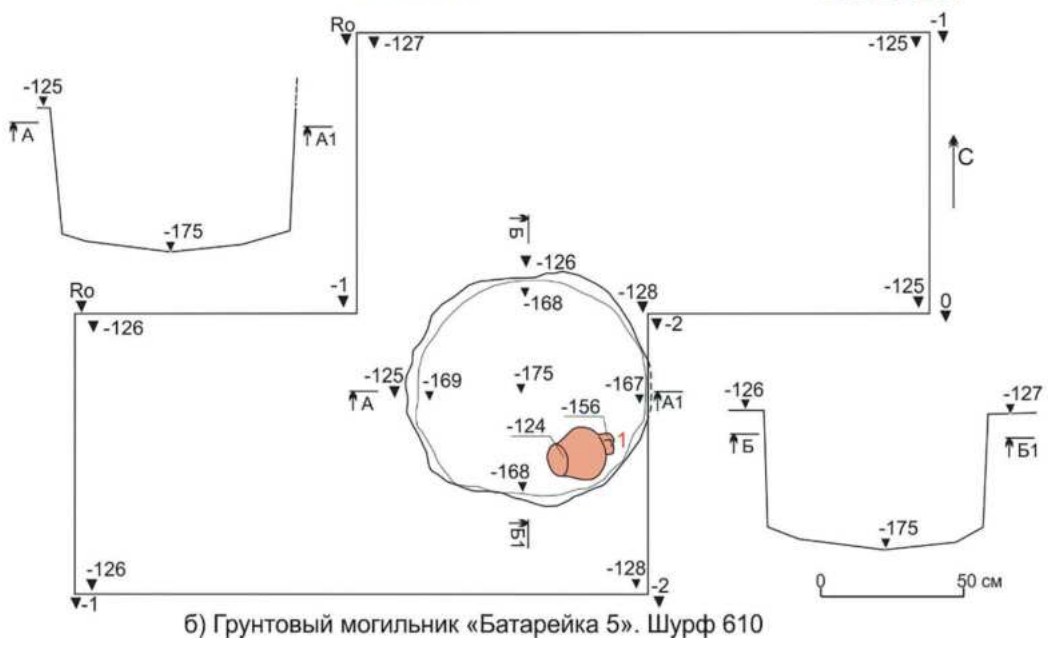
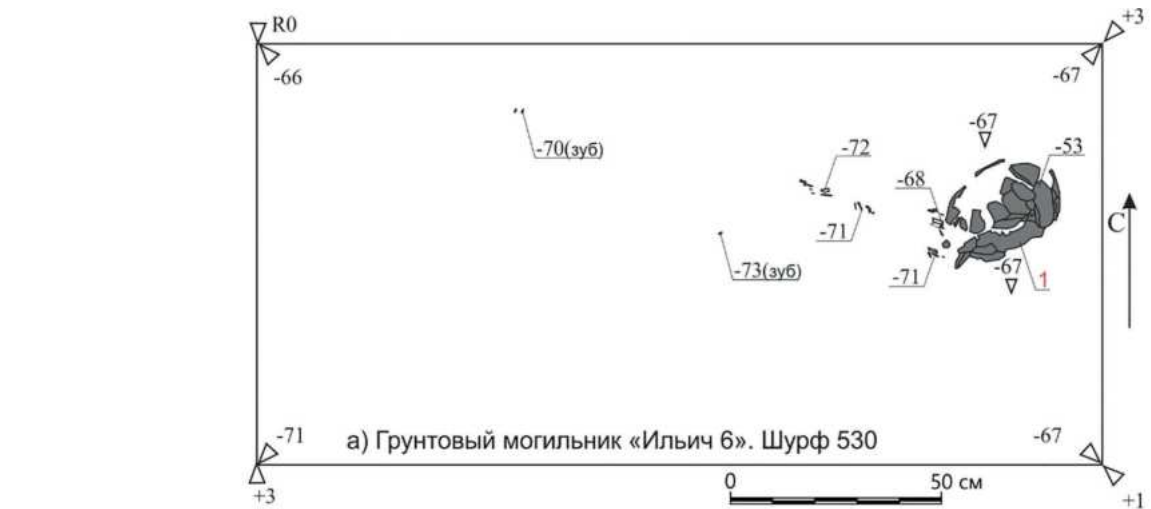

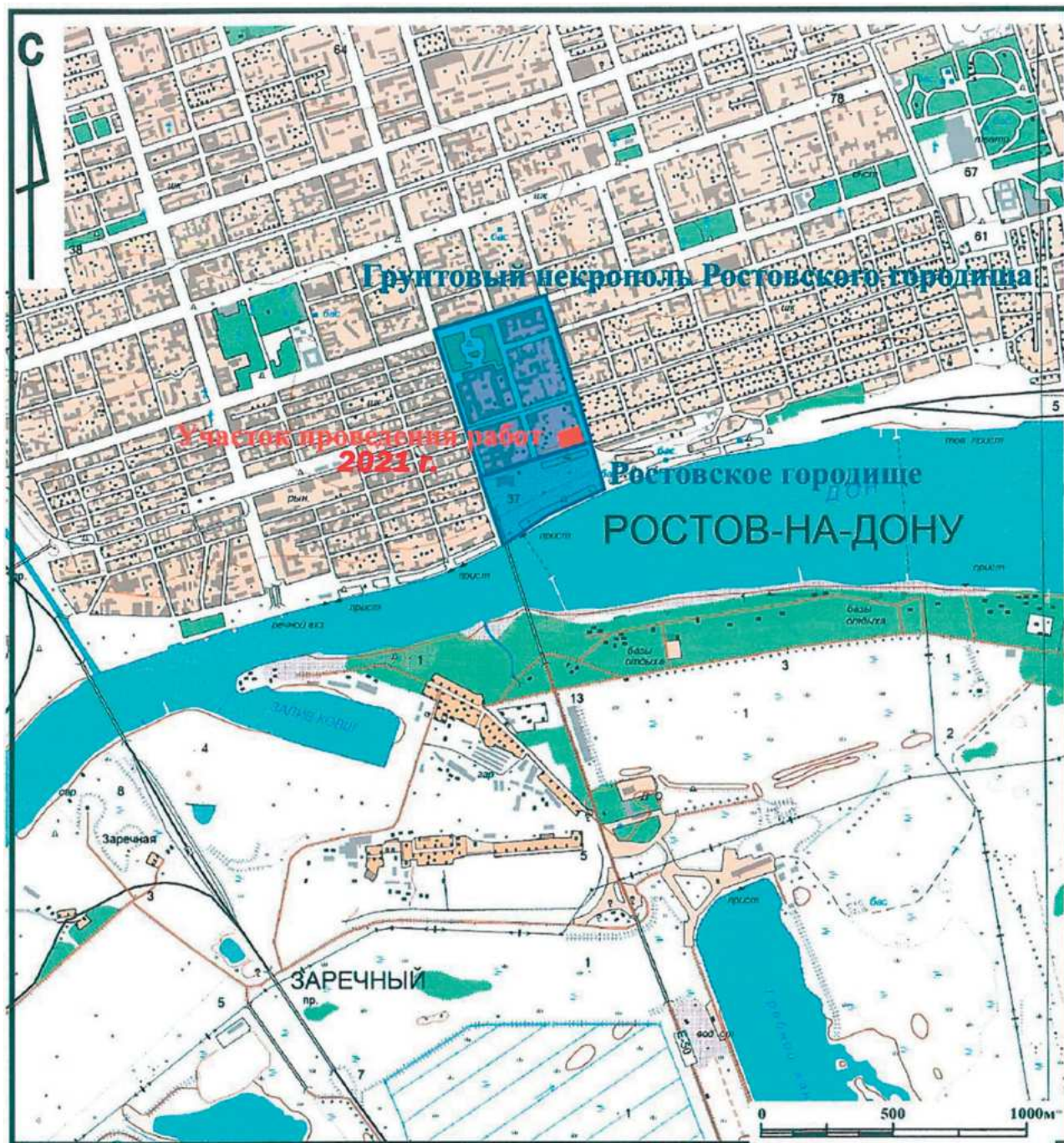
Рис. 12. Грунтовые могильники «Ильич 6» и «Батарейка 5»

Рис. 13. Местоположение памятников с лепной керамикой II–III вв. н.э.

Рис. 14. План крепости Св. Димитрия Ростовского, выполненный в 1768 году А.И. Ригельманом, с указанием места расположения Ростовского городища

Условные обозначения:

- ОКН "Грунтовый некрополь Ростовского городища".
- ОКН "Ростовское городище"

Рис. 15. Место расположения Ростовского городища и его некрополя на карте г. Ростова-на-Дону

Рис. 16. Участок рва Ростовского городища, открытый в ходе исследований 2021 года. Вид с запада

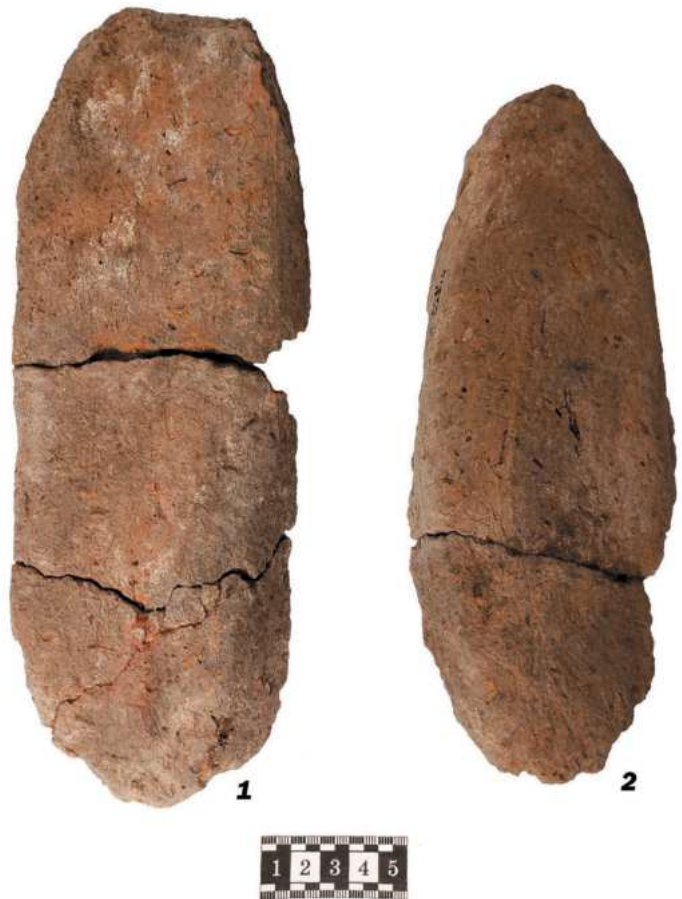

Рис. 17. Лепные колодки для изготовления обуви

Рис. 1

Рис. 18. Святылище на усадьбе «Хутор Воскресенский». Верхний горизонт построек, вид с юга

Рис. 19. Святылище на усадьбе «Хутор Воскресенский». Нижний горизонт построек, вид с востока

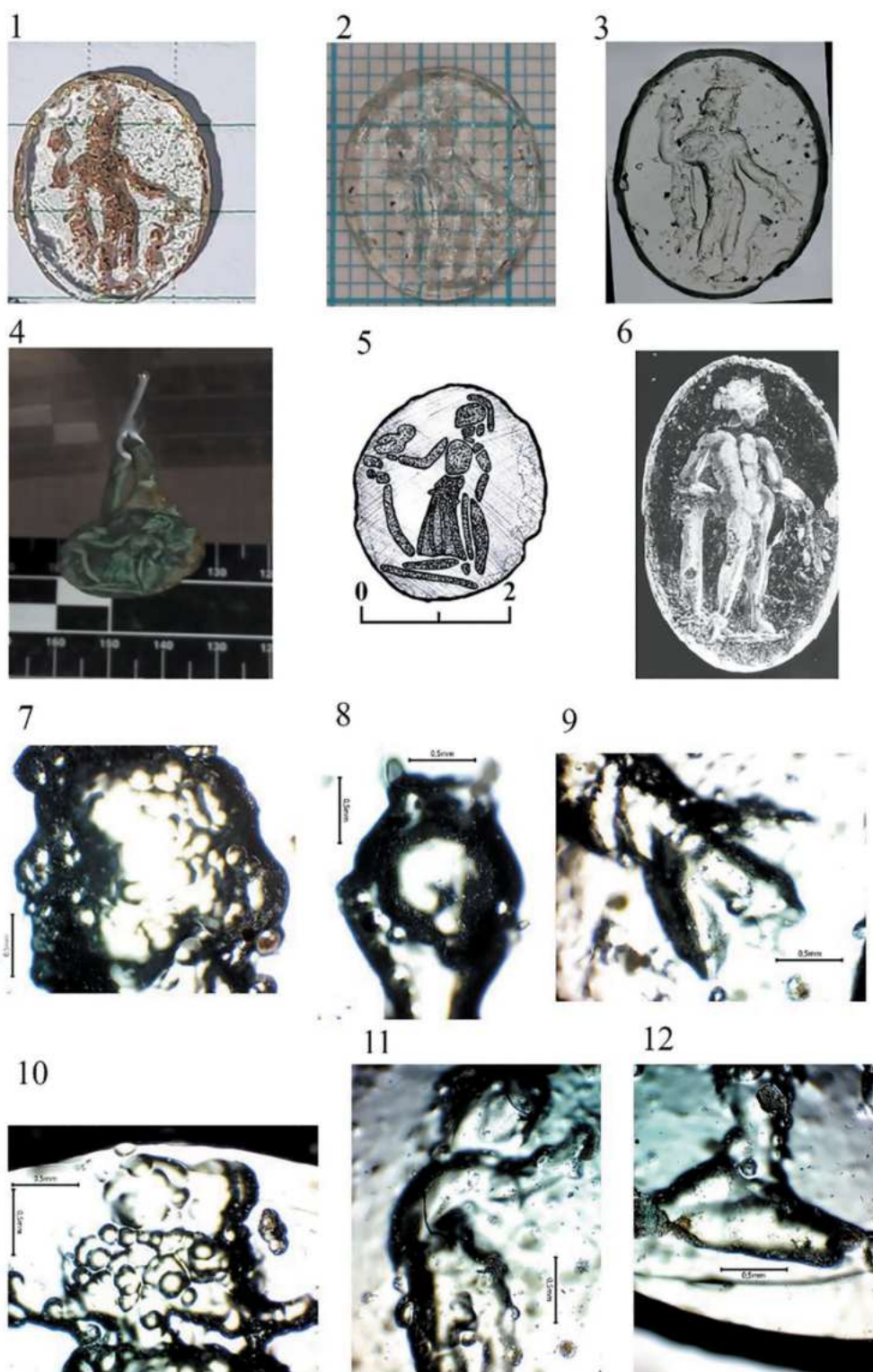

Рис. 20. 1–3 – общий вид геммы из Маркульского городища; 4–6 – аналоги;
 7–12 – отдельные элементы изображения на гемме из Маркульского городища; 1 – фото в поле;
 2 – фото после очистки; 3 – ортофотоплан с отмывкой «высот» на основе 3D фотограмметрической
 модели; 4 – перстень с изображением Афины-Паллады из с. Куланырхуа фото; 5 – то же, рисунок,
 А. А. Кизиловой; 6 – гемма из Фанагории; 7 – лицо основной фигуры на Маркульской гемме
 с увеличением 40-х; 8 – горшочек в правой руке; 9 – ветвь или посох в левой руке; 10 – убор на голове;
 11 – маленький человечек; 12 – стопа

Рис. 21. Костяная бусина из раскопок на храме в Маркульском городище:
вид сверху, снизу, с 4-х сторон и в сечении

Рис. 22. Погребение 119, южный сектор могильника, поздняя группа погребений.
Пример погребения в узкой яме

Рис. 23. Погребение 128, южный сектор могильника, поздняя группа погребений.
Пример погребения в широкой могильной яме

Рис. 24. Погребение 80, восточный сектор могильника.
Пример нестандартного положения умершего на левом боку

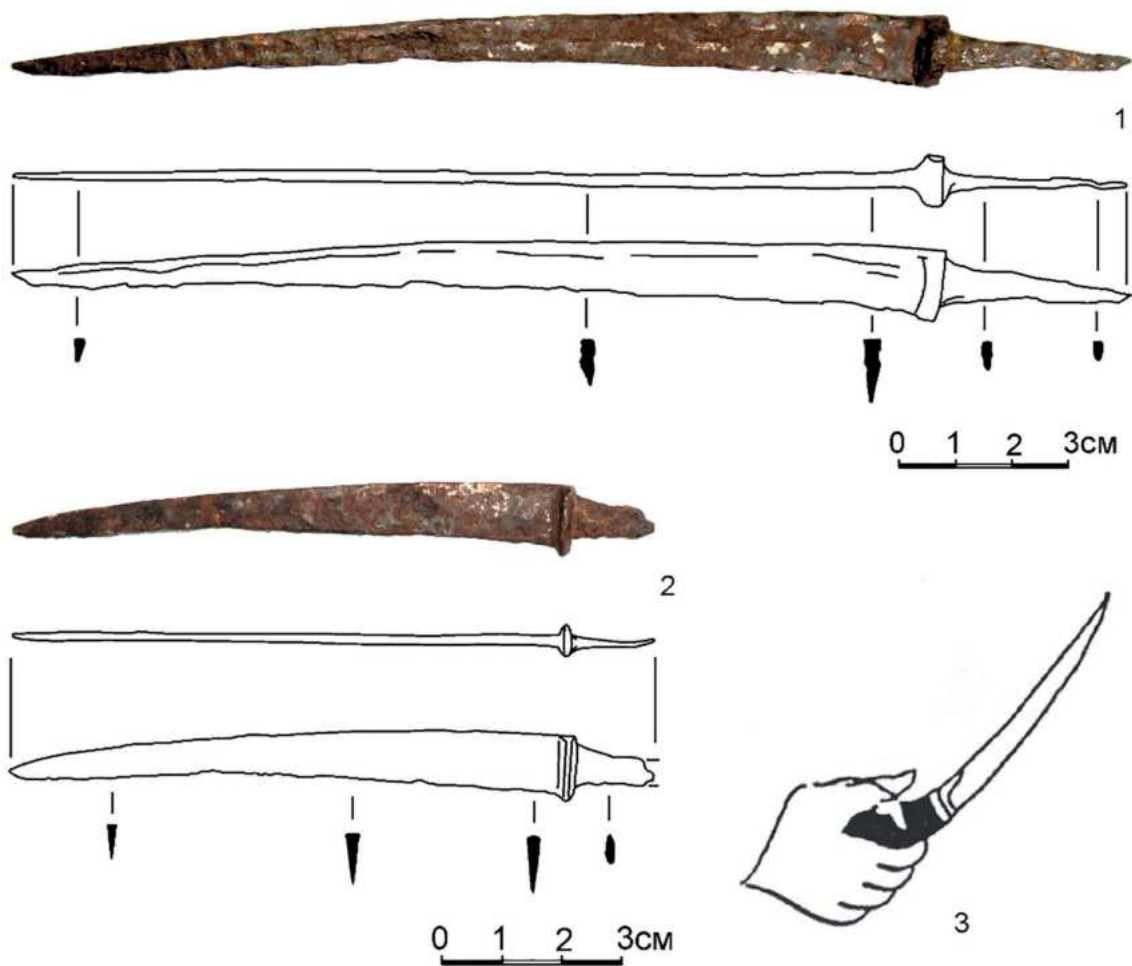

Рис. 25. 1 – нож, железо; 2 – нож, железо; 3 – нож и хват по прорисовке И. А. Дружининой на тебризских миниатюрах XIV в.; 4 – поединок Рустама и Сухраба, Шахнаме, миниатюра XVI в.

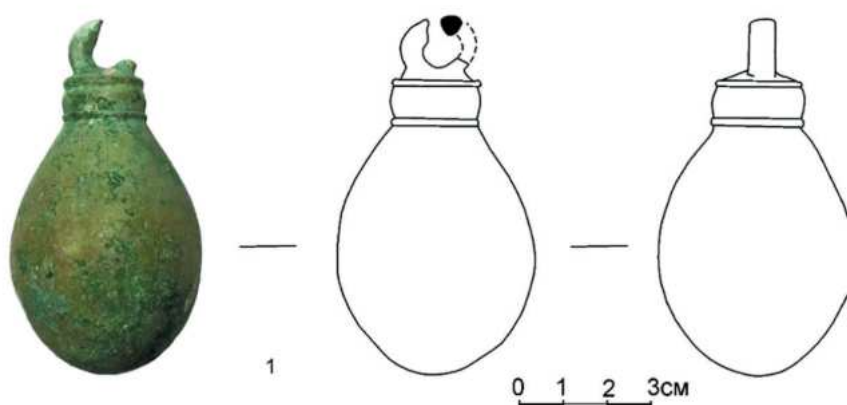

Рис. 26. Гиря кистеня, бронза

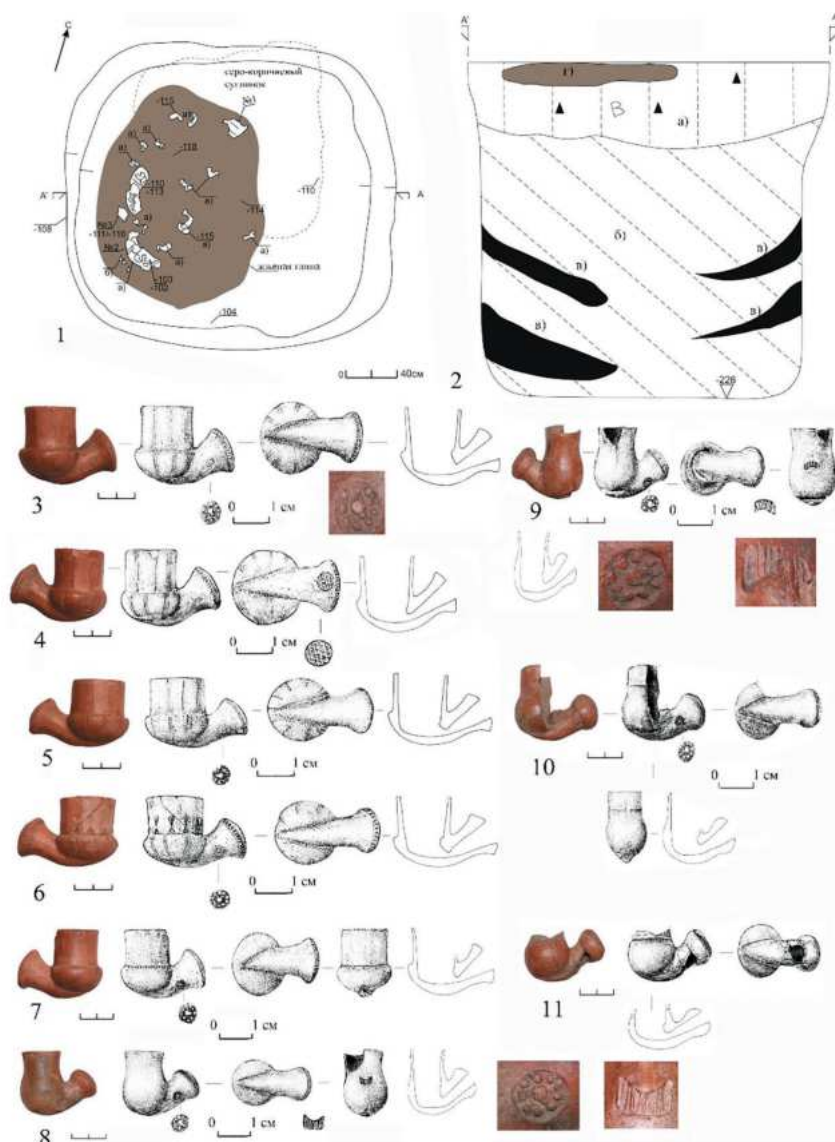

Рис. 27. Ростов-на-Дону, 35 линия. 1 – объект 1, план: а) – курительные трубки, б) – древесный уголь; № 1–3 – фрагменты сосудов. 2 – объект 1, разрез: а) – серый грунт с сажей, б) – коричнево-серый суглинок, в) – светло-коричневый суглинок, г) – жженная глина. 3–7 – трубки фасона «тохта-чубук». 8–11 – трубки фасона «тюльпан»

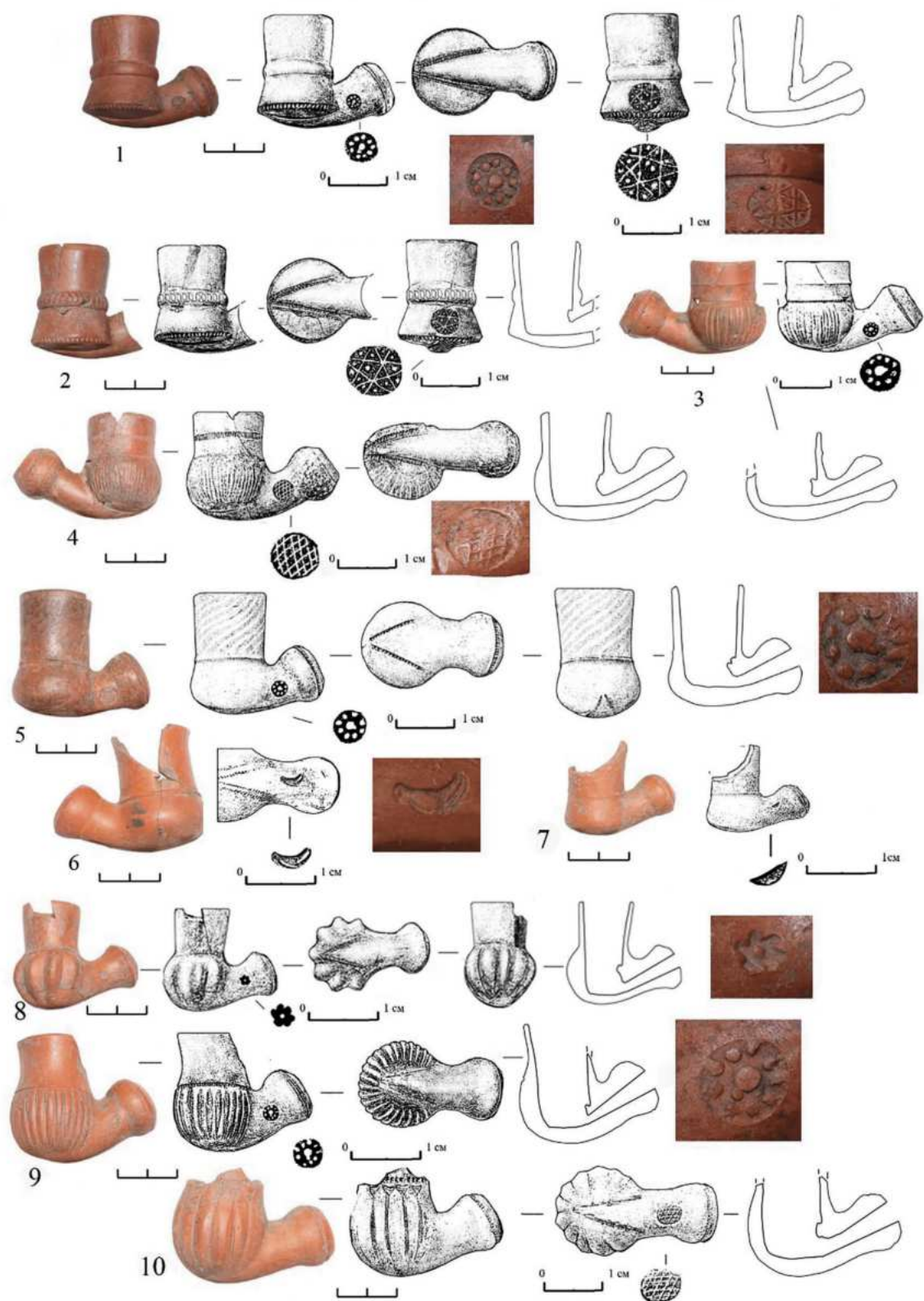

Рис. 28. Ростов-на-Дону, 35 линия.

1–2 – трубки фасона «тюльпан» с плоским дном основания.

3–4 – трубки фасона «тюльпан» с рифлёным основанием чашечки.

5–7 – трубки фасона «тюльпан» без выделенного кила.

8 – трубки «малого фасона» с канелюрами.

9–10 – трубки фасона «тюльпан» с рифлением нескольких видов и выделенным килем

Раздел 3
ИСТОРИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902/904

**МОГИЛЬНИК КАЗАЗОВО 1 (МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК 1972 Г.)
ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹**

© *Абрамова Александра Николаевна*

Институт востоковедения РАН, г. Краснодар, abramovasacha0902@gmail.com

© *Дружинина Инга Александровна*

Институт востоковедения РАН, г. Москва, inga_druzh@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются первые результаты палеоантропологического исследования черепов, полученных в ходе раскопок, проведенных в 1972 году на могильнике Казазово 1. Представлены возможности уникального источника – фотоматериалов (негативов пленок), на которых зафиксирован процесс раскопок, для анализа погребального обряда населения, оставившего могильник, а также для идентификации комплексов.

По палеодемографическим показателям прослежено отличие поздней выборки (XIII–XIV вв.) от раннесредневековой. Выявлен высокий процент индивидов, доживших до старости. Рассмотрены возможные причины полного отсутствия в антропологической коллекции детей до 1 года. Анализ материалов раскопок по архивным фотопленкам также показал поликультурный состав населения, захороненного на могильнике Казазово 1.

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, Средние века, палеодемография, погребальный обряд, половозрастная структура населения, палеоантропология.

Abstract. The article discusses the first results of the paleoanthropological study of skulls obtained during excavations conducted in 1972 at the Kazazovo 1 burial ground. The possibilities of a unique source - photographic materials (film negatives), on which the excavation process was recorded, for analyzing the burial rites of the population that left the burial ground, as well as for the identification of complexes, are presented.

The paleodemographic indicators show the difference between the late sample (XIII–XIV centuries) and the early medieval one. A high percentage of individuals who lived to old age is revealed. Possible reasons for the complete absence of children under 1 year of age in the anthropological collection are considered. The analysis of excavation materials on archival photographic films also showed the multicultural composition of the population buried at the Kazazovo 1 burial ground.

Keywords: Northwest Caucasus, Middle Ages, paleodemography, burial rites, sex and age structure of the population, paleoanthropology.

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-18-00869, <https://rscf.ru/project/23-18-00869/>

В 1972 г. экспедицией Кубанского университета и краеведческого музея (ныне КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына) под руководством Н. В. Анфимова проводились раскопки средневекового могильника площадью ок. 16 тыс. м², расположенного близ аула Казазово (Республика Адыгея, Теучежский район). Научный отчет об исследовании памятника в ОПИ Института археологии АН СССР сдан не был. Сама обща характеристика результатов работ содержится в статье В. А. Тарабанова [1983].

В ходе раскопок было исследовано 886 погребений двух хронологических групп. Расположенные в западной, северной и восточной части могильника 212 комплексов по особенностям обряда и составу погребального инвентаря датированы В. А. Тарабановым концом VII–IX вв. и соотнесены с памятниками праболгарского этнокультурного компонента салтово-мацкой культуры². Остальные 674 погребения, локализованные в южном секторе некрополя, исследователь датировал X–XIII вв. и интерпретировал как «погребения адыгов» [Тарабанов, 1983]. Сделанные на основе археологического материала выводы об отсутствии генетической и хронологической связи между двумя группами могильника в дальнейшем подтвердили краниометрические исследования. Сравнение двух серий черепов, полученных в ходе раскопок этого памятника, выявило сходство ранней группы с черепами из могильников Балабанка, Дуба-Юрт и Мощева Балка, а поздней выборки – с краниологией из аланских некрополей и с материалами, традиционно соотносимыми исследователями с предками адыгов [Герасимова, Тихонов, 2003, с. 289].

По большому счету, средневековый могильник, раскопанный более 50 лет назад, и сегодня остается не изученным. Коллекции предметов, полевые дневники, чертежи и планы, переданные в КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына,

до сих пор не введены в научный оборот. Единичные аналитические обзоры отдельных предметов вооружения без общей публикации комплексов этого, без сомнения, эталонного для региона памятника, выполненные хранителем коллекции [Схатум, 2013; 2016], носят казуальный характер.

Несколько лет назад одним из авторов данной работы в фондах КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына была обнаружена палеоантропологическая коллекция, происходящая из раскопок средневекового могильника, расположенного на территории Гатлукаевского городища №2. Информация на этикетках содержала сведения о дате раскопок (осень 1972 г.). Все комплексы были разделены по четырём секторам исследованного памятника: южный, северный, западный и восточный, при этом нумерация погребений с этих участков была не сквозная, а параллельная. Коллекция имела поистине впечатляющие объёмы: восемь щиков размером 1,2×0,5×0,5 м, по большей части заполненные черепами. Изучение книг поступления предметов в музей, а также сообщения старших коллег – музейных работников, позволили атрибутировать палеоантропологическую коллекцию «Гатлукаевское городище №2, средневековый могильник» как материалы из раскопок могильника у аула Казазово. Эту атрибуцию полностью подтверждают сведения из статьи В. А. Тарабанова [1983, с. 149].

Благодаря розыскам в архивах нам удалось обнаружить негативы полевых съёмок раскопок, переданные в разные годы в архив музея исследователем. Негативы, к сожалению, до настоящего времени не приняты на хранение архивом. На сегодняшний день авторами статьи изучено 254 фотографии погребений, что составляет 28,7% от всех погребальных комплексов, исследованных на могильнике. Несмотря на то, что работа с фотоматериалами продолжается,

² Далее: с – северная, ю – южная, в – восточная, з – западная части могильника.

результаты предварительного анализа обработанной части уже представляют определённый интерес.

Негативы в целом подтверждают выводы о двух хронологических группах погребений. Поскольку статья В. А. Тарабанова посвящена анализу погребального обряда и инвентаря, в основном, ранней группы, а характеристике поздних материалов уделена всего одна страница, в данной работе мы остановимся на материалах именно этого хронологического пласта.

Прежде всего, как уже резонно отмечалось в литературе [Схатум, 2013, с. 93], предложенная В. А. Тарабановым датировка поздних комплексов X–XIII вв. должна быть скорректирована. Коллекция археологических находок предварительно датирована XIII–XIV вв. [Схатум, 2013, с. 93], с чем вполне согласуется информация с фотонегативов. При этом хронологи целого ряда захоронений, отнесенных В. А. Тарабановым [1983] к первой хронологической группе должна быть пересмотрена. Так, по типам сабель к поздней группе следует отнести, например, погребения 39в, 60в, 80в, 118с, 142с, 220с, по типу наконечника копья – 56в и т. д.

Характеризуя обряд поздней группы, В. А. Тарабанов отметил, что могильная яма была прослежена только в одном случае (п. 77), при этом поза погребённых соответствует «типичному для средневековых адыгов обряду: головой на запад, положение костяка на спине, вытянутое, руки сложены в области живота или груди, очень редко одна из рук вытянута вдоль тела, другая в области живота или груди». Анализ негативов позволяет дополнить эту информацию. Положение скелетов поздней хронологической группы (череп – на затылке, но под наклоном – подбородки прижаты к позвонкам грудины; сведённые в коленных нижние конечности, вытянутые параллельно и т. п.) довольно чётко фикси-

рует наличие в ряде захоронений узких или не сохранившихся погребальных конструкций. Тело умершего, вероятно, оборачивалось в саван или погребальная поза фиксировалась каким-то иным способом: погребения 2, 4, 10, 13, 16, 22, 24, 30, 31, 35, 39в, 49, 56в, 60в, 65, 66, 75, 119, 127, 140, 155³ (прил., рис. 22). С другой стороны, в целом ряде случаев (погребения 18, 27, 32, 33, 34, 36, 37, 38, 41, 43, 44, 46, 47, 50, 68, 72, 74, 80в, 118с, 120, 121, 128, 130, 131, 132, 133, 134, 138, 139, 141, 142, 143, 145, 147, 149, 151, 152, 154, 156, 220с) тела умерших не фиксировались/не свивались, погребения были совершены в широких могильных ямах, или, менее вероятно, конструкциях, позволявших костям скелета менять положение после того, как мягкие ткани истлевали (прил., рис. 23). Эти обрядовые особенности, как можно заметить по нумерации комплексов, особенно второй части выборки, скорее всего, локализовались на отдельных участках могильника, что должно найти своё объяснение. Возможно, захоронения без намеренной фиксации позы погребённого, совершены в более поздний хронологический период. Это предположение подтверждают находки самых поздних экземпляров сабель именно в данной группе погребений (см., напр., погребение 128ю) и материалы погребальных памятников черкесов XIV–XV вв., для которых не характерны узкие могильные ямы, а также пеленание тел.

Отдельно отметим редкие случаи лежачего положения скелетов (погребения 69ю, 80в) в поздней группе погребений (прил., рис. 24).

Яркой особенностью обряда, фиксируемой по фотоплёнкам, является положение в погребении сабли. Кроме одного захоронения (138ю), где сабля располагалась вдоль правого бока погребённого, лезвием к телу умершего, при этом рукоять выходила за череп. Во всех поздних воинских комплексах, которые

³ Здесь и далее, все погребения, кроме отмеченных особо, с южного участка могильника.

мы успели просмотреть, сабл располагалась слева от погребённого, остриём наружу, руко тью к ногам, наконечник ножен – или в районе левого виска или у левого плеча.

Интересные детали зафиксированы на снимках и в положении щитов в захоронени х: в погребении 118с перекрестие умбона находилось практически над центром груди погребённого, чуть сместившись вправо, а оковки демонстрируют, что щит укрывал всю верхнюю часть тела воина с головой. Суд по положению оковок щита из погребени 131ю, набитых в четыре концентрических р да, щит перекрывал центральную часть тела погребённого, умбон приходилс на центр живота. В погребении 139 умбон располагалс в области левого крыла таза.

Относительно детских погребений поздней хронологической группы (погребени 17ю, 33ю, 36ю, 70ю) нет оснований говорить о пеленании покойных. В ногах детей из погребений 33 и 70 были установлены керамические сосуды.

Дальнейшее изучение негативов пленок позволит уточнить особенности погребального обр да различных групп населени , оставившего могильник у аула Казазово.

Основна работа производитс с антропологической коллекцией. На сегодняшний день изучено 258 черепов. Первична обработка предполагала очистку от грунта, определение пола и возраста погребённых, фиксацию травматических повреждений, переупаковку черепов и оценку перспектив их дальнейшего изучени и реставрации. В данной публикации представлены первые результаты изучени половозрастной структуры населени , погребённого на могильнике.

В насто щий момент из восьми щитков, использовавшихс дл хранения палеоантропологической коллекции, изучены черепа из шести, в двух оставшихс по большей части содержатс кости посткраниального скелета. Это

даёт основание предполагать, что во врем раскопок не все черепа были собраны, или же часть коллекции оказалась утрачена в последующие годы в результате того, что ни один из черепов, в силу законодательства, действующего на момент поступления коллекции в музей, так и не был прин т на хранение. По воспоминани м Маргариты Михайловны Герасимовой, часть, видимо, наиболее целых черепов, была вывезена М. Г. Абдушелишвили в Грузию, где он планировал создать палеоантропологический центр.

Больша часть коллекции состоит из черепов, только у части скелетов сохранились кости посткраниального скелета, при этом могли быть собраны только длинные кости какой-либо конечности или, например, отдельные позвонки, рёбра. Такой избирательный подход к сбору скелетов, возможно, объ сн етс обсто тельствами, сопровождавшими раскопки, а также самой методикой археологических работ. Известно, что раскопки могильника у аула Казазово были инициированы в св зи со строительством Краснодарского водохранилища, наполнение которого началось в 1973 г. Так как пам тник попадал в зону затоплени , а его площадь и количество погребальных комплексов значительно превысили изначально предполагаемые, то раскопки проводились с помощью т жёлой техники [Стругова, 2018, с. 264]. Спешка и работа т жёлой техники пагубно сказались на сохранности скелетов. Значительное количество черепов сильно фрагментированы, часто утрачены целые отделы краниумов при полной анатомической сохранности остальных частей. При этом сохранность костной ткани в большинстве своём соответствует 1–2 баллам [Пежемский, Синицына, 2009]. Суд по характеру сломов, почти все они произошли в результате раскопок, а не тафономических изменений.

По воспоминани м М. М. Герасимовой, принимавшей участие в раскопках,

работа на могильнике шла полный световой день, а часто и в темноте при свете фар бульдозеров и скреперов. При снятии грунта скреперами часто происходило повреждение лицевого скелета и керамических сосудов из захоронений. В темноте же нередко погребение удавалось разглядеть, только когда большая часть его была уже уничтожена (М. М. Герасимова, устное сообщение).

То обстоятельство, что казавская палеоантропологическая коллекция сформирована, в основном, черепами, связано с развитием самой науки в тот период. Вплоть до 1970-х гг. отечественные палеоантропологи уделяли очень мало внимания изучению посткраниального скелета.

При определении пола и возраста, в условиях отсутствия посткраниального скелета, всё наше внимание было обращено на морфологические особенности черепа и нижней челюсти [Алексеев, Дебеч, 1964, с. 29–34; Standards for data..., 1994, р. 19–21]. Пол определялся только для взрослых индивидов. При определении возраста учитывалась степень облитерации швов черепа и степень стёртости зубных коронок [Герасимов, 1955, с. 121; Hajnis, Novak, 1976]. У детей оценивалась степень прорезывания зубов [Ubelaker, 1978]. Возрастные интервалы соответствовали недавно предложенной схеме определения биологического возраста [Пежемский, 2003; 2010]. Анализ палеодемографических показателей также проводился по методике, предложенной Д. В. Пежемским [2010].

В результате обработки около 80 % доступной нам суммарно для обеих хронологических групп палеоантропологической коллекции, не было выявлено ни одного скелета ребёнка, умершего в возрасте до 1 года⁴ (табл. 1). Сложно сказать, обусловлено ли это особенностями погребального обряда или же характером раскопок и сбора скелетных останков.

В целом, полученная нами структура населения не может характеризоваться с точки зрения нормальной выборки. Количество детей составило 11,3 %, что является очень малой величиной. Здесь, основную причину, следует искать в почти полном отсутствии детей до 3 лет. А именно за счёт детей этого возраста в палеогруппах и достигается высокий процент детской смертности.

Количество индивидов, умерших в юношеском возрасте составило 12,3 % – значение нормальное для ископаемой выборки. Взрослые составили в данной серии 83 %, что, безусловно, очень много, и склоняет к выводу, что при сборе черепов исследователи отдавали предпочтение взрослым индивидам, так как именно они всегда являются объектом краниометрического исследования. Однако, не исключена вероятность специфики погребальных практик, при которых детей первого детства могли хоронить обособленно.

Соотношение мужчин и женщин нормальное, с небольшим преобладанием женщин (51,8 %) над мужчинами (48,2 %). Если же мы обратимся к репродуктивной части населения, то количество женщин, умерших в репродуктивном возрасте, окажется меньше, чем мужчин (табл. 2). Это соотношение объясняется не низкой смертностью женщин в репродуктивном возрасте, на который, на самом деле, приходится пик смертности женского населения, а большим количеством мужчин, умерших в возрастном интервале 45–55 лет. Это наблюдение подтверждает величина первого репродуктивного поколения, которая составила почти 45 % от всего взрослого населения репродуктивного возраста, из которых около 67 % случаев приходится на женщин, что традиционно в палеодемографии связывается с фертильной функцией [Алексеев,

⁴ Из выборки исключены кости плода, которые были зафиксированы при разборе женского посткраниального скелета и вероятнее всего свидетельствуют не о погребении новорожденного, а о смерти женщины во время беременности.

1972; Алексеева и др., 2003]. Высокий показатель умерших в пострепродуктивном возрасте также достигается за счёт высокой смертности как мужского, так и женского населения в старческом возрасте. Превышение почти в два раза количества женщин, умерших в пострепродуктивный период, над мужчинами, легко объяснить тем, что пик смертности для мужчин приходится на период 45–55 лет, считающийся репродуктивным. У женщин также на эту возрастную когорту приходится второй пик смертности, однако данный возраст у женского населения считается пострепродуктивным. Если же посмотреть соотношение полов умерших в возрасте старше 55 лет, то здесь мужчины немного преобладают над женщинами. То есть при расчёте доли населения, умершего в пострепродуктивный период, учтена большая часть женщин старше 45 лет, мужчины же учитывались только те, что умерли в возрасте 55+. При этом, легко заметить, что 53% населения умирало после 45 лет, то есть, в результате естественного износа организма, вызванного старением. Если мы посчитаем соотношение полов, умерших в возрасте старше 55 лет, то здесь соотношение будет почти равным, с небольшим перевесом мужчин. Средняя продолжительность жизни с учётом детей составляет 40 лет, что, безусловно, очень много и объясняется малым количеством детских скелетов в серии. Поэтому наиболее достоверной величиной средней продолжительности жизни необходимо считать 41 год, который рассчитан без учёта детской смертности.

По палеодемографическим показателям сравнение ранней и поздней хронологических серий могильника проведено отдельно.

По количеству индивидов две выборки сильно различаются. В южной части было изучено 47 индивидов, остальная часть серии составила 201 череп. Для более поздней группы комплексов характерно преобладание мужских погребений над женскими. Для ранней

группы, напротив, женских скелетов было выявлено несколько больше. Та же картина характерна и для репродуктивной части населения. В поздней серии женщин в возрасте от 18/20 до 45 лет в два раза меньше чем мужчин репродуктивного возраста. Ранняя же группа характеризуется нормальным соотношением полов. Размер репродуктивной части населения для южной серии также немного выше.

По количеству индивидов, умерших в пострепродуктивном периоде, обе выборки довольно схожи, четверть населения умирала в преклонном возрасте. При этом по количеству умерших в первый репродуктивный период вновь ранняя выборка отличается от поздней. Если в южной части могильника погребено всего восемь индивидов, умерших в первый репродуктивный период, из них четыре скелета были отнесены к женскому полу, то в ранней серии в возрасте 18–35 лет умер 51 индивид, из них 36 женщин. То есть, в отличие от погребений поздней хронологической группы, на ранней части могильника мы фиксируем высокую женскую смертность до 35 лет, которую можно связать с осложнениями, возникающими в результате беременности и родов.

Если же мы обратимся к дорепродуктивной части населения, то здесь, почти все детские погребения сосредоточены на ранней части могильника, только четыре детских и юношеских скелета было погребено в южном секторе, при этом два ребёнка умерли в возрасте *infantilis* I (один 5–6 лет, второй 6–7 лет), два других скелета были отнесены к возрастному интервалу 15–20 лет.

Соотношение полов в пострепродуктивном периоде только для ранней выборки соответствует нормальным показателям. Средняя продолжительность жизни без учёта детей в обеих сериях почти совпадает. Однако, для поздней серии характерно нарушение соотношения полов, малое количество детских погребений, а также малое количество

женщин, умерших в репродуктивном возрасте. Несмотря на то, что количество скелетов с южного участка могильника невелико, на основании проведенного анализа мы можем говорить, что поздней серии не имеет палеодемографической структуры, характерной для естественных выборок. Основу серии составляют мужчины и женщины зрелого возраста, с преобладанием мужского населения. Для ранней же серии характерны все признаки естественной популяции, если исключить факт почти полного отсутствия детей до 3 лет, что, безусловно, потребует дальнейшего обсуждения.

Также во время осмотра черепов лишь у двух индивидов были зафиксированы травмы, которые с осторожностью можно интерпретировать как боевые ранения. При этом оба мужчины успешно пережили данный эпизод, о чем свидетельствуют сглаженные края травм. В свете полученных данных о значительном проценте умерших в преклонном возрасте и низком травматизме, можно сделать вывод, что военная активность изучаемого сообщества не была высокой, несмотря на присутствие предметов вооружения почти в каждом мужском захоронении.

При обработке черепов нами на части из них были зафиксированы следы золы и углей, а также в коллекции оказались материалы одного кремационного погребения. Ещё одним важным моментом стало обнаружение небольших предметов в грунте, который не был удалён из черепов при их сборе. В результате нами уже обнаружено 6 ножей с прямой спинкой, 5 бусин (костяная, стеклянная и три сердоликовые), две подвески, изготовленные из материала белого цвета, характер которого мы пока установить не

можем, а также бронзовое височное кольцо и железная пряжка. В семи черепах присутствовали фрагменты железных предметов неопределённой формы, два фрагмента керамики и деревянная пуговица, а также в черепках оказались два глиняных сосуда. После завершения обработки коллекции все обнаруженные предметы будут сданы в музейный фонд РФ.

В заключение необходимо отметить, что население, оставившее обе хронологические группы могильника Казазово 1, характеризуется высоким процентом доживших до старости, что можно интерпретировать, как один из признаков благополучной жизни групп. Вторым аргументом в пользу этого наблюдения может быть почти полное отсутствие травматических повреждений на исследованных черепах, что можно связать с низкой военной активностью мужчин в обсуждаемый период. Для женской выборки был отмечен пик смертности, приходившийся на наиболее активный репродуктивный период, а значит, связанный с осложнениями, вызванными течением беременности и родами. Процент детей в выборке сильно занижен, что может быть связано как с методикой сбора палеоантропологического материала, так и с особенностями погребального обряда, когда детей до одного года хоронили отлично от другого населения.

Стоит подчеркнуть и то обстоятельство, что, как фотоматериалы, зафиксировавшие особенности различных погребальных практик, так и проведенные палеоантропологические исследования [Герасимова, Тихонов, 2003, с. 289] и наши предварительные выводы, свидетельствуют о поликультурном составе населения, оставившего средневековый могильник Казазово 1.

Таблица 1.

Половозрастна структура населени , оставившего средневековый могильник Казазово 1

Возраст	Мужчины		Женщины		Пол не опр.		Суммарно	
	n	%*	n	%	n	%	n	%
Natus (новорождённые)	-	-	-	-	0	0	0	0
Lacteus (до 1 года)	-	-	-	-	0	0	0	0
Infantilis primus (1-3 года)	-	-	-	-	1	2,4	1	0,4
Infantilis I (3-7 лет)	-	-	-	-	15	35,7	15	6,1
Infantilis II (7-12 лет)	-	-	-	-	12	28,6	12	4,8
Все дети	-	-	-	-	28	100	28	11,3
Juvenilis I (12/13-18 лет)	-	-	-	-	14	33,3	14	5,7
Juvenilis II (18/20-25 лет)	3	3,1	11,5**	11,2	2	28,5	16,5	6,7
Все юноши и девушки	3	3,1	11,5	11,2	16	52,5	30,5	12,3
Adultus (25-35 лет)	14	14,6	28,5	27,7	1	14,3	43,5	17,5
Maturus I (35-45 лет)	22,5	23,4	14	13,6	1	14,3	37,5	15,1
Maturus II (45-55 лет)	34	35,4	28	27,2	1	14,3	63	25,4
Senilis (старше 55 лет)	22,5	23,4	21	20,4	2	28,6	45,5	18,3
Взрослые суммарно	93	48,6	91,5	47,7	5	2,6	191,5	77,2
Мужчины и женщины суммарно	96	48,2	103	51,8	7	3,7	206	83,1
Все индивиды суммарно	96	38,7	103	41,5	98	39,5	248	100

Примечани :

* Процентна характеристика возрастных когорт дана от количества индивидов в соответствующих возрастных группах (дети; юноши и девушки; взрослые), а не от общего числа индивидов.

** В случае установлени возраста в широких возрастных интервалах (напр.: matures или старше 45 лет (*matures II-senilis*)) при отнесении конкретного индивида к возрастной когорте использовалс веро тностный подход, т.е. индивид старше 45 лет с веро тностью 50% попадает в когорту *matures II* и *senilis*.

Таблица 2.

Палеодемографические показатели населения ,
погребённого на средневековом могильнике Казазово 1

№ п/п	Признак	Сери в целом	Южная часть м-ка	Остальная выборка
1.	Соотношение полов	1,07:1	0,7:1	1,3:1
2.	Соотношение полов в репродуктивной части	0,7:1	0,5:1	0,8:1
3.	Размер репродуктивной части	51,4%	55,3%	50,3%
4.	Размер дорепродуктивной части	23,6%	8,5%	18,9%
5.	Размер 1-го репродуктивного поколения	44,7%	30,8	50,5
6.	Размер пострепродуктивной части	28,8%*	25,5%	28,4%
7.	Соотношение полов в пострепродуктивной части I (женщины старше 45 лет, мужчины старше 55 лет)	2,2:1	2:1	2,3:1
8.	Соотношение полов в пострепродуктивной части II (жен. и мужчины старше 55 лет)	0,9:1	0,5:1	1:1
9.	Средняя продолжительность жизни с учётом детской смертности	40,1**	42,1	38,1
10.	Средняя продолжительность жизни без учёта детской смертности	41,4	43,8	42,9

Примечание:

* Несмотря на замечание Д. В. Пежемского, что к пострепродуктивной части относятся только индивиды старше 55 лет (Пежемский, 2010, с. 50), нами в эту группу были включены и женщины 45–55 лет, так как этим же автором указано, что репродуктивный период у женщин длится с 18 до 45 лет.

** При расчёте среднего возраста смерти приняты следующие величины возрастных интервалов: *infantilis I* – 4,5 лет; *infantilis II* – 10 лет; *juvenilis I* – 16 лет; *juvenilis II* – 22 лет; *adultus* – 30 лет; *matures I* – 40 лет; *matures II* – 50 лет; *senilis* – 65 лет [Южакова, 2018, с. 169].

Список литературы

- Алексеев В. П.* Палеодемографи СССР // СА. 1972. № 1. С. 3–21.
- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф.* Краниометри . Методика антропологических исследований. М., 1964. 128 с.
- Алексеева Т. И., Богатенков Д. В., Лебединская Г. В.* Влахи. Антропоэкологическое исследование (по материалам средневекового некропол Мистихали). М., 2003. 132 с.
- Герасимов М. М.* Восстановление лица по черепу: современный и ископаемый человек. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Макла . Нова сери . Т. 28. М., 1955. 585 с.
- Герасимова М. М., Тихонов А. Г.* Новые краниологические данные к проблеме происхождения адыгов // Горизонты антропологии. Труды международной научной конференции памяти академика В. П. Алексеева. 2003. С. 286–290.
- Пежемский Д. В.* Определение биологического возраста в палеоантропологии и проблема возрастных интервалов // V Конгресс этнографов и антропологов России. Омск, 9–12 июня 2003 г.: тез. докл. М., 2003. С. 255.
- Пежемский Д. В.* Половозрастная структура населения Петровского конца средневекового Пскова // Археологи и истори Пскова и Псковской земли. Вып. 25 (55). М.; Псков, 2010. С. 47–55.
- Пежемский Д. В., Синицына Н. П.* Методика изъятия из саркофагов погребального инвентаря, органических материалов и скелетных останков // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля . Истори усыпальницы и методика исследования захоронений. Т. 1. 2009. М., С. 55–71.
- Схатум Р. Б.* К вопросу о хронологии средневекового могильника Казазово 1 // Вторые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы хронологии археологических памятников эпохи древности и средневековья : материалы международной археологической конференции. Краснодар, 2013. С. 90–95.
- Схатум Р. Б.* К вопросу о расположении сабель в воинских погребениях средневековых адыгов // VI «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы изучения погребального обряда народов Западного Кавказа в древности и средневековье: Материалы международной археологической конференции. Краснодар, 2016. С. 215–219.
- Стругова М. Р.* Археологические исследования в чаше Краснодарского водохранилища в 1968–1975 гг. По воспоминаниям сотрудников КГИАМЗ // Фелицынские чтения – XX. Проблемы сохранения, изучения и музеефикации историко-культурного и природного наследия . Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Краснодар, 2018. С. 263–267.
- Тарабанов В. А.* Средневековый могильник у аула Казазово // Историческая этнография : традиции и современность. Л., 1983. Вып. II. С. 148–155.
- Южакова А. В.* Палеодемографическая характеристика старожильского населения Омского Прииртышья XVII–XVIII вв. (по материалам памятника Изюк I) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеологи . Этнологи . Антропологи . 2018. Т. 25. С. 162–175.
- Najnis K., Novak J. T.* The conrescence of cranial sutures at the lamina externa of calva // Zbornik Radova. U spomen Dr. Antonu Pogacniku. Beograd. 1976. Pp. 63–78.
- Standards for data collection from human skeletal remains // J. E. Buikstra, D. H. Ubelaker (Eds.) Fayetteville, 1994. 266 p.
- Ubelaker D. H.* Human skeletal remains: excavation, analysis, interpretation. Chicago, 1978. 116 p.

НОВЫЕ НАХОДКИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ БОЕВЫХ НОЖЕЙ И КИСТЕНЯ ИЗ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

© Голубев Лазарь Эвандович

Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований
им. Т. М. Керашева, г. Майкоп, lasar68@mail.ru

Аннотация. В публикации вводятся в научный оборот три предмета вооружения ближнего боя: два изогнутых боевых ножа с заточкой лезвия по вогнутой кромке клинка, а также редкая находка – боевая гирица от кистеня. Предположительно, все предметы происходят из разрушаемого биритуального могильника «Потомственный», который находится вблизи посёлка Пшада Краснодарского края.

Ключевые слова: средневековые, могильник, оружие, боевой нож, кистень, гирица.

Abstract. The publication introduces three items of melee weapons into scientific circulation. Two curved combat knives with blade sharpening along the concave edge of the blade. And also, a rare find of a kettlebell from a slung shot. Presumably, all the items originate from the destroyed biritual burial ground of the «Potomstvenny» near of the village of Pshada of Gelendzhik area the Krasnodar region.

Keywords: Middle Ages, burial ground, weapons, battle knives, slung shot, beater.

В 2023 г. в результате оперативно-розыскных мероприятий специалистами УФСБ по Краснодарскому краю были изъятые предметы археологии у «чёрных копателей», производивших грабительские раскопки на участках лесного фонда муниципального образования города-курорта Геленджик.

По словам бывших «владельцев», все они происходят из попавшего под плантажную распашку биритуального грунтового могильника, известного как «Потомственный», расположенного вблизи впадения р. Дугуаб в р. Пшада. Могильник предварительно датирован X–XIII вв. Исследованные погребения были разбиты на две хронологические группы – раннюю, с преобладанием кремаций, и позднюю, ингумационную [Ковалёва, Схатум, 2020, с. 221–231]. Среди большого количества изъятых предметов автором настоящей статьи выделены два образца вооружения: два боевых «серповидных» железных боевых ножа с заточкой по вогнутой части лезвия и «йцевидная» боевая гирица [Крыганов, 1987, с. 63] от кистеня.

Первый из ножей длинный, изогнутый, с овальным утолщением у перехода клинка в короткий, без следов заклёпок или отверстий под них черенок. Клинок в сечении от обуха к лезвию по всей длине образует удлинённый треугольник и плавно сужается к острию. По лезвию вдоль от пятки до острия с обеих сторон прослеживается неровно прокованный долом. Пята овальная, относительно плавно переходит в клинок, со стороны черенка, имеет приямые плечики, которые были упором для накладок рукояти. Размеры: общая длина 39,5 см, длина клинка 31,5 см. Толщина у основания клинка 2,4 см. Пята 2,5×1,8 см. Черенок ножа плавно сужается от пятки к окончанию, ширина у основания 1,7 см, на торце 0,4 см, толщина по центру 0,4 см (прил., рис. 25, 1).

Второй нож короткий, идентичный по характеристикам первому, кроме общих размеров, и отсутствия долов по клинку. Край черенка утрачен. Размеры: общая длина 21,5 см, длина клинка 17,5 см. Толщина у основания клинка 2 см. Пята 2,2×1 см. Черенок плавно су-

жаются от п ты к окончанию, ширина у основании 1,5 см, на сохранившемся торце 0,9 см, толщина по центру 0,3 см (прил., рис. 25, 2).

Подобные боевые клинки с вогнутыми лезвиями были распространены в XIII–XV вв. Такие ножи найдены как в погребениях кочевников [Мыськов, 2015, с. 113, 115, табл. XVIII, рис. Ala 1–3], так и в захоронениях адыгских воинов [Дружинина, 2020, с. 195, рис. 4, 12–16].

Возможно, время их бытования было более продолжительным. Изображения таких клинков отмечены на средневековых восточных миниатюрах XIV–XVI вв. из поэмы «Шахнаме» с иллюстрациями поединка Рустама и Сухраба (прил., рис. 25, 3–4).

Длинные и узкие ножи и кинжалы предназначались для пробивания брони, или узких слабозащищённых мест доспехов. Изогнутый клинок с внутренней заточкой по лезвию был более удобен для поражения противника при ударе сверху вниз, что мы и видим на изображении поединка на средневековой миниатюре. Такой тип ножей нужно рассматривать как исключительно боевое оружие.

Кистени – оружие ударно-раздробляющего действия. Они, как и боевые ножи, относятся к вспомогательным видам вооружения.

Публикуемая бронзовая боевая гирька имеет яйцевидную форму. На её поверхности не видны швы, свидетельствующие о том, что она была изготовлена методом литья по выплавляемой модели. Сужающаяся верхняя оконечность переходит в округлый по краям цилиндр, завершающийся округлой в сечении петлей. Часть петли обломана. Вес изделия 596 г, высота 8 см, ширина гири по яйцевидному тулову 4,5 см. Размеры цилиндра 2×1 см. Высота петли 1,5 см, толщина 0,6 см (прил., рис. 26). К петле, вероятно, крепилась верёвка, кожаный жгут или цепь, в свою очередь, прикреплённые к деревянной рукояти, либо просто намотанные на кисть руки.

Ряд исследователей считает, что кистени с ушком крепились с помощью ремешка именно к деревянной ручке, и использовали подобный кистень только всадники [Жомар, Сухоруков, 2020].

Полные аналогии публикуемой боевой гирьке не известны.

Среди схожих образцов оружия ударно-раздробляющего действия следует отметить гирьку из кремационного погребения могильника Дюрсо в Северо-Восточном Причерноморье, датированного VIII–IX вв. [Дмитриев, 1979, с. 54, рис. 2, 18].

Ещё одна боевая гирька найдена на территории Республики Адыгея в кургане группы «Садова 1» в погребении VIII–X вв. Гирька железная, литая [Василиненко и др., 2022, с. 142, рис. 5].

Из территориально удалённых аналогий следует отметить боевые гирьки яйцевидной формы из комбинированных материалов (металла и кости), по классификации А. Н. Кирпичникова относятся к типу 1, который он датирует X–XIII вв. [Кирпичников, 1966, с. 59].

Большинство найденных кистеней разнообразных форм было изготовлено именно на территории русских княжеств.

Г. А. Фёдоров-Давыдов отметил, что находки этого типа вооружения не часто встречаются в кочевнических погребениях [Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 32].

По мнению же А. Н. Кирпичникова, кистени появились на Руси в X в. вместе с кочевниками [Кирпичников, 1966, с. 62].

С. А. Плетнёва считала, что в салтовскую среду кистень попал как раз от соседней славянской территории [Плетнёва, 1967, с. 60].

Кистени также были распространены в странах Европы и в Булгарии.

В кочевнических погребениях находки этого оружия крайне редки. Столь же редки находки кистеней и на территории Северного Кавказа [Кочкаров, 2008, с. 80–82, табл. XXXIX].

Если сведения о происхождении публикуемого кистеня верны, то данная

находка увеличивает количество известного оружия ударно-раздробляющего действия в погребениях средневековых предков адыгов и расширяет ареал его возможного применения.

Суд по публикуемым и другим предметам, происходящим из разрушенного курганного могильника «Потомственный», не вошедшим в данный обзор,

датировка памятника расширяется до X–XIV вв.

Как уже было отмечено выше, время бытования серповидных ножей отнесено к XIII–XVI вв.

Датировку кистен автор оставляет открытой. Вероятно, она соответствует раннему этапу функционирования могильника.

Список литературы

Василиненко Д. Э., Красильникова Л. И., Тищенко И. Б. Курган эпохи средневековья в составе курганной группы «Садова 1» (Красногвардейский район Республики Адыгея) // ВИА. 2022. С. 140–155.

Дмитриев А. В. Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо // КСИА, 1979. Вып. 158. С. 52–57.

Дружинина И. А. Средневековое воинское погребение у станицы Губска (по материалам раскопок Н. И. Веселовского на Кубани) // ВИА. 2020. С. 192–220.

Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копьё, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. САИ. Вып. Е1–36. М.; Л., 1966. 181 с.

Комар А. В., Сухобоков О. В. Вооружение и военное дело Хазарского каганата. Восточноевропейский археологический журнал. 2000. Вып. 2 (3). [Электронный ресурс] // URL: http://archaeology.kiev.ua/journal/020300/komar_sukhobokov.htm (дата обращения: 25.07.2023).

Королёва И. А., Схатум Р. Б. К этнической и хронологической атрибуции средневекового могильника «Потомственный» // ДК. 2020. Выпуск 24. С. 221–231.

Кочкаров У. Ю. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIII вв. (оружие ближнего боя). М., 2008. 175 с.

Крыганов А. В. Кистени салтово-мацкой культуры Подонья // СА. 1987. № 2. С. 63–69.

Мыськов Е. П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград, 2015. 483 с.

Плетнёва С. А. От кочевий к городам. Салтово-мацкая культура (МИА 142). М., 1967. 209 с.

Фёдоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. 274 с.

КУРИТЕЛЬНЫЕ ТРУБКИ ИЗ РАСКОПОК НАХИЧЕВАНИ НА ДОНУ

© Ларенок Вера Алексеевна

ООО «Южархеологи », г. Ростов-на-Дону, dao2@inbox.ru

Аннотация. Во время раскопок на территории памятника археологии «Некрополь Кизитеринского городища первых веков н.э.» в г. Ростове-на-Дону была обнаружена выгребная яма, в ней находились 384 красноглиняные курительные трубки, по форме которых было выделено 7 разных групп. Трубки таких фасонов производились во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. как на территории Османской империи, так и в сопредельных странах. Участок раскопок, на котором были найдены «люльки» в то время находился на землях города Нахичевань на Дону, где проживали переселенные на Дон крымские армяне. Мужчины-армяне заимствовали у турок традицию проводить свободное время в кофейнях за чашечкой кофе и курением трубок, которые можно было приобрести в заведении. Вероятно, после пожара такого заведения запас испорченных курительных принадлежностей был выброшен вместе с мусором в выгребную яму.

Ключевые слова: раскопки, выгребная яма, курительная трубка, «фасон», клеймо, Нахичевань на Дону.

Abstract. During the excavation of the site on the territory of the archaeological monument “The Necropolis of the Kiziterinsky settlement of the first centuries AD” in Rostov-on-Don, a pit from the toilet was discovered. 384 red clay-smoking pipes were found in it. In shape, they were grouped into 7 groups or “styles”. Such tubes were produced in the second half of the XVIII – first half of the XIX centuries in the Ottoman Empire and in neighboring countries. The site on which the excavations were carried out at that time was located in the city of Nakhichevan on the Don, where Armenians resettled from the Crimea lived. Armenian men borrowed from the Turks the tradition of spending their free time in coffee shops over a cup of coffee and smoking pipes. Smoking accessories could be purchased at a coffee shop. Probably, after the fire of such an institution, the stock of damaged pipes was thrown together with the garbage into the pit of the toilet.

Keywords: excavations, cesspool, smoking pipe, “style”, brand, Nakhichevan-on-Don.

Ростов-на-Дону – это современный мегаполис, на территории которого в XVIII–XIX вв. находилось несколько населенных пунктов и одно фортификационное сооружение. Это были крепость Св. Димитри Ростовского, заложенная в 1849 году, слободы, возникшие с запада и востока от неё – Долмановска, Солдатска, Полуденка и город-спутник Нор-Нахичеван, основанный в 1779 году. Следует заметить, что сейчас слободы и Нахичевани-на-Дону

не числятся в списках, охраняемых государством исторических мест и археологических объектов.

Однако, восточная территория Нахичевани находится в границах объекта археологического наследия федерального значения «Кизитеринское городище и его некрополь» – меотского памятника первых веков н.э. Все археологические исследования, проводимые здесь, обусловлены поиском погребальных и поселенческих комплексов городища.

Территори Кизитериновского городища практически полностью исследована при строительстве нового жилого микрорайона, построенного на месте завода «Красный Аксай». Его западная граница проходит по восточной стороне 35 линии, а западная сторона улицы это уже территории некрополя. Здесь в 2021 году на участке №124 «а» были проведены раскопки. Усадьба занимала мысовой выступ, ограниченный с запада и востока частично засыпанными оврагами на спуске к реке Дон. Проезда часть 35 линии как раз устроена по руслу бывшего оврага. В плане площадка раскопа имела форму трапеции, вытянутой в широтном направлении. Такой рисунок участка – результат дробления и продажи по частям первоначального земельного надела так называемого «плана». Для постройки дома в конце 40-х – начале 50-х годов прошлого века территории усадьбы была спланирована, таким образом культурный слой XIX–XX вв. был уничтожен. В результате подворье, расположенное с севера (участок №124), находилось почти на 1 метр выше. В 2021 году после сноса дома и хозяйственных построек в центре участка осталась только от внутридомового погреба, а с севера находилась не засыпанная, обложенная кирпичом современная выгребная яма. Весь участок был поврежден хозяйственными ямами XIX–XX вв. разного назначения: мусорными, выгребными, колодцами-водосборами. От времени Великой Отечественной войны в северо-восточной части раскопа сохранился окоп. Общая площадь раскопок составила 160 кв. м. Напластования на раскопе можно разделить на две части. Восточная – это площадка мыса, спланированная в середине XX века. Западная – борт оврага, засыпанный строительным и бытовым мусором. Комплексы, относящиеся к некрополю Кизитериновского городища, на участке не обнаружены.

Неожиданным оказалось заполнение одной из выгребных ям, получившей название «Объект 1». Яма глубиной

2,26 м находилась у восточного склона оврага и прорезала погребенную почву и лессовидный материковый суглинок. В плане она была почти моугольной формы со скругленными углами, размером 1,25×1,20 м, длинной осью ориентирована по линии запад-восток (прил., рис. 27, 1). Заполнение ямы прослежено с отметки 0,75 м от Р° по прослойке, состоящей из мешаной светло-коричневой глины с включениями битого кирпича и обломков черепицы. Ниже этой прослойки до отметок 1,33–1,35 м яма была засыпана мешаным коричнево-серым суглинком с обломками черепицы, вкраплениями древесного угля, с тонкими линзами жженой глины, древесной сажи с отдельными фрагментами гончарной белоглиняной и красноглиняной посуды и обломками костей животных и рыб. В этом слое было обнаружено скопление более трех сотен условно целых керамических курительных трубок. Нижняя часть ямы была заполнена наклонными слоями светло-коричневого и коричневого суглинка и содержала небольшое число обломков красноглиняной и белоглиняной посуды и черепицы (прил., рис. 27, 2). Стенки и грунт у дна имели характерный для выгребной ямы зеленоватый оттенок. Вероятно, трубки были выброшены в уже существовавший сортир вместе с мусором, образовавшимся после расчистки пожара какого-то помещения.

Трубки по форме чашечки были разделены на семь условных групп (фасонов). К группе 1 отнесены трубки самого распространенного в конце XVIII – начале XIX фасона «тахта чубук» с базой цилиндрической формы и основанием в виде полусферы (прил., рис. 27, 8). Она состоит из 25 экземпляров. Верхняя часть чашечки (базы) оформлена по-разному: граненная с уступом на переходе к нижней части чашечки (основанию) и без граней, отделена от основания горизонтальным рядом оттисков зубчатого штампа. Втулка, граненная с подтреугольным в сечении валиком. Рельеф-

ный киль подчеркнут несколькими видами орнамента. Орнаментации трубок также различается. Верхняя часть чашечки не имеет орнамента (прил., рис. 27, 4, 5, 7) или украшена оттисками торцевого штампа в виде полупальметты над треугольной пирамидкой (прил., рис. 27, 6). Нижняя часть – основание чашечки, имеет несколько вариантов орнамента: разделена парными вертикальными прочерченными линиями на сектора (прил., рис. 27, 3, 4, 6); вертикальные линии состоят из оттисков зубчатого штампа (прил., рис. 27, 5); между парными вертикальными прочерченными линиями находится вдавление. Основания двух трубок без орнамента (прил., рис. 27, 7). На верхней части валика втулки оттиск зубчатого колесика. Все трубки этой группы имеют круглое клеймо в виде дес титочечной розетки (прил., рис. 27, 3, 5, 6, 7), расположенное на втулке с левой стороны внизу. На одной люльке другое клеймо – в виде сеточки, но также расположено на нижней стороне втулки (прил., рис. 27, 4). Размеры трубок одной группы стандартны, так как для их изготовления использована, вероятно, одна форма. Высота чашечки 3,8 см, дл. трубки 5,3 см, дл. кила 5,1 см, дл. втулки 2,5 см; дл. чашечки по венчику или краю 2,2 см, дл. «дна» – нижней части 3,45 см.

Все остальные трубки можно соотносить с фасонем «тюльпан», но формы их базы и основания отличаются, поэтому они были разделены на шесть групп.

Группа 2 – это трубки классического фасона «тюльпан» (прил., рис. 27, 8–11). В коллекции 9 условно целых экземпляров. Верхняя часть чашечки усечено-коническая. Нижняя усечено-сферическая, шаровидная. Переход между частями сглажен. Чашечки, не орнаментированные, с гладкой поверхностью. Только у трёх трубок на верхней части чашечки украшение в виде узкого горизонтального валика (прил., рис. 27, 10). Нижняя часть отделена от верхней кольцевым оттиском зубчатого штампа

(прил., рис. 27, 11). Киль также выделен оттиском зубчатого штампа (прил., рис. 27, 10). Втулка короткая с полукруглым в сечении валиком, украшенной окружностью из оттиска зубчатого штампа (прил., рис. 27, 8–11). На большей части трубок на втулке с левой стороны находится клеймо в виде дес титочечной розетки (прил., рис. 27, 7–10). Кроме того, на двух трубках есть еще одно клеймо в виде «гребенки» с выступающими краями, расположенное на средней части чашечки (прил., рис. 27, 8–9). Размеры: высота чашечки 3,9 см, дл. трубки 4,55 см, дл. верхнего края чашечки 1,8 см, дл. нижней части 2,65 см, дл. втулки 1,52 см.

Группа 3 – это фасон «тюльпан» с плоским дном основания, состоит из 76 условно целых трубок. Чашечка усечено-биконической формы (прил., рис. 28, 1–2). База чашечки усечено-коническая, расширяется кверху. Основание усечено-коническое с уплощенным дном. Посредине чашечки расположен широкий горизонтальный валик, разделяющий верхнюю и нижнюю части. На большей части трубок валик не орнаментирован (прил., рис. 28, 1). На шести экземплярах на валике расположен нанесенный штампом орнамент в виде чередующихся ромбов, в нижней и верхней части которых расположены горизонтальные ряды рельефных точек – «плетенка» (прил., рис. 28, 2). Основание чашечки украшено вертикальными короткими насечками, прокатанными зубчатым колесиком (прил., рис. 28, 1–2) или не орнаментировано. В этой группе несколько вариантов кила: не выделен орнаментом по дну, нанесен одинарным оттиском зубчатого штампа; выделен парным оттиском зубчатого штампа (прил., рис. 28, 1–2). Втулка округлая в сечении усечено-коническая с валиком. Варианты украшения валика: кольцевого канавка, нанесенная зубчатым колесиком; кольцевого канавка, прочерченная тонким стержнем. На трубках этой группы по

два клейма. Одно расположено на нижней части чашечки, округлое, в центре «п тиконечна» звезда, выполнена тонкими рельефными линиями, между которыми нанесены рельефные точки. Второе находится на втулке с левой стороны и имеет вид дес титочечной розетки (прил., рис. 28, 1). Однако, два клейма имеют не все трубки этой группы. Размеры: высота чашечки 4,3 см, дл. трубки 5,3 см, дл. трубки с килем 5 см, дм. верхнего края чашечки 2,6 см, дм. нижней части 1,5 см, дм. втулки 1,6 см.

У группы 4, состоящей из 34 трубок, основание чашечки рифлёное (прил., рис. 28, 3–4). Верхняя часть чашечки цилиндрическая, украшена посередине горизонтальной линией оттиска зубчатого штампа (прил., рис. 28, 4). От основания база отделена тонкой горизонтальной кольцевой линией оттиска зубчатого штампа. На двух трубках база чашечки украшена узким горизонтальным валиком (прил., рис. 28, 3). Нижняя часть чашечки усечено-сферическая с прочерченными вертикальными линиями рифления. Киль выделен с двух сторон по длине оттисками зубчатого штампа. Часто орнамент кила заходит на нижнюю часть чашечки до ее середины. Длина кила совпадает с длиной изделия. Втулка короткая цилиндрическая с широким полукруглым в сечении валиком. С внешней стороны втулки валик ограничен прочерченной кольцевой линией. На валике штампованный орнамент «руно». На левой стороне втулки между чашечкой и валиком расположено клеймо в виде мелкой косой сеточки в круге (прил., рис. 28, 4). На одной трубке клеймо в виде дес титочечной розетки (прил., рис. 28, 3). Размеры: высота чашечки 3,5 см, дл. трубки 4,9 см, дл. втулки 2,4 см, дм. верхнего края чашечки 2,3 см, дм. нижней части 2,7 см, дм. втулки 1,3 см.

Группа 5 это 106 трубок без выделенного кила (прил., рис. 28, 5, 6, 7). База чашечки цилиндрическая слегка раструбна, основание полусферической

формы. Верх и низ разделены узким валиком. База чашечки двух видов: гладкая без орнамента (прил., рис. 28, 6, 7); украшена неглубокими косыми расчесами (прил., рис. 28, 5). Наибольший диаметр основания смещен к дну. Киль имитируется четырьмя видами оттиска штампа: зубчатое колесико разной ширины, оттиск гребенки (прил., рис. 28, 5), двойной оттиск зубчатого колесика (прил., рис. 28, 6). Втулка короткая. На её левой стороне в круге расположено клеймо трех видов: семиточечная розетка; дес титочечная розетка (прил., рис. 28, 5); коса сеточка. Кроме того, на двух трубках клеймо в виде листа пальмы (прил., рис. 28, 7). Еще на одной трубке клеймо в виде «птицы» на нижней части втулки (прил., рис. 28, 6). Одна трубка бракована, в ней с внутренней стороны не пробито отверстие между втулкой и чашечкой. Валик втулки с внешней стороны украшен кольцевой канавкой, нанесенной двумя способами: прочерчена тонким зубчатым колесиком; двойная в виде оттиска зубчатого штампа и прорисованной бороздки. Размеры: высота чашечки 3,7 см, дл. трубки 4,3 см, дл. втулки 2,2 см, дм. верхнего края чашечки 2,2 см, дм. нижней части 2,4 см, дм. втулки 1,3 см.

Группа 6 состоит из 60 условно целых трубок, украшенных каннелюрами в нижней части чашечки (прил., рис. 28, 8) или трубки «малого фасона» [Волков, 1999, с. 233–242; Волков, 2006, с. 486–495]. База чашечки цилиндрической формы. Основание усечено-сферическое, украшено вертикальными глубокими каннелюрами. На стыке верхней и нижней частей мелким зубчатым колесиком нанесен орнамент в виде кольцевой горизонтальной линии. На некоторых трубках по плечу нижней части между каннелюрами оттиски штампа в виде пальметт. Нижняя часть одной трубки усечено-сферической формы украшена вертикальными частыми тонкими каннелюрами, имитирующими листья хризантемы. Киль имитирован по дну

чашечки оттиском мелкого зубчатого колёсика или оттиском гребенки. Втулка коротка. На левой стороне втулки расположено клеймо в виде семиточечной розетки. Валик украшен кольцевым оттиском мелкого зубчатого колёсика или прочерченной кольцевой канавкой. Размеры: высота чашечки 3,7 см, дл. трубки 4,4 см, дл. втулки 2 см, дм. верхнего кра чашечки 2 см, дм. нижней части 2,6 см, дм. втулки 1,2 см.

20 трубок группы 7 имеют основание, украшенное рифлением нескольких видов и выделенным килем (прил., рис. 28, 9–10). База чашечки цилиндрическа, не орнаментированна. Нижн часть усечено-сферическа украшена трем видами рифлени: прочерченные тонким стержнем по всей поверхности линии (орнамент «хризантема» (прил., рис. 28, 9); тонкие, разр женные вертикальные линии, прочерченные тонким стержнем (орнамент «лотос») (прил., рис. 28, 10). Одна трубка на нижней части чашечки украшена прочерченными вертикальными линиями, имитирующими каннелюры – «бутон тюльпана». Стык между базой и основанием чашечки оформлен трем способами: в виде по ска из оттиска тонкого зубчатого колёсика; кольцевой прочерченной канавкой; горизонтальным р дом пальметт, от нижней части которых на основании чашечки прочерчены вертикальные линии. Одна трубка не имеет орнамента на стыке верхней и нижней частей чашечки. Киль не выделен орнаментом или использованы два варианта орнаментации: украшен с двух сторон линиями, нанесенными тонким зубчатым колесиком или двойными линиями зубчатого штампа разной толщины. Муфта втулки украшена кольцевой линией, нанесенной зубчатым колёсиком. На этом типе трубок использованы два вида клейм. На левой стороне втулки расположена дес титочечна розетка, на нижней части втулки сеточка в круге. Размеры: высота чашечки 4 см, дл. трубки 4,6 см, дл. втулки 2,4 см, дм. верхнего кра ча-

шечки 2,3 см, дм. нижней части 2,7 см, дм. втулки 1,5 см.

В коллекции есть некоторое количество фрагментов разных частей трубок, по которым невозможно определить их принадлежность к той или иной группе. Таким образом, коллекци состоит из 384 условно целых трубок семи различных фасонов и 41 фрагмента.

Трубки помечены четырьмя основными видами клейм и несколькими единичными. Самое распространенное клеймо – дес тилепесткова розетка в круге – оттиснуто на 108 трубках. Оно сочетается с редким клеймом «гребенка» в группе 2, с клеймом «коса сеточка» в группе 1, и в группе 3 с клеймом «п - тиконечна звезда». Причем на 19 трубках находят се оба этих клейма. В группе 4 использовано клеймо «коса сеточка» и всего одна трубка с дес титочечной розеткой. В 5 группе примерно одинаковое количество трубок отмечены семиточечной и дес титочечной розетками. В этой группе также 7 клейм в виде «косои сеточки», есть одно клеймо «птица» и два «лист пальмы». В 7 группе клейм «коса сеточка» больше, чем дес титочечной розетки. Второе распространенное клеймо – семиточечна розетка – присутствует только в двух группах. В группе 5 вместе с дес титочечной розеткой, а в группе 6 есть только 41 клеймо в виде семиточечной розетки. Такое сочетание определенного набора клейм может указывать на то, что все трубки были изготовлены в одной мастерской. Свидетельством того, что трубки сделаны одним мастером служит дефект, замеченный нами на одном из видов клейм в виде дес титочечной розетки. По кругу расположено дес ть рельефных точек вокруг центральной более крупной. При увеличении хорошо видно, что справа внизу к центральной точке примыкает еще одна маленька точка. В зависимости от того, как ставили оттиск штампа, расположение этой лишней точки смещалось по кругу. Такие клейма есть на всех группах трубок: «тахта-чубук»,

«тюльпан», с плоским дном основания, без выделенного рельефом килля, с каннелюрами. В группе «тюльпан» эти «бракованные» оттиски встречаются в сочетании с клеймами «гребенка». В группе «тюльпан» с плоским дном основания – с пятизвездочным клеймом.

На территории современного Ростова-на-Дону находки курительных трубок до начала XXI века были единичными. Первая большая коллекция «люлек» происходила из раскопок 2006 года на строительной площадке Конгресс-центра (гостиница Гранд Ростов Хайт Ридженси) на Большой Садовой улице и пер. Крепостном. В конце XVIII – начале XIX это была внутренняя территория крепости Св. Димитри Ростовского, где во время раскопок был найден котлован землянки – солдатской казармы. Из её заполнения были извлечены 70 трубок и их фрагментов, которые сейчас находятся на хранении в фондах Ростовского областного музея краеведения [Ларенок В., Ларенок П., 2011, с. 315, 320–326]. Они относятся к трем фасонам: «тохта-чубук», тюльпановидные и малого фасона [Волков, 1999, С. 226–252; Волков, 2006, С. 486–488]. В группе «тохта чубук» орнамент более сложный, чем из раскопок на 35 линии. Главное отличие в клеймах. На трубках из казармы это стилизованная арабская надпись, например, слово «нишан» [Недомолкина Н., Недомолкина В., 2003, С. 14–21, рис. 2–1]. Второй тип — это так называемый «малый фасон» по типологии И. В. Волкова или тюльпановидные с рифлёным основанием. По размерам сохранившихся деталей они похожи на группу фасона «тюльпан», украшенные каннелюрами в нижней части чашечки из раскопок на 35 линии, но как раз на втулках этих трубок расположено клеймо в виде семиточечной розетки, чего нет на трубках из казармы. Третий фасон трубок, найденных в котловане казармы – «тюльпановидный». К нему отнесены как трубки с гладким основанием и удлиненной чашечкой, так и

с основанием, украшенным каннелюрами с разным оттиском рельефа. Этот фасон совпадает с тюльпановидными фасонами 35 линии групп 2, 4, 6, 7, однако клейма на трёх трубках из казармы этого типа представляют собой несколько вертикальных рядов точек, разделенных вертикальными линиями в овале или круге – имитации надписи. Котлован казармы был засыпан мусором в начале XIX века, когда крепость утратила свое значение как оборонительное укрепление и её штат был сокращен, а в 1835 году оружие, боеприпасы и амуницию из неё перевезли в Анапскую крепость.

Похожие фасоны трубок, таких как «тахта чубук», с каннелюрами на нижней части чашечки, с цилиндрической чашечкой и основанием в виде полусферы были традиционными для этого рода курительных принадлежностей восточного производства: «турецких», европейских, украинских конца XVIII – первой половины XIX вв. Трубки этого времени из других коллекций сходны по форме, но в их декоре использовано больше разнообразных орнаментальных приёмов и композиций. Люльки из Ростова-на-Дону, с одной стороны, объединены довольно проста орнаментацией, но в то же время формы их довольно разнообразны. Складывается впечатление, что большая часть из них изготовлена в одной мастерской. Об этом можно судить и по качеству однородной, без заметных примесей шликерной массы. Только в формовочной массе одной трубки заметна примесь мелких частиц песка. Обжиг на некоторых экземплярах неравномерный, поверхность бежево-красная, пятнистая. Одинаковы способы обработки поверхности – заглаживание без ангобирования, нанесение косых насечек на чашечку. Для орнаментации использовано несколько приёмов – прокатывание линий гребенкой или зубчатым колёсиком, прочерчивание бороздок. Только в группе 1 – «тахта чубук» орнамент нанесен с помощью штампов в виде полупальметты над треугольной

пирамидкой. В группе 3 верхняя часть чашечки отделена от основания рельефным валиком.

Сама большая коллекция глиняных курительных трубок Ростовской области собрана в Азовском историко-археологическом и палеонтологическом музее-заповеднике и опубликована в каталоге, изданном И.Р. Гусач [Гусач, 2016]. Подавляющее большинство курительных керамических трубок в коллекции составляют «турецкие» «красноглиняные», которые производились в Османской империи из местной красной глины в конце XVII – первой половине XIX вв. Трубки из мы на 35 линии в Ростове-на-Дону, соответствуют нескольким разделам по классификации И.Р. Гусач. Это фасон трубок с каннелюрами и бежевоглиняные фасона «тахта-чубук» с красным ангобом [Гусач, 2017, с. 54, 56]. Есть на азовских трубках похожие клейма: штамп в виде сеточки в круге, восьмилипестковая розетка в круге, но на ростовских трубках это семипестковые и десятипестковые розетки. Коллекция из Азова демонстрирует нам большое разнообразие курительных трубок, что связано с длительным периодом существования османской крепости и затем российского города.

Нахичевань-на-Дону, она же Нор-Нахичеван (Первый приют, Новый Нахичеван) была основана в 1781 году к востоку от крепости Св. Димитрия Ростовского, на правом берегу Дона. Это событие было предопределено указом императрицы Екатерины II от ноября 1779 года, который предписывал переселение из Крыма в Приазовье разных этнических групп христианского населения, в том числе армян. Герб города представлял собой щит, на его серебряном поле было изображено шесть пчел – символ трудолюбия, на зеленом поле – улей, символ обретения новой родины. В 1838 году город получил название Нахичевань-на-Дону. В 1896 году его население составило более 32 тысяч жителей. В 1904 году Нахичевань занимала

187 десятин 560 кв. сажен, в ней было девять улиц, 20 переулков, разделенных на 40 линий. Там был городской сад, три роции, три сквера и один питомник. В городе насчитывалось 2993 деревянных и 1643 каменных строения. Улицы освещались 42 электрическими фонарями и 365 керосиновыми. В городе имелся водопровод, но отсутствовала канализация. Имелась пожарная команда с двумя выездными и двумя запасными машинами.

Однако, Нор-Нахичеван возник не на пустом месте. В 1712 году по условиям Прутского договора России с Османской империей русская армия должна была покинуть Азов и Таганрог. Граница по условиям договора проходила по рекам Дон и Темерник. Беженцы расселились по всей России. Были и те, кто решил обосноваться недалеко от границы. Ближайшим к ней был рыбацкий пос. Полуденка или Полуденный стан. Об истории и жизни Полуденки известно мало. Считается, что значительная часть её жителей состояла из торгового люда. Возникновение Полуденки в 40-е годы XVIII века обосновывал ростовский историк и краевед Б.В. Чеботарев, ссылаясь на документы Ростовского областного архива [Чеботарев, 1959, с. 57, 59]. Первое документальное упоминание слободы относится к 1741 году. В 1751 году в Полуденку переселилась часть купцов из Анненской крепости. Поселок с 1762 года становится форштадтом Димитриевской крепости. Местоположение форштадта описано в книге А.И. Ригельмана [Ригельман, 2013, с. 28]: «Жилье как в одной крепости и по обеим сторонам её два форштадта, или загородные слободы: простирающиеся вдоль реки выше крепости к стороне Черкаска на 450, в ширину на 100, а ниже на 684, в ширину на 230, в расстоянии от крепости на обе стороны по 230 саженей». Эта загородная слобода, расположенная «выше крепости», находилась между современной улицей Нижне-Нольной и 11 или 13 линиями. Северная граница проходила

по современной ул. М сниковой, южной служил обрыв высокого правого берега Дона. Истори Полуденки закончилась в 1779 году, когда первые переселенцы-армяне прибыли на Дон из Крыма.

При наложении плана крепости А.И. Ригельмана 1768 года на современную карту мы видим, что место обнаружены трубок находится восточнее Полуденки. На плане города Нахичевани землемера Трофима Шаржинского 1811 года в экспликации карты под № 24 на этом месте указана разбивка на кварталы для садов. На западной стороне балки на участке между линиями показано некое строение. На военно-топографической карте Российской Империи 1879 г. созданной под руководством Ф.Ф. Шуберта и П.А. Тучкова, как и на последующих картах уже XX века, на месте раскопок показаны городские кварталы с усадьбами. Участок обследованы находилс на краю оврага, куда было принято выбрасывать бытовые отходы, что подтверждают и находки. Здесь же, видимо, на отдалении от жилья, были расположены выгребные мы туалеты, в одну из которых были выброшены трубки, вероятно разбились во время расчистки места пожара. «Грозным бедствием для тогдашнего деревенного, по преимуществу, Нахичевана были пожары. Для тушения же их при магистрате имелась команда в составе... 4-х человек с 4-мя лошадьми, 6-ю бочками на дрогах и 3-мя заливными трубами» – так писал нахичеванский учитель Аюп Мкртичевич Богданян в книге «Из прошлого. О переселении армян из Крыма на Дон» [Богданян, 1989, С. 16].

О том, что предметом торговли во второй половине XVIII в. с уже российским Нижним Доном во время сооружения крепости Св. Димитри Ростовского был табак и принадлежности для курения пишет строитель крепости Александр Иванович Ригельман: «Ино-

странные товары для продажи, привозятся греческие и турецкие.... Сверх того, привозят также, но по малому, однако же числу: ...табак тертый, табак турецкий, трубки пенковые¹ и красные глиняные, чубуки, ...табакирки, лакированные...» [Ригельман, 2013, с. 30]. Интересно упоминание регионов, откуда в крепость поступали товары – Греция и Турция – земли, входившие в Османскую империю. Торговый путь проходил по Дону, Азовскому и Черному морям, в круг торговых операций входил также Крымский полуостров. Это ближайший регион, откуда в крепость Димитри Ростовского и Нахичевань-на-Дону могли привозить на продажу курительные трубки. Но, к настоящему времени не известны крымские гончарные мастерские по изготовлению «люлек», хотя коллекции их хранятся во всех музеях полуострова. Как считают исследователи, табак с XVII века становится важным продуктом внешней торговли Крыма, а табакокурение приобретает широкие масштабы. В 90-е годы XVIII в. табак ввозился из Стамбула и Анатолии в больших количествах. Местом для общины и курения местных жителей были кофейни. А в XIX в. табак начали разводить на южном побережье Крыма, в Бахчисарае и долине Салгира [Зайцев, 2004, с. 373, 378, 380].

Жители Нор Нахичевана после переселения в конце XVIII вв. сохранили обычаи и традиции жизни на Крымской земле, они говорили не только на армянском, но на турецком и греческом языках. Сохранился обычай общения мужчин в кофейнях. Вот что пишет в своих воспоминаниях английский ученый, профессор минералогии Кембриджского университета Эдвард Джеймс Кларк, посетивший город через двадцать лет после его основания. «На полу на корточках полулежа на диванных подушках, расположились несколько десятков торговцев. В одной

¹ В издании 2013 г. допущена неточность. В оригинале упомянуты «трубки пенковые» [Ригельман, 1918, с. 23], т.е. изготовленные из минерала пенки, который использовали для этих целей.

руке они держали длинную трубку, в другой – чашечку с кофе. Трубки изготавливались из вишневого дерева с нтарными наконечниками. Положив трубку в лежащую рядом чашу, присутствующие наслаждались ароматным дымом. В углу комнаты стояла ваза с цветами ириса. Рядом с ней располагался столик с маленькой дырочкой на крышке, в которую посетители засовывали деньги в благодарность за полученное здесь удовольствие. Некоторые посетители вдыхали в большом количестве табачный дым легкими, и, удерживая его, подавляя вдох и выдох, выпускали дым через уши, ноздри и рот» [Казарова, 2016, с. 55–60]. Собирались в кофейнях чтобы поделитесь новостями, заключить торговые сделки, решить важные вопросы. Интересно, что кофейни назывались «турецкими», С.С. Казаров считает, что обычай пить кофе «перекочевал» из Турции в Крым вместе с османскими купцами, хотя хозяевами кофейен были как армяне, так и греки [Казаров, 2017, с. 53–54]. Интересна картина Огюста Раффе «Армяне и крымские татары в кофейне Карасубазара» (Крым), написанная в середине 40-х годов XIX века. Посетители кофейни сидят на диване на корточках вокруг столика. На полу у стола – обувь посетителей – чулки. У семерых из восьми в руках трубки на длинных чубуках. Можно даже определить фасон трубок. Это османские трубки с дисковидным основанием – один из самых поздних фасонов глиняных курительных трубок.

Еще одна «турецкая» кофейня в Нахичевани-на-Дону упоминается в книге воспоминаний известного ростовско-нахичеванского купца и общественного деятеля И.М. Келле-Шагинова. Он пишет о том, что на Соборной площади го-

рода в середине XIX века располагался корпус лавок, а в одной из частей этого корпуса был пристроен второй этаж, где помещалась кофейня, которую автор называет «хаффе». Здесь подавали не только кофе и табак, но и чай, закуски, посетители играли в карты, а иногда им даже показывали китайские тени «харатез». С.С. Казаров замечает, что «постепенно «турецкие» кофейни, как место для временного препровождения мужчин, в Нахичевани-на-Дону сошли на нет. Им на смену пришли клубы, куда первоначально также допускались только мужчины, и первый такой клуб появился в 1862 г» [Казаров, 2017, с. 55].

О курительных трубках как о товаре на местном рынке пишет и профессор Э.Д. Кларк. На городской площади, как и на базаре в Константинополе, каждый торговец имел свое определенное место. В соответствии с восточными традициями они сидели на полу, скрестив и согнув ноги. Наполнены магазины были высокой, и торговля в них шла довольно бойко. Интересен приводимый автором ассортимент продаваемых здесь купцами товаров. В их числе Кларк упоминает торговцев табаком, курительными трубками, мануфактурой и другими колониальными товарами. Также встречались здесь торговцы шелком, индийскими шальями, мантиями, кузнецы [Казарова, 2016, с. 55–60].

Таким образом, можно предположить, что трубки, найденные в заполненной выгребной ямы, могли составлять партию товара, предназначенного для курительной комнаты кофейни, расположенной на восточной окраине Нахичевани-на-Дону. По причине случившегося в ней пожара, этот набор трубок не был использован и был выброшен вместе с мусором от сгоревшего строения.

Список литературы

Богданян А. М. Из прошлого. О переселении армян из Крыма на Дон. Краткий исторический очерк. Ростов-на-Дону, 1989. С. 16

Волков И. В. Частная коллекция турецких курительных трубок из Москвы // Материальная культура Востока. М., 1999. С. 226–252.

Волков И. В. Закрытый комплекс турецкого времени в Азове // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21. Азов, 2006. С. 486–488.

Гусач И. Р. Курительные трубки из раскопок османской крепости Азак (по материалам фонда археологии Азовского музея-заповедника): каталог коллекции. Азов, 2016. 360 с.

Зайцев И. В. Табак и табакокурение в Крыму (XVII–XVIII вв.) // ALAICA. Сборник научных трудов российских востоковедов. М., 2004. С. 371–380.

Казарова Н. А. Восточная сказка в донской степи: Нахичевань-на-Дону в конце XVIII – начале XIX веков глазами современников // Периферийный город и горожанин в пространственно-временной ретроспективе: особенности национальной идентичности. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2016. С. 55–60.

Казаров С. С. Турецкие кофейни Нахичевани-на-Дону как элемент повседневной жизни донских армян // Актуальные проблемы социальной истории и социальной работы. Новочеркасск, 2017. С. 53–55.

Ларенок В. А., Ларенок П. А. Предметы быта конца XVIII – начала XIX вв. из засыпки котлована солдатской казармы крепости Дмитри Ростовского // Археологические записки. Вып. 7. Ростов-на-Дону, 2011. С. 315–332.

Недомолкина Н. Г., Недомолкина В. В. Красноглиняные турецкие курительные трубки с территории города Вологда // Старинные города Вологодской области. Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда, 2003. С. 14–21.

Ригельман А. И. Ростов-на-Дону 150 лет назад. «Ведомость и географическое описание крепости Св. Дмитри Ростовского с принадлежащими и прикосновенными к ней местами, сочиненная по Указу Правительствующего Сената 1768 года». Текст по современному автору рукописи, изданный под наблюдением и с предисловием А. Т. Стефанова. Ростов-на-Дону, 1918. 55 с.

Ригельман А. И. «Ведомость и географическое описание крепости Св. Димитри Ростовского с принадлежащими и прикосновенными к ней местами, сочиненная по Указу Правительствующего Сената 1768 года». Текст по современному автору рукописи, изданный под наблюдением и с предисловием А. Т. Стефанова. Ростов-на-Дону: Ростовкнига, 2013. С. 28.

Чеботарёв Б. В. Новые картографические материалы по истории Ростова-на-Дону и окрестных селений второй половины XVIII века // Известия Ростовского областного музея краеведения. №1 (3). Ростов-на-Дону, 1959. С. 50–64.

ЗООМОРФНАЯ СИМВОЛИКА АЛАН

© *Туаллагов Алан Ахсарович*

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
имени В. И. Абаева – филиал Федерального научного центра
«Владикавказский научный центр РАН», г. Владикавказ, soigsi@mail.ru

Аннотация. О культе олен у алан раннесредневекового периода свидетельствуют различные археологические находки. Образ животного занимает особое место и в христианской традиции. В ней олень рассматривается как солнечный зверь, солнечное существо, посредник между Небом и землей, что берет свои истоки в дохристианской традиции. Близкие представления фиксируются и в осетинской традиции, определенно преемственностью с аланским культурным кругом. Не исключено, что в истории алан на определенном этапе наблюдалось своеобразное схождение их традиционных представлений с христианскими за счет некоторых определенных особенностей в образе животного, которые могут быть гораздо древнее собственно аланского этапа. Сведения отдельных источников об образе олен у алан, получившие определенные толкования исследователей как геральдические, требуют особого к себе внимания.

Ключевые слова: зооморфный символ, культурная преемственность, семантика, аланы.

Abstract. Various archaeological finds testify to the deer cult among the Alans of the early medieval period. The image of the animal occupies a special place in the Christian tradition. In it, the deer is seen as a solar beast, a solar being, an intermediary between Heaven and earth, which has its origins in the pre-Christian tradition. Similar ideas are also recorded in the Ossetian tradition, determined by continuity with the Alanian cultural circle. It is possible that in the history of the Alans at a certain stage there was a peculiar convergence of their traditional ideas with Christian ones due to certain specific features in the image of the animal, which can be much older than the Alanian stage itself. Information from individual sources about the image of a deer among the Alans, which received certain interpretations by researchers as heraldic, requires special attention.

Keywords: zoomorphic symbol, cultural continuity, semantics, Alans.

Культе олен прослеживается в аланских материалах, для которых отмечено и его сочетание с христианской традицией [Алексеева, 1971, с. 97, 348, таб. 37, рис. 10; Афанасьев, 1976, с. 126; Иерусалимска, 1983, с. 109; Флёров, 2000, с. 132, рис. 32, 12; Шестопалова, 2016, с. 11, 12, рис. 2, 12, 14–15]. Его образ, в частности, представлен среди амулетов. Возможно, с ним связано, например, и изображение головы олен на импортной хрустальной гемме из катакомбы №2 Бермамытского могильни-

ка (Ставрополье). Изображения оленей, в целом, встречаются и на сасанидских геммах из разных аланских памятников северокавказского региона. Исследователи неоднократно отмечали связь образа олен в осетинских представлениях с тотемическими, земледельческими, охотничьими и солнечными культурами, истоки чему полагались в представлениях «скифо-аланского мира».

Олень рассматривается как солнечный зверь, солнечное существо, посредник между Небом и землей, что берет

свои истоки в дохристианской традиции. Он становится символом плодородия, крещения и воскрешения. Он также был атрибутом св. Евстафия, что связано с дохристианскими представлениями о солнечном звере, выразившимися сначала в агиографических, а затем и в литературных легендах о встрече охотника с чудесным оленем, у которого между рогами сидит крест.

Данные наблюдения позволили обратить внимание на роспись Нузальской часовни (Северная Осетия), которую датируют не ранее середины XIV в. В ней представлен сюжет «Чудо св. Евстафия». По легенде, Евстафий Плакид на охоте увидел оленя, между рогами которого ему висел образ распятия или лик Христа. После того как олень заговорил с ним, Евстафий уверовал. Исследователи справедливо заметили, что сюжет охоты в росписи часовни необычен, поскольку в нем не представлены положенные христианские символы. Отступление от традиционной иконографии объясняют приспособлением изображения к духовным запросам местной осетинской среды, в которой почитался бог охоты Афсати и жили сказания о волшебном олене и охотнике Сослане. Но при этом указывается и на закавказские параллели [Кузнецов, 1980, с. 117–121].

Обращается внимание на «Охотничий камень» №2 у Кфарского городища, на котором изображен всадник, вероятно, вооруженный луком, и стадо оленей. Между рогами одного из животных помещен крест [Аржанцева, Албегова, 1999, с. 198, рис. 6]. Композиция позволила исследователям полагать, что к аланам христианский образ проникал, в том числе, из Византии, распространясь изначально из Западной Алании. Здесь же представлены и другие «оленные камни», которые, как и «Охотничий камень», предложено рассматривать в качестве жертвенников, образующих комплекс, связанный с охотничьей магией. Олени изображены с огромными ветвистыми рогами или даже парой рогов [Аржанцева, 2001, с. 243–245, 259, рис. 6, 7].

Надо отметить, что приношение рогов оленей в осетинских святилищах [Басилов, Кобычев, 1976, с. 150–151], указывающее на отнесение образа животного к верхней сфере мироздания, с другой стороны, сопоставимо с находкой в притворе одной из однонефных церквей раннесредневекового Нижне-Архызского городища, известного центра Аланской митрополии, черепов и рогов оленей [Кузнецов, 1971, с. 81; Алексеева, 1971, с. 131; Афанасьев, 1976, с. 126]. Конечно, следует согласиться с наблюдениями о присутствии рогов и черепов рогатых животных в различных постройках на Кавказе, что может потребовать дифференцированного их изучения. Но нельзя сбрасывать со счетов возможность сходства христианской традиции с местными представлениями, известной адаптации христианства к определенным дохристианским условиям, что справедливо рассматривается [Белецкий, 2011, с. 41–44, 57] и в упомянутой святилище с нижне-архызской находкой.

В отношении к фарскому примеру мы не можем однозначно отрицать полагаемую исследователями возможность, но заметим, что у нас нет, в отличие от авторов, уверенности, что данный символ между рогов оленей является изначальноным. Изображение крестов многократно воспроизводится в данной композиции, что не исключает отсутствие упомянутой святилище изображение оленя с христианской легендой. Причем, всадник с луком изображен достаточно далеко от оленя, тогда как непосредственно за ним представлен, видимо, другой всадник, в образе которого трудно распознать охотника.

Вместе с тем, следует указать и на другие археологические находки, не привлекавшие внимания современных исследователей. К ним относятся памятники на некрополе у местности Байтал-Чапкан (Карачаево-Черкесии), входившей в ареал жизнедеятельности раннесредневековых алан. На одном было нанесено изображение оленя, над которым фиксировались остатки греческих букв.

На другом, также высеченным из камня, – изображены олени и человека, двух фигур, похожих на кресты. Третий был изготовлен из белого мрамора. На одной его стороне были изображены крестов, на другой – надпись греческими буквами, помещенная между рогов оленя [Lettre de M. Tokaref a M. Brosset, 1850, p. 234; Фиркович, 1857, с. 383; Помоловский, 1881, с. 12, № 21–24].

Памтник с изображением крестов на одной стороне и изображением оленя с надписью греческими буквами между рогов на другой стороне фиксировался ранее напротив казачьего пикета Утикур, на левой стороне р. Кубань [Lettre de M. Tokaref a M. Brosset, 1850, p. 233; Помоловский, 1881, с. 9–10, № 15]. Тесные камни с изображением оленей и крестом на одном из них отмечались в той же местности и позднее. Полагают, что речь шла об одном и том же памятнике в форме креста, с изображением крестов на всех четырех сторонах, и оленя с надписью между рогами. Его помещают на аланском городище близ аула Кубины [Минаева, 1960, с. 178, 179]. Отсутствие возможности прочтения надписи вызвало даже предположение о ее составлении на туземном языке, по типу Зеленчукской надписи [Минаева, 1960, с. 181]. Кроме того, отмечались сведения о камнях с изображением «бегущих оленей» на городище Гилчи и камней из Амгаты, ныне утраченных. На одном изображены семь танцующих человек в бурках и с поднятыми руками, на другом – четыре бегущих оленя и теленок, на третьем – всадник с луком с нанесенной рядом тамгой. Плиты отнесены к частям дольменообразных склепов, подобных склепам с р. Кривой [Минаева, 1960, с. 179; 1971, с. 41, 69], среди которых выделены погребальное сооружение, как полагают, аланского правителя.

Как мы видим, изображение оленей на аланских памятниках относится, как к дохристианским изображениям, так и входит в число изображений на христианских памятниках. Симптома-

тичное замечание оставил А. Фиркович. Отметив заметно часто встречаемое изображение оленей в данном регионе, он считал трудным истолковать смысл представленного животного. Но им было предположено в вопросительной форме, за счет известных к тому времени древних археологических памятников, что олень мог бы служить условной эмблемой земли или народа, находившегося под властью боспорских царей, чья власть распространялась до современных автору Большой и Малой Кабарды [Фиркович, 1857, с. 383–384]. Если оставить в стороне неудачную боспорскую интерпретацию, то остается вопрос о символизме образа оленя в аланской ранне-средневековой среде.

С такой позиции следует обратить внимание на сведения «Части языком», в котором представлен перечень символов народов, датируемый концом XII в. или началом XIII в. Символом, как в русских источниках называли алан, вне зависимости от их различных групп, проживавших на различных территориях, был олень. Сопоставив информацию, содержащуюся в хронологически близком славянском апокрифе «Вопросы, от скольких частей создан был Адам», условно называемом также «Разумник-указ» [Тыпкова-Заимова, Милтеннова, 1999, с. 104, 293, 303, 305]. В целом, приведенные в источниках символы предположительно связывали с зооморфными изображениями как символами богов на знаменах [Шафарик, 1848, прил. С. 111–113, № XXVI], а учитывая важную роль образа оленя в мифологии алан, в нем усматривали своего рода национальную эмблему, герб, народа [Vernadsky, 1944, p. 82].

Исследователи, отмечающие тесную связь образа осетинского Афсати с образом оленя, а также указанные сходства последнего с последующей христианской традицией, не исключали, что само имя божества связано с именем Евстафия Плакида, при возможной контаминации с именем другого святого –

Евстрати и т. д. [Аржанцева, Албегова, 1999, с. 188–191; Албегова, 2000, с. 17; Arzhantseva, 2011–2012, р. 6–11; Tuite, 2018, р. 141–149]. При таком решении об ономастической христианизации образа осетинского божества лишь вскользь замечается наличие иного этимологического решения для имени Афсати [Гуриев, 1991, с. 18–19] и почему-то обходится молчанием еще одно решение, надежно утверждающее оригинальное происхождение, как образа, так и названия божества [Cornillot, 2002, р. 14–19; 2008, р. 153–154], несомненно, имеющих очень древнее происхождение. Известно, что изначально Афсати представлял покровителем всей природы и всех животных. Божество превращается в оленя, имеет оленьи рога, шалаш из шкур оленя, кровать и вешалки из рогов оленя. Он ездит на золотом олене, в повозке из ветвей орешника, в которую запрятаны два белых оленя, дарит упреждающую оленей. Его сын ездит на олене или на лосе, на березовой бороне, запрятанной двумя белыми оленями. Афсати наделается солнечными чертами, является сыном Солнца. Его образ в своей древней ипостаси связан с образом древнеиранского солнечного Митры [Абаев, 1979, с. 12, 14; Килуновская, 1987, с. 104, 105; Туаллагов, 2010, с. 295–306] и может быть включен в круг этнокультурной традиции скифо-сакского и аланского миров.

Исследователи обратили внимание на связь понятия сила – *ama* в «Авесте» с образом воинского божества Веретрагны, инкарнацией которого выступают ветер, бык и олень. Эта сила помещается над лбом, рогами, что в скифской традиции могло передаваться через образ оленя и выражаться в гипертрофированных изображениях его рогов. В такой коннотации приводятся и осетинские представления о связи образов мужчины и оленя в выражении силы, ловкости и т. д. [Вертиченко, 2018, с. 419–423], что имеет дополнительные примеры, на которые также справедли-

во обращали внимание [Иванчик, 2005, с. 183, сн. 50]. Соответствующее расположение *ama* сопоставимо с указанными уже христианскими образами оленей с крестом между рогами. Можно осторожно предположить, что в аланской среде такие представления могли послужить основой для адаптации христианских представлений.

На Кавказе издревле могли существовать и иные сопоставимые представления, учитывая известные в кобанской бронзе изображения человека, стоящего на голове оленя или лани [Мошинский, 1996, с. 111–113], которые, возможно, воспроизводят образ покровителя животных, типа осетинского Афсати. Сегодня обращается внимание и на другие кобанские изображения в контексте представления соответствующего зооморфного образа божества охоты [Вольна, Дударев, 2022, с. 59–67], которые интересно сопоставить с упоминутым *ama*.

Полагают, что самое раннее изображение божества представлено на меотском псалии IV в. до н. э. с Таманского полуострова. Персонаж изображен со звериными ушами и оленьими рогами. Если вопрос о кавказском или индоевропейском происхождении образа в одном случае оставался открытым [Шауб, Яценко, 2022, с. 4–12], то в другом случае предполагается его формирование у осетин с определенными чертами, в которые входят и оленьи рога, за счет влияния кавказских соседей [Яценко, 2022, с. 160–161].

Однако для второй трактовки, не отрицая факта тесного этнокультурного взаимодействия, нельзя игнорировать наличие зооморфных образов как воплощений божеств и процессов их антропоморфизации в самой аланской среде. Источник и путь формирования образа персонажа на псалии, вно синкретический, сам по себе выглядит сложным и связанным с различными культурными традициями. Пожалуй, категоричность трактовки выглядит преждевременной.

Список литературы

- Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. Л., 1979. 358 с.
- Албегова З. Х.* Палеосоциологическое исследование религии ранних алан V–XII вв.: Автореф. ... канд. ист. наук. 07.00.06. М., 2000. 20 с.
- Алексеева Е. П.* Древн и средневекова истори Карачаево-Черкесии. М., 1971. 355 с.
- Аржанцева И. А.* Аланское городище К фар IX–XII вв. н. э. в Карачае // Карачаевцы и балкарцы: язык, этнографи, археологи, фольклор. М., 2001. С. 241–269.
- Аржанцева И. А., Албегова З. Х.* Культурные камни К фарского городища (еще раз о религиозном дуализме алан) // Древности Северного Кавказа. М., 1999. С. 183–200.
- Афанасьев Г. Ф.* Дохристианские религиозные воззрения алан (по материалам амулетов могильника Мокра балка) // СЭ. 1976. №1. С. 125–130.
- Басилов В. Н., Кобычев В. П.* Николайи кувд (осетинское празднество в честь патрона селени) // Кавказский этнографический сборник. Вып. VI. М., 1976. (Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Макла. Нова сери. Т. 106). С. 131–154.
- Белецкий Д. В.* Материалы к изучению средневекового зодчества Северной Осетии // Историко-филологический архив, 7. Владикавказ, 2011. С. 26–70.
- Вертиенко Г. В.* «Над рогами – сила досконалої зовнішності» (до образу олен у скіфському мистецтві) // Археологі і давн історі України. 2018. Вип. 2 (27). С. 418–426.
- Вольная Г. Н., Дударев Л. С.* Бронзовые пр моугольные пр жки с сол рным орнаментом и головой длинноухого животного // Kavkaz-Forum. Владикавказ, 2022. Вып. 9 (16). С. 59–71.
- Гуриев Т. А.* Наследие скифов и алан (Очерки о словах и именах). Владикавказ, 1991. 173 с.
- Иванчик А. И.* Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и истори. (Pontus Septentrionalis III). М., Берлин, 2005. 313 с.
- Иерусалимская А. А.* Археологические параллели этнографически засвидетельствованным культам Кавказа (по материалам могильника Мощева балка) // СЭ. 1983. №1. С. 102–113.
- Килуновская М. Е.* Интерпретации образа олен в скифо-сибирском искусстве (по материалам петроглифов и оленных камней) // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеологи. Новосибирск, 1987. С. 103–107.
- Кузнецов В. А.* Алани в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1971. 247 с.
- Кузнецов В. А.* Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1980. 136 с.
- Минаева Т. М.* Городище близ аула Кубины в Черкесии // Известия СОНИИ. Т. XII. Вып. IV (Истори). Орджоникидзе, 1960. С. 156–188.
- Минаева Т. М.* К истории алан Верхнего Прикубань по археологическим памятникам. Ставрополь, 1971. 248 с.
- Мошинский А. П.* Образ хоз ина зверей в кобанской пластике // Между Азией и Европой. Кавказ IV–I тыс. до н. э. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Александровича Иессена. СПб., 1996. С. 111–113.
- Помяловский И.* Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. Составил для V-го Археологического Съезда в Тифлисе. СПб., 1881. 95 с.
- Туаллагов А. А.* Всеволод Федорович Миллер и осетиноведение. Владикавказ, 2010. 433 с.

Тъпкова-Заимова В., Милтенова А. Историко-апокалиптичната книжнина в средновековна Византия и Българи . Софи , 1996. 360 с.

Фиркович А. Археологические разведки на Кавказе // Записки Императорского Археологического Общества. Т. IX. Вып. II. СПб., 1857. С. 371–405.

Флёрв В. С. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обр д обезвреживани погребенных // Труды Клино-Ярской экспедиции, I. М., 2000. 164 с.

Шауб И. Ю., Яценко С. А. Меотский псалый с уникальным изображением // Новый Гермес. Вестник классической археологии, антиковедени и медиевистики. СПб., 2022. Вып. XIV, 1. С. 4–19.

Шафарик П. И. Славянские древности. М., 1848. Т. II. Кн. III. 276+151 с.

Шестопалова Э. Ю. Амулеты Архонского катакомбного могильника // Электронный научный журнал «Apriori. Сери : Гуманитарные науки». 2016. №1. С. 1–21.

Яценко С. А. Боги сарматов // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья . Нижневартовск, 2022. №S1. С. 143–184.

Arzhantseva I. The Cult of Saint Eustace in the North Caucasus // *Nāme-ye Irān-e Bāstān. The International Journal of Ancient Iranian Studies.* Tehran, 2011–2012. Vol. 11 №2. P. 1–12.

Cornillot F. Les racines mythiques de l'appellation Nartes // *NARTAMONGÆ. The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology & Language.* Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw–Paris, 2002. Vol. I. №1. P. 11–76.

Cornillot F. Le Testament du Roi Rasparagan: du Feu des Slaves au Nom des Roxolans // *NARTAMONGÆ. The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology, Language, History.* Paris; Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2008. Vol. V. №1, 2. P. 148–181.

Lettre de M. Tokaref a M. Brosset, sur quelques antiquités chrétiennes alters, des environs de l'Elbrouz. (Lu le 19 octobre 1849) // *Bulletin de la Classe Historico-Philologique de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg.* T. VII. St.-Petersbourg; Leipzig, 1850. Col. 232–236.

Tuite K. Image-mediated diffusion and body shift in the cult of St. Eustace in the western Caucasus // *Le Corps et le Lieu: Nouveaux Terrains.* Montréal, 2018. P. 141–154.

Vernadsky G. Sur l'origine des Alains // *Byzantion. (American Series, II).* Boston, 1944. Vol. XVI. Fasc. 1, 1942–1943. P. 81–86.

МЕОТСКИЕ ДРЕВНОСТИ И СТАРЫЙ ЕКАТЕРИНОДАР. МАТЕРИАЛЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ

© Шевченко Николай Фёдорович
ООО «ЦРСП-ЮГ», niksche@mail.ru

Аннотация. В статье приводятся результаты первого комплексного археологического исследования исторической части города Краснодара.

В ходе работ был исследован участок грунтового могильника с комплексом погребений IV в. до н.э.

Также были проведены полноценные раскопки культурного слоя конца XIX – начала XX вв. с остатками кирпичной архитектуры. Напластования городского слоя дали обширную подборку находок, характеризующих материальную культуру Екатеринодара в начале прошлого столетия.

Ключевые слова: Краснодар, грунтовый могильник, городище, городская археология.

Abstract. The article presents the results of the first comprehensive archaeological research of the historical part of the city of Krasnodar.

During the fieldwork a section of subsoil burial ground with burials of the 4th century BC was investigated.

Also, exhaustive excavations of the cultural layer of the late XIX - early XX centuries with the remains of brick architecture were carried out. The excavations of the strata of the urban layer allowed to collect a wide selection of artefacts characterizing the material culture of Yekaterinodar at the beginning of the last century.

Key words: Krasnodar, subsoil burial ground, ancient settlement, urban archeology.

Весной 2020 г. Приазовская экспедиция ООО «ЦРСП-ЮГ» проводила исследование памятника археологии «Грунтовый могильник» на территории г. Краснодара. Могильник эпохи раннего железного века расположен к северу от городского парка им. М. Горького и известен в археологической литературе как «могильник на улице Почтовой». Некрополь связывается с меотским городищем на территории «Горпарка», почти полностью разрушенным при строительстве железной дороги в середине 80-х годов XIX в. (прил., рис. 29, 1, 2). В настоящее время место расположения городища на охранных документах обозначается условно, однако можно полагать, что хорошо выражена в рельефе цитадель указана на плане Екатеринодара 1848 г. (прил., рис. 30). На более

поздних городских планах данное возвышение уже отсутствует. Археологические исследования на городище не проводились.

Грунтовый могильник расположен примерно в 200 м к северу от городища и в настоящее время находится под дорогами и городской застройкой. По предварительным данным его размеры составляют 240×300 м. В разное время работы по исследованию памятника вели М.В. Покровский и Н.В. Анфимов [Покровский, 1937; Анфимов И.Н., Анфимов Н.В., 1992] Масштабные раскопки на площади 2500 м² были проведены в 2008 г. экспедицией под руководством М.Ю. Лунёва [Лунёв, 2009, с. 229]. Проведённые исследования подтвердили существование на данной территории некрополя раннего железного века с комплексом

погребений, которые можно сопоставить с меотскими памятниками Прикубань.

Работы 2020 г. по изучению некрополя стали продолжением работ М. Ю. Лунёва и велись в зоне реконструкции бывшего сквера им. А.И. Покрышкина. Так как в методических указаниях от 2013 г. по вилась требовани археологического исследовани слоёв вплоть до новейшего времени, при раскопках были выделены два культурно-хронологических горизонта, сопоставимые с разными видами памятников, относящиеся к разным эпохам:

Горизонт 1. Включает напластовани городского слоёв Екатеринодара-Краснодара от конца XIX – до начала XX вв.

Горизонт 2. Включает предматериковый суглинок, в котором расположены комплексы, относящиеся к грунтовому могильнику.

Это существенно увеличило объём работ, так как земля, отведённая для строительства сквера, находится в исторической части города Краснодара на территории, так называемого, «Карасунского кута» в месте, где не существующая ныне р. Карасун впадала в р. Кубань. Здесь в конце XVIII в. появилось первое поселение, которое стало основой будущего города. Однако, на территории раскопа 2020 г. культурные напластовани XVIII–XIX вв. не зафиксированы. Это связано с особенностью застройки военного поселения, коим являлся Екатеринодар с момента основания до 1867 г. Центром поселения в «Карасунском куте» стала заложена в 90-е гг. XVIII в. крепость, к северу от которой начинали формироваться городские кварталы (прил., рис. 31). Непосредственно вокруг крепости существовала простреливаемая (эспланада) территория шириной около 200 м, где строительство домов было запрещено. После окончания Кавказской войны крепость утратила военное значение. В 1867 г. Екатеринодар получил статус города, но правила, ограничивающие строительство на прилегающей к крепостным валам террито-

рии, сохранились до 1880-х гг. Первые два безномерных квартала мещанской застройки в зоне эспланады обозначены на плане Екатеринодара, составленном Е. Д. Фелицыным в 1888 г. (прил., рис. 31). Активна же застройка этих кварталов начинается ещё позже, в конце 90-х гг. XIX в. и начале первого десятилетия XX в., именно к этому времени относятся здесь следы наиболее раннего городского слоёв.

Культурный слой конца XIX – начала XX вв. представляет собой горизонт мощностью до 0,30 м, насыщенный кирпичной крошкой и известковыми включениями, местами прослеживаются разливы известкового раствора. Характер слоёв отражает кратковременный период активного строительства и обустройства территории, который продолжался четверть века и завершился в период революции и гражданской войны. Во многих местах ранний городской слой уничтожен или повреждён в результате хозяйственной деятельности новейшего времени. Формирование слоёв в районе раскопа связано с возведением двух кирпичных жилых домов (строения 1, 2), выходящих фасадами на ул. Постова (до революции Почтова) (прил., рис. 32).

Исследованные в раскопе два строения имели планировку типичную для купеческих или богатых мещанских домов Екатеринодара начала XX в. (прил., рис. 33). Фасадная стена вместе с парадным входом выходила прямо на улицу. Вход вёл в прихожую и далее в длинный коридор, по сторонам которого располагались жилые комнаты. Почти полностью открытые фундаменты строения 1 позволяют говорить, что дом состоял из десяти комнат на первом этаже и, вероятно, имел не менее двух в мансарде. Отапливались парадные комнаты голландскими печами, фундаменты которых хорошо сохранились в углах помещений (прил., рис. 34).

Фундаменты под стенами зданий относятся к ленточному типу и сложены из кирпича на известковом растворе.

Кладка сравнительно груба, местами с забутовкой обломками кирпича. Заглубление фундаментов составило от 0,60 до 1,0 м, и они по всей высоте покрыты плотным известковым раствором как средством гидроизоляции.

При строительстве домов использовался кирпич Екатеринбургских заводов стандартного размера 0,27×0,13×0,6 м. При разборе кладок зафиксированы образцы клеймёного кирпича следующих типов:

1. ЕК. – найдено 19 клеймёных кирпичей. Клеймо рельефное, ориентировано по центру постели. Предварительно кирпич может быть сопоставлен с заводом Е.Л. Кузнецовой в Екатерино-даре (прил., рис. 36, 1).

2. ФН. – найдено 7 клеймёных кирпичей. Клеймо рельефное, ориентировано по центру постели. Кирпич может быть сопоставлен с заводом Ф.В. Никоненко в Екатерино-даре (прил., рис. 36, 4).

3. ЕТЗ. – найден 1 клеймёный кирпич. Клеймо рельефное, с нижним подчеркиванием. Надпись расшифровывается как «Екатеринодарский тюремный завод», правильное название «Кубанский областной тюремный попечительный комитет» (прил., рис. 36, 3).

4. МХ. – найдено 2 клеймёных кирпича. Клеймо рельефное, ориентировано по центру постели. Кирпич может быть сопоставлен с заводом М.Е. Хомкова в Екатерино-даре (прил., рис. 36, 2).

5. К. – буква Ш перевернута или использовано прописное написание буквы Т) – найдено 8 клеймёных кирпичей. Клеймо рельефное, расположено в центре постели. Клеймо можно интерпретировать как «КШ» с перевёрнутой буквой Ш, тогда оно может быть одним из вариантов клейм заводов барона Л.В. Штейнгеля. Если же было использовано прописное написание буквы «Т» (с двумя опущенными от перекладины палочками), то это клеймо можно отнести к заводу Т.М. Тамазова, основанному в Екатерино-даре в 1880 г. (прил., рис. 36, 5).

Вблизи исследованных строений были открыты несколько септических колодцев разного типа, указывающих на существование различных вариантов санитарной очистки города. Особый интерес представляет собой блок очистных колодцев с подключёнными к нему канализационными трубами. Трубы уходят за пределы раскопа и являются частью системы локальной канализации, соединившей несколько домов, построенных в области эспланады на рубеже XIX–XX вв. Сток происходил с севера на юг, то есть в сторону ул. Постова, а дальше трубы, скорее всего, выводились в Карасунский канал и р. Кубань (прил., рис. 33, 1). Септик состоит из четырёх примыкающих один к другому переливных колодцев, вытнутых по линии север-юг (прил., рис. 35, 1, 2). К поверхности были подняты стены двух из них, имевших, вероятно, чугунные люки. Остальные были скрыты в земле и могли быть перекрыты металлическими листами. Все колодцы сложены на известковом растворе в 0,5 кирпича и внутри были покрыты известковой побелкой. Сточные воды поступали в септик по трубе и так же сливались из него после очистки. Все канализационные трубы керамические, заводского производства, с раструбом на одном конце, диаметр 0,19 м, соединение резьбовое. Снаружи и внутри трубы покрыты качественной поливой коричневого цвета. На каждой трубе оттиснуто клеймо в виде сочетания букв Ж и З (прил., рис. 35, 3). В главном колодце на дне найден исключительно редкий музейный экспонат – железный крюк золотар и вместе с ним монета 1924 г., указывающая время, когда очистные колодцы забились, и септик перестал функционировать (прил., рис. 35, 4, 5).

Напластованы городского слоя в горизонте 1 дали обширную подборку находок, характеризующих материальную культуру Екатерино-дара в начале прошлого столетия. Они, несомненно, свидетельствуют о высоком уровне урбанизации

и бурном экономическом росте города в тот период. Находки представлены стеклянными изделиями, целыми формами фарфоровой столовой посуды, в том числе, с клеймами товарищества М.С. Кузнецова, торгового дома С.И. Великанова, торгового дома Каменко-Sussmann (прил., рис. 37; 38, 1). Найдены фарфоровые и фарфоровые коробочки для крема (прил., рис. 39, 1), аптечные ёмкости (прил., рис. 39, 2) многочисленные флаконы для парфюма и масел (прил., рис. 39, 3–5). Кухонная керамика представлена кружальными поливными сосудами, среди которых можно отметить макитры (прил., рис. 38, 2), но наиболее популярны разные формы кринок, среди которых присутствует подарочный образец с пасхальной надписью (прил., рис. 38, 3–5).

Определимые фрагменты кровельной черепицы относятся к заводу Л.Н. Трахова в Екатеринодаре и заводу барона Л.В. Штейнгеля.

К числу маркерных находок относится клад из 60 серебряных монет Российской империи времени правления Николая II (прил., рис. 36, 6–7). Четыре монеты номиналом 50 копеек; одна монета номиналом 15 копеек; 55 монет номиналом 10 копеек. Деньги, вероятно, находились в бумажной или тканевой упаковке, которая не сохранилась, и были уложены стопочками в мушкетёрской глубиной около 30 см вблизи фундамента одного из строений. Наиболее поздние монеты отчеканены в 1916 г., поэтому можно уверенно говорить, что так и не востребованный клад был депонирован в годы революции.

Вероятно, после окончания гражданской войны были зарыты или брошены в выгребные ямы вещи рискованного хранения. К ним можно отнести мундирные пуговицы, газыри, фрагмент аксельбанта и оружие – ствол винтов-

ки Mauser 98k образца 1898 г. (прил., рис. 40, 1); пистолет Browning M1906 образца 1906 г. (прил., рис. 40, 2); револьвер Lefaucheux M1858 образца 1858 г. (прил., рис. 40, 3).

Исследования, проведённые в небольшом раскопе на уровне горизонта 1, являются первым опытом полноценной городской археологии на территории Краснодарского края, их результаты говорят о перспективности таких работ, позволяющих не только уточнить бытовые подробности обывательской жизни начала прошлого столетия, но и выявить нюансы формирования городских кварталов.

Горизонт 2 включает конструкции, связанные с грунтовым могильником раннего железного века, зафиксированные в слое предматерикового суглинка. На этом уровне в раскопе были открыты всего две хозяйственные ямы, два разрушенных погребения и участок рва. При этом, во время работ, проведённых в 2008 г. экспедицией под руководством М.Ю. Лунёва в рамках землеотвода, было исследовано 15 меотских захоронений, и все они (кроме одного) располагались в северной части раскопа (прил., рис. 41)¹. Основные же работы 2020 г. велись в южной части отведённой территории, где находились жилые постройки XX в. с мощными фундаментами и подвалами.

Оба открытых в 2020 г. погребения (№16, 17) локализованы в северной прирезке, то есть в одном блоке с комплексами, исследованными в 2008 г. Из них более-менее сохранилось только одно (№16). Судя по сохранившимся фрагментам костей, погребённый лежал вытнуто на спине головой на ЮЮВ. Предметы сопроводительного инвентаря располагались у левой ноги и включали амфору, лепной горшок, два кружальных сероглиняных кувшина и фрагмент лепной миски (прил., рис. 42, 1–2). Амфора относится к про-

¹ Автор благодарит М.Ю. Лунёва, любезно позволившего использовать в работе материалы к отчёту 2008 г.

изводству Гераклеи Понтийской тип II-I датирующийся 350–330 гг. до н.э. [Монахов и др., 2022, с. 228] Образцы кружаловой сероглиняной керамики можно отнести к типу кувшинов с изогнутой и прямой петлевидной ручкой, датированному второй-третьей четвертью IV в. до н.э. [Марченко, Лимберис, 2005, с. 231]. Захоронение хорошо вписывается в круг комплексов, открытых в 2008 г. М.Ю. Лунёвым, большинство из которых относится к IV в. до н.э. [Лунёв, 2010, с. 357].

По итогам проведённых на могильнике работ, особый интерес представляет прослеженный в южной части раскопа участок рва (прил., рис. 41). Ров был открыт в 2008 г. и определён как ограждение могильника, отделённое от городища [Лунёв, 2009, с. 230]. На основной территории раскопа линия рва почти и выгнута строго в широтном направлении, только в западной части она изгибается к северу, образуя дугу. Такая конфигурация хорошо согласуется с версией об ограждении могильника, так как почти все открытые погребения действительно находятся к северу от этой черты. Ширина рва в придонной части составляет от 1,50 до 2,80 м при глубине от уровня древней дневной поверхности не более 2 м. Заполнение состоит из гуммированного однородного суглинка с материковыми натеками, свидетельствующими о постепенном заплывании. Следы намеренного засыпания отсутствуют, а находки сосредоточены преимущественно в илистой придонной части, это тоже указывает на то, что конструкция долго существовала в первоначальном состоянии. У восточной

оконечности исследованного участка ров, резко изгибаясь, образует колено, после которого он сужается до ширины около 0,80 м. В месте перед сужением в дне зафиксированы остатки столбовых конструкций [Лунёв, 2009, с. 230]. Продолжение рва выходит за пределы раскопа, но зафиксированные детали позволяют интерпретировать этот участок как воротный проезд с мостками или перемычкой, ориентированной к югу (прил., рис. 43). Таким образом, ров, окружающий грунтовый меотский некрополь, по своим формальным характеристикам практически идентичен широко известным ровикам, сделанным вокруг отдельных погребений или курганов. Разнообразие подобных конструкций велико, их культовое назначение не вызывает сомнений. Находки в заполнении датируются концом VI–IV вв. до н.э., то есть можно полагать, что ров был сооружён перед созданием могильника в ходе ритуала по сакрализации пространства. Выделенная таким образом территория могла быть достаточно велика и заполнялась долгое время, начиная, скорее всего, с наиболее удалённой от городища северной стороны. В раскоп же попал южный край некрополя, где находились могилы преимущественно IV в. до н.э. На больших, долго функционирующих, грунтовых некрополях могли находиться несколько сакральных рвов, окружающих родовые, жертвенные или ритуальные участки. Их не всегда удается проследить, но они очень важны как для понимания внутренней топографии памятника, так и для реконструкции системы древних верований.

Список литературы

Анфимов И. Н., Анфимов Н. В. Археологические памятники города Краснодара // Кубанский краевед. Вып. 3. Краснодар, 1992. С. 19–60.

Лунёв М. Ю. О некоторых итогах археологических исследований памятников раннего железного века на территории г. Краснодара // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2009. С. 229–231.

Лунёв М. Ю. Новые погребения IV в. до н.э. из могильника на ул. Постовой (Почтовой) // Древности Боспора. Т. 14. М., 2010. С. 357–372.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Хронологи комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 5. Краснодар, 2005. С. 219–324.

Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Амфоры VII–I вв. до н.э. Из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына. Саратов, 2022. 304 с.

Покровский М. В. Городища и могильники Среднего Прикубанья // Труды Краснодарского государственного педагогического института. Т. 6, вып. 1. Краснодар, 1937. С. 3–38.

**НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ С КРЕМАЦИОННЫМИ
ПОГРЕБЕНИЯМИ VIII–IX вв. В РАЙОНЕ Г. НОВОРОССИЙСКА
(ЦЕМДОЛИНА – УЛ. СПОРТИВНАЯ И ВЕРХНЕБАКАНСКИЙ – УЛ. ТИТАН)**

© Шишлов Александр Владимирович,

© Колпакова Алиса Вадимовна,

© Федоренко Наталья Валентиновна,

ГБУК КК «Новороссийский исторический музей-заповедник»,

г. Новороссийск, a.shishloff2017@yandex.ru, alice_k@list.ru

Аннотация. В статье вводятся в научный оборот материалы двух новых памятников VIII–IX вв., расположенных на административных землях г. Новороссийска, грунтовых могильников с кремационным обрядом погребения Цемдолина – ул. Спортивная и Верхнебаканский – ул. Титан. В коллекции представлены предметы вооружения, конского снаряжения, орудия труда, детали одежды и украшения.

Ключевые слова: Хазарский каганат, грунтовый могильник, кремационный обряд погребения, предметы вооружения, конское снаряжение, украшения.

Abstract. The article describes the materials from two new sites dating to the 8th–9th century AD, situated within the administrative district of Novorossiysk: the cremation burial grounds Tsemdolina (Sportivnaya Street) and Verkhnebakansky (Titan Street). The collections include weaponry, horse harness, tools, clothing details and ornaments.

Keywords: Khazar Khaganate, burial ground, cremation burial rite, weapons, horse harness, ornaments.

Известных могильников с кремационным обрядом погребения, датирующихся VIII–IX вв., расположенных на административной территории Новороссийска, материалы которых хранятся в Новороссийском историческом музее-заповеднике на сегодняшний день зафиксировано восемь, это могильники Дюрсо, 8-Щель, Натухаевский-1, Южна Озерейка, Ленинский Путь-3, Цемдолина – ул. Спортивная, Верхнебаканский – ул. Титан и Грекомаиский.

Археологически, в разной степени, исследованы грунтовые могильники: Дюрсо [Дмитриев, 1989], 8-Щель [Кононенко, 1995, 1995а], Натухаевский-1 [Шишлов, 2009], Южна Озерейка [Шишлов, 1996]. Из перечисленных памятников опубликованы материалы могильников Дюрсо [Дмитриев, 2003, с. 203–205. Табл. 87–92], Натухаев-

ский-1 [Шишлов и др., 2014, с. 276–293] и Южна Озерейка [Гавритухин, Пьников, 2003, с. 195–199, 210. Табл. 73]. Четыре памятника известны по подъёмному материалу, коллекцию одного из них – могильника Ленинский путь-3, мы представили в 2020 году [Шишлов и др., 2020, с. 400–407]. Материалы, поступившие в музей из могильника Грекомаиский, частично опубликованы [Армарчук, 2005, с. 47–51], но само месторасположение памятника не уточнено. В настоящей работе мы вводим в научный оборот материалы ещё двух памятников: Цемдолина – ул. Спортивная и Верхнебаканский – ул. Титан.

Грунтовый могильник Цемдолина – ул. Спортивная расположен на юго-восточной окраине бывшего села Цемдолина, которое в настоящее время территориально слилось с городом, на

участке между улицами Видова и Спортивна (рис. 1). На участке, где расположен могильник, первоначально были огороды, затем спортивна площадка местной школы, при устройстве, которой и были сделаны первые находки предметов из разрушенных погребений, переданные в Новороссийский музей в 1969 году учительницей СШ №28 Кривицкой. Следующее поступление датируется 1972 годом. По опросам местных жителей, находки на памятнике происходили постоянно, но до музея они не доходили. В 1995 году памятник был поставлен на учёт. В 2000-х годах в восточной части могильника начали строить церковь, стройка была остановлена. Далее, местный предприниматель решил построить центр досуга для молодежи, не согласовав строительство, самовольно спланировал и вывез гумусный слой, а участок забетонировал. В итоге всех движений к «светлому будущему» памятник оказался практически уничтожен, что косвенно подтвердили работы А.В. Шишлова в 2020 году, когда на его территории были заложены шурфы, показавшие отсутствие культурного слоя. Но, возможно, что некоторые погребения сохранились, благодаря рельефу. Всего за эти годы в музей поступило 56 предметов, описание которых дано ниже.

Предметы вооружения и защитного снаряжения.

1. Наконечник копья (пика) железный. Перо, удлиненно-треугольной формы, ромбовидное в сечении, с выделенным ребром жесткости. От основания перо сужается под острым углом к втулке. Втулка коническая, разомкнута у одного из ребер. На противоположной стороне от разъёма, ближе к основанию втулки, линзовидное отверстие для крепления. Дл. общая 37,6 см. Дл. пера 23,0 см. Шир. пера 3,5 см. Дл. втулки – 14,6 см. Дм. втулки 2,5 см (Инв. НМ-12948/1; рис. 2, 1)

2–5. Наконечники стрел железные черешковые с упором (4 экз.):

а) наконечник стрелы с пером ромбовидной формы, с острым углом у упора. Конец пера утолщен, ромбовидный в сечении. Перо отделено от черешка овальной в сечении шейкой. Дл. 7,5 см. Шир. пера 1,8 см. Дл. пера 4,6 см (Инв. НМ-12948/27; рис. 2, 2);

б) наконечник стрелы с пером остролистной формы, ромбовидным в сечении, отделено от черенка шейкой. Дл. 7,9 см. Шир. 1,6 см. Дл. пера 4,7 см (Инв. НМ-12948/28; рис. 2, 3);

в) наконечник стрелы рамчатый. Перо асимметрично-ромбовидной формы, с острым углом у упора, с прорезью, повторяющей форму пера, от основания до средней его части. Перо отделено от черешка шайбовидной шейкой. Дл. 10,4 см. Шир. 2,5 см. Дл. пера 6,2 см (Инв. НМ-12948/29; рис. 2, 4);

г) наконечник стрелы с пером пирамидальной формы, квадратное в сечении, отделено от черешка округлой в сечении шейкой. Дл. 5,8 см. Шир. 0,7 см. Дл. пера 1,9 см. Дм. шейки 0,6 см (Инв. НМ-12948/30; рис. 2, 5).

6. Топор железный. Лезвие узкое, секировидной формы. Обух молоточковидный, проушина овальная. Дл. лезвия 12,5 см. Шир. лезвия от 2 до 4 см. Дл. от обуха до края лезвия 11,0 см. Размер обуха 2,9×2,2 см. Проушина 2,4×2,1 см (Инв. НМ-12948/2; рис. 2, 7).

7–12. Ножи железные черешковые (6 экз.). Спинка прямая, лезвие треугольное в сечении:

а) ножи с перекрестием (4 экз.). С одной стороны лезвия вдоль спинки прокованы 1–2 дола. Черенок подтреугольной формы треугольный в сечении. Переход от черенка к спинке уступчатый. Черенок от лезвия отделён перекрестием-обоймой. Дл. 11,6–21,0 см. Дл. черенка 2,0–4,8 см. Шир. черенка от 0,7 до 1,1 см. Шир. между лезвиями 1,2–2,1 см. Перекрестие-обойма от 1,4×0,4 до 2,3×0,7 см (Инв. НМ-12948/23-26; рис. 3, 1–4);

б) ножи без перекрестий (2 экз.). Один экземпляр с треугольным в сечении лез-

вием, с чуть вогнутой рабочей поверхностью (рис. 3, 5). С одной стороны лезвие проковано от остри до начала черенка полосой 0,5 см, с другой стороны лезвие проковано долом. Выемка начинается в 3,5 см от остри и продолжается полосой вдоль спинки ножа до самого конца черенка. Шир. дола от 1,0 до 1,8 см. В центральной части лезвия прослеживаются пилообразные зазубрины. Спинка ножа уплощена и выделена бортиком. Толщина бортика до 0,5 см. Черенок подпр. моугольной формы и пр. моугольной в сечении. Дл. 20,2 см. Дл. лезвия 15,7 см. Шир. лезвия до 2,0 см. Дл. черенка 4,5 см. У второго ножа на торце черенка поперечные насечки (рис. 3, 6). Дл. 15,0 см. Дл. лезвия 11,0 см. Шир. лезвия до 1,7 см. Дл. черенка 4,0 см (Инв. НМ-12948/4, 5; рис. 3, 5, 6).

13. Кольчуга железная (во фрагментах). Из уплощенных в сечении колец, соединённых друг с другом более мелкими кольцами с заклёпками. Дм. кольцо 1,5 см. Дм. колец с заклёпками 1,0–1,2 см (Инв. НМ-12948/21; рис. 2, 6).

Предметы конского снаряжения.

14. Стрем железное арочной формы. Петля для путлища раскована в прямоугольную пластину, треугольную в сечении, отделённую от дужки широкой шейкой-перехватом, путлищное отверстие овальное. Дужки четырёхугольной в сечении формы с чётко выраженными рёбрами. Подножка, выгнута вверх, подпр. моугольная, с продольным ребром жесткости. Высота 20,5 см. Шир. 11,7 см. Сечение прута 0,9×1,0 см. Шир. петли для путлища 3,5 см. Шир. отв. для ремня для путлища до 1,9 см. Шир. подножки 3,5 см (Инв. НМ-12948/22; рис. 2, 8).

15. Округлой формы ромбовидна в сечении рамка железной пружины. Язычок утрачен. Дм. 5,0×4,9 см. Сечение прута 0,6×0,7 см (Инв. НМ-12948/34; рис. 3, 10).

16–22. Бубенчики из медного сплава (7 экз.):

а) каплевидной формы, с вертикальными каннелюрами по тулову и линей-

ной прорезью в нижней части. Петля округлая, сегментовидна в сечении, отделена от тулова выпуклой шейкой. Внутри шумящий элемент. Дм. 2,7×2,9 см. Высота 4,1 см. Шир. петли 0,9×0,3 см (Инв. НМ-12948/35; рис. 3, 11);

б) бубенчик овальной формы, с подпр. моугольной прорезью в нижней части. Верхняя часть тулова гладкая, нижняя с вертикальными каннелюрами. Внутри шумящий элемент. Петля трапециевидна. Дм. тулова 1,7×1,9 см. Высота 2,7 см. Шир. петли 0,6×0,7 см (Инв. НМ-12948/36; рис. 3, 12);

в) бубенчик сфероконической формы, из двух частей. Верхняя часть конической формы, нижняя полусферической, с узкой линейной прорезью и четырьмя сквозными отверстиями, расположенными крестообразно. Петля в виде проволочного кольца округлого сечения. Дм. тулова 1,4×1,5 см. Высота 2,2 см. Дм. петли 0,7 см (Инв. НМ-12948/37; рис. 3, 13);

г) бубенчики каплевидной формы (3 экз.) с линейной прорезью. Петля округлой формы. Два бубенчика с фрагментами цепочек: у одного в петлю продет фрагмент цепочки, в виде округлой в сечении проволочки, концы которой загнуты петельками, расположенными перпендикулярно друг другу (рис. 3, 14), у второго фрагмент цепочки прикипел к тулову (рис. 3, 16). Шир. тулова 1,3–1,9 см. Дл. тулова 1,6–1,9 см. Высота 1,9–2,0 см. Шир. петли 0,7×0,4 см. Дл. звена цепочки 1,4 см (Инв. НМ-12948/40-42; рис. 3, 14–16);

д) бубенчик шаровидной формы. Петля подвижна, концы проволочки вставлены в отверстие и внутри разведены в разные стороны. В петле сохранился маленький фрагмент железной проволочки. Дм. 1,6×1,7 см (Инв. НМ-12948/43; рис. 3, 17).

23–24. Подвески из медного сплава (2 экз.) переделаны из окончаний трубчатого браслета или гривны. Шаровидной формы, полые, сделаны из двух полусферических половинок. По шву, а также в месте соединения с трубкой

и в нижней части украшены тремя полосками двойной витой проволоки, образующей «косичку». У одной аналогичный по сок сохранился на трубке. При переделке трубка была сплющена и в центре пробито сквозное отверстие для подвешивания. Диаметр трубки 1,7 см. Высота 2,8 и 3,1 см. Ширина трубки 0,9–1,4 см (Инв. НМ-12948/38, 39; рис. 3, 18, 19).

25–26. Кольца сбруйные округлой формы из медного сплава (2 экз.). Одно кольцо (рис. 3, 8) полое внутри, залито более тяжёлым металлом (олово?). Диаметр 3,0 и 1,8 см. Сечение проволоки 0,2 см, сечение трубки 0,6 см (Инв. НМ-12948/47, 48; рис. 3, 8, 9).

Орудия труда.

27. Серп железный. Лезвие узкое, треугольное в сечении, зазубренное, с пилообразной рабочей поверхностью. Черенок треугольный с загнутым под прямым углом концом. Длина 31,5 см. Длина лезвия 28,5 см. Ширина лезвия 0,6–1,5 см. Длина черенка 3,6 см (Инв. НМ-12948/3; рис. 3, 7).

28–30. Пинцеты железные (3 экз.) из уплощенных, подпрямоугольных в сечении пластин. Все три разной формы: концы одного резко расширяются (раскованы) подтрапецевидной формы, концы второго плавно расширяются. Один экземпляр подпрямоугольной формы с небольшим расширением книзу. Длина 8,1, 6,3 и 7,7 см. Ширина лапок от 1,5 до 1,9 см (Инв. НМ-12948/31-33; рис. 3, 20–22).

31. Пробойник железный. Шляпка круглая, уплощенная, с поперечной бороздкой. Рабочая часть квадратная в сечении, нижняя часть пирамидальной формы, заострена. Шляпка отделена от рабочей части круглой в сечении шейкой. Длина 4,6 см. Диаметр шляпки 0,6 см. Диаметр шейки 0,3 см. Сечение 0,5×0,5 см (Инв. НМ-12948/49; рис. 3, 23).

32. Заклёпка железная из круглого в сечении стержня, один конец которого расклёпан и загнут в кольцо, второй расклёпан в гвоздевидную шляпку. Длина 2,2 см. Диаметр стержня 0,3 см. Диаметр шляпки

0,7 см. Диаметр 0,8×0,7 см. Ширина пластины кольца 0,6 см (Инв. НМ-12948/50; рис. 3, 24).

Детали одежды и украшения.

33–34. Пуговицы из медного сплава усеченно-биконической формы (2 экз.). С петлей, отделённой от тулова овальной в сечении шейкой. Петля округлая, уплощенная в сечении. У одной пуговицы в петле сохранился фрагмент железной цепочки. Диаметр 1,3×1,4 см и 1,0×1,1 см. Высота 2,0 и 1,5 см. Ширина петли 0,7×0,2 см и 0,5×0,2 см соответственно (Инв. НМ-12948/44, 45; рис. 4, 16, 17).

35–49. Браслеты из медного сплава (15 экз.):

а) браслеты овальные с орнаментом (9 экз.). Изготовлены из овального или округлого в сечении прута. Концы разомкнуты, слегка утолщены и украшены насечками в виде елочного орнамента. Размеры от 5,9×5,5 до 7,4×4,8 см. Сечение прута от 0,3×0,4 до 0,3×0,5 см (Инв. НМ-12948/8-13, 15, 17, 18; рис. 4, 1–9).

б) браслеты округлые с орнаментом из округлого и сегментовидного в сечении прута (2 экз.). Концы разомкнуты, слегка утолщены и украшены насечками в виде елочного орнамента. Диаметр 5,5 см. Сечение прута 0,4 см и 0,3×0,4 см (Инв. НМ-12948/6, 19; рис. 4, 10, 11).

в) браслеты овальные без орнамента из овального, округлого или сегментовидного в сечении прута (3 экз.). Концы разомкнуты, овальные в сечении, слегка утолщены. Размеры от 5,4×4,8 до 6,7×6,1 см. Сечение прута от 0,3×0,4 до 0,4–0,5 см (Инв. НМ-12948/7, 14, 16; рис. 4, 12–14).

г) браслет округлый без орнамента из уплощенного, овального в сечении прута (1 экз.). Концы разомкнуты, обрезаны прямо. Диаметр 6,2×5,9 см. Ширина прута 0,2×0,4 см (Инв. НМ-12948/20; рис. 4, 15).

50, 51. Перстни из медного сплава (2 экз.):

а) перстень со стеклянной вставкой. Дужка овальная, сегментовидная в сечении, расширяющаяся при переходе

де к щитку. Щиток четырёхугольной формы. Вставка из стекла голубоватого цвета, овальная, уплощённая, закреплена при помощи четырёх лапок с шпечками с внешней стороны. Размер 2,3×1,9 см. Сечение дужки 0,2×0,1 см. Щиток 1,6×1,4 см. Вставка 1,1×1,0 см (Инв. НМ-12948/53; рис. 4, 18);

б) перстень с плоским щитком. Дужка овальная, уплощённая в сечении, расширяющаяся с при переходе в щиток. Щиток овальной формы, поверхность гладкая. Размер 2,0×1,8 см. Шир. дужки 0,25×0,1 см. Щиток 1,1×0,7 см (Инв. НМ-12948/52; рис. 4, 19).

52. Подвеска из медного сплава состоящая из овального кольца и отходящего от него, овального в сечении стержня, с заглаженным концом. Стержень кольца, ромбовидный в сечении, отделён от вертикального стержня трапециевидной, округлой в сечении шейкой. В верхней части каплевидная, в месте крепления петли к кольцу, выделены бороздками «воротничок». Дл. 5,8 см. Кольцо 2,2×1,5×0,3 см. Дл. стержня 2,7 см (Инв. НМ-12948/51; рис. 4, 20).

53. Цепочка из медного сплава (8 фрагментов от 8 до 17 звеньев в каждом). Звенья восьмёркообразной формы, петли развёрнуты на 90° по отношению друг к другу. Проволока круглая в сечении. Длина звеньев от 1,2 до 1,7 см (Инв. НМ-12948/46; рис. 4, 21, 22).

54–56. Бусы (3 экз.):

а) бочковидная бусина из стеклянной пасты с широким продольным каналом отверстия. Размер 1,5×1,1 см. Дм. отв. 0,3 см (Инв. НМ-12948/54; рис. 4, 23);

б) бочковидная стеклянная бусина с волнистым орнаментом: на чёрном фоне поперечные серые полосы. Канал отверстия широкий продольный. Размер 1,4×1,1 см. Дм. отв. 0,5 см (Инв. НМ-12948/55; рис. 4, 24);

в) бипирамидальная сердоликовая бусина с узким продольным каналом отверстия. Размер 1,7×1,0×1,1 см (Инв. НМ-12948/56; рис. 4, 25).

Грунтовый могильник Верхнебаканский – ул. Титан расположен на вос-

точном склоне г. Раевской, в западной части п. Верхнебаканский, на улице Титан, которая и дала название памятнику (рис. 1). В 1994 году при строительстве гаражей было разрушено несколько погребений, материалы которых переданы в музей местными жителями. Всего коллекция насчитывает 11 предметов.

Предметы вооружения и защитного снаряжения.

1. Наконечник копья (пика) железный. Перо узкое, ромбовидное в сечении, рёбра острые. Втулка коническая, с одним отверстием для крепления к древку, разомкнута, выполнена из медного сплава, основание втулки орнаментировано уплощённым валиком. Верхняя часть втулки с двух сторон остроугольными насечками в виде перевёрнутой ёлочкой, с каждой стороны нанесено по три симметричных насечки. Дл. 24,0 см. Дл. пера 13,4 см. Шир. пера до 2,3 см. Дл. втулки 10,6 см. Дм. втулки 2,6 см (Инв. НМ-12022/5; рис. 5, 1).

2–3. Наконечники стрел железные черешковые (2 экз.):

а) наконечник с пером остролистной формы ромбовидным в сечении, с острым углом у упора. Дл. 7,7 см. Дл. пера 4,1 см. Дм. черешка 0,4 см (Инв. НМ-12022/8; рис. 5, 2);

б) наконечник трехгранный, перо узкое. В нижней части между гранями сделаны продольные бороздки, образующие лопасти. Перо отделено от черешка усеченно-конической шейкой вершиной в сторону пера. Дл. 7,6 см. Дл. пера 3,1 см. Дл. черешка 3,5 см. Дл. шейки 0,9 см. Дм. упора у основания шейки 0,5 см. Дм. упора у основания пера 0,4 см (Инв. НМ-12022/9; рис. 5, 3).

4. Сабля железная узколезвийная, с обоюдоострым концом клинка. Лезвие треугольное в сечении. Черенок с отверстием для заклепки, уплощённый в сечении, имеет небольшой наклон к лезвию (до 15°). Дл. 81,4 см. Дл. лезвия 73,7 см. Шир. лезвия у основания клинка 2,9 см. Дл. черенка 7,7 см. Дм. отв. 0,5 см (Инв. НМ-12022/4; рис. 5, 6).

5. Фрагмент железного шлема в виде четырёхугольной пластины. По краю пластины фиксируются две заклёпки для крепления со смежной пластиной. Размер пластины 16,0×15,5 см. Толщина пластины 0,2 см. Расстояние между заклёпками 4,0 см (Инв. НМ-12022/10; рис. 5, 7).

6. Часть кольчуги в виде спёкшихся друг с другом колечек. Кольца округлые, овальные и уплощенные в сечении. Каждое колечко скреплено заклёпкой. Дм. колец от 0,8 до 1,5 см (Инв. НМ-12022/11; рис. 5, 4, 5).

Предметы конского снаряжения.

7–8. Стремена железные, парные (2 экз.). Арочной формы, прут в нижней части подтреугольный в сечении, в верхней – ромбовидный. Петля для путлища четырёхугольной формы. Подножка выгнута, линзовидна, с тремя ребрами жёсткости. Высота 15,4 и 15,7 см. Шир. 13,5 см. Сечение прута до 0,9×0,8 см. Шир. петли для путлища 4,0 см. Размер отверстия для путлища 2,0×1,0 см. Ширина подножки 3,6 см (Инв. НМ-12022/1, 2; рис. 5, 8, 9).

9. Однокольчатые удила с псалиями, железные. Звенья удилища разные по длине. Грызла закручены в одном звене в 7 оборотов, во втором звене – в 10 оборотов. Звенья с меньшими внутренними и большими внешними кольцами, в одном звене кольца лежат по отношению друг к другу в перпендикулярных плоскостях, в другом звене – практически в одной плоскости. На внешних кольцах закреплены внешние подвижные кольца для поводьев и стержневидные, округлые в сечении псалии. На каждом псалии наварена подпружиненная петля для крепления псалии на удилах. Петли из пружинного в сечении прута. Подвижные кольца для поводьев округлые, из пружинного в сечении прута, концы заходят друг за друга. Размер 20,0 см. Дл. звеньев 8,4 и 8,3 см. Дм. внутренних ко-

лец 1,8 и 1,9 см, дм. внешних колец 2,3 и 2,4 см. Дм. подвижных колец 3,3 и 3,2 см. Дл. псалиев 11,8 и 10,4 см. Дм. стержня псалиев до 0,6 см. Размер петель 1,9×2,3×0,4 см и 1,8×2,2×0,4 см (Инв. НМ-12022/3; рис. 5, 10).

10. Кольцо сбруйное железное округлой формы из прута, овального в сечении. Дм. 5,5 см. Сечение прута 0,5×0,6 см (Инв. НМ-12022/6; рис. 5, 11).

11. Рамка железной пружины подпружиненной формы из овального в сечении прута. Размер 3,9×3,8 см. Сечение прута 0,4×0,3 см (Инв. НМ-12022/7; рис. 5, 12).

Материалы могильников Цемдолина – ул. Спортивна и Верхнебаканский – ул. Титан находят широкие аналогии, как в близлежащих грунтовых могильниках, расположенных в окрестностях Новороссийска: Дюрсо [Дмитриев, 2003, с. 203–205, табл. 87–92], 8- Щель [Кононенко, 1995; 1995а], Натухаевский-1 [Шишлов и др., 2014, с. 276–293], Южная Озерейка [Гавритухин, Пьников, 2003, с. 195–199, 210, табл. 73], Ленинский путь-3 [Пьников, 2001, с. 212, рис. 6; Пьников, 2001а, с. 143–147, рис. 1; Салов, 2014, с. 25; Шишлов и др., 2020, с. 400–407], так и в других памятниках Кубано-Черноморского региона, таких как могильники Псекупский 1 и Борисовский [Гавритухин, Пьников, 2003, табл. 73], Молдовановский [Тарабанов, 1992, рис. 1–3], Казазово-2 [Тарабанов, 1999, рис. 2, 3], у х. Хабль [Пьников, 1998, рис. 2, 3]. Все перечисленные памятники хронологически относятся к хазарскому времени и датируются VIII–IX вв. Могильники Цемдолина – ул. Спортивна и Верхнебаканский – ул. Титан дополняют список памятников, уточняют географию и плотность их распространения, а материалы этих памятников дополняют наши знания о материальной культуре Черноморья хазарского времени.

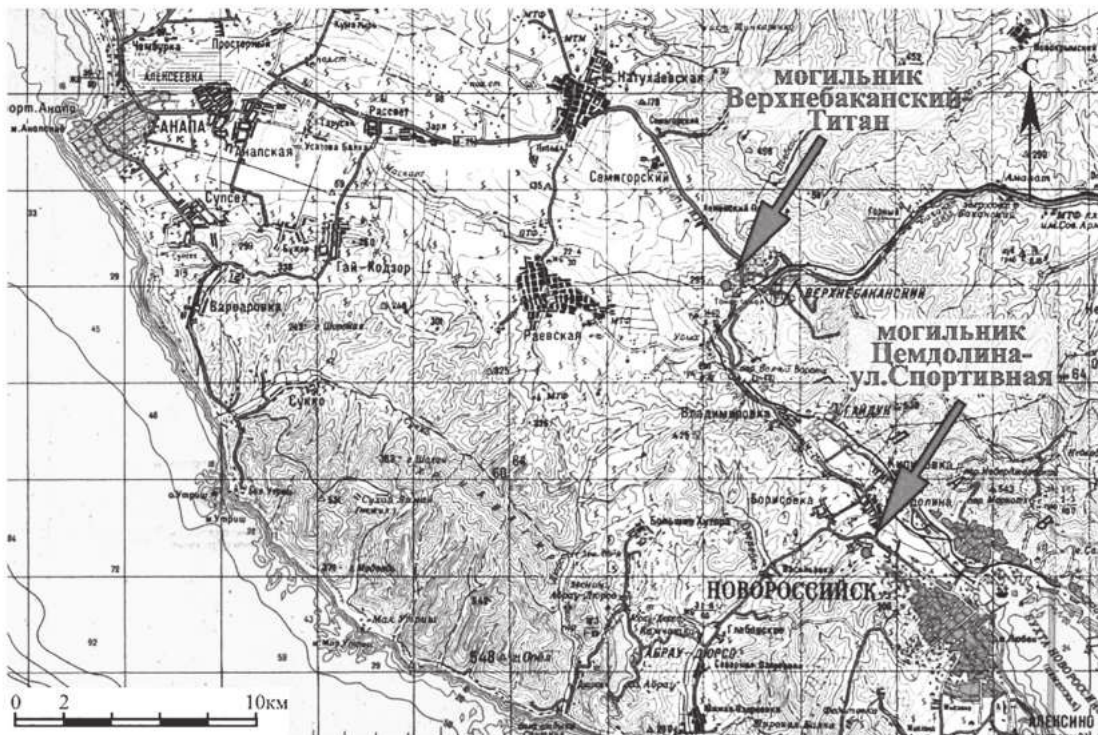

Рис. 1. Местоположение грунтовых могильников Цемдолина – ул. Спортивна и Верхнебаканский – ул. Титан на карте-схеме юго-западной части Краснодарского кра

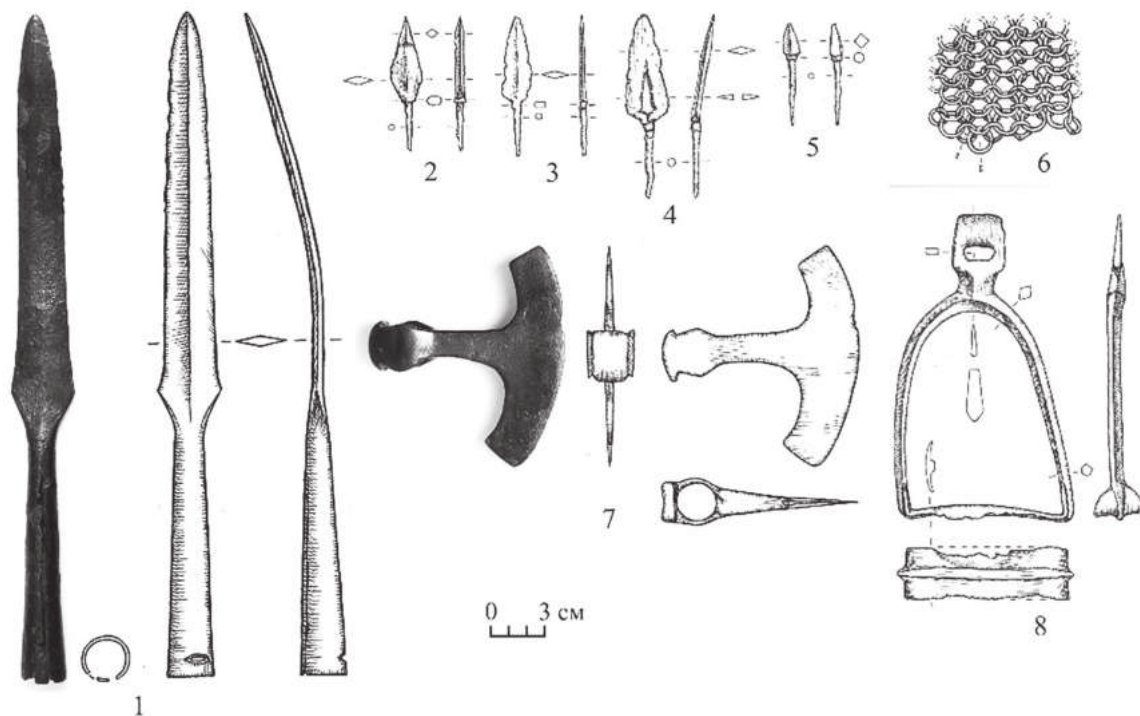

Рис. 2. Могильник Цемдолина – ул. Спортивна . 1 – наконечник копь (пика); 2–5 – наконечники стрел; 6 – фрагмент кольчуги; 7 – топор; 8 – стрем . (1–8 – железо)

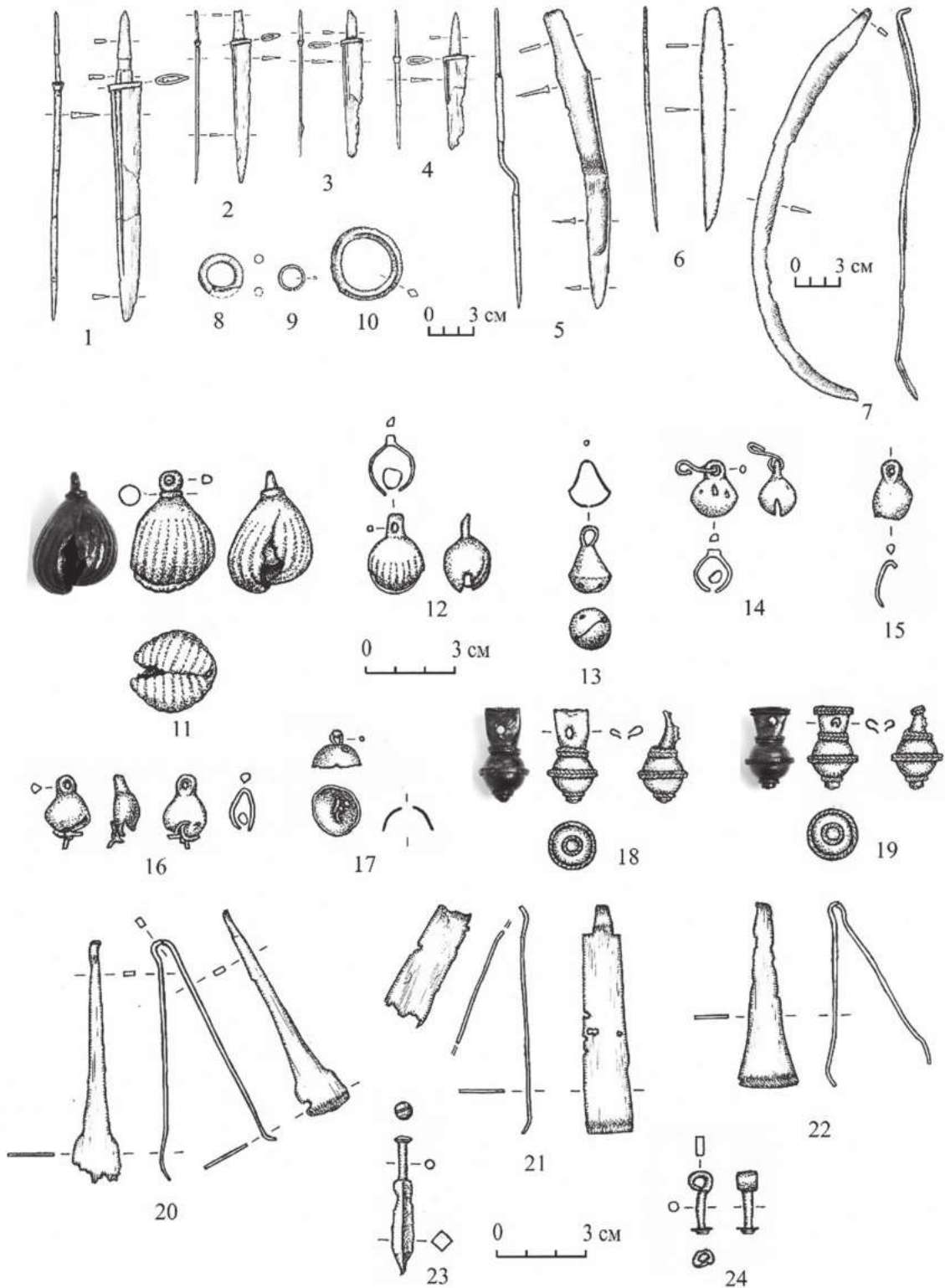

Рис. 3. Могильник Цемдолина – ул. Спортивна . 1–6 – ножи; 7 – серп; 8, 9 – кольца сбруйные; 10 – пр жка; 11–17 – бубенчики; 18, 19 – подвески (наверши ?); 20–22 – пинцеты; 23 – пробойник; 24 – заклёпка. (1–7, 10, 20–24 – железо; 8, 9, 11–19 – медный сплав)

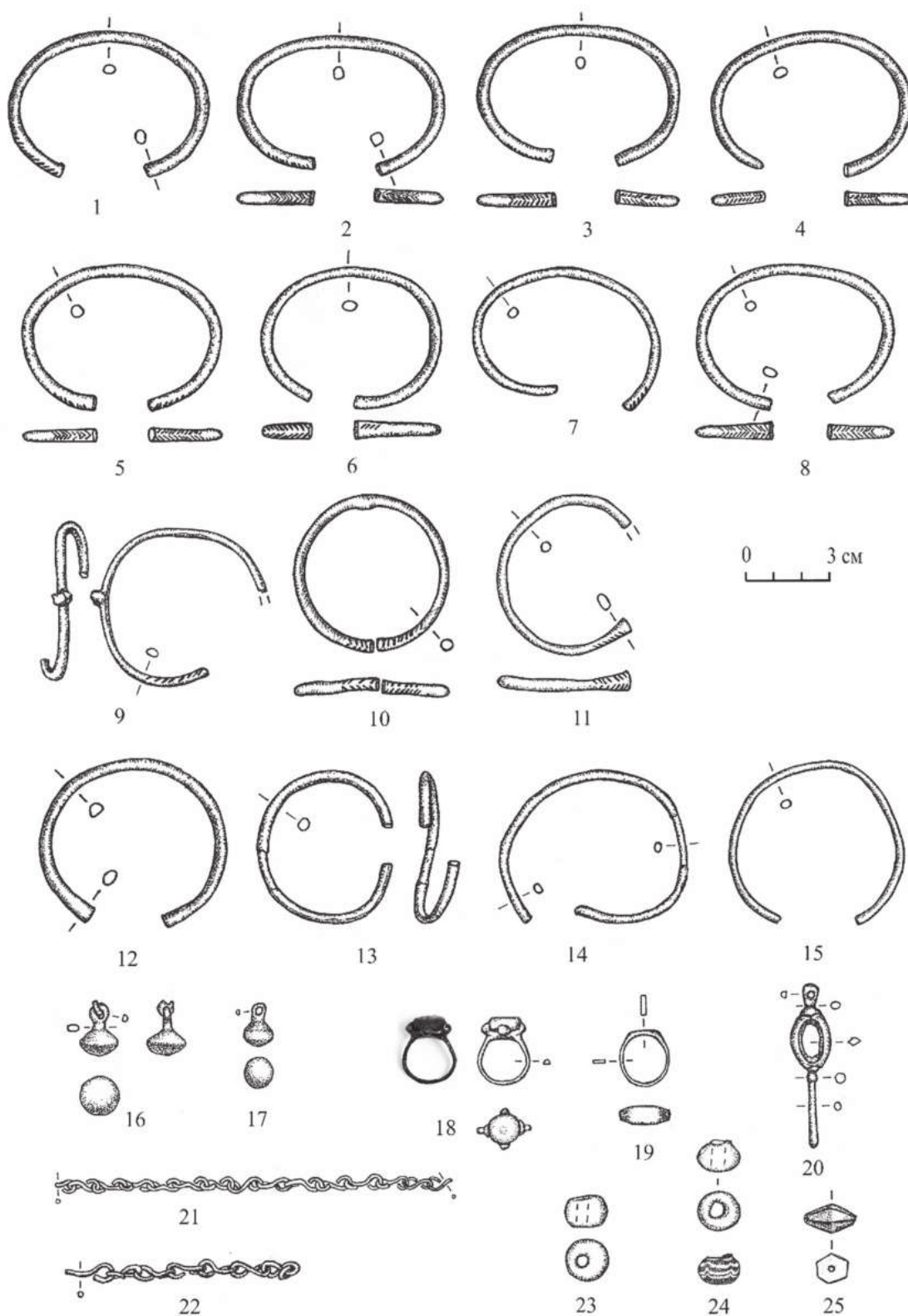

Рис. 4. Могильник Цемдолина – ул. Спортивна . 1–15 – браслеты; 16, 17 – пуговицы; 18, 19 – перстни; 20 – подвеска; 21, 22 – цепочки; 23–25 – бусы.
(1–22 – медный сплав; 23, 24 – стекло; 25 – сердолик)

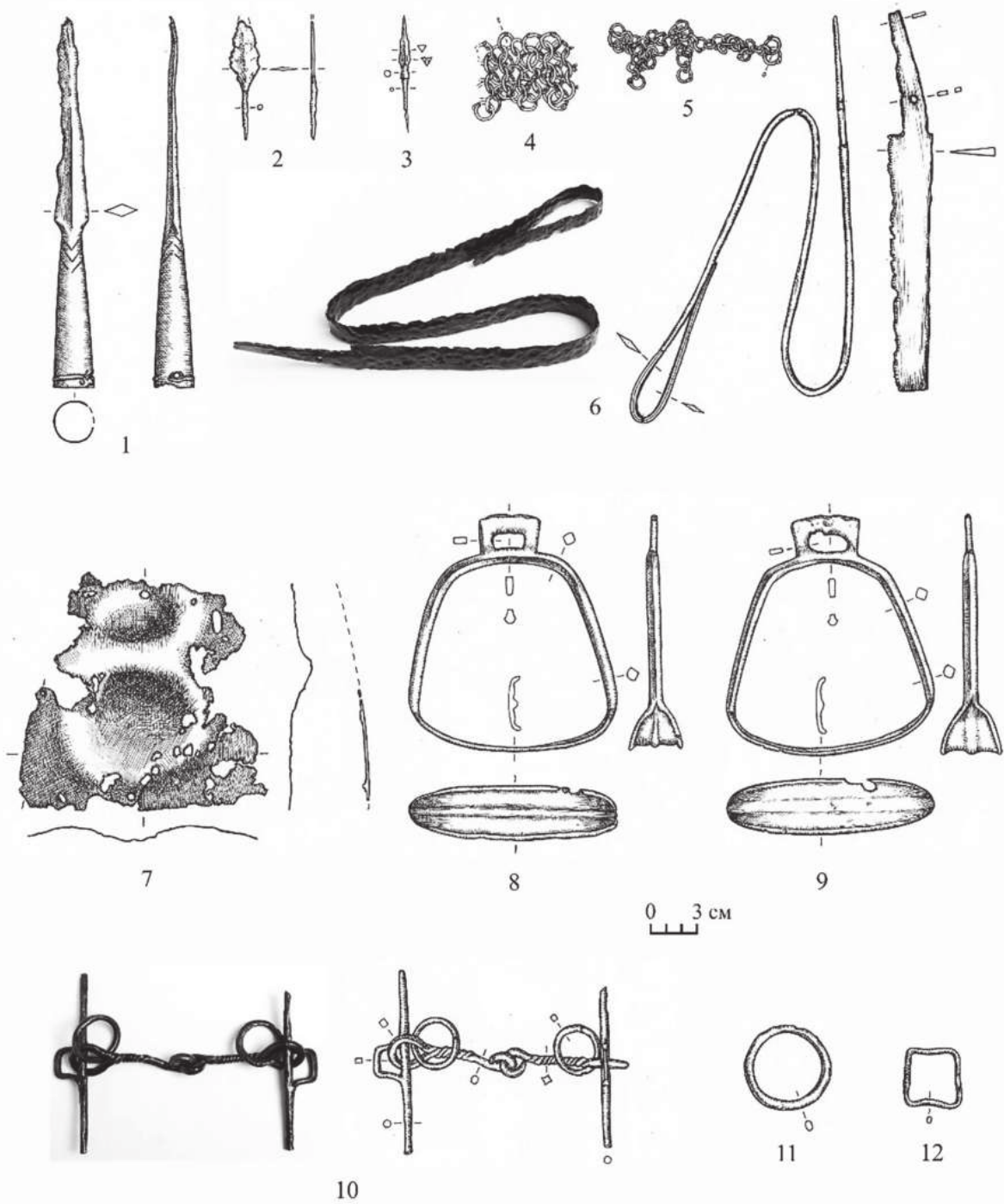

Рис. 5. Могильник Верхнебаканский – ул. Титан. 1 – наконечник копья (пика); 2, 3 – наконечники стрел; 4, 5 – фрагменты кольчуги; 6 – сабля; 7 – фрагмент шлема; 8, 9 – стремяна; 10 – удила; 11 – кольцо сбруйное; 12 – пряжка. (1–12 – железо)

Список литературы

Армарчук Е. А. Цветущие лотосы на холодном железе // Аргонавт №1. Новороссийск, 2005. С. 47–51.

Гавритухин И. О., Пьянков А. В. Древности и памятники VIII–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья : IV–XIII века. [Археологи]. М., 2003. С. 195–199.

Дмитриев А. В. Отчет об археологических исследованиях в зоне оросительных систем с/х «Раевский» и о разведках на территории Натухаевского и Раевского сельсоветов и Новороссийского мехлесхоза. (1987г.). Новороссийск, 1989// Архив НИМЗ, № НА-6987а, 6987б.

Дмитриев А. В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья : IV–XIII века. [Археологи]. М., 2003. С. 200–206.

Кононенко А. П. Отчет о разведках в зоне строительства индивидуальных домов в пос. Цемдолина (8- щель) г. Новороссийска в 1994г. Новороссийск, 1995 // Архив НИМЗ № НА-6795, 6796.

Кононенко А. П. Отчет о доследовании могильника в зоне строительства жилых домов в пос. Цемдолина (8- щель) г. Новороссийска в 1994г. Новороссийск, 1995а // Архив № НИМЗ НА-6793, 6794.

Пьянков А. В. Раннесредневековые находки разрушенного могильника у хутора Хабль Абинского района Краснодарского кра // ДК. Вып. 10. Краснодар, 1998. С. 20–27.

Пьянков А. В. Раннесредневековый могильник у п. Ленинский Путь // Треть Кубанска археологическа конференци . Тезисы докладов международной археологической конференции. Краснодар; Анапа, 2001а. С. 143–147.

Пьянков А. В. Касоги – касахи – кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар, 2001б. С. 198–213.

Салов А. И. Раннесредневековые находки в Анапском районе // Синдика, Горгипи , Анапа: исследования по археологии и истории. Сборник научных трудов к 100-летию со дня рождения А. И. Салова. Краснодар; Анапа, 2014. С. 25–26.

Тарабанов В. А. Раскопки средневекового кремационного могильника у с. Молдовановское Крымского района в 1989 году // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 гг. Ейск, 1992. С. 76–79.

Тарабанов В. А. Исследование раннесредневековых памятников в Адыгее в 1986 году // ДК. Вып. 14. Краснодар, 1999. С. 20–25.

Шишлов А. В. Отчет о раскопках некрополя у с. Южна Озереевка Новороссийского района Краснодарского кра в 1995 г. Новороссийск, 1996 // Архив НИМЗ № НА-6302.

Шишлов А. В. Отчет об археологических раскопках двух курганов курганной группы у ст. Натухаевска г. Новороссийска Краснодарского кра (на участке строительства) в 2008 г. Новороссийск, 2009 // Архив НИМЗ № НА-8399, 8400.

Шишлов А. В., Колпакова А. В., Федоренко Н. В. Грунтовый могильник «Натухаевский-1» (Вторая хронологическая группа, погребения VIII–IX вв. н.э.) // IV Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Краснодар, 2014. С. 276–293.

Шишлов А. В., Колпакова А. В., Федоренко Н. В. Средневековый могильник Ленинский путь-3 в Приморском районе г. Новороссийска // X «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте евразийских древностей. Материалы международной археологической конференции. Краснодар, 2020. С. 400–407.

ПРОГРАММА РЕСТАВРАЦИОННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ДЛЯ ПРЕДМЕТОВ, НАЙДЕННЫХ В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНЫХ РАБОТ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ «КАШТАНЫ 1»

© Шляхова Полина Михайловна

Анапский археологический музей-филиал ГБУК КК

«КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына», г. Анапа

Аннотация. В 2012 году в результате проведения охранно-спасательных археологических работ на комплексе «Каштаны 1» в фонды музея истории города-курорта Сочи поступила коллекция из 244 археологических предметов. В данной статье отражены результаты лабораторных исследований, подбора реставрационных методик, а также результаты апробации подобранных методик для поступивших предметов из серебра; медных сплавов и железа. Исследования проводились в рамках работы над магистерской диссертацией на кафедре Реставрации историко-культурного наследия ИМО КФУ. Апробация части подобранных методик принята на заседании реставрационного совета ИА АН РТ.

Ключевые слова: Реставрация, консервация, археологические коллекции, археологические памятники Западного Кавказа, реставрация археологических коллекций.

Abstract. In 2012, as a result of protective and rescue archaeological work at the archaeological complex “Kashtany 1” a collection of 244 archaeological objects, among which we distinguish objects of silver; iron; objects of copper alloys; fragments of ceramics; objects of glass; objects of semiprecious and ornamental stones, was transferred to the museum of history of the city-resort of Sochi. This article will publish the results of laboratory research, the choice of restoration techniques, and the results of testing these techniques on objects from silver; copper alloys; and iron. The research was conducted as part of a master’s thesis at the Department “Restoration of Historical and Cultural Heritage” at IMO KFU. Approbation of part of the selected methods was accepted at the meeting of the Restoration Council of the IA of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.

Keywords: Restoration, conservation, archaeological collections, archaeological monuments of the Western Caucasus, restoration of archaeological collections.

Зачастую хранители и реставраторы музеев при передаче археологических коллекций сталкиваются с проблемой необходимости оперативного приема коллекций и постановки их на учет, а также с необходимостью оперативного подбора реставрационных методик единовременно для большого количества археологических предметов, изготовленных из различных материалов. Археологические коллекции, в свою очередь, включают широкий спектр материалов и большое количество изделий или

фрагментов изделий. Таковой является коллекция археологических предметов, поступившая в фонды Музея истории города-курорта Сочи в результате проведения охранно-спасательных археологических работ на комплексе «Каштаны 1» в 2012 году. Этот частично изученный археологический памятник расположен на территории Сочинского национального парка на южном склоне горы Кизилова. Автор раскопок утверждает, что характер обнаруженных строительных остатков, обнаруженные массивные

каменные идола, а также украшени и предметы культового характера, найденные в грунте, насыщенном угольками, свидетельствуют о том, что памятники вл етс зыческим св тилищем, а найденные предметы – это остатки ритуальных зыческих отправлений. Для исполнени ритуалов, проводимых в св тилище на вершине горы, стекалось значительное количество народа, о чем свидетельствует исследованна площадь, на которой обнаружено множество керамических обломков. Св тилище датируетс исследовател ми эпохой средневековья . Дата его возникновени по обнаруженным материалам относите к раннему средневековью. По данным отчета, как начальна , так и конечна дата функционировани св тилища требуют уточнени . По окончании археологических работ, обнаруженные ритуальные антропоморфные каменные изва ни были закопаны на исследованной территории Сочинского национального парка [Тищенко, Прохорова, 2011].

Поступивша в фонды МИГКС коллекци состоит из 244 археологических предметов, среди которых мы выдел ем предметы из серебра, железа, медных сплавов, фрагменты керамики, предметы из стекла, из полудрагоценных и поделочных камней. В данной статье отражены результаты лабораторных исследований и подбора реставрационных методик, а также результаты апробации части подобранных методик дл предметов из металлов, поступивших в коллекцию.

Объектом исследовани вл ютс археологические находки комплекса «Каштаны 1»; предметом – состо ние сохранности поступивших находок. Цель исследовани – подбор программы реставрационных мероприятий дл предметов, найденных в ходе проведения охранно-спасательных работ на археологическом комплексе «Каштаны 1» и проведение апробации подобранных методик. Источникова база представлена письменными и вещественными источниками. Письменные источни-

ки хран тс в научном архиве МИГКС и представл ют собой отчет о результатах раскопок и полевую опись [Тищенко, Прохорова, 2011]. Вещественные источники – это предметы, поступившие в фонды музе .

Научна новизна работы заключа етс в выработке системного подхода к подбору реставрационных методик дл находок из различных материалов, которые поступили единовременно в результате исследовани одного археологического комплекса.

В процессе исследовани нами была составлена таблица мониторинга состо ни сохранности поступивших предметов. Она включает в себ следующие данные: наименование предмета; материл и техника исполнени ; размеры; полевой шифр; номер в полевой описи; инвентарный номер временного хранени ; фото; а также описание предмета и описание его сохранности. Для заполнени таблицы мониторинга состо ни сохранности была привлечена полева опись, которая позволила использовать уже имеющиеся учетные данные о предметах. В таблице программы реставрационных мероприятий мы продублировали первые 8 столбцов с данными, а также добавили описание проведенных лабораторных исследований, общее заключение о состо нии сохранности предмета и основание дл реставрации, а также добавили раздел с предлагаемой программой реставрационных мероприятий дл каждого предмета. Содержание этих таблиц включает всю необходимую информацию дл оформлени музейной документации, а именно: акта приёма на посто нное хранение, карточек научного описани , а также оформление протокола реставрационного совета и оформление реставрационной документации в случае, если реставрационные работы будут продолжатс .

На сегодняшний день вопрос состо ни сохранности археологического артефакта должен включать в себ не только определение сохранности, но как можно

более точное определение материала и техники исполнены. Важно представить по возможности максимально точно весь процесс бытования изделия от момента его создания до извлечения из земли. Сегодня естественнонаучные методы исследования все чаще применяются в реставрационной практике. Однако, точность результатов исследования зависит от множества факторов. Такие отечественные исследователи как А. А. Тишкин, О. Н. Цибульская, И. Ю. Буравлев, М. Г. Абрамзон, А. Ю. Лобода, И. Г. Мокрушин в своих работах описывают принципы, а также указывают на достоинства и недостатки использования РФА для определения состава артефакта [Тишкин, 2006; Цибульская, Буравлев, 2010; Абрамзон, 2018; Лобода, 2018; Мокрушин, 2020;]. Определенно, качество подобного исследования зависит от качества и количества эталонов [Тишкин, 2006]. В современной отечественной практике наблюдается бессистемность и случайность получаемых результатов, невозможность их сравнения [Мокрушин, 2020]. Исследователи подчёркивают, что необходима стандартизация методик, поиск единых механизмов. И в последнее время наблюдается тенденция к формированию баз данных, систематизирующих полученные знания.

Исследование поступивших в фонды МИГКС предметов из белого металла проводилось на кафедре «Реставрация историко-культурного наследия» ИМО КФУ под руководством С. Г. Буршневой. Для определения состава сплава поступивших предметов использовался стационарный спектрометр Bruker M1 Mistral. В результате исследования состава сплава дидрахмы Адриана, отчеканенной в Кесарии Каппадокийской в 117-138 гг. н. э., на аверсе которой изображен профиль Адриана вправо, а на реверсе – гора, на вершине которой обнаженное мужское божество с копьем, удалось получить следующую информацию. Данные 12 проб показали наличие серебра в концентрации от 96,98 % до 97,74 %.

Также исследование показало в составе сплава наличие примесей: меди от 0,61 % до 1,18 %; железа от 0,29 % до 1,7 %; золота от 0,34 % до 0,46 %; свинца от 0,13 % до 0,27 %; висмута от 0,2 % до 0,29 %; олова от 0,13 до 0,25 %; сурьмы от 0,13 до 0,25 %. На оригинальной поверхности монеты сиреневато-синий, местами золотистый рыхлый тонкий слой продуктов коррозии. Поверх продуктов коррозии местами лежат несвязные почвенные загрязнения. Предмет нуждается в механической очистке от грунтовых загрязнений.

Исследование состава сплава серебряной крестовидной фибулы показало следующие результаты. Изделие выполнено в технике прокатки, выпилки, литья и пайки. Фибула крупная, с широкой спинкой. В центре спинки переключатель, образующая со спинкой крест. В центре переключателя штырек. Спинка расширяется к приемнику. Приемник фрагментирован. Ось железная. Пружина рассыпалась. Игла отсутствует. Фибула, очевидно, имела серебряную округлую привеску, которая рассыпалась в процессе обработки находок, согласно данным отчета. Данные 12 проб показали наличие серебра в концентрации от 90,58 % до 92,5 %, а также примесей: меди от 4,13 % до 6,61 %, золота от 0,8 % до 1,01 %, свинца от 0,42 % до 0,64 %, цинка от 0,84 % до 1,09 %, железа от 0,29 % до 0,73 %. На оригинальной поверхности сиреневато-синий, местами золотистый рыхлый тонкий слой продуктов коррозии. Поверх продуктов коррозии лежат несвязные почвенные загрязнения. В месте крепления есть продукты коррозии железа. Предмет ранее реставрирован. Клей в месте склейки деградировал, отходит вместе с продуктами коррозии серебра. Предмет хрупкий, входит в группу аварийной сохранности. Нуждается в очистке от грунтовых загрязнений, демонтаже клеевой массы, склейке и дополнительном укреплении путем монтажа на основу.

Исследование зеркала показало следующие результаты. Техника исполнения: литье, чеканка, пайка, шлифовка, полировка. Зеркало украшает рельефный орнамент в виде концентрических окружностей с петелькой в центре. С другой стороны поверхность артефакта хорошо отполирована. Признаков активной коррозии нет. Оригинальна поверхность глянцевая, темно-серого цвета. Фиксируется эффект побежалости. Предмет ранее реставрирован. Фрагменты склеены между собой неизвестным клеевым составом. Клеевая плёнка утратила адгезионные свойства. Оригинальна поверхность покрыта грунтовыми загрязнениями серо-коричневого цвета. Данные 12 проб показали наличие меди в концентрации от 50,12% до 57,58%, а также значительное количество олова от 39,81% до 45,81%. В небольших концентрациях в составе сплава обнаружены: свинец от 2,29% до 3,87%; серебро от 0,15% до 0,23%. Таким образом, можно сделать вывод о том, что зеркало изготовлено из высокооловянистой бронзы. Предмет нуждается в очистке. Видна деградация материалов предыдущей реставрации, ведущая к нарушению целостности предмета. Клеевая пленка утратила адгезионные свойства. Предмет нуждается в демонтаже старой клеевой массы, очистке от грунтовых загрязнений, склейке.

Для определения состояния сохранности остальных предметов из медных сплавов использовался органолептический метод. Описывались технологические особенности; цветовые характеристики, фактурные характеристики поверхности, повреждения, дефекты, утраты. В ряде случаев для определения состояния сохранности использовался метод электронной микроскопии. Производилась микрофото съемка мест сколов и утрат под стереомикроскопом Stemi 305 MAT (Carl Zeiss) с увеличением $\times 18$ для определения степени минерализации ряда предметов. Для определения состояния сохранности предметов

из медных сплавов использовалась классификация С.Г. Буршневой [Буршнева, 2016]. В результате исследования удалось установить, что в группу аварийного состояния сохранности входят предметы из медных сплавов, относящиеся к группе сохранности В IV и V. В качестве примера изделия данной группы сохранности представим браслет, изготовленный из подпружиненного в сечении металлического стержня в технике литья. Браслет украшен орнаментом в виде точек и прочерченных параллельных линий в технике гравировки. Предмет ранее реставрирован. Швы склейки разошлись. Склейка неровная с погрешностями: фрагменты плохо подогнаны друг к другу. Клей выступает из швов склейки, деградировал. Местами клей отходит, срывает минеральную корку. На фрагментах сохранилась оригинальная поверхность. Оригинальна поверхность оливково-зеленого цвета с глянцевым блеском. Она покрыта несвязными почвенными загрязнениями и почвенно-коррозионными образованиями от рыжего до темно-бурого цвета. Цвет и характер образований указывает на контакт предмета с железом в период погребения. Минеральная корка местами утрачена, в сколах видны рыхлые коррозионные образования от бирюзового до голубого цветов. В ходе визуального осмотра с использованием микроскопии металлическое дно не выявлено. Предмет относится к IV стадии сохранности группы В. Видна деградация материалов предыдущей реставрации, ведущая к нарушению целостности предмета.

Стоит отметить, что поступившие предметы группы сохранности В полностью или частично минерализованы, но с химической точки зрения они стабильны – нет признаков активной коррозии. Однако, отлично сохранившаяся оригинальная поверхность может быть в скором времени утрачена ввиду того, что предметы хрупкие, рассыпающиеся даже от незначительного механического воздействия. Предметы нуждаются в очистке

от грунтовых загрязнений, структурном укреплении, в ряде случаев в склейке, мастиковке, восполнении утрат.

В аварийном состоянии на IV и V стадиях сохранности найдены все поступившие предметы из железа. У предметов IV стадии наблюдаются признаки активной коррозии – на сохранившемся металлическом виде видны звенья, заполненные сыпучими порошковыми отложениями рыжего цвета. Предметы нуждаются в укреплении, стабилизации и выявлении оригинальной поверхности. Железный нож V стадии сохранности полностью минерализован, металлическое ядро не сохранилось, однако он является хрупким и рассыпающимся, требуется структурное укрепление и выявление оригинальной поверхности. Для исследования состояния сохранности железных предметов использовалась классификация, предложенная С. Г. Буршневой [Буршнева, 2019].

В результате проведенного исследования было установлено, что среди 244 поступивших в коллекцию музея предметов, в аварийном состоянии находится 7%. Среди них крайне хрупкая серебряная фибула, хрупкие предметы из медных сплавов группы B IV и V стадий сохранности, а также железные предметы IV и V стадий сохранности. Программа реставрационных мероприятий для части предметов из медных сплавов группы сохранности B была разработана, утверждена, а впоследствии апробирована и принята на заседаниях Реставрационного совета Института археологии им. А. Х. Халикова АН РТ. Реставрационные работы проводились под руководством реставратора высшей категории – Светланы Георгиевны Буршневой на кафедре «Реставрация историко-культурного наследия» ИМО КФУ. Отреставрированные предметы, а также паспорта реставрационных работ хранятся в фондах МИГКС.

Список литературы

- Абрамзон М. Г. Содержание серебра в статорах Савромата IV // ПИФК. 2018. № 3. С. 107–124.
- Буршнева С. Г. Некоторые аспекты сохранности археологических находок из медных сплавов // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. VI. Пермь, 2016. С. 39–45.
- Буршнева С. Г. Реставрация археологических и этнографических предметов из железа: учеб.-метод. пособие. Казань, 2019. 88 с.
- Лобода А. Ю., Терещенко Е. Ю., Антипенко А. В., Ретивов В. М., Пресняков М. Ю., Кондратьев О. А., Шишлина Н. И., Яцишина Е. Б., Кашкаров П. К. Методы определения элементного состава металла археологических объектов при коррозионных наслоениях и в ограниченных условиях пробоотбора материала // Поволжская археология. 2018. № 4 (26). С. 203–217.
- Мокрушин И. Г. Физико-химические методы анализа в археологических исследованиях // Труды КАЭЭ ПГГПУ. Вып. XVII. 2020. С. 14–26.
- Тишкин А. А. Использование рентгенофлуорисцентного анализа в археологических исследованиях // Теория и практика археологических исследований. № 2. М., 2006. С. 74–85.
- Тищенко И. Б., Прохорова Т. А. Отчет о проведении охранно-спасательных археологических исследований на территории объектов археологического наследия – участка поселения и пяти курганов археологического комплекса «Каштаны 1» и в границах зон их охраны, расположенных на объекте строительства «Автоматическая газораспределительная станция Адлерского района г. Сочи Краснодарского края (2011 г.) Краснодар, 2011 // Архив МИГКС ф-1, д. 88.
- Цибульская О. Н., Буравлев И. Ю., Юдаков А. А., Никитин Ю. Г. Использование физико-химических методов анализа при изучении археологических объектов // Вестник ДВО РАН. 2010. № 5 С. 26–35.

Раздел 4

БИОАРХЕОЛОГИЯ И ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЯ

УДК 572.026

МАНИПУЛЯЦИИ С ГОЛОВОЙ ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА И ПРЕДКАВКАЗЬЯ¹

© Березина Наталия Яковлевна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
научно-исследовательский институт и музей антропологии, г. Москва,
berezina.natalia@gmail.com

© Абрамова Александра Николаевна

Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник
им. Е. Д. Фелицына, г. Краснодар, abramovasacha0902@gmail.com

Аннотация. В статье обсуждаются два случая скальпирования, зафиксированные авторами на черепах, происходящих из могильников раннего железного века. Один череп был получен в 2021 г. при раскопках античного сельского поселения со слабовыраженным культурным слоем. Памтник расположен недалеко от станции Старотитаровской в Краснодарском крае. Череп находился на дне ямы, весь комплекс предварительно датируется V–II вв. до н.э. Второй череп происходит из раскопок, проводившихся А. П. Мошинским на территории памтника Гастон Уота (Дигорское ущелье, Северная Осетия) в 1997 г. Памтник относится к кобанской культуре, имеет датировку VII – I пол. IV вв. до н.э. и является уникальным могильником для данной культурно-исторической общности как по полученному в ходе раскопок погребальному инвентарю, так и по количеству черепов, доступных для исследования. Авторы в статье обсуждают способы манипуляций, сделанных с головами умерших, а также предполагают, что одной из причин малого количества опубликованных данных о случаях скальпирования на черепах с территории Предкавказья и Северного Кавказа являются особенности сохранности палеоантропологических коллекций, происходящих из данной природно-климатической зоны, так и недостаточная очистка самих черепов.

Ключевые слова: скальпирование, ранний железный век, античность, кобанская культура, Предкавказье, Северный Кавказ.

Abstract. This article examines two instances of scalping identified by the authors on skulls discovered in burial sites dating back to the early Iron Age. One of the skulls was unearthed in 2021 during excavations of an ancient rural settlement characterized by a poorly defined cultural layer. This particular site is located near the village of Starotitarovskaya in the Krasnodar region. The skull was found at the bottom of a pit, the entire complex is tentatively dated to the V–II centuries BC. The second skull originates from excavations carried out by A. P. Moshinsky at the Gaston-Uota

¹ Исследование проводилось при поддержке Российского научного фонда, грант № 22-18-00108.

monument in Digor Gorge, North Ossetia, in 1997. This site belongs to the Koban culture and is dated between the VII and the first half of the IV century BC. The site is associated with the Koban culture and is estimated to have been active during the period spanning from the seventh to the first half of the fourth century BC. It stands out as a distinctive funerary site for this specific cultural and historical community due to the significant contents of burial finds uncovered through excavations, as well as the remarkable collection of skulls that have provided invaluable research opportunities.

This article delves into the manipulations performed on the heads of the deceased, shedding light on the techniques employed. Furthermore, the authors suggest that the limited publication of data concerning cases of scalplings on skulls from the Ciscaucasia and the North Caucasus regions can be attributed to both the preservation challenges faced by paleoanthropological collections originating from this natural and climatic zone, as well as the inadequate cleaning of the skulls themselves.

Keywords: scalping, early Iron Age, antiquity, Koban culture, Ciscaucasia, North Caucasus.

Традиции скальпирования была широко распространена не только на территории обеих Америк, но и в Старом Свете, о чём говорит как данные палеоантропологии, так и многочисленные письменные источники. Например, Геродот описывает такой обычай у скифов [Геродот, с. 225].

Аммиан Марцеллин упоминает о скальпировании у алан: «...навешивают вместо украшения на своих боевых коней кожи, содранные с отрезанных голов убитых» [Аммиан Марцеллин, 1996, с. 494]. Значительная часть опубликованных на сегодняшний день палеоантропологических исследований, посвящённых скальпированию, представлена в обобщающей работе М.Б. Медниковой [2000]; там же отмечено, что наиболее древние случаи снятия скальпа были зафиксированы в эпоху неолита [Медникова, 2000, с. 61].

Если же обратиться к данным по Югу России, с которого и происходит черепа, ставшие материалом для нашего исследования, то здесь публикации носят единичный характер, для материалов, разных эпох и с широким географическим охватом. Так, М.Б. Медниковой, были зафиксированы насечки на двух черепах, относящихся к поздней катакомбной/раннесрубной культуре, в отношении которых она с осторожностью предполагает, что одной из причин их возникновения может быть ритуал

скальпирования. Эти погребения были исследованы в ходе раскопок могильника Калиновского (Ставропольский край) и датируются XV в. до н.э. [Медникова, 2000, с. 62]. Эпоха железа отражена в публикации Е.В. Перервы, исследовавшего следы скальпирования на черепах сарматского времени, происходящих из могильника Новый (Ростовская область) [Перерва, 2005; Перерва, Лукьяшко, 2011]. Ещё одна группа скальпированных черепов без точной атрибуции методами археологии опубликована в предварительном сообщении одним из авторов данного исследования. Были описаны случаи скальпирования зафиксированные на черепах, происходящих из раскопок поселения Чекупс-2 (Крымский район, Краснодарский край) [Абрамова, 2021]. На этом небольшой список данных об обряде скальпирования на территории Юга России заканчивается.

Фиксация разного рода повреждённых костей черепа, обрабатываемых палеоантропологом, является одним из важных аспектов работы специалиста. Большинство следов манипуляций с головой умершего трудны для изучения и интерпретации. Причину этому следует искать в целом комплексе факторов. В первую очередь, большую роль в такой фиксации играет опыт и наблюдательность исследователя, а также его желание выйти за рамки традиционных морфометрических методик.

Способы различены тафономических изменений на костях от манипуляций, произведённых с головой незадолго до смерти человека или недавно умершего, не имеют чётких методических рекомендаций и сильно зависят от знаний и опыта самого исследователя. Однако, не последнюю роль в фиксации различных отметин на костях скелета играет возможность осмотреть саму поверхность кости. Так как большая часть скелетов, изучаемых палеоантропологами, попадает к ним в результате археологических раскопок, в зависимости от типа грунта кости могут быть в той или иной степени загрязнены. Песчаные грунты проще всего очищаются с применением мягких щёток. При этом, для территории Предкавказья в значительной мере характерны глинистые почвы, которые нельзя удалить с помощью сухой очистки. В недавно выпущенных Методических рекомендациях, разработанных Институтом археологии РАН, подробно описаны методы очистки скелетов [Методика... 2020, с. 16]. Там предлагается использовать влажную очистку только в крайнем случае. При этом, по нашему мнению, правильно оценена сохранность костной ткани, соответствующая 0–1 баллам сохранности, может включать и промывку костей скелетов без риска их разрушения [Пежемский, Сеницына, 2009]. Именно благодаря тщательной очистке черепов, стала возможна фиксация следов скальпирования, вивших предметом обсуждения в данной работе.

Первый череп происходит из раскопок античного поселения, расположенного в 0,6 км к западу от станицы Старотитаровска (Краснодарский край, Темрюкский район). Паметник датируется V–II вв. до н.э., и был исследован Н.Ф. Шевченко в 2021 г. В ходе охранно-спасательных работ выявлена масса предметов прокала и черепом на дне [Шевченко, 2023, т. 1, с. 150–151; т. 4, рис. 383–389]. Череп принадлежал мужчине 35–45 лет. Лицевой отдел не сохранился, археологам удалось собрать только фрагменты костей нейрокраниума

и височные кости с разрушенной чешуей. Также сохранилась правая сторона нижней челюсти с зубами. Кроме перечисленных фрагментов не было зафиксировано никаких других костей, в том числе полностью отсутствовали шейные позвонки. На исследование череп был передан без какой-либо значительной очистки, и все травматические повреждения на костях зафиксированы нами после тщательной промывки всех фрагментов.

После реставрации черепа, была выявлена травма без следов заживления, полученная незадолго до/вскоре после смерти индивида. В области левого теменного бугра отмечается овальное растрескивание теменной кости с формированием нескольких изолированных фрагментов, а также радиальных трещин, идущих назад к лобовидному шву и выше чешуйчатого шва. К сожалению, часть осколчатых фрагментов в области травмы была утрачена, поэтому провести реконструкцию механизма травмы оказалось невозможно. Характер растрескивания, отсутствие впадины дырчатого дефекта, а также минимальное количество сколов наружной и внутренней пластинки черепа, скорее указывает на повреждение, вызванное ударом тупого предмета с преобладающей поверхностью. Помимо следов травмы, на наружной компакте свода черепа фиксируются тонкие насечки, выполненные орудием с острой режущей кромкой. На сохранившихся костях насечки локализуются следующим образом: на левой височной кости почти у чешуйчатого шва, и выше в этой же области, на теменной кости отмечается несколько насечек, одна из которых находится на фрагменте кости, отколовшемся в результате травмы. На затылочной кости единственная маленькая насечка фиксируется в области правого края верхней выйной линии. На сосцевидном отростке правой височной кости отмечается ряд практически параллельных насечек, располагающихся на разных уровнях. Выше, на правой теменной кости в 11 мм от чешуйчатого шва видна насечка значительной

прот жённости. На лобной кости отмечается целый ряд насечек, часть из которых перекрывается тафономическими разрушениями, полученными, вероятно, в ходе зачистки погребения, а также посмертными утратами значительной части чешуи лобной кости. На сохранившихся фрагментах скопление насечек наблюдается от области левой височной линии по чешуе кости окципитальнее лобных бугров, до области правой височной линии. Таким образом, можно очертить область свода черепа, подвергшуюся скальпированию, как выше лобных бугров спереди. Это соответствует началу роста волос, на сосцевидных отростках и в области верхнего края ушей по бокам, и примерно в области верхней выйной линии на затылке, что соответствует сн тию большей части волосистой кожи головы.

Второй череп был обнаружен в процессе работы с коллекцией черепов, хранящейся в Институте этнологии и антропологии РАН. Сери была получена А. П. Мошинским при раскопках памятника Гастон Уота, расположенного в Дигорском ущелье в Северной Осетии. Раскопки, проводившиеся не один год, дали уникальный археологический и палеоантропологический материал, датирующийся с VII по I-ю пол. IV вв. до н. э. и относящийся к кобанской культуре [Мошинский, в печати]. Сери ранее уже была изучена коллективом палеоантропологов и получила своё освещение в предварительной публикации [Герасимова, Пежемский, 2013]. Авторы не только провели краниометрическое исследование серии, но и дали анализ частотам дискретно-варьирующих признаков, а также обсудили палеодемографические аспекты выборки. Однако, в результате того, что очистка черепов производилась сухим способом, и на поверхности костной ткани осталось некоторое количество земной пыли, надрезы, оставленные на одном из черепов при скальпировании, были замечены лишь при повторном изучении выборки авторами настоящего исследования. При этом, череп был также тщательно очищен и промыт.

Череп №4 из погребения 20 могильника Гастон Уота принадлежал зрелому мужчине. Сохранность черепа справа хороша – сохранилась наружная компакта; слева – неудовлетворительна, наружная компакта разрушена тафономическими процессами; комплектность неполна. На правой стороне заметны насечки, идущие по окружности (прил., рис. 44). На правой височной кости в основании сосцевидного отростка фиксируется группа насечек, на той же кости они отмечаются у края чешуи. Насечки продолжают по латеральному краю правой теменной кости вдоль чешуйчатого шва, и переходят примерно на том же уровне через венечный шов на лобную кость. На затылочной кости насечки отмечаются на уровне затылочного бугра в области между верхними и нижними выйными линиями, немного ниже. Слева насечки проследить не удалось в связи с плохой сохранностью компакты. Суд по расположению насечек, процедура скальпирования выполнена, как и в случае с черепом из поселения у станицы Старотитаровской, по кругу, захватывая большую часть волосистой кожи головы.

Методика сн тия скальпа, изученная на двух обсуждаемых черепах, суд по опубликованным данным, является универсальной [Медникова, 2000; Перерва, 2005, с. 38]. Надрезы производились по кругу, захватывая всю или большую часть области роста волос на голове. Суд по указанию античных авторов, такой ритуал был широко распространён в среде скифов. Геродот даже упоминает плащи, которые шились наиболее успешными воинами из кожи, сн той с голов врагов [Геродот, IV, 64]. Тем более удивительно, что фиксируемые палеоантропологами случаи скальпирования на черепах носят единичный характер. Даже если Геродотом было допущено литературное преувеличение, по нашему мнению, причину столь редко фиксируемых следов скальпирования на черепах, происходящих с территории обитания племён, у которых античными

историками и философами описывался такой ритуал, следует искать в целом ряде субъективных факторов.

В первую очередь необходимо учитывать общую плохую сохранность костной ткани, характерную для памятников с территории Предкавказья. О подавляющей плохой сохранности скелетов, связанной с климатическими и почвенными условиями Предкавказья, писали многие исследователи, работающие с антропологическими коллекциями, происходящими с этих территорий [см. напр.: Пежемский, 2000; Добровольская, 2016; Абрамова,

Пежемский, 2018]. В агрессивной среде верхний компакт черепа часто полностью разрушается и любая фиксация травматических повреждений в таких условиях попросту невозможна.

Однако, поднимая в настоящее время исследование проблемы плохой очистки черепов от пыли и земли, затрудняющую фиксацию и без того слабо заметных насечек от ножа, также может быть не последним фактором в череде причин малого количества фиксируемых следов скальпирования на черепах представителей скифской, сарматской и аланской культур.

Список литературы

- Абрамова А. Н. Предварительное сообщение о черепах с поселения Чекупс-2 // Археологи Евразийских степей. № 5. 2021. С. 228–236.
- Абрамова А. Н., Пежемский Д. В. Опыт морфометрического анализа скелетных останков плохой сохранности (по материалам античного могильника Волна 1, Таманский полуостров). Часть 1 // ПИФК. 2018. № 4. С. 102–121.
- Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб., 1994. 558 с.
- Геродот. 1999. История. М., 2001. 752 с.
- Добровольская М. В. Опыт изучения скелетных материалов из склепов римского времени Восточного некрополя Фанагории // КСИА. 2016. Вып. 244. С. 299–309.
- Медникова М. Б. Скальпирование на Евразийском континенте // РА. 2000. № 3. С. 59–68.
- Методика работы с палеоантропологическими материалами в полевых условиях. М., 2020. 112 с.
- Мошинский А. П. Гастон Уота – кобанский могильник «скифского времени». В печати.
- Пежемский Д. В. Информативность скелетных останков плохой сохранности (по материалам некрополя Сиренева бухта) // РА. 2000. № 4. С. 64–76.
- Пежемский Д. В., Синицына Н. П. Методика изъятия из саркофагов погребального инвентаря, органических материалов и скелетных останков // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. История усыпальницы и методика исследования захоронений. Т. 1. М., 2009. С. 55–71.
- Перерва Е. В. О скальпировании у сарматов (по материалам могильника Новый) // РА. 2005. № 3. С. 36–44.
- Перерва Е. В., Лукьяшко С. И. О семантике обряда скальпирования у ранних сарматов // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы VII Международной научной конференции (11–15 мая 2011, Ростов на-Дону, Кагальник). Ростов-на-Дону, 2011. С. 193–200.
- Шевченко Н. Ф. Отчёт по результатам исследований (наблюдение) на территории выявленных объектов археологического наследия «Поселение», 0,6 км к западу от западной окраины ст. Старотитаровской, «Поселение», 6,2 км к западу-северо-западу от кладбища ст. Старотитаровской, в зоне реконструкции автомобильной дороги А290 Новороссийск – Керчь на участке км 73 – км 100 (1этап) автомобильная дорога М-25 Новороссийск – Керчь (на Симферополь), подъезды к морским портам Кавказ и Тамань в Темрюкском районе Краснодарского края. Тома 1–4. Краснодар. 2023 // Архив ГБУК КК КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына.

ЗУБНЫЕ ПАТОЛОГИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ОКРАИНЫ АБХАЗСКОГО ЦАРСТВА И ТАФОНОМИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ¹

© Харламова Наталья Владимировна

Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва, natasha_kharlamova@iea.ras.ru;

© Шведчикова Татьяна Юрьевна

Институт археологии РАН, г. Москва, ShvedchikovaTU@iaran.ru

Аннотация. Статья посвящена публикации основных патологий зубов средневекового населения, представленного костными останками из раскопок византийского храма IX–XI вв. у с. Веселое (Краснодарский край, Адлерский район, Большой Сочи – в настоящее время федеральная территория «Сириус»), и тафономическим наблюдениям м. Фиксируются вторичные проникновения в склеп храма. Приводятся обобщённые частоты зубных патологий (эмалева гипоплазия, кариес, пародонтопатии, наличие зубного камня, прижизненная потеря зубов) для трёх групп индивидов, предположительно имеющих разный социальный статус и отличающихся образом жизни. Группа из склепа: 23 индивида, вероятно, представители семей, имеющих отношение к воздвижению храма; объединённая группа из притворов и наоса – 38 индивидов, скорее всего, представители группы высокого социального статуса; группа погребённых на некрополе – 44 индивида, предположительно представляющих рядовое население.

Ключевые слова: биоархеология, зубные патологии, тафономика, Северо-Восточное Причерноморье, с. Веселое, средневековье.

Abstract. The article presents main dental pathologies of the East Pontic Black Sea medieval population, represented by human remains excavated from the Byzantine temple of the 9th–11th centuries near the village Veseloe (Adlersky district of Bolshoi Sochi, Krasnodar krai, federal territory “Sirius”), and taphonomic observations. Secondary disturbance of the skeletal remains from the crypt can be stated. The generalized frequencies of dental pathologies (enamel hypoplasia, caries, periodontal disease, dental plaque, antemortem teeth loss) are given for three groups of individuals, presumably of different origins and different lifestyles. Group from the crypt: 23 individuals, probably representatives of families involved in the erection of the temple; a combined group from backs of church and naos – 38 individuals, most likely representatives of a group of high social status; a group of those buried at the necropolis – 42 individuals, presumably representing the ordinary population.

Keywords: bioarcheology, dental pathology, taphonomy, North-Eastern Black Sea region, Veseloe village, Middle Ages.

¹ Публикация подготовлена в рамках НИР ИЭА РАН «Эволюционный континуум рода Homo» (Харламова Н. В.) и № НИОКТР 122011200264-9 «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем» (Шведчикова Т. Ю.).

Раскопки уникального архитектурного памятника – византийского храма у с. Весёлое в Краснодарском крае – дали возможность изучить костные останки людей, населявших окраину Абхазского царства в средние века. Археологические работы начались в связи со строительством олимпийских объектов, велись в 2010–2011 гг. под руководством сотрудников Института археологии РАН Е. А. Армарчук и Р. А. Мимохода. Храм, датированный исследователями IX–XI вв., был создан в традиции абхазской школы в восточной части Имеретинской низменности, в междуречье рек Мзымта и Псоу, в 1,5 км от берега Чёрного моря [Армарчук и др., 2012]. Предположительно в XI в. базилика подверглась разрушению в результате землетрясения, находившийся же рядом некрополь существовал вплоть до XIII в.

Предварительные результаты комплексного антропологического исследования человеческих костных останков в рамках биоархеологического подхода указывают на неоднородный антропологический состав населения, оставившего некрополь, а также позволяют предположить, что потомки изученного населения могли принять участие в формировании абхазского народа [Шведчикова и др. 2016, с. 113].

Кроме того, вместе с описанием морфологии зубов опубликованы данные по их патологическим изменениям [Харламова, Шведчикова, 2015а], зафиксированы характерные бороздки на лингвальной стороне верхних резцов, [Харламова, Шведчикова, 2015б], трактуемые исследователями как химическая эрозия, «вытравливание» кислотой [Dori, Moggi-Secchi, 2014, с. 613]. Данная публикация посвящена изучению зафиксированных на памятнике зубных патологий и тафономических наблюдений.

Изученные захоронения на территории памятника «храм у с. Весёлое» условно разделены на четыре группы: коллективное погребение в подземном склепе, содержавшее 23 индивида; 18 погребений в пространстве хра-

ма – наосе и 22 погребения в притворах; 34 одиночных и множественных погребений на некрополе у внешних стен.

Неудовлетворительна сохранность человеческих останков, особый разрозненный характер их залегания потребовал применения особого подхода к их изучению. В ходе работ 2010 г. антрополог в поле отсутствовал, и часть нарушенных погребений в пределах была собрана единым массивом, что значительно затруднило лабораторную работу. В 2011 г., когда проводились раскопки склепа, кладбища и части погребений из наоса первичная работа была проведена надлежащим образом, что облегчило индивидуальную идентификацию погребённых в склепе, а также установление очередности захоронения в парных погребениях кладбища и приделов.

Специфика антропологического источника в склепе заключалась в следующем: это было коллективное захоронение большого числа индивидов в одном пространстве, о единовременности которого судить не представляется возможным. Захоронение двух индивидов у северной стенки находилось в анатомическом порядке, остальные – перемешаны и разрознены. Не анатомический порядок основной части погребённых потребовал особых подходов в сборе и изучении материала. Разрозненный характер захоронения продиктовал необходимость шифровки каждого крупного элемента скелета в соответствии с местонахождением, для чего вся площадь склепа была разбита на квадраты 1×1 м, фото- и графической фиксации. Сбор производился по квадратам. Подобная подготовка при проведении раскопочных работ позволила нам впоследствии провести индивидуальную идентификацию и рассмотреть динамику посмертного разрушения целостности скелетов. Возрастные определены и морфологические особенности вошли основой индивидуальной идентификации. На общем плане коллективного захоронения были отмечены скелеты, разные части

которых оказались разнесены достаточно далеко, что может говорить о вторичном проникновении в пространство склепа.

Зафиксировано большое количество посмертных переломов. Специфическая окраска краёв сломов, характер переломов говорит о том, что совершены они после смерти индивидов, когда они находились уже в скелетированном состоянии, и по «сухой» кости. Таким образом, мы имеем ещё одно свидетельство о вторичном перемещении останков после захоронения. Характер расположения черепов в кв. 11 достаточно специфичен: они выложены полукругом, что явно свидетельствует о преднамеренности расположения. Более того, почти треть взрослых индивидов из склепа имела следы травматических повреждений: частью прижизненных, со следами заживления, частью не совместимых с жизнью сабельных ударов, а также следы декапитации. Характер нанесённых ранений позволяет предположить одновременную гибель группы вследствие одного военного конфликта.

Фиксация признаков патологических процессов зубной системы погребённых проходила макроскопически. Полученные данные были объединены в три антропологические группы. Первые две из них включают 23 индивида из склепа, вероятно, представители семей, имеющих отношение к воздвижению храма; объединённая группа из притворов и наоса – 38 индивидов, скорее всего, представители группы высокого социального статуса. Третья группа, предположительно родовое население – 44 индивида, погребённые на некрополе.

Из зубных патологий с целью биоархеологической реконструкции [Бужилова, 1998] фиксировались: провизия эмалевого гипоплазии, кариеса, пародонтопатий, наличие зубного камня, прижизненной утери зубов, или ПРУЗ по терминологии С.В. Свечко [Свечко, 2014]. Все перечисленные признаки могут быть рассмотрены как часть комплекса маркеров физиологического

стресса и использованы при реконструкции особенностей питания отдельных индивидов. Кариозные поражения зубов подсчитывались, начиная со стадии разрушения тканей зуба, стадия протина не включалась. В силу тафономических процессов не определена степень отложения зубного камня – следы на нескольких зубах рассматривались как его наличие. Прижизненная утеря зубов фиксировалась при полном зарастании лунки.

В таблице 1 представлены обобщённые (без разделения по полу и возрасту) частоты зубных патологий, подсчитанные на индивида (не на количество зубов). В силу сохранности материала и специфики подсчёта признаков, объёмы выборок по каждому из патологических изменений отличаются.

Необратимое недоразвитие эмали зуба, *эмалевая гипоплазия*, возникает под влиянием нарушения минерального и белкового обмена в организме плода или ребёнка в период формирования зубов. Наличие ротовых задержек может быть следствием болезней, протекающих со значительным повышением температуры тела, недостаточного питания. Исследования современных детей в качестве факторов риска возникновения гипоплазии называют низкий социально-экономический статус, перенесённые респираторные заболевания, ветряную оспу, инфекции мочевыводящих путей, отиты, подверженность сигаретному дыму [см., напр., Ford D. et al., 2009]. Один и более эпизодов подобных задержек зафиксированы у 76,5% индивидов из склепа, в 68,8% случаев у погребённых в притворах и 84,4% на некрополе. Учитывая показанное различие в фиксации ротовых задержек зубной эмали макроскопически и микроскопически [Hasset, 2014], для более детального анализа планируется пересмотр коллекции с привлечением микроскопа.

Кариозные поражения зубов затронули половину исследованных индивидов из склепа, 64,5% группы притворов, 72,2% группы некрополя. Будучи мультифакторным заболеванием, кариес про-

вл етс фокусной деминерализацией коронок и корней зубов органическими кислотами – продуктами разложения углеводов бактерии ми. В насто щее время лидерами-возбудителями считаются стрептококки (*Streptococcus mutans*) [Simun-Soro, Mira, 2015] и лактобактерии (*Lactobacillus acidophilus*), а также отмечается при ма св зь поражении кариесом с потреблением в зкой пищи, содержащей сахара и углеводы, особенно одомашненных растений [Larsen 2018, p. 301]. В случае с погребёнными на памятнике «храм у с. Весёлое» не исключен вклад в развитие заболеваний смены питательных предпочтений.

Дистрофические поражения пародонта, *пародонтопатии* разной степени, затронувшие кости верхних и нижних челюстей, обнаружены у 71,4 % индивидов из склепа, 17,2 % погребённых в притворах, 67,6 % погребённых на некрополе. Подчеркивается мультифакториальная природа воспалительно-деструктивных заболеваний пародонта и «кумулятивном действии генетических и средовых факторов, влияющих общими и в развитии целого ряда других неинфекционных заболеваний» [Галиуллина, 2017, с. 23].

Накопление остатков пищи, отмерших эпителиальных клеток, бактерий, солей фосфора, железа и кальция приводит к образованию *зубного камня*. Его

отложены фиксировались у многих индивидов – 95 % из склепа, 100 % из притворов, 100 % погребённых на некрополе. Известно, что зубной камень, точнее сочетание в нём определённых видов бактерий [Dumitrescu, 2010, p. 9], может приводить к пародонтиту – воспалению комплекса тканей, окружающих и удерживающих зуб в альвеоле (пародонта).

Причинами прижизненной утраты зубов могут быть травмы, инфекционные заболевания, кариес, пародонтоз. Зачастую этот показатель св зываетс с особенностями питания [напр., Smith, Betsinger, 2021]. В группе склепа и некропол потер зубов фиксировалась примерно у половины индивидов, в группе притворов – 23,5%.

Несмотр на тафономические процессы, меняющие картину прижизненных зубных патологий и затрудняющие их оценку, такие как посмертная потеря зубов, разрушение и откалывание зубного камня и др., фиксации патологических изменений позволяют составить представление о состоянии здоровья, пищевых привычках и уровне гигиены изучаемого населения. Для выявления различий между изученными группами и интерпретаций получаемой картины требуется дальнейшее детальное рассмотрение данных о зубных патологиях с разделением по полу и возрасту.

Таблица 1.

Основные зубные патологии, отмеченные на костных останках трёх групп людей из раскопок византийского храма у с. Весёлое

Патологии / группа	Склеп		Притворы и наос		Некрополь	
	n/N*	%	n/N	%	n/N	%
Гипоплазии	13/17	76,5%	22/32	68,8%	27/32	84,4%
Кариес	10/20	50%	20/31	64,5%	26/36	72,2%
Пародонтопатии	10/14	71,4%	5/29	17,2%	23/34	67,6%
Зубной камень	19/20	95%	33/33	100%	35/35	100%
ПРУЗ	7/13	53,8%	4/17	23,5%	15/30	50%

* N – объём выборки, в которой наблюдался признак;
n – количество наблюдений признака

Список литературы

- Армарчук Е. А., Мимоход Р. А., Седов Вл. В. Христианский храм у пос. Весёлое: предварительная публикация результатов раскопок 2010 г. // РА. 2012. № 3. С. 78–90.
- Бужилова А. П. Палеопатологи в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998. С. 87–146.
- Галиуллина Э. Новые подходы к этиологии заболеваний пародонта в свете современной концепции их патогенеза (обзор литературы). Пародонтология. 2017. Т. 22. № 2. С. 21–24.
- Святко С. В. Анализ зубных патологий населения Минусинской котловины (Южная Сибирь) эпох энеолита-раннего железа: новые данные по диете // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 2 (58). С. 143–156.
- Харламова Н. В., Шведчикова Т. Ю. Одонтологические и палеопатологические аспекты изучения человеческих останков из раскопок у храма с. Веселое // Вестник антропологии. 2015а. № 1 (29). С. 41–50.
- Харламова Н. В., Шведчикова Т. Ю. Изменение зубной эмали верхних резцов у средневекового населения Восточного Причерноморья (храм у с. Весёлое, IX–XI вв. н. э.) // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Палеоантропологические и биоархеологические исследования: традиции и новые методики (VI Алексеевские чтения)» 5–10 окт бр 2015 г. СПб., 2015б. С. 90–93.
- Шведчикова Т. Ю., Харламова Н. В., Рассказова А. В., Чагаров О. С. Средневековое население Северо-Восточного Причерноморья (по материалам раскопок христианского храма у с. Весёлое IX–XI в.) // Вестник антропологии. 2016. № 2 (34). С. 94–117.
- Шведчикова Т. Ю., Харламова Н. В., Чагаров О. С., Новиков В. В., Зинюкова Н. М. Комплексное палеоантропологическое исследование останков из склепа храма у с. Весёлое (Восточное Причерноморье, IX–XII вв. н. э.) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. С. 255–256.
- Dori I., Moggi-Cecchi J. Brief Communication: An Enigmatic Enamel Alteration on the Anterior Maxillary Teeth in a Prehistoric North Italian Population // American Journal of Physical Anthropology. 2014. № 154. Pp. 609–614.
- Dumitrescu A. L., Kawamura M. Etiology of periodontal disease: Dental plaque and Calculus (Chapter 1) // Dumitrescu A. L. (Ed.) Etiology and Pathogenesis of Periodontal Disease. Berlin, Heidelberg, 2010. Pp. 1–38.
- Ford D., Seow W. K., Kazoullis S., Holcombe T., Newman B. A Controlled Study of Risk Factors for Enamel Hypoplasia in the Permanent Dentition // Pediatric Dentistry. 2009. Т. 31. № 5. Pp. 382–388.
- Hassett B. R. Missing Defects? A Comparison of Microscopic and Macroscopic Approaches to Identifying Linear Enamel Hypoplasia // American Journal of Physical Anthropology. 2014. Т. 153. № 3. Pp. 463–472.
- Hillson S. Dental Anthropology. Cambridge (England); NY, 1996. 373 p.
- Larsen C. S. The Bioarchaeology of Health Crisis: Infectious Disease in the Past // Annual Review of Anthropology. 2018. Т. 47. Pp. 295–313.
- Simón-Soro A., Mira A. Solving the Etiology of Dental Caries // Trends in Microbiology. 2015. Т. 23. № 2. Pp. 76–82.
- Smith M. O., Betsinger T. Patterns of Antemortem Tooth Loss in Late Prehistoric West-Central Tennessee // Dental Anthropology Journal. 2021. Т. 34. № 2. Pp. 21–31.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПАЛЕОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АНТИЧНЫХ СЕЛЬСКИХ И ГОРОДСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА¹

© Шведчикова Татьяна Юрьевна

Институт археологии РАН, г. Москва, ShvedchikovaTU@iaran.ru

© Абрамова Александра Николаевна

Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник
им. Е. Д. Фелицына, г. Краснодар, abramovasacha0902@gmail.com

© Свиркина Наталья Геннадиевна

Институт археологии РАН, г. Москва, natasha260793@mail.ru

Аннотация. Доклад посвящён проблеме идентификации и интерпретации демографических параметров в контексте изучения сельского и городского населения Таманского полуострова в античный период. В качестве опорных памятников рассматриваются два античных некрополя Волна 1 и Виноградный 7. На основании результатов палеодемографических исследований выдвигается предположение о возможности идентификации городских и поселенческих некрополей по характеру половозрастного состава погребённых.

Ключевые слова: палеодемография, качество жизни, античный период, некрополи Таманского полуострова.

Abstract. The paper is devoted to the problem of determining and interpreting demographic parameters in the study of the rural and urban population of the Taman Peninsula in classical antiquity. Two necropolises, Volna 1 and Vinogradny 7, are used as the main sites. Anthropological materials from these sites became the basis for paleodemographic research. Based on the data of paleodemographic studies, it is proposed to distinguish between two types of necropolises.

Keywords: paleodemography, quality of life, Classical antiquity, necropolises, Taman Peninsula.

В ходе великой греческой колонизации и активного освоения побережья Чёрного и Азовского морей, колонистами были основаны многочисленные поселения, некоторые из которых со временем превратились в города-полисы. Тогда и на Таманском полуострове были основаны Кепы, Фанагори, Гермонасса и др. Потомки переселенцев основали Боспорское царство – центр античной цивилизации в Северном Причерноморье. Основой экономики государства являлось сельское хозяйство и торговля,

последней была ориентирована как на метрополию, так и на местные варварские племена меотов, скифов и др.

Города Боспора – урбанистические центры, которые очевидно отличались от других поселений доступностью различных благ, влияющих на качество жизни горожан. Соответственно, демографические показатели городских выборок могут приобретать особую специфику, отличную от выборок из других типов поселений. Ранее, М. В. Добровольской и Н. Г. Свиркиной, в ходе изучения

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 23-18-00196 «Комплексные исследования нового городского некрополя архаического и классического времени Волна 1 на территории Азиатского Боспора».

палеодемографических особенностей населения Северного Причерноморья в античное время, было замечено, что «основным фактором, определявшим качество жизни <...> была культура античного городского центра. Некрополи античных городов значительно отличаются по практически всем демографическим параметрам» [Добровольская, Свиркина, 2018].

В данной работе будут рассмотрены палеодемографические характеристики выборок двух некрополей Таманского полуострова: Волна 1 и Виноградный 7. По мнению исследователей, первый некрополь может рассматриваться как «городской», второй, вероятно, связан с хорой Фанагории [Сударев, 2017; Мимоход и др., 2017].

Некрополь и поселение Волна 1 были обнаружены в 1954 г. в ходе разведок Д.В. Блаватского [Блаватский, 1954]. Однако активные раскопки памятника начались лишь в 2016 г. и проводились силами нескольких экспедиций в ходе строительства хозяйственных объектов ООО «ОТЭКО-Портсервис». Могильник датируется в пределах VI–II вв. до н.э., а вскрыта площадь и количество погребальных сооружений (более 1500) позволяют говорить о нём, как о наиболее изученном погребальном памятнике на территории Азиатского Боспора. Некрополь принадлежал крупному стационарному поселению, основанному в период греческой колонизации Северного Причерноморья. Как упоминалось ранее, некоторыми исследователями было высказано предположение о «городском» характере некрополя [Мимоход и др., 2018].

Параллельно с археологическим исследованием памятника проводился анализ костных останков. Авторам удалось изучить скелеты, полученные в ходе раскопок некрополя в 2016–2019 гг. силами двух экспедиций: ООО «Ирида» под руководством И.В. Цокур (раскопки 2016–2019 гг.) и экспедиции Института археологии РАН, под руководством Р.А. Мимохода (раскопки

2016–2018 гг.). Также нам была передана небольшая часть детских скелетов, полученных с участка памятника, исследуемого В.Г. Житниковым. В результате на антропологическую экспертизу поступило свыше 1500 скелетов.

Некрополь Виноградный 7 (раскоп 4) располагается вблизи одноимённого поселения. В распоряжении авторов оказались 68 пригодных для половозрастных определений скелетов из погребений IV–I вв. до н.э., т.е. античного периода существования некрополя, и раскопанных в 2016 г. под руководством Н.И. Сударева [Сударев, 2017].

Одним из направлений исследования антропологических материалов из двух погребальных памятников стало вычисление демографических параметров выборок. В задачи входил не только анализ пола и возраста смерти погребённых, но и сравнение с другими погребальными памятниками античного времени Таманского полуострова.

Плохая сохранность скелетов и, следовательно, сложность работы со скелетированным материалом из некрополей Северного Причерноморья широко известна исследователям [см. напр.: Герасимова, 1987; Малышев, Медникова, 1995; Добровольская, 2016]. Как на некрополе Волна 1, так и Виноградный 7 неудовлетворительное состояние костей усугубилось плантажной распашкой и, вероятно, активным применением удобрений почвы в ходе сельскохозяйственного освоения региона в советский период. Наиболее сохранными элементами скелета оставались диафизы трубчатых костей, свод черепа и зубы. Изменённая структура костной ткани – разрушенное компактное вещество – в большинстве случаев не позволила провести стандартные остеологические и краниометрические исследования скелета. Так, базовые размерные характеристики длинных костей получены только для 243 индивидов из некрополя Волна 1 и чаще всего они были ограничены охватными размерами диафизов. Только в 101 случае сохран-

ность краниального скелета позволила провести измерения [Абрамова, Пежемский, 2018; Абрамова 2019; Абрамова, Берлизов, 2019]. Фрагментарность, нарушение морфологии, изменённая структура костей создавали определённые трудности в применении стандартных антропологических программ. Практически невозможным стало рассмотрение патологических повреждений, за исключением фиксации наиболее выраженных переломов и травм. Несмотря на удовлетворительную степень сохранности зубов, затруднена и оценка одонтоглифических показателей. В результате общая комплектность скелетов и сохранность костной ткани была такова, что наиболее доступной антропологической информацией оказались пол и возраст погребённого. Так, например, мы встретились с проблемой «исчезнувших» детских погребений, когда об их наличии свидетельствовали единичные находки эмали зубов при полном отсутствии остального скелета. Археологами был выявлен участок некрополя Волна 1 с характерным обрядом захоронения детей в амфорах, погребения которого лишь частично вошли в исследование. Связано это с перезахоронением автором раскопок большей части антропологической коллекции. Почти полное отсутствие длинных костей и черепов, неполный набор зубного ряда и разрушенные корни и коронки подчас приводили к невозможности узкого определения возрастного интервала. Именно поэтому в большинстве случаев применялись широкие возрастные периоды. Эти факты создали дополнительную проблему адекватной оценки степени детской смертности в исследованной выборке и ещё подлежат обсуждению при рассмотрении демографических пирамид.

Половозрастные определения включали в себя комплексное изучение черепа и посткраниального скелета [Добрин, 1960; Пашкова, 1963; Алексеев, Дебеч, 1964; Алексеев, 1966]. Если сохранность скелетов не позволяла с достаточ-

ной долей уверенности говорить о поле погребённого человека, то эти скелеты из исследования исключались. В итоге в выборку из некрополя Волна 1 вошло 1403 индивида.

Средний возраст смерти среди населения Волны 1 составил 35,7 лет, без учёта детской смертности данный показатель соответствует 39,6 лет. Среди взрослых индивидов преобладают мужчины: 56,9%. Более 20% индивидов в выборке старше 50 лет, что может указывать на благоприятные условия жизни популяции. Средний возраст смерти мужчин составил 41,6 лет, у женщин 37,9 лет. Распределение индивидов обоего пола по возрастным группам демонстрирует следующую картину: в промежуток от 15 до 34 лет женщины умирали чаще, нежели мужчины. Данная закономерность характерна для большинства исторических эпох и обусловлена, по мнению большинства исследователей, рисками репродуктивного периода [Алексеев, 1972, Козловская, 1996]. Процент детей составил 11,6%, что безусловно, слишком мало для древних сообществ. Причину этого следует искать не только в плохой сохранности детских скелетов, но и специфике погребального обряда, при котором погребения не половозрелых индивидов локализовались в одном месте и могли быть не затронуты площадными раскопками. Подобным участком некрополя стал изученный В.Г. Житниковым, но не все детские скелеты оказались доступными для нашего исследования.

Средний возраст смерти в выборке Виноградный 7 (раскоп 4) составил 26,4 лет, а без учёта детской смертности 29,1 лет. В большинстве своём смерть наступала в молодом и зрелом возрасте. Детские скелеты составляют 10,4% от общей выборки. Процент индивидов старше 50 лет не превышает 2%. Соотношение мужчин и женщин близко к паритету: 47,6% и 52,4%. Близкими оказались значения среднего возраста смерти и процент индивидов старше

50 лет: мужчины 29,6 лет, женщины 28,8 лет, что составило 1,8% и 1,6% соответственно.

Таким образом, выборки из двух памятников кардинально отличаются по основным демографическим показателям: население Волны 1 описывается более высокими значениями основных параметров.

Для сравнительной характеристики нами были привлечены данные групп хронологически и территориально близких к рассматриваемым памятникам (табл. 1). По основным палеодемографическим показателям к некрополю Волна 1 наиболее близка выборка III–I вв. до н.э. из Восточного некрополя Фанагории, столицы Азиатской части Боспорского царства. Согласно археологическим и палеоантропологическим исследованиям, выявившим данные демографии и реконструкции питания, на эллинистический период приходится один из наиболее благополучных этапов жизни населения [Добровольская, Свирикина, 2018].

Близость демографических параметров двух памятников может быть аргументом в пользу предположения некоторых исследователей о городском характере некрополя Волна 1 [Мимоход и др., 2017].

С другой стороны, к жителям Виноградного 7 наиболее близки палеоде-

мографические параметры выборки из Цемдолинского и Тенгинского могильников. Население, оставившее Цемдолинский могильник, вошло в военизированной группой, контролирующей подступы к Боспору. Об этом свидетельствуют археологические данные и результаты анализа антропологических останков: повышенный травматизм и специфический половозрастной состав [Медникова, 2008]. В свою очередь, Тенгинский могильник принадлежит одному именованному неукрепленному меотскому городищу [Беглова, Эрлих, 2018]. В случае с выборками из Виноградного 7 и Тенгинского могильника остается неясной причиной низких значений палеодемографических показателей. Нет оснований предполагать, что данный результат обусловлен малочисленностью обеих групп. Возможно, ответ кроется в специфике социального статуса людей, погребенных на этих могильниках. Без проведения дополнительных раскопок этот вопрос пока остается открытым.

Описанные выше наблюдения во многом имеют характер первичных. Не последнее место занимает объективно малое число привлеченных выборок и параметров, однако, данное направление исследований представляется перспективным в контексте изучения населения Северного Причерноморья в античный период.

Таблица 1.

Сравнение палеодемографических показателей могильников
Северо-Западного Причерноморья

Пам тник; территори ; источник	Nr	PCD	A	AA	AA,m	AA,f	C50	PSR m/f
Танаис; III в. до н.э. – рубеж эр; Нижний Дон; Батиева, 2011	60	25,4	25,8	32,4	32,5	32,6	0	39,5/60,5
Новосёловское гор.; I в. до н.э. Краснодарский край; Громов, Казарницкий, Лунёв, 2015	38	26,3	26,6	33,1	37,5	31,7	4,6	59,5/40,5
Лебеди III; VI в. до н.э. Краснодарский край; Громов, Казарницкий, Лунёв, 2015	211	26,1	30,4	38,5	38,2	36,2	19,9	62,6/37,4
Прикубанский мог.; VI в. до н.э. Краснодарский край; Балабанова, 2005	285	15,1	31,8	36,4	40,1	32,8	?	60,7/39,3
Тенгинский мог-к; VI–II вв. до н.э.; Краснодарский край; Медникова, 2008	97	21,6	24,7	29,9	31,6	29,9	0	58,6/41,4
Цемдолинский мог-к; III–I вв. н.э.; Краснодарский край; Медникова, 2008	53	7,6	25,9	27,8	31,3	28,8	0	52,5/47,5
Фанагори (Вост. некро- поль); III–I вв. до н.э.; Таманский полуостров; Добровольска , Свиркина, 2018	77	17	33,2	38,9	41,7	34,7	12,9	58,7/41,3
Волна I; VI–III в. до н.э.; Таманский полуостров; Шведчикова, Абрамова, Свиркина (авторский материал)	1403	11,6	35,7	39,6	41,6	37,9	22,3	56,9/43,1
Виноградный 7 (раскоп 4); IV–II в. до н.э.; Таманский полуостров; Шведчикова, Свиркина (авторский ма.)	68	10,4	26,4	29,1	29,6	28,8	1,1	47,6/52,5

Список литературы

Абрамова А. Н., Пежемский Д. В. Опыт морфометрического анализа скелетных останков плохой сохранности (по материалам античного могильника Волна 1, Таманский полуостров). Часть 1 // ПИФК. 2018. №4. С. 102–121.

Абрамова А. Н. Опыт морфометрического анализа скелетных останков плохой сохранности (по материалам античного могильника Волна 1, Таманский полуостров). Часть 2 // ПИФК. 2019. №4. С. 125–144.

Абрамова А. Н., Берлизов А. Н. Антрополого-тафологическая характеристика мужских погребений некропол Волна 1 // КСИА. 2019. №257. С. 339–355.

Алексеев В. П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М., 1966. 252 с.

Алексеев В. П. Палеодемография СССР // СА. 1972. №1. С. 3–21.

Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964. 128 с.

Балабанова М. А. Половозрастная структура Прикубанского меотского могильника IV в. до н.э. // Четвёртая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2005. С. 4–9.

Беглова Е. А., Эрлих В. Р. Меоты Закубань в сарматское время (по материалам Тенгинского грунтового могильника). М., СПб., 2018. 384 с.

Герасимова М. М. Антропологические данные к вопросу об этнических отношениях в северо-восточном Причерноморье (Боспорское царство) // Антропологи античного и средневекового населения восточной Европы. М., 1987. С. 9–97.

Громов А. В., Казарницкий А. А., Лунёв М. Ю. Меотские могильники: палеодемография и краниология // Записки ИИМК РАН. №12. 2015. С. 156–175.

Добровольская М. В. Опыт изучения скелетных материалов из склепов римского времени Восточного некропол Фанагории // КСИА. 2016. №244. С. 299–309.

Добровольская М. В., Свиркина Н. Г. Жители античной Фанагории (реконструкция образа жизни по палеоантропологическим материалам). М., 2018. 233 с.

Добряк В. И. Судебно-медицинская экспертиза скелетированного трупа. Киев, 1960. 192 с.

Козловская М. В. Экологи древних племён лесной полосы Восточной Европы: (антропологический очерк). М., 1996. 244 с.

Медникова М. Б. Данные антропологии к реконструкции образа жизни древнего населения Цемесской долины // Аспургинане на Юго-Востоке Азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некропол. М., 2008. С. 244–253.

Мимоход Р. А., Сударев Н. И., Успенский П. С. Новый «городской» некрополь архаического и классического времени на Таманском полуострове (предварительная информация) // Древности Боспора. №21. 2017. С. 295–310.

Пашкова В. И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М., 1963, 154 с.

Сударев Н. И. Погребения некропол Виноградный 7 (Краснодарский край, Темрюкский район) // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016 г. (Материалы спасательных археологических исследований. Том 19). М., 2017. С. 182–189.

«ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ СКЛАД» НА МАРКУЛЬСКОМ ГОРОДИЩЕ В АБХАЗИИ: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ ИЗ РАСКОПОК 2021–2022 ГГ¹

© Яворская Лилия Вячеславовна,
© Требелева Галина Викторовна,
Институт археологии РАН, г. Москва,
lv.yavorskaya@gmail.com; trgv@mail.ru

Аннотация. На юго-западном склоне Маркульского городища в ходе археологических работ были обнаружены остатки склада пифосов и могильник позднеантичного времени. В статье рассматриваются бытовые и ритуальные костные остатки животных из этих исследований. В культурных напластованиях вблизи пифосов преобладают остатки свиней, кроме них есть кости КРС, МРС, лошадей, оленей, косули, немного костей птиц. В погребениях используются те же классы и виды животных, и ведущая роль также принадлежит свинье. В непо потревоженном погребении № 3 зафиксированы разложенные вокруг головы человека разломанные части черепа и длинные кости молодой самки свиньи, есть кости новорожденного поросёнка, а под кистью человека – остатки курицы. В пифосе-гиганте оказался скелет козлёнка, тушка которого была разделана, но почти полностью сохранена.

Ключевые слова: Маркульское городище, античность, пифосы, археозоологи, остеологические спектры, погребальные ритуалы с животными, жертвенные животные.

Abstract. On the southwestern slope of the Markul settlement during archaeological research was discovered a warehouse of pithoi and a necropolis from Late Antiquity. The article deals with everyday and ritual bone remains of animals from these studies. The remains of pigs predominate in the cultural layers near the pithoi. In addition, there are bones of cattle, small cattle, horses, deer, roe deer, and some bird bones. The same classes and types of animals are used in the burials, and the leading role also belongs to the pig. In the undisturbed burial No. 3, broken parts of the skull and long bones of a young female pig were laid out around the human head. The bones of a newborn piglet were also fixed in this one. Under the wrist there were the remains of a chicken bones.

Keywords: Markul settlement, antiquity, pithoi, archeozoology, osteological spectra, burial rituals with animals, sacrificial animals.

В двух полевых сезонах 2021–2022 гг. на участке юго-западного склона Маркульского городища (Очамчирский район Республики Абхазии), на 10 м выше остатков оборонительной стены первой линии обороны были обнаружены остатки продовольственного склада, состоящего из пифосов. Зафиксировано 6 сосудов *in situ* и ещё несколько целых горловин, фрагментов венчиков, стенок и донцев, так что общее число сосудов было около 20. Все они были установлены на одной глубине, за исключением самого большого «пифоса-гиганта», его дно уходило глубже других. Под одним из пифосов обнаружено погребение человека. Всего в общей сложности на двух участках 2021 и 2022 гг. было

¹ Исследование выполнено в рамках двух тем государственного задания: археологические исследования в рамках НИОКТР 122011200269-4, изучение остеологических остатков – в рамках НИОКТР 122011200269-9.

исследовано 4 погребения. Погребение №4 относится к поздней для данного памятника средневековой эпохе, а три других погребения к римскому времени.

Раскопки проводились тщательно, все находки, включая массовые, фиксировались по глубинам в привязке к археологическим объектам. Археозоологическое исследование проводилось по методической схеме ИА РАН [Антипина, 2004], которая позволяет делать как палеоэкономические реконструкции, так и фиксировать и интерпретировать ритуальные практики с использованием животных. В разработке археозоологов было четыре выборки костных остатков: 1) кости из культурного слоя возле пифосов на разных глубинах (табл. 1, 2); 2) кости животных из заполнения погребений людей; 3) кости животных на дне погребений, располагавшихся ниже уровня расположения скелета человека; 4) кости из заполнения пифосов. Для сравнительного анализа выборок мы сохранили разделение костных остатков по участкам и, соответственно, годам раскопок.

Археозоологическая коллекция из заполнения культурного слоя вокруг пифосов составила 560 костных фрагментов. Сохранность остатков хорошая – 4 балла по 5-балльной шкале, искусственная раздробленность довольно высока, для крупных выборок она доходит до 57 фрагментов в 1 куб. дм (табл. 1). Это соответствует «кухонной» раздробленности, составляющей от 10 до 70 фрагментов в 1 куб. дм и сопровождается следами разделки туш домашних копытных на мясо.

По выборкам с разных глубин раздробленность оказалась довольно высокой – для крупных выборок, где наши замеры приближены к точным, раздробленность составляет от 40 до 57 фрагментов в 1 куб. дм (табл. 1). То есть, кости раздроблены мелко и именно поэтому неопределимых до вида остатков млекопитающих оказалось довольно много – 23% от крупных копытных и 34,3% от средних. Сбор костных остатков проведен при раскопках тщательно,

все зафиксировано по глубинным отметкам, однако культурные напластования в этой части памятника оказались сильно перемешаны как погребениями, так и позднейшей установкой пифосов. Поэтому на обоих исследованных участках 2021 и 2022 гг. заметна большая наполненность в отдельных слоях, но не в одних и тех же. Наиболее высокая насыщенность для участка 2021 г., 114 фрагментов, зафиксирована на 5 штыке, на глубине 109,85–109,57 м, на уровне около венчика и горла, до плеч пифосов, – здесь же и наиболее высокая раздробленность костей – 57 фр. в 1 куб. дм (табл. 1). На участке 2022 г. наиболее насыщенным оказался 7 штык с глубинами 108,52–108,32 м, это ниже уровня погребений, но почти сразу над уровнем дна пифоса-гиганта, уровень залегания дна которого 108,3 м. Здесь обнаружено 133 фрагмента и тоже с довольно высокой раздробленностью – 44,3 фр. в 1 куб. дм.

В таксономическом наборе остатков с двух участков культурного слоя *фрагменты костей домашних и диких млекопитающих, а также птиц*. Отметим, что решающую роль во всей выборке из культурного слоя играют кости млекопитающих, преимущественно определимые остатки домашних копытных, которые составляют около 38%. От них же, по всей видимости, происходит и неопределимые до вида фрагменты в совокупности от крупных и средних копытных – 57% (табл. 1). Остатки других классов животных принадлежат исключительно птицам, костей рыб не зафиксировано (табл. 1). Среди млекопитающих 6,4% составляют кости домашних «помощников», в данном случае зафиксированы кости собак (табл. 2). Дикие виды представлены остатками оленя (2,5%) и козули (1,3%) (табл. 2). Основной процент среди определимых костей млекопитающих составляют домашние копытные – около 90% (89,8% – табл. 2)

В остеологическом спектре домашних копытных весомый процент составляют остатки свиньи – в среднем 65,3%,

(табл. 2). Это утверждение касается всех выборок, число костей в которых более 10 и особенно заметно на выборках, с числом определимых костей млекопитающих около 50. То есть, остатки этого вида доминируют по отношению к остаткам других домашних копытных. По визуальной оценке, кости свиньи могли принадлежать либо крупной форме домашнего животного, либо дикому (*Sus scrofa forma domestica & ferrus*). Исход из высокой численности этого вида в коллекции и того, что остатков других видов диких копытных совсем немного, 3,8%, предполагает, что перед нами кости домашних свиней, популяции которых на Кавказе часто имеет крупные размеры. Домашние свиньи в этом районе Абхазии до сих пор содержатся на свободном выпасе и легко смешиваются с дикой формой. Вторая позиция в остеологическом спектре у крупного рогатого скота, *Bos Taurus*, 17,8%, размеры животных этой популяции можно оценить как мелкие и средние. Мелкий рогатый скот занимает в остеоспектре третью позицию (5,1%). Здесь встречаются как овцы (*Ovis aries*), так и козы (*Capra hircus*). Позиция остатков лошади (*Equus caballus*) в остеологическом спектре невысока, 1,7%. Несмотря на это, значение в хозяйстве этого животного может быть существенным. В литературе для синхронных или близких по времени кавказских поселений фиксируется высокая роль крупного рогатого скота, как в остеологическом спектре, так и в основном потреблении [Цалкин, 1960, с. 10; Антипина, 2009; Яворская, 2013]. Вопрос о причинах высокой доли костей свиньи придется отложить для будущих исследований на данном памятнике, поскольку наша выборка локальна и невелика. Не исключено, что эта особенность характерна лишь для исследованного небольшого участка городища.

Кроме остатков домашних копытных, заметные значения фиксируются для костей собаки (*Canis familiaris*) – 6,4%. Отметим, что остатки этого животного,

встречаются исключительно на участке 2021 г. и преимущественно сосредоточены в одном горизонте на штыке №5, где найдено 11 фрагментов, из 15 костей данного вида во всей выборке. Кости собак не несут на себе следов «кухонной» разделки, а в изучаемых напластованиях оказались принадлежавшими, как минимум, двум особям – среднего и крупного размеров. Кроме домашних животных, зафиксированы остатки диких – исключительно копытных – олен благородного (*Cervus elaphus*) и козули (*Capreolus capreolus*). Их кости встречены на участке 2022 г. в нижних напластованиях на штыках №6–8. По-видимому, можно утверждать, что на Маркульском городище в разные, фиксируемые здесь эпохи, активнее всего для мясной пищи использовались свиньи и крупный рогатый скот.

В заполнении и на дне погребений человека встречены остатки тех же видов домашних животных.

Погребение 1. Погребён молодой мужчина (*adultus I*) головой на север. Череп фрагментирован – раздавлен стоящим на нём пифосом. Сохранилась только верхняя часть скелета до пояса, нижняя часть разрушена при прокопке грунта под другой пифос. Погребённого сопровождали: фибула, пряжка, проволоочное кольцо, булава, наконечник копья, а также набор керамических сосудов разных форм, часть из которых раздавлены. Погребение сильно нарушено в процессе установки двух пифосов. Кости животных обнаруживались наборами на разной глубине в заполнении мы. Преимущественно это определимые и неопределимые до вида «кухонные» остатки домашних и диких копытных – крупного рогатого скота от взрослых животных, кости молодых свиней. Это фрагменты длинных трубчатых костей, челюстей, позвонков и рёбер. Два фрагмента плюсневых костей олен благородного (*Cervus elaphus*). Зафиксированы две кости некрупной собаки без следов «кухонного» дробле-

ни . Сохранность всех остатков хороша , 4 балла по п тибалльной шкале.

Погребение 2. Погребение ребёнка (*infantilis II*) по обр ду вторичного захоронени . В погребении установлены два сосуда, а среди костей найдены две пастовые бусины. В погребении обнаружены также угли и кости молодой свиньи: нижн часть черепа, нижн челюсть, зуб резцовый, фрагмент тазовой кости от левой стороны тела. Все остатки свиньи хорошей сохранности, принадлежат одному животному.

Погребение 3. Погребённый молодой мужчина (*adultus I*) уложен головой на восток, некоторые части скелета фрагментированы, несмотря на ненарушенность погребени . В погребении обнаружено большое количество сосудов разнообразных форм, вток наконечника копья с остатками древесины, железный топор, наконечник железного клинка, остатки ножа, два железных копья , бронзовый наконечник стрелы, перстень, монета, набор бус, тонка булава и фибула. Кости животных зафиксированы в засыпи погребальной мы, на уровне, где был уложен погребённый, и ниже под скелетом.

В засыпи погребени встречались отдельные зубы свиньи и МРС. На уровне расположены скелета погребённого человека обнаружены разложенные остатки двух животных: молодой (*subadultus – adultus-1*) свиньи и очень юного (*juvenis*) поросёнка. За головой погребённого обнаружены основание черепа и фрагмент лобной кости правой стороны, права часть верхней челюсти, два целых грудных позвонка и фрагменты от трёх рёбер тоже правой стороны тела молодой свиньи. От поросёнка здесь же располагались: лева и права части нижней челюсти, фрагменты лопаточной, тазовой, плечевой и локтевой костей, грудного позвонка. Кроме этого, здесь же обнаружено 15 фрагментов костей птиц, часть которых принадлежит курице домашней, но есть и кости от особи более мелкого размера, возможно дикой. На том же уровне с левой сто-

роны от черепа человека обнаружены ещё фрагменты черепа той же молодой свиньи: теменные кости, лобные и верхн челюсть – все левой стороны, половинки левые первого и второго шейных позвонков со следами разделки. С правой стороны от черепа погребённого человека – фрагменты черепа молодой свиньи: лобна , скулова правой стороны, две нижние челюсти обеих сторон, два нижних клыка самки и 4 резцовых зуба. Среди рёбер погребённого человека зафиксировано 4 фрагмента свиных рёбер от молодого животного, возможно того же, от которого фрагменты черепа. Рёбра левой стороны, шедшие друг за другом, примерно №4–7. Среди костей пальцев человека обнаружено 8 фрагментов и одна цела кость от домашней курицы. Кроме них, одна кость – лучева от очень юного (*juvenis*) поросёнка, по-видимому, того же, чьи фрагменты фиксировались в районе головы человека.

Поскольку погребение 3 не потревожено перекопами, можно полагать, что на уровне расположены скелета погребённого человека мы имеем дело с ритуальным размещением в захоронении частей туш двух млекопитающих – фрагментов черепа, позвонков и рёбер молодой свиньи (*subadultus – adultus-1*), остатков черепа и длинных костей очень маленького, молочного поросёнка, и костные остатки птиц, преимущественно курицы. Отметим, что с правой и левой сторон от черепа человека лежали фрагменты черепа свиньи этих же сторон: справа – права часть свиного черепа, слева – лева часть, а за головой человека в районе темени – теменная часть.

Что же касается почти синхронного ему погребени 1, то оно не сохранилось целостным, было нарушено установкой пифосов. Реконструировать здесь ритуал с животными не представляется возможным, однако, по аналогии с ненарушенным погребением 3 можно предполагать, что остатки молодых свиней и птиц вполне могут оказаться ритуальными, а вот использование костей собак в погребальном обр де выгл дит

сомнительно. Не исключено, что часть костей в это погребение попала из культурного слоя предшествующего или последующего времени при нарушении целостности погребального сооружения. В погребении 2 также зафиксированы остатки черепа и костей молодой особи свиньи.

Погребение 4. Погребённый – пожилой мужчина, скелет плохой сохранности, вещей при нём не обнаружено. В заполнении фрагмент сочленовного отростка нижней челюсти свиньи. находка, скорее всего, не имеет отношения к этому погребению, а оно само принадлежит к более поздней средневековой эпохе и не связано с предыдущими.

Следует признать, что свинья имела не только важное значение в мясной диете жителей городища позднеантичной эпохи, но, как показывает исследование, и в ритуальной практике.

Под всеми погребёнными, за исключением последнего (№ 4), обнаружены своеобразные «подсыпки» – костные остатки животных, перемешанные с прослойками угля, расположенные ниже уровня скелета человека. В погребении 1 фиксируется фрагмент позвонка от крупного копытного, возможно лошади, фрагменты костей КРС, свиньи, оленя. Характер сломов неясен. В погребении 3 зафиксированы, в основном, сильно фрагментированные костные остатки молодой свиньи, неопределимых средних копытных, один фрагмент зуба крупного рогатого скота и три фрагмента костей птиц. Обратим внимание, что в этих комплексах, обнаруженных ниже уровня погребённого человека, могут быть кости животных таких же, как в заполнении могильной ямы – как, например, набор костей от молодой свиньи (*subadultus-adultus-1*) и поросёнка (*juvenis*) из погребения 3, кости которых встречены в составе ритуальных остатков в том же погребении. В погребении 1, как в заполнении, так и на дне под человеком встречены кости оленя. В культурном слое остатки диких копытных встречаются в самых ниж-

них напластовках на штыках № 6–8 (табл. 2). Не исключено, что кости, обнаруженные ниже уровня, где лежит погребённый, частично относятся к тому же ритуалу погребения, частично представляют предшествующий культурный слой, где диких копытных использовали в пищу чаще, чем в последующие эпохи.

В пифосе-гиганте обнаружены разделанные остатки одного юного (*juvenis*) животного рода *Capra hircus*, козлёнка. В наборе костей остатки почти полного скелета, но есть несколько недостающих фрагментов тела, из которых, скорее всего, целенаправленно, а не просто несохранившихся. От черепа в наборе сохранены остатки небольших рогов и затылочной кости. Висцеральной части черепа (лицевой), верхних и нижних челюстей не обнаружено. Набор позвонков и рёбер обеих сторон тела не полон, нет атланта и эпистрофе. Среди костей посткраниального скелета недостаёт правой лопатки, правой же плюсны, правых пяточной и таранной костей. Все остальные длинные кости и тазовые в полном комплекте обеих сторон тела, а вот набор фаланг далеко не полный – имеется всего одна фаланга-I. Все эпифизы длинных костей и пяточной не приросли, не полностью сросшимися были и три части тазовых костей. Не прирос кораконд лопаточной кости. Приросли только нижние эпифизы-блоки плечевых костей, но они в данном случае были обрублены, однако их обломки сохранились в исследуемом наборе. Остатков других животных не зафиксировано.

Сохранность всего комплекса очень хороша – не менее 4 баллов по пятибалльной шкале. Набор оказался весьма интересным. Из костных остатков головы из морды и нижней челюсть животного. Недостаёт некоторых рёбер и позвонков, но эти части могли не сохраниться из-за хрупкости костей молодого животного. Та же ситуация с отсутствующей правой лопаткой. В наборе нет ещё нескольких небольших костей – пяточной, астрагала и плюсны правой стороны. Обращает на себя

внимание один важный нюанс – нижние блоки плечевых костей, едва приросшие, были обрублены, но сохранились в этом наборе. Это наводит на предположение, что весь набор костей козлёнка пытались сохранить, несмотря на разделку. Не исключено, что это специальный ритуал, вл ющийс отголоском дохристианских охотничьих верований кавказских народов, когда пойманное на охоте животное должно быть съедено, но его кости необходимо собрать в шку-

ру и сохранить, дл его последующего возрождени в полном объёме. Нам приходилось сталкиваться с похожими ритуальными остатками: возможно завернутыми в шкуру кости различных жертвенных животных: оленей, тел т, барашков и козл т. И в тех комплексах также присутствовали недостающие до полного скелетного набора одного животного некрупные кости [Яворска , 2017].

Таблица 1.

Маркульское городище. Раскоп «Пифосы» 2021–2022 гг. Общие сведения о коллекции костных остатков животных из культурного сло возле пифосов

Показатели	млекопитающие				дикие	др. классы	ВСЕГО	Индекс раздробленности	
	неопределимые		домашние						птицы
	крупн.	средн.	копытные	помощники					
Участок 2021 года									
3 шт., ур. 110,32–110,12 ²		1	2	1			4	40	
4 шт., 1101,12–109,85			4				4	40	
5 шт., 109,85–109,57	10	55	38	11			114	57	
6 шт., 109,57–109,27	2		5				7	35	
7 шт., 109,27–108,97	2	2	3	1			8	40	
8 шт., 108,97–108,7	12	6	12				30	50	
9 шт., 108,7–108,4	4		7	2			13	43,3	
10 шт., 108,4–108,1			6				6	30	
11 шт., 108,10–107,8	1		2				3	30	
13 шт., 107,55–107,25	4		3				7	35	
15 шт., 106,95–106,72			3				3	30	
Участок 2022 года									
1 шт.		2	6				8	40	
2 шт.	5	3	20				28	46,7	

² Далее – шт. Уровень выстроен по Балтийской шкале.

Прирезка над погр. 4, 1–2 шт.	2	5	1				8	40
Над погребением 3, 109,7–109,2	4	8	3				15	37,5
3 шт., 109,40–109,15	4	3	2				9	30
4 шт., 109,15–108,9	11	7	10				28	40
5 шт.	2	3	4			1	10	25
6 шт.	23	33	17		1	1	75	50
7 шт.	38	43	50	1	1		133	44,3
8 шт.	5	21	14		7		47	47
ВСЕГО	129	192	212	15	9	2	560	
%	23,0	34,3	37,9	2,7	1,6	0,36	100,0	

Таблица 2.

Маркульское городище. Раскоп «Пифосы 2021–2022 гг.».

Видовой состав остатков млекопитающих из культурного сло
возле пифосов (количество фрагментов)

Показатели	домашние					дикие		всего
	КРС	лошадь	МРС	свинь	хищн. собака	копыт- ные		
						олень	косул	
Участок 2021 года								
3 шт., уровень 110,32–110,12	1			1	1			3
4 шт., 101,12–109,85	–	–	–	4	–	–	–	4
5 шт., 109,85–109,57	2	–	–	36	11	–	–	49
6 шт., 109,57–109,27	–	–	–	5	–	–	–	5
7 шт., 109,27–108,97	–	–	1	2	1	–	–	4
8 шт., 108,97–108,7	2	2	–	8	–	–	–	12
9 шт., 108,7–108,4	4	–	–	3	2	–	–	9
10 шт., 108,4–108,1	3	–	–	3	–	–	–	6
11 шт., 108,10–107,8	–	1	1		–	–	–	2
13 шт., 107,55–107,25	1	–	1	1	–	–	–	3
15 шт., 106,95–106,72	1	–	–	2	–	–	–	3
Участок 2022 года								
1 шт.	3	–	1	2	–	–	–	6
2 шт.	4	1	5	10	–	–	–	20
Прирезка над погр. 4	–	–	1	–	–	–	–	1
Над погребением 3, 109,7–109,2	–	–	–	3	–	–	–	3

3 шт., 109,40–109,15	1	–	–	1	–	–	–	2
4 шт., 109,15–108,9	1	–	1	8	–	–	–	10
5 шт.	3	–	–	1	–	–	–	4
6 шт.	4	–	1	12	–	1	–	18
7 шт.	11	–	–	39	–	1	–	51
8 шт.	1	–	–	13	–	4	3	21
ВСЕГО (фрагментов)	42	4	12	154	15	6	3	236
% по видам	17,8	1,7	5,1	65,3	6,4	2,5	1,3	100,0
% по группам	89,8				6,4	3,8		100,0

Список литературы

Антипина Е. Е. Археозоологические материалы (глава 7) // Каргалы. Т. III. М., 2004. С. 182–239.

Антипина Е. Е. Остеологические коллекции из археологических памятников Азиатского Боспора: возможности исследования животноводческой отрасли // АВРАУ ANTIQUA. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау. М., 2009. С. 169–180.

Цалкин В. И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // История скотоводства в Северном Причерноморье // МИА № 53. М., 1960. С. 7–109.

Яворская Л. В. Археозоологические материалы из поселений Весёлое-1, Весёлое-2 эпохи раннего железного века (Имеретинская низменность, Адлерский район, г. Сочи) // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 3. М., 2013. С. 167–181.

Яворская Л. В. Жертвенные животные из крипты храма X века у с. Весёлое: к вопросу о пережитках дохристианских верований у народов северо-восточного Причерноморья // Археологи и этнографы Кавказа и Крыма: тезисы научной конференции, Санкт-Петербург, 6-8 апрел 2017 года. СПб. С. 65–67.

Раздел 5
«TRANSLATIO IMPERII»: ХРИСТИАНСКИЕ ДРЕВНОСТИ

УДК 902/904

**БАЗИЛИКА СРЕДНЕВИЗАНТИЙСКОГО ВРЕМЕНИ
НА ГОРЕ БОЛЬШОЙ АХУН (Г-К. СОЧИ).
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ
РАЗВЕДОЧНЫХ РАБОТ 2014, 2020 ГГ.**

© *Василиненко Дмитрий Эдуардович*

НАО «Наследие Кубани», г. Краснодар, heritage@bk.ru

© *Греков Артем Алексеевич*

Институт археологии РАН, г. Москва, g-r-e-k-artem@mail.ru

Аннотация. В статье публикуются уточнённые сведения об архитектурном плане и конструктивных особенностях базилики типа *cloisonnée* средневизантийского времени на горе Большой Ахун, полученные в ходе разведок 2014, 2020 гг.

Ключевые слова: Восточное Причерноморье, г-к. Сочи, Краснодарский край, гора Большой Ахун, базилика типа *cloisonnée*, средневизантийское время.

Abstract. The article publishes updated information about the architectural plan and design features of the *cloisonnée* type basilica Middle Byzantine period on mount Bolyshoy Akhun, obtained during archaeological surveys in 2014, 2020.

Keywords: Eastern Black Sea region, Sochi city, Krasnodar region, mount Bolyshoy Akhun, *cloisonnée* type basilica, Middle Byzantine period.

Остатки обследованного христианского храма (базилики) располагаются непосредственно на оконечности узкого юго-западного хребта горы Малый Ахун, являющейся высотной доминантой юго-юго-западного склона горного массива Ахун (горы Большой Ахун). В государственном списке памятников расположения базилики привязано к горе Большой Ахун. В ранее опубликованных работах использовался термин Малый Ахун.

Первые сведения о византийском храме на горе Ахун приведены И. Я. Стелецким и П. Л. Дороватовским, упоминавшими «развалины древнего византийского храма» на Охуне [Дороватовский, 1911, с. 48; Стелецкий, 1931, с. 31].

Впоследствии храм был осмотрен и описан сочинскими краеведами [Недол, 1974; Широков, 1984].

В 70-е гг. прошлого века храм подвергся значительным разрушениям в ходе установки в центре центрального нефа триангуляционного пункта.

В научный оборот памятник был введён Ю. Н. Вороновым, атрибутировавшим находку орнаментированного архитектурного фрагмента, обнаруженного на горе Ахун как происходящую из храма начала XI в., расположенного на вершине этой горы [Воронов, 1979, с. 92, рис. 48.2, с. 104].

Впоследствии Л. Г. Хрушкова также отнесла эту находку к некоему храму на г. Ахун, причём, по её мнению, этот храм являлся однонефной церковью. Фрагмент плиты был ею датирован X–XI вв. [Хрушкова, 2018, с. 391, 395, рис. 639, с. 396].

На основании находки орнаментированного фрагмента, вероятной детали

первоначальной декорации храма, время его возведения отнесено к концу X – началу XI вв. или ко времени не ранее XI в. [Воронов, 1979, с. 92, рис. 48.2, с. 104; Хрушкова, 2018, с. 391, 395, рис. 639, с. 396].

Более развёрнутое описание храма было представлено А. Ю. Виноградовым и Д. В. Белецким, отнёсшими время его возведения к периоду не ранее XI в. По мнению этих исследователей, храм представляет собой трёхнефную базилику с изолированными нефами, тремя апсидами и нартексом [Виноградов, Белецкий, 2015, с. 94, 95].

В 2014 г. храм был разрушен с помощью землеройной техники.

В 2014 г. и в 2020 г. авторами настоящей статьи на месте проведены археологические разведки, в ходе которых снят инструментальный план участка, и для уточнения сведений об его архитектурном плане и конструктивных особенностях вскрыто 20 м² разрушенного слоя его территории.

Сооружение полностью перегораживает хребет, причём внешняя стена южной апсиды проходит по самому его краю, опираясь на выступающий здесь из массива мощный скальный выступ.

Разборка части завалов разрушенных стен позволила уточнить ориентировку сооружения и азимут продольной оси. Продольная ось храма совпадает с направлением этого узкого хребта. Этой осью сооружение ориентировано по линии NWtN (318°) – SEtS (138°), с отклонением 49° от линии восток-запад к юго-востоку. Отклонение от линии, предписанной строительными канонами, близко отклонению оси Лесненской I базилики, где отклонение 45°, но к северо-востоку [Василиненко, Хрушкова, 2008, с. 81]. Лесненская II базилика, как и Ахунская базилика, перегораживает хребет, но длинной осью она расположена не вдоль, а поперёк него [Василиненко, Верещагин, 2012, с. 284–286].

Храм – трёхнефная, трёхапсидная базилика с нартексом, ширина которого соответствует ширине всех трёх нефов.

Размеры базилики: общая длина 15,95 м, ширина 15,21 м. Ширина всех трёх апсид в их основании 15,74 м, длины восточной части нартекса 15,27 м, западной 15,21 м. Ширина нартекса 2,65 м. Сооружение расширяется к востоку, к своей алтарной части. Является ли это первоначальным архитектурным планом или следствием сейсмических подвижек в древности и результатом работы землеройной техники в 2014 г. на данном этапе исследования храма установить не удалось. Апсиды полуциркульные изнутри и снаружи. Их внутренняя ширина и радиусы:

- южная апсида 1,72 м и 3,74 м;
- центральная апсида 1,96 м и 4,97 м;
- северная апсида 1,73 м и 3,08 м.

Длина северного нефа 8,06 м, ширина 3,359 м, центрального 8,15 м и 5,32 м, южного 8,25 м и 3,39 м соответственно.

Южная апсида выступает за абрис северной.

Вопреки ранее высказанному мнению [Широков, 1984; Виноградов, Белецкий, 2015, с. 95], центральная апсида не имеет внутренних заплечиков (рис. 1, 1).

Ширина внешних стен составляет 0,70–0,78 м. Ширина внутренних, отделяющих центральный нартекс от боковых – 0,99 м. Ширина восточной стены нартекса 0,90 м.

Фундамент сложен в технике бутовой кладки на известково-песчаном растворе из камней со средними размерами 38×50 см. Цоколь частично сохранился в один ряд от уровня фундамента на высоту от 0,24 м до 0,30 м.

Заложена у юго-западного угла нартекса зачистка показала, что фундамент южной стены сооружения был выложен на мощном скальном выступе. Выступ расланцован и уступами уходит вниз по склону. Ранее этот уступ принимался за подпорную стену [Широков, 1984] (прил., рис. 45, 1) или фундамент, сложенный из валунов [Виноградов, Белецкий, 2015, с. 95].

Стены храма также возведены в технике бутовой регулярной кладки с соблюдением прочности из постелистых

кусков песчаника, на плотном известково-песчаном растворе. Средние размеры камней, использованных при возведении стен, 27×33 см.

Фундаменты остальных стен впущены в суглинок коричневого цвета.

Стены и фундаменты внешней южной и, вероятно, северной стены были перевязаны с западной (внешней) стеной нартекса. Восточная (внутренняя) стена нартекса была перевязана со стенами центрального нефа (рис. 1, 1).

В нартексе храма находится «утюгообразная» в плане тумба (рис. 1, 2; прил., рис. 45, 2–4), тыльной частью пристроенная к юго-западному углу внутренней стены нартекса в перевязку с его стеной и южной внутренней стеной центрального нефа. Длина тумбы 1,92 м, ширина 1,47 м, высота 0,9–1,0 м. Внешней, острой частью тумба вытупута под 45° от юго-западного угла восточной стены нартекса по направлению к внутреннему юго-западному углу. Тумба сложена из постелистых кусков рваного песчаника, средние размеры камней здесь 32×40 см. По внешнему контуру тумба тщательно оштукатурена (прил., рис. 45, 3, 4).

Аналогов этому сооружению среди литургических и служебных устройств в известных средневековых храмах найти не удалось.

Ранее было высказано предположение, что тумба представляет собой подпорную конструкцию, призванную стабилизировать храм после сейсмических подвижек. Этому предположению, по мнению авторов настоящей статьи, противоречит то, что тумба является частью первоначального архитектурного плана. Также нельзя не отметить малую величину конструкции, призванной стабилизировать подвижки большого объёма центрального нефа.

Авторы согласны с мнением А. Ю. Виноградова и Д. В. Белецкого, о том, что

в храме был только один западный вход [Виноградов, Белецкий, 2015, с. 95]. Сооружение полностью перегораживает хребет, примыкая к обрыву с севера и склону со скальным выступом с юга, так что устройство боковых дверей вряд ли было возможно.

Согласно глазомерному плану И. В. Широкова [Широков, 1984] и наблюдением, сделанным в ходе археологических разведок, боковые нефы были полностью открыты в нартекс. Ранее высказанное предположение о том, что в восточной стене нартекса должен быть проход в центральный неф и из него два прохода должны были бы вести в боковые нефы, представляется верным [Виноградов, Белецкий, 2015, с. 95].

Вопрос о характере перекрытия базилики неясен. Обнаруженные фрагменты керамид и калиптеров соответствуют образцам строительной керамики, открытым при исследовании храмов на горе Сахарна Головка и Кривон Перон в долине р. Кудепсты (прил., рис. 45, 5) и могут быть датированы в широком хронологическом диапазоне IX–XIV вв. [Армарчук, 2009, с. 82–86, 94, рис. 1, 2, 96, рис. 4; Василенко, 2022, с. 280–283, рис. 1]. Это свидетельствует о одновременности функционирования базилики как литургического сооружения.

Также было найдено несколько фрагментов плинфы. Экстраполированные размеры одной из них 27×32 см при толщине 5,5 см¹ (прил., рис. 45, 6). Эта плинфа наиболее близка размерам плинфы храма у пос. Весёлое [Ёлшин, 2015, с. 336].

Трёхнефная базилика с изолированными нефами, тремя выступающими апсидами и нартексом – одна из трёх известных базилик в Северо-Восточном Причерноморье и одна из двух известных базилик типа *cloisonnée* с выраженной снаружи апсидой².

¹ Авторы приносят благодарность за определение размеров плинфы канд. пед. наук А. С. Кизилу

² По архивным источникам известно о существовании ещё одной базилики близ с. Ермоловка, на правом берегу р. Псоу [Недол, 1974]. Однако, она до настоящего времени не обнаружена, и, скорее всего, уничтожена при строительстве.

По мнению А.Ю. Виноградова и Д.В. Белецкого архитектурным образцом для базилики на горе Ахун, как и для Лесненской I базилики, является некий престижный ранневизантийский образец. Учитывая же тот факт, что Лесненская I базилика, по их же мнению, находилась в момент постройки на территории Зихийской архиепископии, таким образом для обеих базилик могла быть не открыта доныне Никопийская базилика — кафедральный храм этой епархии.

В качестве образца этого кафедрального храма они рассматривают базилику типа *cloisonnée* с выраженной снаружи центральной апсидой, которые появились и в средневизантийской Малой Азии и Греции как результат перестройки колонных базилик, разрушенных в «тёмные века» [Виноградов, Белецкий, 2015, с. 141].

Однако А.В. Виноградов и Д.В. Белецкий отмечают, что немногочисленные базилики этого типа с апсидами в боковых нефках датируются концом IX — началом X вв., и, соответственно, не могут быть образцом для Лесненской I базилики, возведённой в конце VI—VII вв. [Виноградов, Белецкий, 2015, с. 141; Хрушкова, 2018, с. 357].

Возможно, что прототипами базилики на горе Малый Ахун и Лесненской I базилики могли быть различные базилики, не связанные ни хронологически, ни типологически.

Нельзя не отметить, что к предполагаемому времени возведения Ахунского

храма относятся по времени в Северо-Восточном Причерноморье зальных церквей при моугольного наружного плана (храм на горе Сахарна Головка, храм при слинии рек Сочи и Агуа).

По мнению Е.А. Армарчук их по времени связано с распространением в регионе влияния восточнокавказской архитектурной школы, начавшемся в последней четверти X в., в связи с воцарением на абхазском троне Багратидов [Армарчук, 2010, с. 191].

Несомненно, что среди известных памятников этой школы отсутствуют базилики типа *cloisonnée* с выступающими апсидами. Однако нельзя не отметить, что в указанное время в Кахетии базилики с изолированными нефками, т.е. трёхцерковные базилики по терминологии Г.Н. Чубанишвили, продолжают строиться вплоть до X—XI вв. [Чубанишвили, 1956, с. 142]. В это же время в этом же регионе возводятся две базилики с тремя выступающими апсидами — в Бодбе и Санагире [Чубанишвили, 1956, с. 83–86, 123–129].

Возможно, что базилика на горе Малый Ахун является некой комбинацией двух архитектурных планов, воссозданных в едином сооружении за пределами территории со сложившимися архитектурными канонами.

В текущем году авторы планируют продолжение архитектурно-археологических исследований базилики на площади 100 м², которые позволят более детально изучить конструктивные особенности сохранившихся частей сооружения.

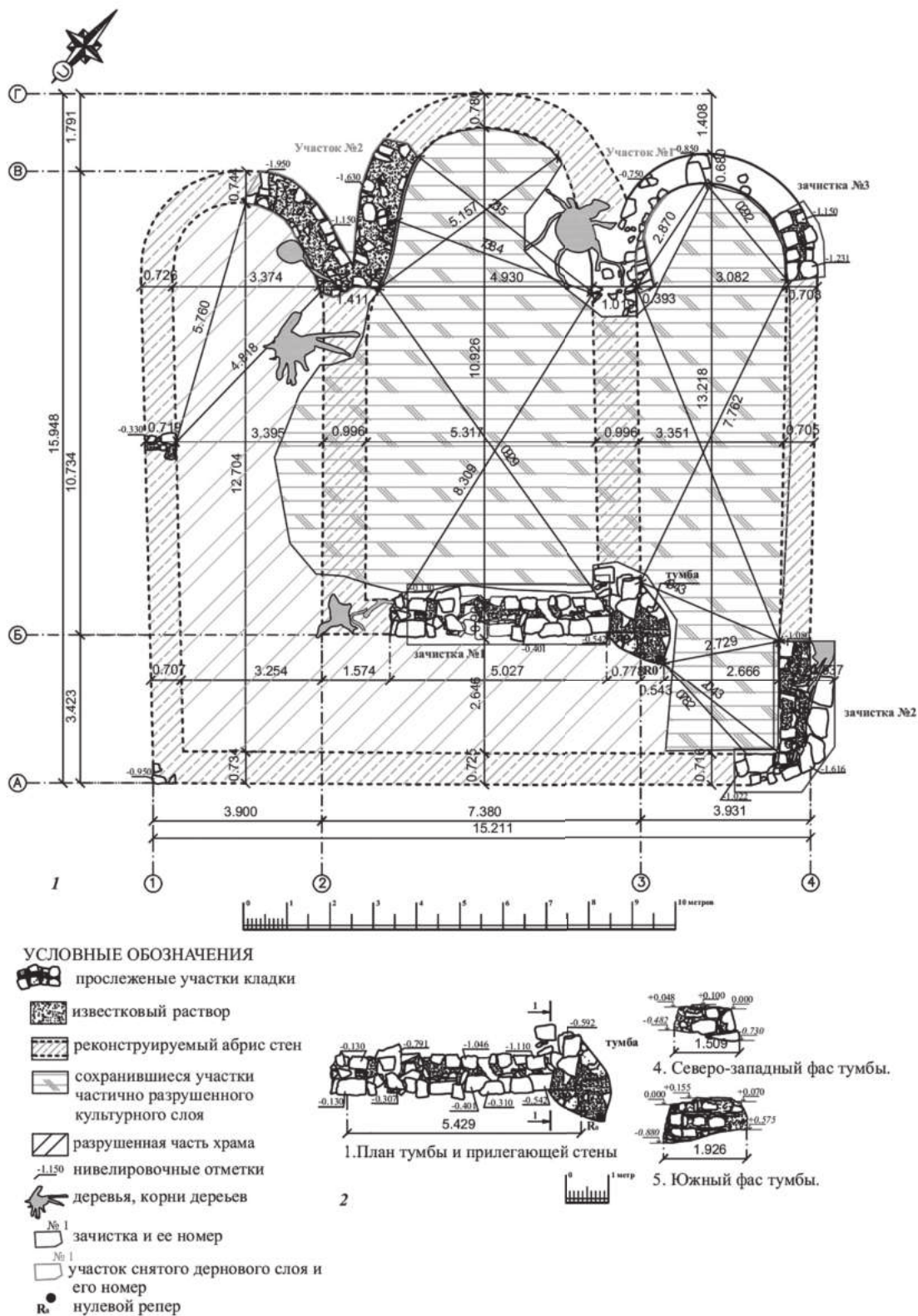

Рис. 1. 1 – план базилики на горе Большой Ахун по результатам разведочных работ 2014, 2020 гг., 2 – «тумба» в нартексе базилики на горе Большой Ахун: план, фасы

Список литературы

- Армарчук Е. А.* Черепица из раскопок средневекового храма на г. Сахарна Головка в окрестностях Адлера // МИАСК. Вып. 10. Армавир, 2009. С. 81–98.
- Армарчук Е. А.* Христианский храм на горе Сахарна Головка под Адлером: планировка и строительные особенности // Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков: материалы международного семинара: 17–21 ноября 2009 года (Труды Государственного Эрмитажа. Т. 53). СПб., 2010. С. 180–195.
- Василиненко Д. Э.* Строительная керамика церкви у родника Кривон Перон (Адлерский район г. Сочи): некоторые аспекты типологии и хронологии // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа М. М. Трапша. М.; Сухум, 2022. С. 280–283.
- Василиненко Д. Э., Хрушкова Л. Г.* Новый памятник раннесредневековой архитектуры Кавказского Причерноморья: базилика близ Адлера // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. 21–25 апреля 2008 года. Тезисы докладов Международной научной конференции. Владикавказ, 2008. С. 81–84.
- Василиненко Д. Э., Верещагин В. В.* Лесенская II базилика: некоторые вопросы истории строительства и хронологии // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 2012. С. 284–286.
- Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В.* Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII–X в. М., 2015. 372 с.
- Дороватовский С.* Сочи и Красная Поляна с окрестностями. Путеводитель. Репр. воспр. изд. 1911 г. Краснодар, 2010. 256 с.
- Воронов Ю. Н.* Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979. 112 с.
- Ёлшин Д. Д.* Кирпич в средневековой церковной архитектуре Абхазии. Прил. // Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII–X в. М., 2015. С. 321–337.
- Недоля И. К.* Отчет по обследованию памятников Средневековья в районе Большого Сочи за 1954–1968 гг. Сочи, 1974 // Архив МИГКС. Д. № 23.
- Стеллецкий И. Я.* ...По забытому Кавказу (Археологические памятники). М.; Л., 1931. 100 с.
- Хрушкова Л. Г.* Восточное Причерноморье в византийскую эпоху. История. Архитектура. Археология. Калининград; М., 2018. 480 с.
- Чубанишвили Г. Н.* Архитектура Кахетии. Исследование развития архитектуры в восточной провинции Грузии в VI–XVIII вв. Тбилиси, 1959. 639 с.
- Широков И. В.* Хостинские храмы и захоронения средних веков. Сочи, 1984 // Архив МИГКС. Д. № 34.

ДЕТАЛИ БРОНЗОВЫХ ЦЕРКОВНЫХ ОСВЕТИТЕЛЬНЫХ ПРИБОРОВ СРЕДНЕВИЗАНТИЙСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

© *Василиненко Дмитрий Эдуардович*
НАО «Наследие Кубани», г. Краснодар,
heritage@bk.ru

© *Верещагин Владислав Викторович*
ООО «Ростовская археологическая экспедиция», г. Ростов-на-Дону,
wereshagin@mail.ru

Аннотация. В статье публикуются сведения о деталях двух осветительных приборов, обнаруженных в церквях средневизантийского времени в Северо-Восточном Причерноморье. По мнению авторов, светильники были импортированы из Крыма. Они являются свидетельством организации византийской каботажной торговли между темами Крыма и Восточного Причерноморья. Авторы полагают, что маршрут был организован в конце X в. и достаточно интенсивно использовался в первой половине XI в. Безопасные перемещения между темами Причерноморья обеспечивала тема Эвксинского Понта.

Ключевые слова: Северо-Восточное Причерноморье, г-к. Сочи, Краснодарский край, Лесненская II базилика, храм в составе храма-крепости у с. Монастырь, церковные светильники, средневизантийское время, византийские темы, каботажное плавание.

Abstract. The article publishes the details of two church candlesticks in the churches of the Middle Byzantine period in the North-Eastern Black Sea region. The authors believe, the lamps were imported from the Crimea. Those church candlesticks testify by the organization of the coastal trade between the Byzantine themes (Byzantine districts) of the Crimea and the Eastern Black Sea region. The authors believe that the route was organized at the end of the 10th century. This route actively used in the first half of the 11th century. The security of coasting trade in the Black Sea region was provided by the theme of Euxine Pontus.

Keywords: North-Eastern Black Sea region, Sochi city, Krasnodar region, Leshnyanskaya II basilica, church near the Monastyr village, church candlesticks, Middle Byzantine period, Byzantine themes (Byzantine districts).

В 2007 и 2011 гг. в ходе разрушений двух средневековых храмов Северо-Восточного Причерноморья были обнаружены детали осветительных приборов.

В слое разрушения Лесненской II базилики, находящейся у с. Лесное, Адлерского района г-к. Сочи (бассейн р. Кудепсты), в примыкании к её алтарной части [Василиненко, Верещагин, 2012, с. 284–286] был найден бронзовый стержень для крепления крупных свечей. Стержень массивный, литой пирамидальный, заостренный, профилированный.

Нижняя часть этого стержня полусферическая, верхняя заострена, в сечении имеет форму квадрата. Эта часть отделена от нижней, полусферическим выступом, обращенным основанием вверх. Между полусферами – шаровидное утолщение, отделенное от них линзовидными выступами. Высота стержня 9,4 см, ширина основания 1,6 см, сечение в средней части стержня 1,1×1,1 см (рис. 1, 2).

Наибольшее сходство со стержнем из Лесненской II базилики демонстрирует стержень из «клада» литургических

предметов церкви св. Тита (Центральный Крит) [Xanthoroulou, 1998, p. 114, fig. 28]. В меньшей степени – находка из церкви позднесредневековой деревни над руинами античного Панактона (Центральная Греция) [Sharon, et al., 2003, p. 185, 186, fig. 42].

В слое разрушенной церкви в составе храма-крепости у с. Монастырь (среднее течение р. Мзымта) [Виноградов, Белецкий, 2015, с. 106–108] была найдена полусферическая литая чашечка с горизонтальным бортиком, орнаментированным concentрической врезной линией по центру. Также орнаментирована придонная часть чашечки. В центре дна чашечки – отверстие. Край отверстия обломаны, первоначальные контуры не определены. Диаметр чашечки 6,4 см, высота 1,5 см (рис. 1, 1).

Сходные полусферические чашечки для сбора стекающего воска были найдены в континентальной и островной Греции, Малой Азии, Крыму. [Айбабин, Хайретдинова, 2022, с. 47, 55–56].

В основном время бытования этих элементов осветительных приборов отнесено к средневизантийскому периоду, к X–XII вв. [Xanthoroulou, 1998, p. 107], либо к XI–XIII вв. [Айбабин, Хайретдинова, 2022, с. 47, 49].

Косвенно эту датировку может подтвердить нахождение подобного стержня в Лесненской II базилике, функционирующей как литургическое сооружение до конца XIII в. [Василиненко, Верещагин, 2012, с. 285] и чашечки для сбора воска из Монастырского храма, время возведения которого отнесено к концу IX – 2-й трети (сердине) X в. [Виноградов, Белецкий, 2015, с. 107, 108].

Нахождение сходных осветительных приборов в церкви села у Панактеона, заселённого не более ста лет с середины XIV в. до начала XV в., может быть объяснено перенесением сюда не только спойл, архитектурной резьбы XII в. из близлежащей церкви [Sharon, et al., 2003, p. 221], но и литургических предметов из этого или иного храма.

Авторы полагают, что известный исторический контекст и накопленные к настоящему времени археологические данные позволяют более точно определить время появления в Северо-Восточное Причерноморье этих осветительных приборов.

Нахождение большей их части в континентальной и островной Греции, Малой Азии позволяет с определённой уверенностью локализовать их производство в этих регионах. В Крыму светильники, по всей вероятности, представляются предметом импорта, либо же, часть их могла быть изготовлена здесь по импортным образцам.

С. П. Карповым была отмечена преимущественная практика морских торговых перемещений из Северного к Южному Черноморью по наиболее короткому пути между Синопом и Балаклавой. Плавание облегчало основное Черноморское течение, направленное с юго-востока на северо-запад. Этот путь известен с античности и широко использовался в средние века [Карпов, 1990, с. 60]. В прибрежной же полосе это течение формирует систему вихревых течений шириной 10–15 км, что делает подходы к берегу небезопасными [Артюхин, 2014, с. 98].

Несомненно, что наилучшим способом, как в античной, так и в средневековой черноморской навигации являлась доставка грузов из Южного Причерноморья в Крым, а оттуда – каботажными перевозками в Восточное Причерноморье.

В последнее время в районе с. Гай-Кадзор г-к. Анапы было обнаружено два клада и отдельные находки монет X–XI вв. как византийских, так и тмутараканских. По мнению А. М. Новичихина, значительное количество монет, найденных здесь, может указывать на существование в этом регионе крупного экономического центра, игравшего важную роль в торговле [Новичихин, 2022, с. 270, 271].

Ранее известный корпус пифосной керамики IX–X вв., происходящей с территории г-к. Анапы [Зажигина, 1996,

с. 117–119] в последнее время значительно пополнился. В 8 км к юго-западу от с. Гай-Кадзор на поселении Варваровка-3 близ г. Анапы был обнаружен комплекс пифосов, полностью состоящий из тары, импортированной, предположительно, с территории Южной Таврики [Василиненко, Жупанин, 2023, с. 54–64].

Концентрации здесь крымских импортов и реэкспортированных, видимо, из Крыма же византийских монет, подкрепляют выводы Ю. А. Артюхова о наибольшем удобстве в Северо-Восточном Причерноморье в средневековье Анапской, Новороссийской и Геленджикской бухт [Артюхин, 2014, с. 91, 92–95].

Далее, в южную сторону по побережью, от бухты Джанхот до устья р. Шахе, по его мнению, в эпоху средневековья, бухт, пригодных для мореплавания и торговли не было [Артюхин, 2014, с. 91, 95, 96]. Действительно, на всем протяжении этого участка берега немногочисленные крымские импорты VIII–IX вв. были найдены только на территории «цитадели» Годликской крепости [Иванова, 1997, с. 54–57].

По мнению Ю. В. Артюхина, в прибрежном регионе от р. Шахе до устья р. Мзымта в раннем средневековье наиболее удобной для корабельных стоянок была неглубокая бухта, возникшая западнее русла р. Мзымта, а в XII–XIV вв. – Хостинская бухта [Артюхин, 2014, с. 97, 98].

Как уже сообщалось ранее, именно здесь, в долине р. Кудепста, устье которой находится между этими бухтами, была возведена многократно перестраиваемая Лесненская II базилика. На определенном этапе своего функционирования в качестве литургического сооружения она была перестроена в двухапсидную церковь [Василиненко, Верещагин, 2012, с. 284–286].

Если в сопредельной Абхазии известна только одна церковь этого архитектурного плана, то на территории Крыма – не менее 19-ти, ряд из которых

датирован средневизантийским временем [Кирилко, 2012, с. 189–223; Хрушкова, 2020, с. 38–82, 107].

Из церкви у с. Монастырь происходит бронзовое кадило палестинского типа, отнесенное Л. Г. Хрушковой к IX–X вв. Нельзя не отметить нахождение подобных кадил в Крыму [Хрушкова, 2011, с. 169–197; 2018, с. 397–400].

В этих же храмах и в храмах, расположенных в Имеретинской бухте, были обнаружены железные клепаные кресты X–XII вв., имеющие достаточно близкие крымские аналогии рубежа IX–X вв. [Армарчук и др., 2012, с. 83, 84, рис. 4. 1; Василенко и др., 2022, с. 58, 62, рис. 1, 1, 2; Майко, 2022, с. 23–24, 26, рис. 1. 1, 3].

Далее к югу небольшое количество фрагментов крымских пифосов и амфор средневизантийского времени было найдено в культурном слое Анакопийской крепости [Трапш, 1961, с. 226, рис. 12; Бгажба 1977, с. 10, 12, 14;].

Говор о крымских импортах в Восточном Причерноморье нельзя не отметить серию пифосов с желобчатой верхней и гладкой нижней частью, украшенных под венчиком крупными кольцевыми налечами в виде медальонов, обнаруженных во дворце Лыхны. По мнению Л. Г. Хрушковой, дворец был построен в период царствования Леона III (957–967 гг.). Положение пифосов соответствовало уровню первоначальной бетонной вымостки. Они были перекрыты слоем пожара, который датирован кладом монет конца 70-х годов XI в. [Хрушкова, 1998, с. 42, 43, рис. 30, с. 79].

Близкие по форме пифосы происходят из Уташского поселения, Таманского городища, Херсонеса, Ялты. Нельзя не отметить, что предлагаемой датировке пифосов этого типа XII–XIII вв. [Якобсон, 1979, с. 114–115, рис. 71. 3; Тесленко, 2015, с. 127, рис. 1. 4; Армарчук, 2017, с. 6, 7, 12, с. 50, рис. 2] противоречит контекст нахождения их во дворце Лыхны. Вероятно, эти пифосы влечут

переходным типом, сочетающим обработку поверхности желобками, характерными для пифосов VIII–X вв. и пифосов с шаровидным туловом последующего хронологического периода.

Перечисленные находки крымских импортов маркируют маршрут каботажной торговли от Крыма до Анакопии, где византийское присутствие эпиграфически отмечено в 929 г. По мнению А. Ю. Виноградова, Севастопольская кафедра была перенесена в Анакопию в 880 г. либо ещё раньше [Виноградов, 2020, с. 145–147].

В 1033 г. вдова царя Георгия I Альда передала крепость Анакопию византийцам. Для удобства управления новыми владениями Анакопия была объединена в одну фему с Сотириополем, что подтверждено сфрагистическими данными. Северную часть страны, включая долину Мзымты, могли на какое-то время занять византийцы. Вероятно, поэтому именно здесь, у нынешнего с. Монастырь, был построен храм, наиболее близкий второму Анакопийскому храму. Около 1075 г. византийцы терют

Анакопию [Белецкий, Виноградов, 2011, с. 82, 83; Виноградов, 2020, с. 145–147].

По всей вероятности, период наиболее интенсивных поступлений импортов из Крыма в долины рек Мзымта, Кудепста, Хоста соответствует по времени предполагаемого вхождения этого региона в состав фемы Анакопии и Сотириополь.

Представляется, что развитию каботажной морской торговли в Восточном Причерноморье могло способствовать создание фемы Евксинского Понта, упомянутой в Эскуриальском тактиконе, составленном в 971–975 гг. [Oikonomides 1972, 358].

Эта фема, в дополнение к основной функции – прикрытию византийской столицы с севера, могла контролировать и морские перемещения между крымскими фемами и Анакопией.

Значительная концентрация средневековых храмов в районах указанных речных долин, разнообразие их архитектурных типов, нахождение большого количества византийских литургических предметов в церквях позволяют рассматривать регион как некий религиозный центр.

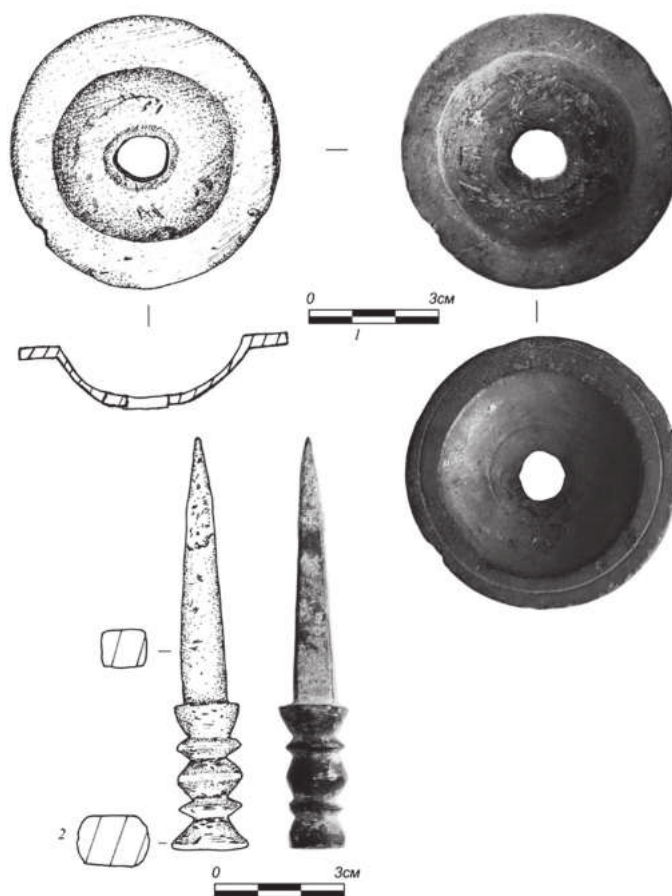

Рис. 1. Детали церковных осветительных приборов средневизантийского времени из Северо-Восточного Причерноморья. 1.1 – чашечка для сбора стекающего воска, храм в составе храма-крепости у с. Монастырь. 1.2 – стержень для крепления крупной свечи, Лесненская базилика. 1.1, 1.2 – бронза

Список литературы

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Византийские осветительные приборы из главной базилики города на плато Эски-Кермен // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 6. С. 46–56.

Армарчук Е. А., Мимоход Р. А., Седов Вл. В. Христианский храм у пос. Веселое: предварительная публикация результатов раскопок 2010 г. // РА. 2012. № 3. С. 78–90.

Армарчук Е. А. Керамика Северо-Восточного Причерноморья XI–XIII веков. М.; СПб., 2017. 95 с.

Артюхин Ю. В. Некоторые черты природных условий средневековой колонизации побережья Чёрного моря // МИАСК. Вып. 14. Краснодар, 2014. С. 89–100.

Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII–XIV вв.). Сухуми, 1977. 80 с.

Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. Храм святого Фёдора // Искусство Абхазского царства VIII–XI веков. Христианские памятники Анакопийской крепости. СПб., 2011. С. 23–86.

Василиненко Д. Э., Верещагин В. В. Лесненская базилика: некоторые вопросы истории строительства и хронологии // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 2012. С. 284–286.

Василиненко Д. Э., Галищева Е. В., Меньшиков М. Ю. Новые находки средневековых железных пластинчатых крестов в Северо-Восточном Причерноморье: исторический контекст их бытования // Лунинские чтения. Выпуск I: Материалы

Всероссийской научно-практической конференции по археологии, локальной истории и музееведению Юга России. Армавир, 2022. С. 57–66.

Василиненко Д. Э., Жупанин О. Ф. Комплекс средневековых пифосов на территории поселения Варваровка-2 // Древности Боспора. Т. 28. 2023. С. 54–64.

Виноградов А. Ю. *Toronymica Pontica. Анакопи* // *Homo omnium horarum: Сборник статей в честь 70-летия А. В. Подосинова*. М., 2020. С. 141–155.

Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII–X в. М., 2015. 372 с.

Зажигина Л. Ю. Средневековые пифосы из собрания Анапского музея // ИАА (Армавирского краеведческого музея). Вып. 2. Армавир, М., 1996. С. 117–119.

Иванова С. Н. О раскопках на «цитадели» крепости в устье реки Годлик // Археологи, архитектура и этнокультурные процессы Северо-Западного Кавказа. Материалы конф., посвященные итогам исследования Лооской археологической экспедиции УрГУ в Лазаревском районе г. Сочи. Екатеринбург, С. 54–58.

Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990. 336 с.

Кирилко В. П. Двухапсидные храмы Таврики // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный 1800-летию города Судак. Археологический альманах, № 28. Донецк, 2012. С. 189–223.

Майко В. В. Византийские железные процессионные кресты восточной Таврики // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 6. С. 21–29.

Новичихин А. М. Находка монеты Византийского Херсона на Северо-Западном Кавказе // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Сборник научных статей. Вып. 15. Ставрополь, 2022. С. 269–272.

Тесленко И. Б. Пифосы из археологических комплексов Таврики XIV–XV вв. // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Кишинев, 2015. С. 125–162.

Трапш М. М. Археологические раскопки в Анакопии в 1957–1958 гг. // Византийский временник. Т. XIX (44). 1961. С. 260–282.

Хрушкова Л. Г. Лыхны: Средневековый дворцовый комплекс в Абхазии. М., 1998. 112 с.

Хрушкова Л. Г. Несколько предметов византийской эпохи из Исторического музея г. Сочи Краснодарского края // Причерноморье в Средние века. Вып. VIII. М.; СПб., 2011. С. 169–197.

Хрушкова Л. Г. Раннехристианская двойная церковь в Пицунде в Абхазии. Москва – Сухум, 2020. 216 с.

Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье в византийскую эпоху. История. Архитектура. Археологи. Калининград; М., 2018. 480 с.

Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство Средневековой Таврики. Л., 164 с.

Sharon E. J. G., Munn M., Grossman H. E., Barnes E., Rohn A. H., Kiel M. A Late Medieval Settlement at Panakton // *Hesperia*. Vol. 72, No. 2, April–June, 2003. Pp. 147–234.

Oikonomidès N. (Eds.) Les Listes préséance Byzantines des IXe et Xe siècles. Introduction, texte, traduction et commentaire. (Le Monde Byzantin). Paris, 1972. 403 p.

Xanthopoulou M. Le mobilier ecclésiastique métallique de la basilique de Saint-Tite à Gortyne (Crète central). Cahiers archéologiques, 1998, Non. 46. Pp. 103–119.

3D РЕКОНСТРУКЦИИ ВНЕШНЕГО ВИДА ПОЗДНЕАНТИЧНЫХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ХРАМОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ КОЛХИДЫ¹

© Глазов Константин Анатольевич

Федеральный исследовательский центр «Субтропический научный центр
Российской академии наук», г. Сочи, paradoxsochi@yandex.ru

© Юрков Владлен Глебович

Институт археологии Российской академии наук, г. Москва,
vladlen.yurkov.v@mail.ru

© Аборнев Иван Владимирович

Институт археологии РАН, г. Москва, ivan_abornev@mail.ru

Аннотация. В работе представлены результаты комплексной 3D реконструкции христианских памятников Северо-Западной Колхиды на примере храмового комплекса римской крепости Питиунт, а также средневековой зальной церкви Овощной-1, располагавшейся на территории Адлерского района Большого Сочи. Согласно разработанной методике, реконструкция включает подробное исследование геометрии сохранившихся фундаментов и стен, остатков строительных конструкций и материалов, данных археологических исследований и анализа архитектурных особенностей синхронных памятников.

Процесс реконструкции объединяет технологии фотограмметрии, проектирования и 3D моделирования. Это позволяет визуализировать внешний вид памятников с максимально возможной достоверностью. Результаты этой работы существенно дополняют уже имеющийся в науке материал и позволяют широко использовать их в музейной, образовательной, просветительской и экскурсионной деятельности.

Ключевые слова: 3D реконструкция, фотограмметрия, Северо-Западная Колхида, Питиунт, позднеантичные и средневековые храмы

Abstract. The paper presents the results of a comprehensive 3D reconstruction of the temple monuments of Northwestern Colchis on the example of the temple complex of the Roman fortress of Pitiunt, as well as the medieval temple Ovoschnoy-1, located on the territory of the Adler district of Greater Sochi. According to the developed methodology, the reconstruction includes a detailed study of the geometry of the preserved foundations and walls, remnants of building structures and materials, archaeological research data and analysis of architectural features of synchronous monuments.

The reconstruction process combines photogrammetry, design and 3D modeling technologies. This allows you to visualize their appearance with the maximum possible reliability. The results of this work significantly complement the material already available in science and allow them to be widely used in museum, educational, educational and excursion activities.

Keywords: 3D reconstruction, photogrammetry, Northwestern Colchis, Pitiunt, late Antique and medieval temples.

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 22-18-00466 «Северо-Восточное Причерноморье в античное и средневековое время: историческое моделирование на основе ГИС-технологий, геоархеологии и археометрии».

Северо-Западна Колхида [Требелева и др., 2022, с. 484] имеет богатую историю. Попад в зону интересов Рима, а позднее Византии, она оказалась в эпицентре важных исторических процессов, происходивших на территории империи, одним из которых было распространение христианства. Первые христианские храмы в Колхиде появились на территории римских крепостей в IV в. Последующее массовое храмовое строительство можно разделить на две волны: VI–VII вв. – принятие христианства в Абхазии, и VIII–XII вв. – образование Абхазского царства.

На территории равнинной части Абхазии нам известно 126 позднеантичных и средневековых христианских храмов [Сакания, Требелева, 2019], на территории Большого Сочи располагалось не менее 28 храмов, 12 из которых сохранились на сегодняшний день [Кизиллов и др., 2019, с. 162–169]. Из них в целом виде до нашего времени дошли лишь единицы. Остальные сооружения представляют собой руины стен или остатки фундаментов. Первоначальный внешний вид этих памятников безвозвратно утрачен, и представить его сложно даже специалисту по храмовой архитектуре Кавказа, не говоря уже о простых обывателях, туристах или школьниках. Поэтому комплексная 3D реконструкция и визуализация этих памятников имеет большое значение для развития образовательной, просветительской и туристической деятельности и является важным элементом в целостном восприятии истории и культуры региона.

Храмы, расположенные на территории Северо-Западной Колхиды, возводились в разные периоды, и относятся к разным архитектурным типам, их конструкция формировалась под влиянием разных архитектурных школ.

Визуализация первоначального вида этих храмов с целью показа многообразия конструкций и эволюции церковной архитектуры представляет собой большой научный и образовательный интерес.

Маркульской экспедицией работы в этом направлении ведутся с 2018 г. За прошедшее время сформировалась методика создания комплексной трёхмерной реконструкции первоначального вида памятников церковного зодчества, включающая в себя следующие этапы:

1. Уточнение плана фундамента, сохранившихся фрагментов конструкции, строительных материалов, деталей и пр. Такая работа проводится с помощью фотограмметрии посредством обычной цифровой камеры и штатива, либо с применением БПЛА. По построенной фотограмметрической 3D модели строятся первичные планы, проекции и разрезы реконструируемого храма.

2. Изучение материалов раскопок, подъёмного материала с целью уточнения недостающих размеров, особенностей конструкции, вариантов исполнения некоторых элементов.

3. Литературный поиск архитектурных аналогов моделируемого храма, выделение в них определенной архитектурной школы с целью выявления в ней пропорций для вычисления предполагаемых вертикальных размеров.

4. Построение чертежей, проекций и разрезов на основе полученных данных, прорисовка вариантов исполнения несохранившихся элементов на основе найденных синхронных аналогов.

5. Построение 3D модели храма по полученным чертежам, проверка и корректировка силовой схемы здания с учетом вариаций пропорций, детальное моделирование дверных и световых проемов, декоративных элементов с учетом аналогов и принятых в то время строительных традиций.

6. Подбор текстуры стен с учетом археологических данных о строительных материалах, наличии или отсутствии штукатурки, кирпичной, каменной или комбинированной кладки *opus mixtum*, моделирование покрытия кровли в зависимости от наличия или отсутствия в археологическом материале черепицы и пр.

7. Подбор фона, освещени и окончательна визуализаци объекта.

Технически это делается в программах Agisoft Metashape, Autodesk AutoCAD, Autodesk 3DsMax, Adobe Photoshop и др.

Следует отметить, что описанна методика комплексной трёхмерной реконструкции вынуждает проводить более подробные и детальные исследования, которые позволяют получить глубокие и важные выводы об особенностях объекта.

Работу по теме было решено начать с самого раннего из известных на сегодняшний день храмовых комплексов Северо-Западной Колхиды, расположенного на территории римской крепости Питиунт.

Питиунтский храмовый комплекс представляет собой остатки четырёх храмов на уровне фундаментов. Скрупулезный анализ различных вариантов имеющихся планов и описаний этих памятников выявил ряд погрешностей и разночтений в имеющихся источниках [Леквинадзе, 1970, с. 175, рис. 1; Великий Питиунт, Т. 3, 1978, рис. 6, 7А, 7В; Хрушкова, 2002, с. 67–91, рис. 3–6, 10–12].

Масштабирование и совмещение чертежей фундаментов дало разные размеры, не согласовывающиеся между собой и имеющимися описаниями.

Поэтому геометрия комплекса была заново уточнена с помощью проведения аэрофотосъемки с БПЛА, построения фотограмметрической модели, ортофотоплана и ЦММ согласно отработанному алгоритму для памятников подобного класса [Trebeleva et al., 2022].

Проделанна работа позволила определить ряд особенностей геометрии сооружений и уточнить их размеры.

Полученные фотограмметрическая модель, ЦММ сохранивших фундаментов храмов №1–3 и ортофотоплан выявили заметную параллелограммность в 3–4°. Она не была отражена ни на одном из первичных планов, составленных Бичвинтской экспедицией, где все они оказались вписаны в прямоугольный абрис.

Храм №4 смещён к западу от храмов №1–3 и свободен от их геометрии. Большинство его углов близко к произвольным. Следует отметить, что параллелограммность планов – не редкость для архитектуры Византии. Многие авторы отмечают эти черты у храмов Херсонеса, Греции и Малой Азии [Underwood, 1948, pp. 64–74; Завадска, 2019, с. 140]. Например, Й. Цаффрир считает практику отклонения от точной планировки характерной для византийского периода и называет это «комфортным беспорядком» (comfortable disorder) [Tsafirir, 1990, p. 538].

Важным фактором является обоснование выбора тех или иных вертикальных размеров в конструкции храмов.

Процесс проектирования при строительстве церквей развивался с течением времени, а мастера-строители часто полагались на предыдущий опыт и знания.

Отсутствие текстовых источников о знаниях зодчих того времени и другой достоверной документации побуждает исследователей искать корни применения определённой геометрии в архитектурных сооружениях, уходившие далеко в античный мир и геометрические изыскания Пифагора, Платона или Витрувиуса, которыми обзаны первыми геометрическими правилами пропорций, применёнными при строительстве пространственных сооружений [Suppes, 1991].

Поскольку первые геометры были в основном философами, их общие знания повлияли на инструкции по практическому внедрению пропорций в архитектуру, когда они пытались заложить в пропорции храмов магию цифр, подобрать идеальные соотношения ширины, высоты и длины. Это было обусловлено не только конструктивным замыслом, но в большей степени стремлением к гармонии. Поэтому правила, придуманные ещё в ранней античности, активно применялись и в римской архитектуре, а позднее и в христианском храмовом зодчестве.

Храм №1 представляет собой самую простую форму из известных христианских культовых построек: зальное

однефное сооружение с полукруглой апсидой с восточной стороны. Размеры храма, полученные при помощи фотограмметрии, следующие: длина памятника по оси восток-запад 26,1 м; ширина храма поперёк оси 11,4 м; ширина западного фасада 11,6 м; длина южной стены 21,6 м; северной 20,9 м. Заметна параллелограммность плана читается между южной и западной стенами (около 4°). Наличие каменного свода исключает толщина стен в 0,7 м. Большой вопрос вызывает, каким образом реализовывалась устойчивость и прочность продольных стен при их длине 20 м, высоте 10 м и толщине всего 0,7 м. К сожалению, имеющегося археологического материала недостаточно для того, чтобы предложить убедительный вариант его решения. Поэтому мы считаем, что для полноценной реконструкции интерьера и силовой схемы храма №1 не хватает данных, речь может идти только о предположительном внешнем виде на основе контуров зафиксированного фундамента и возможных вертикальных размерах (прил., рис. 46, 1).

Храм №2 представлял собой трёхнефную базилику, нефы которой были разделены ордерами мраморных колонн, с п тигранной апсидой неправильной формы, охватывающей все три нефа, причем гранёна она как снаружи, так и изнутри. Фотограмметрия даёт следующие размеры: длина по центральной оси восток-запад 29,1 м; общая длина (ввиду несимметричности апсиды и параллелограммности плана) 29,4 м; ширина поперёк центральной оси 13,9 м; ширина храма вдоль западной стены 14,1 м. Так же, как и храм №1, постройка имеет параллелограммность плана около 4°. Длина наоса вместе с апсидой по центральной оси составляет 22,1 м, из которых 9,0 м приходится на апсиду и 13,1 м на наос.

При работе над этой базиликой возникли серьёзные вопросы при реконструкции апсидной части, так как подобных аналогов по геометрии и размерам

пока не известно. Её длина составляет почти треть всей длины храма, при этом археологические раскопки не выявили дополнительных опор перекрытия апсиды, что предполагает сложную конструкцию несимметричной кровли. Было рассмотрено несколько вариантов перекрытия апсиды. Оптимальным и логичным представляется перекрытие апсиды с помощью балок длиной около 10 м, с устройством дополнительных подкосов, опирающихся на внешние стены (прил., рис. 46, 2). Центральный неф перекрывался с помощью деревянных ферм, на которые опиралась черепичная кровля.

Проведённая работа по моделированию силовой конструкции стен, опор, ферм кровли была дополнена реконструкцией внешнего вида напольной мозаики (прил., рис. 47), что существенно оживило интерьер, придало ему реалистичность и подчеркнуло богатое убранство этого неординарного памятника [Glazov et al., 2023].

Хот внешне вид храма №2 выглядит странно, его геометрия определена археологически подтверждёнными факторами: формой фундамента, точками опор колонн и продольным делением здания на апсиду, наос и нартекс.

Храм №2 был уничтожен пожаром, а на его фундаменте была построена базилика №3. Северная, западная и южная стена остались практически на прежнем месте, изменены коснулись в основном апсиды и нартекса. Новая тигранная апсида была вписана в ширину центрального нефа, а нартекс стал короче.

Внешний вид храма №3 соответствовал базилике эллинистического образца. Фотограмметрия даёт следующие размеры: общая длина по центральной оси восток-запад 28,9 м. Ширина поперёк оси 14,5 м, ширина западного фасада составляет 14,6 м. Апсида выступает за границы восточной стены на 4,7 м. Параллелограммность плана аналогична храмам №1 и 2 и составляет около 4°. Толщина стен храма колеблется в пределах 0,9–1,0 м.

В целом, храм №3, датируемый, V в., вл етс образцом уже сложившейся христианской храмовой архитектуры и находит множество аналогий на территории Византийской империи.

Анализ толщины стен апсиды и величины её пролёта показывает, что она могла быть перекрыта конхой, остальные же кровл нефов и нартекса представляла собой стропильную конструкцию (прил., рис. 46, 3).

Храм №4 представлял собой однонефную базилику с нартексом, с трёхгранной выступающей апсидой и подковообразной формой алтар (прил., рис. 46, 4). Церковь была смещена к западу так, что её апсида занимала место нартекса храма №3.

Характерна черта этого храма, которая существенно отличает его от предыдущих – две пары сильно выступающих пил стр у продольных стен. На пил стры, предположительно, опирались арки, которые образовывали у продольных стен сводчатые ниши. Аналоги этому храму мы находим в разных странах христианского Востока V–VI вв.

Размеры храма, полученные при помощи фотограмметрии, следующие: общая длина по оси восток-запад 24,0 м; ширина поперёк оси 11,0 м. Апсида выступает за границы восточной стены на 3,9 м. Параллелограммность плана в западной части составляет 1°, в восточной 3°, что обусловлено примыканием к стенам храма №3. Толщина стен храма: 0,9–1,0 м. Длина центрального нефа 10,9 м, ширина 9,0 м. Вылет пил стр 1,9 м, толщина 0,7–1,0 м. Внешние размеры нартекса 11,0×6,6 м. При определении вертикальных пропорций храма в качестве аналога была принята частично сохранившаяся с однефная церковь-цитадель в Ани. Толщина стен допускает наличие свода.

Проведённая работа позволила на основании анализа археологического материала, исторических и архитектурных параллелей, а также силовой проработ-

ки конструкций стен и кровли получить предполагаемые интерьеры и экстерьеры памятников, визуализацию их внешнего вида, вписанного в выполненную ранее 3D модель римской крепости Птиунт [Trebeleva et al., 2021].

Большой интерес представляет также реконструкция внешнего вида утраченных храмов приморской зоны Адлерского района Большого Сочи, так как этот район вл етс в древности неотъемлемой частью Северо-Западной Колхиды. В настоящее время известно о трёх храмах, находившихся в этом районе: храм «Южные культуры», храм совхоза Овощной-1 и храм «Весёлое», из которых сохранился только последний [Кизилев и др., 2019].

В качестве объекта реконструкции был выбран храм Овощной-1, расположенный в низменности междуречья Мзымта – Псоу, ближе к реке Псоу и в 1,5–2 км от современного берега моря, подробно описанный краеведом И. К. Недолем и археологами Л. Н. Соловьёвым и Н. В. Анфимовым [Недол , 1969; Анфимов 1956]. Исследователями были даны описания, обмеры, чертежи плана и анализ строительных материалов, которые легли в основу нашей работы.

На момент обследования памятника от него частично сохранился лишь фундамент. Кладка фундамента выполнена на известковом растворе с добавлением морского песка. Материал для кладки – песчаниковые плиты, куски известняка, тонкий, четырёхугольный кирпич хорошего обжига и крупные булыжники. Среди строительных остатков был обнаружен датирующий материал, в виде кирпича и черепиц, что позволило датировать храм IX–X вв.

Основываясь на приведённой информации, применённых в то время пропорций на синхронных памятниках, нами были сделаны необходимые первичные чертежи и проекции, на основе которых произведена трёхмерная реконструкция внешнего вида памятника (прил., рис. 46, 5).

Проводима работа по комплексной 3D реконструкции храмовых памятников региона с учётом всей доступной информации, включающей геометрию сохранившихся фундаментов и стен, остатков строительных конструкций и материалов, данных археологических исследований и анализа архитектурных особенностей синхронных памят-

ников позволяет визуализировать их внешний вид с максимально возможной достоверностью.

Результаты этой работы существенно дополняют имеющиеся уже в науке данные и позволяют широко использовать их в музейной, образовательной, просветительской и экскурсионной деятельности.

Список литературы

Анфимов Н. В. Отчёт о работе Черноморской археологической экспедиции. Материалы о работе Сочинского отряда. ЛЛ. 29–43. Краснодар, 1956 г. // Архив МИГКС, учётная карточка Ф. 1. №1385.

Великий Питиунт: Археологические раскопки в Пицунде. В 3-х томах. Т. 3. Тбилиси, 1978. 276 с.

Завадская И. А. Числовые пропорции ранневизантийских базилик Херсонеса. МАИЭТ. Вып. XXIV. Симферополь, 2019. С. 135–159.

Кизиллов А. С., Кудин М. И., Глазов К. А., Марков Д. Н. Неучтённые и вновь выявленные средневековые храмы Большого Сочи. // IX «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Краснодар, 2019. С. 162–169.

Леквинадзе В. А. О древнейшей базилике Питиунта и ее мозаиках // ВДИ, 1970. № 2. С. 174–193.

Недоля И. К. Отчёт по обследованию памятников средневековья в районе Большого Сочи за 1954–1968 года. Сочи, 1969 // Архив МИГКС, учётная карточка ХХVa, 404.

Саканиа С. М., Требелева Г. В. Позднеантичные и средневековые христианские храмы Северо-Восточного Причерноморья. Каталог. Т. 1. Западна Абхазия (Гагрский, Гудаутский, Сухумский районы). Магнитогорск, 2019. 201 с.

Требелева Г. В., Глазов К. А., Юрков В. Г., Кизиллов А. С. Археологическая ГИС Северо-Западной Колхиды: инструмент для сохранения и исследования объектов историко-культурного наследия // ИнтерКарто. ИнтерГИС. Геоинформационное обеспечение устойчивого развития территорий: Материалы Международной конф. 2022. Т. 28. Ч. 2. М., С. 484–488. [Электронный ресурс] // URL: <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2022-2-28-484-498> (дата обращения : 25.07.2023).

Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). М., 2002. 500 с.

Glazov K., Trebeleva G., Abornev I., Kizilov A., Yurkov V., Yurkov G. Reconstruction and Visualization of the Mosaic Floor of the Temple of Pitiunt Hillfort. // Applied Sciences, 2023, 13 (10), 6210. [Электронный ресурс] // URL: <https://doi.org/10.3390/app13106210> (дата обращения : 25.07.2023).

Suppes P. Rules of Proportion in Architecture // Midwest Studies in Philosophy. Vol. XVI. 1991. Pp. 352–358.

Trebeleva G., Glazov K., Kizilov A., Kizilova A., Yurkov V., Yurkov G. Advanced Technologies in Digitizing the Cultural Heritage of Northwestern Colchis: Experience of Markul Expedition. // Applied Sciences, 2022, 12(4), 2052. [Электронный ресурс] // URL: <https://doi.org/10.3390/app12042052> (дата обращения : 25.07.2023).

Trebeleva G., Glazov K., Kizilov A., Sakania S., Yurkov V., Yurkov G. Roman Fortress Pitiunt: 3D-Reconstruction of the Monument Based on the Materials of Archaeological Research and Geological Paleoreconstructions. // *Applied Sciences*, 2021 11 (11), 4814. [Электронный ресурс] // URL: <https://doi.org/10.3390/app11114814> (дата обращения : 25.07.2023).

Tsafir . On the Pre-Planning of Ancient Churches and Synagogues. A Test Case: The Northern Church at Rehovot in the Negev // *Bottini G. C., Di Segni L., Alliata E.* (Eds.), *Christian Archaeology in the Holy Land. New Discoveries.* Jerusalem, 1990. Pp. 535–544.

Underwood P. A. Some Principles of Measure in the Architecture of the Period of Justinian // *Cahiers Archéologiques*, 1948. Vol. III. Pp. 64–74.

КУПОЛ ХРАМА У РОДНИКА КРИОН НЕРОН– ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ РАЗМЕРЫ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ МАТЕМАТИЧЕСКИХ РАСЧЁТОВ¹

© Кизилов Андрей Сергеевич

Федеральный исследовательский центр

«Субтропический научный центр Российской академии наук»,

г. Сочи, kiziloff2014@mail.ru

Аннотация. Раскопки средневекового храма у родника Крион Нерон были проведены в 2007 г. под руководством археолога Д. Э. Василенко. Проведённые обмеры и макросъёмка среза черепиц-керамид, хранящихся в музее истории города-курорта Сочи, показали, что угол обреза керамид, сделанный по сырому глиняному тесту на всех черепицах, составляет $35\text{--}36^\circ$. Данное обстоятельство показывает, что черепица изготавливалась с целевым заданием применения на конкретном участке кровли церкви. После анализа точного плана фундамента храма и сопоставления её с описанными в литературе аналогами, стало возможным провести интерпретацию и математический расчёт гипотетического варианта кровли средневекового сооружения. Благодаря информации о геометрии сохранившихся архитектурных элементов, полученной по результатам камеральной обработки и тригонометрических расчётов, в распоряжении исследователей оказались новые научные данные о конструктивных особенностях кровли храма.

Ключевые слова: храм у родника Крион Нерон, керамиды, геометрия кровли, христианская архитектура.

Abstract. Excavations of a medieval temple near the spring of Crion Neron were carried out under the guidance of archaeologist D. E. Vasilenko in 2007. The measurements and macro photography of the cut of ceramic tiles stored in the museum of the history of the resort city of Sochi showed that the angle of cutting of ceramic made according to raw clay dough on all tiles is $35\text{--}36^\circ$. This circumstance shows that the tile was made with the target task of using it on a specific section of the roof of the church. After analyzing the exact plan of the foundation of the temple and comparing it with analogues described in the literature, it became possible to interpret and mathematically calculate the hypothetical version of the roof of a medieval structure. The information obtained about the geometry of the preserved architectural elements, based on the results of office processing and trigonometric calculations, made it possible to obtain new scientific data on the design features of the temple roof.

Keywords: church near the spring of Crion Neron, ceramics, roof geometry, Christian architecture.

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ ШЦ РАН FGRW-2021-0014, № государственной регистрации 122032300400-5

Храм у родника Крион Нерон, расположенный на правом берегу среднего течения реки Псахо, на склоне хребта, обращённого к долине реки, в 1,8 км к северо-востоку от села Лесное Адлерского района города Сочи, находится на землях Сочинского национального парка. Средневековый храм у родника Крион Нерон представляет собой небольшую «зальную» базилику с одним нефом и полукруглой апсидой, ориентированную на северо-восток. Архитектурно храм можно отнести к крестовидным церквям – внутреннее пространство в плане имеет равноконечный крест [Курлик и др., 2007, Л-1]. Церкви, планы которых демонстрируют композицию «*croix libre*» – «чистый» или «свободный крест» по-прежнему в христианской архитектуре как в Европе, так и в Малой Азии, в IV в. н.э. [Хрушкова, 2005, с. 397–400].

Подобные памятники были особенно распространены в Малой Азии, в Каппадокии и Ликаонии, Закавказье и в Крыму. Ко 2-й пол. VI в. – нач. VII в. отнесено строительство церкви № 7 в Питиунте – единственно известной в Северо-Восточном Причерноморье крестовидной церкви [Хрушкова, 2002, с. 104]. У церкви № 7 в Питиунте, судя по всему, центральная часть здания была увенчана куполом. Однако археологические материалы для интерпретации и возможной реконструкции купола отсутствуют.

Рассматривая византийское влияние на конструкцию покрытого барабана купольных церквей на территории фемы Месопотамии, этот факт можно отметить сразу у нескольких купольных церквей [Виноградов, 2023, с. 270]. В книге А. Ю. Виноградова отмечено, что «в Тиле известны сразу две церкви: триконх и *croix libre* (968 г.), обе с арками, сводом и куполом» и приведена визуализация восьмигранного купола одного из храмов [Виноградов, 2023, с. 271].

Храмы с подобной конструкцией купола были построены в средневековье

и во многих других местах Малой Азии и Закавказья, однако задачей данной статьи является не их перечисление и анализ, а геометрическое определение возможных габаритов кровли храма у родника Крион Нерон.

Базилика у родника Крион Нерон была выявлена Л. Н. и Л. Л. Ситниковыми в 1970 г. [Ситников, Ситникова, 1970], раскопки храма проведены археологом Д. Э. Василенко в 2007 г. [Курлик и др., 2007]. Храм в настоящее время подвержен значительным геолого-тектоническим разрушениям. Геолого-тектонические разрушения храма были усугублены антропогенным воздействием, выявлено значительное количество погребений внутри церкви и за её пределами.

В музее истории города-курорта Сочи хранятся три фрагмента черепиц керамид, сданные на хранение после окончания раскопок 2007 г. Проведённые обмеры и макросъёмка среза черепиц показали, что угол обреза керамид, сделанный по сырому глиняному тесту, на всех черепицах составляет 35–36°. То есть, черепица изготавливалась буквально по месту, непосредственно с целевым заданием применения на конкретном участке кровли храма.

Таким образом, имея угол отреза керамид, стало возможным произвести математические расчёты с целью выявления точного участка кровли храма, на котором они располагались, и определить его геометрические габариты. Согласно предшествующим расчётам и обмерам, мы имеем размеры граней барабана купола, по аналогам храмов схожей конструкции, и габариты граней апсиды.

При плоском варианте купола у каждого составяющего его сегмента-треугольника (а их должно было быть восемь), угол в верхней части должен составлять 45°. Эти цифры получаются при делении 360° на восемь частей. Однако, при рассмотрении технологии сводения укладки черепицы на куполе, становится очевидно, что суммарно этот

угол определ етс сложением углов подрезки керамид с правой и левой сторон сегмента (прил., рис. 48, 1).

Суммиру углы подрезки керамид с правой и левой сторон предполагаемого сегмента купола, получаем $35^\circ + 35^\circ = 70^\circ$. Что показывает невозможность примениени найденных фрагментов черепицы дл перекрыти купола храма.

Это обсто тельство можно перепроверить и тригонометрическим способом. Сторона восьмигранника барабана и, следовательно, основание треугольного сегмента купола имеет расчётный размер 1,91 м согласно реальным замерам фундамента и архитектурным пропорци м на аналогах.

Произвед разметку основани купола и вз в за расчётный гипотетический треугольник один из восьми сегментов купола, (прил., рис. 48, 2) решаем тригонометрическую задачу методом расчёта по определению дл острых углов.

В геометрии тригонометрические функции острого угла определ ютс отношени ми сторон пр моугольного треугольника. Разбив сегмент на два симметричных пр моугольных треугольника, используем дл расчёта треугольник OAB (прил., рис. 48, 3).

В нашем случае мы имеем пр моугольный треугольник (угол пр мой), с острым углом и гипотенузой. Тогда:

$$\sin \alpha = \frac{AB}{OB}$$

Наши керамиды имеют острый угол подрезки 35° , тогда – $\sin(35^\circ) = 0.573576$.

Тогда AB – половина длинны грани восьмигранника барабана. $1,91/2 = 0,955$ следовательно, $OB = AB/\sin(35^\circ) = 0,955/0.573576 = 1,664$.

Проводим расчёт отрезка OA по теореме Пифагора. От квадрата гипотенузы отнимаем квадрат известного катета. $(1,664 \times 1,664) - (0,955 \times 0,955) = 1,859$ и, извлека корень, получаем – 1,363.

Фактические же замеры на объекте показывают, что рассто ние между су-

противными гран ми барабана составил ет 4,60 м, следовательно, расчётной высоты сегмента недостаточно даже дл горизонтальной половины размеров барабана $4,60/2 = 2,30$ м. А это означает, что обнаруженные при раскопках остроугольные керамиды были изготовлены не дл купола храма.

Провед замеры апсиды храма, можно условно разбить её горизонтальное сечение на условные сегменты основани половины конуса кровли, где только примыкающие к фасадной стене треугольные сегменты имеют подход щие дл возможного примениени керамид с углом подрезки 35° конфигурации (прил., рис. 49, 1).

Поскольку керамиды укладывались на кровлю под углом 90° относительно основани треугольника сегмента, единственным возможным участком дл их примениени с учётом угла подрезки 35° вл етс стык основани сегментов кровли апсиды, где на горизонтальной плоскости основани сегмента угол AOB прилежащей гипотенузы к основанию треугольника равен 40° .

Далее можно провести математические расчёты по тому же тригонометрическому принципу. Где основание треугольника также AB на чертеже граней апсиды, но угол $AO1B = 35^\circ$, то есть средний угол фактической подрезки найденных керамид (прил., рис. 49, 2).

По фактическим замерам рассто ние $AB = 1,44$ м.

Тогда $O1B = AB/\sin(35^\circ) = 1,44/0.573576 = 2,51$ м.

Соответственно – $OB = AB/\sin(40^\circ) = 1,44/0.642788 = 2,24$ м.

Получаем сечение кровли в плоскости O1BO, где угол O1OB имеет 90° .

Далее решаем задачу с пр моугольным треугольником O1OB, где O1B гипотенуза, а OB катет.

От квадрата гипотенузы O1B отнимаем квадрат известного катета OB.

$(2,51 \times 2,51) - (2,24 \times 2,24) = 1,2825$ и, извлека корень, получаем – 1,132 м.

Таким образом, OO1 – это высота полукупола апсиды = 1,132 м.

Безусловно, что полученный результат имеет определённые погрешности, что обусловлено скудностью имеющихся артефактов и относительной точностью замеров обрушенных стен.

Резюмируя результаты исследования, хотелось бы отметить следующее – после рекультивации участка проведения раскопок черепичный бой оказался не на дневной поверхности грунта. На данный момент на территории, прилегающей к храму, черепица не наблюдается. Между тем, в случае применения междисци-

плинарных методов исследования даже обломки строительной керамики могут дать важную научную информацию. Не исключено, что при дальнейших исследованиях храма у родника Кривонерон будут получены дополнительные данные о черепице, покрывавшей храм, что позволит более точно определить параметры и геометрию его кровли. Высота купола на данный момент пока остаётся неизвестной, в то время как о габаритах кровли апсиды можно говорить вполне определённо².

Список литературы

- Виноградов А. Ю.* Очерки архитектуры Византии и Кавказа. М., 2023. 488 с.
- Курлик В. Н., Талалай М. В., Василенко Д. Э., Шимко А. В.* Научно-проектная документация. Комплекс памятников средневековья в бассейне реки Мзымты «Средневековый Храм у родника Кривонерон (Холодная вода)» Краснодарский край, г. Сочи, Адлерский район, с. Лесное. 2007 г. Том II. Натурные исследования. Книга 1 Архитектурные и конструктивные исследования, обмерные чертежи. Лист 1.
- Ситников Л. Л., Ситникова Л. Н.* Отчёт о результатах археологических разведок в окрестностях города Сочи в 1970 г. // Архив ИА РАН, Р-1, д. 4203.
- Хрушкова Л. Г.* Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). М., 2002. 500 с.
- Хрушкова Л. Г.* О начале христианского Херсонеса Таврического: крестовидная церковь на главном кладбище // Сугдейский сборник. Вып. II. Киев; Судак, 2005. С 393–420.

² Благодарю за предоставленные результаты фотограмметрии и предварительной 3D-реконструкции храма Глазова К. А. и Аборнева И. В.

ИССЛЕДОВАНИЯ ФОРМОВОЧНЫХ МАСС ПЛИНФЫ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ВОСТОЧНОЙ АБХАЗИИ¹

© Клемешова Марина Евгеньевна

Институт археологии РАН, г. Москва, marinaklem@mail.ru;

© Требелева Галина Викторовна

Институт археологии РАН, г. Москва, trgv@mail.ru;

© Кизилов Андрей Сергеевич

ФИЦ Субтропический научный центр РАН, г. Сочи, kiziloff2014@mail.ru;

© Глазов Константин Анатольевич

Институт археологии РАН, г. Москва, paradoxsochi@yandex.ru,

© Юрков Глеб Юрьевич

ФИЦ химической физики им. Н. Н. Семёнова, г. Москва, ygy76@mail.ru

Аннотация. В работе представлены результаты исследования формовочных масс плинфы из памятников Восточной Абхазии III–XIV вв. с помощью методики А. А. Бобринского, рентгенофазового и петрографического анализов. Исследованы 37 образцов с шести памятников междуречья Кодора и Ингура, образцы природной глины и песка с двух памятников. Все образцы плинфы были изготовлены в одном геологическом районе, для которого характерно значительное количество рудных минералов гематита и гётита в глине и песке. Плинфа для сооружений IV–VII вв. Гюэноса и Маркульского городища изготавливалась в двух различных местах.

Ключевые слова: плинфа, Восточная Абхазия, III–XIV вв., формовочная масса, методика А. А. Бобринского, рентгенофазовый анализ, петрографический анализ, геологический район.

Abstract. The paper presents the results of study of plinth paste. It has been taken in III–XIV C AD sites of Eastern Abkhazia, was studied with the method developed by A. A. Bobrinsky, X-ray diffraction phase analysis and petrographic analysis. 37 plinth samples from 6 different sites from the area between the Kodor and Inghur rivers were researched. Natural clay and sand samples from 2 sites were studied. All plinth samples were produced in the same geological region. Its special feature is significant amount of ore minerals hematite and goethite particles in clay and sand. Plinth for Ghuenos and Markulskoe hillfort IV–VII C AD buildings was produced in 2 different places.

Keywords: plinth, Eastern Abkhazia, III–XIV C AD, paste, method developed by A. A. Bobrinsky, X-ray diffraction phase analysis, petrographic analysis, geological region.

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 22-18-00466 «Северо-Восточное Причерноморье в античное и средневековое время: историческое моделирование на основе ГИС-технологий, геоархеологии и археометрии».

В работе представлены результаты исследования формовочных масс обожжённых глиняных кирпичей (плинфы) ряда средневековых объектов Восточной Абхазии, полученные при использовании методики, разработанной А.А. Бобринским для изучения керамических сосудов [Бобринский, 1978; 1999], и аналитических методов, используемых в геологии.

Сформулированный А.А. Бобринским историко-культурный подход к изучению гончарной технологии рассматривает её как источник культурно-исторической информации о жизни древнего населения, выявлении конкретных событий и процессов в истории отдельных его групп, в том числе, определении и изменении гончарных традиций внутри определённых социумов. Применяемые методические приемы базируются на бинокулярной микроскопии, трасологии и физическом моделировании (эксперименте). Объектом исследования являются следы работы гончара на обломках или целом керамическом сосуде, позволяющие реконструировать технологический процесс его изготовления по выделенным А.А. Бобринским ступеням гончарной технологии от отбора исходного пластичного сырья (ИПС) до обжига готового изделия.

Необходимо уточнить, что для исследования строительной керамики (кирпичей, черепицы) данная методика ранее не применялась и не адаптировалась. Однако процесс производства подобных материалов имеет частичное сходство с гончарной технологией [Бобринский, 1999, с. 9–11], а сами эти изделия обладают рядом характеристик, аналогичных имеющимся у керамической посуды (наличие исходного пластичного сырья, формовочной массы, обжига). Это позволяет некоторые элементы методики, такие как определение вида и обработки исходного пластичного сырья и состава формовочной массы (ФМ), режима и температуры обжига возможно опробовать при изучении особенностей

технологии изготовления керамической плинфы. При этом надо учитывать, что автоматически применены все положения указанной методики и анализировать результаты, полученные при изучении других видов керамических изделий, на основе данных о закономерностях в историческом процессе производства глиняных сосудов, нельзя в силу того, что цикл их изготовления и механизм передачи культурной информации о нём в среде изготовителей, вполне вероятно, имел свои особенности, а теоретические исследования, подобные проведённым А.А. Бобринским, в отношении другой керамической продукции не проводились.

Иными словами, нельзя предполагать, что распространение и изменение культурных традиций изготовления строительной керамики полностью соответствовали аналогичным процессам в среде изготовителей керамической посуды, хотя и можно допускать наличие в них ряда сходных элементов.

Первые исследования, проведенные в 2021 г. [Клемешова и др., 2021; Klemeshova et al., 2023], показали хорошие результаты. Используя метод технико-технологического анализа, разработанный А.А. Бобринским, было изучено 10 образцов плинфы с пяти памятников (табл. 1; прил., рис. 50; прил., рис. 51), расположенных в междуречье Кодора и Ингура: (Маркульские городища 1 и 2, Сачино 1 и 2, Цамхар, Мармал-абаа, из которых раскопками исследовано только Маркульское городище 1 [Требелева, 2019, с. 144–147]. Остальные памятники исследовались первично в ходе разведок, поэтому о хронологии и времени перестроек имеются лишь предварительные данные, полученные, в том числе, при анализах строительного раствора [Требелева и др., 2013, с. 297–303; Требелева и др., 2019, с. 318–325; Требелева и др., 2020, с. 54–63; Требелева и др., 2021]. Предполагается, что информация о составах формовочных масс сможет способствовать уточнению датировок этих

объектов, изучению хронологического аспекта распространения строительных традиций на данной территории в эпоху средневековья, вопросу происхождения используемых строительных материалов, получению базовых сведений о строительных традициях региона в рассматриваемое время. В целом, подобные материалы из древних построек Абхазии практически не изучены, в отличие от степени исследованности плитки древнерусских городов, в отношении которой за более, чем полвека накоплен богатейший опыт изучения, а научная база насчитывает не один десяток работ. О технологических особенностях кирпичей из средневековых построек Кавказа имеются два специальных исследования [Ёлшин, 2019; Виноградов и др., 2019]. Традиционно для определения состава формовочных масс плитки применяется петрографический анализ.

Анализ кирпичей проводился с помощью бинокулярного микроскопа МБС-10, с основным используемым рабочим увеличением $4,8\times-32\times$, по свежим изломам. Устанавливался вид исходного пластичного сырья (ИПС) [Бобринский,

1999, с. 17–20], степень его ожелезнённости [Цетлин, 2006, с. 421–425], соотношение, использованное мастерами для приготовления формовочной массы (увлажнённое или в сухом дроблённом состоянии) [Бобринский, 1978, с. 108; Бобринский, 1999, с. 33], степень запесоченности ИПС [Лопатина, Каздым, 2010, с. 48–55], вид, размеры и количество естественных и искусственных органических и минеральных примесей к ИПС [Бобринский, 1978, с. 76, 79–82, 105–108, 109–113; Бобринский, 1999, с. 22–25, 33–45, 67, 70–71, 85–86], температура обжига изделий в пределах больше/меньше 850°C [Бобринский, 1999, с. 93]. Использовались также данные эталонной базы, хранящиеся в лаборатории «История керамики» в Институте археологии РАН. Виды минеральных примесей определены с помощью петрографического и рентгенофазового анализов (РФА) в ВИМС им. Н. М. Федоровского. Оптико-петрографическое исследование производилось с помощью поляризационного микроскопа «Полам» (Россия), РФА – на дифрактометре X'Pert PRO MPD (PANalytical, Нидерланды).

Таблица 1.

Результаты анализа состава формовочных масс плитки из средневековых памятников Восточной Абхазии

№ обр.	Объект	Толщина кирп., см	Состав ФМ	Обжиг
1	Маркула 1, храм, рубеж IV–V – XIV вв.	4	Гл + ОР (?) [Использовалась сильнозапесоченная среднеожелезнённая (красная) глина с естественной примесью полиминерального песка 0,1–3,2 мм с большим количеством кварцевых частиц и песка из гематита. Общее кол-во песка не менее 1:3]	немного < 850°C
2	Маркула 1, храм, рубеж IV–V – XIV вв.	5	Гл + ОР (?) [Использовалась среднезапесоченная среднеожелезнённая (красная) глина с естественной примесью полиминерального песка с большим количеством кварцевых частиц и песка из гематита. Общее количество песка не менее 1:4]	не менее 850°C

3	Сачино, V–VI вв. (предв.)	3	Гл + П м + ОР (?) [Использовалась слабожелезненна (желта) слабозапесоченна глина с искусственной примесью мелкого песка из гематита, ок. 1:5]	не менее 850°C
4	Сачино V–VII вв. (предп.)	4,5	Гл + П м + ОР (?) [Использовалась слабозапесоченна слабожелезненна (желта) глина с искусственной примесью мелкого песка из гематита, ок. 1:5 или немного меньше]	не менее 850°C
5	Маркула 2, храм, VI–VII вв. (предв.)	4,5	Смесь двух глин + П м + ОР (?) [Использовалась смесь двух глин (слабозапесоченной среднежелезненной (красной) и слабозапесоченной слабожелезненной (светло-желтой)) в соотношении ок. 1:4 (красна глина преобладает) с искусственной примесью полиминерального мелкого песка (кварц, гематит и др.), 1:3]	не менее 850°C
6	Цамхар, храм, V– VII вв. (предв.)	3	Смесь двух глин + П м + ОР (?) [Использовалась смесь двух глин (слабозапесоченной высокожелезненной (красной) и слабозапесоченной слабожелезненной (светло-желтой)), в соотношении 1:1, с искусственной примесью полиминерального песка среднего размера из гематита (преобладает) и кварца, 1:4]	ок. 850°C
7	Цамхар, храм; V– VII вв. (предв.)	4	Гл + П м + ОР (?) [Использовалась среднезапесоченна слабожелезненна (светло-желта) глина с искусственной примесью мелкого полиминерального песка из гематита (преобладает) и кварца, ок. 1:4]	не менее 850°C
8	Мармал-абаа храм, IX– XI вв.	4	Смесь двух глин + П м + ОР (?) [Использовалась смесь двух глин (среднезапесоченной среднежелезненной (красной) и слабозапесоченной слабожелезненной (светло-желтой)) в соотношении ок. 1:2 или меньше (красна преобладает), с искусственной примесью мелкого полиминерального песка с преобладанием гематитового, 1:4.]	ниже 850°C

9	Маркула 1, башн Ала-хаш-абаа, III–IV – XIV вв.	3	Смесь двух глин + П м + ОР (?) [Использовалась смесь двух глин: среднезапесоченной среднежелезистой (красной) и слабозапесоченной слабожелезистой (светло-желтой)), в соотношении ок. 1:1 или более, ожезженна немного преобладает, с искусственной примесью мелкого песка, состо щего, в основном, из гематита, 1:4]	не менее 850°C
10	Маркула 1, башн Ала-хаш-абаа III–IV – XIV вв.	4	Гл + П ср + ОР (?) [Использовалась среднезапесоченна слабожелезиста (светло-желта) глина с искусственной примесью песка среднего размера, состо щего из кварца (преобладает) и гематита, 1:5]	не менее 850°C

Установлено, что во всех случаях в качестве ИПС использовалась глина во влажном состоянии, в основном, слабо- или среднезапесоченная, с естественной примесью кварцевого песка и песка из рудного минерала (гематита) с размерностью, как правило, не превышающей 0,2 мм. Изредка встречаются единичные включения известняка и фрагменты раковины. При изготовлении исследуемых кирпичей применялись следующие составы формовочных масс:

– глина без искусственных примесей (№ 1, 2)

– глина + песок (№ 3, 4; 7; 10)

– смесь двух глин (сильножелезистой (красножгуцейс) менее пластичной и слабожелезистой (жёлтожгуцейс) высокопластичной), с преобладанием первой или в равных пропорциях + песок (№ 5, 6; 8; 9).

При отборе искусственных примесей к формовочным массам фиксируется использование песка из гематита в сочетании с кварцевым (первый, как правило, значительно преобладает) с размером частиц 0,3–1,5 мм, до 3 мм. Со значительной долей вероятности использовался органический раствор во всех образцах, кроме № 6, 9.

В качестве существенных особенностей, отмеченных в технологическом процессе изготовления плинфы сооружений изучаемого района, выделяются:

1) использование смеси двух глин (4 случая);

2) применение в качестве искусственной примеси к формовочной массе песка из рудного минерала (гематита) (9 случаев).

Отмечено сходство в технологии между образцами № 1 и 2, 3 и 4. Они практически идентичны по качественным особенностям ИПС и составу ФМ, изготовлены, вероятно, всего, в одном месте, возможно, одновременно, или с небольшим хронологическим разрывом. Присутствует сходство между № 4 и 10, у которых аналогичны рецепт ФМ и режим обжига; глины подобны, но не из одной залежи. Необходимо оговорить, что в случае сходства образцов № 1 и 2, а также № 3 и 4 речь шла о образцах с одного памятника. В ситуации подобности образцов № 4 и № 10 речь идёт о технологии производства, ибо памятники разные, и залежи глины различны, но близки именно технологические параметры. Совпадают виды ИПС и составы ФМ у № 5, 6, 8, 9 (образцы со смеси двух глин), т.е., глины не из одних и тех же залежей, но отобраны подобные же; рецепты ФМ аналогичны, режим обжига имеет небольшие отличия. И здесь также можно говорить о наличии некоей единой технологии.

Таким образом, были выявлены определённые коррелирующие данные, кото-

рые могут характеризовать технологию производства плинфы, что в сочетании с культурно-исторической информацией об этом регионе может быть использовано в реконструкции конкретных исторических ситуаций.

В результате последующих исследований получена информация, в совокупности с первичной позволяющая сделать выводы о производстве плинфы и некоторых других видов керамической продукции в одном геологическом районе, для которого характерно содержание в природных залежах глины и песка значительной примеси мелких частиц рудных минералов гематита и гётита² [Требелева, Клемешова, 2022; Клемешова, Юрков, 2022; Клемешова и др., в печати]. В его пределах расположено междуречье Кодора и Ингура, находится Маркульское городище 1 и гончарный центр у с. Атара, расположенные в Очамчирском

районе Республики Абхазии. Точные очертания этого района пока не сны. Если к западу от с. Атара обнаружится дальнейшая тенденция к уменьшению количества частиц рудных минералов в природном сырье, в будущем могут быть обозначены его примерные западные границы.

Далее были изучены³ 17 образцов плинфы из четырёх различных сооружений Маркульского городища, плинфа для которых произведена, вероятно, всего, в пределах IV–VII вв. [Сакания, 2006], и 10 образцов плинфы из 2 различных частей ранневизантийского храма в Гюэносе 2-й пол. V – 1-й пол. VI вв. Установлено, что для каждого памятника характерны определённые традиции составления формовочных масс, представленные также на втором памятнике, но в других пропорциях (табл. 2).

Таблица 2.

Составы формовочных масс плинфы Маркульского городища и Гюэноса

Состав ФМ	Маркульское					Гюэнос, храм		
	Замок	Дорога	Стена 2	Храм	Всего	Вост. шурф (алтарная часть)	Западный раскоп (нартекс)	Всего
Гл + ОР	3	1	2	2	8 (47,1 %)	–	–	–
Гл + П + ОР	2	–	–	–	2 (11,8 %)	3	3	6 (60 %)
Смесь двух глины + ОР	1	1	–	2	4 (23,5 %)	1	–	1 (10 %)
Смесь двух глины + П + ОР	1	–	–	2	3 (17,6 %)	1	2	3 (30 %)

Примечания :

Гл – глина, П – песок, ОР – органический раствор

² В необожжённых глинах и песке, помимо гематита, в некоторых случаях обнаружен гётит, который в результате термохимических преобразований при t 250–380°C при обжиге керамических изделий переходит в гематит.

³ На данном этапе не использовался оптико-петрографический анализ. РФА выполнен в ВИМС им. Н. М. Федоровского и ФИЦ ХФ им. Н. Н. Семёнова РАН (Москва).

Есть значительные различия в искусственной примеси песка: в Гюэносе с большим количеством гематита (65–80%), на Маркульском городище его около 40–60%). По данным РФА в 5 образцах плинфы из Гюэноса выявлено 0,5–3% пироксена, на Маркульском городище он есть только в одном образце (1%).

На основании всех выявленных различий можно уверенно говорить об изготовлении плинфы для этих памятников, по крайней мере, в двух различных местах, несмотря на то, что оба они находятся сравнительно недалеко друг от друга, на расстоянии около 10 км. Производства, несомненно, находились также в пределах ранее выявленного геологического района.

Пока сложно однозначно объяснить, какие культурные вливания и процессы стоят за разницей в технологических традициях изготовления плинфы для этих памятников, поскольку об организации её производственного процесса известно мало. Пока, на основании изучения изготовления древнерусской плинфы, можно предполагать, что различные технологические традиции были связаны с работой разных артелей рабочих-плинфотворителей, которые могли перемещаться из одного пункта в другой. Так ли это, и артели какого происхождения могли работать на конкретных памятниках, ещё предстоит уточнить.

Список литературы

- Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978. 272 с.
- Бобринский А. А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара, 1999. С. 5–109.
- Виноградов А. Ю., Ёлшин Д. Д., Кулькова М. А.* Средневековая строительная керамика Закавказья по данным петрографического анализа // У. Ю. Кочкаров (отв. ред.) Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. История и искусство христианской Алании. М., 2019. С. 382–392.
- Ёлшин Д. Д.* Кирпич в средневековой церковной архитектуре Кавказа: новые исследования и попытка обобщения // У. Ю. Кочкаров (отв. ред.) Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. История и искусство христианской Алании. М., 2019. С. 299–381.
- Клемешова М. Е., Требелева Г. В., Кизилов А. С., Глазов К. А., Соколов С. В.* Опыт применения методики А. А. Бобринского для изучения керамических сосудов при исследовании состава формовочных масс плинфы средневековых храмов и крепостей Восточной Абхазии // Геоархеология и археологическая минералогия -2021. Миасс; Челябинск, 2021. С. 97–101.
- Клемешова М. Е., Требелева Г. В., Юрков Г. Ю.* Сравнительный анализ природного сырья и керамических изделий из раскопок Маркульского городища и гончарного производственного центра у с. Атара в Восточной Абхазии // КСИА. В печати.
- Клемешова М. Е., Юрков Г. Ю., Кириллов В. Е., Требелева Г. В.* Исследование формовочных масс пифосов и плинфы и природной глины Маркульского городища // Геоархеология и археологическая минералогия -2022. Миасс; Челябинск, 2022. С. 196–201.
- Лопатина О. А., Каздым А. А.* О естественной примеси песка в древней керамике (к обсуждению проблемы) // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М., 2010. С. 46–57.
- Саканиа С. М.* Строительная керамика Абхазии в IV–IX вв. // XXIV Крупновские чтения. Нальчик, 2006. С. 955.

Требелева Г. В., Клемешова М. Е., Юрков Г. Ю. Керамическа традици в цебельдинский период по результатам исследовани тарной керамики из склада пифосов и керамических плинф из раскопок Маркульского городища с помощью методики А. А. Бобринского // Междисциплинарные исследовани объектов культурного наследия естественно-научными методами. Материалы Всероссийской конференции. Симферополь, 2022. С. 160–167.

Требелева Г. В. Маркульское городище в Восточной Абхазии // Новые археологические проекты: воссоздава прошлое. М., 2019. С. 144–147.

Требелева Г. В., Саканиа С. М., Глазов К. А., Кизилов А. С., Хондзия З. Г. Маркульское городище 2: обнаружение и первичные данные // Проблемы исследовани древних и средневековых поселений и могильников Западного Кавказа. IX «Анфимовские чтени » по археологии Западного Кавказа. Материалы международной археологической конференции. Краснодар, 2019. С. 313–317.

Требелева Г. В., Саканиа С. М., Глазов К. А., Кизилов А. С., Хондзия З. Г., Юрков Г. Ю. Проект по каталогизации позднеантичных и средневековых храмов в Абхазии: полученные результаты и будущие перспективы // Архитектурна археологи . № 2. 2020. С. 54–63.

Требелева Г. В., Саканиа С. М., Глазов К. А., Кизилов А. С., Юрков Г. Ю. Позднеантичные и средневековые храмы Абхазии: ГИС, исследование с помощью фотограмметрии и создание 3D-моделей // Археологи и геоинформатика. Вып. 10. М., 2021. Издание на DVD, <https://www.archaeolog.ru/media/periodicals/agis/AGIS-10/index.html>

Требелева Г. В., Юрков Г. Ю., Горлов Ю. В., Цвинария И. И., Агумаа А. С., Сангулия Г. А., Кайтан Ш. Г. Абхазские средневековые пам тники: анализ технологии строительства и вопросы датировки // ПИФК. 2013. № 2. С. 297–303.

Цетлин Ю. Б. Об определении степени ожелезнённости исходного сырь для производства глиной посуды // Вопросы археологии Поволжья . Вып. 4. Самара, 2006. С. 421–425.

Klemeshova M. E., Trebeleva G. V., Kizilov A. S., Glazov K. A., Sokolov S. V., Yurkov G. Y. Application of the Method of A. A. Bobrinsky to Study the Brick Paste Composition from Eastern Abkhazian Medieval Temples and Fortresses // Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy–2021. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences. Cham, 2023. P. 171–183.

БРОНЗОВЫЕ КРЕСТЫ ИЗ СОБРАНИЯ КРАСНОДАРСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА: ПЕРВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ

© Пьянков Алексей Васильевич,

Краснодарский государственный институт культуры, г. Краснодар,
a.v.pyankov@rambler.ru

Аннотация. В собрании Краснодарского историко-археологического музея-заповедника хранятся христианские кресты, относящиеся к периоду распространения христианства на Северо-Западном Кавказе. Среди первых поступлений упоминаются бронзовые наперсные кресты, найденные на территории Краснодарского края в конце XIX в. Первый крест медный серебряный, происходил из курганов станицы Баговской. Второй крест, медный энколпион был найден в 1884 г. в г. Екатеринодаре. Третий крест без верхней ветви был найден в г. Новороссийске в 1893 г. Сохранился только последний, который представлял собой бронзовую копию лицевой створки энколпиона XIII вв.

Ключевые слова: г. Екатеринодар, Кубанский этнографический и естественно-исторический музей, каталог древностей, бронзовый наперсный крест, энколпион.

Abstract. The collection of the Krasnodar Historical and Archaeological Museum-Reserve contains Christian crosses dating back to the initial period of the spread of Christianity in the North-Western Caucasus. Among the first receipts are mentioned bronze pectoral crosses found on the territory of the Krasnodar Territory at the end of the 19th century. The first cross is copper silver, came from the burial mounds of the village of Bagovskaya. The second cross, a copper encolpion, was found in 1884 in Ekaterinodar. The third cross without the upper branch was found in Novorossiysk in 1893. Only the last one survived, which was a bronze copy of the front sash of the encolpion of the 13th centuries.

Keywords: Ekaterinodar, Kuban Ethnographic and Natural History Museum, catalog of antiquities, bronze pectoral cross, encolpion.

Среди христианских древностей Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына (далее КГИАМЗ) хранятся христианские кресты, относящиеся ко времени распространения христианства на Северо-Западном Кавказе. Среди первых поступлений, относящихся ещё к до-революционному периоду существования музея, есть железные и бронзовые кресты разного назначения. Железные кресты ранее уже публиковались [Ложкин, Малахов, 1996, с. 202, 207, примечание 3; рис. 4, 1–5], а история, связанная с бронзовыми крестами, осталась не известной научной общественности. Автор решил восполнить этот пробел.

Первая обобщающая информация о собрании музейных экспонатов, включая археологические древности, была опубликована в 1898 г. в IV томе Кубанского сборника. Сведения имели форму краткого перечня предметов, хранящихся при Кубанском областном статистическом комитете [Краткий указатель..., 1898, с. 1–45]. Этот список подготовил к публикации В. М. Сысоев, который использовал описание большей части экспонатов выполненное В. А. Щербиной, о чём пишет автор в предисловии [Краткий указатель..., 1898, с. II, III].

Первый крест медный серебряный, происходил из станицы Баговской. Он

поступил в составе других предметов, вероятно, найденных в одном месте. В Кратком указателе 1898 г. под №153 имеется следующая запись: «1) Одиннадцать пар медных (?) посеребрённых пластинок от нагрудных украшений. Каждая пара (дл. 2 вершка) пластинок соединена между собой при помощи круглой головки и захватывающего кольца; 2) украшения от посылки или одежды: 3 – в виде позвонков с ушком, одно кольцо, 3 бубенчика, 1 – пуговочка, 1 – крестик; все из меди, со следами посеребрения, обломаны. – Из ст. Баговской. (?)» [Краткий указатель..., 1898, с. 10, №153].

Такие же сведения находим в Каталоге Кубанского этнографического и естественно-исторического музея, выпущенном в Екатеринодаре в 1909 г. [Каталог Кубанского..., 1909, с. 46]. Это издание под редакцией директора музея К. Живило в части археологических древностей во многом повторяло сведения Краткого указателя 1898 г. но информации о посеребрённом крестике в статье под №11 отличается лишь финальным предложением: «Из курганов ст. Баговской» [Там же].

Судя по характеру предметов, все вещи происходят из одного погребения, а учитывая присутствие среди предметов захоронения металлических застёжек женского костюма, комплекс может быть датирован финалом позднего средневековья или началом Нового времени.

В настоящее время эти вещи депортированы и другой информации о них нет.

Сведения о втором бронзовом кресте, также находим в Кратком указателе 1898 г., где под №202 помещена следующая статья: «Половина **медного энколпиона**: медный четырёхконечный крест с округлёнными концами, дл. 15/8 в., шир. 1¹/₄ в. В верхней части обломанный, шарнир (трубочка уцелела).

На обороте: средняя часть представляет ромб, в котором изображена с распростёртыми руками Б. Матерь или Господь. Передняя сторона: по середине распятие I. Хр.; слева Б. Матерь, на трёх других концах – другие изображения. – Крест был переломлен, но потом спаён. Найден в 1884 г. в г. Екатеринодаре на Гривенской улице, при постройке дома П.И. Шморгунова, на глубине 1 арш.» [Краткий указатель..., 1898, с. 15, №202].

Статья №59 в Каталоге 1909 г. полностью повторяет статью из Краткого указателя 1898 г. [Каталог Кубанского..., 1909, с. 54, №59].

Переводим старые меры длины в современную метрическую систему: дл. на 15/8 в. – **7,23 см**, ширина 1¹/₄ в. – **5,56 см**; 1 аршин – **71,12 см**.

Этот энколпион был утрачен, вероятно, в период революционных потрясений и гражданской войны. Другой информации о кресте-реликварии в архиве КГИАМЗ найти не удалось.

Судьба третьего бронзового креста оказалась более счастливой. Информации о нём в Кратком указателе 1898 г. отсутствует. Вероятно, в фонды музея он поступил позднее. Но в Каталоге Кубанского музея 1909 г. имеется краткая статья под №78: «Четырёхконечный медный сломанный крест. Найден в г. Новороссийске в 1893 году» [Каталог Кубанского..., 1909, с. 56, №78]. Несмотря на краткие сведения об этом артефакте и отсутствие данных о его размерах, можно не сомневаться, что в фондах КГИАМЗ сохранился именно этот крест, поскольку его невзрачность и степень сохранности не могли привлечь внимание похитителей.

Далее приводится описание артефакта: крест наперсный бронзовый литой с утраченной верхней ветвью (рис. 1, 1, 2). На лицевой стороне рельефное изображение распятия и святых в круглых

¹ Здесь и далее автор старался сохранить орфографию оригинального текста, но не в ущерб его понимаемости.

медальонах на концах 3-х его ветвей. Бюсты св тых в двух медальонах изображены анфас, а в одном – в профиль. Медальоны ограничены с внутренней стороны поперечно расположенными фестонами. Пары фестонов соединены небольшими валиками. Обратна сторона без изображений и с невысоким бортиком. Крест анэпиграфичный. Размеры: высота 3,4 см, ширина по горизонтальным ветв м 4,3 см; толщина с учётом бортика от 0,14 до 0,3 см. Во врем изготовлени графической копии на упаковке имелс музейный шифр вспомогательного фонда ПМ2512/6. Но, веро тно, этот номер не достоверен. Изображени на кресте сглажены, что свидетельствует не только о том, что крест изготовлен литьём, но и о том, что он изготовлен в форме, вл ющейс оттиском лицевой стороны креста-энколпиона. Причём эта отливка, хот и имеет детали энколпиона (наличие бортика на обороте, иконографический тип), но артефакт намеренно изготавливалс как обычный наперстный крест. О последнем свидетельствует отсутствие шарнира на сохранившейся нижней ветви креста.

Прототипом публикуемого креста послужила лита копи энколпиона котора , по классификации крестов-реликвариев XI–XIII вв. предложенной Г.Ф. Корзухиной и А.А. Песковой, от-

носитс к типу VIII.2.2 [Корзухина, Пескова, 2003, с. 224, 225, табл. 154]. Литые копии таких энколпионов имеют по две створки и шарниры дл того, чтобы открывать и закрывать реликварии. Эти копии датированы исследователями XII–XIII вв. [Корзухина, Пескова, 2003, с. 224, 225].

Публикуемый крест лишь лита копи лицевой стороны копии энколпиона типа VIII.2.2, то есть, односторонн копи с копии энколпиона.

Ближе всего из археологических находок нашему кресту находка В.П. Петренко в Старой Ладогe из материалов раскопок 1973 г. на берегу р. Ладожки, раскоп I. Археологический отчёт этого года не публиковалс , но фото креста можно найти в монографии А.Н. Кирпичникова и В.Д. Сарабь нова 1996 года, посв щённой Старой Ладогe [Кирпичников, Сарабь нов, 1996, илл. на стр. 73]. Позднее это же фото опубликовано в своде Г.Ф. Корзухиной и А.А. Песковой [Корзухина, Пескова, 2003, с. 224, табл. 154].

Крест из Старой Ладогe литой одностворчатый, но с изображени ми на обеих сторонах, рельефы сглажены. Примечательно, что он близок публикуемому и по размерам: 5×4,5 см и датирован авторами XIII в. [Корзухина, Пескова, 2003, с. 224].

Веро тно, так следует датировать и крест из фондов КГИАМЗ.

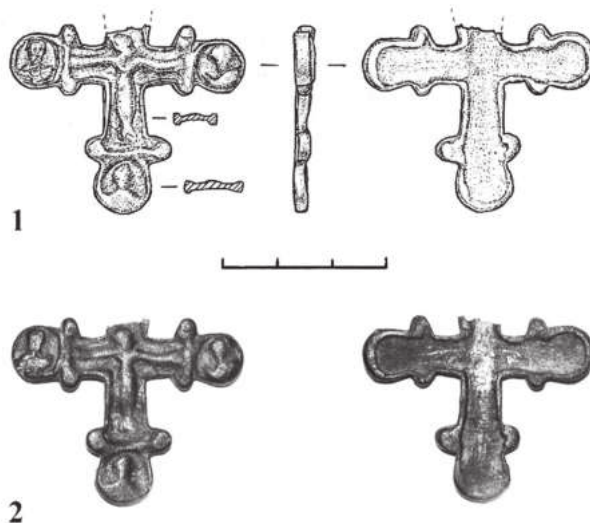

Рис. 1. Наперсный крест из фондов КГИАМЗ, бронза

Список литературы

Каталог Кубанского этнографического и естественно-исторического музе . Ека-
теринопдар, 1909. 140 с.

Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Стара Ладога – столица древней Руси.
СПб., 1996. 200 с.

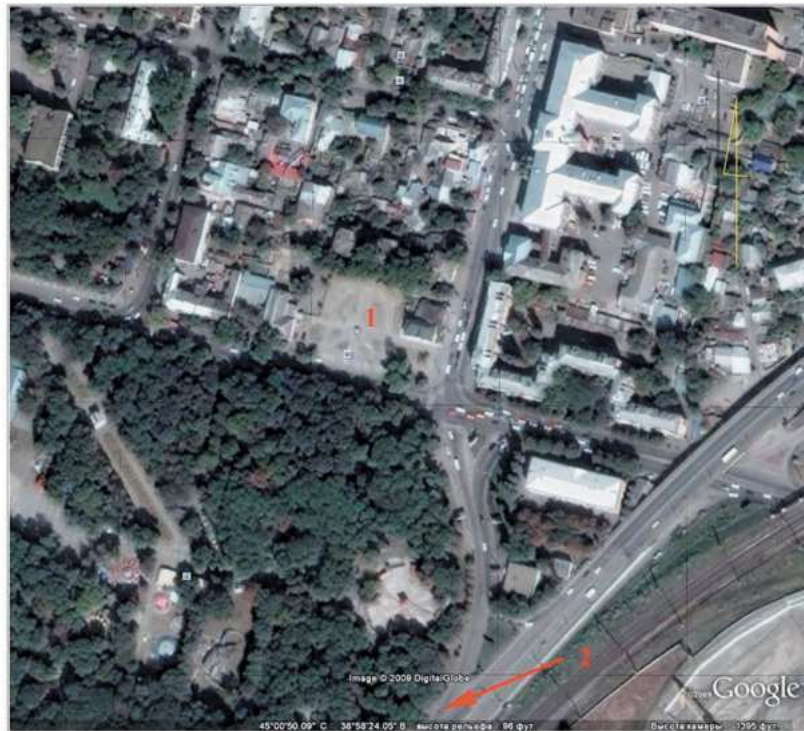
Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские энколпионы. Кресты-реликварии
XI–XIII вв. СПб., 2003. 432 с.

Краткий указатель археологических, естественно-исторических и этнографиче-
ско-промышленных вещей и предметов, имеющихс при Кубанском областном ста-
тистическом комитете // Кубанский сборник. Том IV. Екатеринопдар, 1898. С. 1–45.

Ложкин М. Н., Малахов С. Н. Железные кресты византийско-кавказского типа
из Отрадненского музе // ИАА. Вып. 2. Армавир М., 1996. С. 202–209.

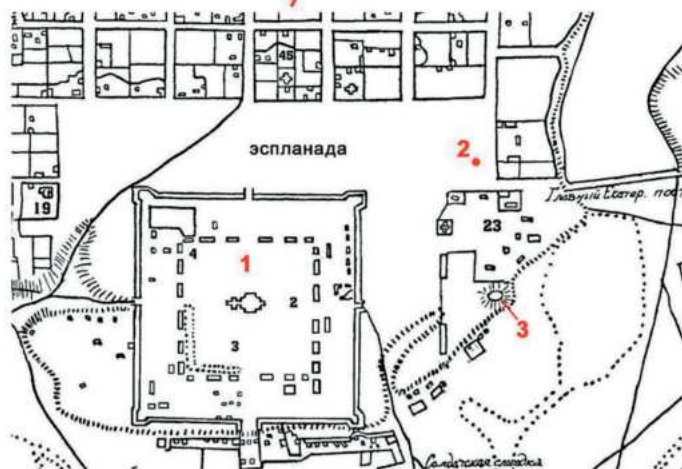
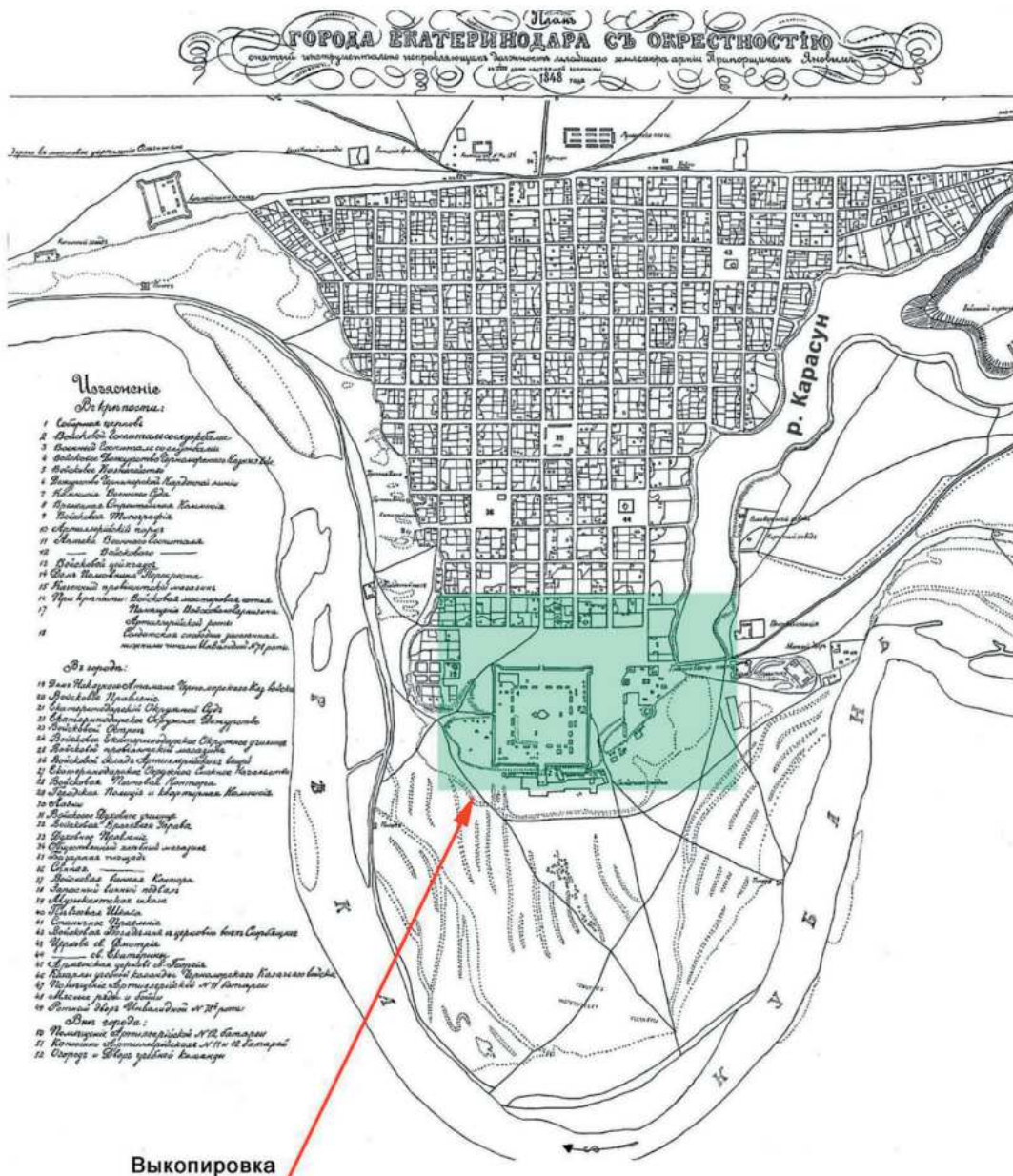
1

2

- 1 - участок ведения работ. Бывший сквер им. А.И.Покрышкина.**
- 2 - Примерное место расположения цитадели городища в горпарке (по архивным данным и воспоминаниям Н.В.Афимова)**

Рис. 29. 1 – космоснимок территории г. Краснодара с указанием места ведения работ на памятнике археологии «Грунтовый могильник»; 2 – космоснимок северо-восточной части бывшего «Карасунского кута» на территории г. Краснодара

- 1 - Екатеринодарская крепость
- 2 - место ведения работ на могильнике
- 3 - предположительно цитадель городища в горпарке

Рис. 30. План Екатеринодара 1848 г. с указанием места ведения работ в отношении к строениям середины XIX в.

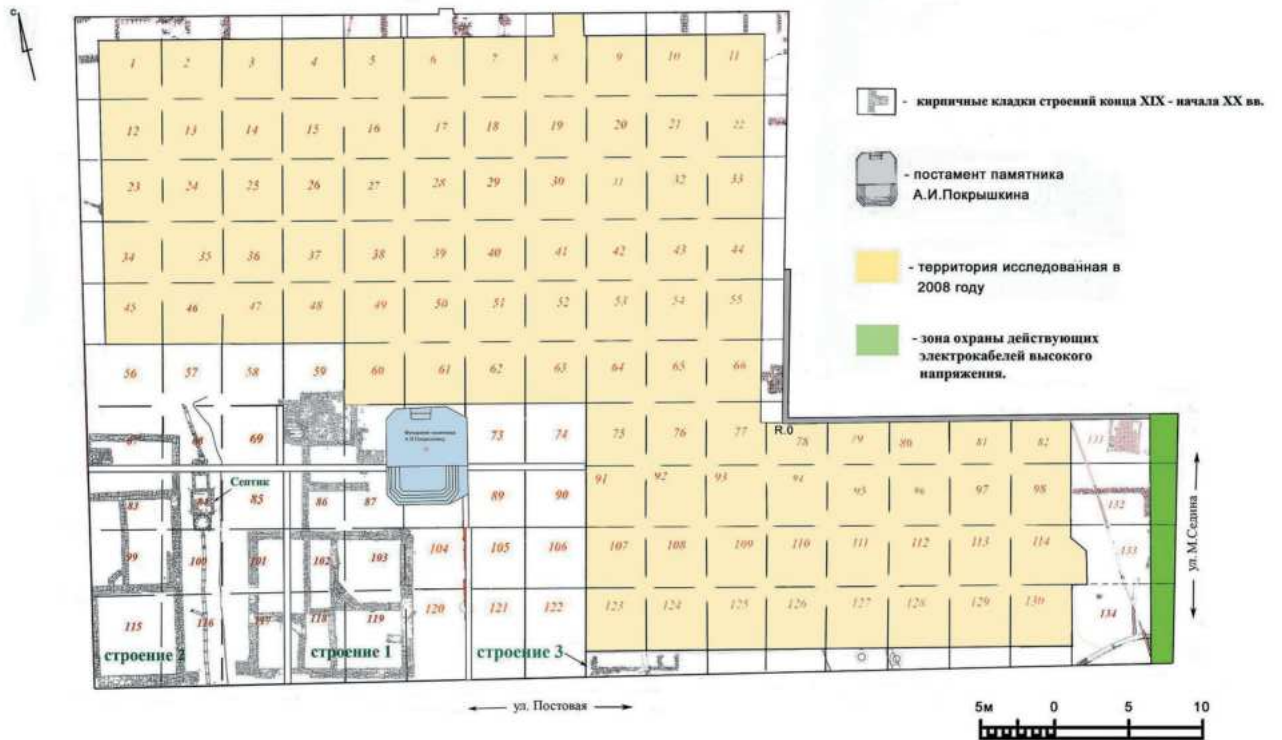

Рис. 32. Общий план раскопа 2020 г. на уровне горизонта 1 с обозначением строений и объектов конца XIX – начала XX вв

Рис. 33. 1 – план центрального участка в раскопе 2020 г. на уровне горизонта 1;
 2 – помещения 1–3 в строении 1. Вид с запада;
 3 – подвал под помещением 10 в строении 1. Вид с востока

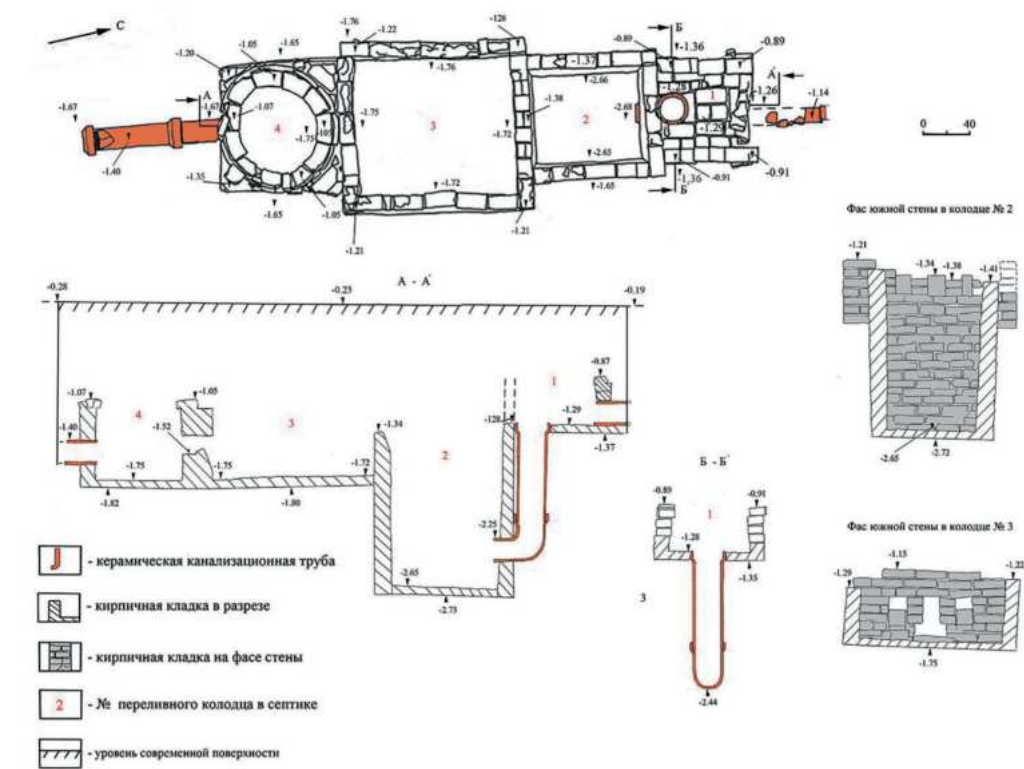

1

2

Рис. 34. 1 – фундамент голландской печи в строении 1. Вид с юга;
2 – фундамент голландской печи в строении 2. Вид с запада

1

2

3

4

5

Рис. 35. 1 – план и разрезы септика; 2 – фото септика. Вид с СЗ; 3 – трубы канализации; 4 – крюк золотаря; 5 – монета медная 1924 г.

1

2

3

4

5

6

7

Рис. 36. 1–5 – образцы кирпичей Екатеринодарских заводов конца XIX – начала XX столетий;
6–7 – монеты серебряные из клада 1-й четв. XX в.

Рис. 37. 1 – супница фаянсовая; 2 – супница фаянсовая; 3 – селедочница фаянсовая

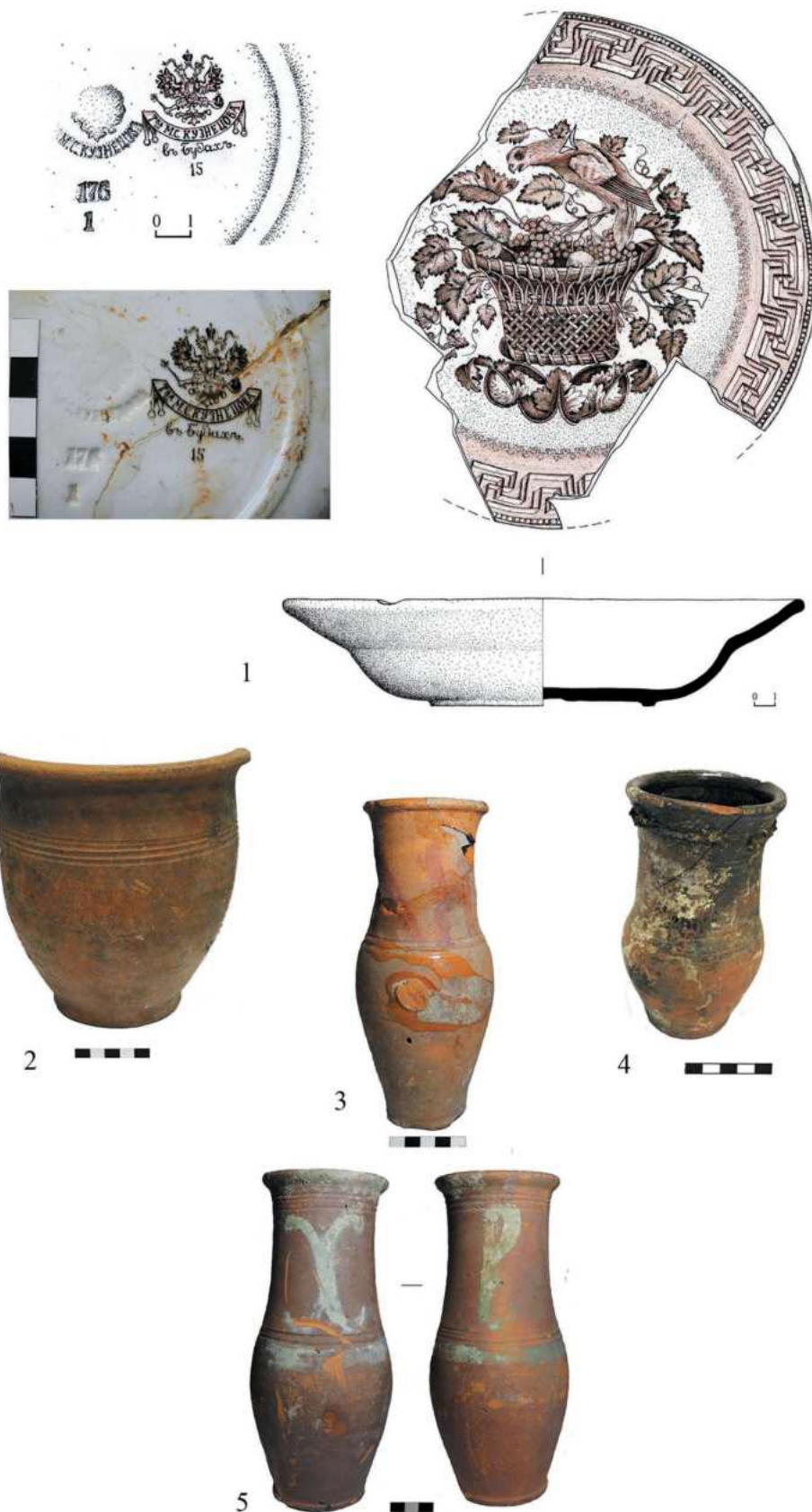

Рис. 38. 1 – тарелка фаянсовая; 2 – макитра керамическая;
3–5 – кринки керамические

Рис. 39. 1 – коробочка для крема фаянсовая; 2 – баночка аптечная фаянсовая;
3–5 – пузырьки парфюмерные стеклянные

Рис. 40. Образцы оружия из городского слоя на уровне горизонта 1 (с коллекционными аналогами).
1 – ствол винтовки Mauser 98k образца 1898 г.; 2 – пистолет Browning M1906 образца 1906 г.;
3 – револьвер Lefauchaux M1858 образца 1858 г.

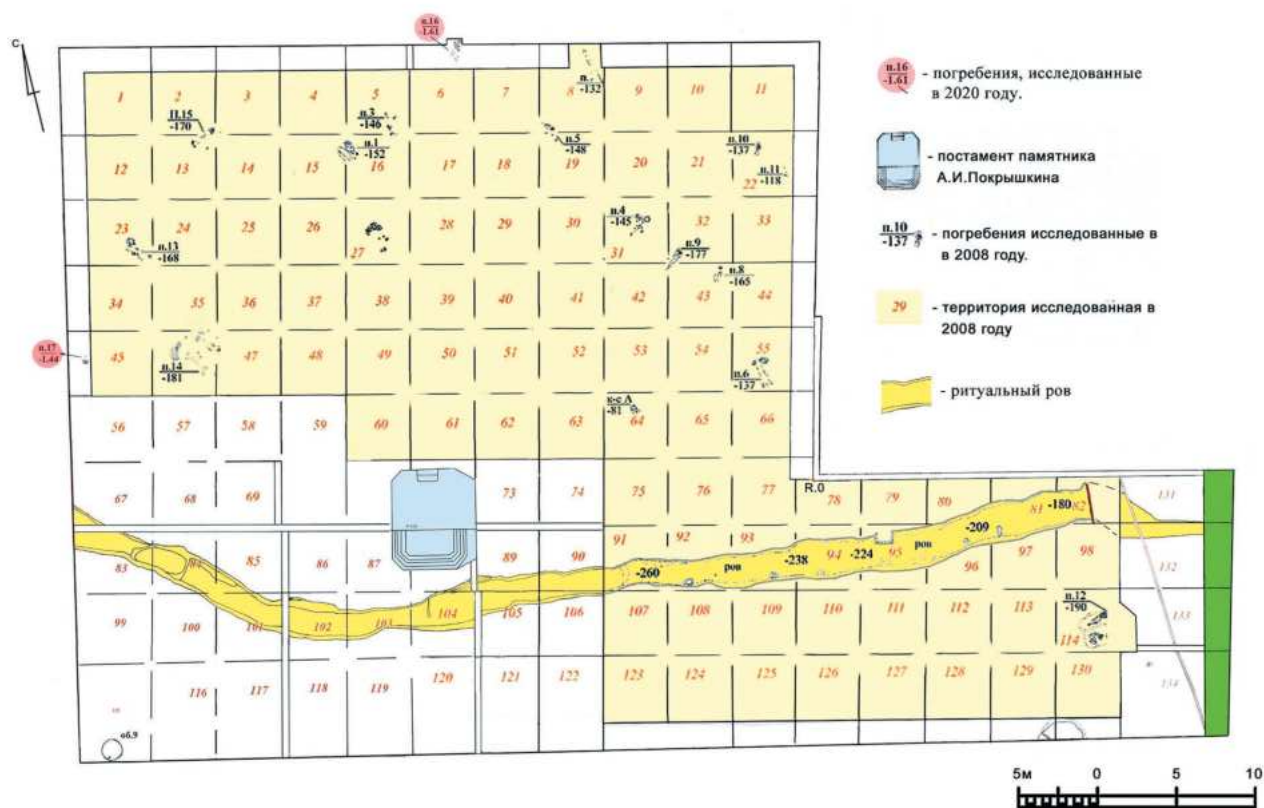

Рис. 41. План раскопа 2020 г. на уровне горизонта 2 с обозначением погребений и объекта, исследованных в 2008 г. экспедицией М. Ю. Лунёва

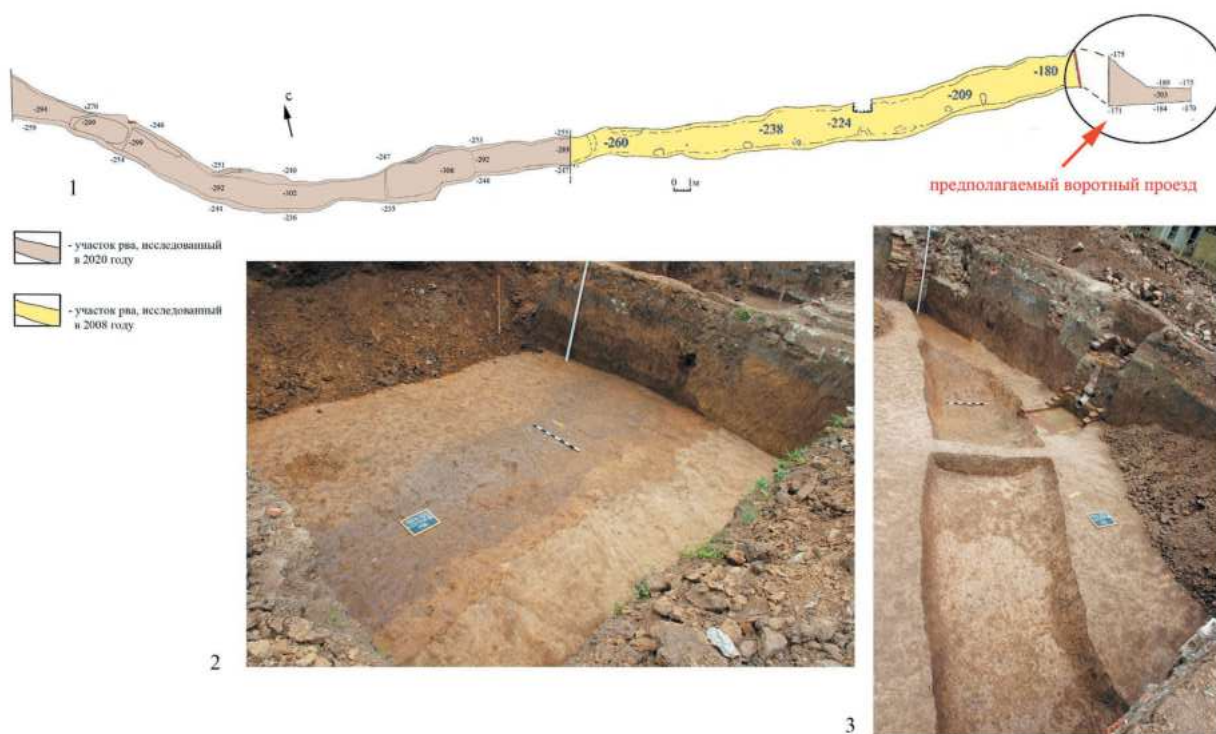

Рис. 43. 1 – ров ритуальный. План;
 2 – ров до выборки заполнения в квадратах 80, 90; 105, 106. Вид с СВ;
 3 – ров после выборки заполнения в квадратах 83–85; 99–101. Вид с ЮВ

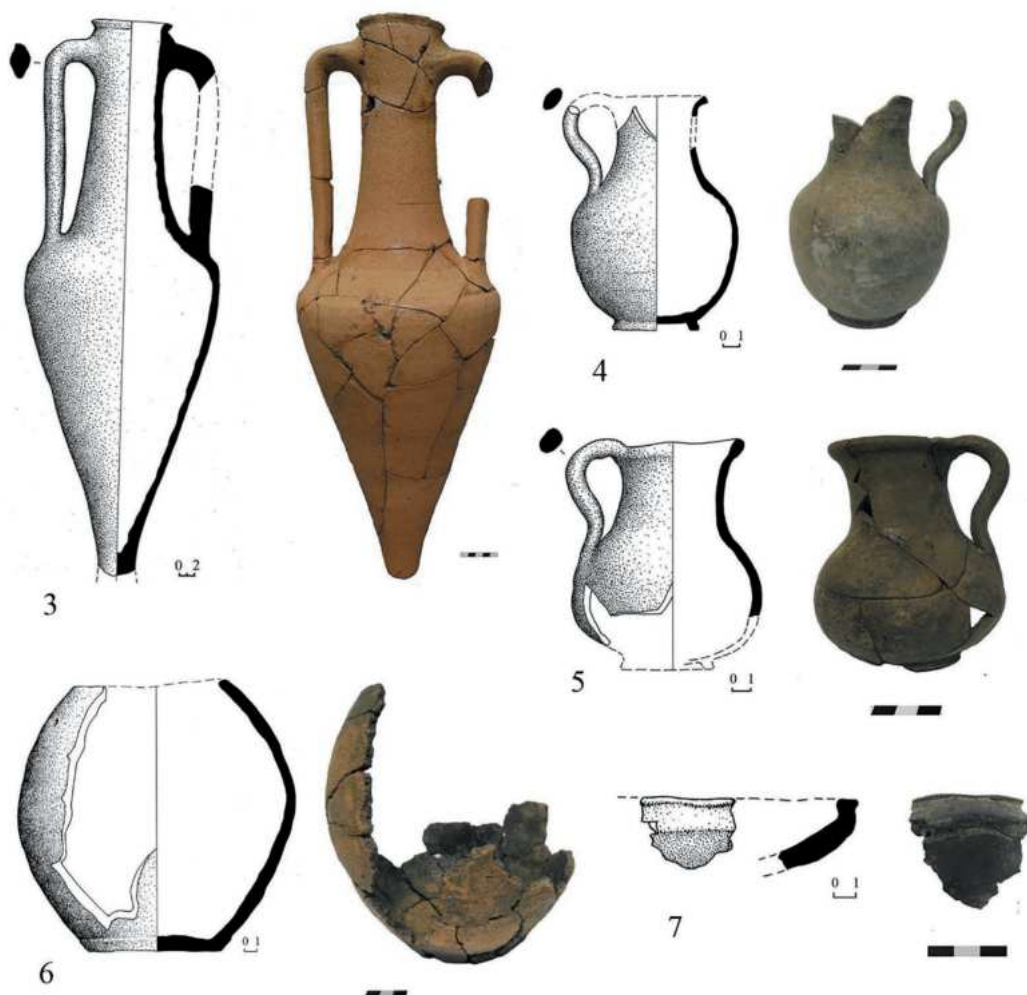
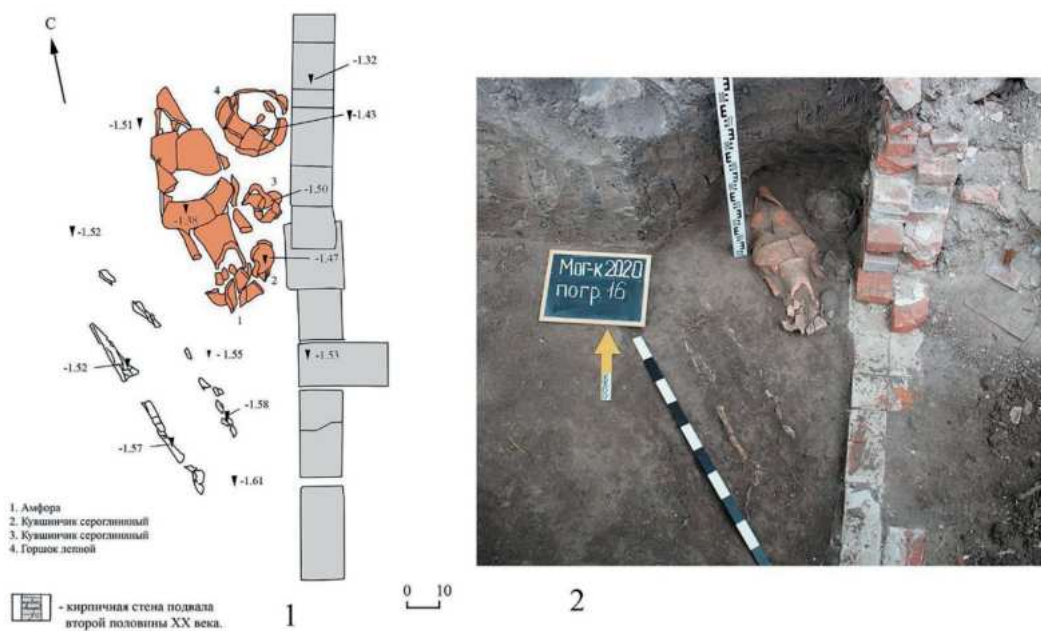

Рис. 42. Материалы погребения 16 (2020 г). 1 – план погребения; 2 – фото погребения; 3 – амфора; 4, 5 – кувшины кружальные сероглиняные; 6 – горшок лепной; 7 – фрагмент миски лепной

Рис. 44. Следы скальпирования на черепе из Гастон Уота

Рис. 45.

- 1 – естественное скальное основание южной стены южного нефа,
 2 – примыкание юго-западной и северо-западной стен центрального нефа к «тумбе»,
 3 – северо-западный фас «тумбы»,
 4 – южный фас тумбы, 5 – фрагмент керамиды, 6 – фрагмент плинфы

1

2

3

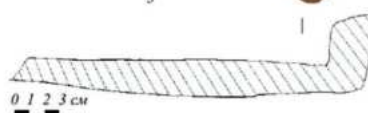
4

5

6

0 1 2 3 см

0 1 2 3 см

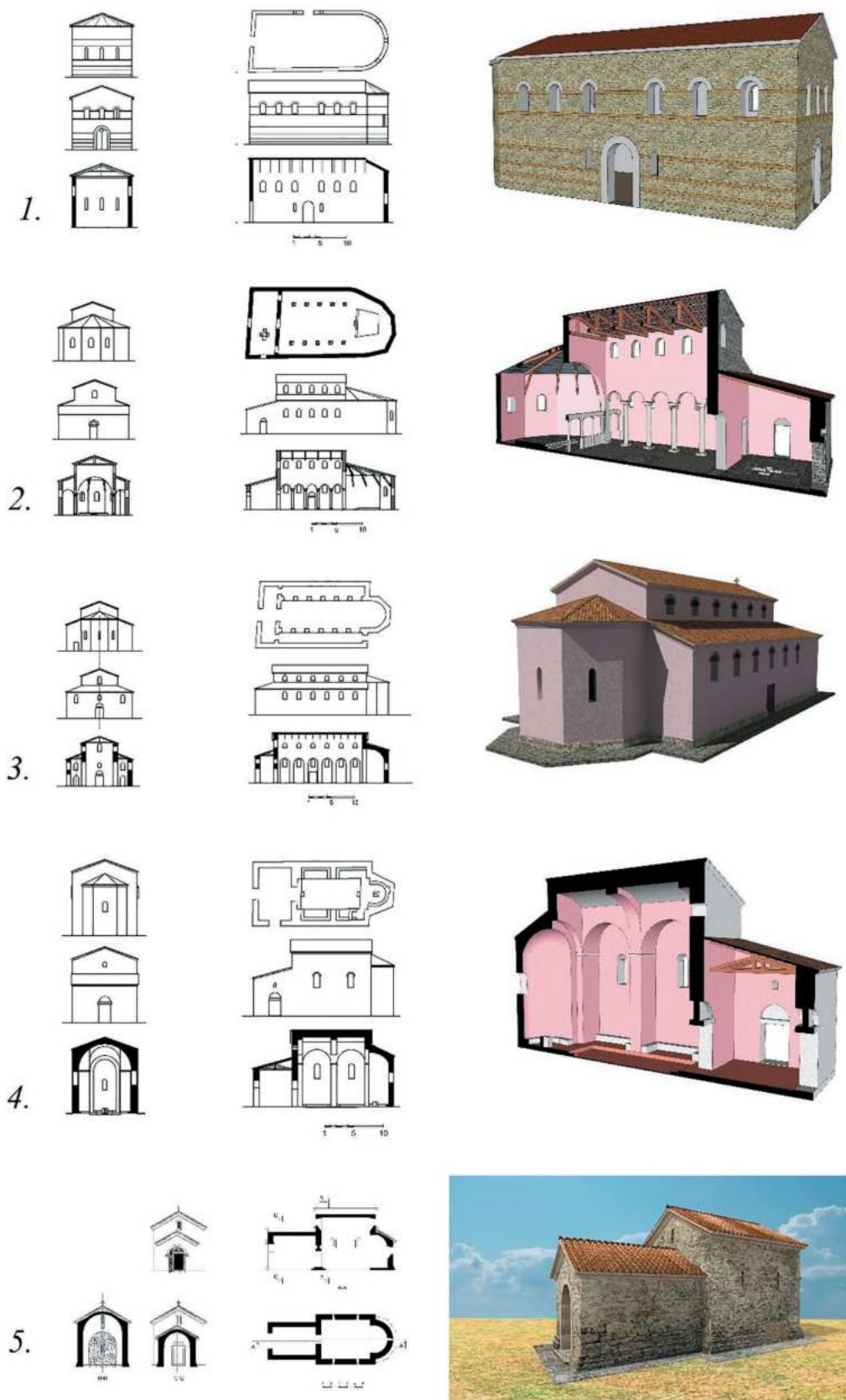

Рис. 46. Результаты 3-D реконструкции внешнего вида храмов Северо-Западной Колхиды:
 1 – Питуонт, храм № 1, 2 – Питуонт, храм № 2, 3 – Питуонт, храм № 3, 4 – Питуонт, храм № 4, 5 – Адлер, храм Овощной – 1.

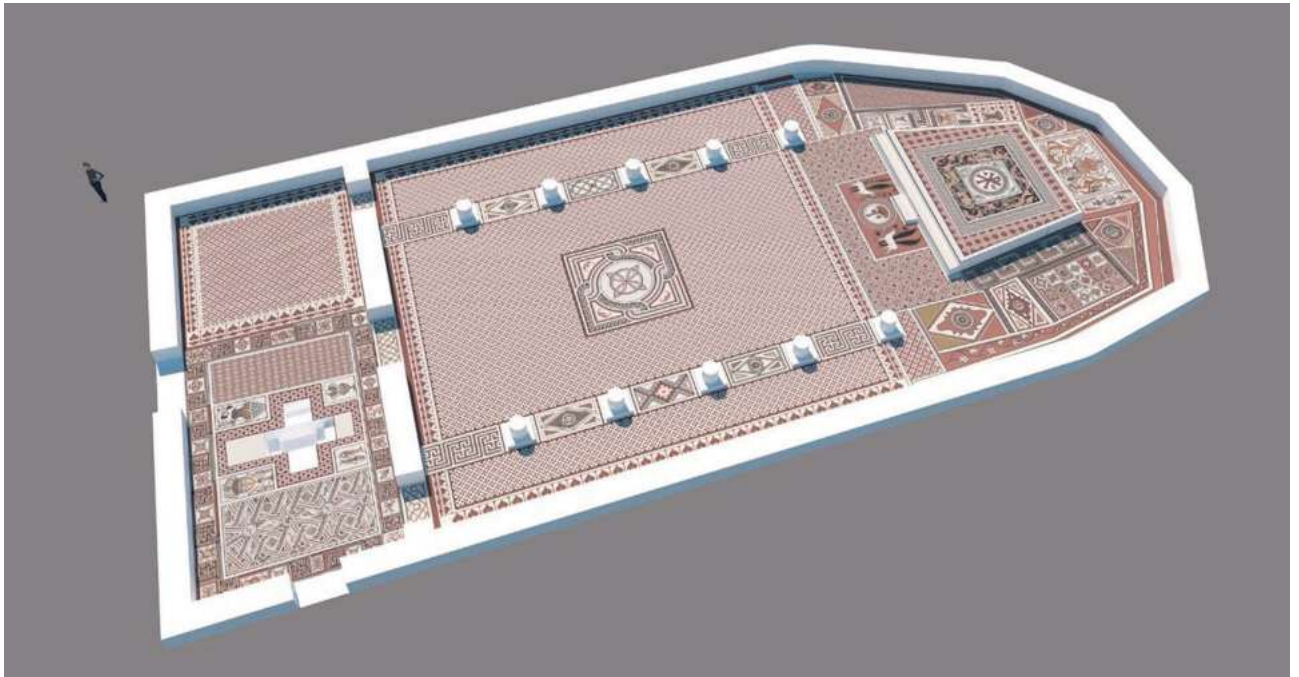

Рис. 47. Вариант реконструкции внешнего вида напольной мозаики храма № 2 римской крепости Питиунт

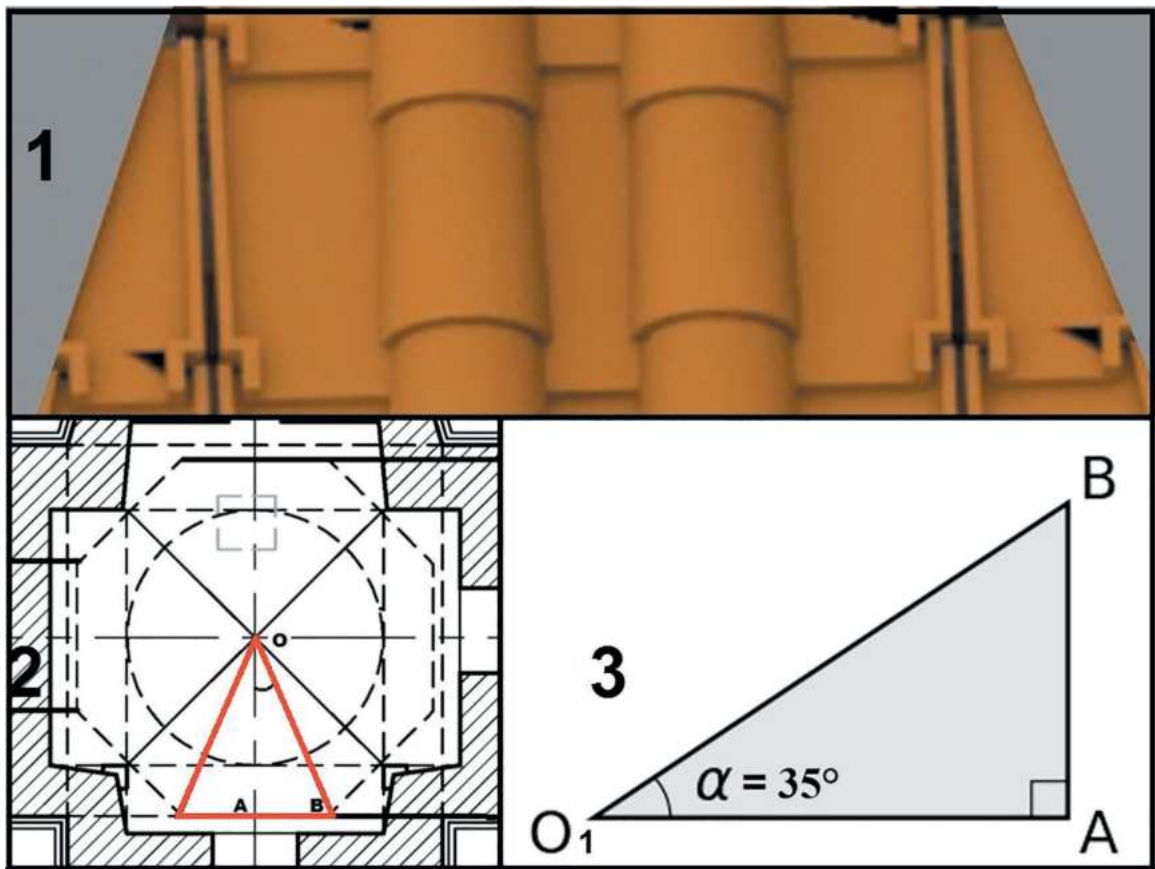

Рис. 48. 1 – подрезка боковых керамид на треугольном сегменте купола. 2 – сегмент основания купола храма; 3 – половина сегмента основания купола OAB

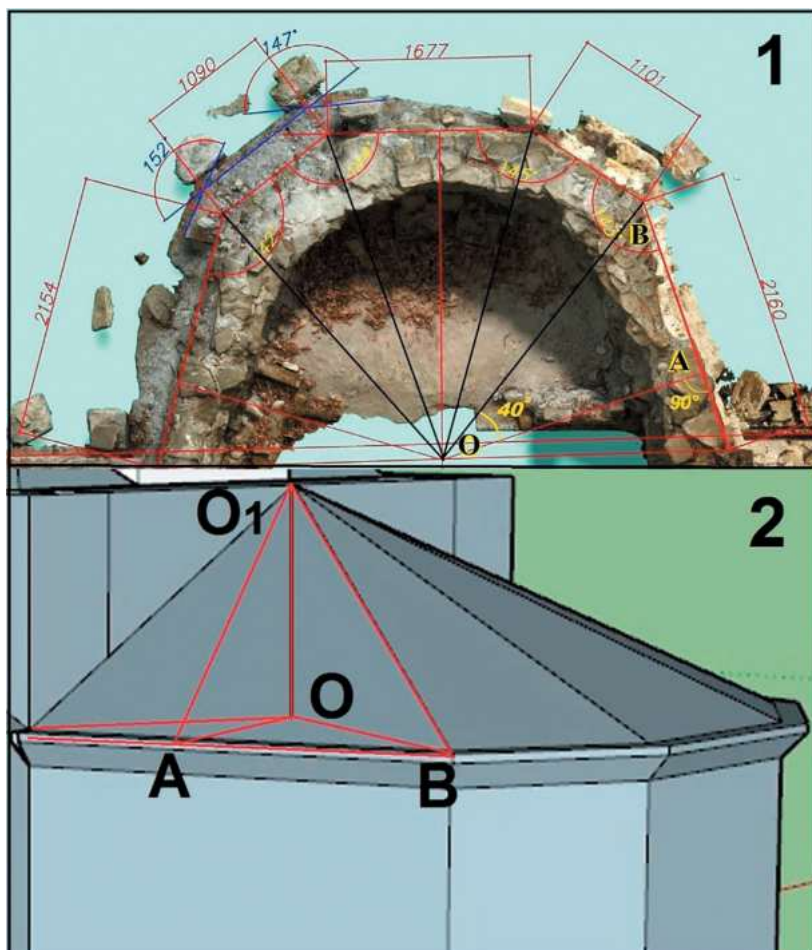

Рис. 49. 1 – сегменты основания кровли апсиды.
2 – аксонометрическая проекция прилежащего к фасаду сегмента апсиды

Рис. 50. Карта памятников Восточной Абхазии, на которых отбиралась плинфа для анализа

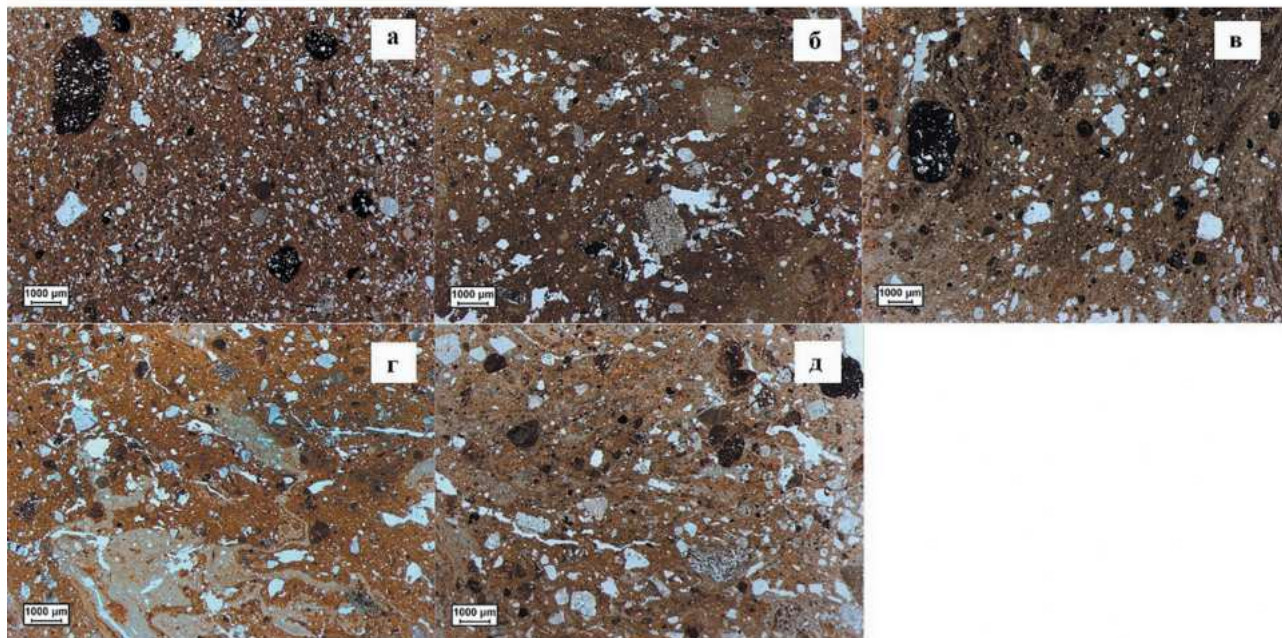
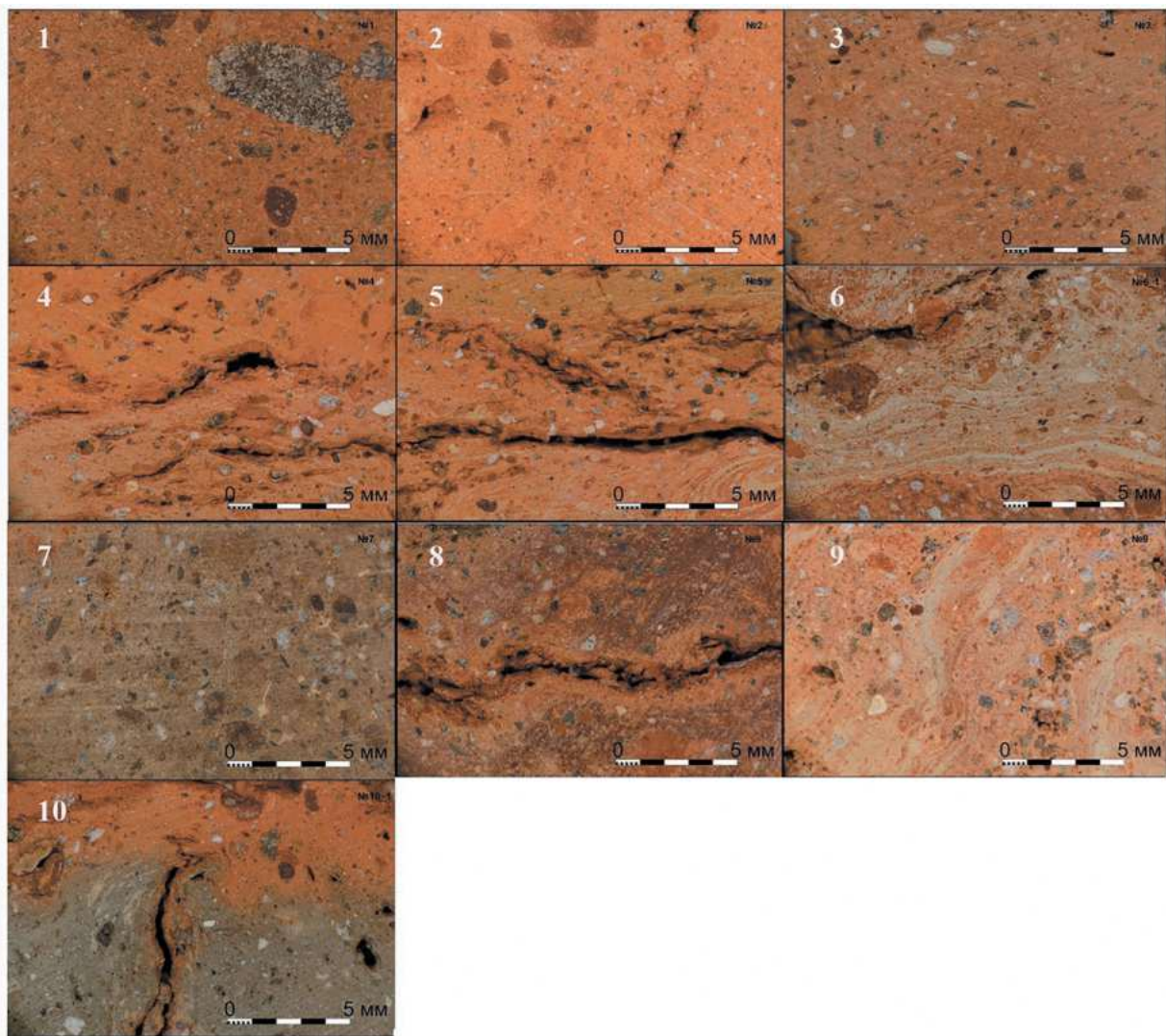

Рис. 51. Макроснимки изломов (1–10 – образцы № 1–10) и микроснимки шлифов (без анализатора) исследованной плинфы (а – № 1, б – № 5, в – № 6, г – № 8, д – № 9)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АБИГИ АНА – Абхазский институт гуманитарных исследований Академии наук Абхазии
- АВЕС – Археологи Восточно-Европейской степи
- АГПУ – Армавирский государственный педагогический университет
- АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
- АО – Археологические открытия
- АЭБ – Археологи и этнографы Башкирии
- ВАА – Вопросы археологии Адыгеи
- ВДИ – Вестник древней истории
- ВолГУ – Волгоградский государственный университет
- ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
- ДК – Древности Кубани
- ЕГР ОКН – Единый государственный реестр объектов культурного наследия
- ИА – Институт археологии
- ИАА – Историко-археологический альманах
- ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
- ИКН – Историко-культурное наследие
- ИМО КФУ – Институт международных отношений Казанского федерального университета
- ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии
- ИФЗ РАН – Институт физики Земли Российской Академии наук
- КАЭЭ ПГГПУ – Камская археолого-этнографическая экспедиция Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
- КГИАМЗ – Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник
- ККО ВООПИК – Краснодарское краевое отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры
- КСИА – Краткие сообщения института археологии
- КубГУ – Кубанский государственный университет
- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
- МАК – Материалы по археологии Кавказа
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
- МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа
- МИГКС – Музей истории города-курорта Сочи
- НИМЗ – Новороссийский исторический музей-заповедник
- НМЦА ЮФУ – Научно-методический центр археологии Южного федерального университета
- ОАК – Отчет Императорской археологической комиссии
- ОПИ – Отдел полевых исследований
- ГИМ – Государственный исторический музей
- ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры
- РА – Российская археология
- РАИМК – Российская Академия истории материальной культуры
- СА – Советская археология
- САИ – Свод археологических источников
- САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
- СНП – Сочинский Национальный парк
- СОНИИ – Северо-Осетинский научно-исследовательский институт
- СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
- ЦРСП – Центр реставрации и сохранения памятников
- ЮРЦАИ – Южный региональный центр археологических исследований

Научное издание

**ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ
В КОНТЕКСТЕ КОНТАКТОВ КУЛЬТУР,
НАРОДОВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

**МАТЕРИАЛЫ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
XI АНФИМОВСКИЕ ЧТЕНИЯ**

Издательство «Традици »
350072, г. Краснодар, ул. Зиповска , 9
Тел.: (861) 277-65-32, 274-08-38
e-mail: id.tradition2006@mail.ru
www.idtrd.ru

Заведующа редакцией *А. А. Шевченко*
Корректор *М. П. Курбанова*
Дизайн, вёрстка *Я. А. Туркина*

Подписано в печать 20.11.2023
Формат 60×90^{1/8}. Гарнитура «SchoolBook».
Бумага офсетна . Печать офсетна .
Усл. печ. л. 38. Тираж 100 экз.
Заказ б/н